КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
ПО ИСТОРІИ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

СОСТАВЛЕННАЯ КРУЖКОМЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

П. Виноградова.

Удостоена большой преміи имени Императора Петра Великаго.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
И ПОСЛѢДНІЙ.

Изданіе второе.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящимъ четвертымъ выпускомъ заканчивается „Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“. Собранныя въ немъ статьи касаются такъ называемаго „Возрожденія“ — перехода отъ средневѣковыхъ началъ къ воззрѣніямъ и быту новаго времени. Борьба въ церкви, новыя движенія въ литературѣ, открытія и изобрѣтенія, перемѣны въ хозяйствѣ этой эпохи могутъ разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія: въ связи съ эволюціей Новой Европы, которая открывается ими, или въ связи съ жизнью XIV и XV вѣковъ, которая породила ихъ. Въ нашемъ сборникѣ всѣ эти явленія характеризуются съ второй точки зрѣнія и какъ бы замыкаютъ кругъ средневѣкового развитія.

LXXII.

Марсилій Падуанскій и Вильгельмъ Оккамъ.

Столкновеніе Людвига Баварскаго съ папой.

Въ XIII столѣтіи, въ лицѣ могущественнѣйшаго изъ папъ, Иннокентія III, церковь праздновала свою высшую побѣду надъ государствомъ. Въ томъ же вѣкѣ величайшій изъ средневѣковыхъ философовъ Ѳома Аквинскій нашелъ наиболѣе совершенную форму для выраженія церковнаго міросозерцанія, окончательно приспособивъ Аристотеля къ потребностямъ господствующей церкви. Когда затѣмъ ближайшіе ученики Ѳомы, Эгидій Римскій и Альваръ Пелагій, провозгласили, что папская власть не имѣетъ вѣса, мѣры и числа и что папа есть не просто человѣкъ, а Богъ и именно Богъ императора,—дальше этого обоготворенія итти было некуда.

Но въ то самое время, когда провозглашали эти крайніе выводы, уже начиналась реакція противъ папскаго всемогущества. Споръ Бонифація VIII съ Филиппомъ IV Красивымъ ознаменовалъ собою начало новаго періода папства. Съ этихъ поръ папскому авторитету наносятся все болѣе и болѣе тяжкіе удары, пока, наконецъ, все это движеніе не закончилось полною побѣдой государства надъ церковью и торжествомъ протестантизма. Свѣтская власть постепенно приходитъ къ сознанію своей силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ все рѣшительнѣе и смѣлѣе становится работа критической мысли, разрушавшей господствующее значеніе средневѣкового католичества. Въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемся уже съ ученіями, которыя безстрашно нападаютъ на самыя основы средневѣковой церкви и подвергаютъ критикѣ ея вѣковыя преданія. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ литературный походъ противъ папства, поводомъ къ которому послужило столкновеніе Людвига Баварскаго съ Іоанномъ

Пособія: *Goldast*, Monarchia Sancti Imperii Romani, II (политич. трактаты Марсилія П. и В. Оккама). *Riezler*, Die Wiedersacher der Päpste zur Zeit Ludwig des Baiers, 1874. *Чичеринъ*, Исторія политич. ученій, I, 1869.

XXII. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ папы не знали оппозиціи болѣе опасной. Во главѣ движенія стояли Марсилій Падуанскій и Вильгельмъ Оккамъ, вооруженные всѣми средствами схоластической учености и принадлежавшие къ числу самыхъ замѣчательныхъ умовъ своего вѣка. Одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Іоанна XXII, Климентъ VI, не безъ основанія говорилъ, что онъ, кромѣ спасенія своей души, ничего не желаетъ въ такой степени, какъ спасенія души и возвращенія въ лоно церкви Вильгельма Оккама. Съ такимъ же основаніемъ онъ утверждалъ, что ему никогда не случалось читать худшаго еретика, чѣмъ Марсилій. Въ этихъ отзывахъ заключается своеобразная оцѣнка значенія двухъ мыслителей, явившихся въ XIV в. самыми сильными противниками папъ.

Поводомъ къ столкновенію папы съ Людвигомъ Баварскимъ послужила распря въ самой Германіи. При избраніи кандидата на императорскій престолъ въ коллегіи курфюрстовъ Людвигъ получилъ пять голосовъ, а остальные два были поданы за Фридриха Австрійскаго. Но послѣдній не захотѣлъ уступить своему противнику и вступилъ съ нимъ въ борьбу, оспаривая у него права на императорскую корону. Когда оба соперника заявили о своихъ правахъ папѣ, послѣдній не высказался опредѣленно объ ихъ избраніи. Однако, онъ назначилъ въ Италію своего намѣстника вмѣсто посланнаго туда Людвигомъ, какъ бы выражая этимъ свое несогласіе признать законнымъ его избраніе въ императоры. Побѣда Людвига надъ Фридрихомъ не уладила вопроса. Іоаннъ требовалъ, чтобы императоръ сложилъ съ себя власть и ждалъ папскаго утвержденія. Людвигъ ссылался на старый обычай, по которому императоръ получаетъ власть съ момента избранія своего курфюрстами, и продолжалъ управлять имперіей, поддерживая въ Италіи своихъ приверженцевъ. Тогда папа отлучилъ императора отъ церкви и наложилъ интердиктъ на его земли. Такъ началась эта борьба, продолжавшаяся со вступленія Іоанна XXII на папскій престолъ въ 1316 году до самой смерти Людвига, послѣдовавшей въ 1347 году при второмъ изъ преемниковъ Іоанна. Императоръ то издавалъ протесты противъ папскихъ интердиктовъ и взывалъ къ вселенскому собору, по примѣру Филиппа IV; то смирялся и посылалъ пословъ къ папѣ, обѣщая подчиниться его волѣ; то предпринималъ походъ въ Римъ и созывалъ соборъ епископовъ для избранія новаго папы; то готовъ былъ порой отказаться отъ престола, чтобы прекратить неурядицу, вызванную борьбою. Но Іоаннъ и его преемники оставались непреклонны и отвѣчали отказомъ на

всѣ попытки примиренія. Еще недавно смирившіеся предъ могуществомъ французскихъ королей, авиньонскіе папы тѣмъ рѣшительнѣе выступали противъ германскихъ императоровъ, что находили себѣ поддержку во Франціи. А между тѣмъ Германія страдала отъ всѣхъ бѣдствій неопредѣленнаго положенія, поставленная между императорскою властью и папскими запретами. Во многихъ мѣстахъ запирались храмы, и прерывались правильныя службы; церковь отказывала въ своемъ благословеніи народу. Тамъ же, гдѣ императорская партія одерживала верхъ надъ папскою, епископы изъ страха, а иногда изъ преданности императору, переходили на его сторону, и интердиктъ нарушался. Въ зависимости отъ колебаній императорской политики и временнаго перевѣса той или другой партіи измѣнялось и отношеніе къ папскимъ распоряженіямъ отдѣльныхъ церковныхъ общинъ. Иногда прежніе сторонники императора переходили на сторону папы, раскаиваясь въ своемъ отступничествѣ и ссылаясь на принужденіе свѣтскихъ властей. Вообще же и народъ, и духовенство находились часто въ крайне затрудненномъ и невозможномъ положеніи, поставленные въ необходимость повиноваться двумъ властямъ, изъ которыхъ одна повелѣвала, а другая запрещала, одна требовала присяги на вѣрность, а другая торжественно давала разрѣшеніе отъ этой присяги. Въ XIV вѣкѣ интердиктъ не утратилъ еще своего значенія, и императоръ испытывалъ самыя серьезныя затрудненія отъ несогласія съ папой. Истомленный долгою борьбой, Людвигъ въ концѣ своего царствованія вновь готовъ былъ на всякія уступки, чтобы только добиться примиренія. Но примиреніе не приходило. За годъ до смерти императора папа Климентъ VI подтвердилъ отлученіе его отъ церкви, все еще недовольный уступками, которыя дѣлалъ Людвигъ. Таковы были внѣшнія условія, вызвавшія новыхъ защитниковъ свѣтской власти на литературную борьбу противъ папскаго престола. Убѣгая отъ преслѣдованій папской куріи, они собирались около Людвига и поддерживали его въ борьбѣ съ папой. Они защищали въ своихъ трактатахъ политику императора, опровергали притязанія папъ и доказывали первенство вселенскихъ соборовъ. Они вносили въ борьбу еще большее ожесточеніе, не разъ навлекая на императора новыя осужденія за покровительство отступникамъ и еретикамъ.

Марсилій.

Однимъ изъ первыхъ прибывшихъ къ Людвигу былъ Марсилій, итальянецъ по происхожденію, называемый обыкновенно, по мѣсту рожденія, Падуанскимъ. Получивъ образованіе въ родномъ городѣ,

гдѣ онъ изучалъ философію и медицину, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи, пробуя свои силы на разныхъ поприщахъ. Крайне подвижной и безпокойный по своему характеру, Марсилій переходилъ изъ одного города въ другой, нѣсколько разъ мѣнялъ занятія, отъ врачебной практики обращался къ военному искусству и, наконецъ, принялъ духовное званіе. Послѣ этого онъ переѣхалъ во Францію, гдѣ посвятилъ себя преподавательской дѣятельности въ Парижскомъ университетѣ. Въ 1312 году онъ получилъ здѣсь почетную должность ректора. Въ Парижѣ Марсилій долженъ былъ притти въ соприкосновеніе съ главнѣйшими представителями ученаго міра и, вѣроятно, здѣсь впервые онъ усвоилъ отрицательное отношеніе къ папскимъ теоріямъ. Парижскій университетъ еще такъ недавно стоялъ на сторонѣ Филиппа Красиваго въ его спорѣ съ папой, и въ немъ были еще свѣжи воспоминанія недавней полемики съ защитниками папскаго авторитета. Будучи профессоромъ Парижскаго университета, Марсилій уже распространялъ свои идеи о несостоятельности папскихъ притязаній. Когда же возгорѣлась война Іоанна XXII съ Людвигомъ, онъ изложилъ свое ученіе въ обширномъ сочиненіи, которому далъ характерное названіе: „Защитникъ мира" („Defensor pacis"). Сочиненіе Марсилія вышло въ 1324 году. Вслѣдъ за этимъ онъ поспѣшилъ къ германскому императору, съ цѣлью поддержать его въ борьбѣ. „Ученые и правители", такъ писалъ онъ въ своемъ трактатѣ, „должны вмѣстѣ бороться противъ губительныхъ послѣдствій папскаго ученія. Было бы несправедливо терпѣть зло, когда имѣешь средства ему противодѣйствовать".

Defensor pacis.

Въ самомъ началѣ сочиненія обнаруживается связь его темы съ событіями дня. Марсилій начинаетъ съ утвержденія, что во всякомъ государствѣ самое желательное есть спокойствіе, а самое вредное — раздоръ. Аристотель, — замѣчаетъ Марсилій, — описалъ многія причины раздора; но послѣ него явилась еще одна, которую древній философъ не могъ предвидѣть. Эту причину онъ и хочетъ раскрыть въ этомъ своемъ сочиненіи, съ цѣлью помочь императору Людвигу возстановить въ имперіи порядокъ и миръ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи разъясняется, что главнымъ зломъ, нарушающимъ миръ европейскихъ государствъ, является ложное понятіе духовенства о своей власти и въ особенности притязанія папъ на право судить и наказывать князей и вообще свѣтскихъ лицъ. Духовенство претендуетъ на принудительную и карательную власть, между тѣмъ какъ Христосъ далъ своимъ ученикамъ только власть

учить, а не принуждать. Марсилій основываетъ свое утвержденіе и на евангельскихъ текстахъ, и на соображеніяхъ общаго характера о непримѣнимости принужденія въ дѣлѣ исполненія евангельскихъ завѣтовъ. Нельзя ввести грѣшника въ царствіе Божіе путемъ насилія. Нельзя и карать его за грѣхи, ибо наказаніе грѣшниковъ принадлежитъ Богу и осуществляется въ будущей жизни. Духовныя лица могутъ только наставлять и увѣщевать, научая людей тому, что нужно дѣлать для полученія вѣчной награды. На этомъ основаніи Марсилій протестуетъ противъ наказаній, налагаемыхъ на еретиковъ, и, такимъ образомъ, вооружается противъ давнишней практики папства, которую еще Августинъ завѣщалъ въ наслѣдіе среднимъ вѣкамъ. Незадолго до Марсилія Ѳома Аквинскій училъ, въ духѣ своей церкви, что еретиковъ слѣдуетъ наказывать смертью. Марсилій возставалъ противъ того, что признавалось въ его время за неоспоримую истину высшими истолкователями католицизма. Въ его идеѣ церковь являлась союзомъ исключительно духовнымъ, надѣленнымъ одними нравственными средствами. Но, высказывая эту идею, Марсилій шелъ въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ средневѣковой церкви, присвоившей себѣ высшее распоряженіе свѣтскимъ мечемъ и постоянно вторгавшейся въ область гражданскихъ отношеній.

Опредѣляя характеръ и границы духовной власти, Марсилій старается ввести въ должные предѣлы и чрезмѣрныя притязанія папъ. Съ помощью текстовъ Св. Писанія онъ старается доказать, что всѣ епископы имѣютъ совершенно одинаковую власть, подобно тому, какъ одинаковою властью пользовались всѣ апостолы. Христосъ не давалъ Петру главенства надъ другими своими учениками. Къ тому же изъ Св. Писанія не видно, чтобы Петръ когда-либо былъ въ Римѣ. Слѣдовательно, для римскаго епископа нѣтъ никакого основанія считать себя его преемникомъ. Для Марсилія преемство папской власти отъ Петра не болѣе, какъ выдумка, а первенство папъ надъ другими епископами—ни на чемъ не основанное притязаніе. Здѣсь Марсилій высказывается со смѣлостью, удивительною въ писателѣ XIV вѣка. По его воззрѣнію, верховная власть въ церковной области должна принадлежать не одному какому-либо епископу и даже не коллегіи епископовъ, а всему обществу вѣрующихъ, или всей церкви. Марсилій повсюду проводитъ ту мысль, что верховная власть должна находиться въ рукахъ народа, который является лучшимъ судьей въ вопросахъ общаго блага. Такіе взгляды высказывались и нѣкоторыми приверженцами

папъ, но только въ отношеніи къ свѣтской области, съ цѣлью умалить значеніе свѣтскихъ правителей. Марсилій распространяетъ свою теорію и по отношенію къ области духовной, утверждая, что и здѣсь высшее право распоряженія принадлежитъ всей церкви. Но такъ какъ всѣхъ вѣрующихъ невозможно созвать въ одно собраніе, то церковь издаетъ законы и объявляетъ свои распоряженія при посредствѣ вселенскаго собора, состоящаго изъ ея представителей. Собору и принадлежатъ тѣ права, которыя присваиваетъ себѣ папа. Только онъ можетъ издавать церковные законы; только онъ можетъ отлучать отъ церкви князей и вообще гражданъ. Марсилій признаетъ, что для охраненія порядка въ собраніяхъ и для исполненія соборныхъ постановленій полезно установленіе верховнаго епископа и что эти обязанности лучше всего поручить римскому епископу, согласно съ старымъ обычаемъ церкви. Но никакихъ иныхъ правъ папа имѣть не можетъ.

Суживая, такимъ образомъ, власть церковнаго союза и предѣлы дѣйствій папъ, Марсилій, конечно, лишь съ осужденіемъ могъ отнестись къ политикѣ Іоанна XXII. Онъ считаетъ незаконными всѣ его дѣйствія по отношенію къ Людвигу и, съ другой стороны, оправдываетъ императора, возставшаго на защиту своей власти. Вообще онъ находитъ неправильнымъ вмѣшательство папы въ избраніе императора. Если онъ избранъ курфюрстами, то папа долженъ его утвердить и короновать, при чемъ этими актами императору не сообщается никакой новой власти: они установлены лишь въ качествѣ торжественной церемоніи. Іоаннъ не имѣлъ также права отлучить Людвига отъ церкви и наложить интердиктъ на его земли: это могъ сдѣлать только соборъ. Дѣйствія папы производятъ лишь смуты и нарушаютъ миръ, и противъ нихъ слѣдуетъ бороться всѣми силами.

Все это обсуждается и излагается у Марсилія съ большой обстоятельностью. Доводы за и противъ повсюду приводятся въ большомъ обиліи. Несмотря на то, что сочиненіе написано въ два мѣсяца и по частному случаю, оно представляетъ собою солидное изслѣдованіе, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ схоластической эрудиціи. Чрезъ тяжеловѣсную форму изложенія вездѣ проглядываетъ живая и оригинальная мысль смѣлаго новатора.

Марсилій посвятилъ свое сочиненіе Людвигу Баварскому и затѣмъ самъ отправился къ нему, чтобы руководить его дѣйствіями въ борьбѣ съ папой. Ему дѣйствительно удалось, хотя и не надолго, пріобрѣсть вліяніе на императора, который сдѣлалъ его сво-

имъ лейбъ-медикомъ и ближайшимъ совѣтникомъ. Но ученіе Марсилія было слишкомъ ново и слишкомъ радикально для своего времени. Папскія проклятія не замедлили возвѣстить о впечатлѣніи, которое было произведено сочиненіями Марсилія въ Авиньонѣ. Людвигъ вскорѣ долженъ былъ отречься отъ теорій своего ученаго совѣтника, какъ отъ еретическихъ заблужденій. Даже товарищи Марсилія по оппозиціи папамъ находили иные взгляды его крайними и еретическими.

Въ смыслѣ практическаго вліянія на общество гораздо болѣе опасны для папъ были сочиненія Вильгельма Оккама, который вездѣ искалъ среднихъ путей и, однакоже, постоянно стремился указать границы для дѣйствій духовной власти. Оккамъ.

Родомъ изъ Англіи, Вильгельмъ Оккамъ, подобно Марсилію Падуанскому, занимался сначала преподаваніемъ въ Парижскомъ университетѣ, подобно ему, онъ примкнулъ еще здѣсь къ партіи противниковъ папы. Но во время своей университетской дѣятельности Оккамъ прославился, главнымъ образомъ, какъ философъ, возродивъ ученіе номиналистовъ. На этотъ разъ номинализмъ, отвергнутый прежде церковью и схоластическими авторитетами, выступаетъ въ новой роли и употребляется для защиты церковнаго ученія. Реалисты, отстаивая соотвѣтствіе общихъ понятій разума съ дѣйствительностью, утверждали, что въ этихъ понятіяхъ могутъ быть для насъ раскрыты и высшія реальности, составляющія предметъ вѣры. На этомъ основано было ихъ убѣжденіе въ возможности притти къ религіознымъ истинамъ путемъ разума. Но работа разума, даже направляемаго церковнымъ вѣроученіемъ, не всегда оказывалась безопасною для принятаго церковью пониманія догматовъ. Являлись несогласія, противорѣчія, отступленія. Это породило сомнѣніе въ возможности согласовать разумъ съ вѣрой. Отъ этого сомнѣнія и отправляется номинализмъ XIV вѣка. Вопреки утвержденіямъ реализма, онъ учитъ, что общимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ ничто въ дѣйствительности, что разумъ можетъ познавать только единичныя явленія и неспособенъ къ постиженію религіозныхъ началъ, которыя раскрываются только вѣрѣ при посредствѣ откровенія. Такова была форма, которую получилъ номинализмъ у Оккама и его послѣдователей. Въ этомъ видѣ номиналистическое ученіе съ успѣхомъ боролось теперь съ реализмомъ и вскорѣ отняло у него значеніе доктрины, покровительствуемой церковью.

Вильгельмъ Оккамъ пріобрѣлъ уже самую большую славу, какъ возобновитель номинализма, когда ему пришлось выступить на по-

пришлѣ литературной борьбы съ папами. Первымъ поводомъ къ этому послужило столкновеніе Францисканскаго ордена, къ которому онъ принадлежалъ, съ папой Іоанномъ XXII. Этотъ орденъ нищенствующихъ монаховъ требовалъ отъ своихъ членовъ отреченія отъ всякой собственности, видя въ этомъ путь къ нравственному совершенству, указанный Христомъ и апостолами. И прежде это требованіе подвергалось различнымъ истолкованіямъ и возбуждало споры, которые часто восходили на разрѣшеніе папъ. Когда подобный споръ возникъ при Іоаннѣ XXII, онъ высказался противъ утвержденія францисканцевъ, что Христосъ и апостолы не имѣли никакой собственности, доказывая, что пользованіе необходимыми для жизни вещами не можетъ быть отдѣлено отъ собственности, и что, поэтому, полное отреченіе отъ всѣхъ имущественныхъ благъ не могло быть заповѣдано Христомъ. Ученіе францисканцевъ было объявлено еретическимъ. Тогда францисканцы, видя со стороны папы отрицаніе ученія, на которомъ покоился весь порядокъ ихъ жизни, сами обвинили его въ ереси и апеллировали къ вселенскому собору. Между папой и орденомъ завязалась борьба, въ которой Вильгельмъ Оккамъ принялъ самое дѣятельное участіе. Папа отлучилъ, наконецъ, протестующихъ монаховъ отъ церкви, и въ 1328 году они должны были спасаться отъ его преслѣдованій бѣгствомъ. Это привело ихъ къ Людвигу Баварскому. Съ этихъ поръ Оккамъ провелъ остальные годы своей жизни въ резиденціи германскаго императора, Мюнхенѣ, всецѣло предавшись дѣлу литературной борьбы съ папскимъ престоломъ. Онъ изучилъ здѣсь всѣ сочиненія папскихъ противниковъ, и въ теченіе двадцати лѣтъ неутомимо трудился надъ обработкой собственныхъ взглядовъ, выпустивъ за это время цѣлый рядъ обширныхъ изслѣдованій о природѣ духовной власти, объ отношеніи ея къ свѣтскимъ властямъ и о другихъ вопросахъ средневѣковой политики.

Ученіе Оккама.

Въ своей борьбѣ съ папскими теоріями Оккамъ выступаетъ, прежде всего, въ качествѣ защитника христіанской вѣры. Это та же точка зрѣнія, которую мы отмѣтили въ его философскихъ воззрѣніяхъ. „Никакія угрозы, испытанія и опасности, ничто не можетъ отвратить насъ отъ защиты христіанской религіи, за которую мы привыкли нести всякія тягости и страданія“,—писалъ Оккамъ о себѣ и своихъ товарищахъ. Споръ Іоанна съ францисканцами совершенно разрушилъ въ Оккамѣ вѣру въ папскую непогрѣшимость. Онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ защищать противъ папы истинный духъ евангельскаго ученія. Отправившись отъ

богословскаго спора съ папой, онъ перешелъ затѣмъ къ разсмотрѣнію всѣхъ притязаній средневѣкового папства. Онъ не могъ уже, конечно, принять теоріи папскаго всемогущества и повсюду старался ввести духовную власть въ болѣе тѣсные предѣлы. Однако, мы не находимъ у Оккама того строгаго разграниченія свѣтской и духовной областей, которое дѣлалъ Марсилій Падуанскій. Оккамъ допускаетъ даже вмѣшательство церкви въ свѣтскія дѣла, хотя только въ случаяхъ крайней необходимости, когда свѣтская власть забываетъ о своихъ обязанностяхъ. Но обычнымъ и естественнымъ порядкомъ онъ все-таки считаетъ тотъ, когда обѣ власти дѣйствуютъ раздѣльно. Христосъ раздѣлилъ обѣ власти, чтобы соединяющій ихъ не возгордился и чтобы мірскія заботы не мѣшали духовному служенію. Поэтому духовная власть ограничивается церковными дѣлами и можетъ предписывать только то, что необходимо для спасенія душъ. Если при бездѣйствіи свѣтскихъ властей она и должна заботиться объ общемъ благѣ, то, съ другой стороны, и свѣтскіе правители при нерадѣніи духовенства могутъ вмѣшиваться въ церковную область и прекращать возникающіе въ ней безпорядки. Такъ, напримѣръ, свѣтскій князь можетъ предать суду папу, повиннаго въ ереси, если этого не дѣлаетъ духовенство.

Эта теорія взаимнаго восполненія двухъ властей въ случаѣ бездѣйствія одной изъ нихъ не отличалась, конечно, большою опредѣленностью. Оккамъ не рѣшается отмежевать для духовной власти исключительно церковную область, дѣлая такимъ образомъ уступку средневѣковому воззрѣнію. Но зато онъ надѣляетъ и свѣтскую власть правомъ вмѣшательства въ церковныя дѣла, уравнивая ее въ этомъ отношеніи съ духовною. При всей своей умѣренности это ученіе совершенно подрываетъ теорію полновластія и независимости папъ.

Что касается главенства папъ надъ другими епископами, то и здѣсь Вильгельмъ Оккамъ держится точки зрѣнія болѣе умѣренной. Вопреки мнѣнію Марсилія Падуанскаго, онъ думаетъ, что Христосъ дѣйствительно установилъ единаго главу церкви въ лицѣ Петра, законными преемниками котораго являются римскіе епископы. Но Христосъ, прибавляетъ онъ, не отнялъ у церкви права измѣнять форму своего устройства, соотвѣтственно потребностямъ времени. Церковное единство, охраняемое папой, можетъ охраняться и общею дѣятельностью епископовъ. Въ случаѣ нужды церковь можетъ перейти и къ этому устройству, уничтоживъ главенство папъ. Такимъ образомъ, для Оккама папство не болѣе, какъ

временное учрежденіе, которое, въ случаѣ необходимости, можетъ быть и отмѣнено. Держась среднихъ путей, онъ все-таки приходитъ къ мнѣніямъ, разрушающимъ самыя основы средневѣкового католичества.—Неутомимый борецъ на литературномъ поприщѣ, Оккамъ являлся сильнѣйшимъ противникомъ папъ. Свѣтская власть имѣла въ немъ самаго дѣятельнаго сторонника. На защиту Людвига онъ писалъ обширные трактаты, отстаивая правомѣрность его дѣйствій.

Но въ вѣкъ Людвига Баварскаго и его сподвижниковъ еще не пришло время для побѣды новыхъ началъ надъ теоріями средневѣкового папства. Императоръ умеръ, истомленный борьбой съ папами, и уступилъ свое мѣсто покорному приверженцу папскаго престола Карлу IV; Марсилій Падуанскій окончилъ свою жизнь въ неизвѣстности, лишившись вліянія на дѣла; Оккамъ передъ смертью выражалъ желаніе примириться съ папой. Но тѣмъ началамъ, которыя они защищали, принадлежало будущее. Важно было то, что въ средѣ самого духовенства появились лица, столь рѣшительно выступавшія противъ папъ, что исконныя притязанія папства начинали подвергаться серьезной критикѣ. Это было предзнаменованіемъ новой эпохи, готовившейся разрушить господствующее значеніе средневѣковой церкви.

П. Новгородцевъ.

LXXIII.

Джонъ Уиклиффъ.

Біографія.

Если вообще ранніе годы жизни средневѣковыхъ писателей скрываются въ туманѣ, который самыя кропотливыя разысканія не могутъ разсѣять, то въ особенности это можно сказать о первыхъ страницахъ біографіи Джона Уиклиффа. Годъ рожденія англійскаго реформатора, годы его дѣтства и юности, дѣтскихъ игръ и университетскаго ученія, первые самостоятельные шаги на жизненномъ пути, все это—пункты, о которыхъ ученые спорили и продолжаютъ спорить, не приходя къ одному опредѣленному и окончательному рѣшенію. Поэтому многое изъ того, что придется сообщить здѣсь о жизни Уиклиффа, болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

Годъ рожденія Уиклиффа совершенно неизвѣстенъ. Основываясь на томъ фактѣ, что умеръ Уиклиффъ въ 1384 году въ преклонномъ возрастѣ, разбитый параличомъ, предполагаютъ, что родился онъ около 1320 года. Мѣстомъ рожденія его считаютъ деревню Ipreswell (теперь Hipswell) въ окрестностяхъ Ричмонда (въ Йоркширѣ); происходилъ онъ изъ семейства, владѣвшаго помѣстьемъ

Пособія: *Fasciculi Zizaniorum Magistri Johannis Wyclif.* Ed. Rev. W. W. Shirley. London. 1858 (изъ серіи Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores). *Chronicon Angliae* Auctore Monacho quodam Sancti Albani. Ed. Edw. M. Thompson. London. 1874 (изъ той же серіи). *The English Works of Wyclif* hitherto unprinted Ed. by F. D. Matthew. London. 1880 (Early English Text Society). *Wycliffe and Movements for Reform*, by Reginald Lane Poole. London. 1889 (Epochs of Church History). *Constitutional History of England*, by *W. Stubbs*, v. II. *John Wyclif and dis English Precursors*, by prof. Lechler. Transl. by P. Lorimer. Vols I—II. London. 1878.

(манором) Wycliffe-on-Tees. По обычаю того времени, Уиклиффъ очень молодымъ отправился въ Оксфордъ. Хотя при многихъ тысячахъ академическаго населенія Оксфордскій университетъ состоялъ тогда только изъ пяти небольшихъ коллегій, въ которыхъ могло жить только весьма ограниченное число студентовъ (остальные были экстерны), тѣмъ не менѣе есть основанія предполагать, что въ одной изъ этихъ коллегій (именно въ коллегіи, основанной Балліолями, въ такъ называемой Balliol College) нашлось мѣсто и для Уиклиффа. Здѣсь прошелъ онъ университетскій курсъ: четыре года посвятилъ онъ словеснымъ наукамъ—грамматикѣ, риторикѣ и логикѣ—и по истеченіи этого времени получилъ степень баккалавра искусствъ, и три года посвятилъ точнымъ наукамъ—ариѳметикѣ, музыкѣ, геометріи и астрономіи,—послѣ чего былъ награжденъ степенью магистра искусствъ (magister artium).

Между 1356 и 1360 годами Уиклиффъ, уже fellow of Balliol[1]), былъ избранъ начальникомъ Балліолевской коллегіи (Master of Balliol). Въ 1361 году онъ получилъ отъ коллегіи приходъ Филлингэмъ (Fillingham) въ Линкольнширѣ и, вѣроятно, на нѣкоторое время оставилъ Оксфордъ. Въ 1363 году онъ вернулся и до 1365 года включительно жилъ въ Queen's College, снимая здѣсь комнату. Въ 1368 году онъ получилъ отъ линкольнскаго епископа позволеніе не жить въ своемъ приходѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, чтобы „посвятить себя изученію наукъ въ Оксфордѣ". Почти непосредственно послѣ этого Уиклиффъ получилъ приходъ Ludgarshall въ графствѣ Бэксъ, и такъ какъ эта мѣстность находилась на разстояніи какихъ-нибудь пятнадцати миль отъ Оксфорда, то весьма вѣроятно, что Уиклиффъ могъ совмѣщать обязанности приходскаго священника съ научными занятіями въ Оксфордѣ.

Въ это время Уиклиффъ былъ уже вліятельнымъ лицомъ не только въ Оксфордѣ, но и при дворѣ. Въ 1366 году папа Урбанъ V потребовалъ отъ англійскаго короля уплаты огромной суммы денегъ. Іоаннъ Безземельный, какъ извѣстно, призналъ себя вассаломъ папы и обязался за себя и за своихъ преемниковъ уплачивать римскому первосвященнику ежегодную подать въ тысячу марокъ. Эдуардъ III не посылалъ этой дани уже тридцать три года. Какъ онъ, такъ и англійскій народъ совершенно забыли свою зависимость отъ римскаго престола. Еще не прошло и трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ чувства ихъ къ Риму довольно ясно вырази-

---

[1]) Fellow—членъ коллегіи.

лись въ знаменитомъ статутѣ Praemunire (изданномъ въ 1353 г.), который грозилъ объявленіемъ внѣ закона, лишеніемъ собственности и заключеніемъ въ тюрьму всякому, кто вздумаетъ обходить англійскіе суды и переносить свои дѣла въ папскіе трибуналы. Папа Урбанъ V не обратилъ на это вниманія. Не хотѣлъ онъ знать и того, что въ глазахъ англичанъ онъ, авиньонскій плѣнникъ,—не столько видимый глава христіанской церкви, сколько несомнѣнный представитель интересовъ враждебнаго имъ народа. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что парламентъ, созванный въ маѣ 1366 года, наотрѣзъ отказался платить недоимку. „Ни король Іоаннъ, ни какой-либо другой король,—былъ отвѣтъ парламента,—не имѣлъ права отдавать въ подданство себя, свое королевство и свой народъ безъ соизволенія и согласія парламента". Іоаннъ подчинился папѣ „безъ согласія народа и въ противность своей коронаціонной присягѣ". Свѣтскіе лорды заявили при этомъ, что если папа вздумаетъ силою отстаивать свои притязанія, они будутъ сопротивляться ему до конца. Съ этихъ поръ никогда уже не было слышно о притязаніяхъ римскаго престола на сюзеренитетъ надъ Англіей и на ежегодную дань.

Трактатъ de dominio.

Инцидентъ этотъ выдвинулъ Уиклиффа. Неизвѣстно, принималъ ли онъ какое-либо участіе въ рѣшеніи майскаго парламента, но что онъ вполнѣ сочувствовалъ такому рѣшенію, объ этомъ у насъ есть ужъ совершенно безспорное свидѣтельство: Уиклиффъ публично выступалъ защитникомъ парламента. Какой-то монахъ протестовалъ противъ парламентскаго рѣшенія, утверждая, что англійскій король, отказавшись платить папѣ ежегодную подать, за которую онъ держалъ отъ папы англійское королевство согласно договору Іоанна, тѣмъ самымъ терялъ право на управленіе Англіей. „Въ качествѣ королевскаго капеллана (peculiaris regis clericus talis qualis) я охотно беру на себя обязанность отвѣчать", читаемъ въ возраженіи, написанномъ Уиклиффомъ на эти заявленія анонимнаго автора. Судя по этимъ словамъ, можно утверждать, что документъ этотъ (*„Determinatio quaedam de dominio"*) имѣетъ вполнѣ оффиціальный характеръ. Основная мысль трактата—взглядъ, что государство имѣетъ власть лишать церковь ея владѣній въ случаѣ нужды. Мысль эту Уиклиффъ проводитъ въ формѣ рѣчей, произнесенныхъ „въ нѣкоторомъ совѣтѣ" семью лордами противъ уплаты требуемой папой подати. Не слѣдуетъ думать, что эти рѣчи дѣйствительно были произнесены въ майскомъ парламентѣ: это просто литературная форма. Трактатъ этотъ является первымъ литературнымъ

выраженіемъ идей Уиклиффа объ отношеніи церкви и государства; это первая извѣстная намъ ступень въ развитіи этихъ идей. Вотъ что говоритъ Уиклиффъ устами выводимыхъ имъ лордовъ: „Никакая подать или рента не можетъ быть платима никому, кромѣ тѣхъ, кто имѣетъ на нее право"; нельзя, слѣдовательно, платить ее и папѣ: „вѣдь папа долженъ болѣе всѣхъ другихъ быть послѣдователемъ Христа, а Христосъ не хотѣлъ быть обладателемъ гражданской власти; не долженъ, поэтому, быть имъ и папа". Въ такой формѣ высказываетъ здѣсь Уиклиффъ идею о евангельской бѣдности, какъ естественномъ состояніи духовенства. Папа, заявляетъ одинъ изъ лордовъ, въ качествѣ раба рабовъ Господнихъ (servus servorum Dei) имѣетъ право на полученіе только тѣхъ налоговъ, которые являются вознагражденіемъ за службу (ministerium) съ его стороны, а „мы знаемъ по опыту", что мы не получаемъ ни тѣлесной, ни духовной помощи ни отъ папы, ни отъ кардиналовъ; напротивъ, папа... помогаетъ нашимъ врагамъ деньгами, расположеніемъ своимъ и совѣтомъ; поэтому мы должны отнять у него эту пенсію („cum non aedificat regnum nostrum nec spiritualiter nec corporaliter, sed... comfirmat pecunia, favore et consilio inimicos, videtur quod debemus provide praemissam pensionem subtrahere"). Далѣе Уиклиффъ выражаетъ мысль, что папа теряетъ право на владѣніе царствомъ, если онъ впалъ въ смертный грѣхъ. Съ другой стороны, если міряне будутъ удерживаться отъ смертнаго грѣха и будутъ давать изъ своего богатства, что слѣдуетъ бѣднымъ, то они получаютъ право владѣть царствомъ, держать свое королевство непосредственно отъ Христа, ибо Онъ — главный лордъ (сюзеренъ), отъ котораго держатъ всѣ на землѣ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Уиклиффа, *власти* (dominium) должна соотвѣтствовать *служба* (ministerium), а сама власть основана на благодати.

Далѣе Уиклиффъ доказываетъ, что притязаніе папы на сюзеренитетъ въ отношеніи къ церковной собственности наноситъ ущербъ правамъ короля, потому что такимъ путемъ третья часть земли въ Англіи должна оказаться внѣ власти короля; вѣдь не можетъ быть двухъ лордовъ на одной и той же территоріи, такъ какъ только одинъ изъ двухъ можетъ быть дѣйствительнымъ сюзереномъ; а такимъ сюзереномъ долженъ быть король. Такъ какъ ясно изъ всего этого, что папа держитъ отъ короля, то онъ долженъ принести королю феодальную присягу и обязанъ нести службу за свое держаніе, и если онъ не дѣлаетъ этого, то теряетъ всѣ права, и обя-

занность платить ему подать прекращается. Передача королемъ Іоанномъ своей страны папѣ въ качествѣ платы за освобожденіе его отъ отлученія, а страны отъ интердикта, сама по себѣ была симоніей, утверждаетъ Уиклиффъ, и потому не имѣетъ законной силы.

Вопросъ о провизіяхъ.

Около 1370 года (вѣроятно) Уиклиффъ получилъ степень доктора богословія. Положеніе его въ Оксфордѣ было очень высокое, если не совсѣмъ исключительное, что признаютъ и его злѣйшіе враги. Читая лекціи, Уиклиффъ въ то же время имѣлъ приходъ Лэдгарзголлъ (Ludgarshall) и вліятельное положеніе при дворѣ, гдѣ онъ, весьма возможно, занималъ еще должность капеллана. Два факта свидѣтельствуютъ о томъ вниманіи и значеніи, какими онъ пользовался при дворѣ. Въ началѣ апрѣля 1374 года распоряженіемъ короля онъ былъ назначенъ настоятелемъ прихода Лэттеруорзъ (Lutterworth) въ Лестерскомъ графствѣ. Въ іюлѣ того же года онъ былъ назначенъ однимъ изъ комиссаровъ, которыхъ король посылалъ въ Брюгге для переговоровъ съ уполномоченными папы; его имя стоитъ вторымъ въ спискѣ членовъ комиссіи непосредственно послѣ имени епископа Бангорскаго; содержаніе, которое онъ получалъ въ качествѣ члена комиссіи, равнялось 20 шил. въ день. Предметомъ совѣщаній въ Брюгге былъ старый вопросъ о такъ называемыхъ „провизіяхъ“, т. е. о правѣ папы назначать своихъ кандидатовъ на церковныя должности въ Англіи. Какъ извѣстно, статутъ 25 года царствованія Эдуарда III-го (Statute of Provisors 25 Edw. III. Stat IV. A. D. 1351) грозитъ тюремнымъ заключеніемъ всякому, получающему отъ папы „провизіи“; получившіе ихъ должны были передать свои мѣста королю и лишались права занимать мѣста болѣе высокія.

Статутъ этотъ оставался мертвою буквой. Король и папа, въ обходъ статуту, выработали систему, удобную для нихъ обоихъ. Когда, напримѣръ, епископская каѳедра оставалась вакантною, король посылалъ капитулу [1]) разрѣшеніе приступить къ избранію новаго епископа, а одновременно съ этимъ или непосредственно послѣ этого отправлялъ капитулу письмо, указывая въ немъ лицо, которое онъ согласился бы утвердить, будь оно избрано капитуломъ; въ то же время король письмомъ просилъ папу назначить это лицо епископомъ въ силу папской provisio. Желаніе короля

[1]) Капитулъ — корпорація изъ духовенства каѳедральнаго собора (церковь съ коллегіальнымъ устройствомъ).

исполнялось какъ капитуломъ, такъ и папой; по этому поводу папа Климентъ VI сказалъ (въ 1345 г.): „Если король англійскій станетъ просить за осла, чтобы его сдѣлали епископомъ, мы не должны сказать ему: нѣтъ". За это папы удержали исключительно за собою право назначать на вакантныя каѳедры путемъ перемѣщенія.

Послѣ долгихъ споровъ, ведшихся письменно, въ 1374 г. состоялся конгрессъ въ Брюгге для рѣшенія общаго вопроса. Переговоры, которые со стороны Англіи вели епископъ Бангорскій Джилбертъ и Уиклиффъ, тянулись отъ іюля 1374 г. по сентябрь 1375 г. Конгрессъ этотъ не привелъ, повидимому, ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ и въ сущности оставилъ все попрежнему, если даже не увеличилъ власти папы въ Англіи. Все, что извѣстно объ этихъ результатахъ, заключается въ слѣдующемъ: въ 1375 г. папа Григорій X объявилъ недѣйствительными назначенія, сдѣланныя имъ и его предшественникомъ (Урбаномъ V) противъ желанія короля, а въ 1377 г. Эдуардъ III объявилъ, что такъ какъ онъ самъ отказался отъ нѣкоторыхъ случаевъ патроната, вліянія на замѣщеніе церковныхъ должностей, то и папа устно согласился во время переговоровъ въ Брюгге воздерживаться отъ резервацій [1]) и допустить свободное избраніе на епископскія каѳедры. Но это обѣщаніе, подобно всѣмъ предыдущимъ, такъ и осталось обѣщаніемъ. Въ интересахъ короля было оставить все попрежнему: онъ могъ очень удобно примирять свои личные интересы съ интересами папы; интересы англійскаго народа могли бы только мѣшать этому. Члены конгресса были вознаграждены повышеніями и бенефиціями: епископъ Джилбертъ былъ перемѣщенъ въ Герефордскую каѳедру; Уиклиффу дали пребенду (т. е. доходы съ прихода) Aust въ коллегіальной церкви въ Уэстбэри (Westbury-on-Trim), но черезъ двѣ недѣли онъ отказался отъ нея, не желая, можетъ быть, являться совмѣстителемъ. Съ этихъ поръ и до конца жизни Уиклиффъ оставался настоятелемъ въ Lutterworth'ѣ, читалъ лекціи по богословію въ Оксфордѣ, часто посѣщалъ Лондонъ и говорилъ здѣсь проповѣди, которыя, даже по отзыву его враговъ, производили сильное впечатлѣніе на знать и на горожанъ.

Джонъ Гентскій.

При дворѣ Уиклиффъ сошелся со вторымъ сыномъ короля, Джономъ, герцогомъ Ланкастерскимъ, такъ называемымъ Джономъ Гентскимъ (John of Gaunt). Джонъ Гентскій, имѣвшій огромное влія-

[1]) Назначеніе папой преемника еще живому духовному лицу.

ніе на дѣла государства, былъ главой партіи, стремившейся уменьшить политическое вліяніе духовенства и воспользоваться въ интересахъ государства несмѣтными богатствами англійской церкви. Еще задолго до выступленія Уиклиффа на арену публицистической дѣятельности при дворѣ зародилось сильное антицерковное настроеніе и возникла сильная партія, враждебно и завистливо относившаяся къ вліянію церкви въ соціальной жизни и преобладанію духовенства въ администраціи. Столѣтняя война могла только усилить это настроеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ англійскій народъ, можно сказать, стоналъ подъ бременемъ все новыхъ и новыхъ налоговъ на военныя надобности, духовенство всѣми силами старалось оградить свои богатства отъ рукъ государственнаго казначейства. Антицерковная партія при дворѣ весьма была склонна протянуть руку антицерковному движенію среди народа, вызванному въ сущности тѣми же фактами, но только другою ихъ стороной. Богатства, скопившіяся постепенно въ рукахъ духовенства, давали высшимъ представителямъ церкви возможность вести роскошную жизнь со всѣми ея мірскими соблазнами, отвлекая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ отъ ихъ прямыхъ задачъ—словомъ и примѣромъ вести души пасомыхъ къ спасенію; ордена нищенствующихъ монаховъ давнымъ давно забыли объ исключительно духовныхъ цѣляхъ, поставленныхъ имъ ихъ основателями, и только и дѣлали, что всякими способами пріумножали свои огромныя земельныя владѣнія и движимыя сокровища, открыто домогаясь изъятія отъ національнаго обложенія; жадный, обжорливый и развратный монахъ сталъ весьма популярнымъ персонажемъ сатирически-обличительныхъ произведеній. Потребность нравственной реформы была ощутительна для многихъ.

Съ такимъ настроеніемъ среди народа антицерковная партія при дворѣ ничего общаго не имѣла. Напротивъ того, она всѣми силами противилась нравственной реформаціи. Она готова была поддерживать религіозное недовольство только до тѣхъ поръ, пока оно выполняло только отрицательную часть своей програмы, пока оно нападало на церковь за ея богатства, ведущія къ извращенію ея задачъ.

Не удивительно, что между Уиклиффомъ и Джономъ Гентскимъ произошло сближеніе: для Джона Гентскаго, въ головѣ котораго, по словамъ историка англійской конституціи, проблема объ отношеніи церкви и государства превратилась въ задачу, какъ лучше ограбить богатыхъ церковниковъ въ свою пользу, Уиклиффъ съ

его ученіемъ, что церковныя имущества есть нововведеніе и тормазъ, препятствующій церкви осуществлять свои духовныя цѣли, являлся совершеннѣйшею находкой, человѣкомъ, которому онъ готовъ былъ оказать всяческое содѣйствіе и покровительство. Для совершенно обнаженныхъ поползновеній являлось чрезвычайно удобное покрывало, для не вполнѣ благовидной практики являлась вполнѣ серьезная теорія, къ тому же высказываемая человѣкомъ съ чрезвычайно высокою репутаціей. Что касается Уиклиффа, то возможно предположить, что онъ не вполнѣ ясно видѣлъ истинныя намѣренія своего покровителя. Вотъ какими словами характеризуетъ проф. Шэрли это сближеніе. „Ланкастеръ, цѣлью котораго было унизить церковь, нашелъ себѣ страннаго союзника въ лицѣ Уиклиффа, стремившагося очистить церковь. Вѣрный другъ нищенствующихъ монаховъ, не разъ выбиравшій духовниковъ своихъ изъ среды богослововъ, противниковъ Уиклиффа, почти съ симпатіей взиравшій на римскую курію, такъ какъ видѣлъ въ ней естественный противовѣсъ власти англійскихъ епископовъ, безнравственный въ частной жизни, узкій и безсовѣстный политикъ,— онъ нашелъ для себя самую прочную, самую цѣнную поддержку въ лицѣ священника безупречнаго характера, заклятаго врага нищенствующихъ, политическіе взгляды котораго стояли выше интриги, очень часто выше здравой дѣйствительности, и поднимались до самаго возвышеннаго идеализма. Ланкастеръ, феодалъ до мозга костей, ненавидѣлъ чиновничью спесь прелатовъ и съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, что они захватили значительную долю свѣтской власти. Уиклиффъ мечталъ вернуть духовенству давно утраченную имъ апостольскую чистоту путемъ возврата къ апостольской бѣдности. При столь противоположныхъ исходныхъ пунктахъ и при цѣляхъ, столь противорѣчивыхъ, они сходились въ стремленіи уменьшить богатство и унизить гордость англійской іерархіи" (Shirley, Fasciculi Zizaniorum, Introduction, p. XXVI).

Если для Уиклиффа, можетъ быть, не вполнѣ были ясны истинныя намѣренія герцога Ланкастерскаго, то англійское духовенство видѣло ихъ очень хорошо, тѣмъ болѣе, что герцогъ и не скрывалъ ихъ. Представители англійской церкви ненавидѣли герцога всѣми силами души и только искали случая дать ему почувствовать свою ненависть. Случай представился. Случай этотъ настолько характеренъ для взаимныхъ отношеній духовенства и Джона Гентскаго, что мы позволяемъ себѣ разсказать о немъ подробно.

Дѣло епископа уинчестерскаго.

Среди англійскихъ прелатовъ особенно ненавистенъ былъ герцогу Ланкастерскому Уилльямъ Уайкгэмъ (Wykeham), епископъ уинчестерскій, канцлеръ королевства. Въ 1371 г., когда особенно ярко обнаружились тенденціи антицерковной партіи, онъ былъ отставленъ отъ канцлерства, а въ октябрѣ 1376 года противъ него было возбуждено судебное преслѣдованіе; противъ Уайкгэма было выставлено восемь пунктовъ: епископъ обвинялся въ расхищеніи казны и въ разныхъ упущеніяхъ, будто бы имѣвшихъ мѣсто во время его канцлерства. Въ ноябрѣ 1376 г., по предварительномъ разслѣдованіи дѣла передъ тайнымъ совѣтомъ короля, у епископа уинчестерскаго было отнято право пользоваться доходами съ имѣній, принадлежавшихъ уинчестерской каѳедрѣ; при этомъ ему было запрещено приближаться ко двору на разстояніи двадцати миль. Въ январѣ 1377 г. собрался парламентъ. Выборы въ парламентъ были произведены подъ сильнымъ давленіемъ герцога Ланкастерскаго (первый извѣстный намъ случай подобнаго рода), и поэтому парламентъ состоялъ въ большинствѣ изъ лицъ, угодныхъ герцогу и готовыхъ дѣйствовать въ его интересахъ. Всѣ рѣшенія предшествовавшаго парламента, знаменитаго Добраго парламента 1376 г., чрезвычайно рѣзко высказавшагося противъ герцога и его клевретовъ, были отмѣнены. Въ виду военныхъ приготовленій Франціи парламентъ вотировалъ поголовный налогъ. Духовенство собралось на конвокацію 3 февраля [1]).

Умы всѣхъ присутствовавшихъ были заняты обидами, нанесенными герцогомъ Ланкастерскимъ епископу уинчестерскому; всѣ рѣчи обсуждали эту злобу дня. Когда было сдѣлано обычное оповѣщеніе, что король проситъ субсидіи, поднялся епископъ лондонскій Уилльямъ Кортнэй (Courtenay) и сталъ убѣждать собраніе не давать королю ничего до тѣхъ поръ, пока епископу уинчестерскому не будутъ возвращены всѣ его права. Всѣ единодушно согласились на предложеніе лондонскаго епископа. Архіепископъ кентербэрійскій пріостановилъ на время обсужденіе вопроса и отправилъ королю петицію въ смыслѣ принятаго конвокаціей рѣшенія. Король отвѣчалъ общимъ обѣщаніемъ. Тогда Уайкгэмъ занялъ свое мѣсто въ конвокаціи. Но духовенство не было этимъ удовлетворено. Въ глазахъ епископа лондонскаго моментъ былъ удобенъ не только для

---

[1]) Конвокація—собраніе духовенства одной изъ двухъ провинцій, на которыя въ церковномъ отношеніи была раздѣлена Англія (кентербэрійской и йоркской); собраніе духовенства кентербэрійской провинціи созывалъ архіепископъ кентербэрійскій, и происходило оно въ Лондонѣ.

защиты, но и для нападенія. Нужно было имъ воспользоваться, чтобы нанести главѣ антицерковной партіи чувствительный ударъ. Направлять этотъ ударъ прямо на герцога Ланкастерскаго прелаты не находили возможнымъ.

Уиклиффъ передъ епископомъ лондонскимъ.

Болѣе удобною мишенью для духовныхъ стрѣлъ представлялся ученый защитникъ политики герцога, Джонъ Уиклиффъ, въ сентябрѣ прошлаго года вызванный герцогомъ въ королевскій совѣтъ. Уиклиффу былъ посланъ приказъ предстать 19 февраля въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ предъ комитетомъ епископовъ, которые будутъ разбирать обвиненія, выставленныя противъ него конвокаціей. Въ чемъ именно состояли эти обвиненія, не извѣстно, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что они касались взглядовъ Уиклиффа на свѣтскія владѣнія церкви и на право отлученія. Въ назначенный день Уиклиффъ явился въ соборъ св. Павла. Но онъ явился не одинъ. Его сопровождали герцогъ Ланкастерскій и лордъ Перси, маршалъ Англіи, съ большою свитой, въ которой находились четыре доктора богословія изъ четырехъ нищенствующихъ орденовъ. Въ соборѣ толпилась масса народа, такъ что, по словамъ лѣтописца, трудно было проникнуть въ него даже господамъ. Генри Перси безцеремонно сталъ расталкивать толпу, очищая путь себѣ и герцогу. Епископъ лондонскій нашелъ неприличнымъ такое поведеніе лорда въ храмѣ Божьемъ и сказалъ, что, знай онъ заранѣе, что онъ будетъ такъ поступать, онъ бы не пустилъ его въ церковь. Замѣчаніе это вызвало рѣзкій отвѣтъ со стороны герцога Ланкастерскаго. Пройдя въ капеллу Пресвятой Дѣвы, герцогъ и маршалъ и ихъ свита заняли мѣста возлѣ архіепископа и епископовъ. Перси предложилъ сѣсть и Уиклиффу, мотивируя свое приглашеніе тѣмъ, что такъ какъ Уиклиффу предстоитъ отвѣчать на многое, то ему слѣдуетъ сѣсть на креслѣ помягче. Епископъ лондонскій рѣшительно воспротивился этому, заявляя, что это было бы противно разуму и праву, такъ какъ подсудимый долженъ стоять передъ своими судьями, а ужъ никакъ не сидѣть. Между Кортнэемъ и маршаломъ возгорѣлся споръ.

Въ дѣло вмѣшался герцогъ Ланкастерскій, и споръ, въ сущности, чисто теоретическій, перешелъ въ крупную перебранку между герцогомъ и епископомъ. Въ запальчивости герцогъ выразилъ желаніе за волосы вытащить епископа изъ церкви. Слова эти, хотя и сказанныя вполголоса, долетѣли до ушей толпившихся въ церкви лондонскихъ горожанъ и вызвали громкій взрывъ негодованія. Горожане клялись, что никому не позволятъ такъ оскорблять

своего епископа; они готовы скорѣе жизни лишиться, чѣмъ допустить, чтобы ихъ епископъ въ собственной церкви подвергся такому безчестію. Собраніе сдѣлалось жертвой общаго смятенія. На другой день въ городѣ вспыхнуло настоящее восстаніе. Дворецъ герцога, носившій названіе Савой, едва не былъ сожженъ; герцогъ и Перси едва успѣли спастись отъ рукъ разъяренной толпы. Волненіе утихло благодаря увѣщаніямъ лондонскаго епископа и посредничеству принцессы Уэлской. Горячность лондонскихъ горожанъ въ дѣлѣ епископа лондонскаго объясняется не однимъ желаніемъ вступиться за своего епископа. Это былъ взрывъ народнаго негодованія противъ герцога Ланкастерскаго, попиравшаго всѣ права и вольности народа; это былъ взрывъ негодаванія жителей столицы противъ человѣка, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшаго покушеніе на ихъ исконныя привилегіи.

Первое нападеніе на Уиклиффа оказалось неудачнымъ. Но за первымъ ударомъ послѣдовалъ второй. На этотъ разъ враги имѣли основаніе разсчитывать на полный успѣхъ: ужъ очень великъ былъ тотъ авторитетъ, подъ знаменемъ котораго они выступали. Но успѣха не послѣдовало: расчетъ былъ слишкомъ теоретиченъ; конкретныя условія англійской жизни не вполнѣ были поняты и оцѣнены.

Осужденіе заключеній Уиклиффа папой.

Въ январѣ 1377 года папа Григорій XI переселился въ Римъ. Авиньонское плѣненіе папъ кончилось. Весной того же года папа послалъ въ Англію пять буллъ. Буллы помѣчены 30-мъ мая. Три изъ нихъ были адресованы архіепископу кентербэрійскому и епископу лондонскому, одна Оксфордскому университету и одна королю. Буллой, отправленною Оксфордскому университету, папа потребовалъ, чтобы Уиклиффу запретили проповѣдывать свое ученіе въ стѣнахъ университета; самъ Уиклиффъ долженъ быть арестованъ и переданъ архіепископу кентербэрійскому и епископу лондонскому. Изъ буллъ, отправленныхъ архіепископу кентербэрійскому и епископу лондонскому, одна требовала, чтобы король и знать были предостережены противъ заблужденій Уиклиффа, другая слала приказъ немедленно арестовать Уиклиффа, произвести разслѣдованіе о его ученіи, прислать протоколъ слѣдствія, а самого Уиклиффа держать въ цѣпяхъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ распоряженія отъ папы, какъ дальше слѣдуетъ поступать. Въ случаѣ, если архіепископъ и епископъ лондонскій не будутъ въ состояніи привести въ исполненіе эти инструкціи, третья булла рекомендовала имъ позвать Уиклиффа передъ папскую курію для суда не позже, какъ черезъ

три мѣсяца. Булла, адресованная королю, просила его облегчить исполненіе инструкцій, содержащихся во всѣхъ другихъ буллахъ. Виновность Уиклиффа доказывалась извлеченными изъ его сочиненій восемнадцатью положеніями (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ этихъ *propositiones sive conclusiones* девятнадцать); папа осуждалъ эти conclusiones и текстъ ихъ присылалъ вмѣстѣ съ буллами. Вотъ главные пункты этихъ положеній:

Никто изъ людей не можетъ дать что-нибудь другому и его преемникамъ въ постоянное владѣніе: владѣніе и право на владѣніе продолжаются до тѣхъ поръ, пока человѣкъ находится въ состояніи благодати.

Если церковь не исполняетъ, какъ слѣдуетъ, своего долга, свѣтскіе лорды могутъ по праву и по закону лишить ее ея свѣтскихъ владѣній; вопросъ о томъ, исполняетъ ли церковь свой долгъ или не исполняетъ, рѣшается не богословомъ, но свѣтскимъ политикомъ.

Односторонній актъ папы или папы и кардиналовъ самъ по себѣ не можетъ ни сдѣлать правоспособнымъ человѣка, ни лишить его правъ. Отлученіе не имѣетъ силы, если объектъ его самъ уже, путемъ грѣха, не отлучилъ себя отъ церкви; къ отлученію слѣдуетъ прибѣгать только въ отношеніи къ преступившимъ законъ Христовъ.

Ни въ дѣятельности Христа, ни въ дѣятельности его учениковъ нельзя найти данныхъ, на которыхъ можно было бы основывать отлученіе человѣка за отнятіе имъ у церкви мірскихъ благъ; поэтому современные ученики Христа и Его учениковъ не имѣютъ права требовать отъ міранъ разныхъ взносовъ путемъ угрозы церковными наказаніями.

Папа, какъ и всякій другой, заявляющій притязаніе на право „вязать и рѣшить“, имѣетъ такое право лишь постольку, поскольку онъ находится въ согласіи съ закономъ Христа.

Каждый законно поставленный священникъ имѣетъ право совершать таинства, а слѣдовательно, и право отпускать грѣхи кающемуся.

Статьи шестнадцатая и семнадцатая повторяютъ въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ утвержденія, уже содержащіяся въ предыдущихъ статьяхъ: король имѣетъ право лишить представителей церкви ихъ собственности, если они употребляютъ ее во зло; такъ какъ всѣ пожалованія условны, кто бы ихъ ни сдѣлалъ, то поэтому вполнѣ законно взять ихъ обратно, если ими пользуются не для тѣхъ цѣлей, для которыхъ они сдѣланы. Представители церкви, даже

самого римскаго первосвященника, имѣютъ право порицать и даже судить его подданные и міряне.

21-го іюня умеръ Эдуардъ III. Хотя глава прежняго правительства Джонъ Гентскій на время удалился отъ двора, тѣмъ не менѣе новое правительство, во главѣ котораго стояла принцесса Уэлзская, мать новаго короля Ричарда II-го, расположенная къ Уиклиффу, не спѣшило приводить въ исполненіе папскія буллы; оно не только не было склонно возбуждать преслѣдованіе противъ Уиклиффа, но даже искало поддержки смѣлаго теоретика въ своей политикѣ по отношенію къ римской куріи. Совѣтъ, образовавшійся возлѣ малолѣтняго короля, обратился къ Уиклиффу, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ папскому престолу. Совѣтъ предложилъ на рѣшеніе Уиклиффа вопросъ, будетъ ли согласно съ закономъ и справедливостью не допустить, вопреки велѣніямъ папы, вывоза денегъ за предѣлы Англіи. Уиклиффъ далъ отвѣтъ утвердительный (см. Fasc. Zizan., pp. 258—271: Responsio Magistri Johannis Wycliff ad dubium infrascriptum, quaesitum ab eo per dominum, Regem Angliae Ricardum Secundum, et magnum suum consilium: anno regni sui primo). Королевство наше, писалъ Уиклиффъ, можетъ для своей защиты совершенно законно удерживать въ своихъ предѣлахъ свои денежныя средства. Папа можетъ имѣть притязанія на эти средства только въ формѣ милостыни. Разъ прекращается, какъ въ данномъ случаѣ, право на милостыню, прекращается и право папы требовать денежныя средства королевства; *требовать* милостыню противорѣчитъ понятію милостыни, которую даютъ изъ любви къ ближнему, тѣмъ болѣе нелѣпо требовать милостыни въ такой моментъ, когда исполненіе требованія подвергаетъ опасности государство. Свѣтскіе лорды нашего королевства дали въ даръ всѣ тѣ владѣнія, изъ которыхъ папа черпаетъ деньги, не церкви вообще, но исключительно церкви англійской, съ тою цѣлью, чтобы духовныя лица могли жить на средства, извлекаемыя изъ этихъ владѣній, и совершать дѣла частной благотворительности. Яснѣе дня видно, что разъ деньги, извлекаемыя изъ этихъ владѣній, отсылаются въ римскую курію, мѣстная, англійская церковь не можетъ выполнять того назначенія, для котораго ей даны эти владѣнія. Свѣтскіе лорды обязаны поэтому воспрепятствовать вывозу денегъ. Въ противномъ случаѣ можетъ произойти слѣдующее: вслѣдствіе вывоза денегъ уменьшится населеніе Англіи, римская курія вслѣдствіе излишняго количества денегъ совершитъ массу грѣховъ, а враги нашего народа, располагая деньгами нашего

королевства, тѣмъ самымъ получатъ возможность не прекращать своей вражды къ намъ; чужеземцы станутъ смѣяться надъ нами, что по своей ослиной глупости (ex asina nostra stultitia) въ мірскомъ дѣлѣ мы имѣемъ смѣлость нападать на враговъ, а въ дѣлѣ Божьемъ изъ рабскаго страха не осмѣливаемся отказать въ милостынѣ недостойнымъ. За отказъ въ требованіи папа можетъ, конечно, подвергнуть англійскій народъ интердикту. Но трудно допустить, чтобы нашъ святѣйшій отецъ подвергъ такому наказанію столь вѣрный ему народъ за одинъ только отказъ въ милостынѣ, отказъ, къ тому же вынужденный такими затруднительными обстоятельствами; благочестивый отецъ въ подобномъ случаѣ скорѣе поддержитъ своихъ сыновей какъ духовно, такъ и матеріально; иначе онъ любитъ не насъ, а наше имущество.

Любовь, которая исчезаетъ отъ отказа въ милостынѣ, не евангельская любовь, а мірская. Святѣйшій отецъ, которому извѣстно, что королевство Англія между всѣми народами—самое христіанское, не допуститъ до такого соблазна наше королевство изъ любви къ мірскимъ благамъ, которыя законъ Христовъ учитъ презирать. Но если даже допустить, что ученикъ антихриста ринется въ бездну такого безумія, все-таки остается одно утѣшеніе, что такого рода наказаніе (интердиктъ) не имѣетъ значенія (non abligat) передъ лицомъ Бога. Страхъ отлученія не даетъ права уклоняться отъ исполненія Христова закона. Если вслѣдствіе этого страха народъ нашъ откажется противодѣйствовать папѣ въ данномъ случаѣ, то съ теченіемъ времени онъ можетъ дождаться того, что папа совершенно завладѣетъ имъ. Всякій христіанинъ обязанъ помогать папѣ добровольно милостыней въ томъ, что требуется положеніемъ папы, но вовсе не обязанъ давать ему средства для мірской пышности и для плотскихъ утѣхъ (ad fastum saecularem, aut voluptatem carnalem continuandum). Міръ (saeculum) находится въ ослѣпленіи и думаетъ, что честь служителя Христова состоитъ въ мірской славѣ, а не въ добродѣтели и въ соблюденіи Христова закона. Въ древности, когда церковь была всецѣло проникнута первоначальною религіей (quando stetit ecclesia prospere in religione primaeva), намѣстники Христа сражались не тѣлесно, но духовно, словомъ Божіимъ.

Если денежныя суммы, требуемыя изъ Англіи папой, останутся въ странѣ, не произойдетъ ли отъ этого дурныхъ послѣдствій для Англіи, не разовьются ли въ народѣ алчность и другіе пороки, соединенные съ изобиліемъ средствъ? Если такая опасность и можетъ явиться, то вѣдь противъ нея есть и очень дѣйствитель-

ное средство: стоитъ только церковныя имущества распредѣлить благоразумно во славу Божію, оставивъ безъ вниманія жадность прелатовъ и князей и вернувъ церковныя имущества прежнимъ ихъ владѣльцамъ, тѣмъ, которые пожертвовали ихъ въ видѣ милостыни церкви, а остальное сохранивъ для упроченія истиннаго мира церкви. Если какъ-нибудь случится, что на папу не окажутъ давленія члены его куріи, жаждущіе этихъ денежныхъ средствъ (haec temporalia) вслѣдствіе охлажденія въ нихъ любви къ ближнимъ, то онъ окажетъ снисхожденіе своимъ англійскимъ сынамъ, которые только вслѣдствіе крайней необходимости, въ интересахъ защиты своей церкви, намѣрены отказать ему въ обычной милостынѣ. Достойные служители Христа имѣютъ право только на такое количество средствъ (tantum de temporalibus), какое необходимо имъ для служенія церкви (quantum prodest eis ad ministrandum ecclesiae), ибо ни Христосъ, ни кто-либо изъ его апостоловъ не хотѣлъ и не долженъ былъ требовать болѣе этого. Очевидно, что папа не имѣетъ права требовать изъ имущества Христа (domino papae deficit jus ad vindicandum de patrimonio Christi) средствъ для свадьбы своихъ внуковъ, для освобожденія изъ долговой ямы своихъ братьевъ или для обогащенія ихъ (pro redimendis suis fratribus vel ditandis), а тѣмъ менѣе для того, чтобы самому вести свѣтскую жизнь; и всякій, кто содѣйствуетъ ему во всемъ этомъ, а не противодѣйствуетъ, имѣя возможность противодѣйствовать, является добровольнымъ соучастникомъ въ преступленіи. Въ заключеніе Уиклиффъ совѣтуетъ англійскому народу, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, давать ли папѣ требуемое или послать ему рѣшительный отказъ, сговориться и притти къ одному опредѣленному мнѣнію.

Уиклиффъ о власти папы вязать и рѣшить.

На собравшемся 13 октября парламентѣ Уиклиффъ представилъ памфлетъ, въ которомъ защищалъ свои осужденныя папскими буллами положенія (см. Fasciculi Zizaniorum, pp. 245—257: Libellus magistri Johannis Wyccliff, quem porrexit parliamento regis Ricardi contra statum ecclesiae). Къ этому же времени относится анонимный трактатъ Уиклиффа, предназначенный для большой публики. Въ этомъ сочиненіи, какъ и въ только что названномъ памфлетѣ, Уиклиффъ защищаетъ свои мнѣнія, осужденныя папой въ формѣ conclusiones, и съ особенною обстоятельностью останавливается на вопросѣ о правѣ папы вязать и рѣшить (см. Fasc. Zizan., pp. 481—492: De condemnatione XIX conclusionum). Въ послѣднее время,—говоритъ Уиклиффъ въ этомъ трактатѣ,—все больше и

больше пріобрѣтаетъ авторитетъ мнѣніе, что папа непогрѣшимъ, и все, что онъ ни рѣшитъ, справедливо, а его письма равны по значенію Евангелію, а то даже и превосходятъ его своимъ авторитетомъ. И Евангелію можно вѣрить только черезъ посредство папы: папа можетъ какую-угодно книгу изъять изъ канона Св. Писанія и прибавить новую, можетъ, слѣдовательно, замѣнить новою всю Библію (totam Bibliam innovare) и, стало быть, можетъ все Св. Писаніе объявить еретическимъ, провозгласить согласнымъ съ католическою вѣрой какъ разъ ему противоположное (et per consequens totam scripturam sacram haereticare, et oppositum christianae fidei catholicare). Нѣкій профессоръ Св. Писанія высказалъ мнѣніе, что служители Христа должны жить скромно и бѣдно, добросовѣстно исполняя свои обязанности. Враги такого взгляда довели объ этихъ мнѣніяхъ профессора до свѣдѣнія папы, и папа выпустилъ противъ него нѣсколько буллъ, осудившихъ его девятнадцать conclusiones, въ особенности два изъ нихъ, какъ еретическія; изъ этихъ двухъ первое: цари могутъ отнимать у представителей церкви свѣтскія имущества, если они злоупотребляютъ ими; второе: представитель церкви, даже римскій первосвященникъ, можетъ на законномъ основаніи подвергаться обвиненію и даже осужденію со стороны подданныхъ и людей свѣтскихъ (potest legitime a subditis et laicis corripi, et etiam accusari). Въ основѣ осужденія этихъ двухъ положеній лежитъ, очевидно, слѣдующая доктрина. Всѣ представители церкви не подлежатъ ни осужденію, ни наказанію, сколько бы они ни грѣшили; осуждать и наказывать ихъ можетъ одинъ лишь Богъ, да они сами въ глубинѣ души своей; всѣ міряне должны служить имъ, доставляя имъ въ изобиліи средства къ существованію, не должны судить ихъ, лишать ихъ милостыни, не должны мѣшать имъ грѣшить (non impediendo quomodocunque peccaverit). Они не смѣютъ осуждать духовныхъ лицъ, не смѣютъ возражать имъ даже въ интересахъ защиты (non licet defendendo repercutere), не смѣютъ отказывать имъ ни въ какомъ требованіи, будетъ ли это требованіе имѣть отношеніе къ имуществу, къ супружескому союзу или къ самому человѣку (nec exigenti bona sua, sive fortunae, sive conjugii vel naturae, negare); иначе это будетъ сопротивленіе или, въ случаѣ доведенія дѣла до суда,—обвиненіе; а вѣдь это осуждено, какъ поступокъ еретическій. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія, говорятъ, осуждены другіе четыре параграфа.

„Если эти (четыре) положенія еретическія, смѣло утверждаю, что въ такомъ случаѣ вѣра Христова и истина Писанія совершенно раз-

рушены“, восклицаетъ Уиклиффъ. Анализъ положеній, противоположныхъ этимъ „еретическимъ“ положеніямъ, приводитъ Уиклиффа къ заключенію, что эти-то противоположныя мнѣнія и суть самыя еретическія, наводящія ужасъ на всякаго истиннаго сына церкви. Уиклиффъ взываетъ къ воинамъ Христовымъ какъ къ духовнымъ, такъ и къ свѣтскимъ, въ особенности къ исповѣдующимъ евангельскую бѣдность, приглашая ихъ единодушно возстать противъ всѣхъ тѣхъ, кто дѣломъ или небреженіемъ стоитъ на сторонѣ такого богохульства. Если будетъ признано, что папа или его намѣстникъ только потому, что считаетъ себя въ правѣ разрѣшать или вязать, уже тѣмъ самымъ разрѣшаетъ или вяжетъ, то какъ тогда устоитъ міръ (si enim canonisatum fuerit, quod, si papa vel ejus vicarius praetendat se quovismodo solvere vel ligare, eo ipso solvit vel ligat, quomodo stabit mundus)? Вѣдь тогда, если папа вздумаетъ предать вѣчному осужденію всякаго, кто станетъ выказывать ему сопротивленіе въ пріобрѣтеніи свѣтскихъ владѣній какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ или въ другомъ какомъ его желаніи, тѣмъ самымъ такой человѣкъ будетъ преданъ осужденію; папѣ, слѣдовательно, будетъ весьма легко пріобрѣсти для себя всѣ царства міра и разрушить всѣ установленія Христа; папа тогда получитъ возможность вмѣстѣ со всѣмъ своимъ клиромъ похищать женъ, дочерей и всякое имущество мірянъ и дѣлать съ ними, что ему угодно, и никто не будетъ имѣть права сопротивляться ему; вѣдь, говорятъ, королямъ ничего не позволяется отнимать у клириковъ, мірянину не позволяется осуждать клирика или жаловаться на него въ судъ; если папа что рѣшилъ, значитъ, рѣшенію его нужно повиноваться. А вѣдь это самая ужасная ересь. Если папа упорно держится такихъ мнѣній, то слѣдуетъ ему сопротивляться не какъ папѣ и не какъ представителю церкви, но какъ врагу Христовой церкви и злѣйшему антихристу. „Христіанинъ, конечно, не долженъ предполагать, что папа таковъ, если объ этомъ открыто не говорятъ дѣянія его; но какъ скоро объ этомъ громко станутъ вопить факты, слѣдуетъ сопротивляться ему, какъ главѣ церкви лукавыхъ (tanquam capiti ecclesiae malignantium) и главному звѣрю (principali bestiae) въ колесницѣ фараона, влекущей его самого и его приверженцевъ въ бездну Чермнаго моря“. Люциферъ хотѣлъ быть подобнымъ Богу, но еще болѣе ужасны намѣренія смертнаго созданія, даже если это намѣстникъ Христа, который публично заявляетъ, что можетъ равняться со Всевышнимъ. Всѣ, почитающіе (adorantes) его, какъ таковаго, идолопоклонники, болѣе ненавистные Богу, чѣмъ сыны Израиля, ко-

торые въ отсутствіе Моисея стали поклоняться вылитому изъ золота тельцу. Примѣры изъ св. Писанія (Уиклиффъ ихъ приводитъ) учатъ, что христіанинъ не долженъ боготворить намѣстниковъ (careat cultu sapiente vicarios adorari). Намѣстники должны быть скромны, должны искоренить въ своемъ сердцѣ страсть къ земному, должны жить трезво, справедливо и благочестиво въ евангельской бѣдности.

Только черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того, какъ папскія буллы были присланы въ Англію, архіепископъ кентербарійскій и епископъ лондонскій приступили къ исполненію того, чего эти буллы требовали. 18 декабря 1377 года они отправили въ Оксфордскій университетъ приказъ произвести разслѣдованіе о мнѣніяхъ Уиклиффа, осужденныхъ папой, прислать отчетъ объ этомъ, а самого Уиклиффа представить къ нимъ въ Лондонъ въ теченіе тридцати дней. Приказъ этотъ положилъ конецъ напряженному настроенію членовъ университетской корпораціи, вызванному папскою буллой. Булла совершенно взволновала университетъ. Многіе изъ представителей университетской науки даже колебались, слѣдуетъ ли имъ принимать папскую буллу: вѣдь папа не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи и не смѣетъ издавать приказъ объ арестѣ кого бы то ни было въ предѣлахъ королевства; всѣхъ крайне раздражало такое безцеремонное нарушеніе университетскихъ привилегій. Получивъ письмо архіепископа и епископа лондонскаго, оксфордскіе ученые рѣшили подвергнуть Уиклиффа на время формальному аресту въ стѣнахъ такъ называемой Черной Залы (Black Hall) и приступили къ разслѣдованію его мнѣній, осужденныхъ папой. Всѣ положенія Уиклиффа, перечисленныя въ папской буллѣ, были признаны согласными съ ученіемъ католической церкви, но только выраженными въ такой формѣ, что могли подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ („eas veras esse, sed male sonare in auribus auditorum“, Eulogium Historiarum, III, 347).

Въ началѣ 1378 года Уиклиффъ явился въ капеллу Ламбетскаго дворца въ Лондонѣ. Здѣсь собрались епископы, чтобы судить его за еретическія заблужденія. Наканунѣ суда принцесса Уэльская, мать юнаго короля Ричарда II (вдова Чернаго Принца), прислала одного изъ своей свиты сказать епископамъ, чтобы они ничего не предпринимали противъ Уиклиффа. Заявленіе это навело на судей такой страхъ, что они, по словамъ лѣтописца, сдѣлались подобными человѣку, который не слышитъ и не имѣетъ въ устахъ своихъ словъ укоризны („factos velut homo non audiens et non habens in ore suo redargutiones“, Chronicon Angliae, p. 183). Прелаты

очутились въ очень затруднительномъ положенiи: приходилось исполнить приказъ свѣтской власти въ ущербъ интересамъ церкви, отъ главы которой они получили прямое распоряженiе дѣйствовать исключительно въ интересахъ церкви. Сами они не находили выхода. Выходъ былъ открытъ для нихъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Лондонскiе горожане съ толпой городской черни ворвались въ капеллу и прервали засѣданiе въ самомъ его началѣ. Такимъ образомъ, говоритъ лѣтописецъ, благодаря расположенiю и старанiю жителей Лондона, Уиклиффу удалось провести своихъ слѣдователей, насмѣяться надъ епископами и уйти невредимымъ („favore et diligentia Londoniensium, delusit suos examinatores, episcopos derisit et evasit", Chron. Angl., p. 189—190).

Епископы могли только ограничиться чисто-формальнымъ запрещенiемъ Уиклиффу публично высказывать свои мнѣнiя въ лекцiяхъ и проповѣдяхъ, чтобы не вводить въ соблазнъ мiрянъ (propter laicorum scandalum. Ib., 190). А вѣдь это были тѣ самые лондонскiе горожане, которые не такъ давно едва не произвели возстанiя противъ главныхъ покровителей Уиклиффа. Не много времени прошло съ тѣхъ поръ, но во многомъ выяснился для народа Уиклиффъ, въ которомъ народъ увидѣлъ не жалкое орудiе въ рукахъ народнаго врага Джона Гентскаго, но смѣлаго и рѣшительнаго защитника истинно-народныхъ интересовъ отъ папскихъ посягательствъ.

Дѣло Гоула и Шэйкля.

Осенью 1378 года Уиклиффъ опять играетъ роль въ политической жизни, на этотъ разъ роль весьма двусмысленную. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Въ одну изъ испанскихъ кампанiй Чернаго Принца два эсквайра, Гоулъ (Haule) и Шэйклъ (Schakel), взяли въ плѣнъ графа de Denia, родственника кастильскаго царствующаго дома. Они согласились взять съ графа выкупъ, и графъ, возвращаясь въ Испанiю, оставилъ имъ въ качествѣ заложника своего старшаго сына. Герцогъ Ланкастерскiй, заявлявшiй притязанiя на кастильскую корону (онъ былъ женатъ на дочери Педро, короля Кастилiи), нашелъ, что онъ облегчитъ себѣ путь къ кастильскому трону, если молодой графъ de Denia очутится у него въ рукахъ. Герцогъ предложилъ эсквайрамъ денегъ, чтобы они передали ему знатнаго заложника. Эсквайры отвѣчали отказомъ. Тогда герцогъ нашелъ возможнымъ требовать выдачи графа именемъ короны и приказалъ посадить графа въ Тауэръ; но и тутъ онъ встрѣтилъ препятствiе со стороны эсквайровъ. Тогда онъ провелъ черезъ парламентъ постановленiе, въ силу котораго Haule и

Schakel должны подвергнуться тюремному заключенію, если не выдадутъ графа. Это было въ сессію 1377 года. Но и въ этомъ случаѣ герцогъ потерпѣлъ неудачу. Молодой графъ оставался скрытымъ, а эсквайры, какъ истые англичане, остающіеся на строго-законной почвѣ, даже сопротивляясь закону, отправились въ Тауэръ.

Пребываніе въ Тауэрѣ вскорѣ оказалось небезопаснымъ, и Haule и Schakel искали убѣжища въ Уэстминстерѣ. Рука герцога достала ихъ и здѣсь. Утромъ, въ день св. Лаврентія (11 августа 1378 г.), какъ разъ въ моментъ торжественной службы, Ральфъ де Феррерзъ (Ralph de Ferrers), одинъ изъ подручниковъ герцога, и съ нимъ сорокъ вооруженныхъ людей вошли въ церковь. Haule былъ убитъ на мѣстѣ, Schakel'я силой потащили въ тюрьму. Ужасъ объялъ епископовъ при вѣсти о такомъ святотатствѣ. Они совершенно растерялись и не знали, что предпринять. Наконецъ, архіепископъ кентербэрійскій съ пятью суффраганами публично отлучилъ отъ церкви всѣхъ, на кого въ той или иной степени падала вина въ этомъ злодѣяніи.

Епископъ лондонскій каждое воскресенье, среду и пятницу повторялъ это отлученіе, произнося проповѣди въ церкви св. Павла (at Saint Paul's Cross) передъ толпами возбужденныхъ горожанъ, и не щадилъ при этомъ имени самого герцога, которое теперь стало еще болѣе ненавистнымъ народу. Уиклиффу поручили написать защиту дѣянія герцога, и онъ взялъ на себя это щекотливое дѣло. Документъ этотъ сохранился въ трактатѣ Уиклиффа *De Ecclesia*. Общій ходъ аргументаціи Уиклиффа таковъ.

Право убѣжища должно имѣть границы. Герцогъ былъ въ правѣ переступать предѣлы священнаго убѣжища: вѣдь онъ имѣлъ въ виду представить въ руки правосудія бѣглыхъ преступниковъ, которые первые сдѣлали нападеніе на законъ. Поэтому слугъ герцога не зачѣмъ осуждать за пролитіе крови. Само каноническое право допускаетъ исключенія въ вопросѣ о привилегіи священнаго убѣжища, которымъ очень легко злоупотреблять во вредъ обществу и общественному миру.

Какъ бы мы ни судили объ этой защитѣ, несомнѣнно то, что она не послужила къ возвышенію репутаціи Уиклиффа.

Великій расколъ. Въ этомъ же 1378 году въ исторіи Европы произошло событіе, явившееся поворотнымъ пунктомъ въ дѣятельности Уиклиффа. 27 марта умеръ папа Григорій XI, и 7 апрѣля былъ избранъ ему въ преемники Урбанъ VI. Кардиналы-французы были очень недовольны

возвращеніемъ куріи въ Италію; еще больше недовольства вызвалъ насильственный тираннический образъ дѣйствій новаго папы.

Дѣло кончилось тѣмъ, что правильность избранія Урбана была подвергнута сомнѣнію, затѣмъ совсѣмъ отвергнута, и въ октябрѣ былъ избранъ антипапа Климентъ VII. На сторонѣ Климента была Франція, Испанскія королевства, Неаполь и Шотландія; Англія, Фландрія, Германія, Богемія, Венгрія, Польша и Португалія остались вѣрны Урбану. Урбанъ и его приверженцы остались въ Римѣ, а Климентъ вернулся въ Авиньонъ. Въ западномъ христіанствѣ произошелъ Великій расколъ. Почти полстолѣтія католическая Европа была раздѣлена между двумя намѣстниками Христа, ведшими ожесточенную борьбу за право исключительнаго обладанія ключами царствія небеснаго. Урбанъ и Климентъ проповѣдывали другъ противъ друга крестовый походъ; каждый изъ нихъ предлагалъ всѣмъ желающимъ поддерживать его индульгенціи, и продавцы этого страннаго товара разсѣялись по всей Европѣ. Торговля отличалась всѣми особенностями ожесточенной конкурренціи. Нѣкоторые изъ папскихъ комиссаровъ, разъѣзжавшіе по Англіи, утверждали, что по ихъ приказанію ангелы сходили съ неба и извлекали души изъ чистилища, гдѣ онѣ терпѣли муки, и немедленно уводили ихъ на небеса.

Ересь Уиклиффа.

Если и прежде Уиклиффъ сурово порицалъ образъ дѣйствій римской куріи, несогласный, по его мнѣнію, съ порядками первой христіанской общины, то теперь онъ сталъ рѣшительнымъ противникомъ папства и католичества. Переводъ Библіи на англійскій языкъ, „бѣдные священники“ и отрицаніе таинства пресуществленія—вотъ три пункта, ясно показывающіе, чѣмъ явился Уиклиффъ послѣ Великаго раскола.

Нѣкоторыя части Библіи были переведены на англійскій языкъ еще задолго до Уиклиффа. Заслуга Уиклиффа—въ томъ, что онъ впервые перевелъ всю Библію и впервые сталъ ея популяризаторомъ. До полутораста рукописей его перевода (цѣлаго или частей) дошло до насъ, несмотря на репрессіи весьма суроваго характера. Почти весь переводъ былъ сдѣланъ самимъ Уиклиффомъ: только начало Ветхаго Завѣта было переведено ученикомъ Уиклиффа, Николаемъ Hereford'омъ. Впослѣдствіи весь переводъ былъ пересмотрѣнъ Джономъ Purvey, другомъ Уиклиффа и помощникомъ его въ Lutterworth'ѣ, и это второе изданіе было окончено вскорѣ послѣ смерти Уиклиффа. Переводъ былъ сдѣланъ съ латинской вульгаты: Уиклиффъ и его ученики не знали греческаго языка.

Въ грубой шерстяной одеждѣ, съ англійскою Библіей въ рукахъ,

пошли ученики и приверженцы Уиклиффа проповѣдывать Божій законъ (Goddislawe) англійскому народу на понятномъ для него языкѣ. Это были разосланные Уиклиффомъ „бѣдные священники“ (poor priests). Они должны были взять на себя то дѣло, о которомъ давнымъ давно забыли многочисленные представители какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства; единственно, что еще помнили эти послѣдніе, это полученіе съ мірянъ десятинъ и разныхъ приношеній; на эту сторону они обратили исключительное вниманіе; живя въ роскоши и богатствѣ, „нищенствующіе“ ордена, какъ и остальное духовенство, только стригли ввѣренное имъ стадо, такъ же мало заботясь о душахъ пасомыхъ, какъ и о своихъ собственныхъ. „Бѣдные священники“, разосланные Уиклиффомъ для наставленія народа въ правдѣ и истинѣ Евангелія, собственно и не были священниками; они были просто проповѣдниками, которыхъ отличало отъ мірянъ только знаніе Св. Писанія, еще незнакомаго мірянамъ. Уиклиффъ уже не видалъ на священникахъ особенной духовной печати; онъ не усматривалъ въ должности священника ничего ставящаго его выше простыхъ смертныхъ, выше мірянъ, не признавалъ священника способнымъ ежедневно творить чудеса, превращать хлѣбъ и вино въ истинное тѣло и кровь Христа: Уиклиффъ отрицалъ таинство пресуществленія. По мнѣнію Уиклиффа, хлѣбъ остается хлѣбомъ и послѣ освященія, подобно тому, какъ грѣшникъ, превращаясь въ праведника, остается и послѣ этого тѣмъ же человѣкомъ, что и передъ этимъ, какъ Григорій или Иннокентій, дѣлаясь послѣ своего избранія въ папы папой, остается тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ и до избранія, какъ вода превращается въ ледъ, совершенно не измѣняя своей субстанціи. Итакъ, матеріально хлѣбъ остается и послѣ освященія тѣмъ же, чѣмъ былъ и до освященія; превращеніе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что черезъ освященіе хлѣбъ становится истиннымъ подобіемъ пострадавшаго Христа. Христосъ не присутствуетъ въ немъ реально, своею тѣлесною субстанціей, но фигурально или виртуально, не какимъ-либо инымъ способомъ, но переносно (et Christus non est ibi realiter secundum suam substantiam corporalem, sed figurative vel virtualiter; ita quod non est ibi aliquo modo nisi tropico). Подобно тому, какъ Іоаннъ Креститель былъ Иліей только въ переносномъ смыслѣ (tropice), а не лично, не буквально, такъ этотъ хлѣбъ на алтарѣ есть Христосъ только въ переносномъ смыслѣ (tropice) [Fasc. Zizan., p. 107—108].

Это была ересь. Она распространялась по университету, и канцлеръ университета Уилльямъ Бэртонъ (William of Burton) не

могъ дольше терпѣть ее. Онъ созвалъ двѣнадцать докторовъ богословія и права (половина ихъ была изъ нищенствующихъ орденовъ) и представилъ на ихъ разсмотрѣніе ученіе Уиклиффа. Ученый трибуналъ единогласно призналъ еретическими мнѣнія, „поддерживаемыя нѣкоторыми лицами, исполненными совѣта злого духа“, осудилъ ихъ и издалъ приказъ, запрещавшій распространять эти мнѣнія какъ внутри, такъ и внѣ школъ. Когда Уиклиффу объявили о томъ, что его мнѣнія осуждены, онъ заявилъ, что ни канцлеръ, ни кто другой изъ его единомышленниковъ не можетъ измѣнить его мнѣній, и апеллировалъ къ королю (а не къ папѣ, какъ это обыкновенно дѣлали въ подобныхъ случаяхъ). Отъ Джона Гентскаго послѣдовалъ Уиклиффу приказъ не говорить больше объ этихъ предметахъ. Не извѣстно, что въ данномъ случаѣ руководило герцогомъ Ланкастерскимъ: хотѣлъ ли онъ этимъ способомъ оградить Уиклиффа отъ бѣдъ, которыя могли грозить ему, или же просто хотѣлъ показать всѣмъ, что не желаетъ имѣть ничего общаго съ опаснымъ вольнодумцемъ. Какъ бы то ни было, Уиклиффа не остановилъ приказъ герцога. Мало того: онъ выпустилъ въ свѣтъ свою *исповѣдь*, въ которой подробно развивалъ и доказывалъ свои взгляды (см. Fasc. Zizan., pp. 115—132: Confessio Magistri Johannis Wycclyff). Противъ него появился цѣлый рядъ памфлетовъ.

Канцлеръ отправилъ копію съ осужденія Уиклиффа архіепископу контербэрійскому. Между тѣмъ въ стѣнахъ университета ярко разгорѣлась вражда между представителями бѣлаго и представителями чернаго духовенства. Свѣтское духовенство питало непримиримую ненависть къ монашескимъ орденамъ, въ особенности къ нищенствующимъ. Представители свѣтскаго духовенства не могли забыть оскорбленія, нанесеннаго, благодаря монахамъ, гордости университета вмѣшательствомъ англійскихъ іерарховъ во внутреннія дѣла независимаго университета, и въ начавшемся второмъ походѣ противъ Уиклиффа видѣли источникъ новыхъ униженій для университета. Университетскіе выборы показали, какъ относились профессора къ Уиклиффу: новый канцлеръ Робертъ Rygge и прокторы (proctors) были избраны изъ превержинцевъ Уиклиффа.

Гоненіе на уиклиффитовъ.

Въ іюнѣ 1381-го года произошло возстаніе Уота Тайлера. Главный покровитель Уиклиффа герцогъ Ланкастерскій, имя котораго съ особенною ненавистью и злобой неоднократно произносилось возставшими, навсегда утратилъ руководящую роль въ правительствѣ и на время совсѣмъ удалился отъ двора. Архіепископскій палліумъ убитаго на холмѣ возлѣ Тауэра Симона Сэдбери, вовсе не отли-

чавшагося чрезмѣрною ревностью въ дѣлахъ вѣры, достался смертельному врагу герцога Ланкастерскаго и Уиклиффа, совершенно фанатически относившемуся къ дѣламъ церкви, епископу лондонскому Уилльяму Кортнэю. Одинъ изъ самыхъ главныхъ вожаковъ возстанія, священникъ Джонъ Боллъ, заявилъ передъ слѣдственною комиссіей въ С.-Албансѣ, „что въ теченіе двухъ лѣтъ онъ былъ ученикомъ Уиклиффа и отъ него научился ересямъ, которымъ училъ другихъ" (Fasc. Zizan., pp. 273—4). Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили, и этого было достаточно, чтобы бросить тѣнь на Уиклиффа и настроить противъ него напуганныхъ возстаніемъ людей, которые до возстанія могли охотно прислушиваться къ словамъ реформатора и готовы были поддакивать правдѣ, въ нихъ заключавшейся. Моментъ былъ весьма благопріятный для враговъ Уиклиффа и его дѣла...

17-го мая 1382 года въ доминиканскомъ монастырѣ (at the Blackfriars) въ Лондонѣ собрался провинціальный синодъ, на который новый примасъ Англіи позвалъ десятерыхъ епископовъ и пятьдесятъ другихъ особъ. Первое засѣданіе синода было прервано землетрясеніемъ, (сдѣлавшимъ этотъ синодъ извѣстнымъ въ исторіи подъ названіемъ Earthquake Council [1])) Синодъ занялся разсмотрѣніемъ мнѣній Уиклиффа и единодушно осудилъ его двадцать четыре conclusiones частью какъ еретическія (десять), частью какъ ошибочныя (остальныя 14) [2]).

Имя Уиклиффа не было названо. Уиклиффа оставили въ покоѣ. Удары направили на его учениковъ. Архіепископъ отправилъ въ Оксфордъ комиссара, нѣкоего Петра Стокза (Stokes), кармелитскаго монаха, упорнаго оппонента Уиклиффа, съ приказомъ запретить въ университетѣ проповѣдь неправильныхъ доктринъ; при этомъ имя проповѣдника не было названо. Въ поступкѣ архіепископа университетскія власти совершенно справедливо усмотрѣли покушеніе на древнія привилегіи университета. Канцлеръ Rygge только что передъ этимъ назначилъ Николая Герфорда, преданнаго послѣдователя Уиклиффа, говорить проповѣдь предъ университетомъ въ защиту своихъ взглядовъ, и онъ говорилъ 13-го мая.

---

[1]) Earthquake—землетрясеніе; council—совѣтъ, синодъ.

[2]) Изъ десяти еретическихъ conclusiones первыя три относились къ евхаристіи, остальныя семь къ церковному управленію и церковнымъ имуществамъ; четырнадцать ошибочныхъ conclusiones трактуютъ о правѣ прелатовъ отлучать отъ церкви, объ обязанности проповѣдывать, о безполезности спеціальныхъ молитвъ и религіозныхъ орденовъ. См. Fasc. Zizan., pp. 275—282.

Теперь онъ далъ такое же порученіе не менѣе вѣрному ученику Уиклиффа, Филиппу Репингдону (Repyngdon); онъ долженъ былъ говорить 5-го іюня. Стокзъ прибылъ въ Оксфордъ наканунѣ (4-го іюня). На другой день утромъ онъ долженъ былъ провозгласить осужденіе мнѣніямъ Уиклиффа съ каѳедры церкви св. Frideswide'ы. Явившись въ церковь, онъ увидѣлъ, что каѳедра уже занята Репингдономъ. Въ церкви присутствовалъ канцлеръ во всемъ парадѣ съ городскимъ мэромъ и отрядомъ вооруженныхъ людей; кромѣ того, здѣсь же находилось до двадцати человѣкъ съ оружіемъ, скрытымъ подъ платьемъ. Стокзу не улыбался мученическій вѣнецъ. Онъ сидѣлъ и дрожалъ, и когда канцлеръ и Репингдонъ вмѣстѣ вышли изъ церкви, онъ незамѣтно скрылся. На слѣдующій день Стокзъ явился къ канцлеру, чтобы завѣрить свои полномочія, и получилъ увѣреніе, что ему будетъ оказано всяческое содѣйствіе, если на то будетъ воля университета. Стокзъ не вѣрилъ хорошимъ словамъ. Онъ обратился къ архіепископу съ слезною просьбой не допустить его до погибели. Черезъ нѣсколько дней (10 іюня) онъ набрался храбрости и выступилъ противъ Репингдона; но и во время диспута ему мерещилась цѣлая дюжина оппонентовъ со скрытымъ подъ платьемъ оружіемъ, и онъ съ минуты на минуту ждалъ смертнаго часа отъ руки убійцъ. Къ счастью для трусливаго комиссара, въ тотъ же день было получено письмо архіепископа, отзывавшее его обратно. Канцлеръ получилъ приказъ явиться передъ архіепископомъ въ Лондонъ. Отказать въ повиновеніи примасу Англіи у Rygge не хватило смѣлости. Онъ явился и немедленно очистилъ себя отъ всякихъ обвиненій въ ереси. Послѣ этого опять собрался синодъ (въ Blackfriars, 12 іюня) для суда надъ еретиками, и Rygge безпрекословно занялъ въ немъ мѣсто среди судей.

Съ оксфордскими послѣдователями Уиклиффа порѣшили очень быстро. Всѣ они вообще и четверо изъ нихъ въ частности [Герфордъ (Hereford), Репингдонъ (Repyngdon), Джонъ Астонъ (Aston) и Лоуренсъ Бидманъ (Lawrence Bedeman] получили временную отставку и запрещеніе. Rygge вернулся въ Оксфордъ съ письмомъ Кортнэя, повторявшимъ осужденіе четырехъ названныхъ лицъ и прибавлявшимъ имя самого Уиклиффа. Rygge долженъ былъ опубликовать это осужденіе, но онъ заявилъ, что не рѣшается исполнить этотъ приказъ, и понадобилась особая бумага отъ имени короля для того, чтобы принудить его къ этому. Каково было истинное отношеніе канцлера къ дѣлу Уиклиффа, это видно изъ того, что вскорѣ послѣ этого онъ подвергъ запрещенію одного изъ видныхъ про-

тивниковъ Уиклиффа, который называлъ послѣдователей Уиклиффа оскорбительнымъ въ то время словомъ „лолларды". Лондонскій синодъ приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Герфордъ и Репингдонъ, тщетно искавшіе поддержки у герцога Ланкастерскаго, были отлучены отъ церкви; Астонъ и Бидмэнъ были осуждены, какъ еретики. Всѣ они, за исключеніемъ Герфорда, отреклись отъ ереси и были возстановлены въ своихъ правахъ и привилегіяхъ. Герфордъ бѣжалъ на континентъ и, говорятъ, былъ заключенъ въ тюрьму по приказанію папы Урбана VI.

Но партія уиклиффитовъ не была уничтожена въ Оксфордскомъ университетѣ. Для этого потребовались суровыя мѣры архіепископа Арондела (Arundel) четверть вѣка спустя. Этому архіепископу удалось вырвать съ корнемъ уиклиффизмъ и вмѣстѣ съ нимъ умственную независимость университета. По словамъ одного изъ изслѣдователей уиклиффизма, исторія Оксфордскаго университета болѣе, чѣмъ столѣтіе, представляла собою исторію почти непрерывнаго упадка науки, нравственности и религіи.

Конецъ Уиклиффа.

Ученіе Уиклиффа было осуждено, но самого Уиклиффа и не пытались требовать къ суду. Онъ пользовался полною безопасностью и свободой. Весьма вѣроятно, что послѣ разгрома его партіи въ Оксфордѣ Блэкфрайарскимъ синодомъ Уиклиффъ счелъ удобнымъ удалиться навсегда въ свой Лэттеруорзскій приходъ. Въ Lutterworth'ѣ реформаторъ работалъ неутомимо. Онъ писалъ въ большомъ количествѣ трактаты на англійскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ это же время онъ изложилъ свое ученіе въ видѣ системы въ одномъ изъ самыхъ важныхъ изъ своихъ сочиненій, въ „Тріалогѣ" (Trialogus).

Въ 1383 году папа Урбанъ VI объявилъ крестовый походъ противъ своего соперника, антипапы Бенедикта. Епископъ норичскій, воинственный Генри Деспенсеръ, снарядилъ экспедицію во Фландрію. Экспедиція кончилась весьма позорно. Уиклиффъ написалъ по этому поводу одинъ изъ самыхъ сильныхъ своихъ памфлетовъ: *The Crusade* (крестовый походъ). Въ этомъ памфлетѣ онъ съ негодованіемъ указываетъ на то, до какой степени извращена священная роль представителей церкви, ставящихъ цѣлью своей дѣятельности войну, къ тому же войну, организованную на средства, добытыя путемъ продажи индульгенцій, и начатую въ расчетѣ на жажду къ грабежу и на застарѣлую ненависть англичанъ къ Франціи.

Популярность Уиклиффа все росла. Число послѣдователей его особенно было велико въ Лестерскомъ графствѣ и въ Лондонѣ. Не

мало ихъ было и въ другихъ мѣстахъ. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта. Въ маѣ 1382 года лорды дали свое согласіе на изданіе ордонианса, направленнаго духовенствомъ (рукой архіепископа кентербэрійскаго) противъ странствующихъ проповѣдниковъ („бѣдныхъ священниковъ") Уиклиффа. Но осенью слѣдующаго года по петиціи общинъ ордонансъ этотъ былъ отмѣненъ.

Въ 1384 г. папа Урбанъ позвалъ Уиклиффа къ отвѣту въ Римъ. Призывъ явился слишкомъ поздно. Изуродованный параличомъ еще въ 1382 и 1383 году, Уиклиффъ, не взирая на это, продолжалъ работать неустанно. 28-го декабря 1384 года, слушая мессу, онъ подвергся третьему удару, и наканунѣ новаго года реформатора не стало. Его похоронили въ Lutterworth'ѣ. 4-го мая 1415 года на Констанцскомъ соборѣ было рѣшено выбросить останки Уиклиффа изъ могилы, и черезъ двѣнадцать съ лишнимъ лѣтъ постановленіе собора привелъ въ исполненіе епископъ Флемингъ.

На предыдущихъ страницахъ разсказана жизнь Уиклиффа въ связи съ жизнью современнаго ему англійскаго общества. Мы видѣли, что Уиклиффъ не былъ человѣкомъ, способнымъ замкнуться въ сферѣ чистаго мышленія, куда не доносится шумъ дѣйствительной жизни. Напротивъ, это была натура, чрезвычайно живо воспринимавшая впечатлѣнія современности, чуткая ко всякой неправдѣ общественной, неустрашимо выступавшая на защиту праваго дѣла. Отзываясь на жизненные запросы, формулируя въ видѣ опредѣленныхъ положеній назрѣвшія потребности общества, мысль Уиклиффа была вполнѣ реальною мыслью, не взирая на всѣ схоластическія одѣянія свои; слово Уиклиффа было его общественнымъ дѣломъ.

Общественная дѣятельность Уиклиффа опиралась на опредѣленные принципы, на опредѣленную теорію человѣческихъ отношеній. Эта-то теорія и сообщила дѣятельности Уиклиффа характеръ и значеніе, опредѣлившіе мѣсто Уиклиффа не только въ исторіи англійскаго общества, но и въ исторіи культурнаго развитія всей Западной Европы. Мы уже познакомились съ этою теоріей въ отдѣльныхъ ея частяхъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ ея примѣненія. Теперь попытаемся свести эти части въ одну систему и указать отношеніе ея къ господствовавшему въ эпоху Уиклиффа міровоззрѣнію.

Основныя положенія Уиклифа.

Въ основѣ ученія Уиклиффа лежитъ чисто феодальное понятіе о *владѣніи* (dominium) и соотвѣтствующей ему *службѣ* (servitium). Подобно тому, какъ полное право собственности на землю (dominium eminens) по теоріи феодализма принадлежитъ одному лишь королю, такъ и по ученію Уиклиффа высшее право на владѣніе всѣмъ существующимъ въ мірѣ принадлежитъ одному лишь Богу. Это высшее владѣніе, потому что за него не слѣдуетъ никакой службы; вѣдь Богъ—самое высшее существо, ни отъ кого не зависящее. Всѣ люди — Его творенія; жизнью и всѣмъ, чѣмъ они владѣютъ, они обязаны Богу; Онъ имъ все пожаловалъ, и они, съ своей стороны, обязаны Богу за это службой; служба эта—исполненіе закона Божьяго, заключающагося въ Евангеліи. Такимъ образомъ, всѣ люди „держатъ" отъ Бога по феодальному договору, за извѣстное обязательство. Мы видимъ здѣсь полное отраженіе феодальной теоріи, которая, какъ извѣстно, всякій видъ собственности, даже ровно ничего общаго съ феодализмомъ не имѣющій, представляла держаніемъ, пожалованнымъ на условіи службы.

Служба человѣка Богу, какъ обязательство исполнять законъ Божій, соблюдать евангельскую правду, лежитъ на всѣхъ безъ исключенія людяхъ въ одинаковой степени. Въ этомъ отношеніи держанія всѣхъ людей равны, и нѣтъ никакого различія между богатымъ и бѣднымъ, между знатнымъ лордомъ, даже королемъ, и простымъ вилланомъ, между папой и простымъ міряниномъ. Всѣ они равны, всѣ „держатъ" *непосредственно* отъ Бога. Человѣкъ до тѣхъ поръ сохраняетъ право на владѣніе, пока исполняетъ свое обязательство передъ Богомъ, пока несетъ свою службу, пока живетъ по правдѣ евангельской.

Всякое владѣніе (dominium) (въ строгомъ смыслѣ „держаніе") основано на милости Божіей. Нарушая свое обязательство, впадая въ смертный грѣхъ, человѣкъ тѣмъ самымъ лишается милости Божьей и вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, лишается права на держаніе: его держаніе подлежитъ конфискаціи. „Тотъ, кто находится въ милости,—говоритъ Уиклиффъ,—есть господинъ всего, а кто лишается милости, не исполняя своихъ обязанностей, лишается и права на вещь, которою владѣетъ, и дѣлаетъ себя не имѣющимъ права владѣть дарами Божьими. Вѣдь въ Писаніи сказано: „Праведный человѣкъ имѣетъ въ своей власти весь міръ богатствъ, а неправедный не имѣетъ и полушки". Св. Августинъ сказалъ: „Грѣхъ есть ничто, и люди, когда они грѣшатъ, становятся ни-

чѣмъ". Если грѣшники ничто, заключаетъ отсюда Уиклиффъ, очевидно, ничѣмъ и владѣть они не могутъ. Если всякій праведный человѣкъ владѣетъ всѣмъ міромъ, значитъ всѣ блага міра находятся въ общемъ владѣніи у всѣхъ праведныхъ людей.

Таковы исходные пункты ученія Уиклиффа. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, принадлежащаго лично Уиклиффу. Чисто феодальная теорія отношенія человѣка къ Богу, теорія владѣнія (dominium) съ соотвѣтствующею ему службою (servitium), была уже формулирована до Уиклиффа Ричардомъ Фицъ-Ральфомъ (Fitz-Ralph), епископомъ Армагскимъ (Armagh), бывшимъ одно время профессоромъ Оксфордскаго университета, врагомъ нищенствующихъ орденовъ. Но если Fitz-Ralph перенесъ ученіе о владѣніи на небо, то Уиклиффъ опять вернулъ это ученіе на землю, вывелъ изъ него всѣ послѣдствія для современнаго ему общества и государства, облекъ его въ плоть и кровь современной ему дѣйствительности.

Если высшее dominium принадлежитъ одному Богу и всѣ люди только „держатъ" непосредственно отъ Бога, всѣ на равныхъ правахъ, въ такомъ случаѣ никто не можетъ заявлять притязанія на роль намѣстника Христа на землѣ, какъ ее понимаетъ католическая церковь. Папа находится въ такихъ же отношеніяхъ съ Богомъ, какъ и всѣ люди, онъ „держитъ" отъ Него свою власть на равныхъ правахъ со всѣми христіанами, и разъ онъ впалъ въ смертный грѣхъ, онъ лишается всякихъ правъ на свое „держаніе". Не вѣрно поэтому ученіе католической церкви, что папа — намѣстникъ Христа на землѣ и власть его выше всякой земной власти. Не истинно, слѣдовательно, и ученіе католической церкви о двухъ мечахъ, духовномъ и свѣтскомъ, изъ которыхъ одинъ повелѣваетъ, другой исполняетъ его велѣнія. Власть папы и власть короля въ основѣ своей одного происхожденія, и такого отношенія между ними, на какое заявляетъ притязаніе папа, не существуетъ. Если ужъ нужно кого-нибудь называть намѣстникомъ Христа на землѣ, то этотъ титулъ въ такой же степени приложимъ и къ королю. Мало того: въ случаѣ столкновенія властей духовной и свѣтской уступать должна духовная власть. Это можетъ случиться, когда церковь присваиваетъ себѣ то, что принадлежитъ государству, когда она впутывается въ денежныя дѣла и заявляетъ притязанія на территоріи. Свѣтскія дѣла всецѣло должны находиться въ вѣдѣніи свѣтской власти, государства; сфера дѣятельности духовной власти — чисто и исключительно духовная. „Управлять свѣтскими владѣніями, какъ это дѣлается въ гражданскомъ обществѣ, — го-

ворить Уиклиффъ, — завоевывать королевства и требовать подати принадлежитъ земной власти, а не папѣ; такъ что, если папа оставляетъ безъ должнаго вниманія свои обязанности духовнаго управленія и вмѣшивается въ другія отношенія, его дѣло не только излишне, но и противно Св. Писанію". Конечно, больше всего впутываютъ представителя церкви въ мірскія дѣла и отвлекаютъ отъ его прямыхъ обязанностей имущественныя отношенія, богатство. Уиклиффъ считаетъ поэтому несовмѣстимымъ съ положеніемъ духовнаго лица владѣніе имуществомъ, дающимъ ему возможность вести роскошную жизнь. Примѣромъ долженъ служить Христосъ и Его апостолы, которые жили въ добровольной бѣдности. Церковь тогда только была истинною церковью, когда ея представители слѣдовали этому примѣру; это была первоначальная церковь, и она уклонилась отъ прямого пути, когда папа Сильвестръ принялъ дареніе Константина; съ тѣхъ поръ христіанство стало извращаться. Духовенство должно жить на добровольныя приношенія мірянъ, на десятину, которая давала бы ему матеріальную возможность исполнять свои обязанности. Между тѣмъ міряне сдѣлали церковь страшно богатою. Это былъ грѣхъ. Они должны путемъ мудрыхъ и постепенныхъ мѣръ отнять у церкви ея земельныя имущества. Священникъ, не исполняющій, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей, лишается права на содержаніе по рѣшенію прихожанъ.

Между человѣкомъ и Богомъ существуютъ непосредственныя отношенія, непосредственный безмолвный договоръ. Лишь только человѣкъ нарушаетъ этотъ договоръ, какъ онъ немедленно лишается права на „держаніе", на пользованіе властью и всѣми благами жизни, отлучаетъ себя отъ общества праведныхъ. Отлученіе церковное имѣетъ смыслъ только какъ простое внѣшнее констатированіе этого внутренняго факта, отлученіе себя человѣкомъ путемъ грѣха; въ тѣхъ случаяхъ, когда этого внутренняго факта нѣтъ, когда человѣкъ продолжаетъ исполнять свою „службу" Богу, жить по Его закону, въ этихъ случаяхъ отлученіе не имѣетъ силы, недѣйствительно. Папа, заявляющій притязанія на право распоряжаться ключами царствія небеснаго, на право вязать и рѣшить, терпитъ, такимъ образомъ, сильный уронъ; право его не имѣетъ силы въ случаѣ отлученія имъ человѣка за неисполненіе его свѣтскихъ притязаній, за непризнаніе его свѣтской власти, за невзносъ податей, за отказъ въ десятинѣ и т. п.

Разъ папа не есть намѣстникъ Христа, а „держитъ" отъ Бога на тѣхъ же условіяхъ, что и всѣ остальные христіане, въ такомъ

случаѣ римская курія не есть послѣдняя инстанція — верховный трибуналъ остается на небѣ.

Права папы подверглись, такимъ образомъ, въ теоріи Уиклиффа значительному сокращенію. Уиклиффъ идетъ и дальше. Онъ приходитъ къ заключенію, что папа не есть необходимый элементъ въ строѣ христіанской церкви. Но и на этомъ Уиклиффъ не остановился. Онъ еще послѣдовательнѣе развилъ свои взгляды, исходя изъ факта непосредственнаго отношенія между человѣкомъ и Богомъ. Между человѣкомъ и Богомъ отношенія непосредственныя. Исполняетъ человѣкъ свои обязательства передъ Богомъ, онъ въ милости у Бога и имѣетъ всѣ права; не исполняетъ, и онъ лишается всѣхъ правъ. Посредниковъ ему не нужно ни на небѣ, ни на землѣ. О своихъ обязательствахъ передъ Богомъ, о своей „службѣ“ онъ узнаетъ изъ Св. Писанія, читая его на родномъ языкѣ. Священники напрасно считаютъ себя посредниками: помимо того, что въ нихъ, какъ въ посредникахъ, нѣтъ никакой надобности, они и никакихъ особыхъ преимуществъ передъ міряками не имѣютъ; ничего сверхъестественнаго имъ творить не дано: таинства пресуществленія въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ католическая церковь, не существуетъ. Уиклиффъ находитъ вполнѣ возможнымъ представить себѣ такой общественный строй, въ которомъ церковь будетъ состоять изъ однихъ мірянъ, безъ всякой духовной іерархіи, продукта позднѣйшаго развитія церкви въ ложномъ направленіи, когда церковь уклонилась отъ пути, указаннаго въ Евангеліи.

Такимъ образомъ, совѣсти каждаго человѣка дана полная свобода; человѣкъ самъ, безъ посредниковъ, устраиваетъ свои отношенія съ Богомъ. Эта Уиклиффова идея *личнаго* спасенія, безъ посредства церкви, занимаетъ главное мѣсто въ ученіи Гуса и нѣмецкихъ реформаторовъ.

Таковъ идеальный строй общества. Но во имя идеала Уиклиффъ вовсе не упраздняетъ современнаго ему общественнаго строя. Въ реальномъ мірѣ владѣніе, власть имѣютъ и грѣшники. Въ реальномъ мірѣ „Богъ долженъ повиноваться діаволу“ (Deus debet oboedire diabolo),—утверждаетъ Уиклиффъ. Въ реальномъ мірѣ господствуетъ Богомъ терпимый компромиссъ, въ силу котораго христіанинъ обязанъ повиноваться установленнымъ властямъ, даже если представители власти завѣдомо несправедливые люди. Какъ Богъ допустилъ въ сотворенномъ Имъ мірѣ существованіе зла, какъ Христосъ повиновался діаволу, соглашаясь подвергнуться отъ него

искушеніямъ,—такъ всякій христіанинъ долженъ подчиниться неправедному должностному лицу или епископу. Въ реальномъ мірѣ праведные люди очень часто терпятъ всякія угнетенія и лишенія, не теряя своихъ правъ на „держаніе", на всѣ блага міра.

Какъ видимъ, эта послѣдняя часть ученія Уиклиффа мало вяжется съ предшествовавшими утвержденіями, являясь не логическимъ выводомъ изъ данныхъ посылокъ, а скорѣе насильственною точкой, поставленною на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало стоять самому выводу.

Д. Петрушевскій.

LXXIV.

Чешскій реформаторъ Іоаннъ Гусъ.

Упадокъ папской власти.

Реформаціонное движеніе, обнаружившееся во второй половинѣ XIV в. въ Англіи и связанное съ именемъ Уиклиффа, нашло себѣ сильный отголосокъ и на материкѣ Европы, въ наслѣдственныхъ земляхъ императоровъ Люксембурговъ, въ средѣ славянскаго чешскаго народа. Событія, сопровождавшія зарожденіе и развитіе чешской реформаціи, выходятъ далеко за предѣлы Чехіи, пріобрѣтаютъ общеевропейское, всемірно-историческое значеніе: смѣлый зачинщикъ движенія является въ качествѣ подсудимаго передъ лицомъ Констанцскаго собора, представляющаго собою всю католическую церковь, осужденъ и сожженъ какъ еретикъ; вѣсть о его кончинѣ вызываетъ цѣлый рядъ кровавыхъ войнъ во имя вѣры и народности, пять крестовыхъ походовъ предпринимаются для искорененія ереси, но тщетно, и побѣдоносные гуситы наводятъ страхъ на всю Германію. Вопросъ о церковной реформѣ занимаетъ всѣ передовые умы XV в. и уже не сходитъ со сцены до возникновенія новой рѣшительной борьбы противъ католицизма, вызванной появленіемъ Лютера, Цвингли и Кальвина. Историческія обстоятельства достаточно выясняютъ, почему именно въ концѣ XIV и началѣ XV в. съ такою силой обнаружилось въ нѣдрахъ самой католической церкви стремленіе къ преобразованію послѣдней сверху до низу, „въ главѣ и въ членахъ“ („an Haupt und Gliedern“). Ближайшею причиной этого стремленія, носившаго въ себѣ зародыши будущей реформаціи, является матеріальный и нравственный упа-

---

Пособія: *Палацкій*. Исторія, т. III. *Loserth*. Hus und Wiclif. *Lechler*. I. von Wiclif. *Бильбасовъ*. Чехъ Янъ Гусъ. *Новиковъ*. Гусъ и Лютеръ.

докъ папской власти, сообщавшей духовное и отчасти политическое единство средневѣковому строю государственному и церковному, налагавшей на всю Западную Европу отпечатокъ теократіи. Съ тѣхъ поръ, какъ римскій первосвященникъ сталъ плѣнникомъ французскаго короля, и столица церкви на 70 лѣтъ перешла изъ Рима въ Авиньонъ, рушилось навсегда всемірное господство папскаго престола: эпоха такъ называемаго „вавилонскаго плѣненія“ была для церкви временемъ униженія, и преемники Климента V, перваго авиньонскаго папы, являются жалкими орудіями политики французскихъ королей. Но и послѣдовавшее въ 1377 г. возвращеніе Григорія XI въ Римъ, долженствовавшее повести за собою возстановленіе папской независимости и авторитета, не только не улучшило положенія дѣлъ, но, напротивъ, дало поводъ къ небывалому расколу, къ неслыханному соблазну для всего католическаго міра: коллегія кардиналовъ раздвоилась, и по смерти Григорія XI (въ 1378 г.) появились одновременно два преемника св. Петра, итальянецъ Урбанъ VI въ Римѣ и французъ Климентъ VII въ Авиньонѣ. Это раздвоеніе не скоро удалось устранить: оно продолжалось и послѣ, сопровождаясь обоюдными отлученіями и проклятіями. Понятно, что при такомъ положеніи вещей фактическая власть должна была перейти въ руки кардиналовъ, избирателей папы, и личность послѣдняго дѣйствительно отступаетъ на задній планъ: единоличная форма управленія дѣлами церкви переходитъ на время въ коллегіальную, открывается эпоха церковныхъ соборовъ, отъ которыхъ всѣ вѣрующіе ждутъ возрожденія церкви; выдвигается принципъ подчиненія власти папы власти церковнаго, вселенскаго собора. Пизанскій соборъ 1409 г., сошедшійся по иниціативѣ кардиналовъ двухъ враждующихъ папъ, въ качествѣ высшей инстанціи объявилъ низложеніе обоихъ,—Григорія XII и Бенедикта XIII, избравъ на ихъ мѣсто престарѣлаго Александра V. Но единство церкви не было возстановлено этимъ актомъ ни при жизни вновь избраннаго папы, ни послѣ его скоро послѣдовавшей смерти (1411 г.), при его преемникѣ, безнравственномъ Іоаннѣ XXIII, такъ какъ оба низложенные схизматика отказались подчиниться рѣшенію собора. Такимъ образомъ, 1410 г. явилъ міру невиданное до тѣхъ поръ зрѣлище борьбы трехъ претендентовъ на папскій престолъ. Только Констанцскому собору удалось возстановить внѣшнее единство церкви, достигнуть низложенія Іоанна, добиться отреченія Григорія и, наконецъ, принудить къ тому же упрямаго Бенедикта не ранѣе 1417 г. Судьба устроила такъ, что одновременно съ расколомъ въ римской

церкви произошелъ такой же расколъ и въ Священной Римской Имперіи: низложенный курфюрстами уже въ 1400 г., Венцеславъ, оставаясь по наслѣдству королемъ Чехіи, не отказывался и отъ императорской короны, перешедшей къ Рупрехту Пфальцскому; по смерти послѣдняго (1410) голоса избирателей раздѣлились, вслѣдствіе чего избранными явились, съ одной стороны, Сигизмундъ, младшій братъ Венцеслава, король Венгріи, съ другой—маркграфъ Іостъ Моравскій, ихъ двоюродный братъ, правда, умершій уже въ слѣдующемъ 1411 году бездѣтнымъ. Такъ начало XV вѣка представляетъ эпоху одновременнаго упадка и разложенія обѣихъ властей: духовной и свѣтской, папской и императорской, на взаимодѣйствіи которыхъ должна была держаться вся политическая жизнь среднихъ вѣковъ по мысли Карла Великаго. Отношенія, въ какія становились въ описываемое нами смутное время различные носители императорской короны къ быстро смѣнявшимъ другъ друга и появлявшимся одновременно римскимъ первосвященникамъ, признаніе или непризнаніе того или другого папы въ наслѣдственныхъ земляхъ Люксембургской династіи, оказывали самое осязательное вліяніе на весь ходъ церковной жизни, производя смуту въ управленіи церковью, подрывая авторитетъ духовенства, усиливая и безъ того уже громко раздававшіяся жалобы на упадокъ христіанской нравственности въ его средѣ, подготовляя такимъ образомъ почву для будущихъ реформаторовъ. Въ то время, какъ люди болѣе умѣренные надѣялись достигнуть возрожденія церкви при помощи самихъ ея представителей, путемъ соборовъ, не отступая отъ католическихъ традицій, умы болѣе крайняго направленія должны были силой вещей дойти до отрицанія этихъ традицій, убѣдившись въ ихъ несовмѣстимости съ дѣйствительными реформами, должны были вступить на путь протестантизма.

Церковныя особенности Чехіи

Но если историческія условія начала XV в. въ достаточной степени объясняютъ, почему вообще въ это время вопросъ о необходимости преобразованій въ церковной жизни сталъ на первую очередь, почему же, спрашивается, именно въ Чехіи этотъ вопросъ оказался настолько жгучимъ, что повлекъ за собою съ теченіемъ времени настоящую религіозную революцію? Существуетъ мнѣніе, видящее прямую связь между гуситизмомъ и сохранившимися будто бы въ чешскомъ народѣ въ теченіе вѣковъ слѣдами православнаго вѣроученія и греко-славянскаго обряда, которыхъ не успѣло вполнѣ заглушить римское вліяніе. Однако трудно указать на факты, которые подтверждали бы подобное предположеніе; даже

тамъ, гдѣ гуситизмъ дѣйствительно соприкасается съ православіемъ, какъ въ требованіи причащенія для мірянъ подъ обоими видами (sub utraque), трудно доказать знакомство Гуса и его послѣдователей съ греческимъ ритуаломъ: совпаденіе скорѣе является случайностью, тѣмъ болѣе, что и въ католической церкви по этому вопросу не сразу установилось единообразіе, и только четвертый Латеранскій соборъ 1215 г. рѣшительно постановилъ причащеніе sub utraque только для клира въ отличіе отъ мірянъ. Хотя впослѣдствіи чаша (calix) сдѣлалась какъ бы символомъ всего гуситскаго движенія, безъ различія партій, такъ что всѣ гуситы получили наименованіе *утраквистовъ*, замѣчательно, что самъ Гусъ не поднималъ вопроса о формѣ причащенія: еще нѣсколько раньше въ пользу утраквизма высказывался магистръ Матвѣй изъ Янова, но затѣмъ отрекся отъ своего мнѣнія по требованію церковной власти; собственно же въ кругъ ученія гуситовъ утраквизмъ ввелъ впервые и съ успѣхомъ магистръ Яковъ (по-чешски Якубекъ, по причинѣ малаго роста прозванный Jacobellus), и ввелъ въ то время, когда Гусъ находился уже въ Констанцѣ, при чемъ онъ, узнавъ объ этомъ нововведеніи, высказался въ его пользу, хотя и не призналъ причащенія sub utraque необходимымъ и обязательнымъ, а только желательнымъ. Точно такъ же Гусъ не касался вопроса о введеніи національнаго языка въ богослуженіе. По этому поводу не мѣшаетъ замѣтить, что уже въ X в., при учрежденіи епископской каѳедры въ Прагѣ, славянское богослуженіе было замѣнено латинскимъ, хотя не скоро было имъ вполнѣ вытѣснено: еще въ XI в. служба совершалась на славянскомъ языкѣ въ основанномъ около того времени Сазаво-Эммаусскомъ монастырѣ, но къ концу вѣка была запрещена.

Хотя и впослѣдствіи монахи этого монастыря сохраняли нѣкоторыя особенности въ чинѣ богослуженія, но подчинялись духовной власти Рима, и основатель монастыря, пр. Прокопій, былъ даже канонизованъ въ 1204 г. Иннокентіемъ III. Почти такъ же мало доказанною представляется связь гуситизма съ вліяніемъ ереси вальденцевъ, появившихся въ XIII в. (около 1265 г.) въ сосѣднемъ съ Чехіей Регенсбургѣ и потомъ въ Австріи, откуда ихъ ученіе могло проникнуть и къ чехамъ; быть можетъ, именно такого происхожденія была та ересь, для подавленія которой король Оттокаръ II въ 1257 г. обратился къ содѣйствію папы Александра IV, который назначилъ двухъ монаховъ миноритовъ инквизиторами въ Чехіи. Но и это предположеніе остается только догадкой. Зато, какъ

увидимъ ниже, вполнѣ несомнѣнны духовная близость Гуса къ Уиклиффу и прямое вліяніе ученій оксфордскаго доктора на образъ мыслей пражскаго магистра.

Конрадъ Вальдгаузенскій.

Уже въ началѣ XIV в. видимъ въ Чехіи первые признаки разладицы въ церковной жизни, послужившей исходнымъ пунктомъ для всего дальнѣйшаго движенія. Прежде всего начинаются столкновенія между епископами и поставленными въ непосредственную зависимость отъ папскаго престола монашескими орденами францисканцевъ-миноритовъ, доминиканцевъ, кармелитовъ и августинцевъ-эремитовъ. Первоначально славившіеся своею богословскою ученостью и въ особенности проповѣдническою дѣятельностью, эти монахи съ теченіемъ времени стали навлекать на себя сильныя порицанія за уклоненіе отъ аскетическаго идеала, за гордость, жадность и погоню за вліяніемъ на массы, заступившія мѣсто христіанскаго смиренія и добровольной бѣдности. Указанныя столкновенія сопровождались взаимными жалобами и обвиненіями, интердиками и заподозрѣваніемъ въ ереси. Дѣло доходило даже до открытой борьбы. Такъ было при епископѣ Іоаннѣ и его преемникѣ, первомъ пражскомъ архіепископѣ, знаменитомъ Арнестѣ (Эрнстѣ) изъ Пардубица. Этотъ современникъ императора Карла IV, подобно послѣднему и заодно съ нимъ, положилъ много труда,—и не безъ успѣха,—на укрѣпленіе дисциплины и на поднятіе нравственности и образованности среди духовенства своей епархіи. Между прочими постановленіями, издаваемыми на помѣстныхъ соборахъ, руководимыхъ Арнестомъ, стоитъ отмѣтить одно, предписывающее священникамъ учить прихожанъ молитвѣ Господней, заповѣдямъ и краткому апостольскому символу вѣры на народномъ языкѣ. Ко времени того же архіепископа относится дѣятельность знаменитаго проповѣдника августинскаго ордена, Конрада Вальдгаузенскаго, изъ Верхней Австріи, котораго императоръ Карлъ IV призвалъ въ свою любимую родную страну. Это былъ проповѣдникъ христіанской морали, бичевавшій всенародно пороки какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго общества,—нравственную распущенность, высокомѣріе и лицемѣріе, жадность, страсть къ роскоши и т. д. Успѣхъ проповѣди былъ громадный: слушатели стекались толпами и подъ вліяніемъ увлекательныхъ рѣчей Конрада дѣйствительно каялись и измѣняли образъ жизни, замѣняя пышные наряды простымъ платьемъ и воздерживаясь отъ прежнихъ грѣховъ. Нападки Конрада на монаховъ за ихъ испорченность вызывали со стороны послѣднихъ обвиненія противъ него, касавшіяся, впрочемъ, исключительно области дисциплинарно-нравствен-

ной, а не догматической, какъ и проповѣди самого Конрада не касались этого элемента. Покровительство императора дозволило, однако, Конраду продолжать свою дѣятельность уже въ качествѣ настоятеля крупнаго прихода въ Прагѣ до самой его смерти, случившейся въ 1369 г., томъ самомъ, когда родился Іоаннъ Гусъ.

Миличъ. Одновременно съ Конрадомъ и нѣсколько лѣтъ послѣ него проповѣдывалъ съ такимъ же жаромъ и съ еще большимъ успѣхомъ, но уже не на нѣмецкомъ, а на чешскомъ языкѣ, Миличъ изъ Кромѣрижа (Кремзира, въ Моравіи), отказавшійся отъ сана архидіакона и соборнаго священника, равно какъ отъ званія императорскаго подканцлера, для того, чтобы въ добровольной бѣдности и смиреніи послѣдовать Христу и проповѣдывать покаяніе и христіанскую чистоту жизни. Дѣйствіе его проповѣдей было настолько сильно, что притоны разврата, занимавшіе въ Прагѣ цѣлый кварталъ, опустѣли и были разрушены дотла Миличемъ, которому императоръ Карлъ отдалъ все это мѣсто въ собственность для устройства громаднаго пріюта покаявшихся грѣшницъ во имя Маріи Магдалины. Проповѣдуя на народномъ языкѣ, что было неслыханною новостью и что особенно привлекало толпы слушателей, Миличъ обращался и къ нѣмецкому языку, смотря по составу своей аудиторіи, какъ и къ латинскому, передъ учеными и студентами. Ведя строгую жизнь аскета, нося грубую власяницу и призывая современное ему общество къ нравственному обновленію, Миличъ въ то же время неустанно углублялся въ Священное Писаніе и вынесъ оттуда убѣжденіе, что наступили уже тѣ страшныя времена, предсказанныя Спасителемъ, когда „по причинѣ умноженія беззаконій во многихъ изсякнетъ любовь“ и когда „на святомъ мѣстѣ станетъ мерзость запустѣнія“. Это воззрѣніе сообщило особый отпечатокъ мистически настроенной натурѣ Милича: свое мнѣніе, изложенное въ особомъ трактатѣ (Libellus de Antichristo), Миличъ открыто заявилъ въ самомъ Римѣ, куда прибылъ нарочно съ этою цѣлью. Заарестованный римскою инквизиціей, онъ былъ однако отпущенъ на свободу по приказанію Урбана V. Впослѣдствіи онъ вторично долженъ былъ предстать передъ судомъ папы Григорія XI въ Авиньонѣ по обвиненію, изложенному въ двѣнадцати пунктахъ; и на этотъ разъ ему удалось оправдаться, послѣ чего вскорѣ онъ захворалъ и умеръ въ Авиньонѣ (1374 года). Карлъ IV и архіепископъ пражскій все время покровительствовали Миличу. Предвѣстники чешской реформаціи дѣйствуютъ еще въ согласіи съ высшею властью, свѣтскою и ду-

ховною, ждутъ еще отъ папы и собора искорененія плевелъ и возрожденія церкви.

Матвѣй изъ Янова.

Какъ видно изъ обвинительныхъ пунктовъ, Миличъ, какъ и Конрадъ, не касался собственно области догматовъ, ограничиваясь чисто нравственною моралью. Достойно замѣчанія, что Миличъ горячо совѣтовалъ своимъ слушателямъ какъ можно чаще, по возможности ежедневно, искать подкрѣпленія и утѣшенія въ таинствѣ евхаристіи, что также было поставлено ему въ вину и что должно было со временемъ обратить особое вниманіе на вопросъ о причащеніи. Ревностнымъ ученикомъ Милича является Матвѣй изъ Янова, получившій степень магистра въ Парижѣ, занимавшій въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, до самой смерти (въ 1394 г.), мѣсто соборнаго настоятеля и исповѣдника; кругъ дѣятельности Матвѣя былъ болѣе ограниченъ сравнительно съ дѣятельностью его предшественниковъ: онъ не выступалъ всенародно въ роли пророка и апостола, довольствуясь исполненіемъ обязанностей духовника и особенно усердными литературными занятіями. Свои многочисленные богословскіе трактаты Матвѣй впослѣдствіи соединилъ въ одно цѣлое подъ заглавіемъ: „De regulis veteris et novi testamenti“ — объемистое, пятитомное сочиненіе, основная мысль котораго заключается въ противоположеніи истиннаго христіанства ложному, церкви Христовой обществу злыхъ, царству антихриста. Основныя правила (regulae) истинно-христіанской морали Матвѣй извлекъ изъ Библіи въ числѣ 12, 4—изъ Ветхаго и 8—изъ Новаго Завѣта. Церковь есть совокупность вѣрующихъ, живущихъ въ духѣ христіанскаго ученія, подражающихъ Христу въ смиреніи и самоотреченіи, постоянно носящихъ въ сердцѣ образъ Распятаго. Подобно его предшественникамъ, Матвѣй также выдвигаетъ на первый планъ не теорію, а практику христіанства, не догматику, а христіанскія добродѣтели. До своихъ воззрѣній Матвѣй, по его словамъ, дошелъ путемъ внимательнаго наблюденія надъ современностью и ея сравненія съ первобытнымъ христіанствомъ и особенно путемъ чтенія Библіи, заключающей въ себѣ достаточный матеріалъ для уясненія всѣхъ основныхъ вопросовъ религіи, въ виду чего Матвѣй сравнительно мало черпалъ изъ твореній отцовъ церкви и ученыхъ богослововъ (quarropter in his scriptis meis per totum usus sum maximo Biblia *et modicum de dictis doctorum*). Это преимущественное пользованіе Библіей, съ которою Матвѣй, по его признанію, не разставался отъ юности до старости, ни дома, ни въ пути, ни во время занятій, ни въ часы отдыха, которая была для него свѣтомъ и утѣ-

шеніемъ, сближаетъ Матвѣя съ будущими протестантами, опирающимися на авторитетъ Библіи въ борьбѣ противъ средневѣковой католической схоластики. Матвѣй уже выдѣляетъ изъ состава христіанства второстепенныя частности, устанавливая основныя, существенныя его начала; онъ различаетъ предписанія Божіи (praecepta Dei) и ученія и преданія человѣческія (mandata et traditiones hominum), называя послѣднія даже изобрѣтеніями (adinventiones), и скорбитъ о томъ, что люди и даже само духовенство болѣе придаютъ значенія такимъ изобрѣтеніямъ, чѣмъ праведности и любви къ ближнему. Хотя эти „преданія человѣческія" и не указываются съ достаточною точностью, но именно по этому пункту Матвѣй всего ближе подходитъ къ протестантской точкѣ зрѣнія. Требуя отъ вѣрующихъ истинно-христіанскаго настроенія и возставая противъ преобладанія внѣшняго, обрядоваго благочестія, Матвѣй навлекъ на себя обвиненіе со стороны своихъ враговъ въ непочитаніи иконъ и мощей и на церковномъ соборѣ 1389 г. принужденъ былъ отречься отъ своихъ заблужденій, признать спасительность почитанія святыхъ и молитвъ къ нимъ о заступничествѣ; обязался также не совѣтовать мірянамъ причащаться ежедневно, но и впредь остался при своемъ мнѣніи по этому вопросу, въ которомъ онъ шелъ вполнѣ по стопамъ Милича, считая спасительнымъ для души возможно частое причащеніе, но такъ же точно не требуя, по крайней мѣрѣ прямо, причащенія подъ обоими видами для мірянъ. Въ числѣ магистровъ и докторовъ Пражскаго университета было немало единомышленниковъ Матвѣя по указанному пункту. Впрочемъ, Матвѣй отнюдь не думалъ выступать реформаторомъ въ смыслѣ, враждебномъ существующему церковному строю: въ своихъ сочиненіяхъ онъ постоянно заявлялъ, что никогда не имѣлъ и не имѣетъ намѣренія противорѣчить въ чемъ-либо ученію святой католической церкви и потому заранѣе отрекается отъ всѣхъ заблужденій, которыя по невѣдѣнію могутъ прокрасться въ его писанія; и не только на словахъ, но и на дѣлѣ Матвѣй доказалъ эту готовность подчиниться приговору представителей церкви. Онъ умеръ въ 1394 г., когда Гусъ уже проходилъ свою учено-богословскую карьеру.

II.

Сношенія съ Англіей.

Мы видѣли уже, что интересъ къ религіознымъ вопросамъ, вызвавшій появленіе проповѣдниковъ христіанскаго нравственнаго идеала, но становившихся однако въ рѣзкую оппозицію авторитету церкви, былъ въ свою очередь вызванъ къ жизни въ Чехіи причинами, которыя можно назвать общими для всего тогдашняго христіанскаго міра. Темныя стороны церковной жизни, особенно ярко обнаружившіяся въ эпоху великаго раскола, невѣжество и суевѣріе массъ, обрядовое благочестіе при отсутствіи духа христіанской любви и чистоты, пороки высшаго общества и самого клира, жадность къ наживѣ, роскошь, гордость, жестокость и распущенность нравовъ,—всѣ эти явленія общаго характера дѣйствовали съ особою силой въ Чехіи, благодаря, какъ мы видѣли, стараніямъ Карла IV и пражскихъ архіепископовъ, направленныхъ къ водворенію лучшихъ порядковъ внутри церкви, стараніямъ, находившимъ живой отголосокъ въ умахъ лучшихъ людей того времени, каковы были Конрадъ Вальдгаузенскій, Миличъ, Матвѣй изъ Янова. Въ тѣсной связи съ этимъ стремленіемъ Карла къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня его подданныхъ стоитъ самое великое дѣло „отца Чехіи",—основаніе въ 1348 году университета въ Прагѣ по образцу знаменитыхъ разсадниковъ просвѣщенія въ Парижѣ и Болоньѣ. Это было событіе громаднаго обще-европейскаго значенія: Пражскій университетъ сталъ умственнымъ средоточіемъ всей центральной Европы, число его слушателей считалось тысячами; благодаря своему университету, Прага сдѣлалась тѣмъ, что нѣмцы называютъ Weltstadt. Международный характеръ университета, персоналъ котораго состоялъ изъ представителей четырехъ націй,—чешской, польской, саксонской и баварской,—вызывалъ международное умственное общеніе; питомцы Пражскаго университета довершали свое образованіе и получали магистерскія степени въ Парижѣ и Оксфордѣ.

Усиленная научная дѣятельность, хотя бы и схоластическая по общему характеру, выражавшаяся въ лекціяхъ, диссертаціяхъ, публичныхъ диспутахъ объ отвлеченныхъ вопросахъ права или религіи, литературныхъ трудахъ, будила мысль, пріучала ее къ самостоятельной работѣ и расширяла умственный кругозоръ общества. Обще-европейская научная связь, органомъ которой служилъ университетъ, выразилась особенно въ томъ, что именно онъ

является проводникомъ идей Уиклиффа изъ Англіи въ Чехію. Предшественники Гуса остались свободны отъ вліянія этихъ идей: это — новый элементъ, благодаря которому Гусъ представляетъ собою уже второе звено въ исторіи умственнаго движенія въ Чехіи въ XIV — XV вѣкахъ.

Помимо университетскаго общенія между Прагою и Оксфордомъ, существовала еще другая связь между двумя далекими одна отъ другой странами, связь династическая, завязавшаяся въ 1382 году, когда принцесса Анна, дочь Карла IV, стала супругой англійскаго короля Ричарда II, и продолжавшаяся до смерти въ 1394 г. „доброй королевы Анны“, какъ ее звали въ Англіи. Это названіе указываетъ на популярность дочери Карла IV въ ея новомъ отечествѣ, и весьма любопытно, что самъ Уиклиффъ, переводя Библію на англійскій языкъ, въ оправданіе своего предпріятія ссылался на примѣръ королевы, у которой имѣлось Евангеліе на трехъ языкахъ, — латинскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ. Такимъ образомъ, родство двухъ королевскихъ домовъ на первый разъ какъ будто обнаруживаетъ проявленіе вліянія на Англію со стороны Чехіи; но скоро устанавливается обратное отношеніе. Если трудно доказать проникновеніе уиклиффизма въ Чехію при жизни Уиклиффа, то, несомнѣнно, его ученіе проникло туда очень скоро по смерти англійскаго реформатора. Одинъ изъ крупнѣйшихъ ученыхъ и писателей чешской націи въ описываемую эпоху, Ѳома Штитный, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, писанныхъ въ самомъ концѣ XIV в., затрогиваетъ вопросъ, по его мнѣнію, совершенно неразрѣшимый, — о томъ, остается ли по пресуществленіи Св. Даровъ въ хлѣбѣ его прежнее существо. Это — вопросъ уже догматическаго характера (de remanentia panis), поднятый Уиклиффомъ и занимавшій всѣхъ богослововъ послѣдующаго времени; вліяніе здѣсь очевидно. Пражскіе студенты, доучивавшіеся къ Оксфордѣ, привозили на родину переписанные собственноручно философскіе трактаты Уиклиффа и затѣмъ излагали ихъ содержаніе съ каѳедры и дѣлали ихъ предметомъ диспутовъ, благодаря университетскому уставу, дозволявшему не только магистрамъ, но и баккалаврамъ чтеніе по тетрадямъ извѣстныхъ парижскихъ и оксфордскихъ профессоровъ. Вердиктъ лондонскаго собора 1382 г., объявившаго 24 положенія, извлеченныя изъ сочиненій Уиклиффа, ложными и даже еретическими и подвергшаго ихъ проклятію, не помѣшалъ ихъ распространенію на материкѣ. Другъ Гуса, извѣстный Іеронимъ Пражскій, призналъ передъ Констанцскимъ соборомъ, что онъ во время своей поѣздки

въ Англію (около 1396 г.) переписалъ нѣкоторыя изъ книгъ Уиклиффа (Dialogus и Trialogus) и привезъ въ Прагу. Самъ Гусъ въ сочиненіи противъ англичанина Стокза, писанномъ въ 1411 году, говоритъ, что онъ и его сотоварищи по университету имѣли въ рукахъ и читали книги Уиклиффа 20 лѣтъ и болѣе тому назадъ: значитъ, первое знакомство Гуса съ этими книгами относится къ 1391 г. или даже и ранѣе того. Такъ же точно, позднѣе, въ 1407 г., два пражскихъ студента привезли изъ Оксфорда просмотрѣнный списокъ съ книги Уиклиффа „De veritate sanctae scripturae". Сочиненія Уиклиффа не только переписывались, но и переводились: самъ Гусъ перевелъ его „Тріалогъ" на чешскій языкъ для маркграфа Іоста Моравскаго. Между пражскими магистрами старшаго поколѣнія къ числу приверженцевъ Уиклиффа принадлежали: Николай Лейтомышльскій, Станиславъ Знаймскій, Стефанъ Палечскій (оба послѣдніе со временемъ отступились отъ прежнихъ мнѣній и были непримиримыми врагами Гуса); изъ болѣе молодыхъ ученыхъ примкнули къ Уиклиффу Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій.

Біографія Гуса.

Іоаннъ Гусъ родился 6 іюля 1369 года въ мѣстечкѣ Гусинцѣ, Прахинскаго округа, у подножія горъ Шумавы (Богемскаго лѣса), близъ Баварской границы и истоковъ Вльтавы (Moldau). Его родители были простые, но зажиточные люди.

Біографія Гуса до 1403 г. не богата внѣшними фактами. Онъ учился въ Пражскомъ университетѣ, въ сентябрѣ 1393 г. достигъ степени баккалавра свободныхъ искусствъ, въ 1394 г.—баккалавра богословія, въ январѣ 1396 г. — магистра свободныхъ искусствъ. Дальше этой ученой степени Гусъ не пошелъ; повидимому, онъ не выдавался въ это время замѣтно по способностямъ въ ряду своихъ сотоварищей, такъ какъ при всѣхъ трехъ производствахъ его имя стоитъ лишь въ срединѣ списка удостоенныхъ степени. Однакоже, въ 1398 г. онъ читаетъ лекціи въ университетѣ, и въ томъ же году университетская корпорація избираетъ его въ экзаминаторы отъ чешской націи для добивающихся баккалавреата. Въ слѣдующемъ 1399 году Гусъ впервые выступаетъ открытымъ защитникомъ нѣкоторыхъ мнѣній Уиклиффа по случаю участія въ одномъ диспутѣ. Затѣмъ онъ быстро прошелъ по порядку двѣ важнѣйшія университетскія должности: въ 1401 г. онъ занялъ постъ декана философскаго факультета, а въ 1402 г. былъ избранъ ректоромъ университета и, по тогдашнему обычаю, занималъ эту должность въ теченіе полугода, до конца апрѣля 1403 г.

Кругъ дѣятельности Гуса, благодаря его положенію въ универ-

ситетѣ, былъ очень обширенъ, въ смыслѣ воздѣйствія на умы слушателей, и, кромѣ того, эта ученая дѣятельность была для него самого школой и способомъ дальнѣйшаго самообразованія, согласно принципу *docendo discimus*. Мы видѣли, что уже въ эти годы Гусъ былъ знакомъ съ философскими сочиненіями Уиклиффа и вскорѣ ознакомился также съ его богословскими трактатами. Есть предположеніе, весьма вѣроятное, что первыя свои лекціи въ университетѣ Гусъ читалъ именно по Уиклиффу: дѣло въ томъ, что въ 1398 году, какъ мы видѣли, онъ открылъ чтеніе лекцій, и какъ разъ къ этому же году относится переписанная имъ лично рукопись (находящаяся теперь въ Стокгольмѣ), содержащая пять философскихъ сочиненій Уиклиффа, весьма похожая по внѣшнему виду на академическія тетради того времени. Очень можетъ быть, что по этой рукописи Гусъ читалъ свой первый университетскій курсъ.

Въ своей частной жизни Гусъ является человѣкомъ безукоризненно-строгой нравственности; и впослѣдствіи сами враги его не могли ни въ чемъ упрекнуть его съ этой стороны. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ любимыхъ учениковъ, писанномъ въ 1414 г., передъ отъѣздомъ въ Констанцъ, онъ кается, какъ въ грѣхахъ молодости, въ пристрастіи къ шахматной игрѣ и нарядному платью. Въ годы студенчества онъ былъ безусловно преданнымъ сыномъ католической церкви: въ 1393 г., идя къ исповѣди въ вышеградскую церковь св. Петра, онъ отдалъ духовнику послѣдніе три гроша и совершилъ всѣ предписанныя обрядности, чтобы удостоиться отпущенія грѣховъ. Въ этомъ проявленіи благочестія онъ впослѣдствіи раскаивался. Судя по всей жизни Гуса и по его смерти, мы можемъ сказать, что это былъ характеръ въ одно и то же время мягкій, любящій и незлобный, внушавшій любовь къ себѣ въ знавшихъ его и, съ другой стороны, серьезный, строгій къ себѣ, послѣдовательный и правдивый; онъ не зналъ корыстныхъ, личныхъ мотивовъ, всегда былъ борцомъ за истину, какъ ее понималъ, и никакая сила не могла заставить его отречься отъ разъ выработавшихся убѣжденій, если только ошибочность ихъ не была ему доказана. Онъ не былъ способенъ на сдѣлки съ совѣстью, ложь была противна его натурѣ, и тамъ, гдѣ дѣло касалось идеи, принципа, онъ обнаруживалъ желѣзную твердость. Это былъ человѣкъ, проникнутый насквозь религіознымъ духомъ, проповѣдникъ и мученикъ по призванію. Будучи носителемъ всемірнаго христіанскаго идеала, онъ былъ въ то же время чешскимъ патріотомъ, сыномъ

и дѣятелемъ своего народа, раздѣляя и его національныя антипатіи и предразсудки, какъ увидимъ ниже.

Подобно Ѳомѣ Штитному, Гусъ являлся однимъ изъ создателей чешскаго литературнаго языка: онъ самъ написалъ 15 сочиненій на языкѣ своего народа, постоянно ратовалъ за его правильность и чистоту, возставая противъ его порчи, противъ „двоенія рѣчи", т. е. обычнаго въ то время, особенно у пражанъ, при ихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами, смѣшенія чешскихъ словъ и оборотовъ съ нѣмецкими; въ этомъ смѣшеніи Гусъ видѣлъ двойственность въ характерѣ и образѣ мыслей. Онъ старался установить твердыя грамматическія правила для чешскаго языка и правописанія; послѣднему вопросу онъ даже посвятилъ особый трактатъ (на латинскомъ языкѣ), и предложенная имъ система чешскаго правописанія оказалась настолько простою, точною и послѣдовательною, что вошла уже въ XVI в. въ общее употребленіе и остается господствующею до настоящаго времени. Въ XIV в., еще до Гуса, какой-то неизвѣстный уже перевелъ на чешскій языкъ всю Библію,—признакъ подъема и развитія народнаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ событіе громадной важности въ исторіи движенія религіозной мысли. Гусъ, какъ и впослѣдствіи Лютеръ, не могъ относиться безучастно къ вопросу о томъ, будетъ ли народная масса имѣть возможность слышать и читать Св. Писаніе на доступномъ для всѣхъ народномъ языкѣ: онъ заново пересмотрѣлъ и исправилъ сдѣланный до него переводъ Библіи. Наконецъ, онъ испытывалъ себя и на поприщѣ поэзіи, писалъ церковные гимны (также подобно Лютеру) и дидактическіе стихи, пробовалъ (по примѣру Штитнаго) усвоить чешскому языку гекзаметръ, но безъ особеннаго успѣха.

Іеронимъ Пражскій.

Съ именемъ Гуса связывается имя его близкаго друга и товарища по убѣжденіямъ, Іеронима Пражскаго, который былъ нѣсколькими годами моложе Гуса и происходилъ изъ рыцарской, хотя и не первостепенной фамиліи. Іеронимъ отъ природы былъ не менѣе одаренъ умомъ и краснорѣчіемъ, чѣмъ его другъ, но отличался отъ него большею живостью характера и, какъ оказалось впослѣдствіи, уступалъ ему въ твердости духа. Въ то время, какъ спокойный, сосредоточенный Гусъ до своей невольной поѣздки въ Констанцъ не выѣзжалъ ни разу за предѣлы Чехіи, Іеронимъ объѣздилъ Западъ и Востокъ для удовлетворенія своей любознательности. Еще студентомъ онъ былъ, какъ мы видѣли, въ Оксфордѣ, позднѣе, будучи баккалавромъ, посѣтилъ Кёльнъ, Гейдельбергъ, наконецъ,

Парижъ, гдѣ и получилъ степень магистра. Въ 1403 г. онъ путешествовалъ по Палестинѣ, былъ въ Іерусалимѣ; въ 1410 г. мы его встрѣчаемъ въ Венгріи и въ Вѣнѣ. Разъѣзжая повсюду въ качествѣ рыцаря и ученаго одновременно, Іеронимъ не скрывалъ своей наклонности къ Уиклиффу и даже пропагандировалъ его ученіе, почему не разъ ему приходилось терпѣть непріятности, даже спасаться бѣгствомъ,—чего, замѣтимъ, Гусъ не сдѣлалъ бы,—и сидѣть подъ арестомъ. Послѣднее путешествіе Іеронимъ совершилъ уже въ 1413 г. въ Польшу и Литву, ко двору короля Ягелла Владислава и великаго князя Витовта. При краковскомъ дворѣ онъ заинтересовалъ всѣхъ своею личностью и немало смутилъ духовенство и мірянъ своими рѣчами; не меньшій соблазнъ произвелъ онъ въ Литвѣ и западной Руси, когда заявилъ въ Витебскѣ къ негодованію монаховъ-миноритовъ, что считаетъ православныхъ русскихъ добрыми христіанами, посѣщалъ русскія церкви, прикладывался къ православнымъ святынямъ, вообще выказывалъ расположеніе къ грекорусскому богослуженію. То же повторилось въ Псковѣ, несмотря на увѣщанія епископа виленскаго. Едва ли однако это отношеніе Іеронима къ православію можетъ служить даже косвеннымъ подтвержденіемъ мнѣнія о связи гуситизма съ нѣкогда существовавшимъ въ Чехіи православнымъ обрядомъ: Іеронимъ, какъ и самъ Гусъ, будь онъ на его мѣстѣ, могъ сочувственно отнестись къ такимъ отличительнымъ чертамъ православія, каковы непризнаніе папской власти въ католическомъ смыслѣ, причащеніе подъ обоими видами, богослуженіе на народномъ языкѣ, отсутствіе безбрачія священниковъ; но не видно, чтобы Іеронимъ или Гусъ были основательно знакомы съ православіемъ или интересовались ученіемъ и обрядами греческой церкви. Вѣковое отчужденіе Запада отъ Востока вполнѣ сказалось въ томъ фактѣ, что для ученаго магистра Парижскаго университета православный міръ былъ terra incognita, и безъ поѣздки въ Литву онъ, вѣроятно, не имѣлъ бы о немъ даже и смутнаго представленія.

Таковы были вожди новаго религіознаго движенія въ Чехіи.

Виѳлеемская часовня.

Но, говоря о личности Гуса и его ученой карьерѣ, мы пока еще ничего не сказали о той его дѣятельности, которая наиболѣе сближала его съ массой народа, и которой онъ обязанъ наибольшею популярностью. Въ 1391 г. на пожертвованія отдѣльныхъ лицъ, особенно рыцаря Іоанна фонъ-Мюльгейма, пражскаго гражданина, родомъ изъ Пардубица, королевскаго совѣтника и любимца, возникла въ Прагѣ часовня подъ именемъ Виѳлеема, спеціально

предназначенная по мысли ея основателя для *проповѣди* слова Божія, и притомъ на *чешскомъ* языкѣ, слѣдовательно, для всей массы туземнаго населенія,—опять фактъ, свидѣтельствующій о томъ, насколько сильно ощущалась въ то время потребность въ живомъ словѣ, въ нравственно-религіозномъ воздѣйствіи на умы, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывающій, какіе успѣхи за немногіе годы сдѣлала идея чешской національности съ тѣхъ поръ, какъ Миличъ впервые рѣшился проповѣдывать на *простонародномъ* языкѣ (sermo vulgaris), къ удивленію и неудовольствію многихъ.

Въ 1402 г. учредитель Виолеемской часовни по дарованному ему праву представилъ Гуса на постъ проповѣдника при ней; утвержденіе со стороны архіепископа послѣдовало, и Гусъ принялъ рукоположеніе въ санъ священника. Если при университетскомъ преподаваніи онъ имѣлъ возможность вліять на массу учащейся молодежи, стекавшейся въ Прагу изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, то, въ качествѣ проповѣдника, Гусъ стоялъ лицомъ къ лицу со всѣмъ населеніемъ Праги, и эта дѣятельность передъ всенародною аудиторіей сдѣлала его своимъ человѣкомъ для всего чешскаго народа, вождемъ въ дѣлѣ вѣры, любимымъ народнымъ героемъ.

Теперь мы подошли къ тому историческому моменту, съ котораго начинается открытая борьба противъ распространенія въ Чехіи уиклиффизма, борьба, въ которую вступилъ и Гусъ, какъ защитникъ Уиклиффа. Но мы увидимъ, что въ теченіе первыхъ лѣтъ возникшей полемики онъ еще не покидаетъ почвы своихъ предшественниковъ, ожидаетъ необходимыхъ церковныхъ улучшеній по почину самой церкви и ея оффиціальныхъ представителей и поэтому живетъ и дѣйствуетъ въ согласіи съ церковными властями; лишь впослѣдствіи, когда надежда на преобразованія не оправдалась, Гусъ становится въ оппозицію къ архіепископу и папѣ.

Осужденіе Уиклиффа въ Прагѣ.

Въ теченіе 1402 и большей части 1403 г., по смерти пражскаго архіепископа Вольфрама, каѳедра оставалась пустою, пока къ концу послѣдняго года ея не занялъ архіепископъ Сбынекъ. Это отсутствіе высшей церковной власти въ странѣ способствовало усиленному распространенію идей Уиклиффа, тѣмъ болѣе, что именно въ это время Гусъ былъ ректоромъ, а его единомышленникъ, Николай Лейтомышльскій, вице-канцлеромъ университета. Когда затѣмъ оба сдали по уставу свои должности другимъ лицамъ не-чешской національности, обнаружилась реакція съ примѣсью національнаго оттѣнка: было обращено вниманіе на акты лондонскаго собора 1382 г., осудившаго Уиклиффа, и къ 24 уже осужденнымъ тезисамъ

послѣдняго магистръ Гюбнеръ (изъ Силезіи) присоединилъ еще 21, извлеченные изъ книгъ Уиклиффа, не менѣе предосудительные. Преемникъ Гуса въ должности ректора, Вальтеръ Гаррассеръ (баварецъ), собралъ университетъ въ торжественное засѣданіе на 28 мая 1403 г., и на этомъ собраніи по рѣшенію большинства голосовъ состоялось первое запрещеніе въ Прагѣ всѣхъ 45 пунктовъ ученія Уиклиффа: всѣ члены университетской коллегіи должны были обязаться клятвой не распространять и не защищать ни тайно, ни явно запрещенныхъ положеній. Разумѣется, прежде чѣмъ дѣло дошло до рѣшенія, въ засѣданіи много и горячо спорили; но интересно, что изъ сторонниковъ Уиклиффа одинъ только Станиславъ Знаймскій, впослѣдствіи перешедшій въ консервативный лагерь, защищалъ тезисы англійскаго ересіарха по существу и притомъ въ такой рѣзкой формѣ, что нѣкоторые магистры, изъ болѣе пожилыхъ, въ негодованіи оставили залу засѣданія. Что касается до Николая Лейтомышльскаго и Гуса, то они, не защищая мнѣній Уиклиффа въ томъ видѣ, какъ они излагались въ 45 артикулахъ, старались подвергнуть сомнѣнію подлинность послѣднихъ: Николай обвинялъ Гюбнера въ приписываніи Уиклиффу вещей, которыхъ тотъ никогда не говорилъ, а Гусъ даже поставилъ вопросъ: не заслуживаютъ ли люди, искажающіе, поддѣлывающіе чужія мысли, большаго наказанія, чѣмъ тѣ два обманщика, которые незадолго передъ тѣмъ были осуждены на смерть и сожжены въ Прагѣ за поддѣлку шафрана? Защищая такимъ образомъ Уиклиффа отъ ложныхъ, по его мнѣнію, обвиненій, Гусъ пока еще не становился открыто въ ряды послѣдователей человѣка, признаннаго еретикомъ, съ которымъ, кстати замѣтить, при всемъ уваженіи къ нему, Гусъ никогда не былъ согласенъ по всѣмъ пунктамъ: правда, по свидѣтельству одного изъ лѣтописцевъ-таборитовъ XV в., онъ самъ не разъ говорилъ, что чтеніе книгъ Уиклиффа открыло ему глаза; правда, онъ не отрицалъ взведеннаго на него впослѣдствіи обвиненія въ томъ, что онъ,—по его собственнымъ словамъ,—желаетъ, чтобы его душа по смерти была тамъ же, гдѣ душа Уиклиффа; однако одного изъ самыхъ важныхъ ученій послѣдняго,—о причащеніи,—Гусъ, повидимому, никогда не раздѣлялъ: въ этомъ вопросѣ онъ остался на почвѣ церковнаго догмата о пресуществленіи. Въ числѣ обвинительныхъ статей, предъявленныхъ Гусу въ Констанцѣ, стояло обвиненіе и по указанному пункту; но Гусъ торжественно отвергъ это обвиненіе, какъ ложное, и его сочиненія дѣйствительно доказываютъ правоту его словъ. Самыя показанія враждебныхъ Гусу

свидѣтелей, уличающія его въ ереси по вопросу о пресуществленіи, всѣ относятся ко времени до 1403 г.; можно было бы думать, что онъ со временемъ оставилъ взглядъ, который раздѣлялъ вначалѣ; но это мало вѣроятно въ виду отсутствія прямыхъ уликъ, тѣмъ болѣе, что именно въ періодъ времени до 1403 г. ни разу никто не обвинялъ Гуса по данному вопросу, и даже обвиненія, поданныя противъ него позднѣе, въ 1408—9 годахъ, касаются совсѣмъ другихъ пунктовъ.

Лишь не ранѣе 1412 г. начинаютъ раздаваться обвиненія Гуса въ непризнаніи пресуществленія, основанныя, вѣроятно, на невѣрномъ или неточномъ пониманіи, или на прямомъ искаженіи его словъ, какъ самъ онъ заявлялъ на соборѣ въ свою защиту. Такъ же точно Гусъ не примкнулъ къ Уиклиффу по другому вопросу, по которому также было предъявлено ложное обвиненіе, — по вопросу о томъ, можетъ ли священникъ недостойный, совершившій смертный грѣхъ, совершать (conficere) таинство?

По мнѣнію Гуса, вполнѣ согласному съ обще-церковнымъ ученіемъ, таинство не теряетъ своей силы ни въ какомъ случаѣ и не зависитъ отъ личности совершающаго; если послѣдній оказывается недостойнымъ, то совершеніе таинства ему лично служитъ къ погибели. Были однако другіе вопросы, по которымъ, какъ увидимъ, Гусъ былъ солидаренъ съ Уиклиффомъ, и запрещеніе ученій послѣдняго, конечно, не помѣшало ихъ распространенію, а еще больше обратило на нихъ общее вниманіе.

Заступничество за Уиклиффа не помѣшало пока Гусу пользоваться довѣріемъ и расположеніемъ архіепископа: послѣдній возложилъ на него новую важную обязанность, назначивъ его синодальнымъ проповѣдникомъ. Въ этомъ званіи Гусъ являлся своего рода цензоромъ нравственности духовенства всей архіепископіи, долженъ былъ лично или письменно доводить до свѣдѣнія архіепископа о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ и каждый разъ при открытіи провинціальнаго синода (т. е. собора епархіальнаго духовенства) проповѣдывать объ обязанностяхъ истинныхъ пастырей церкви, при чемъ, конечно, приходилось постоянно указывать на уклоненія отъ идеала, не только поучать и увѣщевать, но и обличать, громить недостойныхъ за ихъ поведеніе. Хотя бы при этихъ обличеніяхъ ничьи имена не были произносимы, такая цензорская, карательная дѣятельность не могла не создать многихъ враговъ смѣлому обличителю.

Гусъ былъ также въ числѣ тѣхъ трехъ магистровъ, которымъ

архіепископъ Сбынекъ поручилъ разслѣдовать дѣло о чудесныхъ исцѣленіяхъ, будто бы совершавшихся въ мѣстечкѣ Вильснакѣ (близъ нижней Эльбы). Въ тамошней церкви сохранялись, по общему вѣрованію, частицы крови Христовой, и массы народа даже изъ далекихъ странъ, между прочимъ и изъ Чехіи, стремились на поклоненіе этой святынѣ. Комиссія изъ трехъ магистровъ, разслѣдовавъ дѣло, объявила всѣ слухи о вильснакскихъ исцѣленіяхъ безусловно ложными, и результатомъ этого слѣдствія было постановленное на синодѣ 1405 г. запрещеніе ходить на богомолье въ Вильснакъ. Не довольствуясь изобличеніемъ обмана, Гусъ написалъ спеціальное богословское разсужденіе на тему о томъ, можетъ ли въ настоящее время сохраняться кровь Спасителя иначе, какъ незримо и таинственно, въ пресуществленіи вина на евхаристіи. Одна мысль въ этомъ трактатѣ характеризуетъ взгляды Гуса: по его мнѣнію, истинный христіанинъ не нуждается въ чудесахъ и знаменіяхъ для утвержденія въ вѣрѣ: для этого онъ долженъ только постоянно *углубляться въ Писаніе;* требованіе чудесъ есть признакъ маловѣрія (nullus verus *Christianus Christi* anus debet signa in fide sua quaerere, sed *constanter quiescere in scriptura);* священники должны возвѣщать народу слова Христа, а не ложныя чудеса. Священное Писаніе, какъ основа всей религіи, рѣшительно выдвигается на первый планъ: этотъ тезисъ, заявленный уже Матвѣемъ изъ Янова, проходитъ красною нитью чрезъ всѣ сочиненія Гуса.

Ратуя противъ нравственной распущенности и противъ суевѣрій, основанныхъ на обманѣ, Гусъ иногда позволялъ себѣ высказывать рѣзкія истины самому архіепископу и чрезъ это становился на скользкій путь оппозиціи: трудно было не переступить той черты, за которой исполненіе духовной обязанности принимало уже характеръ неповиновенія, неуваженія къ высшему со стороны низшаго. Такъ, заступаясь (безъ успѣха) за одного священника, обвиненнаго въ ереси, тогда какъ вся вина этого человѣка, по объясненію Гуса, состояла въ томъ, что онъ всего себя посвятилъ на проповѣдь Евангелія, — Гусъ открыто порицаетъ архіепископа въ своемъ письмѣ къ нему, говоря, что онъ преслѣдуетъ ревностнѣйшихъ, достойнѣйшихъ священниковъ, оставляя въ покоѣ безнравственныхъ. Не удивительно, что прежнія отношенія не могли долго удержаться при такихъ условіяхъ и скоро обострились: Сбынекъ, вообще серьезно относившійся къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, охладѣлъ къ Гусу. Въ 1408 г. духовенство столицы и всей пражской епархіи подало архіепископу жалобу на Гуса,

обвиняя его пока еще не въ ереси, а въ томъ, что онъ въ своихъ проповѣдяхъ въ Виѳлеемской часовнѣ чернитъ духовенство и дѣлаетъ его ненавистнымъ въ глазахъ всего народа; особенно, по словамъ этой жалобы, Гусъ черезчуръ расширялъ понятіе о симоніи. Несмотря на оправданія Гуса, результатомъ жалобы было его увольненіе отъ должности синодальнаго проповѣдника. Къ концу того же 1408 г. дѣло дошло до того, что архіепископъ оффиціально объявилъ Гуса непокорнымъ сыномъ церкви и запретилъ ему отправленіе священническихъ обязанностей въ предѣлахъ своей епархіи. Гусъ оправдывался въ скромномъ, но твердомъ тонѣ, доказывая, что Сбынекъ поступилъ съ нимъ несправедливо, благодаря излишней поспѣшности. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ дѣло касалось не церковнаго ученія, а церковно-политическаго вопроса, котораго мы должны коснуться ближе.

Всѣ попытки къ устраненію папскаго раскола оказывались неудачными: раздвоеніе и связанная съ нимъ путаница въ церковныхъ дѣлахъ продолжались попрежнему. Еще въ 1403 г. король Сигизмундъ, у котораго братъ его Венцеславъ находился въ то время въ плѣну, издалъ декретъ своимъ намѣстникамъ въ Чехіи, запрещавшій повиновеніе папѣ Бонифацію IX, а это распоряженіе подлило масла въ огонь: съ одной стороны, церковныя власти поторопились съ обнародованіемъ этого декрета; съ другой, конечно, находились люди, сочувствовавшіе ему. Тѣмъ временемъ Венцеславъ освободился изъ плѣна и послѣ удачной войны съ своимъ братомъ занялъ вновь чешскій престолъ: не довольствуясь своимъ наслѣдственнымъ королевствомъ, онъ добивался также возвращенія себѣ короны Римской имперіи. Такъ какъ новый папа, Григорій XII, сталъ на сторону его соперника, Рупрехта пфальцскаго, Венцеславъ запретилъ пражскому архіепископу повиноваться и этому папѣ.

Давнишнее недовольство все усиливалось и принимало болѣе опредѣленныя формы, переходя въ открытую оппозицію противъ главы церкви, откуда недалеко было и до оппозиціи противъ существующей церкви вообще. Во всякомъ случаѣ такое ненормальное положеніе давало новую пищу религіозному вольномыслію и содѣйствовало успѣху идей Уиклиффа, распространеніе которыхъ продолжалось вопреки запрету, положенному въ 1403 г. Уже два года спустя, въ 1405 г., Иннокентій VII вслѣдствіе дошедшихъ до него изъ Чехіи жалобъ приказывалъ архіепископу отнюдь не ослабѣвать въ дѣлѣ выслѣживанія и преслѣдованія лжеученія Уиклиффа.

Самому архіепископу было подано обвиненіе противъ профессора богословія Станислава Знаймскаго. На синодѣ 1406 г. состоялось постановленіе о тяжкихъ церковныхъ карахъ за исповѣданіе и распространеніе еретическихъ мнѣній. На основаніи этого постановленія нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ лицъ подверглись привлеченію къ архіепископскому суду и допросу, но были отпущены, отрекшись отъ своихъ заблужденій. Повидимому, на такой мирный исходъ дѣла повліялъ со своей стороны Гусъ, въ то время еще пользовавшійся довѣріемъ Сбынека, а также покровительствомъ королевскаго двора, въ особенности набожной королевы Софіи, супруги Венцеслава, избравшей Гуса своимъ духовникомъ. Эта могущественная поддержка дала Гусу,—независимо отъ сочувствія народной массы,—возможность держаться и продолжать свою дѣятельность и послѣ разрыва съ архіепископомъ, тѣмъ болѣе, что папскія буллы при тогдашнихъ отношеніяхъ между папой и правительствомъ не имѣли силы.

Въ началѣ нашего очерка мы уже сказали объ усиліяхъ Пизанскаго собора (1409 г.) положить конецъ схизмѣ; эти усилія не увѣнчались успѣхомъ, но зато самая идея, — подчинить всѣ церковные спорные вопросы рѣшенію собора въ качествѣ верховнаго судилища, — была принята всѣми, и дѣло Пизанскаго собора было только вступленіемъ къ дѣятельности соборовъ Констанцскаго и Базельскаго. Теперь, когда и Григорій XII, и его противникъ были объявлены низложенными, рѣшоно было держаться нейтралитета по отношенію къ обоимъ, т. е. не признавать ни того, ни другого впредь до новаго, правильнаго избранія. Пражскій архіепископъ Сбынекъ вначалѣ не соглашался на требованіе Венцеслава, находя невозможнымъ нарушить повиновеніе Григорію XII; университетъ, приглашенный высказаться по тому же поводу, не могъ постановить рѣшенія въ виду того, что представители только одной чешской націи,—и между ними въ особенности Гусъ,—стояли за нейтралитетъ, тогда какъ три остальныя націи были противъ него. Это поведеніе Гуса въ вопросѣ о нейтралитетѣ и было поводомъ къ упомянутому выше публичному порицанію его и его единомышленниковъ со стороны архіепископа. Въ концѣ концовъ, однако, послѣ Пизанскаго собора Сбынекъ отступилъ отъ Григорія XII и призналъ вновь избраннаго Александра V, и Гусъ съ своей стороны отмѣтилъ эту непослѣдовательность.

Возникшее въ нѣдрахъ университета разногласіе по вопросу чисто каноническаго характера обнаружило въ яркомъ свѣтѣ дав-

Борьба нѣмцевъ и чеховъ въ университетѣ.

нишнюю національную вражду между чехами и нѣмцами и повело за собой цѣлый переворотъ въ строѣ университетской жизни. Вражда была слишкомъ стараго происхожденія и коренилась слишкомъ глубоко, чтобы не отразиться и въ области научной дѣятельности, которая, казалось бы, должна была содѣйствовать примиренію національныхъ страстей и дружной, совмѣстной работѣ во имя просвѣщенія. Уже въ концѣ XIV в. чехи не безъ основанія жаловались, что нѣмцы въ университетѣ подавляютъ ихъ своимъ большинствомъ и обращаютъ въ свое исключительное пользованіе выборныя университетскія должности и доходныя мѣста въ коллегіяхъ имени Карла IV и Венцеслава (такъ назыв. коллегіатуры). При международномъ характерѣ и общеевропейскомъ значеніи Пражскаго университета, привлекавшемъ въ его стѣны массы слушателей изъ сосѣднихъ странъ, нѣмецкіе студенты, магистры и доктора составляли громадное большинство его персонала, раздѣленнаго по примѣру Парижа на четыре націи; изъ послѣднихъ двѣ,— баварская и саксонская,—представляли въ сущности одну, третья,— польская, — со времени учрежденія Краковской академіи состояла также большею частію изъ нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ обитателей Пруссіи, Помераніи и Силезіи. Голоса при избраніи на должности и при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ подавались по націямъ, и такое устройство университетскаго самоуправленія фактически дѣлало нѣмцовъ господами положенія, даже если бы на ихъ сторонѣ не было абсолютнаго большинства. Понятно, что такое преобладаніе нѣмецкаго элемента въ университетѣ, находящемся въ столицѣ чешскаго народа, казалось представителямъ послѣдняго вопіющею несправедливостью, тѣмъ болѣе, что это преобладаніе давало себя чувствовать весьма осязательно: нерѣдко чешскимъ магистрамъ приходилось искать частныхъ учительскихъ занятій внѣ Праги, такъ какъ „чужіе“ не допускали ихъ до университета и коллегій. Теперь, когда старая вражда проявилась съ новою силой, при чемъ одна чешская нація высказалась за исполненіе королевской воли, именно это обстоятельство оказалось роковымъ для прочихъ трехъ націй: Венцеславъ, раздраженный сопротивленіемъ, 18-го января 1409 г. издалъ знаменитый декретъ, предоставлявшій во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ чешской націи *три* голоса, а тремъ остальнымъ—только *одинъ*.

Эта коренная перемѣна была проведена по совѣту друга Гуса, вліятельнаго королевскаго сановника, Николая изъ Лобковицъ, управлявшаго горнымъ дѣломъ въ Чехіи, а также по представле-

нію французскаго посольства, прибывшаго для переговоровъ о „папскомъ нейтралитетѣ“, за который особенно ратовало французское правительство. Послы выяснили Венцеславу, что распредѣленіе голосовъ въ университетѣ основано не на законѣ, а лишь на установившемся обычаѣ (хотя, повидимому, этотъ обычай имѣлъ силу съ самаго основанія университета), и потому можетъ быть измѣнено актомъ королевской воли; кромѣ того, было указано на то, что въ Парижскомъ университетѣ, по образцу котораго былъ созданъ Пражскій, три голоса принадлежали одной французской націи. Послѣднее было вѣрно фактически, но не формально: въ Парижѣ точно такъ же, какъ и въ Прагѣ, каждая нація въ университетѣ имѣла одинъ голосъ, но изъ нихъ три (французская въ тѣсномъ смыслѣ, нормандская и пикардійская) представляли собою туземное населеніе страны въ противоположность четвертой — англійской, слѣдовательно, отношеніе было какъ разъ обратное Пражскому и болѣе благопріятное для интересовъ „галльской“ націи, взятой въ цѣломъ.

Этотъ переворотъ повлекъ за собою послѣдствія общеевропейской важности. Въ то время, какъ Гусъ открыто заявлялъ съ каѳедры благодарность королю и его совѣтнику и прославлялъ любовь короля къ его народу, между нѣмцами обнаружилось сильное возбужденіе; но сопротивленіе и угрозы не помогли дѣлу, и попытки склонить короля къ болѣе полюбовной сдѣлкѣ, къ видоизмѣненію, если не отмѣнѣ, его распоряженія—не удались; переговоры затянулись на нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ вся университетская жизнь пришла въ разстройство, выборы новыхъ ректора и декана не могли состояться. Когда же Венцеславъ назначилъ обоихъ своею властью и Николай изъ Лобковицъ въ сопровожденіи членовъ пражскаго городского совѣта и вооруженной свиты явился въ зданіе университета и отъ имени короля потребовалъ отъ прежняго ректора выдачи университетскихъ ключей и печати и всѣхъ письменныхъ актовъ, тогда цѣлыя тысячи нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ покинули Прагу навсегда и положили основаніе новому разсаднику наукъ въ Лейпцигѣ въ томъ же 1409 г. Такимъ образомъ Пражскій университетъ сдѣлался изъ международнаго научнаго учрежденія національнымъ, чешскимъ; побѣда національной партіи была полная, но за эту побѣду пришлось дорого поплатиться,—значительнымъ опустѣніемъ и упадкомъ научнаго значенія, благодаря отливу массы научныхъ силъ.

III.

Вулла Александра V.

Торжество чешскаго элемента надъ нѣмецкимъ еще болѣе усилило теченіе, враждебное существующимъ церковнымъ порядкамъ, такъ какъ въ стѣнахъ университета именно чешская нація представляла оппозиціонный элементъ въ противоположность консервативному нѣмецкому. Теперь сдерживавшая плотина была прорвана, и движеніе начало пріобрѣтать болѣе рѣзкій характеръ, попрежнему примыкая къ Уиклиффу и его ученію. Отношеніе правительства къ этому движенію страдало нѣкоторою двойственностью; рѣшая чешско-нѣмецкую распрю въ смыслѣ, благопріятномъ для чеховъ, Венцеславъ имѣлъ въ виду только сломить сопротивленіе въ вопросѣ о непризнаніи папы; ему, конечно, не приходило въ голову, что совершенный имъ переворотъ придастъ новую силу идеямъ, поддерживать которыя вовсе не входило въ виды короля. Венцеславъ былъ очень раздраженъ молвой объ ересяхъ, распространяющихся въ его королевствѣ, и рѣзко выражалъ свое неудовольствіе Гусу, Іерониму и ихъ друзьямъ за то, что по ихъ милости Чехія пріобрѣла худую славу въ глазахъ всѣхъ народовъ. Это однако не мѣшало Гусу вообще пользоваться личнымъ расположеніемъ короля и особенно королевы. Слухи объ ересяхъ вообще старались выставить преувеличенными и мало основательными: уже въ 1408 г. архіепископъ Сбынекъ послѣ принятыхъ имъ мѣръ противъ нѣкоторыхъ заподозрѣнныхъ личностей (при чемъ мы видѣли выше безплодное заступничество Гуса за одного изъ такихъ подсудимыхъ), согласно желанію короля, объявилъ на обычномъ провинціальномъ синодѣ, что пражская епархія очищена отъ ересей и что по тщательномъ разслѣдованіи въ настоящее время во всей Чехіи нѣтъ ни одного еретика или лжеучителя. Въ томъ же году состоялось вторичное запрещеніе тѣхъ же 45 артикуловъ Уиклиффа, о которыхъ шла рѣчь въ 1403 г. На этотъ разъ вопросъ обсуждался въ собраніи одной лишь чешской націи университета, такъ какъ въ средѣ ся одной только и были налицо приверженцы Уиклиффа. Прежній приговоръ былъ подтвержденъ, однако въ виду протестовъ Гуса и другихъ противъ огульнаго осужденія мнѣній, въ числѣ которыхъ есть и вовсе не невѣрныя, если только ихъ понимать, какъ слѣдуетъ,—рѣшеніе было формулировано въ такихъ выраженіяхъ, которыя разрушали силу всего приговора, именно: запрещалось распространять артикулы Уиклиффа,

поскольку они оказываются еретическими, ошибочными или соблазнительными (in sensibus eorum haereticis aut erroneis aut scandalosis), что было весьма неопредѣленно и растяжимо. Зато послѣдовало важное ограниченіе прежней свободы преподаванія: отнынѣ ни одинъ баккалавръ не смѣлъ избирать предметомъ своихъ лекцій трактаты Уиклиффа (Dialogus, Trialogus и De eucharistia), и никто не имѣлъ права дѣлать книги или тезисы Уиклиффа предметомъ публичнаго диспута. Въ октябрѣ 1409 г., послѣ удаленія нѣмцовъ изъ Праги, Гусъ вновь занялъ постъ ректора университета, и въ томъ же году надъ нимъ разразилась новая гроза. Венцеславъ послѣ долгихъ препирательствъ и даже принудительныхъ мѣропріятій заставилъ, наконецъ, какъ мы упомянули выше, архіепископа и вмѣстѣ съ нимъ весь клиръ признать новаго папу Александра V вмѣсто Григорія XII. Какъ только это дѣло уладилось, пражское духовенство возобновило свои прошлогоднія жалобы противъ Гуса, которому происходившая передъ тѣмъ борьба между королемъ и архіепископомъ предоставляла значительную свободу дѣйствій. Къ прежнимъ обвиненіямъ, повтореннымъ въ жалобѣ, были на этотъ разъ присоединены новыя, болѣе серьезныя: впервые явно выставлялась на видъ приверженность Гуса къ Уиклиффу, его наклонность къ ереси. Гусъ, — говорилось въ этомъ документѣ,—возбуждаетъ народъ противъ духовенства, чеховъ противъ нѣмцовъ, проповѣдуетъ неуваженіе къ церкви и ея карательной власти, называетъ Римъ столицей антихриста, объявляетъ еретикомъ всякаго священника, требующаго платы за совершеніе таинства; онъ же открыто восхваляетъ еретика Уиклиффа и выражаетъ желаніе, чтобы его душа попала туда же, гдѣ находится душа послѣдняго. Архіепископъ поручилъ своему инквизитору разсмотрѣніе всѣхъ этихъ жалобъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разслѣдованіе вопроса о томъ, въ силу какихъ полномочій въ Виолеемской часовнѣ говорятся проповѣди и совершается торжественное богослуженіе съ пѣніемъ. Гусъ далъ письменный отвѣтъ на всѣ обвинительныя статьи, но уже пять лѣтъ спустя, отправляясь въ Констанцъ; объ исходѣ же слѣдствія неизвѣстно ничего. Съ своей стороны онъ и его друзья, уиклиффисты, какъ ихъ называли, обжаловали обвиненіе архіепископа передъ папскою куріей, и вслѣдствіе этой апелляціи Сбынекъ былъ приглашенъ въ Римъ для оправданія. Однако онъ сумѣлъ придать дѣлу иной оборотъ: онъ лично обратился къ авторитету папы, и его послы представили Александру V, что необходимо какъ можно скорѣ принять энергичныя мѣры для искорененія ересей Уиклиффа, заражающихъ

душн множества вѣрующихъ въ Чехіи и Моравіи. Въ числѣ мѣръ для достиженія этой цѣли особенно рекомендовалось запрещеніе проповѣдей повсюду, кромѣ соборныхъ, приходскихъ и монастырскихъ церквей (что и было приказано въ послѣдовавшей буллѣ). Папа, примирившійся съ подчинившимся его власти архіепископомъ, кассировалъ всѣ обвиненія противъ послѣдняго, похвалилъ его за ревность въ борьбѣ за правую вѣру и уполномочилъ при содѣйствіи четырехъ докторовъ богословія и двухъ докторовъ церковнаго права дѣйствовать далѣе въ томъ же направленіи: послѣдователей Уиклиффа повелѣно было принуждать къ отреченію отъ ереси и отлучать отъ церкви, самыя же книги Уиклиффа отобрать у всѣхъ, у кого онѣ будутъ найдены.

Эта булла вызвала сильное волненіе въ Прагѣ. Знатные и вліятельные сторонники Гуса вступились за его дѣло, какъ за свое собственное, тѣмъ болѣе, что ходили слухи, утверждавшіе, будто булла добыта нечисто, путемъ подкупа. Передъ королемъ архіепископъ выставлялся въ невыгодномъ свѣтѣ, какъ распространитель клеветъ на свою страну, исходящихъ отъ нѣмцевъ; требовали, чтобы онъ доказалъ свои обвиненія и прямо назвалъ тѣхъ, кого онъ считаетъ еретиками. Самъ Гусъ апеллировалъ, какъ тогда выражались, къ папѣ, худо освѣдомленному, для лучшаго освѣдомленія (pro meliore informatione). Все это ни къ чему не повело, такъ какъ въ папской буллѣ всѣ апелляціи заранѣе объявлялись недѣйствительными, и архіепископъ немедленно приступилъ къ исполненію папскаго приказа. Вслѣдствіе его эдикта, связаннаго съ угрозой отлученія, Гусъ самъ первый принесъ имѣвшіяся у него сочиненія Уиклиффа съ просьбой указать ему заключающіяся въ нихъ ереси, послѣ чего онъ будетъ готовъ оспаривать ихъ и предостерегать отъ нихъ свою паству. Примѣру Гуса послѣдовали и другіе, за исключеніемъ четырехъ магистровъ и студентовъ; всего было передано въ руки архіепископа болѣе 200 томовъ. На синодѣ 1410 г. былъ прочитанъ приговоръ комиссіи изъ 6 докторовъ, присуждавшій всѣ эти книги къ публичному сожженію. Тутъ же было объявлено запрещеніе, касающееся проповѣдей, въ смыслѣ папскаго повелѣнія. Послѣдовавшая около того времени кончина Александра V затянула дѣло: университетъ заявилъ единогласный протестъ противъ сожженія книгъ всѣхъ безъ разбора, даже такихъ, которыя трактуютъ не о предметахъ вѣры, а о вопросахъ морали, логики, философіи, математики, естествовѣдѣнія и пр., тѣмъ болѣе, что при краткости времени между вы-

дачей книгъ и состоявшимся приговоромъ не было возможности разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ; сверхъ того, это распоряженіе нарушало установленныя папскою и императорскою властью привилегіи университета, изъятаго изъ подсудности архіепископу. Наконецъ, объявлялось, что смертью папы уничтожается и сила его распоряженія. Въ томъ же смыслѣ составили Гусъ и его друзья протестъ на имя новаго папы Іоанна XXIII по вопросу о сожженіи книгъ и запрещеніи проповѣдой.

По представленію университета король уговорилъ архіепископа повремонить съ исполненіемъ приговора до прибытія въ Прагу маркграфа Іоста, мнѣніе котораго въ данномъ дѣлѣ считалось заслуживающимъ вниманія, такъ какъ онъ слылъ любителемъ и знатокомъ книгъ: самъ Гусъ, какъ мы видѣли, перевелъ для него Trialogus Уиклиффа, и вообще сочиненія послѣдняго не могли быть неизвѣстны Іосту. Но пріѣздъ маркграфа замедлился, и, несмотря на новыя публичныя заявленія университета и новую апелляцію Гуса къ папѣ, Сбынекъ 16 іюля 1410 г. въ присутствіи прелатовъ и всего клира, на своемъ дворѣ предалъ всѣ осужденныя книги сожженію при пѣніи „Te Deum laudamus“ и звонѣ колоколовъ всѣхъ пражскихъ церквей. Черезъ два дня архіепископъ торжественно подвергъ Гуса и его друзей церковному проклятію, которое велѣлъ провозгласить по всѣмъ церквямъ своей епархіи.

Но Сбынекъ ошибся, считая дѣло конченнымъ. Напротивъ, борьба только еще начиналась, и съ этого момента положеніе становится болѣе и болѣе критическимъ: враждебныя партіи рѣзко выступаютъ другъ противъ друга. Рѣшительныя мѣры архіепископа вызвали противъ него рядъ публичныхъ демонстрацій: надъ нимъ насмѣхались, говоря, что онъ сжегъ далеко не всѣ книги Уиклиффа; на улицахъ открыто пѣлись ругательныя пѣсни, раздавались глумленія. Скоро дѣло дошло до серьезныхъ столкновеній: одинъ священникъ подвергся нападенію въ церкви и едва не былъ убитъ; самъ архіепископъ долженъ былъ спасаться отъ возбужденной толпы, когда хотѣлъ торжественно повторить отлученіе Гуса. Съ другой стороны, гуситамъ приходилось терпѣть отъ раздраженнаго фанатизма противной партіи. Въ виду такого обостренія отношеній король счелъ нужнымъ принять строгія мѣры противъ безпорядковъ и объявилъ смертную казнь за всякія подстрекательства къ волненіямъ и за пѣніе возмутительныхъ пѣсенъ, но въ то же время приказалъ архіепископу вознаградить владѣльцевъ сожженныхъ книгъ за понесенный ущербъ и, когда это требованіе не было исполнено, по-

велѣлъ заарестовать доходы архіепископа и прочихъ духовныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ сожженіи. Между тѣмъ Гусъ продолжалъ, не смущаясь карами архіепископа, свою проповѣдническую дѣятельность въ Виѳлеемской часовнѣ, и тонъ его рѣчей становился все болѣе смѣлымъ и вызывающимъ: попрежнему не желая отдѣляться отъ церкви и съ негодованіемъ отвергая такое утвержденіе, онъ однако,—можетъ быть, самъ не вполнѣ то сознавая,—много содѣйствовалъ своею оппозиціей подрыву авторитета церковной власти: онъ прямо выставлялъ нѣсколько рискованный принципъ, что въ дѣлахъ вѣры надлежитъ повиноваться Богу болѣе, чѣмъ людямъ; онъ спрашивалъ съ каѳедры многолюдную толпу своихъ слушателей, готовы ли они слѣдовать за нимъ, на что въ отвѣтъ раздавалось единодушное, одушевленное подтвержденіе. Въ тѣ же самые дни Гусъ и его друзья, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, читали въ университетѣ лекціи, посвященныя трактатамъ Уиклиффа и защищавшія ихъ отъ упрека въ ереси.

Движеніе пріобрѣтало все болѣе революціонный характеръ; самъ Гусъ однажды воскликнулъ, что слѣдовало бы по примѣру Моисея препоясаться мечомъ на защиту Божественнаго закона.

Въ томъ же 1410 г. въ Прагу прибыли два нунція отъ папы съ письмами на имя короля и университета, въ которыхъ Іоаннъ XXIII оффиціально возвѣщалъ о своемъ восшествіи на папскій престолъ. Король вручилъ нунціямъ собственноручное письмо къ папѣ съ жалобами на его предшественника и съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ буллы Александра V. Въ томъ же смыслѣ писала папѣ королева, горячо вступившаяся за права своей любимой Виѳлеемской часовни; также многіе сановники и бароны, наконецъ, представители пражскаго магистрата, —всѣ просили о томъ же, въ особенности объ отмѣнѣ ограниченій для проповѣди слова Божія. Но и архіепископъ дѣйствовалъ: онъ также отправилъ пословъ къ папѣ въ Болонью для разъясненія дѣла съ своей точки зрѣнія. Папа поручилъ пересмотръ всего процесса кардиналу Колонна (будущему Мартину V), и послѣдній, несмотря на то, что Болонскій университетъ высказался противъ извѣстнаго намъ сожженія книгъ, рѣшилъ дѣло согласно желанію архіепископа, дѣйствія котораго были вполнѣ одобрены; мало того: самому Гусу предложено было въ назначенный срокъ явиться лично для отвѣта передъ папскою куріей.

Но и эти мѣры остались безъ результата. Друзья Гуса не хотѣли и слышать о его поѣздкѣ въ Римъ; сами король и королева рѣшительно возстали противъ этого. Венцеславъ, видѣвшій во

всѣхъ папскихъ притязаніяхъ посягательство на честь и достоинство своей короны, отправилъ къ папѣ своего уполномоченнаго съ новымъ письмомъ, гдѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ требовалъ прекращенія всего процесса о мнимыхъ ересяхъ въ Чехіи, возстановленія правъ Виолеемской часовни и отмѣны распоряженія насчетъ Гуса, который можетъ быть допрошенъ,—если это нужно,— и въ Прагѣ. Обѣщая не поднимать болѣе вопроса о книгахъ, король требовалъ, чтобы обѣимъ враждующимъ сторонамъ было предписано молчаніе. Онъ писалъ также кардиналу Колонна, приглашая его лично пріѣхать въ Прагу, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла. Гусъ также отправилъ одного изъ своихъ друзей къ папѣ для защиты своихъ интересовъ. Уступая отчасти настояніямъ короля, Іоаннъ передалъ дѣло, уже разсмотрѣнное кардиналомъ Колонна, на вторичное разсмотрѣніе комиссіи изъ четырехъ другихъ кардиналовъ, вслѣдствіе чего дѣло еще болѣе затянулось, и первый приговоръ не былъ ни утвержденъ, ни отмѣненъ: разсказывали, будто послы архіепископа не пожалѣли подарковъ, чтобы не допустить послѣдняго. 15 марта 1411 г. Гусъ былъ еще разъ подвергнутъ отлученію во всѣхъ пражскихъ церквяхъ, за исключеніемъ двухъ, священники которыхъ оказались непослушными; въ виду того, что доходы, отнятые у архіепископа и духовенства по королевскому приказу пражскимъ магистратомъ, не были возвращены послѣднимъ, вопреки всѣмъ требованіямъ, отлученіе было произнесено и на представителей города, и, наконецъ, на самый городъ, въ которомъ архіепископъ велѣлъ прекратить богослуженіе.

Такимъ образомъ, Сбынекъ пустилъ въ ходъ всѣ крайнія мѣры, находившіяся въ его распоряженіи, но всѣ эти мѣры только обнаруживали его безсиліе и неоспоримо доказывали полный упадокъ авторитета церковной власти въ Чехіи. Никто и не думалъ подчиняться волѣ архіепископа: Гусъ продолжалъ свои проповѣди, какъ будто ничего не случилось: во многихъ церквяхъ Праги продолжали совершаться обѣдни; нѣкоторые священники, соблюдавшіе интердиктъ, должны были покинуть городъ, другіе поплатились матеріально. Самъ король, крайне раздраженный, лично приказалъ перевезти въ крѣпость Карлштейнъ соборныя сокровища. Такая открытая война съ правительствомъ и народомъ оказалась архіепископу не по силамъ, и онъ пошелъ на уступки: не видя помощи отъ папы и желая примириться съ королемъ, онъ согласился подчиниться его третейскому суду; сторонники Гуса также

приняли это посредничество, и 3-го іюля 1411 г. соглашеніе состоялось на слѣдующихъ условіяхъ: архіепископъ долженъ смириться передъ королемъ и написать папѣ, что никакихъ ересей въ Чехіи не существуетъ и что онъ примирился съ Гусомъ и университетомъ, почему всѣ начатые процессы подлежатъ прекращенію; король, съ своей стороны, и всѣ совѣтники, духовные и свѣтскіе, обязываются препятствовать появленію ложныхъ ученій и преслѣдовать ихъ; всѣ прежніе раздоры предаются забвенію, церковные доходы возвращаются церкви, лишенные свободы отпускаются; клиръ, университетъ и бароны остаются при своихъ правахъ и привилегіяхъ. Архіепископъ согласился на все, но отложилъ посылку обѣщаннаго письма къ папѣ впредь до исполненія прочихъ статей договора. Кромѣ сознанія своего безсилія, Сбынекъ имѣлъ и другіе поводы къ такому соглашенію: дѣло въ томъ, что по смерти антиимператора Рупрехта (1410), какъ мы знаемъ, явились разомъ три императора; по смерти Іоста (1411) состоялось, наконецъ, примиреніе между двумя братьями-врагами, Венцеславомъ и Сигизмундомъ, при чемъ послѣдній получалъ шансы на единогласное признаніе въ будущемъ, и архіепископъ надѣялся при посредствѣ Венцеслава установить добрыя отношенія и съ Сигизмундомъ, который все еще продолжалъ держаться папы Григорія XII.

1-го сентября 1411 г. Гусъ въ многолюдномъ собраніи въ зданіи университета прочелъ нѣчто въ родѣ публичнаго исповѣданія своей вѣры и въ то же время обратился къ папѣ съ просьбой освободить его отъ личнаго появленія въ Римѣ. Въ этомъ письмѣ онъ точно воспроизвелъ свое исповѣданіе и въ особенности утверждалъ, что ему приписываютъ многое, чему онъ никогда не училъ, и обвиняютъ въ поступкахъ, которыхъ онъ не совершалъ; въ заключеніе онъ заявлялъ свою готовность повиноваться апостольскому престолу.

Примиреніе архіепископа съ королемъ и Гусомъ оказалось очень непрочнымъ: скоро Сбынекъ возобновилъ свои жалобы на явное пристрастіе короля къ его врагамъ и на свою безпомощность, указывалъ на злостныя выдумки и новые памфлеты, направленные противъ его личности, на невозможность наказывать духовныхъ лицъ, позволяющихъ себѣ открытыя лжеученія и хулы на церковь, даже на прямое, вооруженное сопротивленіе со стороны народа его приказаніямъ. При такихъ обстоятельствахъ архіепископъ заявилъ, что онъ по совѣсти не можетъ отправить къ папѣ обѣщаннаго письма, и, видя несоблюденіе договора, находитъ себя вы-

нужденнымъ искать покровительства у брата короля, Сигизмунда. Сбынекъ дѣйствительно поѣхалъ въ Венгрію, но по дорогѣ захворалъ и умеръ (28 сентября 1411 г.). Его прахъ былъ перевезенъ въ Прагу и торжественно погребенъ при большемъ участіи, чѣмъ можно было бы ожидать: смерть примирила пражанъ съ ихъ архіепископомъ. Самые враги Сбынека безусловно признавали безупречность его личной жизни и его добрыя намѣренія; Гусъ уважалъ его лично и только сожалѣлъ о недостаточной образованности архіепископа и его зависимости отъ дурныхъ совѣтниковъ.

Едва только новый архіепископъ Альбикъ занялъ свой постъ, какъ разразилась новая буря, имѣвшая уже рѣшительное вліяніе на исходъ судьбы Гуса и начатаго имъ движенія. Папа Іоаннъ XXIII объявилъ всему христіанскому міру крестовый походъ противъ короля неаполитанскаго, признававшаго Григорія XII и стремившагося къ господству надъ Италіей. Отлучивъ его отъ церкви, папа объявлялъ въ своихъ бумагахъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ въ крестовомъ походѣ, равно всѣмъ, оказывающимъ посильную поддержку святому дѣлу.

Гусъ противъ индульгенцій.

Въ маѣ 1412 г. пріѣхалъ въ Прагу папскій комиссаръ для обнародованія буллъ и для собиранія пожертвованій; съ разрѣшенія короля и архіепископа въ трехъ мѣстахъ города были выставлены ящики для сбора подаяній, и вѣрующіе приглашались покупать деньгами отпущеніе грѣховъ. Это событіе, какъ и сто лѣтъ спустя, во дни Лютера, послужило толчкомъ къ реформаціонному движенію, вызвавъ сильнѣйшее негодованіе во всѣхъ кругахъ народа. Въ то время, какъ профессора богословскаго факультета, въ томъ числѣ Стефанъ Палечскій, старались доказать законность папскихъ распоряженій, Гусъ и его приверженцы принялись открыто громить съ каѳедры поведеніе папы, какъ нехристіанское, и самого папу, какъ воплощеннаго антихриста.

Это означало уже несомнѣнный разрывъ съ католическою церковью, что, повидимому, хорошо понималъ противникъ Гуса, Стефанъ, утверждая, что чада церкви не имѣютъ права судить папу. Гусъ называлъ отпущенія обманомъ и объявилъ на 7 іюня публичный диспутъ въ университетѣ для защиты своего мнѣнія. Несмотря на сопротивленіе богословскаго факультета, диспутъ всетаки состоялся при стеченіи множества профессоровъ, докторовъ богословія, магистровъ и студентовъ, подъ предсѣдательствомъ ректора университета. Пренія вышли весьма бурными, чему особенно содѣйствовалъ пламенный Іеронимъ, явившійся на помощь

своему другу: онъ пожалъ главные лавры въ этомъ ораторскомъ состязаніи, и студенты съ тріумфомъ проводили его до самаго жилища. Болѣе сдержанный и спокойный Гусъ, развивая свои положенія, прежде всего заявилъ, что онъ отнюдь не сторонникъ ни неаполитанскаго короля, ни низложеннаго Григорія XII, а также, что онъ ратуетъ не противъ *власти, данной папѣ отъ Бога*, а только противъ ея *злоупотребленій*, и, подвергая критикѣ папскія буллы, доказывалъ, что онѣ не имѣютъ силы, какъ *противныя Священному Писанію;* онъ утверждалъ, что проповѣдывать крестовый походъ противъ единовѣрцевъ, виновныхъ только въ послушаніи своему королю, противно духу Христова ученія, и ссылался на примѣръ Христа, запретившаго дѣйствовать оружіемъ даже для защиты Его Самого. Противники Гуса, стоя на церковной точкѣ зрѣнія, доказывали, что церковныя традиціи не теряютъ силы, хотя бы и не основывались прямо на буквѣ Писанія. Словомъ, мы видимъ въ этомъ спорѣ уже прямое проявленіе протестантскаго духа, объявляющаго Писаніе единственнымъ источникомъ въ дѣлахъ вѣры и не признающаго силы преданій. Въ своемъ трактатѣ противъ индульгенцій, написанномъ вскорѣ послѣ этого спора, Гусъ доказываетъ, что каждый священникъ и епископъ, и самъ папа въ силу данной имъ власти имѣютъ право разрѣшать отъ грѣховъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ истиннаго раскаянія грѣшника, никогда безусловно и всего менѣе за деньги, ибо это—симонія. Мнѣніе, будто папа непогрѣшимъ, въ глазахъ Гуса не только ложно, но и богохульно, потому что это значитъ равнять папу съ Христомъ. Непогрѣшимъ одинъ Богъ. Истинный ученикъ Христовъ долженъ *испытывать, не противорѣчатъ ли* папскія буллы *Писанію*. Большинство не всегда бываетъ право: одинъ пророкъ Илія былъ правѣе передъ Богомъ, чѣмъ четыреста жрецовъ Ваала. Это именно тотъ принципъ, который долженъ былъ привести Гуса къ непризнанію авторитета не только папы, но и собора: предоставляя каждому вѣрующему судить о согласіи церковныхъ уставовъ со словами и духомъ Писанія, Гусъ и его друзья становились настоящими протестантами, предшественниками Лютера, отвергали авторитетъ и замѣняли его личнымъ убѣжденіемъ.

Возбужденіе умовъ въ Прагѣ все усиливалось: одинъ изъ королевскихъ любимцевъ въ видѣ пародіи на сожженіе книгъ Уиклиффа устроилъ даже церемонію сожженія папскихъ буллъ при стеченіи народной толпы, громко заявлявшей свое сочувствіе такому акту,—и остался попрежнему въ милости короля. Гусъ продол-

жалъ проповѣдывать, и сама королева все еще часто приходила его слушать. Однако король запретилъ подъ страхомъ смертной казни всякія демонстраціи и сопротивленіе булламъ и приказалъ городскимъ властямъ поддерживать тишину и порядокъ. Но это оказалось дѣломъ нелегкимъ: трое молодыхъ людей изъ простонародья рѣшились въ самой церкви громко противорѣчить проповѣднику и называть индульгенцію обманомъ. Они были схвачены и, такъ какъ ихъ не могли принудить къ отреченію, приговорены къ смерти. Гусъ энергично ходатайствовалъ за осужденныхъ, бралъ ихъ вину на себя, но напрасно: казнь была совершена очень поспѣшно и со многими предосторожностями въ виду настроенія народа. Когда послѣ казни было громко объявлено, что такъ будетъ всякому, кто осмѣлится на подобный же поступокъ, тотчасъ же нѣсколько людей добровольно дали себя арестовать, говоря, что они готовы сдѣлать то же и такъ же пострадать. Одна женщина дала куски бѣлаго полотна, чтобы завернуть тѣла казненныхъ; толпа студентовъ понесла ихъ съ пѣніемъ гимна „Isti sunt sancti" торжественно въ Виѳлеемскую часовню, гдѣ Гусъ совершилъ пышное отпѣваніе, послѣ чего его противники прозвали въ насмѣшку его часовню „часовней трехъ святыхъ". Въ виду такого энтузіазма городской магистратъ воздержался отъ дальнѣйшихъ казней, и добровольно набивавшіеся на мученичество были противъ ихъ воли отпущены на свободу. Зато богословскій факультетъ, стоявшій въ открытой оппозиціи къ остальному составу университета, еще разъ подвергъ проклятію 45 артикуловъ Уиклиффа, присоединивъ къ нимъ еще 6 новыхъ, и просилъ короля о безусловномъ запрещеніи распространять ихъ, а также о запрещеніи проповѣдывать всѣмъ виновникамъ церковнаго раздора. Король исполнилъ первую часть просьбы, но отвергъ вторую. Но и это, уже третье, запрещеніе не помѣшало Гусу защищать съ университетской каѳедры ученіе Уиклиффа. На обвиненіе, что онъ не представляетъ своихъ лекцій въ рукописи декану богословскаго факультета, Гусъ отвѣчалъ, что онъ учитъ явно, и его мнѣнія—не тайна ни для кого; впрочемъ, онъ готовъ дать на письмѣ исповѣданіе своей вѣры, но подъ условіемъ, чтобы его враги, обвиняющіе его въ ереси, доказали его ересь или же сами согласились подвергнуться сожженію какъ еретики, притомъ всѣ,—въ доказательство своей солидарности. На такое предложеніе враги Гуса не пошли. Зато они всѣми силами возбуждали противъ него папу, особенно указывая на то, что Гусъ уже два года какъ отлученъ отъ церкви и тѣмъ

не могло продолжать заражать своею ересью не только Чехію и Моравію, но и Венгрію и Польшу. Къ числу враговъ Гуса теперь окончательно примкнули и его бывшіе союзники, болѣе умѣренные поборники реформы, какъ Станиславъ Знаймскій или Стефанъ Палечскій, названные Гусомъ въ насмѣшку „раками“ (cancrisantes).

Іоаннъ XXIII, узнавъ о пражскихъ событіяхъ, немедленно далъ быстрый ходъ дѣлу Гуса. Проклятіе теперь вошло въ силу, и его велѣно было объявить уже отъ имени папы во всѣхъ церквяхъ Праги и торжественно повторять во всѣ воскресные и праздничные дни, если Гусъ будетъ упорствовать въ ереси; въ мѣстѣ его пребыванія запрещалось всякое богослуженіе; никто не долженъ былъ давать ему ни крова, ни питья, ни пищи; всѣмъ вѣрующимъ приказывалось схватить Гуса и выдать въ руки церковной власти, Виѳлеемскую же часовню сравнять съ землей. Венцеславъ на этотъ разъ не сопротивлялся папской буллѣ, и это ободрило враговъ Гуса, главнымъ образомъ нѣмцевъ, которые и сдѣлали было попытку нападенія на Виѳлеемскую часовню, когда Гусъ тамъ проповѣдывалъ, но вѣрные ему чехи отбили напавшихъ, что дало поводъ Гусу рѣзко осудить „нѣмецкую смѣлость“. Религіозная рознь перепутывалась со старою національною враждой. Между тѣмъ отлученіе было провозглашено, богослуженіе прекратилось почти во всѣхъ церквяхъ; священники отказывались причащать и отпѣвать покойниковъ, пока Гусъ останется въ городѣ. Положеніе стало настолько невыносимымъ, что король, наконецъ, предложилъ Гусу на время покинуть Прагу, обѣщая постараться о его скорѣйшемъ возвращеніи и примиреніи съ церковью. Гусъ, только что передъ тѣмъ заявившій апелляцію отъ папы ко Христу, истинному главѣ церкви, въ то время какъ одинъ изъ его друзей доказывалъ недѣйствительность отлученія,—далъ уговорить себя и уѣхалъ изъ Праги (въ декабрѣ 1412 г.). Въ то же время слабый архіепископъ Альбикъ добровольно покинулъ свою каѳедру.

Король дѣйствительно попытался еще разъ уладить дѣло миромъ; для этой цѣли въ февралѣ 1413 г. былъ созванъ въ Прагѣ провинціальный синодъ, на которомъ представители обѣихъ враждующихъ партій подали свои записки съ изложеніемъ мнѣній о способахъ къ примиренію; отъ имени Гуса и его партіи особенно свободно говорилъ на синодѣ магистръ Jacobellus. Взгляды оказались слишкомъ различными для того, чтобы обѣ стороны могли столковаться; Гусъ продолжалъ требовать, чтобы его ересь была доказана, и синодъ кончился ничѣмъ. Тогда король назначилъ для той же

цѣли особо уполномоченную комиссію, приговору которой обѣ партіи должны были подчиниться заранѣе, подъ страхомъ чувствительныхъ каръ. Но и эта попытка разбилась о сопротивленіе Станислава и Стефана, не признававшихъ себя и своихъ сторонниковъ партіей.

Разгнѣванный король изгналъ изъ своего государства четырехъ профессоровъ богословія, въ томъ числѣ обоихъ названныхъ. Ослабивъ католическую партію въ университетѣ, король ослабилъ ее и въ пражскомъ городскомъ совѣтѣ, постановивъ, что послѣдній долженъ состоять изъ чеховъ и нѣмцевъ поровну, тогда какъ до тѣхъ поръ нѣмцы имѣли въ совѣтѣ численный перевѣсъ.

Спокойствіе въ Прагѣ на время возстановилось, благодаря удаленію главныхъ противниковъ. Между тѣмъ Гусъ проживалъ въ мѣстечкѣ Kozi hradek (Козій городокъ), на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи возникла твердыня его крайнихъ послѣдователей,— таборитовъ (Thabor—Өаворъ). Пользуясь досугомъ, Гусъ всецѣло отдался литературнымъ трудамъ и перепискѣ со своими друзьями, между тѣмъ какъ его любимый ученикъ, Гавликъ, занялъ его мѣсто въ Виолеемской часовнѣ. Въ это время Гусъ написалъ большую часть своихъ наиболѣе крупныхъ сочиненій, богословскихъ и полемическихъ, на латинскомъ и чешскомъ языкахъ (Tractatus de ecclesia, o swatokupectwi, т. е. о симоніи, и др.). Онъ также проповѣдывалъ народу, толпами сходившемуся къ нему, и такимъ образомъ удаленіе изъ Праги содѣйствовало еще большему распространенію гуситизма; явился новый центръ новаго ученія,—будущій Таборъ.

Въ началѣ 1413 г. папа еще разъ подвергъ въ Римѣ проклятію артикулы Уиклиффа. Въ концѣ того же года императоръ Сигизмундъ уговорился съ папскими уполномоченными о созваніи на 1 ноября 1414 г. всеобщаго церковнаго собора въ Констанцѣ для окончательнаго улаженія всѣхъ накопившихся затрудненій и недоразумѣній. При личномъ свиданіи съ Сигизмундомъ колеблющійся Іоаннъ далъ свое согласіе на соборъ, и императоръ, желая, наконецъ, провести въ жизнь требуемую всѣми реформу церкви въ главѣ и въ членахъ, разослалъ отъ своего имени приглашенія на соборъ ко всему христіанскому міру, между прочимъ и къ Гусу, дѣло котораго должно было рѣшиться теперь окончательно.

Сигизмундъ обѣщалъ Гусу дать грамоту, гарантирующую его неприкосновенность (freies Geleit), и вообще содѣйствовать благопріятному исходу его дѣла. Гусъ немедленно согласился предстать передъ соборомъ и отправился въ путь, послѣдній въ его жизни, приведшій его на костеръ.

IV.

Вызовъ Гуса на соборъ.

Собираясь ѣхать въ Констанцъ, Гусъ прежде всего желалъ выяснить, поѣдетъ ли онъ туда въ качествѣ оффиціально признаннаго еретика или нѣтъ. Онъ прибылъ въ Прагу, куда архіепископъ созвалъ духовенство на синодъ, и заявилъ намѣреніе явиться передъ послѣднимъ для выслушанія и готовности понести наказаніе, если будетъ обличенъ въ ереси; онъ письменно вызвалъ всѣхъ желающихъ выступить противъ него на законномъ основаніи. Однако на засѣданіе синода Гусъ не былъ допущенъ. Зато папскій инквизиторъ, назначенный въ Чехію, засвидѣтельствовалъ въ присутствіи многихъ лицъ, что онъ знаетъ Гуса и не находитъ въ немъ никакой ереси, въ чемъ готовъ выдать даже письменное удостовѣреніе. На вопросъ, обращенный нѣсколькими баронами къ архіепископу Конраду, обвиняетъ ли онъ Гуса въ ереси, архіепископъ отвѣтилъ отрицательно, объяснивъ, что Гусъ имѣетъ дѣло не съ нимъ, но съ папой. Всѣ эти заявленія были записаны, и Гусъ увѣдомилъ обо всемъ императора Сигизмунда; въ своемъ письмѣ, благодаря за оказанную ему милость, онъ просилъ лишь о томъ, чтобы въ Констанцѣ его не судили тайно, а дозволили въ публичной аудіенціи изложить свое исповѣданіе мирно и безпрепятственно; зная, что ему предстоятъ тяжкія испытанія отъ его враговъ, онъ заявлялъ готовность пострадать до смерти за истину.

Во время этого своего послѣдняго пребыванія въ Прагѣ Гусъ не проповѣдывалъ ни разу, хотя Венцеславъ и его супруга были къ нему расположены не менѣе прежняго. Оба брата, король чешскій и король венгерскій,—онъ же императоръ,—поручили охрану Гуса на соборѣ тремъ вельможамъ, между которыми первое мѣсто занималъ Іоаннъ Хлумскій, по прозванію Кепка. Расходы на путешествіе Гусъ долженъ былъ оплачивать изъ собственныхъ средствъ; но его друзья оказали ему обильную поддержку на этотъ предметъ.

Враги Гуса, собираясь ѣхать на соборъ, также не бездѣйствовали: духовенство въ Чехіи и Моравіи устроило особый соборъ на покрытіе расходовъ, связанныхъ съ поѣздкой, всѣ, имѣвшіе какое-либо свидѣтельство противъ Гуса, были допрошены подъ присягой, и ихъ показанія занесены въ протоколъ. Этотъ документъ (Depositiones testium) долженъ былъ служить обвинительнымъ актомъ передъ лицомъ собора. Гусъ успѣлъ достать копію съ этого протокола и снабдилъ ее собственноручными примѣчаніями и возра-

женіями. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ обратился съ задушевнымъ прощальнымъ посланіемъ ко всѣмъ чехамъ; отправляясь къ своимъ врагамъ и не надѣясь вновь увидѣть своихъ друзей, Гусъ проситъ послѣднихъ молиться за него, чтобы Богъ далъ ему крѣпость духа для перенесенія смерти, если она неизбѣжна, чтобы онъ устоялъ въ истинѣ и могъ въ случаѣ благополучнаго возвращенія продолжать борьбу съ антихристомъ. Своему любимѣйшему ученику Мартину Гусъ вручилъ для храненія запечатанное письмо, содержавшее его завѣщаніе, съ тѣмъ, чтобы оно было вскрыто лишь по полученіи вѣрнаго извѣстія объ его кончинѣ.

11 октября 1414 г. Гусъ двинулся въ путь въ сопровожденіи назначенныхъ охранителей и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, не получивъ еще обѣщаннаго Сигизмундомъ охраннаго письма, полагаясь на слово императора, на приставленныхъ къ нему защитниковъ и на безопасность, обѣщанную въ пригласительномъ посланіи на соборъ отъ имени императора и папы всѣмъ, имѣющимъ пріѣхать въ Констанцъ. Какъ видно, и самъ Гусъ, и его друзья, опасавшіеся за него, считали нѣмцевъ его злѣйшими врагами; однако на пути черезъ Германію эти опасенія не оправдались: Гуса повсюду встрѣчали если не дружелюбно, то во всякомъ случаѣ мирно и весьма интересовались личностью человѣка, имя котораго такъ часто повторялось въ послѣднее время и за предѣлами его родины; предостереженія духовенства скорѣе усиливали любопытство народа, сходившагося толпами, чтобы посмотрѣть на Гуса и поговорить съ нимъ. Онъ велъ немало бесѣдъ во время дороги съ духовными и міряками, учеными и неучеными, и пришелъ къ заключенію, что злѣйшіе его враги находятся между его земляками. Толпа любопытныхъ вышла Гусу навстрѣчу при его въѣздѣ въ Констанцъ 3 ноября и провожала до самой квартиры, которую онъ занялъ въ домѣ одной вдовы, по имени Фиды. 5 ноября, наконецъ, была получена охранная грамота, подписанная еще 18 октября, въ которой Сигизмундъ заявлялъ, что принимаетъ магистра Гуса подъ защиту свою и Священной Римской имперіи и повелѣваетъ всѣмъ подданнымъ обращаться съ нимъ дружественно и безъ стѣсненій.

Между тѣмъ Констанцъ наполнился знатными гостями, духовными и свѣтскими. Уже 28-го октября торжественно въѣхалъ въ городъ папа Іоаннъ, сопровождаемый кардиналами, многими архіепископами, епископами и всѣмъ своимъ дворомъ. Папа предчувствовалъ, что соборъ будетъ имѣть для него самого роковое

значеніе, и хотѣлъ было перенести его изъ Констанца куда-нибудь поближе, въ Италію, но кардиналы воспрепятствовали этому. Пока еще, впрочемъ, Іоаннъ не терялъ надежды удержаться на своемъ престолѣ: видя въ Констанцскомъ соборѣ продолженіе Пизанскаго, онъ полагалъ, что все дѣло можетъ быть сведено къ окончательному устраненію раскола, т. е. къ окончательному низложенію обоихъ его упорствующихъ противниковъ, Григорія и Бенедикта; церковная же реформа, по его мнѣнію, должна была заключаться въ осужденіи и подавленіи уиклиффизма и гуситизма. Соборъ долженъ былъ открыться 1-го ноября, но его открытіе оттягивалось сперва до 3-го, потомъ до 5-го, повидимому, въ ожиданіи пріѣзда Гуса, дѣло котораго папа хотѣлъ поставить на первую очередь.

Немедленно по прибытіи Гуса его охранители явились къ папѣ возвѣстить о его пріѣздѣ, при чемъ просили папу о покровительствѣ Гусу. Іоаннъ обѣщалъ полную справедливость, однако не нашелъ возможнымъ снять наложенное имъ на Гуса отлученіе. Узнавъ объ охранной грамотѣ императора, папа рѣшилъ отложить разсмотрѣніе дѣла Гуса, боясь раздражить Сигизмунда излишнею поспѣшностью. 9-го ноября Гусу было объявлено, что, склоняясь на неоднократныя просьбы, папа велѣлъ временно снять съ него отлученіе, вслѣдствіе чего ему дозволяется посѣщеніе города и церквей подъ условіемъ не присутствовать при совершеніи литургіи во избѣжаніе соблазна. Буква отлученія, впрочемъ, и не соблюдалась: иначе во время пребыванія Гуса въ Констанцѣ вообще не могло бы совершаться никакое богослуженіе. Гусъ не воспользовался даннымъ ему позволеніемъ и все время сидѣлъ дома, подготовляя свои отвѣты передъ соборомъ.

Арестъ Гуса.

Болѣе дѣятельности проявили враги Гуса,—знакомый уже намъ Стефанъ Палечскій, священникъ Михаилъ изъ Нѣмецкаго Брода, получившій отъ папы важную должность прокуратора de causis fidei, почему его и называли Michael de causis, Венцеславъ Тимъ, привезшій въ 1412 г. въ Прагу знаменитыя папскія буллы, и другіе. Они нашли доступъ къ вліятельнымъ членамъ собора, кардиналамъ и прелатамъ, и неутомимо добивались ареста Гуса, открыто объявляя его неисправимымъ, уже отлученнымъ еретикомъ, наговаривая на него, распространяя даже про него ложные слухи, напр., будто Гусъ намѣренъ проповѣдывать въ Констанцѣ или что онъ будто пытался тайно бѣжать оттуда. Они достигли своей цѣли тѣмъ легче, что Гусъ, какъ узнали, у себя въ домѣ служилъ обѣдни и говорилъ со всякимъ желающимъ о своихъ религіозныхъ

воззрѣніяхъ. 28-го ноября въ квартиру Гуса явились епископы аугсбургскій и тріентскій въ сопровожденіи констанцскаго бургомистра и объявили, что папа и кардиналы приказали привести Гуса къ себѣ для выслушанія, о чемъ онъ самъ просилъ такъ часто. Бывшій тутъ же Іоаннъ Хлумскій, угадавъ, къ чему клонится дѣло, протестовалъ самымъ энергичнымъ образомъ, ссылаясь на охранную грамоту императора и на свою отвѣтственность за судьбу Гуса, особенно на прямо выраженную волю императора, чтобы до его прибытія дѣло Гуса не разбиралось. Посланные утверждали, что они присланы безъ всякихъ тайныхъ цѣлей для мирнаго рѣшенія дѣла. Во время этихъ пререканій Гусъ вышелъ и отдался въ руки пришедшихъ за нимъ, хотя, по его словамъ, онъ явился въ Констанцъ для отвѣта передъ цѣлымъ соборомъ, а не только передъ папой и кардиналами; но онъ готовъ предстать и передъ ними и надѣется, что никакое насиліе не принудитъ его отречься отъ дознанной истины. Благословивъ плачущую хозяйку дома, Гусъ вышелъ изъ него и былъ доставленъ въ помѣщеніе папы. Іоаннъ Хлумскій сопровождалъ его. Приведенный къ кардиналамъ, въ отвѣтъ на обращеніе предсѣдательствующаго Гусъ заявилъ, что онъ готовъ скорѣе умереть, чѣмъ считать за истину и распространять хотя бы одну ересь, и что онъ ожидаетъ отъ собора наставленія въ истинѣ и немедленно принесетъ покаяніе, если будетъ изобличенъ во лжеученіи. Эти слова были приняты съ одобреніемъ, и кардиналы удалились изъ залы для совѣщанія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, оставивъ Гуса, его защитника и стражу въ ожиданіи рѣшенія. Благодаря усиліямъ враговъ Гуса, это рѣшеніе состоялось къ вечеру того же дня: Іоанну Хлумскому было предложено удалиться, а Гусу остаться. Возмущенный такимъ вѣроломствомъ, Іоаннъ бросился къ самому папѣ и рѣзко укорялъ его въ нарушеніи слова, грозя карами тому, кто осмѣливается итти наперекоръ волѣ императора. Папа, сваливая съ себя личную отвѣтственность за происшедшее, призывалъ въ этомъ въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ и, отведя Іоанна въ сторону, сказалъ ему: „Вамъ извѣстно, въ какихъ я отношеніяхъ къ кардиналамъ: они мнѣ навязали этого плѣнника, и я принужденъ былъ принять его“. Гусъ въ ту же ночь былъ отвезенъ въ домъ одного констанцскаго каноника, гдѣ восемь дней содержался подъ стражей; затѣмъ его перевезли въ доминиканскій монастырь на Боденскомъ озерѣ и заточили въ мрачный казематъ, помѣщавшійся рядомъ съ клоакой, гдѣ Гусъ заболѣлъ, вѣроятно, отъ дурного воздуха.

Предварительное слѣдствіе.

Іоаннъ Хлумскій продолжалъ громко протестовать противъ заточенія Гуса, обращался ко всѣмъ находившимся въ Констанцѣ вліятельнымъ особамъ, предъявлялъ императорскую грамоту и все понапрасну. Онъ немедленно написалъ о случившемся самому императору, бывшему тогда на пути въ Констанцъ. Сигизмундъ пришелъ въ негодованіе и тотчасъ же прислалъ приказъ освободить Гуса, въ противномъ случаѣ грозилъ силой отворить двери его темницы. Однако, такъ какъ исполненія этой угрозы не послѣдовало, она осталась безъ результата. Наконецъ, въ ночь на Рождество, 25 декабря 1414 г., императоръ торжественно въѣхалъ въ городъ, присутствовалъ при обѣднѣ, которую совершалъ самъ папа въ соборномъ храмѣ, и принялъ отъ послѣдняго освященный мечъ на защиту церкви. Послѣ этого величественнаго пріема начались весьма недружелюбныя объясненія императора по поводу Гуса съ папой и особенно съ кардиналами, которымъ папа попрежнему приписывалъ инициативу всего дѣла. Праву императора защищать своего подданнаго отцы собора противопоставляли свое право судить по существующимъ церковнымъ законамъ человѣка, заподозрѣннаго въ ереси. Раздраженіе Сигизмунда дошло до того, что онъ даже выразилъ намѣреніе предоставить соборъ его судьбѣ и покинулъ Констанцъ; въ слѣдъ за нимъ послали депутацію съ объясненіемъ, что въ такомъ случаѣ соборъ долженъ будетъ разойтись безъ результата. Взять на себя отвѣтственность за такой исходъ дѣла ради Гуса Сигизмундъ не рѣшился: соборъ былъ созванъ по его мысли и желанію, и его распаденіе обмануло бы надежды всего христіанскаго міра на возстановленіе церковнаго единства и на проведеніе требуемыхъ всѣми реформъ. Въ виду этого императоръ покинулъ Гуса на произволъ судьбы, успокоивая свою совѣсть внушеннымъ ему соображеніемъ, что никто не обязанъ держать слова, даннаго еретику, такъ какъ по Божескимъ и человѣческимъ законамъ никакое обѣщаніе не имѣетъ силы, если оно направлено ко вреду истинной католической вѣры. Этимъ отступничествомъ Сигизмунда судьба Гуса была рѣшена. Папа уже ранѣе назначилъ трехъ комиссаровъ для веденія его процесса съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, уполномочивъ ихъ принять всѣ мѣры, необходимыя для выясненія истины въ дѣлѣ Гуса. Только окончательное рѣшеніе не было предоставлено комиссарамъ-слѣдователямъ. Въ виду тяжелой болѣзни Гуса папа призналъ нужнымъ послать къ нему своихъ лейбъ-медиковъ и перевести его въ болѣе здоровое помѣщеніе въ томъ же зданіи (8 января 1415 г.).

Согласно юридическимъ правиламъ, свидѣтели, показывавшіе противъ Гуса, между ними и Стефанъ Палечскій, были приведены къ присягѣ въ его присутствіи, но защитника ему не дали на томъ основаніи, что законъ не дозволяетъ защищать подозрѣваемаго въ ереси. Когда Гусъ оправился отъ болѣзни, комиссары представили ему 44 обвинительныхъ пункта, извлеченные главнымъ образомъ изъ его трактата „De ecclesia", съ приглашеніемъ дать письменный отвѣтъ по всѣмъ статьямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій Гусъ устранилъ, доказавъ, что его выраженіямъ, неточно переданнымъ и поставленнымъ внѣ логической связи, приданъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ какой они имѣютъ на самомъ дѣлѣ; однако за всѣмъ тѣмъ осталось немало обвинительныхъ статей, которыя выражали дѣйствительные взгляды Гуса и имѣли важное значеніе; таково въ особенности самое понятіе о церкви, изложенное въ названномъ трактатѣ: въ противность положенію католическихъ богослововъ, видѣвшихъ въ папѣ главу, а въ коллегіи кардиналовъ члены тѣла церкви, слѣд., отождествлявшихъ церковь съ высшимъ духовенствомъ, Гусъ понимаетъ подъ церковью всю совокупность вѣрующихъ, избранныхъ и предназначенныхъ къ блаженству (по ученію Августина о предъизбраніи или предопредѣленіи); можно по имени принадлежать къ церкви, но въ дѣйствительности не быть ея членомъ; всякій, живущій не по закону Христа, есть слуга антихриста; въ силу этого папа не только есть глава церкви, но можетъ не быть даже ея членомъ, если живетъ не по-христіански, также и кардиналы. Единый, истинный глава церкви есть Христосъ, который въ день суда отдѣлитъ пшеницу отъ плевелъ. Отрицая главенство папы надъ церковью, Гусъ не признаетъ и законности его первенства надъ прочими епископами, доказывая изъ исторіи апостольской и церковной, что такое первенство развилось постепенно въ теченіе вѣковъ, и считая желательнымъ возвращеніе къ первоначальному строю христіанской церкви, къ равенству епископовъ. Это составляетъ, въ глазахъ Гуса, главную задачу собора. Мы уже видѣли выше, что Гусъ выше всѣхъ традицій ставилъ авторитетъ Писанія; однако, оправдывая свои мнѣнія, онъ ссылается также на отцовъ церкви,—Августина, Григорія Великаго, и на ученыхъ богослововъ, Бернарда Клервоскаго, Гростета и другихъ.

Въ то время, какъ Гусъ давалъ свои объясненія въ Констанцѣ, на его родинѣ начатое имъ движеніе продолжало усиливаться и развиваться: магистръ Jacobellus сталъ проповѣдывать необходимость причащенія подъ обоими видами, и мы уже упоминали выше

о томъ, какъ отнесся Гусъ къ этому новому вопросу. Такимъ образомъ, къ прежнимъ обвиненіямъ прибавилось еще одно отягчающее обстоятельство. Но еще прежде, чѣмъ рѣшилась судьба Гуса, катастрофа постигла самого папу Іоанна XXIII. Соборъ пришелъ къ заключенію, что для возстановленія полнаго единства церкви необходимо принудить къ отреченію всѣхъ трехъ анти-папъ и прежде всѣхъ именно Іоанна, который напрасно надѣялся спасти себя своею уступчивостью требованіямъ кардиналовъ. Онъ сперва изъявилъ согласіе на отреченіе, но затѣмъ съ помощью герцога Фридриха Австрійскаго бѣжалъ переодѣтый изъ Констанца. Его бѣгство вызвало общее смятеніе и чуть не разстроило всего собора, но императоръ своимъ энергичнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло, для котораго онъ наиболѣе потрудился, успѣлъ всѣхъ успокоить; герцогъ Фридрихъ подвергся опалѣ, и только обязательство его привести папу обратно вернуло ему милость императора. Бывшій папа предсталъ въ качествѣ подсудимаго передъ соборомъ и былъ окончательно низложенъ 29 мая 1415 г. Это событіе повліяло и на судьбу Гуса, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ того желали и надѣялись его друзья. Папскіе слуги оставили городъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и ключи отъ темницы Гуса достались въ руки Сигизмунда; теперь, казалось, ничто не мѣшало ему освободить узника и хоть поздно сдержать свое слово, тѣмъ болѣе, что еще за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ чины Чехіи и Моравіи ходатайствовали передъ императоромъ письменно (на чешскомъ языкѣ) объ освобожденіи Гуса, какъ объ исправленіи вопіющей несправедливости. Однако Сигизмундъ, болѣе всего добивавшійся прекращенія церковнаго раскола, былъ теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, расположенъ ссориться съ отцами собора: посовѣтовавшись съ ними, онъ передалъ Гуса въ распоряженіе епископа Констанцскаго, который приказалъ перевести заключеннаго въ замокъ Готлибенъ. Здѣсь положеніе Гуса еще ухудшилось: въ монастырѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде, его стражи успѣли привыкнуть къ нему, и онъ успѣлъ расположить ихъ къ себѣ настолько, что ему позволялось писать, что и кому угодно, а также принимать посѣщенія друзей; въ новой же своей тюрьмѣ Гусъ былъ вполнѣ отрѣзанъ отъ всего міра: его заперли въ высокую башню, заковали его ноги въ цѣпи, а на ночь приковывали къ стѣнѣ даже руки. Заботясь о своихъ друзьяхъ, Гусъ, пока еще могъ сообщаться съ ними, всячески предостерегалъ тѣхъ изъ нихъ, которые еще были дома, отъ поѣздки въ Констанцъ, особенно Іеронима, но послѣдняго удер-

жать было трудно. Онъ тайно пріѣхалъ въ мѣсто заключенія своего друга, котораго однако ему видѣть уже не пришлось; несмотря на увѣщанія, онъ заявилъ на трехъ языкахъ о цѣли своего пріѣзда и просилъ императора и соборъ о выдачѣ охранной грамоты. Соборъ далъ ему удостовѣреніе, что съ нимъ будетъ поступлено безъ насилія, но по праву, и прислалъ ему приглашеніе явиться на слѣдующій же день, при чемъ было прибавлено, что его неявка не помѣшаетъ законному ходу его процесса. Но тутъ мужество измѣнило пылкому Іерониму, и онъ бѣжалъ обратно въ Чехію; на дорогѣ его узнали, схватили и привезли уже въ цѣпяхъ въ Констанцъ, гдѣ и предали во власть собора.

Между тѣмъ предварительное слѣдствіе по дѣлу Гуса продолжалось; мѣсто прежнихъ комиссаровъ, назначенныхъ еще Іоанномъ XXIII, заняли новые, между ними знаменитый архіепископъ камбрэйскій, Петръ д'Альи. Но слѣдствіе попрежнему производилось тайно, и это усиливало жалобы на несправедливость и жестокость собора по отношенію къ Гусу со стороны его друзей. Чешскіе и моравскіе бароны составляли коллективныя представленія на имя императора, какъ наслѣдника королевства Чехіи: они требовали, чтобы Гусъ былъ, по крайней мѣрѣ, освобожденъ изъ своего тяжкаго заточенія и допрошенъ явно передъ соборомъ; такія же ходатайства писались и на имя представителей чешской націи, находившихся въ Констанцѣ.

Послѣдніе сдѣлали все, что могли: Іоаннъ Хлумскій и другіе чешско-моравскіе вельможи, а также послы Владислава-Ягелло, короля польскаго, обращались къ собору съ требованіемъ правосудія для Гуса во имя чести Римской имперіи и самого собора; въ этомъ же требованіи указывалось на позорныя для чести чешской націи клеветы, распространяемыя ея врагами,—будто, напр., въ Чехіи простые сапожники позволяютъ себѣ исповѣдывать и причащать людей, будто вино, претворенное въ кровь Христову, разливается по простымъ бутылкамъ и т. п. Эту часть жалобы принялъ на свой счетъ епископъ Лейтомышльскій и заявилъ, что готовъ подтвердить свои слова ссылкою на достовѣрныхъ свидѣтелей, отъ чего однако уклонился, удовольствовавшись завѣреніемъ, что честь его отечества и народа ему болѣе дорога, чѣмъ нововводителямъ, позорящимъ свою родину. Переговоры тянулись нѣсколько дней, но ни къ чему не привели; соборъ заявилъ, что Гусъ заточенъ не безъ предварительнаго разслѣдованія, такъ какъ онъ уже раньше призывался въ Римъ, за неприбытіе подвергнутъ

отлученію и даже не просилъ о снятіи съ него послѣдняго, слѣдовательно, его должно считать упорнымъ архіеретикомъ. Къ тому же, онъ будто бы позволялъ себѣ проповѣдывать даже въ самомъ Констанцѣ, а императорская охранная грамота будто бы получена уже 15 дней спустя послѣ его заточенія. И то и другое было явная неправда, и защитники Гуса горячо доказывали ложность обоихъ утвержденій, ссылаясь по первому пункту на то, что Гусъ съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ въ Констанцъ, и до ареста ни разу даже не переступилъ за порогъ дома, гдѣ жилъ. Чѣмъ далѣе шелъ споръ, тѣмъ болѣе онъ принималъ раздражительный и личный характеръ; наконецъ, на предложеніе представить какія угодно поруки за Гуса, если только его отпустятъ на свободу, отъ имени собора было объявлено, что Гусъ не будетъ освобожденъ ни за тысячу порукъ, но что выслушанъ онъ будетъ въ засѣданіи собора, назначенномъ на 5-е іюня. Еще за мѣсяцъ до этого срока состоялось торжественное проклятіе на соборѣ архіепископа Уиклиффа и его знаменитыхъ 45 артикуловъ; его сочиненія присуждено было сжечь, а его кости, если окажется возможнымъ, вырыть изъ могилы и выбросить съ кладбища, какъ прахъ нераскаяннаго врага церкви, умершаго будто бы подъ отлученіемъ. Это постановленіе было дурнымъ предзнаменованіемъ для Гуса, признававшагося всѣми за послѣдователя Уиклиффа.

Когда приблизился срокъ допроса, Гусъ еще разъ былъ переведенъ изъ Готлибена въ монастырь францисканцевъ,—послѣднее мѣсто его пребыванія, прежнее же его помѣщеніе занялъ другой узникъ, Балтазаръ Косса,—бывшій папа Іоаннъ XXIII. 5-го іюня открылось полное засѣданіе собора, и прежде привода подсудимаго было приступлено къ чтенію отчета о слѣдствіи по его дѣлу. Одному изъ чеховъ удалось усмотрѣть между прочими актами, предназначенными для прочтенія, заранѣе заготовленный обвинительный приговоръ Гусу; немедленно объ этомъ открытіи узнали всѣ находившіеся на лицо чехи, Іоаннъ Хлумскій и другіе, и тотчасъ же дали знать обо всемъ императору, заклиная его не допускать до прочтенія приговора, основаннаго на невѣрныхъ обвиненіяхъ; такъ какъ главные обвинительные пункты были взяты изъ трактата Гуса о церкви и изъ другихъ его сочиненій, императору тутъ же были вручены подлинники послѣднихъ, писанные самимъ Гусомъ, для сличенія и провѣрки. Сигизмундъ прислалъ собору приказъ не торопиться, терпѣливо выслушать подсудимаго и сообщить ему, императору, о рѣшеніи собора; автографы Гуса также были

Допросы передъ соборомъ.

представлены собору для просмотра, но подъ условіемъ обратной отдачи.

Наконецъ, ввели Гуса; наконецъ, онъ стоялъ передъ соборомъ, и могъ открыто объясниться, чего такъ горячо желалъ. Ему показали его рукописи и спросили, признаетъ ли онъ ихъ за свои? Осмотрѣвъ рукописи, Гусъ отвѣтилъ утвердительно и заявилъ, что онъ готовъ отречься отъ заблужденій, если ему ихъ укажутъ и докажутъ на основаніи Св. Писанія и отцовъ церкви; именно въ смыслѣ доказательства понималъ онъ поученіе со стороны собора. Но послѣдній вовсе не былъ расположенъ снисходить къ такому требованію и хотѣлъ безусловнаго признанія своего авторитета, какъ окончательной инстанціи въ дѣлахъ вѣры, не могущей ошибаться, постановленіямъ которой должно вѣрить на слово. Здѣсь, какъ впослѣдствіи въ исторіи Лютера, столкнулись два противоположные принципа — подчиненіе непогрѣшимому большинству и личное убѣжденіе одного человѣка. Примиреніе было невозможно, что сказалось при первомъ же допросѣ, принявшемъ весьма шумный характеръ. Гусъ просилъ о позволеніи прочесть сперва свое исповѣданіе вѣры въ связномъ цѣломъ, но ему въ этомъ отказали и велѣли только отвѣчать на вопросъ; когда онъ защищался, всѣ кричали на него; когда онъ ссылался на отцовъ церкви, со всѣхъ сторонъ раздавалось: „это къ дѣлу не относится!“ Когда же онъ доказывалъ, что его слова невѣрно поняты и изложены, всѣ съ шумомъ требовали, чтобы онъ оставилъ свою софистику и отвѣчалъ прямо *да* или *нѣтъ*. Даже молчаніе ставилось ему въ вину, какъ знакъ согласія, признанія въ ереси. Наконецъ, Гусъ высказалъ, что онъ ожидалъ отъ собора большаго благочестія, приличія и порядка. На это предсѣдательствующій кардиналъ сказалъ ему: „сидя въ замкѣ, ты говорилъ не такимъ языкомъ“, на что получилъ отвѣтъ: „да, потому что тамъ никто не кричалъ на меня, а здѣсь вы кричите всѣ“. Засѣданіе было отложено на 7 іюня, и хотя Гусъ былъ доволенъ, что ему удалось устранить два обвиненія, и надѣялся на дальнѣйшіе успѣхи своей защиты, подобное начало не обѣщало ничего добраго.

Второе засѣданіе собора, посвященное допросу Гуса, происходило въ присутствіи самого императора и отличалось большимъ спокойствіемъ; было объявлено, что всякій нарушитель порядка будетъ удаленъ изъ собранія. Главнымъ противникомъ Гуса въ этотъ день выступилъ кардиналъ д'Альи, одинъ изъ главныхъ борцовъ за реформу церкви, но не сочувствовавшій тѣмъ способамъ,

къ которымъ прибѣгалъ Гусъ для этой цѣли. Кардиналъ свелъ пренія на почву догматовъ, особенно догмата о пресуществленіи, и старался, однако неудачно, опровергнуть увѣреніе Гуса, что въ этомъ вопросѣ онъ несогласенъ съ Уиклиффомъ и всегда твердо держался ученія церкви. Черезъ это рѣчь свелась вообще на отношеніе Гуса къ Уиклиффу, при чемъ Гусъ призналъ, что нѣкоторыя положенія послѣдняго онъ считаетъ вѣрными, что онъ вообще всегда уважалъ Уиклиффа и выразилъ однажды желаніе быть по смерти въ одномъ мѣстѣ съ нимъ. Объявляя нѣкоторыя обвиненія прямо ложными и выдуманными по злобѣ, онъ сослался на Бога и на свою совѣсть, что было встрѣчено презрительнымъ смѣхомъ; такая ссылка не могла перевѣсить въ глазахъ собора свидѣтельскихъ показаній. Тутъ же кстати д'Альи укорилъ Гуса въ хвастовствѣ, такъ какъ онъ еще при первомъ допросѣ сказалъ, что, если бы онъ не пріѣхалъ въ Констанцъ добровольно, никто не могъ бы его принудить къ этой поѣздкѣ. Гусъ подтвердилъ эти слова вторично, къ крайнему негодованію кардинала; тутъ вмѣшался Іоаннъ Хлумскій и заявилъ, что это вполнѣ вѣрно, что многіе бароны въ Чехіи, — и онъ въ томъ числѣ, — готовы были бы не только дать Гусу у себя пріютъ, но и защищать его хотя бы противъ войскъ всей имперіи. Подъ конецъ самъ Сигизмундъ, коснувшись вопроса о своей охранной грамотѣ и о времени ея написанія, обратился къ Гусу съ увѣщаніемъ и вмѣстѣ угрозой, говоря, что его теперь спокойно выслушиваютъ, — значитъ, онъ, императоръ, сдержалъ свое слово; теперь остается одно—не упорствовать, а смиренно отдаться на волю собора, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: иначе отцы собора будутъ знать, что съ нимъ дѣлать, а императоръ не намѣренъ защищать упорнаго еретика, напротивъ, самъ готовъ будетъ вести его на костеръ. Гусъ отвѣчалъ благодарностью императору за оказанную ему охрану съ увѣреніемъ, что онъ охотно приметъ наставленіе въ истинѣ. Его увели. На слѣдующій день, 8 іюня, состоялся третій и послѣдній допросъ Гуса, рѣшившій его судьбу. Опять читались пункты, извлеченные изъ его сочиненій; опять Гусъ защищалъ и доказывалъ нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, отрицалъ другіе, какъ невѣрно излагающіе его мнѣнія. Въ особенности подвергалось критикѣ ученіе Гуса о церкви,—центральный пунктъ всѣхъ его ученій, — и отцы собора пришли въ ужасъ отъ теоріи Гуса, по которой папа и кардиналы оказывались вовсе не необходимыми для церкви, — обходилась же безъ нихъ апостольская церковь,—и папская власть являлась со-

зданіемъ свѣтской власти. Вопросъ о томъ, можетъ ли папа, епископъ или священникъ, совершившій смертный грѣхъ, считаться истиннымъ папой и такъ далѣе, придалъ такое направленіе спору, что на него поспѣшили обратить вниманіе императора, занятаго въ то время разговоромъ: оказалось, что ученіе Гуса опасно и вредно и съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ въ силу его, напримѣръ, и король, подпавшій смертельному грѣху, не есть истинный король. По поводу ученія Гуса о церкви англичанинъ Стокзъ прямо сказалъ, что это ученіе Уиклиффа. Подъ конецъ засѣданія кардиналъ д'Альи еще разъ совѣтовалъ Гусу склониться передъ авторитетомъ собора; Гусъ отвѣтилъ, что онъ попрежнему радъ принять поученіе и, въ виду раздавшихся противъ него криковъ, прибавилъ: — рѣшеніе собора. Это заявленіе было принято за выраженіе покорности, и д'Альи объявилъ Гусу, что уполномоченная соборомъ комиссія изъ приблизительно 60 докторовъ постановляетъ слѣдующее: Гусъ долженъ признать свои заблужденія, клятвенно навсегда отъ нихъ отказаться, произнести публичное отреченіе и обязаться впредь признавать, утверждать и возвѣщать противоположное тому, что говорилъ прежде. Въ отвѣтъ на это Гусъ умолялъ о позволеніи обстоятельнѣе изложить свои тезисы, а также о томъ, чтобы его не принуждали лгать передъ Богомъ и людьми, — отрекаться отъ того, чему онъ никогда не училъ. Если ему докажутъ его заблужденіе, онъ сейчасъ же готовъ отречься; произнести же отреченіе въ предлагаемой формѣ ему запрещаютъ совѣсть и убѣжденіе. Несмотря на увѣщанія самого императора, несмотря на то, что было предложено составить формулу отреченія въ выраженіяхъ, возможно умѣренныхъ, Гусъ остался при своемъ и былъ уведенъ опять въ свою тюрьму. Послѣ его ухода, когда засѣданіе закрылось и залъ сталъ пустѣть, Сигизмундъ обратился къ оставшимся кардиналамъ съ рѣчью, въ которой вполнѣ выдавалъ Гуса въ руки собора: высказавъ, что изъ обвиненій, направленныхъ противъ него, каждое въ отдѣльности заслуживаетъ смертнаго приговора, императоръ прямо рекомендовалъ сжечь еретика, достаточно доказавшаго свое упорство и зловредность, и заодно съ нимъ также и его ученика и друга, Іеронима; при этомъ Сигизмундъ совѣтовалъ не медлить и не давать вѣры Гусу, если бы онъ даже принесъ отреченіе. Эти слова императора стали скоро извѣстны чехамъ, и за нихъ ему пришлось поплатиться потерей своего наслѣдственнаго королевства.

Но и послѣ того, какъ рѣшеніе собора было уже въ сущности

принято, Гусу дали прожить еще четыре недѣли. Ходатайства въ его пользу все еще продолжались: 12 іюля было прочитано посланіе въ этомъ смыслѣ съ приложенными къ нему 250 печатями чешскихъ и моравскихъ дворянъ. Но было уже поздно. 15 іюля соборъ формально запретилъ причащеніе sub utraque для мірянъ, объявивъ упорство по этому вопросу равносильнымъ ереси, — постановленіе, важное для дальнѣйшей исторіи гуситскаго движенія. Еще дважды (18 и 23 іюля) соборъ занимался сочиненіями Гуса и всѣ ихъ осудилъ на сожженіе, но самого его счелъ излишнимъ выслушивать четвертый разъ. Формула отреченія была ему предложена, и должно признать, что члены собора употребили много усилій, чтобы побудить Гуса къ повиновенію не только строгостью и угрозами, но и уговорами: къ нему не разъ приходили съ этою цѣлью депутаціи отъ собора и даже знатнѣйшіе кардиналы — д'Альи и Цабарелла; также его бывшій другъ Стефанъ Палечскій имѣлъ съ нимъ трогательное свиданіе, при которомъ оба плакали и просили другъ у друга прощенія, не касаясь жгучаго вопроса; самъ Іоаннъ Хлумскій уговаривалъ его не упорствовать, если только его удерживаетъ не совѣсть, а ложный стыдъ; послѣдняя попытка убѣдить Гуса къ отреченію была сдѣлана наканунѣ его смерти, 5 іюля, — и безуспѣшно: онъ со слезами увѣрялъ, что не можетъ отречься, такъ какъ ошибочность его убѣжденій *не доказана* ему никакими *писаніями*, тогда какъ онъ только этого одного и желаетъ, чтобы тотчасъ же покаяться въ заблужденіяхъ. Въ эти послѣдніе дни религіозное настроеніе Гуса усилилось до высшей степени и изливалось въ горячихъ молитвахъ къ Богу и *святымъ* (въ этомъ вопросѣ Гусъ не расходился съ церковью) о ниспосланіи ему крѣпости для предстоящей смертной минуты: помня, что плоть немощна, онъ не рѣшается сказать самоувѣренно, что никогда не соблазнится о Христѣ, а надѣется исключительно на помощь свыше. Въ то же время его не покидала надежда на то, что его дѣло не погибнетъ съ нимъ и что, напротивъ, отъ дѣятельности осудившаго его собора скоро останется одно воспоминаніе.

Казнь Гуса.

6-го іюля 1415 года состоялось 15-е засѣданіе собора въ Констанцскомъ каѳедральномъ храмѣ въ присутствіи императора, окруженнаго всѣми знаками его власти, и всѣхъ кардиналовъ. Посреди церкви возвышался помостъ и на немъ столбъ, обвѣшанный священническимъ облаченіемъ. Во время торжественной литургіи Гусъ въ сопровожденіи вооруженной стражи стоялъ у церковныхъ дверей; затѣмъ его ввели во время проповѣди на тему о необходи-

мости искоренять ереси. По прочтеніи и повторительномъ проклятіи тезисовъ, извлеченныхъ изъ книгъ Уиклиффа, читались также артикулы изъ сочиненій Гуса, показанія противъ него и изложеніе всего хода дѣла. Гусъ хотѣлъ было оправдываться, но ему велѣно было замолчать; онъ упалъ на колѣни и молился про себя, поднявъ глаза къ небу. Но онъ не выдержалъ, когда стали читать вновь не только прежнія обвиненія, которыя онъ считалъ уже устраненными, но еще и новыя, о которыхъ не было и рѣчи: такъ, напримѣръ, утверждалось, что онъ выдавалъ себя за четвертое лицо Св. Троицы! Гусъ громко протестовалъ противъ этой нелѣпости и еще разъ повторилъ, что добровольно пріѣхалъ на соборъ въ сознаніи своей невинности и полагаясь на грамоту императора; при этомъ онъ обратилъ глаза на Сигизмунда, и краска стыда покрыла щеки послѣдняго при встрѣчѣ со взоромъ Гуса. Затѣмъ послѣдовало чтеніе приговора: сочиненія Гуса предавались огню, самъ же онъ, какъ нераскаянный, неисправимый еретикъ, присуждался къ лишенію сана и передачѣ въ руки свѣтской власти. Его взвели на помостъ, надѣли на него полное облаченіе, дали въ руки чашу и еще разъ предложили отреченіе. Отвѣтъ Гуса былъ прежній: онъ не могъ и не хотѣлъ насиловать свою совѣсть, лгать передъ Богомъ и вводить людей въ соблазнъ. Тогда начался обрядъ разстриженія: у него взяли чашу, сняли поочередно всѣ священническія одежды и уничтожили тонзуру на головѣ, произнося при этомъ установленныя проклятія. Гусъ въ это время молился за своихъ враговъ, ложно свидѣтельствовавшихъ на него, и выражалъ готовность претерпѣть всѣ поношенія ради Христа. По окончаніи описанной тяжелой церемоніи на голову Гуса надѣли высокій остроконечный бумажный колпакъ съ изображеніемъ трехъ чертей, терзающихъ грѣшную душу, и съ надписью: „Hic est haeresiarcha“. Эта шапка дала Гусу случай вспомнить про терновый вѣнецъ Спасителя. Епископы обратились къ нему съ послѣдними словами: „Церковь болѣе не имѣетъ съ тобою дѣла: она предаетъ твое тѣло свѣтской власти, а твою душу дьяволу“. Сложивъ руки и поднявъ взоръ къ небу, Гусъ отвѣтилъ: „А я предаю ее святому Господу Іисусу Христу“. По приказу императора пфальцграфъ Людвигъ передалъ осужденнаго констанцскому магистрату для немедленнаго сожженія.

Исполненіе приговора послѣдовало, пока еще соборъ продолжалъ засѣдать, перешедши къ другимъ дѣламъ. Мѣсто казни находилось за городомъ; сюда повели Гуса въ сопровожденіи около

1.000 человѣкъ вооруженной стражи и несмѣтной толпы празднаго народа, падкаго до всяческихъ зрѣлищъ. Гусъ шелъ твердо на смерть, не обнаруживая ни страха, ни раскаянія, съ молитвой и пѣніемъ; выходя изъ церкви, онъ улыбнулся при видѣ своихъ книгъ, пылающихъ на дворѣ. По временамъ онъ пытался говорить къ народу. Увидѣвъ уже сложенный костеръ, онъ съ яснымъ лицомъ подошелъ къ столбу, бросился на колѣни и началъ громко молиться; бумажный колпакъ упалъ съ его головы и вызвалъ у него новую улыбку. На вопросъ, не хочетъ ли онъ исповѣдаться, Гусъ отвѣчалъ утвердительно; но когда пришедшій священникъ поставилъ условіемъ отпущенія грѣховъ отреченіе отъ ереси, онъ отказался отъ исповѣди. Пфальцграфъ не позволилъ Гусу обратиться со словами къ народу: онъ могъ только проститься со своими тюремными стражами и поблагодарить ихъ за обращеніе съ нимъ. Затѣмъ его раздѣли, прикрѣпили веревками и цѣпями къ столбу и повернули лицомъ къ западу; два воза дровъ, смѣшанныхъ съ соломой, были положены вокругъ него, закрывъ его по самую шею. Въ послѣднюю минуту прибылъ императорскій посланецъ и еще разъ предложилъ Гусу спасти жизнь и душу отреченіемъ; тотъ отвѣтилъ, что сознаетъ себя невиннымъ и радостно принимаетъ смерть за истину. Посланный и пфальцграфъ удалились, палачъ зажегъ костеръ. Страшная борьба со смертью продолжалась недолго: охваченный пламенемъ Гусъ смотрѣлъ на небо и пѣлъ молитвы, пока порывомъ вѣтра пламя отнесло ему прямо въ лицо, и онъ задохся почти въ одно мгновеніе. Когда костеръ сгорѣлъ, велѣно было тщательно собрать всю золу, даже выкопать землю изъ-подъ костра на значительную глубину и бросить въ Рейнъ, а одежды Гуса также бросить въ огонь, чтобы почитатели казненнаго не могли взять ничего на память о немъ.

Вскорѣ рѣшилась также судьба Іеронима Пражскаго. Послѣ казни Гуса его старались подвигнуть къ отреченію, и это удалось: истомленный трехмѣсячнымъ заключеніемъ, лишеніями и болѣзнью, равно какъ страхомъ смерти, Іеронимъ не выдержалъ и 11-го сентября произнесъ безусловное отреченіе. Но когда отъ него потребовали, чтобы онъ написалъ о своемъ отреченіи королю Венцеславу и его супругѣ, пражскому университету и всему чешскому народу, Іеронимъ, повидимому, раскаялся въ своемъ малодушіи и отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ шаговъ. Тогда процессъ противъ него открылся во всей силѣ, и теперь уже всѣ попытки вторично обратить Іеронима не имѣли успѣха; отказавшись отъ произ-

несеннаго уже отреченія, онъ успокоился въ своей совѣсти и устоялъ до конца твердо и мужественно, съ веселымъ лицомъ и бодрымъ духомъ. 30-го мая 1416 г. онъ былъ приговоренъ на костеръ, какъ обратно впавшій въ ересь, и раздѣлилъ участь своего друга, при чемъ съ неменьшимъ достоинствомъ встрѣтилъ смертный часъ.

Значенія Гуса.

Констанцскій соборъ сдѣлалъ свое дѣло. Но пламя, задушившее Гуса и его друга, не только не задушило гуситскаго движенія, а, напротивъ, только разожгло его. Мученическая кончина двухъ духовныхъ вождей народа подала сигналъ къ настоящей революціи, страшной войнѣ за вѣру, ходъ и послѣдствія которой выходятъ уже за предѣлы нашей статьи. Для насъ было особенно важно дать возможно краткій и вмѣстѣ съ тѣмъ полный очеркъ жизни и дѣятельности чешскаго реформатора въ связи съ исторіей умственнаго движенія въ Европѣ XIV—XV вѣковъ. Мы видѣли несомнѣнную связь ученія Гуса съ ученіемъ его предшественника, англичанина Уиклиффа, связь доказанную, признанную самимъ Гусомъ; въ свою очередь, чехъ Гусъ не остался безъ вліянія на Лютера, который открыто высказалъ въ 1519 г., что, по его мнѣнію, Констанцскій соборъ осудилъ вполнѣ правильныя и евангельскія ученія Гуса. На преемственную связь между Гусомъ и Лютеромъ указываетъ и легенда о пророчествѣ Гуса будто бы предсказавшаго, что черезъ сто лѣтъ послѣ него явится *лебедь,* котораго не такъ легко будетъ зажарить, какъ домашнюю птицу— гуся. Гусъ, однако, не такъ далеко расходился съ осудившею его церковью, какъ это казалось его судьямъ: онъ еще не дошелъ до отрицанія таинствъ, непочитанія святыхъ, иконоборства; его проповѣдь болѣе касалась области христіанской практики, чѣмъ догматики. Правда, мы видѣли его понятіе о церкви и папской власти, о значеніи Писанія: въ этихъ пунктахъ Гусъ близко подходитъ къ протестантизму, хотя, разумѣется, даже и католическая церковь не можетъ отрицать, что верховный глава церкви есть не папа и даже не апостолъ Петръ, а самъ Христосъ, или что Св. Писаніе есть главная основа всего вѣроученія. Нетерпимость и злоба не дали Гусу выяснить свои мнѣнія передъ соборомъ: при болѣе хладнокровномъ отношеніи къ дѣлу могло бы получиться впечатлѣніе не столь рѣзкой противоположности между Гусомъ и римскою церковью. О точкахъ соприкосновенія гуситизма съ православіемъ мы уже говорили и отмѣтили ихъ случайный характеръ: на догматическую почву, напр., на ученіе объ исхожденіи св. Духа, онѣ не простираются. Но особенно важною является въ нашихъ

глазахъ одна характерная черта, не разъ нами отмѣченная, сближающая Гуса со всѣми позднѣйшими носителями протестантскихъ идей: это противопоставленіе началу авторитета начала личнаго, свободнаго (въ границахъ Писанія) изслѣдованія; Гусъ готовъ подчиниться всему, если только ему докажутъ, что онъ неправъ. Личное убѣжденіе, субъективный взглядъ не позволяютъ ему дѣйствовать противъ совѣсти и ставятъ въ невольную оппозицію всему организму церкви. Авторитетомъ непогрѣшимости такое личное убѣжденіе не можетъ обладать, и результатомъ преобладанія этого личнаго начала является неизбѣжное дробленіе, разногласіе; зато человѣку, выработавшему самостоятельно свои воззрѣнія, наиболѣе свойственно то одушевленіе, доходящее до фанатизма, которое доводитъ до мученичества за идею съ веселымъ лицомъ. Эту несокрушимую силу духа мы видѣли въ Іоаннѣ Гусѣ, и именно это качество,—убѣжденность,—и дѣлало невозможнымъ его соглашеніе съ отцами Констанцскаго собора, не хотѣвшими дѣйствовать путемъ доказательствъ и убѣжденій.

Н. Аммонъ.

LXXV.

Базельскій соборъ.

(1431—1449).

Умственный уровень духовенства въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Католическая церковь конца XIV и начала XV в. представляетъ собою уже далеко не то, чѣмъ она была въ началѣ среднихъ вѣковъ. *Тамъ*—она воплощаетъ въ себѣ высшія начала духовной жизни; *здѣсь*—она представляетъ собою картину глубокаго нравственнаго упадка и умственнаго огрубѣнія. Единственная носительница цивилизаціи среди варварскаго общества начала среднихъ вѣковъ, къ концу среднихъ вѣковъ она сама впадаетъ въ варварство. Первоначальное призваніе церкви—„пастырство душъ" и установленіе „царства Божія" на землѣ—все болѣе и болѣе заслоняется чисто мірскими цѣлями и матеріальными интересами. Духовенство считаетъ исполненнымъ свой пастырскій долгъ чисто внѣшнимъ отправленіемъ положенныхъ по служебнику богослуженій. Если гдѣ раздается съ церковной каѳедры голосъ проповѣдника, то это—рѣдкое исключеніе, да и то едва ли счастливое. Въ самомъ дѣлѣ, что это за проповѣдь? Это обыкновенно какое-нибудь схоластическое разсужденіе на тему о томъ, что означаетъ каждая изъ пяти буквъ имени *Марія*, и какой сокровенный смыслъ заключается въ числѣ *пять* и т. п. Но для того, чтобы и такую проповѣдь сказать, необходимо было все-таки нѣкоторое образованіе (схоластическое); только

Пособія. *Hefele*, Conciliengeschichte, Freiburg, 2 Aufl. 1873—1893, 9 Bde (о Базельскомъ соборѣ—въ 7 томѣ); *Pastor*, Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, Freiburg, 1886—1895, 3 Bde (о Базельскомъ соборѣ—въ первомъ томѣ); *Wessenberg*, Die grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrh., Constanz, 1840, 3 Bde; *Zimmermann*, Die kirchliche Verfassungskämpfe im XV Jahrh.; *Chénon*, L'Eglise et la Papauté, de Clément V à Innocent VIII, въ „Histoire générale sous la direction de *Lavisse* et *Rambaud*", t. III; *Chéruel*, Dictionnaire des institutions, moeurs et coutumes de la France, Paris, 1888, 2 vol. Обстоятельныя библіографическія указанія можно найти въ третьемъ томѣ „Всеобщей исторіи" *Лависса* и *Рамбо* (переведена по-русски).

и послѣднее было рѣдкостью. Зато далеко не была рѣдкостью малограмотность, приближавшаяся часто къ полной безграмотности, въ особенности среди низшаго духовенства. Если священникъ съ трудомъ разбиралъ латинскій текстъ богослужебныхъ книгъ, то еще чаще случалось, что онъ совершенно не понималъ смысла того, что читалъ. При такомъ положеніи дѣла и эта, сдѣлавшаяся почти единственною, религіозная функція духовенства, отправленіе богослуженія, превращалась сплошь да рядомъ въ безсмысленное лицедѣйство, въ которомъ слушатели и зрители понимали еще менѣе, чѣмъ священнослужители. Естественное въ данномъ случаѣ стремленіе со стороны послѣднихъ — сдѣлать безсмысленное и непонятное лицедѣйство понятнымъ и осмысленнымъ—привело къ такимъ явленіямъ въ области церковнаго богослуженія, какъ *праздникъ дураковъ*, *праздникъ осла* и т. п. Послѣдній праздновался ежегодно 14 января въ воспоминаніе бѣгства Св. Дѣвы изъ Египта съ Младенцемъ Іисусомъ. Мы имѣемъ подробное описаніе, какъ совершался этотъ праздникъ во французскомъ городкѣ Бовэ. Красивѣйшая изъ мѣстныхъ дѣвицъ изображала собою Св. Дѣву. Она садилась на украшеннаго богатою сбруей осла, съ ребенкомъ въ рукахъ, и въ такомъ видѣ шествовала во главѣ процессіи, въ сопровожденіи мѣстнаго епископа и всего духовенства. Процессія направлялась отъ собора къ церкви св. Стефана. Войдя въ церковь, дѣвица, изображавшая св. Дѣву, садилась у алтаря, возлѣ Евангелія. Начиналась обѣдня. Особенностью богослуженія въ этомъ случаѣ было то, что каждый возгласъ священнослужители оканчивали подражаніемъ блеянію осла. Въ концѣ обѣдни, вмѣсто обычнаго возгласа: *ite missa est*, священнослужитель возглашалъ трижды, подражая ослиному голосу: *hin-han! hin-han! hin-han!* Во время обѣдни пѣлись священные стихи, представлявшіе дикую смѣсь варварской латыни съ пемонѣе варварскимъ французскимъ языкомъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Orientis partibus
Adventavit asinus
Pulcher et fortissimus,
Sarcinis aptissimus.
Hez, sire asne, chantez,
Belle bouche rechignez,
Vous aurez du foin assez,
Et de l'avoine à plantes.

Еще болѣе странную картину представлялъ *праздникъ дураковъ*, во время котораго „священнодѣйствіе", совершавшееся ряжеными

священнослужителями — священниками и даже епископами, обращало церковь въ сцену самаго грубаго кощунства и дикой разнузданности, выражавшихся какъ въ словахъ, которыхъ лучше не воспроизводить, такъ и въ дѣйствіяхъ, которыхъ лучше не описывать.

Факты эти тѣмъ болѣе характерны, что они не представляютъ собою единичныхъ явленій или случайныхъ эпизодовъ. Праздники *осла* и *дураковъ* имѣли въ концѣ среднихъ вѣковъ почти повсемѣстное распространеніе въ католическомъ мірѣ, и подробности ихъ празднованія извѣстны намъ не только со словъ современныхъ лѣтописцевъ, но также и изъ дошедшихъ до насъ современныхъ служебниковъ, содержащихъ въ себѣ, на ряду съ прочими праздниками католической церкви, „чинъ богослуженія" и такихъ праздниковъ, какъ два вышеупомянутые.

Нравственный упадокъ духовенства.

Подобныя явленія краснорѣчивѣе всякихъ словъ характеризуютъ тотъ умственный уровень, до котораго опустилась католическая церковь въ лицѣ своихъ представителей къ концу среднихъ вѣковъ. На какой низкой ступени умственнаго развитія нужно было стоять, чтобы видѣть въ подобной чудовищной профанаціи религіи—одно изъ отправленій богослужебнаго чина и, слѣдовательно, одно изъ средствъ удовлетворенія религіознаго чувства!

Не выше умственнаго уровня стоялъ и нравственный уровень духовенства въ разсматриваемую эпоху. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній въ значительной степени обусловливался первымъ. Но къ этому присоединялось и еще одно особое обстоятельство. Когда папа Григорій VII ввелъ безбрачіе духовенства, какъ общее и обязательное правило, онъ имѣлъ при этомъ въ виду поднять духовное значеніе и вліяніе духовенства, поставивъ его внѣ мірскихъ связей, создаваемыхъ семейными узами, и сообщивъ ему обаяніе монашескаго аскетизма. Такова была цѣль этой реформы; но проведеніе ея въ дѣйствительную жизнь привело къ послѣдствіямъ, прямо противоположнымъ этой цѣли. Внѣбрачныя связи въ средѣ духовенства, бывшія рѣдкимъ исключеніемъ до введенія обязательнаго безбрачія (целибата — coelibatus), сдѣлались теперь общимъ правиломъ. Къ концу среднихъ вѣковъ распутство духовенства вошло въ пословицу даже среди общества, далеко не отличавшагося особенною чистотой нравовъ. Такъ какъ устранить вполнѣ нарушеніе безбрачія со стороны духовенства оказалось на дѣлѣ невозможнымъ, то старались, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько упорядочить внѣбрачныя связи духовныхъ лицъ путемъ вступленія послѣднихъ въ незаконные браки (конкубинаты); и это сдѣлалось

мало-по-малу обычнымъ правиломъ. Духовные жили вполнѣ открыто въ незаконныхъ бракахъ, и само общество смотрѣло довольно благодушно на такія связи. Изъ разсказовъ современниковъ намъ извѣстны случаи, когда духовное лицо приглашаетъ на крестины своего незаконнорожденнаго сына своихъ сослуживцевъ и прихожанъ, которые являются къ нему съ женами и дѣтьми, какъ на семейный праздникъ. Сами прихожане нерѣдко хлопотали о томъ, чтобы ихъ священникъ имѣлъ незаконную жену: въ этомъ они видѣли единственное средство обезпечить неприкосновеннность своего собственнаго семейнаго очага. Еще характернѣе то, что само духовное начальство смотрѣло сквозь пальцы на конкубинатъ. Епископы давали обыкновенно формальныя разрѣшенія своимъ священникамъ на вступленіе въ незаконный бракъ, частью изъ того же убѣжденія, которое раздѣлялось и большинствомъ свѣтскаго общества, что это—меньшее изъ двухъ неизбѣжныхъ золъ, частью же просто изъ корыстолюбія, такъ какъ епископы давали такія разрѣшенія или, какъ ихъ называли, *диспенсы*, не иначе, какъ за извѣстную, обыкновенно довольно высокую плату. О степени распространенія этого обычая можно судить по тому, что иному епископу случалось раздать, за время своего служенія, до десяти тысячъ диспенсовъ и болѣе.

Такимъ образомъ, всеобщее обязательное безбрачіе свелось на практикѣ къ распространенію конкубината среди духовенства и сдѣлалось источникомъ постояннаго, непрекращающагося соблазна, который, разумѣется, столь же мало могъ служить къ усиленію религіознаго авторитета духовенства, какъ и къ возвышенію его нравственнаго уровня.

При общемъ низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, грубость нравовъ и низменность интересовъ представляетъ, за рѣдкими исключеніями, общую черту католическаго духовенства въ концѣ среднихъ вѣковъ. Вотъ въ какихъ словахъ рисуетъ намъ современное католическое духовенство одинъ изъ умнѣйшихъ и лучшихъ его представителей, жившій въ первой половинѣ XV-го вѣка (Лоренцо Джустиньяни): „Крайне мало порядочныхъ людей среди духовенства; еще меньше такихъ, которые были бы въ состояніи доставить духовную пищу своему духовному стаду. Большинство священниковъ и церковниковъ прозябаютъ въ скотствѣ и низменныхъ удовольствіяхъ. День-деньской толкутся они по площадямъ, слоняются тамъ и сямъ, не пропуская ни одного театральнаго представленія, ни одного публичнаго зрѣлища; развлекаются

пустословіемъ и сквернословіемъ, щеголяютъ своими нарядами и т. д.". Перебранка и даже драка между духовными, собравшимися для совѣщанія въ „консисторію" (обыкновенно въ церкви), были довольно обычнымъ явленіемъ. Мѣстами вошло въ обычай, что духовные, отправляясь въ консисторію, надѣвали панцырь подъ верхнее платье и брали за пазуху кинжалъ или другое подобное оружіе. Аугсбургскій лѣтописецъ начала XV в. разсказываетъ, какъ въ его родномъ городѣ, въ консисторіи дѣло дошло разъ до кроваваго побоища между духовными. Въ минуты досуга—а въ такихъ минутахъ у священника не было недостатка—онъ забиралъ свой охотничій лукъ, садился на коня и по цѣлымъ часамъ рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, находя гораздо болѣе удовольствія въ травлѣ зайцевъ и лисицъ, чѣмъ въ пасеніи своихъ духовныхъ овецъ. На конѣ, со своею охотничьею сворой, иной священникъ чувствовалъ себя гораздо болѣе въ своей сферѣ, чѣмъ на церковномъ амвонѣ или каѳедрѣ. Вполнѣ понятно, что приходъ, въ глазахъ такого священника, являлся не столько поприщемъ для просвѣтительной, нравственно-религіозной дѣятельности, для которой у него не было ни призванія, ни способности, сколько доходной статьей, дававшей ему средства для осуществленія своихъ матеріальныхъ интересовъ и удовлетворенія низменныхъ вкусовъ своей грубой натуры.

Представители церковной власти.

Но зло не ограничивалось однимъ низшимъ духовенствомъ. Отъ указанныхъ нравственныхъ недочетовъ далеко не были свободны и высшіе слои духовенства, представители церковной власти, высшіе чины церковнаго чиноначалія, вплоть до самыхъ вершинъ католической іерархіи, съ „главой церкви"—папою включительно. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-либо мѣстнымъ недугомъ, но съ общею болѣзнью всего организма католической церкви—„съ головы до ногъ", in capite et membris, по выраженію самихъ современниковъ.

Духовная власть явилась въ христіанской церкви, какъ выраженіе духовнаго начала въ противоположность началу матеріальному, мірскому, находящему свое выраженіе въ свѣтской власти. А такъ какъ духовное начало осуществляется въ аскетизмѣ, т. е. въ отреченіи отъ міра, то духовная власть вначалѣ была соединена нераздѣльно съ аскетическимъ отреченіемъ отъ міра. Такова была идея церковной власти, и эта идея легла въ основаніе церковной іерархіи. Это былъ идеалъ, который никогда не воплощался въ дѣйствительности вполнѣ, но временами дѣйствительность приближалась болѣе или менѣе къ этому идеалу; такъ было, напри-

мѣръ, не говоря о первыхъ вѣкахъ христіанства, и въ лучшую пору средневѣковаго католицизма, когда высшіе носители церковной власти, епископы и папы, часто являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшими выразителями аскетическаго начала.

Къ концу среднихъ вѣковъ церковная власть совершенно сходитъ съ своего первоначальнаго основанія и вслѣдствіе этого совершенно искажается. Церковная власть перестаетъ быть властью духовною, она превращается въ особый видъ свѣтской власти, принимая ту форму послѣдней, которую выработало политическое развитіе среднихъ вѣковъ—форму феодализма. Епископъ-аскетъ уступаетъ мѣсто епископу-феодалу. Епископская епархія получаетъ характеръ феодальной сеньёріи, которою епископъ владѣетъ на правахъ феодальнаго владѣльца: въ своей епархіи онъ то же, что графъ въ своемъ графствѣ, герцогъ въ своемъ герцогствѣ. Подобно свѣтскому феодалу, епископъ смотрѣлъ на свой „бенефицій", прежде всего, какъ на доходную статью (подобно стариннымъ русскимъ „кормленіямъ"), и главную свою задачу видѣлъ въ увеличеніи ея доходности. Иной епископъ вовсе и не жилъ въ своей епархіи, а случалось—и совсѣмъ не заглядывалъ въ нее, довольствуясь полученіемъ доходовъ, а отправленіе епископскихъ обязанностей поручалъ „викарію". Къ концу среднихъ вѣковъ составъ епископата пополнялся большею частью людьми, вышедшими изъ среды феодальной аристократіи; многія высшія церковныя должности превратились какъ бы въ наслѣдственные удѣлы извѣстныхъ знатныхъ фамилій, такъ что родители, бывало, заранѣе прочили своего новорожденнаго сына на ту или другую епископскую каѳедру. До какой степени искаженія дошла церковная власть, можно судить по многочисленнымъ въ разсматриваемую эпоху случаямъ посвященія въ епископы несовершеннолѣтнихъ юношей и даже мальчиковъ. Бывало, что одинъ и тотъ же человѣкъ „владѣлъ" нѣсколькими церковными бенефиціями одновременно (въ силу особаго папскаго разрѣшенія, *диспенса*).

Выше уже было упомянуто вскользь о томъ, какъ епископы умѣли обращать въ доходную статью даже слабости своего подчиненнаго духовенства, торгуя разрѣшеніями (диспенсами) на конкубинатъ.

Та же хозяйственная точка зрѣнія примѣнялась епископами и при раздачѣ подвѣдомственныхъ имъ „бенефиціевъ". Никакую должность, напримѣръ—приходскаго священника, нельзя было получить, не заплативъ извѣстной суммы епископу. Эта продажа цер-

ковныхъ должностей, извѣстная подъ именемъ *симоніи*, несмотря на многократныя запрещенія, настолько вошла въ церковные нравы, что сдѣлалась какъ бы одною изъ нормъ церковной практики на ряду съ конкубинатомъ.

Матеріальное направленіе папства.

Всѣ эти уродливыя явленія, наблюдаемыя въ католической іерархіи конца среднихъ вѣковъ, не были, очевидно, явленіями единичными и случайными, связанными съ отдѣльными личностями; они свидѣтельствовали объ извращеніи самыхъ основаній церковнаго строя; и это какъ нельзя лучше подтверждается наблюденіями надъ главою католической церкви. Папская власть раздѣляла судьбу всей церковной іерархіи. Подобно тому, какъ представители послѣдней превратились мало-по-малу изъ духовныхъ іерарховъ въ феодальныхъ владѣтелей, такъ и папа постепенно утрачиваетъ истинный характеръ духовнаго главы христіанства и превращается въ свѣтскаго государя. Къ началу XV в. „намѣстникъ Христа“ превращается въ дѣйствительности въ одного изъ итальянскихъ владѣтельныхъ князей; общіе интересы церкви отступаютъ при этомъ нерѣдко на второй планъ предъ интересами его маленькаго итальянскаго государства; глава „церкви“ часто болѣе занятъ округленіемъ своихъ итальянскихъ владѣній, усмиреніемъ непокорныхъ вассаловъ, заботами о доставленіи леновъ своимъ племянникамъ и незаконнымъ сыновьямъ *(непотизмъ)*, чѣмъ церковными дѣлами.

На свою собственно церковную власть папа смотритъ какъ на придатокъ къ своей свѣтской коронѣ, важный главнымъ образомъ по сопряженнымъ съ нимъ матеріальнымъ выгодамъ. Церковь представляетъ для папы какъ бы одинъ большой бенефицій, подобно тому какъ епархія была бенефиціемъ епископа, приходъ—бенефиціемъ священника. Вся католическая іерархія превращается въ обширную систему „кормленій“, и „престолъ св. Петра“ является лишь самымъ большимъ и доходнымъ изъ нихъ.

Въ качествѣ главы церкви папа получаетъ десятину со всего католическаго міра; въ качествѣ главы церкви онъ раздаетъ епископства и другіе высшіе церковные бенефиціи, и это право папы является одною изъ главныхъ доходныхъ статей папскаго хозяйства, такъ какъ эти бенефиціи раздавались отнюдь не даромъ: „въ Римѣ ничего нельзя получить иначе, какъ за наличныя деньги“, говоритъ одинъ изъ современниковъ разсматриваемой эпохи. „Когда бы“, говоритъ другой писатель первой половины XV в., „кто изъ святыхъ сошелъ съ неба и сталъ просить себѣ какой-либо епископской каѳедры, его бы и слушать не стали въ римской куріи, если

бы онъ не порядился предварительно и не уплатилъ впередъ сполна". По словамъ Геммерлина, современника папы Мартина V (1415—1431), продажа церковныхъ должностей въ его время совершалась въ Римѣ „столь же открыто, какъ продажа свиней на рынкѣ".

Папская симонія отличалась отъ епископской лишь большею высотой таксы и болѣе обширнымъ кругомъ дѣйствія. Папы продавали не только вакантные бенефиціи, но даже бенефиціи, еще не освободившіеся (такъ называемые *expectationes, provisiones*), а съ вакантныхъ бенефиціевъ доходъ брали въ свою пользу *(reservationes)*. Папы присвоили себѣ право *разрѣшать (dispensare)*, то есть освобождать отъ исполненія извѣстнаго закона, правила, обязательства, присяги и т. п. Эти папскіе *диспенсы*, дававшіеся, подобно упомянутымъ выше епископскимъ диспенсамъ, всегда за особую плату, были въ сущности однимъ изъ многочисленныхъ видоизмѣненій симоніи. Особый видъ диспенсовъ представляли такъ наз. *индульгенціи*, то есть отпущенія грѣховъ; введенныя впервые Бонифаціемъ VIII (1294—1303), онѣ развились вскорѣ въ особую и постоянную отрасль папской торговли благодатью, такъ какъ индульгенціи продавались за деньги. Кромѣ того, въ пользу св. престола было установлено множество разныхъ поборовъ. Главными изъ этихъ источниковъ, наполнявшихъ „сокровищницу св. Петра", были *десятина* со всего католическаго міра, и *аннаты* съ папскихъ бенефиціевъ [1]).

Всѣ указанныя темныя стороны церковной жизни съ особенною рѣзкостью выступаютъ въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV в., въ смутное время „великаго раскола" въ католической церкви (1378 — 1449), который могущественнымъ образомъ повліялъ на усиленіе церковнаго нестроенія. При томъ глубокомъ и всеобъемлющемъ значеніи, какимъ пользовалась католическая церковь въ жизни средневѣковаго общества, это усилившееся церковное нестроеніе давало себя знать всѣмъ слоямъ общества. Каждый по-своему чувствовалъ и сознавалъ его; а чувствуя и сознавая это, естественно желалъ измѣненія къ лучшему существующаго порядка вещей.

Потребность церковной реформы.

Такъ зародилась и быстро созрѣла въ обществѣ мысль о необходимости преобразованій въ католической церкви. Къ началу XV вѣка мысль эта сдѣлалась, можно сказать, общимъ достояніемъ; потребность церковной реформы сознавалась всюду и всѣми,

[1]) Получившій отъ папы извѣстный „бенефецій" долженъ былъ внести въ папскую казну сумму годового дохода своего бенефиція; такой взносъ и носилъ наименованіе *аннаты* (отъ *annus*—годъ).

не исключая и самого духовенства, по крайней мѣрѣ, лучшихъ людей изъ его среды.

Насколько глубока и всепроникающа была порча церкви, настолько же глубокая и всеобъемлющая требовалась реформа. И вотъ, отовсюду раздаются голоса, и въ обществѣ, и въ литературѣ, и съ церковной каѳедры, — голоса, требующіе „преобразованія церкви съ головы до ногъ“, *reformatio ecclesiae in capite et membris*. Но такая постановка вопроса о церковной реформѣ сдѣлала римскую курію съ самаго начала непримиримымъ врагомъ реформы. Реформа, имѣвшая въ виду не одни „члены“, но и самую „главу“ церкви, неизбѣжно угрожала самымъ жизненнымъ интересамъ папства; она грозила и стѣсненіемъ папскаго абсолютизма, и ограниченіемъ свѣтской власти папы, и, наконецъ, сокращеніемъ фискальныхъ правъ св. престола, въ родѣ аннатъ, резорвацій и разныхъ видовъ симоніи. Такъ какъ, вслѣдствіе этого, римская курія упорно уклонялась отъ всякаго серьезнаго шага въ направленіи церковной реформы, то людямъ, желавшимъ послѣдной, оставался одинъ путь, — этотъ путь заключался во вселенскомъ соборѣ. Вотъ почему *созваніе вселенскаго собора* сдѣлалось въ началѣ XV в. общимъ девизомъ людей, желавшихъ церковной реформы на почвѣ церкви. Таково было происхожденіе того замѣчательнаго общественнаго движенія, которое въ первой половинѣ XV вѣка ознаменовалось цѣлымъ рядомъ „вселенскихъ“ (съ католической точки зрѣнія) соборовъ, имѣвшихъ главною своею задачей „преобразованіе церкви съ головы до ногъ“.

Идея соборной реформы.

Мы остановимся подробнѣе на послѣднемъ изъ этихъ реформаторскихъ соборовъ, Базельскомъ, дѣятельность котораго имѣла наиболѣе рѣшительное вліяніе на судьбу церковной реформы; что касается предшествовавшихъ ему „великихъ соборовъ“, то дѣятельность ихъ была слишкомъ поглощена вопросами, не имѣвшими прямого отношенія къ дѣлу реформы. *Пизанскій соборъ* (1409 г.) былъ занятъ почти исключительно вопросомъ объ устраненіи „папской схизмы“, да и въ разрѣшеніи этого вопроса потерпѣлъ полную неудачу, такъ какъ вмѣсто „двуглавой схизмы“ въ результатѣ явилась „схизма трехглавая“. Гораздо серьезнѣе принялся за дѣло реформы *Констанцскій соборъ* (1414—1418 г.); но и ему пришлось потратить слишкомъ много силъ на разрѣшеніе другихъ вопросовъ (дѣло Гуса [1]). Партіи реформы удалось, однако, провести на этомъ

[1]) О Гусѣ и Констанцскомъ соборѣ см. предыдущую статью.

соборѣ два постановленія, которыя, казалось, обѣщали сдѣлаться въ высшей степени плодотворными для дѣла реформы. Первымъ изъ этихъ постановленій устанавливался принципъ превосходства „вселенскаго“ собора надъ папой; въ силу второго постановленія „вселенскіе“ соборы должны были собираться — ближайшій черезъ пять лѣтъ, слѣдующій—еще семь лѣтъ спустя, а потомъ—черезъ каждыя десять лѣтъ. Такимъ образомъ, однимъ изъ этихъ постановленій вселенскій соборъ изъ чрезвычайнаго, въ исключительныхъ случаяхъ созываемаго собранія, обращался въ постоянное, періодически дѣйствующее учрежденіе; другое постановленіе наносило рѣшительный ударъ папскому абсолютизму, бывшему главнымъ препятствіемъ реформѣ.

Вмѣстѣ взятыя эти два постановленія открывали виды на проведеніе церковной реформы посредствомъ соборовъ. Но видамъ этимъ суждено было значительно омрачиться, когда первый же, созванный въ силу Констанцскаго постановленія, *соборъ въ Павіи* (1423), перенесенный вскорѣ, по случаю эпидеміи, въ Сіену, разошелся, не сдѣлавъ ничего существеннаго. Дѣло реформы снова потерпѣло неудачу на соборѣ. Но это нимало не охладило рвенія приверженцевъ реформы, и они съ нетерпѣніемъ ожидали новаго „вселенскаго“ собора, который съ силу Констанцскаго постановленія имѣлъ быть созванъ въ 1431 г. Папа Мартинъ V (1415—1431) былъ не прочь отложить въ долгій ящикъ дѣло, отъ котораго римской куріи нельзя было ожидать ничего пріятнаго. Но изъ среды общества и самого духовенства раздавались слишкомъ многочисленные и громкіе голоса, требовавшіе церковной реформы, и голоса эти находили могучую поддержку со стороны свѣтскихъ государей, сочувствовавшихъ дѣлу реформы. Послѣдніе черезъ своихъ уполномоченныхъ давали понять св. отцу, что „*терпѣніе народовъ, ожидающихъ столь давно обѣщанныхъ коренныхъ преобразованій церкви, начинаетъ истощаться, и можно опасаться глубокаго потрясенія церкви въ случаѣ, если ожидаемый вселенскій соборъ не состоится, и справедливыя ожиданія будутъ обмануты*“. Навстрѣчу этимъ представленіямъ раздавались громкіе голоса изъ среды самого духовенства. Одинъ изъ англійскихъ прелатовъ въ рѣчи, произнесенной передъ Мартиномъ V, въ присутствіи кардиналовъ сказалъ между прочимъ: „*Необходимы быстрыя и рѣшительныя мѣры; въ противномъ случаѣ можно опасаться, что свѣтскія власти сами примутся за реформу церкви*“. Въ этихъ глубокознаменательныхъ словахъ умнаго наблюдателя, обнаруживающихъ глубокое понима-

ніе современнаго положенія церкви, можно прочесть уже смутное предчувствіе событій, имѣвшихъ наступить сто лѣтъ спустя, въ „эпоху реформаціи".

Созваніе Базельскаго собора.

Уступая со всѣхъ сторонъ раздававшимся голосамъ, настойчиво требовавшимъ созванія вселенскаго собора, Мартинъ V рѣшился, наконецъ, скрѣпя сердце, на тяжелый для папы шагъ и издалъ буллу, созывавшую „вселенскій соборъ" на 23 іюня 1431 года въ имперскій городъ Базель [1]). Самъ Мартинъ V не дожилъ до открытія собора, онъ умеръ еще 20 февраля. Его преемникъ, Евгеній IV, слывшій за человѣка благочестиваго и нравственно-безупречнаго, самъ раздѣлялъ общее убѣжденіе въ необходимости церковной реформы; но реформу эту онъ понималъ исключительно въ смыслѣ улучшенія нравовъ духовенства и возстановленія расшатанной церковной дисциплины; онъ былъ далекъ отъ мысли о коренныхъ перемѣнахъ въ іерархическомъ строѣ церкви, покоившемся на папскомъ абсолютизмѣ. Напротивъ, именно въ папской власти онъ видѣлъ то орудіе, посредствомъ котораго должна была осуществиться церковная реформа: не собору, а папѣ, главѣ церкви, долженъ принадлежать починъ церковной реформы. Вотъ почему новый папа, при всей своей склонности къ реформѣ, вполнѣ раздѣлялъ отрицательное отношеніе своего предшественника къ идеѣ вселенскаго собора, какъ органа церковной реформы. Первымъ шагомъ новаго папы было помѣшать осуществленію объявленнаго его предшественникомъ собора. И вотъ, въ папской куріи идетъ лихорадочная работа; пишутся грамота за грамотой отъ лица папы къ отдѣльнымъ архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ; въ этихъ грамотахъ папа *убѣждаетъ и увѣщеваетъ* своихъ адресатовъ не пріѣзжать на соборъ и не посылать депутатовъ, а если послѣдніе уже отправились въ Базель, то отозвать ихъ обратно. Но глухи остались къ *увѣщаніямъ* папы тѣ, кому онъ не рѣшался *приказать*: архіепископы, епископы, аббаты, священники со всѣхъ сторонъ спѣшили въ Базель съ одушевленіемъ къ реформѣ церкви in capite et membris и съ затаенною досадой на св. отца, успѣвшаго уже заявить себя врагомъ еще не открывшагося собора и его будущаго дѣла. Евгеній IV увидѣлъ себя въ необходимости уступить и поспѣшилъ примириться съ совершившимся фактомъ; онъ отправилъ въ Базель своего легата открыть

Открытіе собора.

---

[1]) Города, непосредственно зависѣвшіе отъ императора, назывались имперскими.

соборъ, который, чего добраго, могъ объявить себя открытымъ и безъ папскаго легата. Такимъ образомъ, столь горячо и единодушно желаемый соборъ былъ совершившимся фактомъ — наперекоръ папѣ.

Такое начало не обѣщало ничего добраго для дѣла реформы. Оба носителя высшей власти въ церкви, папа и соборъ, столкнулись враждебно другъ съ другомъ, прежде чѣмъ былъ сдѣланъ шагъ на пути къ реформѣ. Если до начала своей дѣятельности соборъ успѣлъ уже столкнуться съ папой, то можно было ожидать еще бо̀льшаго обостренія ихъ взаимныхъ отношеній въ ближайшемъ будущемъ, когда соборъ займется непріятнымъ для римской куріи дѣломъ реформы; а въ этомъ случаѣ можно было опасаться, что борьба съ папой сдѣлается главнымъ пунктомъ дѣятельности собора и отодвинетъ на второй планъ вопросъ о реформѣ. Въ дѣйствительности случилось именно то, чего всего болѣе боялись люди, искренно преданные дѣлу реформы.

Борьба собора съ Евгеніемъ IV.

Въ первомъ же засѣданіи соборъ торжественно объявилъ главною своею задачей реформу церкви in capite et membris. *Caput*, „глава церкви“, папа, былъ такимъ образомъ объявленъ подлежащимъ „реформѣ“. Ясно было, что соборъ понималъ реформу какъ разъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Евгеній IV всего менѣе былъ расположенъ признать ее. Послѣдній пожалѣлъ о своей прежней нерѣшительности и рѣшилъ разомъ положить конецъ опасному для св. престола обороту дѣлъ: онъ издалъ буллу о распущеніи только что собравшагося собора. Папа высказывалъ намѣреніе созвать новый соборъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, въ итальянскомъ городѣ Болоньѣ; предлогомъ выставлялось желаніе облегчить сношенія съ соборомъ грекамъ, которые тогда вели переговоры съ Римомъ о соединеніи церквей. Трудно было ожидать, чтобы „отцы“, собравшіеся въ Базелѣ, вопреки „увѣщаніямъ“ папы, разошлись по первому его слову, отказавшись отъ только что заявленной торжественно, передъ лицомъ всего католическаго міра, своей реформаторской миссіи. Приказаніе Евгенія IV было встрѣчено единодушнымъ отпоромъ со стороны Базельскаго собора. Въ отвѣтъ на папскую буллу соборъ принялъ *единогласно* постановленіе (15-го февраля 1432 года), которымъ объявлялось, что вселенскій соборъ стоитъ выше папы и, слѣдовательно, не можетъ быть распущенъ папой; напротивъ, папа долженъ повиноваться постановленіямъ собора. Снова всплывалъ, такимъ образомъ, этотъ столько же страшный для св. престола, сколько пагубный для дѣла реформы во-

просъ, поставленный еще на Пизанскомъ соборѣ и снова выдвинутый на Констанцскомъ; на послѣднемъ вопросъ этотъ былъ не столько рѣшенъ, сколько замятъ благодаря усиліямъ римской куріи. Вызванный Евгеніемъ IV на борьбу, Базельскій соборъ ухватился за этотъ вопросъ съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда покончить съ папскимъ абсолютизмомъ. Обстоятельства благопріятствовали собору. Общественное мнѣніе, насколько оно могло выражаться въ ту пору, было рѣшительно на сторонѣ собора, дѣло котораго считалось дѣломъ реформы. Парижскій университетъ, высшій богословскій авторитетъ въ это время, высказался рѣшительно въ пользу собора. Галликанская церковь, въ лицѣ французскихъ прелатовъ, съѣхавшихся въ Буржѣ, также объявила себя на сторонѣ Базельскаго собора. Свѣтскіе государи, и особенно императоръ Сигизмундъ, самъ горячо хлопотавшій о церковной реформѣ, высказались въ пользу собора.

Ободренные всеобщимъ сочувствіемъ, „отцы собора" приняли еще болѣе рѣшительный образъ дѣйствій. Въ третьемъ засѣданіи своемъ, 23-го апрѣля 1432 г., соборъ принялъ постановленіе— „именемъ Христа умолять, просить, убѣждать блаженнѣйшаго государя папу Евгенія IV, чтобы онъ отмѣнилъ изданную имъ буллу о распущеніи собора", и чтобы „въ теченіе трехъ мѣсяцовъ лично явился на соборъ". „Въ случаѣ же, если его святѣйшество пренебрежетъ исполнить это, святой синодъ самъ позаботится объ устроеніи церковныхъ дѣлъ, согласно справедливости и внушенію св. Духа". Въ почтительной пока формѣ, но уже довольно рѣшительно спѣшилъ соборъ дать практическое осуществленіе принципу, провозглашенному на предыдущемъ засѣданіи,—принципу превосходства вселенскаго собора надъ папой.

Между тѣмъ назначенный соборомъ трехмѣсячный срокъ истекалъ, а Евгеній не только не являлся въ Базель, но и не выказывалъ ни малѣйшаго намѣренія внимать почтительнѣйшимъ „увѣщаніямъ" распущеннаго имъ собора. Базельскіе отцы возобновили постановленіе 23 апрѣля, давъ папѣ новую отстрочку въ шестьдесятъ дней. Когда и послѣ этого со стороны послѣдняго не послѣдовало никакого шага въ смыслѣ соборнаго постановленія, „св. синодъ рѣшилъ принять болѣе суровыя мѣры противъ названнаго государя Евгенія IV, поелику мѣры кротости оказались недѣйствительными". Несмотря на „явную неисправимость" папы, „вносящаго своимъ поведеніемъ соблазнъ въ церковь", соборъ постановилъ „дать еще третью отсрочку названному государю

Евгенію IV, чтобы тѣмъ дать ему возможность, если захочетъ, избѣжать наказанія (poenam evitare)".

Столь рѣшительный образъ дѣйствій Базельскаго собора и отсутствіе дѣятельнаго отпора со стороны папы объясняется, помимо упомянутыхъ уже благопріятныхъ для собора обстоятельствъ, крайне стѣсненнымъ положеніемъ Евгенія IV въ это время. Послѣдній терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ не только какъ глава церкви, но и какъ свѣтскій государь. Король наваррскій занялъ въ это время Церковную область съ юга, а герцогъ миланскій вторгся въ нее съ сѣвера. Выгнанный изъ Рима своими мятежными подданными и изъ своихъ владѣній чужеземнымъ непріятелемъ, скитался Евгеній IV по Италіи, покинутый даже своими кардиналами. Всѣ эти обстоятельства сломили, наконецъ, упорство Евгенія IV: 15 декабря 1433 г. онъ издалъ буллу, въ которой торжественно признавалъ законнымъ распущенный имъ ранѣе Базельскій соборъ, а свою прежнюю буллу о распущеніи собора объявлялъ „не имѣющею никакого значенія"—*irrita et inanis*. Съ своей стороны, соборъ постановилъ допустить папскихъ легатовъ къ председательству на соборѣ.

Побѣда собора надъ папой.

Такъ окончилась угрожавшая католическому единству новая „схизма". Миръ внутри церкви, казалось, былъ вполнѣ возстановленъ, тѣмъ болѣе, что около этого же времени на Базельскомъ соборѣ состоялось возсоединеніе чешскихъ *утраквистовъ* (умѣренная партія среди гуситовъ) съ католическою церковью, на почвѣ обоюдныхъ уступокъ, которыя были закрѣплены особымъ договоромъ, такъ называемыми „Пражскими компактатами" (1433 г.).

Приверженцы церковной реформы надѣялись, что, съ возстановленіемъ мира внутри церкви, наступитъ немедленно золотое время для церковной реформы. Дѣйствительность не оправдала этихъ надеждъ. Примиреніе между папой и соборомъ не было прочнымъ, такъ какъ основывалось не на обоюдномъ соглашеніи, а на вынужденномъ временными обстоятельствами подчиненіи папы собору; такое примиреніе и не могло сослужить никакой серьезной службы дѣлу реформы. Напротивъ, именно преобразовательныя попытки собора послужили поводомъ къ новому, еще болѣе рѣшительному разрыву между соборомъ и папой. Пока реформаторскія попытки собора не задѣвали прямыхъ интересовъ римской куріи, Евгеній IV смотрѣлъ на нихъ благосклоннымъ окомъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ реформъ вполнѣ отвѣчали его собственнымъ взглядамъ; таковы были постановленія собора противъ кон-

Преобразовательныя попытки собора.

кубината духовенства, противъ разныхъ уродливыхъ явленій въ области церковнаго богослуженія, въ родѣ „праздника дураковъ“, и т. п. Но когда соборъ постановилъ отмѣнить *аннаты*, бывшія однимъ изъ главныхъ источниковъ папскихъ доходовъ, а также ограничить нѣкоторыя другія права папы, связанныя съ доходами, Евгеній IV горячо протестовалъ противъ подобныхъ „попытокъ умалить авторитетъ и значеніе намѣстника Христова“ и никакъ не соглашался стать на ту точку зрѣнія, которую рекомендовали ему базельскіе отцы, выражавшіе желаніе, „чтобы апостольскій престолъ былъ болѣе богатъ добродѣтелями и заслугами, чѣмъ земными благами“. Евгеній IV рѣшился на новую попытку покончить съ Базельскимъ соборомъ: 18 сентября 1437 г. онъ издалъ буллу о перенесеніи собора изъ Базеля въ итальянскій городъ Феррару подъ тѣмъ же предлогомъ переговоровъ съ греками объ уніи.

Вслѣдъ затѣмъ папскіе легаты оставили Базель; за ними послѣдовали нѣкоторые изъ болѣе умѣренныхъ членовъ собора, не желавшіе заводить новую „схизму“. Но болѣе рѣшительное большинство „отцовъ“ отказалось повиноваться папской буллѣ и рѣшилось продолжать соборъ въ Базелѣ, вопреки папскому повелѣнію.

Возобновленіе борьбы между соборомъ и папой.

Такъ начался новый расколъ между соборомъ и папой, и дѣло реформы снова отступило на второй планъ передъ новою междоусобною борьбой внутри церкви. Борьба была на этотъ разъ еще болѣе ожесточенною и рѣшительною, благодаря тому, что болѣе умѣренные члены собора удалились изъ Базеля, повинуясь папскому повелѣнію, и соборъ состоялъ теперь почти исключительно изъ приверженцевъ крайнихъ мѣръ и рѣшительныхъ противниковъ папской власти. Въ отвѣтъ на папскую буллу „св. синодъ“ объявилъ перенесеніе собора незаконнымъ (10 октября 1437 г.), а въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (24 января 1438 г.) объявилъ Феррарскій соборъ „схизматическимъ сборищемъ“ и постановилъ „временно отрѣшить отъ исправленія папской должности названнаго Евгенія IV, какъ отъявленнаго упрямца (manifestum contumacem), упорнаго бунтовщика и неисправимаго сѣятеля соблазна въ церкви Божіей (incorrisibiliter Ecclesiam Dei scandalizantem)“. Это засѣданіе было послѣднимъ, въ которомъ были приняты еще нѣкоторыя реформаторскія постановленія; съ этой минуты вся дѣятельность Базельскаго собора всецѣло поглощена борьбою съ папой,—о церковной реформѣ не было болѣе и рѣчи. Не было рѣчи о ней и на новомъ „папскомъ“ соборѣ, открывшемъ свои засѣданія, въ силу упомянутой выше буллы, въ Феррарѣ 8 января 1438 г.

и перенесенномъ въ слѣдующемъ году во Флоренцію; этотъ соборъ, бывшій послушнымъ орудіемъ папы, былъ занятъ почти исключительно вопросомъ о соединеніи церквей, который и былъ рѣшенъ здѣсь въ положительномъ смыслѣ; но такъ называемая Флорентійская унія (1439 г.) не получила, какъ извѣстно, практическаго осуществленія. *Дѣло реформы погибло въ борьбѣ между папой и соборомъ*, превратившейся въ новый расколъ, въ новую „схизму", которая еще болѣе усложнилась и запуталась со времени созванія новаго „вселенскаго" собора; теперь было два „вселенскихъ" собора, изъ которыхъ каждый считалъ себя единственно законнымъ и предавалъ анаѳемѣ своего соперника.

Увлеченные борьбой, „базельцы" рѣшились на крайній шагъ: въ засѣданіи 26 іюня 1439 года было принято слѣдующее постановленіе: „Св. синодъ объявляетъ Евгенія IV явнымъ упрямцемъ и ослушникомъ предписаніямъ вселенской церкви, упорнымъ бунтовщикомъ и закоснѣлымъ нарушителемъ святыхъ соборныхъ правилъ, отъявленнымъ сѣятелемъ смуты и соблазна въ церкви Божіей, духопродавцемъ (simoniacum), клятвопреступникомъ, схизматикомъ, нераскаяннымъ еретикомъ. Въ виду этого св. синодъ объявляетъ его отрѣшеннымъ отъ папскаго сана". Отвѣтомъ на это постановленіе была булла, въ которой св. отецъ выражался такимъ образомъ о Базельскомъ соборѣ: „дьяволы всей вселенной собрались въ разбойничьемъ вертепѣ, въ Базелѣ..." Между тѣмъ, сдѣлавъ первый шагъ, „базельцы" должны были волей-неволей сдѣлать и второй: по низложеніи „еретика" Евгенія IV, нужно было выбрать на его мѣсто „законнаго" папу; 5 ноября они выбрали изъ своей среды новаго папу, который принялъ имя Феликса V (1439—1449).

Два собора и двое папъ.

Теперь „схизма" внутри католической церкви достигла своей высшей точки. Дѣло началось съ раздора между папой и соборомъ; раздоръ этотъ превратился въ расколъ, когда на ряду съ Базельскимъ соборомъ явился другой „вселенскій" соборъ; расколъ еще болѣе обострился, когда, съ избраніемъ новаго папы, въ католической церкви оказалось два вселенскихъ собора и двое папъ. Каждая изъ враждующихъ сторонъ изрыгала хулу на сторону противную; отцы обоихъ соборовъ обзывали другъ друга, передъ лицомъ всего католическаго міра, схизматиками, еретиками, дьяволами, бѣсноватыми, дикими звѣрьми, олухами; а оба „намѣстника Христовы" честили другъ друга именами антихриста, молоха, магомета (sic), цербера, волка въ овечьей шкурѣ и т. п.

Неудача общецерковной реформы.

Церковная іерархія, отъ которой католическій міръ ожидалъ реформы церкви in capite et membris, представляла печальную картину вопіющаго скандала, хаоса и анархіи. *Вопросъ о реформѣ окончательно стушевался предъ другою, болѣе настоятельною и неотложною потребностью минуты*: церковь нуждалась теперь прежде всего въ возстановленіи внутренняго мира, въ устраненіи схизмы. Схизму же устранить не могла, очевидно, церковная власть, которая сама была жертвою схизмы; вотъ почему *съ этой минуты начинается самое рѣшительное вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церкви*. Вмѣшиваясь въ дѣла церкви во имя интересовъ католической церкви—съ одной стороны, съ другой—во имя „привилегій и вольностей" мѣстныхъ, національныхъ церквей, свѣтскіе государи и правительства находятъ дѣятельную поддержку не только со стороны свѣтскаго общества, но также и со стороны мѣстнаго духовенства.

Мѣстные соборы и конкордаты.

Въ то время, какъ центральное правительство католической церкви распалось въ лицѣ раздвоившихся папы и собора, на сцену выступаютъ мѣстные католическіе міры, отдѣльные государи и правительства созываютъ мѣстные церковные соборы, и здѣсь, въ тѣсномъ союзѣ съ своимъ духовенствомъ, принимаются за устроеніе церковныхъ дѣлъ. Работая надъ возстановленіемъ мира въ церкви, нарушеннаго временнымъ расколомъ, они не упускаютъ при этомъ изъ вида и вопроса о возстановленіи церковнаго благочинія, нарушеннаго длительными и укоренившимися злоупотребленіями; думая о схизмѣ, которую нужно было устранить, они не забываютъ и о реформѣ, которую слѣдовало осуществить. Первая изъ этихъ двухъ задачъ была выполнена путемъ постепеннаго признанія законнымъ папой—Евгенія IV и законнымъ вселенскимъ соборомъ—Флорентійскаго собора со стороны отдѣльныхъ правительствъ и мѣстныхъ церквей. Вторая задача была осуществлена такимъ образомъ, что *нѣкоторыя изъ выработанныхъ Базельскимъ соборомъ преобразованій, касавшихся всей католической церкви, были усвоены отдѣльными національными церквами, съ помощью мѣстныхъ церковныхъ соборовъ и при дѣятельномъ содѣйствіи свѣтскихъ правительствъ*, и закрѣплены за этими національными церквами путемъ особыхъ договоровъ съ св. престоломъ, въ качествѣ „привилегій и вольностей" каждой изъ мѣстныхъ, національныхъ церквей. Французскій король Карлъ VII созвалъ французскихъ епископовъ на соборъ въ Буржѣ (въ маѣ 1438 г.) Здѣсь были подвергнуты пересмотру базельскія преобразовательныя постановленія, и нѣкоторыя изъ нихъ были одобрены соборомъ и приняты отъ имени галликанской церк-

ви. Характерно для настроенія современнаго французскаго духовенства то обстоятельство, что принятыми оказались именно тѣ изъ постановленій Базельскаго собора, которыя носили на себѣ отпечатокъ борьбы противъ папскаго абсолютизма; это были постановленія, ограничивавшія вліяніе римской куріи на замѣщеніе высшихъ церковныхъ должностей,—стѣснявшія страшное въ рукахъ папы право интердикта, и т. п. Постановленія Буржскаго собора (т. е. базельскія постановленія, принятыя Буржскимъ соборомъ), утвержденныя королемъ и, скрѣпя сердце, признанныя папой, извѣстны подъ именемъ *Буржской прагматической санкціи*; послѣдняя положила начало такъ называемымъ „вольностямъ галликанской церкви", сущность которыхъ заключалась въ ограниченіи вліянія римской куріи на дѣла французской церкви. Подобнымъ же образомъ поспѣшило обезпечить за германскою церковью тѣ или другія изъ Базельскихъ реформъ и правительство германской имперіи. Свѣтскіе и духовные князья имперіи, вмѣстѣ съ императоромъ съѣхавшіеся въ томъ же году въ Майнцѣ, приняли постановленіе, такъ называемое *instrumentum acceptationis*, которымъ обезпечивались за германскою церковью важнѣйшія изъ преобразовательныхъ постановленій Базельскаго собора. Постановленія эти, ставившія германскую церковь, подобно французской, въ болѣе независимое, сравнительно съ прежнимъ, положеніе по отношенію къ римской куріи, были, съ нѣкоторыми ограниченіями, признаны со стороны послѣдней лишь нѣсколько лѣтъ спустя, въ особомъ договорѣ, заключенномъ между св. престоломъ, въ лицѣ преемника Евгенія IV, папы Николая V (1447—1455), и германскою имперіей, и извѣстномъ подъ именемъ *Вѣнскаго конкордата* (1448 г.). Подобные же договоры или „конкордаты" были заключены и многими другими свѣтскими государями съ римскою куріей; *въ основаніи всѣхъ ихъ лежали тѣ изъ преобразовательныхъ постановленій Базельскаго собора, которыя имѣли въ виду ограничить вліяніе папы на дѣла мѣстныхъ церквей*. Это были вынужденныя силою обстоятельствъ уступки со стороны римской куріи въ пользу мѣстныхъ церковныхъ соборовъ и свѣтскихъ правительствъ, которыя имѣли самое рѣшительное вліяніе на мѣстные соборы; часть папской власти перешла, такимъ образомъ, въ руки мѣстныхъ соборовъ и свѣтскихъ правительствъ. Нѣкоторые изъ свѣтскихъ государей получили, въ силу „конкордатовъ", до такой степени сильное вліяніе на дѣла мѣстныхъ церквей, что ихъ называли въ шутку маленькими папами („герцогъ Клевскій—папа въ своихъ земляхъ").

Такимъ образомъ, результаты преобразовательной дѣятельности Базельскаго собора закрѣплялись за отдѣльными національными церквами уже помимо самого собора, доживавшаго свои послѣдніе дни. Вѣнскій конкордатъ стеръ послѣдніе слѣды схизмы, положивъ конецъ существованію всѣми оставленнаго „вселенскаго собора“.

Конецъ собора. По заключеніи конкордата, императоръ Фридрихъ III выгналъ изъ Базеля—имперскаго города—послѣднихъ „отцовъ собора“, которые бѣжали въ Лозанну, къ своему папѣ Феликсу V. Оставленные всѣми, они склонили послѣдняго добровольно отречься отъ престола (1449), а сами „избрали“ папой Николая V-го, занимавшаго папскій престолъ съ 1447 г. въ качествѣ преемника Евгенія IV († въ февралѣ 1447 г.). Такъ окончилъ Базельскій соборъ свое почти восемнадцатилѣтнее существованіе.

Соборное движеніе первой половины XV в. было вызвано, видѣли мы, вполнѣ назрѣвшею настоятельною потребностью въ реформѣ католической церкви. Изъ всѣхъ „вселенскихъ соборовъ“ этой эпохи Базельскій былъ наиболѣе глубоко проникнутъ сознаніемъ этой потребности; глубже всѣхъ своихъ предшественниковъ сознавалъ и отчетливо формулировалъ онъ свою задачу—*reformatio ecclesiae in capite et membris*. Какія же были результаты столь продолжительной и шумной дѣятельности собора, первые шаги котораго были встрѣчены общимъ энтузіазмомъ и радужными надеждами приверженцевъ реформы? И прежде всего выполнилъ ли онъ главный параграфъ своей программы—разрѣшилъ ли вопросъ о церковной реформѣ?

Реформы собора. Въ первый періодъ своей дѣятельности, до возникновенія двусоборной схизмы, Базельскій соборъ, несмотря на почти непрерывную борьбу съ папой, поглощавшую почти всю дѣятельность собора, успѣлъ принять нѣсколько постановленій, имѣвшихъ въ виду устранить тѣ или другія злоупотребленія и неисправности въ церковной жизни; таковы были постановленія, направленныя противъ конкубината духовенства, противъ разныхъ злоупотребленій въ церковной практикѣ, противъ фискальныхъ притязаній римской куріи (аннаты, резерваціи и др.) и папскаго абсолютизма (ограниченіе права интердикта). Однако, отъ этихъ отдѣльныхъ отрывочныхъ мѣръ и частичныхъ преобразованій было далеко до той общей и всеобъемлющей реформы церкви—*reformatio ecclesiae in capite et membris*,—которую въ первомъ своемъ засѣданіи Базельскій соборъ поставилъ во главѣ своей программы. Соборъ, правда, сдѣлалъ смѣлую попытку коренной перестройки самыхъ основаній

церковнаго правительства. Своимъ постановленіемъ о превосходствѣ вселенскаго собора надъ папой онъ, казалось, однимъ ударомъ уничтожилъ весь исторически сложившійся іерархическій строй католической церкви, покоившійся на папскомъ абсолютизмѣ. „Глава церкви“ низводился на степень подчиненнаго органа вселенскаго собора, послушнаго исполнителя соборныхъ постановленій; папа уступалъ свое первенствующее положеніе собору, который становился на мѣсто его во главѣ всей церковной іерархіи. Таковъ былъ смыслъ этой смѣлой реформы; но дѣло въ томъ, что эта реформа имѣла въ дѣйствительности лишь значеніе *попытки*; не признанное римскою куріей, не нашедшее себѣ мѣста ни въ одномъ изъ конкордатовъ, которыми въ концѣ концовъ разрѣшилась вся преобразовательная дѣятельность Базельскаго собора, постановленіе это такъ и осталось мертвою буквой. Прочія же реформы Базельскаго собора, получившія въ той или другой степени практическое осуществленіе путемъ конкордатовъ, имѣли всѣ характеръ палліативныхъ средствъ, которыя борются противъ послѣдствій болѣзни, а не противъ ея корня. Корень болѣзни крылся, несомнѣнно, въ общемъ, исторически сложившемся, строѣ католической церкви: этотъ строй остался въ цѣлости и послѣ Базельскаго собора,— попытка преобразовать его на новыхъ началахъ потерпѣла неудачу.

Затѣмъ обязательное безбрачіе (целибатъ) духовенства было, несомнѣнно, одною изъ главныхъ причинъ пониженія нравственнаго уровня католическаго духовенства; целибатъ остался нетронутымъ, удовольствовались тѣмъ, что его неизбѣжное послѣдствіе—конкубинатъ—подвергли еще разъ запрещенію, которое, разумѣется, не могло разсчитывать на большій успѣхъ, чѣмъ каждое изъ безчисленныхъ прежнихъ „запрещеній“ того же рода.

Наконецъ, невѣжество духовенства, бывшее главною причиной крайней грубости нравовъ въ его средѣ, представляло собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, существенное препятствіе къ подъему нравственнаго уровня духовенства; между тѣмъ мы не видимъ никакихъ мѣръ со стороны Базельскаго собора къ поднятію умственнаго уровня духовенства, къ его просвѣщенію.

Вотъ почему въ итогѣ преобразовательной дѣятельности собора получился рядъ отдѣльныхъ преобразовательныхъ постановленій и частичныхъ реформъ, но общей „реформы церкви съ головы до ногъ“ не получилось.

Изъ того, что успѣлъ выработать Базельскій соборъ для дѣла церковной реформы, получило практическое осуществленіе лишь

о, что было принято и подтверждено упомянутыми „конкордатами", въ которыхъ базельскія преобразованія подверглись различнымъ болѣе или менѣе существеннымъ урѣзкамъ и ограниченіямъ. *Базельскія постановленія, воспроизведенныя конкордатами, были, такимъ образомъ, единственнымъ непосредственнымъ результатомъ реформаторской дѣятельности Базельскаго собора.* Очевидно, что этотъ результатъ далеко не былъ отвѣтомъ на тотъ вопросъ, которымъ, главнымъ образомъ, и былъ вызванъ къ жизни Базельскій соборъ. *Вопросъ шелъ о такой реформѣ, которая должна была состоять въ приведеніи церковной дѣйствительности въ возможное соотвѣтствіе съ ея идеальными основами.* Базельскій соборъ и принялся было за проведеніе реформы въ этомъ смыслѣ, но остановился на полдорогѣ и принужденъ былъ сойти со сцены, на которую выступаютъ конкордаты, имѣющіе въ виду совсѣмъ другое. Въ вопросѣ о церковной реформѣ Базельскій соборъ не дошелъ до искомаго рѣшенія, конкордаты обошли это рѣшеніе. Въ основаніи конкордатовъ лежали менѣе идеи, чѣмъ интересы. По существу своему конкордаты были компромиссами, сдѣлками противоположныхъ интерсовъ, съ одной стороны—римской куріи, съ другой—отдѣльныхъ націй, отдѣльныхъ католическихъ міровъ.

Далѣе, вопросъ шелъ о реформѣ *обще-церковной*, о реформѣ церкви на всемъ протяженіи католическаго міра. Проектированная великая обще-католическая реформа разбилась въ конкордатахъ на цѣлый рядъ отдѣльныхъ *мѣстныхъ* реформъ, выговоренныхъ у римской куріи отдѣльными національными церквами, въ качествѣ ихъ спеціальныхъ „привилегій и вольностей".

Значеніе Базельскаго собора.

Таковъ былъ непосредственный результатъ Базельскаго собора, результатъ крайне ничтожный по своему содержанію, но чрезвычайно важный по своимъ косвеннымъ послѣдствіямъ. *Базельскій соборъ представляетъ собою послѣднюю попытку рѣшенія вопроса о церковной реформѣ на почвѣ католической церкви.* Неудача этой попытки, встрѣченной вначалѣ съ такимъ одушевленіемъ и стоившей стольких усилій, нанесла рѣшительный ударъ общераспространенному убѣжденію въ возможности церковной реформы посредствомъ самой церкви. Отъ римской куріи и ранѣе никогда не ожидали серьезной реформы: печальный исходъ „вселенскихъ соборовъ", и особенно Базельскаго, наглядно показалъ, какъ мало можно было разсчитывать и на соборы въ дѣлѣ реформы; и дѣйствительно, съ этихъ поръ мы не видимъ болѣе „вселенскихъ соборовъ" въ католической церкви вплоть до эпохи реформаціи.

Если, съ одной стороны, соборы не разрѣшили вопроса о реформѣ, то унаслѣдовавшая послѣдній отъ соборовъ политика конкордатовъ въ корнѣ подрывала самую надежду на возможность этого рѣшенія: *внося начало разъединенія въ католическій міръ, политика эта отнимала самую почву у обще-католической реформы, которая была невозможна безъ существованія полнаго церковнаго единства католическаго міра.*

Не рѣшивъ вопроса объ обще-католической церковной реформѣ, Базельскій соборъ оставлялъ попрежнему широкое поле для личнаго почина въ этомъ дѣлѣ: отсюда—дальнѣйшее развитіе внѣцерковныхъ вѣроисповѣдныхъ ученій и сектантскихъ общинъ.

Съ другой стороны, политика конкордатовъ передавала дѣло реформы изъ рукъ „вселенской церкви" въ руки отдѣльныхъ національныхъ церквей. Величайшая опасность предстояла католичеству въ случаѣ возможнаго соединенія обоихъ этихъ реформаціонныхъ теченій—теченія внѣцерковнаго, сектантскаго, съ церковно-національнымъ. *Великое реформаціонное движеніе XVI в., образовавшееся изъ соединенія этихъ двухъ реформаціонныхъ теченій, можетъ быть названо, поэтому, величайшимъ изъ косвенныхъ послѣдствій неудачнаго исхода реформаціонныхъ соборовъ первой половины XV в.*

Эти же „великіе соборы XV в." подготовили въ значительной степени и почву въ умахъ для реформаціоннаго движенія XVI в. Шумная и глубокозахватывающая дѣятельность соборовъ была полна борьбою самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ интересовъ и идей; борьба эта велась и на почвѣ права и матеріальной силы, но еще болѣе на почвѣ мысли.

Дѣятельность соборовъ вызвала небывалое умственное оживленіе, которое создало цѣлую литературу; въ послѣдней наиболѣе видное мѣсто принадлежало полемикѣ противъ папскаго абсолютизма, рядомъ съ самою безпощадною критикой темныхъ сторонъ средневѣковаго католицизма; здѣсь были впервые высказаны и отчетливо формулированы многія изъ тѣхъ идей, которыя получили свое окончательное развитіе, а частью и практическое осуществленіе въ реформаціонномъ движеніи XVI в.

Но и помимо того или другого характера идей, это умственное движеніе имѣло важное историческое значеніе въ томъ отношеніи, что оно способствовало пробужденію и оживленію умственныхъ интересовъ въ средневѣковомъ обществѣ, особенно въ Германіи. Въ эпоху Базельскаго собора гуманизмъ впервые перешаг-

нулъ черезъ Альпы и вышелъ изъ предѣловъ своей родины—Италіи; въ числѣ дѣятелей Базельскаго собора мы встрѣчаемъ выдающихся итальянскихъ гуманистовъ, и приносенное ими сѣмя новаго, „гуманнаго", образованія нашло себѣ благодатную почву въ Германіи.

Оба великія умственныя и общественныя движенія первой половины XVI в.—реформація и гуманизмъ — связаны неразрывными нитями съ великимъ соборнымъ движеніемъ конца XV и начала XVI в. Если, такимъ образомъ, послѣднее и не достигло своей непосредственной цѣли, то оно далеко не осталось, тѣмъ не менѣе, безплодно для историческаго развитія Европы.

Павелъ Ардашевъ.

LXXVI.

Гуситы и Чешскіе братья.

Національная подкладка гуситства.

Попытка Гуса имѣла для него роковыя послѣдствія: 6 іюля 1415 года онъ былъ сожженъ въ Костницѣ (Констанцѣ). Но начатое Гусомъ дѣло съ его смертью не кончилось, а, наоборотъ, повело къ большимъ еще смутамъ не только въ церкви, но и въ обществѣ. Причина этого лежитъ не только въ томъ, что послѣ смерти Гуса продолжали существовать тѣ же нестроенія въ церкви, что и прежде, что такъ же, какъ и прежде, являлись лица, требовавшія реформъ: уже въ дѣятельности Гуса, помимо чисто богословской стороны, ясно проглядываетъ, какъ и у моралиста-писателя Ѳомы Штитнаго (род. 1325, ум. ок. 1400 г.), народная чешская подкладка, стремленія патріота-чеха; такой характеръ носитъ уже борьба „національностей“ въ университетѣ, въ которой дѣятельное участіе принималъ Гусъ, эта же черта проходитъ полосой въ „виѳлеемской“ проповѣди Гуса. Такимъ образомъ, казнь Гуса, явно несправедливая, грубая расправа сильнаго съ слабымъ, оскорбляла не только сторонниковъ реформы, какъ ее представлялъ себѣ Гусъ, но и всѣхъ чеховъ, сознававшихъ болѣе или менѣе свою національность и видѣвшихъ въ этомъ поступкѣ съ Гусомъ насиліе не только католическаго духовенства надъ людьми, требовавшими реформъ, но и насиліе нѣмецкаго боль-

---

Пособія: *Anton Gindely*, Geschichte der böhmischen Brüder. 2 B. Prag 1857—58; *Anton Gindely*, Geschichte des böhmischen Aufstandes von J. 1618. 3 B. Prag 1869—78; *Клевановъ*, Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣднаго движенія. M. 1876; *И. Пальмовъ*, Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи. Спб. 1881; *Анненковъ*, Сочиненія Петра Хельчицкаго (Сѣть вѣры и Реплика противъ Бискупца). Спб. 1893; *Karásek*, Petr Chelčický (Menší spisy). Изд. Comenium'a: Památky reformace české II, III, Praha, 1891—92; *I. Goll*, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhmischen Brüder, II, Prag. 1882.

шинства (въ правящихъ сферахъ) надъ чешскимъ меньшинствомъ — чехами. Такимъ образомъ, съ религіознымъ вопросомъ соединился вопросъ національный. И эта характерная черта движенія проходитъ яркой полосой чрезъ исторію всего послѣдующаго времени гуситскихъ войнъ: борющаяся съ гуситами власть всегда является представительницей столько же католицизма, сколько и національныхъ нѣмецкихъ стремленій; разъ начинается борьба противъ свѣтской власти и состоявшаго въ постоянномъ союзѣ съ нею духовенства католическаго, всѣ партіи гуситовъ соединяются воедино, какъ это было, напримѣръ, въ 1436 году во время выработки такъ называемыхъ компактатовъ, т. е. условій соглашенія между католиками и гуситами; эта попытка къ соглашенію была понята какъ попытка примирить не только церковь и раскольниковъ, но и двѣ враждующія другъ съ другомъ національности.

Поставивши, такимъ образомъ, въ тѣсную связь вѣроисповѣданіе съ народностью, чехи и во все послѣдующее время не измѣнили этимъ взглядамъ. И только, благодаря этому пониманію своихъ задачъ, чехи, сравнительно слабые, могли противостоять военному натиску со стороны католицизма и нѣмцевъ: охраняя свое вѣроисповѣданіе, они охраняли и свою національность, доказали своей стойкостью въ исповѣданіи то, что они имѣютъ право на существованіе, какъ особая народность. Какъ только правительство и духовенство убѣдились въ этомъ, борьба получаетъ новое направленіе: уже больше они не стремятся поработить чеховъ силой оружія, а оставляя имъ ихъ національность, стремятся — правительство сохранить ихъ въ составѣ имперіи, духовенство—привлечь къ мирному присоединенію. Но эти попытки были далеко не одинаково успѣшны: имперскому правительству удалось сохранить за собой Чехію, но не безъ жертвъ: императоръ въ качествѣ чешскаго короля долженъ былъ дать кое-какія права чехамъ, какъ религіозной отдѣльной единицѣ; правительство, какъ власть, хотя и подчиненная въ духовномъ отношеніи Риму, уже не преслѣдовало гуситовъ, не возбраняло открыто имъ отправлять свое богослуженіе, управляться по своимъ принципамъ въ общинахъ, хотя никакъ не хотѣло дать формальнаго признанія ихъ вѣроисповѣданія. Уступки, сдѣланныя правительствомъ, отозвались, однако, большими затрудненіями для духовенства католической церкви: оно лишилось весьма важнаго съ его точки зрѣнія вспомогательнаго средства для борьбы съ отдѣлившимися чехами. Въ его рукахъ оставалось только одно, правда могучее, средство для обращенія отпавшихъ—проповѣдь и пропа-

ганда католицизма среди чеховъ; въ качествѣ вспомогательнаго средства была призвана дипломатія. Въ этомъ духѣ католическое духовенство и ведетъ свою дѣятельность. Наконецъ, послѣднимъ обстоятельствомъ, значительно затруднившимъ успѣхи католицизма, было культурное состояніе Чехіи: несмотря на погромы войнъ, навсегда погубившихъ блескъ культуры въ Чехіи временъ Карла IV, она еще не была безсильна и въ этомъ отношеніи передъ католицизмомъ. Такъ въ общихъ чертахъ тянется дѣло до 3-й четверти XVI вѣка, когда реформатское движеніе въ Германіи даетъ новый толчокъ и гуситамъ, которые выражаютъ явно свое предпочтеніе сѣвернымъ протестантамъ передъ государственной католической религіей. Это заставляетъ правительство еще болѣе снисходительно относиться къ гуситамъ изъ боязни ихъ политическаго отторженія.

Всѣ эти обстоятельства: характеръ ученія Гуса, неудачныя стремленія власти и духовенства, высокое культурное состояніе Чехіи въ предшествующее время и, наконецъ, возникновеніе реформаціи въ Германіи, — все это даетъ объясненіе, почему гуситство просуществовало такъ долго и въ видоизмѣненной формѣ отчасти существуетъ и понынѣ: чешскіе реформаты, къ половинѣ XVIII в. принявшіе организацію и, съ государственной точки зрѣнія, соединенные съ протестантами, сохранили до сихъ поръ особенности въ богослуженіи и въ обычаяхъ внутри общинъ.

Съ другой стороны, конечно, съ теченіемъ времени число гуситовъ, въ моментъ ихъ отдѣленія отъ католиковъ обнимавшее бо̀льшую половину населенія Чехіи и Моравіи, быстро уменьшалось. Объясненіе этого явленія находимъ въ исторіи самого гуситства.

Партіи среди гуситовъ.

Послѣ 15-лѣтней почти непрерывной войны противъ гуситовъ императору и духовенству не удалось подавить силой сепаратистскія стремленія чеховъ: чѣмъ сильнѣе былъ напоръ враговъ, чѣмъ значительнѣе была побѣда противниковъ, тѣмъ глубже проникало въ народъ сознаніе своей правоты, тѣмъ энергичнѣе шла гуситская пропаганда. Убѣдясь въ этомъ, Сигизмундъ рѣшилъ достичь успокоенія края другимъ путемъ: онъ предложилъ рѣшить споръ и выработать почву для соглашенія отцамъ Базельскаго собора, продолжавшаго еще свои засѣданія. Чехи приняли предложеніе, приславши на соборъ лучшихъ своихъ людей, между прочими Прокопа Большого и магистра Рокицану, которому суждено было играть большую роль въ исторіи гуситовъ. Но соглашеніе этимъ путемъ достигнуто не было, хотя въ 1436 году въ Иглавѣ (Иглау) было торжественно отпраздновано возсоединеніе чеховъ въ присутствіи

Сигизмунда, делегатовъ собора и чешскихъ представителей: были утверждены, хотя и съ ограниченіями, такъ называемые компактаты Базельскаго собора, предоставлявшіе нѣкоторыя права гуситамъ, удовлетворявшіе отчасти ихъ требованія.

Но эти благія начинанія разбиты были поведеніемъ самихъ католиковъ: они и не подумали исполнять тѣхъ обязательствъ по отношенію къ чехамъ, которыя они дали въ компактатахъ; папа отказался признать главнаго руководителя гуситовъ, вліятельнаго Рокицану, архіепископомъ пражскимъ, что ему было обѣщано императоромъ и было однимъ изъ условій соглашенія: соглашеніе осталось только на бумагѣ. Но, несмотря на неудачу, компактаты имѣли важное значеніе для исторіи гуситства: благодаря имъ, произошелъ крупный расколъ въ средѣ самихъ гуситовъ. Тяжелое положеніе ихъ, одинокихъ, окруженныхъ врагами, принудило ихъ искать опоры, выработать какія-нибудь сносныя отношенія къ католикамъ; поэтому въ средѣ ихъ сразу стала выдѣляться партія умѣренныхъ гуситовъ—утраквистовъ, желавшихъ стать въ болѣе близкую связь съ католиками. Болѣе крайніе, табориты, наоборотъ, отказывались отъ какихъ бы то ни было уступокъ. Такимъ образомъ, вся Чехія разбилась на три партіи: чеховъ-католиковъ, оставшихся вѣрными католицизму и стоявшихъ поэтому на сторонѣ правительства, утраквистовъ, желавшихъ соединенія и готовыхъ на уступки, и таборитовъ, вовсе отказавшихся отъ всякихъ сношеній съ католиками; понятно, что умѣренная партія утраквистовъ болѣе близка была къ католикамъ и къ императору и силилась сломить таборитовъ, что было тѣмъ естественнѣе, что главная сила таборитовъ — вооруженная сила — уже не имѣла мѣста для рѣшенія вопроса. И, дѣйствительно, утраквисты усердно хлопочутъ о соединеніи съ Римомъ [особенно наиболѣе близкая къ католикамъ партія Прибрама (Пршибрама)], привлекаютъ на свою сторону Рокицану. Но римская курія и папа (Евгеній IV) требуютъ полнаго подчиненія и не признаютъ соглашенія. Это охладило и утраквистовъ въ ихъ стремленіи къ возсоединенію.

Такимъ образомъ, одиночество чешскихъ протестантовъ продолжалось и заставило ихъ рѣшиться на неожиданный шагъ: искать сближенія съ греческою церковью: это должно было облегчить имъ одиночество, а также должно было произвести давленіе на католицизмъ (въ виду извѣстныхъ отношеній между восточною и западною церквами, не пришедшими, какъ извѣстно, къ соглашенію во Флоренціи въ 1439 г.). Переговоры велись въ 1447 году, тянулись до

1452 г., но не привели къ успѣху: жалкое положеніе Царьграда и послѣдовавшее въ 1453 г. завоеваніе его турками положили конецъ этой затѣѣ. Переговоры же съ Римомъ опять оживились, тѣмъ болѣе, что Рокицана, игравшій такую роль въ прежнихъ переговорахъ, не особенно соблазнялся перспективой соединенія съ греками, а наоборотъ, надѣялся еще достичь соглашенія съ Римомъ, гдѣ Евгенія IV уже замѣнилъ новый папа Николай V.

Но и этотъ оказался не болѣе уступчивымъ, нежели его предшественникъ. Неудача Рокицаны заставила его искать опоры для себя въ королѣ: онъ чрезъ утраквистовъ сближается съ Юріемъ Подѣбрадскимъ, помогаетъ ему сломить таборитовъ и опять стоитъ во главѣ національной церкви въ Чехіи, хотя и непризнанный и отвергнутый Римомъ. Между тѣмъ здѣсь, въ Римѣ, зорко слѣдили за событіями въ Чехіи. Возвышеніе Юрія Подѣбрада, сосредоточеніе въ его рукахъ власти указало Риму новый путь къ достиженію цѣли. Папа рѣшается дѣйствовать на Юрія и воспользоваться его вліяніемъ, чтобы подчинить чеховъ. Поэтому отправляется легатомъ для Германіи, съ тайнымъ предписаніемъ дѣйствовать и въ Чехіи, высокообразованный, гуманный кардиналъ Николай Куза, за нимъ слѣдуетъ знаменитый писатель, дипломатъ и канцлеръ Фридриха IV Эней Сильвій Пикколомини (впослѣдствіи папа Пій II), который долженъ былъ убѣдить Юрія Подѣбрада отступиться отъ Рокицаны, котораго-де Римъ никогда не признаетъ, не настаивать на компактатахъ (хотя имъ и обязанъ былъ Юрій своею популярностью въ Чехіи). Дипломату папы, однако, многаго сдѣлать не удалось, онъ добился только того, что Юрій согласился въ предѣлахъ своего государства разрѣшить проповѣдь Іоанна Капистрана, знаменитаго проповѣдника, посланнаго передъ тѣмъ папой и уже успѣвшаго достичь громадной популярности въ Моравіи (въ Брнѣ) и проникшаго уже въ Крумловъ, Хебъ (Эгеръ), Мостъ (Брюксъ) и появившагося даже въ Прагѣ. Но здѣсь Капистранъ, увлеченный своимъ успѣхомъ, забылъ осторожность, порицая „чешскихъ еретиковъ“. Это было роковою для Капистрана ошибкой: онъ забылъ, что гуситство не есть только религіозное явленіе, но также и глубоко національное; громя еретиковъ и при томъ чешскихъ еретиковъ, онъ глубоко оскорблялъ не только своихъ противниковъ религіозныхъ, но и весь чешскій народъ. Поэтому Юрій Подѣбрадскій, хотя и принялъ проповѣдь Капистрана, однако, какъ представитель прежде всего чешскаго народа, не могъ отказать Рокицанѣ, сразу почуявшему опаснаго соперника, въ позволеніи дѣйствовать

противъ знаменитаго проповѣдника: соединяя идею гуситства съ національною идеей, Рокицана энергично даетъ отпоръ Капистрану, пользуясь сочувствіемъ всего чешскаго народа, оскорбленнаго въ своихъ національныхъ чувствахъ Капистраномъ. Въ концѣ концовъ Капистранъ безъ всякихъ результатовъ вернулся въ Регенсбургъ къ Николаю Кузѣ. Рокицана же остался руководителемъ утраквистской партіи, убѣдившись, наконецъ, въ безполезности искать соглашенія съ Римомъ. Отдѣлившись отъ Рима, онъ задался теперь цѣлью добиться объединенія въ утраквизмѣ всѣхъ гуситскихъ сектъ; опираясь на Юрія Подѣбрадскаго, онъ положилъ конецъ существованію таборитовъ (1452 г.), принудивъ ихъ ввести утраквистское богослуженіе. Но этимъ онъ не достигъ единенія, табориты разсѣялись и умножили число сектъ въ средѣ чешскихъ отступниковъ отъ господствующей церкви. Съ этого времени и приходится считать начало образованія отдѣльныхъ сектъ въ Чехіи, и между ними наиболѣе важной секты—Чешскихъ братьевъ (jednota).

Лукашъ. Итакъ, наиболѣе крупная изъ этихъ сектъ „Братство" получила свою первоначальную организацію именно въ это время. Эта секта принадлежала къ наиболѣе умѣреннымъ утраквистскимъ сектамъ, но въ то же время она твердо и непоколебимо стояла за свою независимость отъ Рима и остальныхъ утраквистовъ и была наиболѣе характернымъ выраженіемъ идей, которыя руководили религіознымъ и общественнымъ движеніемъ Чехіи XV в. Главнѣйшими дѣятелями въ области развитія и устроенія братства были наиболѣе талантливые изъ послѣдователей Гуса: братъ Лука (Лукашъ) и Петръ изъ Хельчицъ (иначе Хельчицкій). Рокицанѣ братство обязано не своимъ устройствомъ, а энергическою защитой принциповъ гуситства: онъ сохранилъ, отстоялъ чешскихъ реформаторовъ въ борьбѣ съ католицизмомъ во вторую эпоху борьбы, парализуя католическую пропаганду и пріобрѣтая новыя силы для гуситства въ соединеніи его съ партіей правительства (въ лицѣ Юрія Подѣбрадскаго). Внутреннее же развитіе идей братства, его устройства, обрядности выразилось въ богатой литературѣ братства, виднѣйшими представителями которой и были упомянутый Лукашъ и Петръ Хельчицкій, прозванный даже „крестнымъ отцомъ" братства.

Первому изъ нихъ, Лукашу (ум. ок. 1528 г.), братство обязано было главнымъ образомъ своею организаціей. Ученый баккалавръ и богословъ Пражскаго университета, Лукашъ вступилъ въ братство въ 1480 году; здѣсь онъ нашелъ большую пестроту и рядъ недоумѣній въ практикѣ общины братской: хотя всѣхъ соединяло

одно стремленіе,— создать жизнь по принципамъ первыхъ вѣковъ христіанства,—но и эти, какъ и современные обычаи общинъ, понимались различно, различно оцѣнивались ихъ важность и значеніе для членовъ братства. Лукашъ пишетъ по этому поводу цѣлый рядъ сочиненій, трактатовъ, писемъ, памфлетовъ, путешествуетъ на востокъ, чтобы ознакомиться съ бытомъ тамошнихъ христіанъ, которые, какъ тогда думали многіе изъ братчиковъ, сохранили чистоту христіанства въ первобытномъ видѣ. Такимъ образомъ, главная дѣятельность Лукаша заключалась въ устроеніи обрядовой и административной стороны братства. Этого рода дѣятельность заставила его обратить вниманіе и на отношенія общины Чешскихъ братьевъ къ другимъ подобнымъ же общинамъ, къ остальной части населенія Чехіи и привела его къ необходимости коснуться и основныхъ принциповъ братства, насколько эти послѣдніе стояли въ связи съ администраціей и условіями существованія братства. Такъ, ему принадлежитъ идея епископства у братьевъ (онъ самъ и былъ епископомъ), какъ высшей административной единицы, смягченіе строгихъ правилъ общины по отношенію къ имуществу, частной собственности и гражданской свѣтской власти. Эта уступка общественному строю сдѣлана Лукашемъ въ виду того, что многіе дворяне и служилые люди желали вступить въ братство, но не могли отказаться отъ своихъ преимуществъ въ обществѣ,—находя это даже полезнымъ для цѣлей братства. Но уступка эта, если и ослабляла основной принципъ братства,—равенство, общность имущества,—имѣла послѣдствіемъ значительное усиленіе братства притокомъ болѣе или менѣе вліятельнаго дворянства, что не мало способствовало сохраненію и безопасности общины въ католической странѣ.

Хельчицкій.

Принципы же и идеи братства созданы и развиты были въ ученіи Хельчицкаго: съ него ведутъ они свое начало въ томъ видѣ, какъ они выразились въ жизни братства. Хельчицкій (род. ок. 1390 г., ум. ок. 1460 г.) принадлежитъ къ выдающимся мыслителямъ не только въ средѣ братства, но и въ Европѣ. По происхожденію своему скорѣе всего мелкій шляхтичъ, онъ стоялъ близко къ Пражскому университету временъ, ближайшихъ ко времени Гуса, образованія систематическаго не получилъ, хотя его и нельзя назвать недоучкой. Въ немъ мы видимъ прежде всего свѣтскаго проповѣдника, который своимъ вліяніемъ обязанъ прежде всего своему уму, своимъ сочиненіямъ. Особенно характерной чертой его сочиненій, писанныхъ простымъ, подчасъ шероховатымъ языкомъ, со-

ставляютъ необыкновенная острота анализа, логичность, несмотря на фантастичныя идеи, которыя у Хельчицкаго общи съ другими людьми его времени; въ немъ постоянно видно одно руководящее начало: это—стремленіе поставить идею на практическую, осуществимую почву; отсюда у него такая чуткость ко всѣмъ ненормальностямъ и увлеченіямъ, на какія ему приходилось наталкиваться въ ученіяхъ отдѣльныхъ писателей секты: онъ сразу замѣчалъ несоотвѣтствіе между поставленнымъ принципомъ и его проведеніемъ. Поэтому, напримѣръ, онъ яростно полемизируетъ противъ крайнихъ увлеченій братскихъ священниковъ, дошедшихъ до приравненія таинства евхаристіи къ идолопоклонству, до кощунства надъ хлѣбомъ и виномъ, какъ символами этого таинства. Въ своихъ положительныхъ взглядахъ онъ слѣдуетъ тѣмъ идеаламъ, которые рисовались уже самому Гусу и его лучшему послѣдователю, магистру Якубку, которые, по выраженію Хельчицкаго, лучше многихъ чеховъ разумѣли ученіе Уиклиффа, сочиненія котораго оказали косвенное вліяніе и на Хельчицкаго. Основнымъ принципомъ его было подражаніе Христу, проведеніе началъ евангельскихъ въ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, источникомъ всей христіанской морали у него являлось только Евангеліе. Наиболѣе же близкое осуществленіе этого идеала находилъ онъ, подобно большинству не только чешскихъ, но и вообще западныхъ идеалистовъ - реформаторовъ, въ бытѣ первоначальнаго христіанства. Отсюда у него слѣдуетъ требованіе полной свободы совѣсти, свободы дѣйствій, потому что человѣкъ, руководящійся принципами Евангелія, будетъ добровольно уклоняться отъ зла и стремиться къ добру; далѣе слѣдуетъ естественный переходъ къ отрицанію внѣшняго принужденія, то-есть излишество свѣтскихъ законовъ и свѣтской власти: свѣтскій законъ и охранители его не нужны, ибо весь законъ — въ душѣ человѣка, въ Евангеліи. Изъ этого положенія уже само собою вытекаетъ полное равенство, основанное на братской взаимной любви, излишество духовной іерархіи въ смыслѣ власти, равно какъ и свѣтской власти. Поэтому понятно, почему онъ такъ отрицательно отнесся къ существующимъ порядкамъ, которые, по его мнѣнію, внесли только искаженіе въ христіанство; виновною въ этомъ онъ считаетъ ошибку, сдѣланную Константиномъ Великимъ, объявившимъ христіанство государственною религіей: когда Сильвестръ, крестившій Константина, получилъ власть и богатство и за это внесъ въ самую церковь обычаи и права государства, съ этихъ поръ христіанство пало.

На основаніи этихъ принциповъ Хельчицкій, разумѣется, не могъ одобрить поведенія тѣхъ, которые силой хотѣли вернуть отпавшихъ чеховъ къ католицизму; но не могъ онъ одобрить и поведенія гуситовъ и особенно таборитовъ, съ мечемъ въ рукахъ защищавшихъ свою вѣру: насиліе противъ насилія противно евангельскому закону. Таковы принципы Хельчицкаго, изложенные имъ въ его двухъ главнѣйшихъ сочиненіяхъ „Сѣти вѣры“ и „Постиллѣ“.

Чешское братство.

Эти принципы были положены въ основу устройства кружка сперва ближайшихъ послѣдователей Хельчицкаго, такъ называемыхъ „Братьевъ Хельчицкихъ“, но затѣмъ распространились и далѣе. Главнымъ дѣятелемъ и проводникомъ идей Хельчицкаго явился Григорій, приближенный, кажется, даже племянникъ Рокиցаны, объединившій кружки, сочувствовавшіе идеямъ Хельчицкаго; онъ и считается основателемъ общины Чешскихъ братьевъ, устроившимъ въ Кунвальдѣ небольшое общество, которое руководилось этими идеями (1457 г.). Это кунвальдское общество строго относилось къ основнымъ принципамъ, имъ принятымъ: полное отсутствіе частной собственности, уклоненіе отъ всякой свѣтской власти, высокая нравственность, обязательство жить личнымъ трудомъ, уклоненіе отъ насилія и сопротивленія внѣшней власти—были обязательными для членовъ кунвальдскаго братства. Несмотря на яростныя нападенія противниковъ, отождествлявшихъ ихъ съ Вальденцами, Адамитами и т. п. крайними сектами, братство кунвальденцевъ росло и ширилось преимущественно въ сельскомъ и низшемъ классахъ общества, такъ что въ 1467 г. потребовалась правильная, широкая организація для братчиковъ Чехіи и Моравіи: въ этомъ году были выбраны первые три епископа; съ этихъ поръ кунвальдское братство стало извѣстно подъ именемъ Чешскаго братства (jednota bratrská или jednota bratří českých). Въ такомъ видѣ братство просуществовало до 1480 года, когда въ него вступилъ упомянутый уже Лукашъ, внесшій расколъ своими попытками смягчить условія вступленія въ братство. До 1496 г. ревнители строгости устава имѣли перевѣсъ, но въ этомъ году на собраніи въ Хлумкѣ (Chlumek) имъ пришлось уступить большинству; но при этомъ все-таки часть братчиковъ подъ главенствомъ Амоса изъ Штекна (Amos ze Štěkna) отдѣлилась и образовала такъ называемую „меньшую сторону“ („menší stránka“), которая, просуществовавъ самостоятельно до 1542 г., слилась опять съ братствомъ. Большинство же на собраніи 1496 г. выработало окончательно организацію, которая заключалась въ слѣдующемъ: во главѣ братства

стоитъ высшій совѣтъ (užši rada), состоящій изъ трехъ епископовъ и выборныхъ отъ общинъ; община управляется священниками, которымъ и принадлежитъ непосредственное наблюденіе за исполненіемъ устава членами братства; имущество личное допускается только въ томъ случаѣ, если владѣтель его пользуется имъ согласно съ основными принципами общины, не употребляя его во зло ближнему.

Община сначала (при Юріи Подѣбрадскомъ) терпѣла гоненія и преслѣдованія со стороны какъ католиковъ, такъ и утраквистовъ; но потомъ по мѣрѣ того, какъ и враги убѣждались въ высокой нравственности и миролюбивости братчиковъ, жизнь этихъ послѣднихъ становилась покойнѣе и безопаснѣе, отчасти благодаря тому, что въ ихъ средѣ числилось не мало шляхты, имѣвшей вліяніе и въ правительственныхъ сферахъ. Даже начались въ XVI в. попытки достичь общественнаго признанія и равноправія въ государствѣ, но эти попытки, если и не принесли вреда братству, однако были безуспѣшны; такую судьбу имѣло представленное ими исповѣданіе вѣры въ 1535 г.: Фердинандъ I покровительствовалъ братчикамъ, благодаря вліянію знатныхъ пановъ, числившихся въ рядахъ членовъ братства, но признать за ними право открытаго богослуженія не рѣшился. Тогда начались попытки братчиковъ присоединиться къ протестантамъ Германіи, въ нихъ искать опоры и признанія. Но это имѣло для нихъ печальныя послѣдствія: за свои симпатіи къ саксонскому курфюрсту во время шмалькальденской войны (1546 г.) они подверглись преслѣдованіямъ, получили формальное запрещеніе совершать богослуженіе и т. д. Послѣдствіемъ этого было выселеніе братчиковъ въ Польшу и Германію, гдѣ зародились новыя общины. Особенно пострадали чешскіе братчики; на Моравѣ же, которая не принимала такого участія въ послѣдней войнѣ, жилось имъ легче. Со вступленіемъ на престолъ Максимиліана II и въ Чехіи положеніе братства стало настолько лучше, что въ 1575 году братья рѣшились опять домогаться признанія (т. наз. Vyznání české lota 1575), но и на этотъ разъ безуспѣшно; только политическія событія 1608 года, когда Рудольфъ могъ сохранить за собою только Чехію, которая осталась ему вѣрна, помогли имъ: 9 іюня 1609 г. онъ подписалъ Исповѣданіе 1575 г., которымъ братчикамъ и утраквистамъ предоставлено право совершать богослуженіе наравнѣ съ католиками. Но и это разрѣшеніе не принесло большой пользы братству: оно, ослабленное численно выселившимися послѣ 1546 г. общинами (они поселились, кромѣ Польши и Пруссіи, въ

Силезіи, Лужицахъ и Венгріи), терпѣло и отъ утраквистовъ, и отъ католиковъ, такъ что съ 1620 г. послѣ несчастной битвы на Бѣлой горѣ принуждены были братчики выселяться вновь. Колонисты двинулись опять въ Польшу, гдѣ нашли своихъ предшественниковъ по выселенію уже значительно слившимися съ поляками. Но это все-таки дало на время новыя силы братчикамъ: польская вѣтвь, особенно около Познани, принявъ организацію кальвинистовъ и лютеранъ, осталась до нашихъ дней. Въ самой же Чехіи слабые остатки братства окончательно или почти безслѣдно растворились въ средѣ или католиковъ, или протестантовъ аугсбургскаго исповѣданія.

М. Сперанскій.

LXXVII.

Данте.

Любовь Данте. Мы можемъ прослѣдить родъ Данте до половины XII вѣка. Одинъ изъ предковъ его, Каччягвида, получилъ рыцарское достоинство отъ императора Конрада III во время крестоваго похода въ Святую землю (1147). Правнукъ Каччягвиды, Алагіеро, былъ женатъ на Беллѣ, изъ неизвѣстной намъ семьи: это были родители величайшаго поэта Италіи, Данте Алигіери. Онъ родился во Флоренціи въ 1265 г. О первыхъ годахъ дѣтства его мы ничего не знаемъ. Они не оставили слѣда и въ памяти самого Данте, пробудившагося къ сознательной жизни лишь съ первымъ лучомъ любви, запавшимъ въ его дѣтское сердце. Любовь эта наполняетъ его жизнь до 25-лѣтняго возраста и пробуждаетъ въ немъ поэтическое творчество. Мы не знаемъ имени дѣвушки, заронившей въ душу Данте искру любви и поэзіи, онъ самъ называетъ ее символическимъ именемъ Beatrice, т. е. дарующей блаженство. Данте было девять лѣтъ отъ роду, когда впервые представилась его взорамъ восьмилѣтняя Беатриче. Душа его содрогнулась, какъ бы чувствуя присутствіе будущей своей властительницы, и ему послышался внутренній голосъ: Ecce deus fortior me, qui dominabitur mihi; apparuit iam beatitudo nostra. Это была мимолетная встрѣча, но образъ дѣвочки, одѣтой въ платье скромнаго, краснаго

Пособія: *Gaspary*. Geschichte der italienischen Literatur. Band. I; *Scartazzini*. Dante-Handbuch; *Hettinger*. Dante's Geistesgang; *Hettinger*. Die Göttliche Komödie des Dante-Alighieri; *Perrens*. Histoire de Florence. T. III; *Вегеле*. Дантъ Алигіери, его жизнь и сочиненія. Пер. Веселовскаго; Всеобщая исторія литературы, подъ ред. В. Ѳ. Корша и А. И. Кирпичникова, томъ II; *Гаспари*. Исторія итальянской литературы. Перев. К. Бальмонта. Томъ I. *Симондсъ*. Данте, его время, его произведенія, его геній. Пер. М. Коршъ.

цвѣта, опоясанной и украшенной, какъ подобало ея дѣтскому возрасту, глубоко запечатлѣлся въ памяти девятилѣтняго Данте. Съ этого времени онъ сталъ искать встрѣчи съ нею. Прошло еще девять лѣтъ, и онъ снова увидѣлъ ее на улицѣ въ сопровожденіи двухъ пожилыхъ женщинъ. Она обратила взоры свои въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ, охваченный трепетомъ, и скромно привѣтствовала его. Неизъяснимое блаженство наполнило сердце юноши; словно опьяненный, бѣжалъ онъ изъ толпы людской въ свою уединенную комнату, чтобы тамъ предаться мыслямъ о возлюбленной. Сладкій сонъ незамѣтно овладѣлъ имъ. Во снѣ внезапно представился ему Амуръ, державшій одною рукой спящую Беатриче, въ другой—его собственное пылающее сердце. Амуръ разбудилъ дѣвушку и далъ ей отвѣдать пылавшаго сердца. Проснувшись, Данте пишетъ сонетъ, въ которомъ разсказываетъ свое видѣніе. Это было первое поэтическое произведеніе, вызванное любовью его къ Беатриче. Чувство любви разгорается съ такою силой въ душѣ Данте подъ вліяніемъ привѣтствія Беатриче, что онъ не въ состояніи скрыть его отъ друзей; но онъ ревниво охраняетъ тайну имени своей возлюбленной и обманываетъ любопытныхъ, представляясь, что любитъ другую женщину. Злые языки распространяютъ о немъ дурные слухи, и Беатриче, встрѣтившись съ нимъ однажды, отказываетъ ему въ привѣтствіи, въ которомъ заключалось все его блаженство. Эта холодность такъ огорчаетъ Данте, что онъ удаляется отъ людей и въ уединеніи проливаетъ горькія слезы. Новое горе постигаетъ поэта. Онъ встрѣчается случайно на свадебномъ пиру съ Беатриче и теряетъ сознаніе при видѣ ея; она же безжалостно насмѣхается надъ его слабостью вмѣстѣ съ другими женщинами. Чувствуя себя отверженнымъ, Данте переживаетъ тяжелую борьбу. Любовь причиняетъ ему только страданія, и разсудокъ требуетъ, чтобы онъ подавилъ въ себѣ страсть къ Беатриче. Но у него не хватаетъ силъ на это. Мысли путаются въ его головѣ. Онъ колеблется между надеждой и отчаяніемъ, не знаетъ, что дѣлать. Онъ хочетъ высказать все своей возлюбленной и не находитъ словъ. Наконецъ, Данте рѣшается избѣгать Беатриче, но ея образъ возстаетъ въ его памяти, онъ забываетъ о пережитыхъ страданіяхъ и спѣшитъ взглянуть на нее, надѣясь исцѣлиться отъ своихъ мученій. Напрасная надежда! Трепетъ охватываетъ его душу, когда онъ поднимаетъ взоръ на возлюбленную, и сознаніе снова покидаетъ его. Лишенный своего единственнаго блаженства, благосклоннаго привѣта Беатриче, Данте находитъ

утѣшеніе въ томъ, что прославляетъ возлюбленную въ стихахъ. Но и этимъ призрачнымъ счастіемъ недолго суждено ему было наслаждаться. Смерть похищаетъ отца Беатриче. Мысль о бренности человѣческой жизни глубоко западаетъ въ сознаніе Данте и преслѣдуетъ его въ горячечномъ бреду: ему представляется, что Беатриче умерла, и онъ видитъ, какъ душа ея возносится на небо. Скоро должны были оправдаться мрачныя предчувствія Данте. Еще разъ лучъ блаженства озаряетъ его жизнь: онъ видитъ Беатриче. Вслѣдъ затѣмъ смерть навсегда похищаетъ ее (1290 г.).—Такова простая и трогательная исторія любви Данте и Беатриче. Она не богата разнообразіемъ фактовъ, яркими и сильными страстями. Но подъ этою скромною оболочкой скрывается возвышенное, идеальное чувство. Любовь Данте обращается въ восторженно-религіозный аффектъ. Женщина принимаетъ въ его поэзіи образъ ангела, она ведетъ человѣка къ добродѣтели, къ познанію Бога и къ вѣчному спасенію. Беатриче представляется Данте небеснымъ созданіемъ. Она не создана для земного міра, и небеса тоскуютъ по ней. Ангелы и святые молятъ Творца, чтобы онъ взялъ ее на небо, и самъ вѣчный Владыка горитъ желаніемъ призвать ее къ себѣ. Всѣми христіанскими добродѣтелями обладаетъ Беатриче. Она является противницей порока, царицей добродѣтели, владычицей блаженства. Любовь, пробуждаемая ея взглядомъ, улыбкой, привѣтствіемъ, облагораживаетъ человѣка и ведетъ его къ познанію Бога и къ вѣчному спасенію. Когда Беатриче проходитъ по улицѣ, ея взоръ поражаетъ холодомъ и страхомъ сердца порочныхъ людей. Ея привѣтствіе заставляетъ трепетать сердце и нѣмѣть языкъ. Всякій при видѣ ея опускаетъ лицо и блѣднѣетъ, не рѣшается поднять глаза и вздыхаетъ о своихъ грѣхахъ. Гнѣвъ и гордость бѣгутъ отъ нея, смиреніе нисходитъ на каждаго при ея приближеніи. „Когда являлась предо мною Беатриче,—пишетъ Данте,—у меня, въ надеждѣ на ея привѣтствіе, не оставалось ни одного врага; меня охватывало пламя христіанской любви, которая заставляла меня прощать каждому, кто меня обидѣлъ, и если бы въ ту минуту кто-нибудь обратился ко мнѣ съ вопросомъ, то мой отвѣтъ заключался бы лишь въ словѣ „любовь“, произнесенномъ съ смиреннымъ видомъ“. Такой любви, какой была любовь Данте къ Беатриче, чужда всякая мысль объ отвѣтномъ чувствѣ, всякая мысль объ обладаніи возлюбленною. Любовь Данте — возвышенно идеальное, неуловимо-тонкое чувство, разрѣшающееся вздохомъ, идущимъ отъ глубины души. Беатриче для него святыня. Его стремленія огра-

ничиваются желаніемъ видѣть ее, слышать ея голосъ. Ея привѣтствіе наполняетъ его душу невыразимымъ блаженствомъ, котораго онъ почти не въ силахъ вынести. Земное, смертное существо становится для Данте символомъ сверхчувственнаго вѣчнаго міра, красота Беатриче представляется ему отраженіемъ добродѣтели, на ней покоится отблескъ милосердія Божія, любовь къ ней порождаетъ любовь къ Богу, она сама является ея символомъ.

Любовь къ Беатриче составляетъ содержаніе душевной жизни Данте до 25-лѣтняго возраста. Ею опредѣляется первый періодъ его внутренняго развитія и поэтическаго творчества, выразившагося въ любовной лирикѣ. Эта эпоха отразилась въ юношескомъ произведеніи Данте Vita Nuova („Новая Жизнь"). По смерти Беатриче Данте собралъ лучшіе изъ своихъ сонетовъ и канцонъ и связалъ ихъ прозаическимъ повѣствованіемъ о своей любви. Кромѣ того, каждое стихотвореніе сопровождается толкованіемъ, состоящимъ въ логическомъ расчлененіи его съ цѣлью выясненія хода мысли. Такимъ образомъ возникла „Новая Жизнь", написанная, вѣроятно, въ 1292 или 1293 году.

Занятія философіей.

Смерть Беатриче знаменуетъ поворотный пунктъ въ жизни Данте. Юноша, всецѣло отдававшійся доселѣ любви, яснымъ дѣтскимъ взоромъ смотрѣвшій на міръ, въ которомъ онъ, въ силу непосредственнаго чувства, видѣлъ отраженіе величія и милосердія Божія, перерождается въ зрѣлаго мужа и посвящаетъ себя упорному научному труду, стараясь проникнуть въ тайны бытія. Смерть возлюбленной была тяжелымъ ударомъ для Данте. Цѣлый годъ провелъ онъ, неутѣшно скорбя по ней. Въ день годовщины ея смерти онъ сидитъ въ уединеніи и рисуетъ на табличкахъ ангела, вспоминаетъ о томъ, что Беатриче теперь на небѣ. Но молодость на время одерживаетъ верхъ надъ скорбью юноши. Однажды, погруженный въ воспоминанія о прошломъ, онъ поднимаетъ случайно свой взоръ и замѣчаетъ, что какая-то прекрасная женщина смотритъ на него изъ окна съ невыразимымъ состраданіемъ. Сочувствіе ея трогаетъ Данте. Истерзанный горемъ, онъ ищетъ утѣшенія въ созерцаніи сострадательной незнакомки, donna pietosa, какъ онъ ее называетъ. Незамѣтно любовь овладѣваетъ душой Данте. Лучъ надежды озаряетъ его мрачную жизнь. Можетъ быть, говоритъ ему голосъ сердца, найдешь ты успокоеніе въ любви этой женщины. Но воспоминаніе о Беатриче разсѣиваетъ мечты о новомъ счастіи, Данте упрекаетъ себя въ измѣнѣ памяти усопшей. Во снѣ является ему Беатриче, такъ, какъ онъ ее видѣлъ въ первый разъ, обле-

ченная въ одежду краснаго цвѣта. Видѣніе это заставляетъ Данте подавить въ себѣ любовь къ donna pietosa, и онъ снова предается скорби по умершей возлюбленной. Еще при жизни Беатриче все его счастіе заключалось въ томъ, чтобы прославлять ее въ стихахъ: и теперь, послѣ ея смерти, это должно составлять его единственное утѣшеніе. Но Данте не считаетъ себя достаточно подготовленнымъ къ тому, чтобы достойно восхвалять Беатриче. „Однажды,—пишетъ онъ,—явилось мнѣ чудесное видѣніе, которое заставило меня рѣшиться не говорить болѣе о благословенной до тѣхъ поръ, пока я не буду въ состояніи повѣдать о ней болѣе достойнымъ образомъ. И чтобы достигнуть этого, я работаю, сколько могу, какъ она, во-истину, знаетъ“. Любовь къ умершей Беатриче была такимъ образомъ стимуломъ, заставившимъ Данте обратиться къ научнымъ занятіямъ. Они должны были дать ему тотъ запасъ знаній, который онъ считалъ необходимымъ для достойнаго прославленія Беатриче. Съ другой стороны, Данте искалъ въ умственномъ трудѣ забвенія своихъ страданій. Онъ принялся за чтеніе книги Боэція De consolatione philosophiae и трактата Цицерона De amicitia, въ которомъ авторъ обращается съ словами утѣшенія къ Лелію, потерявшему своего друга Сципіона. Сначала нелегко было Данте проникнуть въ смыслъ этихъ сочиненій, но онъ преодолѣлъ всѣ трудности и нашелъ въ своихъ занятіяхъ больше, чѣмъ искалъ. „Подобно тому, какъ,—говоритъ Данте,—человѣкъ, искавшій серебра, находитъ иногда случайно золото, такъ и я нашелъ въ научныхъ занятіяхъ не только средство отъ своихъ слезъ, но и названія авторовъ, наукъ и книгъ, изученіе которыхъ привело меня къ убѣжденію, что философія, составляющая душу этихъ наукъ, книгъ и авторовъ,— великая вещь. И я началъ ходить туда, гдѣ она являлась въ своемъ истинномъ видѣ, въ монастырскія школы и на диспуты философовъ, и въ короткое время, приблизительно въ 30 мѣсяцевъ, такъ проникся ея сладостью, что любовь къ ней прогнала и уничтожила всякую другую мысль“.

Философія, представшая Данте въ своемъ „истинномъ видѣ“ въ монастырскихъ школахъ, носитъ названіе схоластики. Она стоитъ въ тѣсной связи съ богословіемъ. Философія, по выраженію Даміана,— ancilla theologiae. Средніе вѣка не знали свободы мысли. Человѣческому разуму была поставлена въ Божественномъ Откровеніи грань, которую онъ не смѣлъ переступить. Истины религіи, какъ онѣ изложены въ Священномъ Писаніи, являлись

въ средніе вѣка главнымъ предметомъ спекуляціи и представляли то неопровержимое и не подлежащее сомнѣнію основаніе, на которомъ покоилось зданіе богословской науки. Истины эти недоступны простому разсудку, онѣ могутъ быть постигнуты только при помощи благодати, исходящей отъ Бога, только вѣра можетъ дать человѣку пониманіе вѣчныхъ тайнъ Божества. Правда, богословы прибѣгаютъ къ философіи, но она является лишь въ качествѣ вспомогательной науки. Самостоятельная научная конструкція системы религіозныхъ вѣрованій на основаніи постулатовъ и выводовъ чистаго разума признается не только невозможною, но и нарушающею святость религіи. Философія можетъ разрѣшать лишь тѣ вопросы, которые не выходятъ изъ сферы, доступной человѣческому разуму, и представляютъ какъ бы преддверіе къ богословію (praeambula fidei); она должна раскрыть аналогію между догматами вѣры и выводами разума; наконецъ, она является въ рукахъ богослова необходимымъ орудіемъ для опроверженія доводовъ, приводимыхъ противниками религіи. Какъ скоро философія исходитъ изъ принциповъ, несогласныхъ съ смысломъ Св. Писанія, или принимаетъ только тѣ догматы, которые не противорѣчатъ человѣческому разуму, она признается лжеученіемъ. Философская спекуляція должна неизмѣнно покоиться на незыблемомъ основаніи религіозной истины: человѣческій разсудокъ слишкомъ слабъ для того, чтобы самостоятельно, безъ помощи вѣры, постигнуть великія тайны мірозданія. Высшая цѣль земной мудрости, философіи, заключается въ томъ, чтобы указать путь къ мудрости небесной, божественной, служить опорой богословію, которое представляетъ единственно-истинную науку. Исходя изъ подобнаго взгляда на отношеніе философіи къ богословію, средневѣковые схоластики ставили на первомъ мѣстѣ авторитетъ церкви. Изъ ученій древнихъ философовъ они извлекали только тѣ положенія, которыя не противорѣчили истинамъ христіанской религіи, все остальное или отвергалось, или перерабатывалось съ христіанской точки зрѣнія. Платоновская философія съ ея высокимъ идеализмомъ преимущественно соотвѣтствовала направленію средневѣковой мысли; но рѣшительное вліяніе на развитіе схоластики оказало знакомство съ Аристотелемъ при посредствѣ латинскихъ переводовъ и арабскихъ комментаторовъ. Въ произведеніяхъ Аристотеля средневѣковые философы-схоластики нашли богатую сокровищницу знаній классической древности, его сочиненія дали имъ образецъ той мощной діалектики, которая должна была явиться въ ихъ

рукахъ орудіемъ, направленнымъ на защиту догматовъ христіанской религіи; научный методъ великаго греческаго философа указалъ имъ путь къ приведенію въ стройную и послѣдовательную систему того богословскаго матеріала, который заключали въ себѣ творенія отцовъ церкви и первыхъ схоластиковъ, начиная съ Ансельма Кентербэрійскаго. Эта работа систематизаціи была завершена въ половинѣ XIII вѣка свв. Ѳомой Аквинскимъ и Бонавентурой. Въ ихъ лицѣ схоластика достигла высшей степени своего развитія.

Таковою была, въ общихъ чертахъ, средневѣковая философія. Данте, какъ мы уже выше замѣтили, находился подъ ея вліяніемъ. Въ его представленіи не существуетъ разлада между философіей и богословіемъ. Философія имѣетъ своимъ источникомъ Бога, въ которомъ заключается высшая премудрость, она является „прекраснѣйшею и достойнѣйшею уваженія дочерью Владыки вселенной и ведетъ человѣка къ познанію Всевышняго". Объясняя многое, что кажется непостижимымъ недисциплинированному разсудку, философія заставляетъ насъ притти къ тому выводу, что всякое чудо имѣетъ своимъ основаніемъ высшій разумъ и, слѣдовательно, можетъ существовать. Изъ этого убѣжденія беретъ начало наша вѣра, порождающая въ свою очередь надежду на будущую жизнь и христіанскую любовь. При помощи этихъ трехъ добродѣтелей человѣкъ возвышается до „философіи небесныхъ Аоинъ (богословія), въ которой стоики и перипатетики и эпикурейцы сходятся въ одномъ согласномъ стремленіи (къ познанію Бога), озаренные свѣтомъ вѣчной истины". Принявъ взглядъ схоластиковъ на значеніе философіи и на отношеніе ея къ богословію, Данте всецѣло усвоилъ себѣ и ихъ доктрины. Мы напрасно стали бы искать оригинальности въ его философіи. Онъ излагаетъ лишь теоріи Ѳомы Аквинскаго и Бонавентуры, видоизмѣняя ихъ въ незначительной степени. Аристотель, великій авторитетъ схоластической философіи, является и для Данте главнымъ источникомъ свѣтской науки. Онъ называетъ его славнымъ (glorioso) философомъ, передъ которымъ природа преимущественно раскрыла свои тайны, наставникомъ человѣческаго разума, maestro di color che sanno.

Философская поэзія Данте.

Философія представляла для Данте не исключительно теоретическій интересъ. Онъ отдался ея изученію всею своею пылкою и поэтическою душой. Его занятія философіей принимаютъ характеръ душевнаго аффекта. Научное стремленіе и любовь отожествляются

въ его представленіи, философія для него не простая спекуляція, а „любовное общеніе съ мудростью". Она явилась ему не мертвою наукой, но утѣшительницей въ томъ горѣ, которымъ его поразила смерть Беатриче. Этотъ элементъ личнаго чувства, внесенный Данте въ научныя занятія, является источникомъ вдохновенія во второй періодъ его поэтическаго творчества. Философія принимаетъ въ фантазіи Данте образъ женщины, обращается въ возлюбленную, которая приноситъ ему утѣшеніе по смерти Беатриче. Этотъ поэтическій образъ сливается съ реальною личностью donna pietosa, которая озарила на время лучемъ новой надежды и любви жизнь Данте послѣ того, какъ была похищена у него первая радость его души, Беатриче. Комбинація чувства земной любви и отвлеченной любви къ философіи, принявшей въ фантазіи поэта форму общечеловѣческаго аффекта, порождаетъ философскую лирику Данте. Въ ней отразились два фазиса душевной жизни поэта по смерти Беатриче: его отношенія къ donna pietosa и исторія его занятій философіей. Соединивъ въ одномъ образѣ „сострадательную даму" и олицетворенную философію, Данте изображаетъ въ двухъ канцонахъ, какъ любовь къ умершей Беатриче смѣняется новою любовью, рисуетъ борьбу, происходящую въ его душѣ между чувствомъ вѣрности по отношенію къ усопшей и вновь охватившей его страстью. Послѣдняя одерживаетъ побѣду, и борьба разрѣшается восторженнымъ гимномъ, восхваляющимъ новую возлюбленную, которая представляетъ аллегорическое соединеніе „сострадательной дамы" и философіи. Современнаго читателя, воспитаннаго исключительно на поэзіи новаго времени, поразитъ на первый взглядъ искусственность философскихъ канцонъ Данте. Ему представится несообразнымъ соединеніе въ одномъ поэтическомъ образѣ реальной женщины и олицетворенной философіи. Средніе вѣка иначе смотрѣли на поэзію, и въ данномъ отношеніи Данте, какъ и всюду, является сыномъ своего времени. Поэтическія творенія представляютъ, по его теоріи, двоякій смыслъ: буквальный и аллегорическій. Подъ буквальнымъ Данте разумѣетъ смыслъ, заключающійся въ фабулѣ самой по себѣ, подъ аллегорическимъ — тотъ, „который скрытъ подъ покровомъ фабулы и представляетъ истину, облеченную въ форму прекраснаго вымысла". Тотъ и другой смыслъ, соединенные въ одномъ поэтическомъ произведеніи, не исключаютъ другъ друга. Данте поясняетъ это на примѣрѣ библейскаго стиха: съ исходомъ Израиля изъ Египта Іудея стала святою и свободною. „Хотя, — говоритъ онъ, — этотъ фактъ, по-

нимаемый въ буквальномъ смыслѣ, представляетъ историческую истину, тѣмъ не менѣе справедливо и то, что аллегорически разумѣется подъ нимъ: именно, что душа, освободившись отъ грѣха, становится святой и свободной“. Подобно тому, и въ канцонахъ Данте „сострадательная дама“ и олицетворенная философія имѣютъ, каждая, самостоятельное значеніе и не исключаютъ другъ друга, несмотря на то, что онѣ соединены въ одномъ аллегорическомъ образѣ. Помимо двухъ упомянутыхъ стихотвореній, представляющихъ автобіографическій интересъ, Данте написалъ еще 12 канцонъ философскаго содержанія, въ которыхъ онъ касается вопросовъ справедливости, благородства, скупости, щедрости и т. п. Однѣ изъ этихъ канцонъ облечены, какъ и первыя двѣ, посвященныя прославленію философіи, въ аллегорическую форму, другія, именно канцоны нравоучительныя, какова, напримѣръ, канцона о благородствѣ, написаны въ формѣ сухихъ схоластическихъ разсужденій.

Пиръ. Философская лирика Данте обращалась не столько къ чувству, сколько къ уму читателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ аллегорическія канцоны должны были остаться непонятными человѣку, не посвященному въ замыслы автора. Это побудило Данте составить къ своимъ канцонамъ ученый комментарій. Но ему удалось исполнить лишь отчасти свой первоначальный планъ: изъ 14 философскихъ стихотвореній онъ комментировалъ только три. Комментарій, носящій названіе Convivio (Пиръ), долженъ былъ прежде всего раскрыть смыслъ философско-аллегорическихъ канцонъ, которыя на первый взглядъ могли представиться читателю не болѣе, какъ произведеніями любовной лирики въ родѣ сонетовъ Vita Nuova. Но на ряду съ этимъ Данте преслѣдовалъ другую, болѣе возвышенную цѣль. Онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что человѣкъ, обладающій знаніемъ, обязанъ сообщать его другимъ. Руководствуясь этимъ принципомъ, Данте изложилъ въ Convivio тѣ научныя и философскія свѣдѣнія, которыя онъ пріобрѣлъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, начиная съ того времени, когда онъ впервые сталъ посѣщать по смерти Беатриче монастырскія школы и диспуты философовъ. Такимъ образомъ комментарій къ философскимъ канцонамъ разросся подъ перомъ Данте въ обширную научную энциклопедію. Вопросы богословскіе, метафизическіе, политическіе, нравственные, естественно-историческіе подвергаются здѣсь всестороннему обсужденію. Всецѣло владѣя аппаратомъ схоластической учености, Данте трактуетъ о Богѣ, о Христѣ, о дарахъ св. Духа, объ ангелахъ, о созерца-

тельной жизни и о вѣчномъ блаженствѣ; онъ излагаетъ мнѣнія философовъ древности и среднихъ вѣковъ о душѣ, о разумѣ, о назначеніи человѣка и о земномъ счастіи; передъ нами развивается теорія императорской власти, которая впослѣдствіи облечется въ законченную систему въ трактатѣ De Monarchia; нравственные вопросы объ истинномъ благородствѣ, скупости и т. п. чередуются съ разсужденіями о природѣ и съ изысканіями въ области астрономіи и физики. Вся эта масса научнаго матеріала не приведена въ систематическую связь. Данте произвольно переходитъ отъ одного вопроса къ другому, руководствуясь лишь послѣдовательностью стиховъ и отдѣльныхъ словъ комментируемыхъ канцонъ. Стоило бы только привести въ систему разрозненный матеріалъ, заключающійся въ Convivio, и мы имѣли бы въ немъ энциклопедію средневѣкового знанія, подобную тѣмъ, которыми былъ такъ богатъ XIII вѣкъ. Но Convivio Данте существеннымъ образомъ отличается отъ аналогичныхъ произведеній его предшественниковъ въ этой области. Энциклопедіи Викентія Бовэскаго и другихъ были написаны на латинскомъ языкѣ и являлись доступными лишь немногимъ ученымъ. Данте пишетъ Convivio на итальянскомъ языкѣ и выводитъ такимъ образомъ средневѣковую науку и философію изъ тѣсной монастырской ограды и стѣнъ университетовъ, дѣлая ихъ достояніемъ широкаго круга читателей. „Я пишу, — говоритъ Данте, — не для ученыхъ, а для тѣхъ, которые обладаютъ благородствомъ души, для князей, бароновъ, рыцарей и многихъ другихъ благородныхъ людей и притомъ не только для мужчинъ, но и для женщинъ“. Данте ясно сознавалъ великое культурное значеніе популяризаціи науки и ту важную роль, которую въ ней играетъ народный языкъ. Онъ заключаетъ первый трактатъ Convivio слѣдующими пророческими словами: „Мой комментарій (написанный на итальянскомъ языкѣ) будетъ тѣмъ ячменнымъ хлѣбомъ, которымъ насытятся тысячи людей, а у меня все-таки останутся полныя корзины. Онъ будетъ новымъ свѣтомъ, новымъ солнцемъ, которое взойдетъ, когда закатится старое, и принесетъ свѣтъ тѣмъ, которые погружены въ мракъ вслѣдствіе того, что имъ не свѣтитъ старое солнце“.

Политическая жизнь Флоренціи.

Данте было болѣе сорока лѣтъ отъ роду, когда онъ прервалъ свою работу надъ Convivio (прибл. въ 1308 г.). За нимъ лежала жизнь, полная тревогъ и разнообразныхъ событій. Поглощенный литературными и научными занятіями, онъ не оставался чуждымъ міру дѣйствительности и принималъ дѣятельное участіе въ полити-

ческой жизни своего родного города. Въ ранней молодости онъ участвовалъ въ походахъ, предпринятыхъ флорентинцами противъ города Ареццо, стоявшаго на сторонѣ гибеллинской партіи. Въ битвѣ при Кампалдино (1289 г.), въ которой аретинцы потерпѣли рѣшительное пораженіе, Данте сражался на конѣ въ первыхъ рядахъ флорентинскаго войска. Въ томъ же году онъ совершилъ походъ противъ пизанской крѣпости Капроны и былъ очевидцемъ ея сдачи. Послуживъ въ юности отечеству на полѣ битвы, Данте, съ достиженіемъ законнаго возраста, выступаетъ на поприщѣ политической дѣятельности. Въ 1296 г. онъ впервые принимаетъ участіе въ управленіи городомъ въ качествѣ члена Совѣта Ста. Четыре года спустя онъ засѣдаетъ въ коллегіи 6 пріоровъ, высшемъ правительственномъ учрежденіи Флоренціи. Пріоратъ Данте, продолжавшійся отъ 15 декабря 1300 г. до 15 февраля 1301 г., совпадаетъ съ одною изъ самыхъ бурныхъ эпохъ въ исторіи Флоренціи. Италія въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка представляла зрѣлище непрерывной и ожесточенной борьбы политическихъ партій, въ развитіи которой можно прослѣдить нѣсколько фазисовъ. Въ XII вѣкѣ великая борьба между германскими императорами и папами раздѣлила Италію на два враждебныхъ лагеря: гибеллиновъ и гвельфовъ. Съ возникновеніемъ и развитіемъ городскихъ общинъ (коммунъ) руководящіе принципы этихъ партій попрежнему опредѣляютъ политическія комбинаціи на Апенинскомъ полуостровѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣдрахъ городовъ нарождается новое могучее теченіе, знаменующее въ муниципальномъ развитіи рѣшительный поворотъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. На ряду съ феодальнымъ рыцарствомъ, переселившимся въ города изъ своихъ укрѣпленныхъ замковъ, становятся промышленные городскіе классы, которые стремятся вырвать власть изъ рукъ аристократіи. Возникающая на этой почвѣ политическая и соціально-экономическая борьба ведетъ къ образованію въ средней Италіи демократическихъ республикъ. Передъ новымъ историческимъ движеніемъ старыя партіи гибеллиновъ и гвельфовъ отступаютъ на задній планъ; но, въ силу традиціи, къ ихъ именамъ пріурочиваются стремленія аристократіи и буржуазіи. Таковы были главные элементы броженія, охватившаго итальянскія коммуны. Если присоединить сюда борьбу династическихъ, фамильныхъ и личныхъ интересовъ, то мы будемъ имѣть полную картину того политическаго хаоса, въ который были погружены города Италіи въ эпоху Данте. Флоренція пережила всѣ фазисы борьбы, раздиравшей Италію въ продолженіе нѣсколь-

кихъ вѣковъ и обратившей ее „изъ владычицы провинцій“ въ „жалкую рабу“. Въ 1267 году народная гвельфская партія одержала рѣшительную побѣду надъ гибеллинскою аристократіей. Сплотившаяся буржуазія рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ дала прочную организацію демократическому строю города. Правленіе было основано на представительствѣ городскихъ цеховъ въ лицѣ 6 пріоровъ, избиравшихся на два мѣсяца и составлявшихъ высшую законодательную и правительственную коллегію, которая носила названіе синьоріи. На ряду съ синьоріей стояли многочисленныя народныя собранія, черезъ которыя должны были проходить предложенія пріоровъ для того, чтобы получить законодательную силу. Демократическій строй Флоренціи получилъ завершеніе въ реформѣ Джіано делла Белла, въ такъ называемыхъ Ordinamenti della giustizia (1294 г.), въ силу которыхъ представители аристократіи лишились права занимать правительственныя должности. Несмотря, однако, на всѣ эти постановленія, гибеллинская аристократія не была сломлена. Она продолжала бороться за свое существованіе. Съ другой стороны, въ гвельфской народной партіи произошелъ расколъ. Исходнымъ пунктомъ послужили частные раздоры двухъ могущественныхъ флорентинскихъ фамилій, Донати и Черки. Но вскорѣ семейная вражда разрослась въ политическую борьбу, которая пріобрѣла новую силу, когда въ 1300 г. Флоренція была вовлечена въ раздоры города Пистои, гдѣ боролись между собою двѣ вѣтви фамиліи Канчельери, принявшія имена „бѣлыхъ“ и „черныхъ“. Борьба этихъ партій перешла во Флоренцію. Донати примкнули къ чернымъ, Черки къ бѣлымъ, и весь городъ распался на два враждебныхъ лагеря. Неминуемо угрожала Флоренціи междоусобная война. Въ виду этой опасности синьорія рѣшилась обратиться съ просьбой о посредничествѣ къ папѣ Бонифацію VIII. Бонифацій давно уже обращалъ свои алчные взоры на Тоскану и Флоренцію и поспѣшилъ поэтому воспользоваться представившимся ему случаемъ вмѣшаться въ флорентинскія дѣла. Въ іюнѣ 1300 года онъ отправилъ во Флоренцію въ качествѣ посредника кардинала Маттео д'Акваспарта. Миссія его, однако, не имѣла успѣха. Синьорія бѣлыхъ, державшихъ въ то время власть въ своихъ рукахъ, отказалась, изъ боязни захватовъ со стороны папы, предоставить Акваспартѣ полномочія, которыхъ онъ требовалъ, и кардиналъ принужденъ былъ удалиться изъ города, ничего не сдѣлавъ для его умиротворенія. Долго сдерживаемыя политическія страсти разразились, наконецъ, уличнымъ столкновеніемъ бѣлыхъ и черныхъ, въ декабрѣ 1300 г. Черные,

потерпѣвъ пораженіе и боясь рѣшительнаго превозобладанія партіи бѣлыхъ, собрались на тайное совѣщаніе въ церкви св. Троицы и отправили пословъ къ Бонифацію съ просьбой прислать имъ на помощь брата Филиппа Прекраснаго, Карла Валуа, съ которымъ папа уже нѣсколько времени находился въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Это рѣшеніе противной партіи не осталось тайной для бѣлыхъ, и синьорія, въ числѣ членовъ которой находился въ то время Данте, постановила пресѣчь рѣшительными мѣрами сношенія черныхъ съ папой и предупредить вмѣшательство французскаго принца въ дѣла города. Глава черныхъ Корсо Донати былъ осужденъ на смерть, остальные выдающіеся представители партіи были изгнаны изъ города. Но всѣ мѣры предосторожности оказались напрасными. Чернымъ удалось снестись съ Бонифаціемъ, и 1 ноября 1301 г. Карлъ Валуа вошелъ съ торжествомъ во Флоренцію, въ качествѣ уполномоченнаго папой „умиротворителя".

Нѣсколько дней спустя Карлъ потребовалъ, чтобы ему была предоставлена власть надъ городомъ и охрана его. Общее собраніе всѣхъ органовъ правленія, созванное въ церкви Santa Maria Novella, согласилось на требованіе французскаго принца, положившись на его обѣщаніе соблюдать миръ. Но Карлъ не замедлилъ нарушить свое слово. Онъ вооружилъ своихъ людей, и въ тотъ же день осужденный на смерть Корсо Донати вторгся во Флоренцію съ толпой приверженцевъ. Городъ и окрестности были преданы разграбленію, синьорія бѣлыхъ свержена и всѣ правительственныя должности замѣщены черными. Партія бѣлыхъ понесла, такимъ образомъ, рѣшительное пораженіе, и представители ея подверглись безпощадному преслѣдованію. Въ теченіе 1302 г. около 600 человѣкъ было осуждено отчасти на смерть, отчасти на изгнаніе. Въ числѣ осужденныхъ находился и Данте. Черные, дѣйствовавшіе въ союзѣ съ Бонифаціемъ, не могли простить ему его антипапской политики. Было выставлено на видъ сопротивленіе Данте призванію Карла Валуа въ декабрѣ 1300 г. и изгнаніе черныхъ; припомнили, что онъ нѣсколько разъ въ теченіе своей политической дѣятельности высказывался противъ дарованія денежныхъ субсидій неаполитанскому королю Карлу Анжуйскому, припомнили, что онъ 19 іюня 1301 года въ Совѣтѣ Ста подалъ голосъ противъ предложенія предоставить Бонифацію вспомогательный отрядъ въ 100 человѣкъ.

Изгнаніе Данте.

Сопротивленіе папѣ, Карлу Анжуйскому и нарушеніе мира города были главными пунктами обвинительнаго акта 27 января 1302 года, которымъ Данте осуждался на изгнаніе. Изгнанные изъ

Флоренціи, бѣлые вступили въ союзъ съ тосканскими гибеллинами. Къ нимъ примкнулъ и Данте. Союзники нѣсколько разъ пытались съ помощью вооруженной силы возвратиться въ родной городъ и вернуть потерянную власть. Но всѣ попытки окончились неудачей. Еще за нѣсколько времени до рѣшительнаго пораженія бѣлыхъ и гибеллиновъ, въ іюлѣ 1304 года, Данте, вслѣдствіе возникшихъ разногласій, разстался съ своими товарищами по изгнанію и „образовалъ партію—самъ для себя". Для него настала тяжелая жизнь непрерывныхъ скитаній, полная бѣдствій и униженій. Ему пришлось испытать, „какъ горекъ чужой хлѣбъ и какъ тяжело всходить по лѣстницамъ чужихъ домовъ". „Съ тѣхъ поръ какъ,—пишетъ Данте,—угодно было гражданамъ прекраснѣйшей и славнѣйшей дочери Рима, Флоренціи, изгнать меня изъ своего лона, въ коемъ я родился и жилъ до зрѣлыхъ лѣтъ и въ коемъ я желаю отъ всего сердца отдохнуть усталою душой и окончить дни, которые мнѣ дано прожить, съ тѣхъ поръ я, скитаясь и почти нищенствуя, обошелъ почти всѣ страны, гдѣ звучитъ итальянскій языкъ. Воистину я былъ челномъ безъ паруса и руля, который вѣтеръ заносилъ въ различныя гавани и бухты и прибивалъ къ различнымъ берегамъ".

Отдѣлившись отъ бѣлыхъ въ концѣ 1302 или въ началѣ 1303 года, Данте направляется въ Верону. Здѣсь онъ нашелъ „первое убѣжище и пріютъ" у „великаго ломбардца" Бартоломео делла Скала, до смерти котораго онъ оставался въ Веронѣ (1304 г.). Затѣмъ мы находимъ его въ университетскихъ городахъ Болоньѣ (1304—1306) и Падуѣ (лѣто 1306 г.) и въ области Луниджіанѣ, при дворѣ маркиза Маласпины (осень 1306 г.). Судьба занесла Данте въ его скитаніяхъ и за предѣлы, „до которыхъ простирается итальянскій языкъ". Между 1307 и 1310 годами онъ находился въ Парижѣ. Здѣсь застала его вѣсть о походѣ, предпринятомъ въ Италію новымъ германскимъ императоромъ Генрихомъ VII Люксембургскимъ. Снова пробудилась въ Данте утраченная послѣ пораженія бѣлыхъ и гибеллиновъ надежда на возвращеніе изъ изгнанія во Флоренцію. Личные расчеты соединились съ восторженнымъ поклоненіемъ императору, какъ представителю великой политической идеи.

Мы уже имѣли случай указать на антипапскій образъ мыслей Данте, выразившійся въ его политической дѣятельности. По семейнымъ традиціямъ и первоначальнымъ своимъ убѣжденіямъ Данте принадлежалъ къ гвельфской партіи, но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ занятій исторіей и наблюденій надъ современнымъ ему положеніемъ дѣлъ въ Италіи, онъ измѣнилъ свои политическія воз-

зрѣнія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его дѣйствія въ 1300 и 1301 году. Не порывая съ гвельфскою партіей бѣлыхъ, Данте начинаетъ склоняться на сторону гибеллиновъ. Онъ открыто присоединяется къ нимъ послѣ своего изгнанія изъ Флоренціи, и въ Convivio, законченномъ незадолго до похода Генриха VII, мы находимъ уже теоретическую формулировку воззрѣній Данте на императорскую власть. Универсальная монархія, какъ ее понимали средніе вѣка, представляется Данте единственнымъ исходомъ изъ того хаоса внутреннихъ смутъ и раздоровъ, въ который была погружена Италія. Римскій императоръ — помазанникъ и избранникъ Бога, призванный водворить миръ, необходимый для благоденствія человѣчества. Исходя изъ этихъ воззрѣній, Данте смотрѣлъ на Генриха, какъ на избавителя Италіи. Онъ спѣшитъ изъ Парижа, чтобы лично привѣтствовать императора и прильнуть устами къ его ногамъ. „Душа моя возликовала,—пишетъ онъ,—и я сказалъ самому себѣ: Ecce Agnus Dei, ecce qui abstulit peccata mundi". Полный надеждъ и восторга, Данте обращается съ посланіемъ ко всѣмъ царямъ, вождямъ и народамъ Италіи, возвѣщая имъ, что занялась заря мира. Восходитъ солнцо, лучи котораго воскресятъ справедливость. Господь послалъ новаго Моисея, который спасетъ народъ свой изъ плѣна Египетскаго и поведетъ его въ страну, гдѣ течетъ млеко и модъ. Пусть всѣ покорятся императору,. ибо противящійся его власти противится Богу. Воззваніе Данте осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, политическіе идеалы его разбились объ историческую дѣйствительность. Итальянскіе города были далеки отъ того, чтобы прекратить свои раздоры и покорно сложить оружіе при появленіи императора. Въ Ломбардіи Генрихъ на первыхъ же шагахъ встрѣтилъ жестокое сопротивленіе. Флоренція готовилась дать рѣшительный отпоръ; отсюда исходила, главнымъ образомъ, агитація противъ Генриха. Возмущенный положеніемъ, которое заняли его согражданe, Данте обратился съ грознымъ посланіемъ къ „преступнымъ флорентинцамъ" (31 марта 1311 г.). Въ немъ онъ снова указываетъ на божественное происхожденіе власти римскаго императора, на его призваніе установить миръ и истинную свободу и предрекаетъ флорентинцамъ, что имъ не помогутъ ихъ стѣны, когда налетитъ царственный орелъ. Поздно тогда будетъ раскаиваться, и вмѣсто прощенія они получатъ достойное возмездіе. Между тѣмъ Генрихъ медлилъ въ Ломбардіи, стараясь сломить сопротивленіе непокорныхъ городовъ. Данте видѣлъ въ этомъ крупную ошибку. Онъ былъ убѣжденъ, что всѣ усилія императора останутся

тицетными, пока онъ не смиритъ Флоренціи. Одушевленный рвеніемъ къ священному дѣлу имперіи, Данте рѣшился раскрыть Генриху глаза. Въ письмѣ, обращенномъ къ нему (18 апрѣля 1311 г.), онъ напоминаетъ Генриху о его высокомъ призваніи и упрекаетъ въ медлительности. „Ты дѣлаешь крупную ошибку,—пишетъ Данте,—теряя время въ сѣверной Италіи. Напрасный трудъ обрубать головы гидры. Возстаніе, усмиренное въ Кремонѣ, вспыхнетъ снова въ другихъ городахъ. Необходимо уничтожить зло въ корнѣ. Неужели ты не видишь съ своей высоты, гдѣ спряталась вонючая лиса, въ безопасности отъ охотниковъ? Не изъ стремительнаго Падуса пьетъ она, преступная, не изъ твоего Тибра, но волны рѣки Сарна оскверняетъ до сихъ поръ ея морда, и Флоренціей называется (неужели ты этого не знаешь?) сія ужасная язва. Порази новаго Голіаоа, и страхъ объемлетъ тогда лагерь филистимлянъ (враждебные Генриху города Италіи), обратятся въ бѣгство филистимляне, освобожденъ будетъ Израиль (Италія), и желанный миръ возвратится“. Цѣлый годъ прошелъ, пока, наконецъ, не суждено было исполниться желаніямъ Данте. Принявъ императорскую корону въ Римѣ (іюнь 1812 г.), Генрихъ осадилъ Флоренцію. Но онъ потерпѣлъ полную неудачу и долженъ былъ удалиться въ Пизу. Во время приготовленій къ походу противъ Роберта Неаполитанскаго смерть похитила императора въ Буонконвенто, 24 августа 1314 года. Со смертью Генриха рушились всѣ личныя надежды Данте. Онъ не могъ болѣе и думать о возвращеніи въ родной городъ. Его письма возбудили негодованіе согражданъ, и постановленіемъ синьоріи 2 сентября 1311 г. былъ возобновленъ приговоръ, осуждавшій его на изгнаніе. Но жизненныя неудачи не сломили политическихъ убѣжденій Данте. Несмотря на всѣ пораженія, понесенныя Генрихомъ, онъ не отрекся отъ идеала универсальной монархіи. Всецѣло поглощенный своею политическою теоріей, Данте не понималъ исторической дѣйствительности. Въ теченіе XIII вѣка произошло обособленіе національностей, и идея вселенской монархіи должна была пасть сама собою. Политическіе идеалы среднихъ вѣковъ отошли уже въ вѣчность, но Данте вѣрилъ въ ихъ абсолютную истину и надѣялся, что священная римская имперія воскреснетъ рано или поздно во всемъ своемъ блескѣ. Съ появленіемъ Генриха въ Италіи всѣ его надежды сосредоточились на немъ, и когда императоръ погибъ безвременною смертью, не достигнувъ своей цѣли, Данте утѣшалъ себя тою мыслью, что не настало еще время политическаго искупленія человѣчества, что Генрихъ пришелъ слишкомъ рано.

Трактатъ о монархіи.

Мы видѣли, какъ Данте во время похода Генриха старался своими посланіями повліять на ходъ событій. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ политическихъ письмахъ онъ высказывалъ свои воззрѣнія на монархію; но они являлись здѣсь разбросанными, и Данте счелъ нужнымъ привести ихъ въ строгую научную систему, въ назиданіе человѣчеству. Такимъ образомъ возникъ трактатъ De Monarchia, представляющій теоретическую конструкцію того политическаго строя, который Данте считалъ единственно закономѣрнымъ и соотвѣтствующимъ Божественной волѣ. Три положенія лежатъ въ основаніи политической теоріи Данте: монархія необходима для благоденствія человѣчества, римскій народъ по праву является носителемъ монархическаго принципа, авторитетъ монархіи исходитъ непосредственно отъ Бога, а не отъ папы. Только въ монархіи могутъ найти осуществленіе миръ, свобода и справедливость, составляющія основаніе человѣческаго благоденствія. Но универсальная власть императора не исключаетъ самостоятельности отдѣльныхъ народовъ и государствъ. Данте признаетъ національныя различія. Дѣла какой-нибудь маленькой общины не могутъ быть рѣшаемы непосредственно императоромъ. Его власть должна проявляться лишь въ установленіи общаго, верховнаго закона, объединяющаго человѣчество. „Если бросить взглядъ,—заключаетъ Данте,—на положеніе людей со времени грѣхопаденія прародителей нашихъ, то мы найдемъ, что міръ пользовался спокойствіемъ и счастьемъ только при Августѣ, когда существовала совершенная монархія. Носителемъ ея, по праву, является римскій народъ. Это избранный народъ Божій. Цѣлымъ рядомъ чудесъ Всевышній содѣйствовалъ росту римскаго государства, предотвращая грозившія ему опасности. Войны, которыя римляне вели за обладаніе міромъ, представляютъ судъ Божій (duellum), побѣды, одержанныя ими надъ врагами, являются выраженіемъ Божественной воли. Наконецъ, Христосъ подтвердилъ правомѣрность мірового владычества Рима. Онъ родился въ тотъ годъ, когда Августъ постановилъ переписать весь родъ человѣческій, и этимъ санкціонировалъ власть римскаго императора надъ вселенною“. Далѣе Данте переходитъ къ коренному вопросу своей политической теоріи, къ вопросу объ отношеніи свѣтской и духовной власти. Онъ выставляетъ принципъ независимости монархіи отъ римской куріи. Въ своей борьбѣ съ германскими императорами за первенство власти римскіе первосвященники приводили библейскія и евангельскія изреченія и факты исторіи въ подтвержденіе правомѣрности

папскаго супремата. Еще въ XI вѣкѣ Григорій VII, въ своихъ письмахъ, ссылался на повѣствованіе книги Бытія о сотвореніи Богомъ солнца и луны. Небесныя свѣтила представляютъ, по его толкованію, духовную и свѣтскую власть, и, подобно лунѣ, заимствующей свѣтъ отъ солнца, императорская власть получаетъ свой авторитетъ отъ папской. Данте опровергаетъ этотъ аргументъ, указывая на то, что луна имѣетъ собственный блескъ: солнце даетъ ей лишь избытокъ своего сіянія. Такъ и власть императора получаетъ отъ папы не свою силу, а только пастырское благословеніе. Въ подтвержденіе своего права на свѣтскую власть папы указывали на такъ называемый даръ Константина. Данте, подобно своимъ современникамъ, не сомнѣвается въ истинѣ этого факта, но доказываетъ, что императоръ не имѣлъ права отказаться въ пользу папы отъ части своихъ владѣній, такъ какъ онъ нарушилъ такимъ образомъ цѣлость имперіи, которую призванъ былъ блюсти. Съ другой стороны, и папа не долженъ былъ принять предлагаемый ему даръ, ибо Христосъ запрещаетъ церкви владѣть земными сокровищами. Опровергнувъ всѣ аргументы противниковъ, Данте приводитъ положительныя доказательства въ пользу независимости императорской власти отъ папской. Римская имперія, говоритъ онъ, существовала, какъ закономѣрный политическій строй, подтвержденный Христомъ, до основанія церкви. Свѣтская власть церкви противорѣчитъ ея сущности. Назначеніе церкви—подражаніе жизни Христа, Христосъ же передъ лицомъ Пилата отклонилъ отъ себя земную власть словами: Царствіе Мое не отъ міра сего. На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій Данте считаетъ доказаннымъ, что авторитетъ монархіи не зависитъ отъ папы. Изъ этого слѣдуетъ, что императорская власть имѣетъ своимъ источникомъ Бога. Императоръ такъ же, какъ и папа, является самостоятельнымъ факторомъ въ міровомъ строѣ, необходимымъ для осуществленія предопредѣленій Бога. Человѣку, соотвѣтственно двойственности его природы, поставлена двоякая цѣль: земное и вѣчное блаженство. Первое заключается въ добродѣтельной жизни, второе—въ созерцаніи Божества. Страсти (cupiditas) заставили бы человѣка забыть поставленныя ему цѣли, если бы его не удерживало на истинномъ пути руководительство папы и императора. Первый ведетъ родъ человѣческій, согласно Откровенію, къ вѣчной жизни; второй, согласно философскимъ доктринамъ,—къ земному блаженству. Онъ заботится объ установленіи мира, необходимаго для достиженія этой цѣли. Но такъ какъ земля создана по об-

разу неба, то императоръ для того, чтобы онъ былъ въ состоянiи исполнить возложенную на него задачу, долженъ быть назначаемъ создателемъ неба, Богомъ, который и направляетъ его дѣйствiя. Установивъ независимость императорской власти отъ папской, Данте, однако, оговаривается, что это положенiе не должно понимать въ томъ смыслѣ, что римскiй императоръ ни въ какомъ отношенiи не стоитъ ниже римскаго первосвященника. Небесное блаженство превосходитъ земное, и поэтому Кесарь долженъ относиться къ Петру съ почтительностью сына.

Идея Божественной Комедiи.

Трактатъ De Monarchia былъ написанъ въ послѣднiе годы жизни Данте, когда онъ работалъ надъ третьей частью Божественной Комедiи. Основная идея этой поэмы еще въ молодости зародилась въ Данте. Читатель помнитъ повѣствованiе „Новой Жизни" о томъ чудесномъ видѣнiи, которое заставило Данте рѣшиться ничего болѣе не говорить о своей умершей возлюбленной до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ въ состоянiи прославить ее болѣе достойнымъ образомъ. Данте исполнилъ данный имъ обѣтъ: Божественная Комедiя представляетъ апоѳеозъ Беатриче. Мы видѣли, какъ въ канцонахъ Convivio философiя приняла образъ „сострадательной дамы", принесшей поэту утѣшенiе по смерти первой возлюбленной: подобно тому, и Беатриче обращается въ символъ Божественной благодати и богословiя. Этотъ символическiй образъ составляетъ, такъ сказать, душу Божественной Комедiи, представляющей конечный результатъ духовнаго развитiя Данте и плодъ научнаго труда всей его жизни. Философiю, изученiю которой онъ предался по смерти Беатриче, смѣнило богословiе. Оно составляло краеугольный камень науки того времени, его духомъ было проникнуто все средневѣковое мiросозерцанiе. Изученiемъ богословiя завершился такимъ образомъ кругъ духовнаго развитiя Данте. Онъ воспринялъ всѣ культурные элементы своей эпохи. Божественная Комедiя явилась ея совершеннѣйшимъ отраженiемъ.

Данте самъ далъ намъ ключъ къ пониманiю своей поэмы въ письмѣ, въ которомъ онъ посвящаетъ третью часть Божественной Комедiи правителю Вероны, Канъ Гранде делла Скáла. Согласно этому письму, въ основанiи поэмы лежитъ религiозно-нравственная идея о возмездiи, которое получитъ человѣкъ по смерти сообразно своимъ добрымъ или дурнымъ дѣламъ. Данте хочетъ показать людямъ, какимъ образомъ они могутъ выйти изъ состоянiя грѣховности и достигнуть вѣчнаго блаженства. Съ этою цѣлью онъ изображаетъ въ своей поэмѣ внутреннiй процессъ нравственнаго

очищенія и перерожденія человѣка, въ формѣ аллегорическаго странствія своего по загробному міру, въ сопровожденіи Виргилія и Беатриче.

Содержаніе Божественной Комедіи.

Божественная Комедія начинается разсказомъ о томъ, какъ Данте на полпути человѣческой жизни, при переходѣ изъ юношескихъ лѣтъ въ зрѣлый возрастъ, заблудился въ темномъ лѣсу. Онъ не можетъ припомнить, какимъ образомъ онъ туда попалъ, такъ какъ сонъ овладѣлъ имъ въ ту минуту, когда онъ сбился съ истиннаго пути. При выходѣ изъ лѣсистой долины взорамъ его представляется холмъ, освѣщенный лучами солнца, и страхъ, охватившій его душу, нѣсколько ослабѣваетъ. Данте начинаетъ подниматься въ гору, какъ вдругъ три дикихъ звѣря преграждаютъ ему дорогу. Выбѣгаетъ легкая и проворная пантера. Данте нѣсколько разъ хочетъ повернуть назадъ, но раннее утро и весенняя погода ободряютъ его, и онъ продолжаетъ свой путь. Новый ужасъ наводятъ на него левъ и волчица. Онъ теряетъ надежду взойти на холмъ и возвращается въ лѣсъ. Оттуда выходитъ ему навстрѣчу Виргилій. Данте обращается къ нему съ просьбой защитить его отъ волчицы. Виргилій отвѣчаетъ, что онъ долженъ измѣнить свой путь, если хочетъ выйти изъ лѣсу. Волчица никого не пропускаетъ живымъ. Она совокупляется со многими звѣрями, и велики бѣдствія, ею причиняемыя. Она будетъ производить опустошенія до тѣхъ поръ, пока не придетъ борзой песъ, который прогонитъ ее въ адъ, откуда выслалъ ее первый завистникъ. Чтобы достигнуть спасенія, Данте долженъ послѣдовать за нимъ. „Я поведу тебя, говоритъ Виргилій, по вѣчной обители (адъ), гдѣ ты услышишь крики отчаянія, увидишь муки, претерпѣваемыя душами грѣшниковъ, изъ которыхъ каждый съ воплемъ проклинаетъ ихъ. Ты увидишь затѣмъ тѣхъ, которые довольны въ огнѣ (чистилища), такъ какъ они надѣются, когда бы то ни было, вознестись къ блаженнымъ (въ рай). Если ты пожелаешь подняться къ нимъ, то явится душа болѣе достойная, чѣмъ я (Беатриче), чтобы помочь тебѣ въ этомъ. Съ нею я тебя оставлю и удалюсь. Ибо Владыка, который правитъ на небѣ, не хочетъ, чтобы съ моею помощью люди приходили въ Его царствіе, такъ какъ я не подчинялся Его закону“. Данте слѣдуетъ за Виргиліемъ и совершаетъ съ нимъ странствіе по загробному міру. Они спускаются въ адъ, до центра земли, проникаютъ черезъ узкую разсѣлину на западное полушаріе и подымаются затѣмъ на вершину горы чистилища, гдѣ расположенъ земной рай. Здѣсь Виргилій покидаетъ своего

спутника, и его смѣняетъ Беатриче. Съ нею Данте возносится отъ одной небесной сферы къ другой, пока, наконецъ, не достигаетъ эмпирея, гдѣ онъ погружается въ созерцаніе Бога.

Символика Божественной Комедіи.

Таково содержаніе Божественной Комедіи, понимаемое въ буквальномъ смыслѣ. Но по теоріи Данте, какъ мы съ нею познакомились въ Convivio, поэтическія произведенія имѣютъ двоякій смыслъ: въ поэзіи скрыта истина подъ покровомъ прекраснаго вымысла. Фигура Данте является въ поэмѣ символомъ человѣческой души. Человѣкъ, на полпути своей жизни, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, приходитъ къ сознанію, что онъ заблудился въ мрачномъ лѣсу порока и грѣховъ. Онъ не можетъ припомнить, какъ онъ попалъ въ этотъ лѣсъ. Юные годы прошли для него, какъ сонъ, въ которомъ онъ не различалъ добра и зла. Страхъ поражаетъ его, и онъ пытается выйти изъ ужаснаго состоянія, въ которомъ находится. Его влечетъ къ себѣ идеалъ земного блаженства, подобно тому, какъ путника, вышедшаго изъ темнаго лѣса, манитъ къ себѣ холмъ, освѣщенный солнцемъ. Но три дикихъ звѣря преграждаютъ дорогу путнику—три порока не даютъ человѣку достигнуть желанной цѣли. Его удерживаютъ въ грѣховной жизни пантера — чувственность, левъ — гордость и волчица — алчность. Чувственность, какъ простительный порокъ молодости, не лишаетъ еще человѣка надежды на спасеніе. Но пороки зрѣлаго возраста, гордость и алчность, безвозвратно обрекаютъ его на нравственную гибель. Какъ волчица совокупляется со многими звѣрями, такъ и алчность, по теоріи Данте, соединяется со всевозможными пороками, является источникомъ всего зла на землѣ. Несмотря на стремленіе къ спасенію, человѣкъ, душой котораго овладѣли гордость и алчность, не въ состояніи отрѣшиться отъ грѣховной жизни, если ему не придутъ на помощь разумъ и философія, представленные въ поэмѣ въ образѣ Виргилія. Виргилій сводитъ Данте въ адъ и показываетъ ему людскіе пороки и грѣхи въ ихъ истинномъ видѣ и съ ихъ ужасными послѣдствіями. Въ нестихающемъ адскомъ вихрѣ несутся передъ глазами Данте грѣшники, которые въ земной жизни были подвержены пороку чувственности; совершавшіе насилія стоятъ погруженные въ кровь по горло. До центра земли проникаетъ Данте съ своимъ проводникомъ; здѣсь въ послѣднемъ кругу ада наказуется ужаснѣйшій изъ всѣхъ пороковъ, порокъ алчности. Люциферъ держитъ въ одной изъ своихъ трехъ пастей Іуду, предавшаго Христа за 30 сребренниковъ. Подобно Виргилію, показывающему Данте въ аду людскіе грѣхи, философія

раскрываетъ предъ духовными очами человѣка адскую бездну грѣховъ и пороковъ. Сознаніе порочности пробуждаетъ раскаяніе и стремленіе освободиться отъ грѣховъ. И тутъ снова приходитъ на помощь философія: въ ней человѣкъ находитъ руководительницу на пути добродѣтели, сначала тернистомъ, но потомъ все болѣе и болѣе легкомъ. Путь этотъ ведетъ къ земному блаженству. Процессъ нравственнаго совершенствованія человѣка изображенъ въ восхожденіи Данте на гору чистилища. У подошвы горы онъ является кающимся грѣшникомъ, отягченнымъ еще всѣми семью смертными грѣхами. Ангелъ, стоящій у вратъ чистилища, остріемъ меча высѣкаетъ на челѣ Данте семь разъ букву P (peccatum mortale), знакъ грѣховъ, лежащихъ на душѣ кающагося. При переходѣ изъ одного круга въ другой ангелъ каждый разъ стираетъ крылами одно P, въ ознаменованіе того, что одинъ изъ грѣховъ искупленъ. Путь становится все легче, и Данте достигаетъ, наконецъ, вершины горы, гдѣ расположенъ земной рай, символъ земного блаженства, заключающагося въ добродѣтельной жизни. Здѣсь исчезаетъ Виргилій и его мѣсто занимаетъ Беатриче. Данте кается ей въ своихъ прежнихъ грѣхахъ и затѣмъ, по ея приказанію, погружается въ воды Леты и Эйноэ [1]). Онъ выходитъ изъ нихъ обновленный и готовый вознестись къ звѣздамъ. Задача философіи исполнена: она привела человѣка къ добродѣтельной жизни, составляющей земное блаженство. Болѣе она ничего не можетъ дать и отступаетъ на задній планъ. Послѣ окончательнаго покаянія человѣкъ забываетъ свою прошлую грѣховную жизнь и возрождается къ добродѣтели. Но земное блаженство составляетъ только первую предварительную цѣль, которая поставлена Богомъ человѣку: душа стремится къ блаженству вѣчной жизни. Только свѣтъ небесной благодати, Божественное Откровеніе и богословіе могутъ привести насъ къ вѣчному блаженству, состоящему въ созерцаніи Бога. Божественная благодать и богословіе олицетворяются въ образѣ Беатриче, смѣняющей Виргилія. Съ нею Данте возносится къ небу. Онъ видитъ здѣсь въ различныхъ сферахъ души блаженныхъ и узнаетъ, чѣмъ они пріобрѣли вѣнецъ вѣчной жизни; Беатриче посвящаетъ его въ таинства богословской науки. Наконецъ, они достигаютъ эмпирея, и Данте погружается въ созерцаніе тріединаго Бога. Высшая цѣль человѣка достигнута имъ.

---

[1]) Погружаясь въ Лету, кающійся грѣшникъ забываетъ о своихъ грѣхахъ, погруженіе же въ волны Эйноэ возобновляетъ въ немъ память о добрыхъ дѣяніяхъ.

Церковно-политическія воззрѣнія.

Такимъ образомъ отразилась въ Божественной Комедіи средневѣковая религіозно-философская идея земного и вѣчнаго блаженства, какъ цѣли человѣческой жизни. Здѣсь изображенъ въ аллегорической формѣ тотъ внутренній нравственный и интеллектуальный процессъ, путемъ котораго человѣкъ освобождается отъ грѣховной жизни и приходитъ къ земному, а потомъ вѣчному блаженству. Но этимъ не исчерпывается глубокій аллегорическій смыслъ великой поэмы. Религіозно-нравственное міросозерцаніе Данте тѣсно связано съ его церковно-политическими воззрѣніями. Въ трактатѣ „О монархіи" онъ приводитъ достиженіе человѣкомъ поставленной ему двоякой цѣли въ непосредственную зависимость отъ господствующаго политическаго и церковнаго строя. Императорская и папская власть, независимыя другъ отъ друга, удерживаютъ человѣчество на истинномъ пути и даютъ ему возможность вести на землѣ нравственную и добродѣтельную жизнь, а по смерти достигнуть вѣчнаго блаженства. Ту же доктрину находимъ мы и въ Божественной Комедіи. Римъ, говоритъ Данте, имѣлъ нѣкогда два солнца, которыя освѣщали путь земной и путь къ Богу; но съ тѣхъ поръ какъ свѣтскій мечъ и пастырскій посохъ соединились въ однѣхъ рукахъ, настало всеобщее смятеніе. Соотвѣтственно этой теоріи, Божественная Комедія на ряду съ нравственно-религіозною аллегоріей заключаетъ въ себѣ аллегорію церковно-политическую. Темный лѣсъ, въ которомъ заблудился Данте, обозначаетъ анархическое состояніе міра вообще и Италіи въ частности. Виргилій, выводящій Данте изъ лѣсу, представляетъ, въ качествѣ пѣвца Энеиды и Римской имперіи, идею универсальной власти императора, который устанавливаетъ всеобщій миръ, какъ необходимое условіе добродѣтельной жизни, и ведетъ такимъ образомъ человѣчество къ земному блаженству. Данте предвѣщаетъ приходъ политическаго мессіи. Борзой песъ прогонитъ обратно въ адъ волчицу: иными словами, появленіемъ императора будетъ нанесенъ окончательно ударъ пороку алчности, который является источникомъ всякаго зла въ мірѣ, какъ нравственнаго, такъ и политическаго. Задача императорской власти исчерпывается доставленіемъ человѣчеству земного блаженства: Виргилій приводитъ Данте въ земной рай, на вершину горы чистилища, и здѣсь покидаетъ его. Его смѣняютъ Беатриче, олицетворяющая авторитетъ папской власти, которая, согласно Откровенію, ведетъ людей къ блаженству вѣчной жизни: Данте возносится съ Беатриче къ небу и здѣсь погружается въ созерцаніе Бога. Въ своей поэмѣ Данте произноситъ

строгій судъ надъ противниками предопредѣленнаго Богомъ церковно-политическаго строя. Папы Бонифацій VIII и Климентъ V обречены поэтомъ на муки въ аду среди симонистовъ. Въ послѣднемъ кругу ада Люциферъ вмѣстѣ съ Іудой держитъ въ своихъ пастяхъ Брута и Кассія. Они подвергаются этой карѣ за убійство Цезаря, который, согласно представленію среднихъ вѣковъ, былъ первымъ римскимъ императоромъ. Съ другой стороны, уготовано въ раю мѣсто среди блаженныхъ Генриху VII, который пришелъ въ Италію съ цѣлью спасти міръ, объединивъ его подъ своею властью.

Широкій горизонтъ Божественной Комедіи не исключаетъ однако присутствія въ ней личнаго элемента. Мы имѣемъ въ этой поэмѣ отраженіе внутренней, духовной жизни Данте. Онъ былъ еще юношей, когда умерла Беатриче, и, лишившись ея облагораживающаго вліянія, не могъ устоять передъ соблазнами свѣта. Въ „Чистилищѣ" Данте самъ сознается въ своихъ чувственныхъ увлеченіяхъ. Занятія философіей дали ему нравственную силу избавиться отъ юношескихъ заблужденій и, наконецъ, въ богословіи, въ надеждѣ на будущую жизнь и вѣрѣ нашелъ онъ душевный миръ и спокойствіе.

Философская и богословская эрудиція Данте нашла полное примѣненіе въ Божественной Комедіи. Она представляетъ не только поэтическое отраженіе средневѣкового міросозерцанія, но и богатую сокровищницу средневѣковой науки. Мы имѣемъ въ Божественной Комедіи облеченную въ поэтическую форму научную энциклопедію среднихъ вѣковъ. Здѣсь подвергаются всестороннему обсужденію всѣ тѣ естественно-историческіе, астрономическіе, нравственные, политическіе, философскіе и богословскіе вопросы, которые составляютъ содержаніе Convivio. Всѣ культурные элементы среднихъ вѣковъ, религія, политика, философія и наука соединяются въ Божественной Комедіи. Она представляетъ совершеннѣйшее отраженіе эпохи Данте, и остальныя его произведенія: Новая Жизнь, Пиръ, нравственно-философскія канцоны, Монархія— являются какъ бы подготовительною работой къ великой поэмѣ, въ которой соединились въ грандіозномъ синтезѣ разсѣянныя въ нихъ мысли.

Съ завершеніемъ Божественной Комедіи исполненъ былъ подвигъ земной жизни великаго итальянскаго поэта. Данте закончилъ свою поэму на закатѣ своихъ дней, въ Равеннѣ, гдѣ онъ нашелъ последнее убѣжище при дворѣ Гвидо Новелло да-Полента. Окружен-

ный почестью, онъ не могъ однако забыть родного города, который осудилъ его на вѣчное изгнаніе. До конца жизни Данте лелѣялъ завѣтную мечту возвратиться на родину. Онъ надѣялся, что его возрастающая слава откроетъ ему ворота Флоренціи. „Если случится когда-нибудь,—пишетъ онъ въ 25-ой пѣснѣ „Рая",—что священная поэма, къ коей приложили руку Земля и Небо, побѣдитъ жестокость, изгнавшую меня изъ прекрасной овчарни, гдѣ я покоился ягненкомъ, я возвращуся поэтомъ, съ другимъ голосомъ, съ другими власами, и приму вѣнецъ у купели, въ которой меня крестили". Но мечтамъ поэта не суждено было исполниться. Онъ смежилъ очи вдали отъ горячо любимой родины. 14-го сентября 1321 года не стало Данте. Его прахъ покоится въ Равеннѣ, въ часовнѣ францисканской церкви San Pier Maggiore.

Е. Браунъ.

LXXVIII.

Боккаччіо и Чосеръ, какъ предшественники возрожденія.

I.

Средніе вѣка наканунѣ возрожденія.

Постепенный ростъ возрожденія.

Въ исторіи нѣтъ скачковъ; нѣтъ рѣзкихъ переходовъ отъ одной эпохи къ другой; напротивъ, здѣсь все развивается съ логическою постепенностью: въ то время какъ человѣчество переживаетъ одинъ фазисъ своей исторіи, отмѣченный тѣми или другими особенностями мысли и чувства,—тихо и для перваго взгляда незамѣтно зрѣютъ сѣмена слѣдующаго за нимъ фазиса и яркимъ цвѣтомъ выступаютъ иной разъ на поверхности событій. Такъ было и съ тѣмъ движеніемъ, которое начинаетъ собою новую исторію и называется возрожденіемъ: его корни уходятъ глубоко въ средніе вѣка. Напрасно черезъ все средневѣковье стали бы мы искать такого момента, когда бы всѣ молились и бичевались; рядомъ съ крайностями аскетизма и мистицизма, естественно, стремится завоевать себѣ право на существованіе чувственная сторона человѣческой природы, и все громче и громче раздаются голоса въ защиту всесторонняго—духовнаго и тѣлеснаго—развитія человѣческой личности противъ односторонняго аскетическаго идеала среднихъ вѣковъ, приносившаго тѣло въ жертву духу.

Пособія: *А. Д.* Итальянская новелла и Декамеронъ. „Вѣстн. Евр." 1880 г. *Ѳ. Шау*. Чосеръ. Библ. для чтен. 1859 г.

Божественная Комедія и Декамеронъ.

Согрѣтые знойнымъ солнцемъ юга и унаслѣдовавшіе отъ своихъ предковъ, древнихъ римлянъ, классическую трезвость настроенія, итальянцы XIV вѣка сообщили особенно рѣзкія формы новому антиаскетическому міросозерцанію: здѣсь рядомъ съ Божественною Комедіей Данте (около 1321 года), въ которой человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ прилѣпляется къ среднимъ вѣкамъ, мы находимъ Декамеронъ Боккаччіо (около 1348 года), въ которомъ самыя завѣтныя стремленія среднихъ вѣковъ подвергаются безпощадному осмѣянію; два произведенія, совершенно противоположныя по своему содержанію, являются почти одновременно; это обстоятельство было бы совсѣмъ непонятно для насъ, если бы исторія не показывала, что процессъ, подготовившій Бокаччіо, столь же продолжителенъ, какъ и процессъ, подготовившій Данте.

Оформившись въ Италіи, эти новыя, отразившіяся въ Декамеронѣ вѣянія распространяются по Европѣ, сливаются съ родственными элементами тамъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ, и, подъ воздѣйствіемъ иной среды, до извѣстной степени преображаются. Такъ, въ Англіи того же XIV-го вѣка, подъ сильнымъ давленіемъ со стороны Боккаччіо, сложилась личность перваго великаго поэта этой страны, Чосера, который тоже, подобно Боккаччіо, является предшественникомъ новаго времени,—каждый въ своемъ родѣ.

Подойдемъ ближе къ этимъ личностямъ. Знакомство съ ними освѣтитъ намъ переходный моментъ между средними вѣками и новымъ временемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнаемъ, какъ на первыхъ порахъ формировалась личность новаго человѣка на югѣ и какъ на сѣверѣ, какъ среди романской націи и какъ среди германской, какъ въ первоисточникѣ движенія, въ Италіи, и какъ въ странѣ, находившейся подъ вліяніемъ Италіи, въ Англіи...

Боккаччіо и Чосеръ... Нѣтъ двухъ поэтовъ, которые были бы такъ же похожи другъ на друга и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчены были бы такими же характерными отличіями другъ отъ друга, какъ они. Сынъ купца, Боккаччіо съ раннихъ лѣтъ погрузился въ водоворотъ коммерческой жизни и такимъ образомъ имѣлъ время приглядѣться къ низшимъ слоямъ общества; уже отсюда поднялся онъ въ его высшій слой, явился при дворѣ Роберта Неаполитанскаго. Тотъ же самый путь, только съ другого конца, прошелъ и Чосеръ. Человѣкъ рыцарскаго происхожденія, онъ не былъ однако настолько обезпеченъ, чтобы въ тиши кабинета спокойно поглотить средневѣковую ученость; онъ принужденъ былъ не мало времени и силъ потратить на свои обязанности контролера пошлинъ въ лондонской

гавани; и это, конечно, было лучшею школой для нашего поэта. Если присоединить къ этому еще то обстоятельство, что какъ Боккаччіо, такъ и Чосеру приходилось не разъ отправлять дипломатическія миссіи, выводившія ихъ далеко за предѣлы отечества, то мы поймемъ ту силу, которая должна была вознести ихъ на недосягаемую высоту сравнительно съ какимъ-нибудь кабинетнымъ поэтомъ или ученымъ среднихъ вѣковъ: вмѣсто того, чтобы рыться въ пыльныхъ фоліантахъ и анализировать различныя абстракціи, лишенныя всякой реальной почвы, Боккаччіо и Чосеръ наблюдали живого человѣка и слѣдили за причудливыми явленіями жизненной драмы. Но не скоро дошли они до сознанія того, въ чемъ заключается ихъ призваніе, — и они начали свою поэтическую дѣятельность въ традиціонныхъ формахъ, въ средневѣковомъ духѣ. Каковы же, спрашивается, типическіе признаки этой традиціонной, средневѣковой поэзіи?

Монашеская и рыцарская поэзія.

„Христіанскій спиритуализмъ [1]), — справедливо замѣчаетъ одинъ писатель, — оказалъ благодѣтельное вліяніе на черезчуръ здоровые народы сѣверо-западной Европы. Когда слишкомъ полнокровные варвары одухотворились христіанствомъ, тогда началась европейская цивилизація. Католическая церковь, благодаря своему геніальному устройству, сумѣла укротить животность завоевателей и овладѣть грубою матеріей“. Итакъ, исторія средневѣковой Европы началась съ того, что христіанскій спиритуализмъ сдѣлалъ попытку подавить варварскій матеріализмъ, и невѣжественные варвары бросились изъ одной крайности въ другую: они, полулюди-полузвѣри, преданные самымъ низкимъ страстямъ и наслажденіямъ, въ родѣ пьянства и объяденія, стремились превратиться въ худыхъ и блѣдныхъ аскетовъ, учились считать грѣхомъ удовлетвореніе всякой естественной потребности человѣческаго организма и старались видѣть добродѣтель въ томъ, чтобы дѣйствовать наперекоръ этимъ потребностямъ; они стремились окончательно порвать съ землей, унестись къ небу и оставляли безъ вниманія окружающую ихъ дѣйствительность.

Лишенное реальной основы, воображеніе лучшихъ людей средневѣкового общества, т. е. людей, наиболѣе приближавшихся къ

---

[1]) Слова спиритуализмъ (отъ лат. spiritus—духъ) и сенсуализмъ (отъ лат. sensus—чувство) въ исторіи культуры часто противополагаются другъ другу, и спиритуалистическимъ называютъ такое направленіе умовъ, когда о душѣ заботятся болѣе, нежели о тѣлѣ, а сенсуалистическимъ, когда о тѣлѣ заботятся столько же, сколько о душѣ, и даже болѣе.

идеаламъ времени, развивалось до невѣроятныхъ размѣровъ и совершенно парализовало ихъ разсудочныя способности. Оно не останавливалось передъ созданіемъ самыхъ чудовищныхъ вымысловъ и превращало въ какую-то фантазію скудныя свѣдѣнія средневѣкового человѣка о реальномъ мірѣ. Легенда религіозная и героическая, излюбленное чтеніе людей того времени, даетъ много матеріала для характеристики этой наклонности средневѣкового человѣка къ чудесному; едва ли меньше, чѣмъ въ легендѣ, было фантастическаго элемента въ средневѣковой исторіи, главнѣйшимъ представителемъ которой была хроника. Однимъ словомъ, какую бы область знанія, доступнаго среднимъ вѣкамъ, мы ни взяли, какую бы средневѣковую энциклопедію мы ни раскрыли, всюду воображеніе искажаетъ реальный міръ, всюду проходитъ передъ нами рядъ видѣвій, не изображавшихъ дѣйствительность, но только смутно напоминавшихъ о ней.

Средневѣковой человѣкъ, слѣдовательно, не изучалъ міра дѣйствительности, не присматривался къ нему,—да и зачѣмъ? Все это временно, все это минуетъ; а сверхъ того, при постоянномъ вмѣшательствѣ чудеснаго въ жизнь человѣка, полезно ли изучать дѣйствительность? Вѣдь стоитъ только дувуть какому-нибудь святому — и всѣ ея законы, по которымъ она совершаетъ свои отправленія, моментально разлетаются прахомъ...

Если средневѣковой человѣкъ и задумывался иной разъ надъ тѣми или другими явленіями внѣшняго міра, то лишь потому, что этотъ видимый міръ былъ для него прообразомъ невидимаго міра, мысль о которомъ ни на минуту не покидала его головы: на что бы ни глядѣлъ средневѣковой человѣкъ въ дѣйствительной жизни, у него сейчасъ— переложеніе: а что бы это значило? какъ истолковать эту загадку, эту аллегорію? Отсюда—повсемѣстное господство символизма и морализаціи въ средневѣковомъ мышленіи; для средневѣкового человѣка реальный міръ—это великая книга символическаго характера, въ которой аскетъ и мистикъ читаетъ то, что начерталъ въ ней Богъ для его назиданія. Такимъ образомъ, если въ средневѣковомъ мышленіи и являются по временамъ проблески интереса къ реальному міру, то не ради этого реальнаго міра, а ради извлекаемой изъ его содержанія морали.

Изгнавъ плоть отовсюду и пытаясь предоставить вездѣ преимущество духу, средневѣковье стремилось изгнать дѣйствительность и оттуда, откуда ее всего меньше возможно изгнать,—изъ области любви, и поставить на ея мѣсто платоническое обожаніе дамы

сердца,—фантазія, которую блистательно разработала провансальская лирика.

Резюмируя сказанное о средневѣковой литературѣ, мы видимъ, что въ общемъ ей недоставало реализма и въ содержаніи и въ манерѣ его обработки. Эти легковѣрные энтузіасты или наивно фантазировали, или смотрѣли на дѣйствительность черезъ пелену аллегоріи и морали, но не изучали ея спокойно и безпристрастно...

Ранніи произведенія Боккаччіо и Чосера.

Было бы очень любопытно подвергнуть хотя бѣглому обзору раннія, написанныя въ средневѣковомъ духѣ произведенія Боккаччіо и Чосера: передъ нами прошли бы опять всѣ типическія особенности средневѣковой поэзіи: и аллегорическія видѣнія, и аскетическая морализація, и героическая легенда, и провансальскій сантиментализмъ... Но мы пропустимъ этотъ обзоръ и выгадаемъ мѣсто для обсужденія еще одного важнаго вопроса, въ которомъ средневѣковая поэзія такъ расходится съ новою: это — вопросъ о цѣльности художественнаго произведенія, для разъясненія котораго возьмемъ „Домъ Славы" Чосера, одно изъ весьма замѣчательныхъ созданій средневѣкового поэтическаго творчества. Произведеніе это распадается на три пѣсни.

„Домъ Славы" Чосера.

I пѣснь.—Поэтъ видитъ во снѣ стеклянный храмъ, украшенный безчисленнымъ множествомъ золотыхъ статуй. Внутри на стѣнахъ представлены картины изъ Энеиды Виргилія съ дополненіями по Овидію. Изъ 508 стиховъ I пѣсни „Дома Славы" этотъ пересказъ латинской поэмы обнимаетъ ровно 330 стиховъ! Оставивъ храмъ, поэтъ замѣчаетъ орла, парящаго на золотыхъ крыльяхъ около солнца.

II пѣснь.—Птица спускается, схватываетъ поэта въ свои когти и уноситъ къ храму Славы. Многочисленныя отступленія, образующія эту пѣснь (582 стиха) и описывающія воздушное путешествіе нашего героя, весьма характерны для стремленій средневѣкового человѣка въ таинственные надзвѣздные края: носимый царственною птицей надъ знаками зодіака, поэтъ созерцаетъ чудеса мірозданія и, пораженный его величіемъ, восклицаетъ: О, Богъ, сотворившій Адама, велика твоя мощь и благость! Изъ этихъ отступленій особенно типично для средневѣковой поэзіи одно самое длинное, около 150 стиховъ; оно трактуетъ—о чемъ бы вы думали?—о природѣ звука и о законахъ его распространенія! Это такая холодная, неприкрашенная проза, что въ сравненіе съ нею даже Посланіе Ломоносова къ Шувалову о пользѣ стекла кажется прочувствованною поэзіей! Но мы подлѣ храма Славы.

III пѣснь. — Это дивное зданіе, изобразить которое отказы-

вается перо Чосера, выстроено на ледяной скалѣ (символъ ломкости и непрочности). Вся южная сторона скалы покрыта именами знаменитыхъ людей, которыя постоянно таютъ отъ солнечныхъ лучей. (Это выскочки, которые сдѣлались знаменитыми потому только, что имъ посчастливилось). Сѣверная сторона скалы такъ же покрыта именами, но, защищенныя здѣсь отъ солнечнаго жара, надписи не исчезаютъ. (Это люди, дѣйствительно трудившіеся на пользу человѣчества). Поэтъ двигается впередъ: онъ кое-какъ взбирается на гору, къ преддверію храма, входитъ внутрь его и останавливается передъ трономъ богини Славы, постоянно сохраняя аллегорическую манеру повѣствованія. Мы оставимъ въ сторонѣ эту чисто-восточную тонкость образнаго мышленія, прикрывающаго конкретными формами тѣ или другія философскія абстракціи,— для всего этого пришлось бы слишкомъ удалиться отъ предмета рѣчи, — и приведемъ изъ поэмы только то мѣсто, гдѣ Чосеръ изображаетъ богиню Славы.

„Высоко на тронѣ, на царскомъ сѣдалищѣ изъ великолѣпнаго рубина, увидѣлъ я женщину, какой никогда не создавала природа. Она показалась мнѣ сначала столь маленькою, что была, повидимому, не болѣе локтя, но вдругъ ея образъ сдѣлался поразительно великъ: ея ноги стояли на землѣ, между тѣмъ ея голова терялась въ небесной дали у семи звѣздъ. Но мое удивленіе возрасло, когда я обратилъ вниманіе на ея глаза: глазъ ея, поистинѣ, я не могъ бы сосчитать—ихъ было больше, чѣмъ перьевъ у птицы! Какъ жаръ блестѣли ея золотыя кудри, а ушей и языковъ у ней было больше, чѣмъ волосъ на звѣрѣ; изъ ногъ ея росли большія крылья куропатки. Но какъ блистало драгоцѣнными камнями роскошное сѣдалище богини! какая небесная мелодія летала вокругъ ея трона подъ сводами залы! Могучая муза, Калліопа, одна съ своими миловидными сестрами, могла бы такъ сладко пѣть, какъ звучала та пѣснь: „О, великая богиня, честь тебѣ и поклоненіе!“

Предоставляемъ читателю по желанію истолковать себѣ эту аллегорію,—и спѣшимъ закончить пересказъ поэмы Чосера. „Вокругъ этого кумира,—продолжаетъ онъ,—тѣснились толпы людей всѣхъ націй и состояній; они входили въ залу, преклоняли колѣна передъ богиней и восклицали: Прекрасная царица, удостой насъ твоихъ милостей! И однимъ она исполняла просьбу, а другимъ давала какъ разъ противоположное тому, что они просили, третьихъ же рѣзко отсылала назадъ ни съ чѣмъ. Однако, по какимъ причинамъ она поступала такъ или иначе въ каждомъ случаѣ, я не могу

сказать; ибо безъ труда я назову вамъ людей, которые были достойны, конечно, доброй славы, а получили худую,—точь-въ-точь какъ обыкновенно поступаетъ ея сестра, Фортуна". Въ виду всего этого поэтъ отказывается просить себѣ милостей у богини; онъ уходитъ изъ храма, дѣлаетъ затѣмъ еще нѣсколько поучительныхъ для себя наблюденій въ Лабиринтѣ Молвы (гдѣ ему становится ясно, что Слава—это огромная сплетня, хитрая путаница истины и лжи) и, наконецъ, просыпается... видѣніе исчезаетъ.

Намъ, людямъ новаго времени, едва ли можетъ доставить наслажденіе такое своенравное поэтическое созданіе. Когда мы приступаемъ къ чтенію того или другого художественнаго произведенія, мы требуемъ, чтобы оно пробуждало въ насъ ту или другую мысль, то или другое настроеніе,—мысль и настроеніе ясныя и опредѣленныя,—и не терпимъ ничего лишняго или недосказаннаго, ничего разрушающаго эту ясность и опредѣленность; другими словами, для того, чтобы производить гармоническое впечатлѣніе на душу, художественное произведеніе должно представлять изъ себя единое цѣлое.

Но, скажите, какое ясное и опредѣленное впечатлѣніе можетъ оставить по себѣ въ душѣ нашей поэма, которую начинаютъ пересказомъ Энеиды (хрустальный дворецъ), продолжаютъ теоріей распространенія звука (заоблачныя сферы) и кончаютъ аллегорическою картиной, иллюстрирующею капризы Фортуны (ледяная гора)?.. Средневѣковье, однако, наслаждалось подобнымъ чтеніемъ: очевидно, вкусы съ теченіемъ времени измѣнились, какъ измѣнились съ теченіемъ времени и люди. Средневѣковые люди—это аскеты, мистики и фантазеры, и преобладающая стихія въ ихъ психической жизни — воображеніе, больное воображеніе. Таковы были тогда читатели, таковы же были и писатели, и они оставались довольны другъ другомъ.

Поэтъ наталкивается на извѣстную мысль... Чосеръ, этотъ блестящій литераторъ, дипломатъ и воинъ, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, вдругъ оказывается прикованнымъ къ счетоводнымъ книгамъ въ лондонской гавани; жизнь уединенная и однообразная, работа скорѣе физическая, чѣмъ умственная..., и такое положеніе послала судьба ему, несмотря на всѣ его богатыя способности: какъ, стало быть, своенравна Фортуна или Слава, и какъ слѣпо, какъ несправедливо распредѣляетъ она между людьми свои милости! Вотъ мысль Чосера; онъ стремится теперь облечь ее въ художественную форму, и—начинается фантазированіе. Воображе-

ніе вступаетъ въ свои права и чуть не на каждомъ шагу увлекаетъ поэта туда, куда ему и не слѣдовало бы итти: получается рядъ эффектныхъ картинъ, хрустальные замки, песчаныя пустыни, золотыя храмы, ледяныя горы, всякія аллегорическія фигуры и проч. Все это пестро и красно, мечется въ глаза, и читатель доволенъ.

Но мало—потѣшить фантазію; у средневѣкового поэта есть еще одна слабость: это—его начитанность и ученость. Поэзія въ то время еще не была отдѣлена отъ науки, между ними еще не было проведено пограничной черты, и поэзія забѣгала въ науку, а наука въ поэзію. Таковъ и Чосеръ: онъ не можетъ удержаться отъ искушенія познакомить своихъ читателей съ Энеидой Вергилія и съ Посланіями Овидія или подѣлиться съ ними своими размышленіями о различныхъ любопытныхъ явленіяхъ, относящихся къ области физики, въ родѣ, напр., законовъ распространенія звука. За Энеиду читатель благодаритъ Чосера, съ удовольствіемъ прочитываетъ и его, быть можетъ, оргинальныя замѣтки о звукѣ, а концепція цѣлаго опять страдаетъ, и художественное, стройное впечатлѣніе всей поэмы оказывается уже невозможнымъ. Наконецъ, черезъ всѣ эти дебри отступленій поэтъ добирается до заинтересовавшей его мысли о своенравіи Фортуны, и предъ нами вырисовывается аллегорическая группа во вкусѣ заключительнаго акта большой оперы.

Итакъ, фантазія руководитъ творчествомъ средневѣкового поэта, и вслѣдствіе этого у него много внѣшняго блеска, но мало внутренняго содержанія, много яркихъ деталей, но нѣтъ гармоническаго цѣлаго, слишкомъ сильны отдѣльныя впечатлѣнія. и слишкомъ слабо объединяющее ихъ настроеніе.

Если бы Боккаччіо и Чосеръ остались на этой дорогѣ, по которой они пошли въ раннихъ своихъ произведеніяхъ, они были бы давно забыты и сдѣлались бы безраздѣльнымъ достояніемъ исторіи литературы и культуры. Но реализмъ восторжествовалъ надъ романтизмомъ: чѣмъ зрѣлѣе становились съ годами оба поэта, тѣмъ сильнѣе начинали они понимать всю прелесть осязательной существенности, данной реальности, которую они узнали такъ хорошо благодаря своей жизни, событіями чреватой,—и, наконецъ, поднялись до той высоты эстетическаго развитія, когда душу человѣка начинаетъ услаждать простое, свободное отъ всякихъ мишурныхъ блестокъ изображеніе дѣйствительности. Они оставляютъ тогда дантовскую схему поэтическаго творчества съ непремѣннымъ участіемъ энтузіазма, фантазіи, аллегоріи и миѳологіи, примѣромъ которой можетъ служить разобранный сейчасъ „Домъ Славы“ Чосера, и обращаются къ

инымъ завѣтамъ, начинаютъ прислушиваться къ тѣмъ голосамъ, которые, какъ было сказано въ самомъ началѣ, протестовали противъ одностороннняго аскетическаго идеала среднихъ вѣковъ.

Поэзія буржуа и крестьянъ.

Мы ознакомились выше съ различными родами средневѣковой литературы, которые культивировало попреимуществу духовенство и рыцарство (легенда, хроника, энциклопедія, провансальская лирика и проч.),—два сословія, въ совокупности своей представлявшія высшій, руководящій, цивилизованный классъ средновѣкового общества. Но рядомъ съ этимъ классомъ стоитъ классъ низшій,—горожане и крестьяне,—классъ руководимый, нецивилизованый и... не испортившій себѣ въ такой степени, какъ духовенство и рыцарство, здоровой крови и вкусовъ различными противоестественными стремленіями: онъ сохранилъ болѣе симпатіи къ реальной жизни и сталъ высказываться противъ тѣхъ извращеній человѣческой природы, которымъ она подвергалась въ руководящемъ классѣ.

Два замѣчательные факта вырисовываются въ поэзіи горожанъ и крестьянъ: во-первыхъ, реальный человѣкъ, со всѣми присущими ему потребностями, съ душой и тѣломъ, и во-вторыхъ, протестъ этого человѣка противъ одностороннягo развитія личности, противъ принесенія плоти въ жортву духу. Это—относительно содержанія интересующаго насъ теченія средневѣковой поэзіи; что же касается формы, то здѣсь прежде всего бросается въ глаза его народный языкъ, живая уличная рѣчь, къ которой не безъ презрѣнія относились руководители общества, особенно духовенство, въ угоду мертвой, книжной и кабинетной латыни, сдѣлавшейся языкомъ науки и пытавшейся сдѣлаться языкомъ поэзіи; кромѣ того, не менѣе важно отмѣтить и еще одно обстоятельство: здѣсь впервые вырабатывается та форма небольшого, совершенно простого и безыскусственнаго разсказа, которая является прототипомъ современной намъ повѣсти и называется во французской литературѣ словомъ фабліо, а въ итальянской—новеллой. Эти фабліо и новеллы и оказываются главными выразителями буржуазнаго направленія въ средновѣковой литературѣ: ихъ содержаніе вращается преимущественно среди разнообразныхъ до безконечности мелочей будничной жизни.

Такимъ образомъ, рядомъ съ основнымъ теченіемъ средневѣковой литературы—литературы монаховъ и рыцарей—намѣчается другое теченіе; ничтожно оно было вначалѣ сравнительно съ первымъ, но ему предстояла великая будущность; это были люди, чувствовавшіе или, точнѣе, предчувствовавшіе красоту и законность ре-

альнаго міра въ той формѣ, какъ онъ былъ созданъ Богомъ,— съ его душой и тѣломъ; они съ усмѣшкой смотрѣли на мистиковъ и фантазеровъ и проповѣдовали простое и ясное созерцаніе дѣйствительности. Прогрессъ въ развитіи личности опредѣлялся тѣмъ, къ какому изъ этихъ теченій она примыкала: если она шла по широкому пути энтузіазма, фантазіи, аллегоріи и морализаціи, то она приходила къ мистицизму, самоуничиженію, отрицанію культуры; если же она шла по узкой тропинкѣ болѣе разсудочнаго, здраваго и непосредственнаго отношенія къ окружающему, то начинала понимать красоту дѣйствительнаго міра Божія, изучать его, ставить ему тѣ или другіе запросы и—прогрессировать.

Зрѣлыя произведенія Боккаччіо и Чосера.

Съ особеннымъ сочувствіемъ и останавливаются теперь Боккаччіо и Чосеръ на этихъ проблескахъ реализма въ традиціонной литературѣ, къ которымъ уже давно толкала каждаго изъ нихъ его практическая, а не созерцательная жизнь; они берутъ теперь скромную форму фабліо, форму новеллы, маленькой повѣсти, тотъ родъ средневѣковой литературы, который былъ выработанъ возникающею буржуазіей и сдѣлался спеціальнымъ органомъ ея здороваго духа. Какъ этому буржуазному духу суждено было своими притоками укрѣпить средневѣковое общество, дряхлѣвшее въ лицѣ монашества и рыцарства, такъ точно эти же самые элементы, подъ перомъ Боккаччіо и Чосера, оздоровили и средневѣковую литературу, сообщивъ ей характеръ новой, современной намъ литературы, характеръ реализма и натурализма. Сюжетъ, взятый изъ реальной жизни и обработанный въ чисто-реальномъ духѣ, безъ всякихъ фантастическихъ прицѣпокъ и не идущихъ къ дѣлу вставокъ,—вотъ что дѣлаютъ теперь своимъ призваніемъ Боккаччіо и Чосеръ и создаютъ безсмертныя произведенія: Боккаччіо— Декамеронъ, а Чосеръ—Кентерберійскіе разсказы. Раскроемъ первое изъ нихъ, Декамеронъ Боккаччіо.

II.

Декамеронъ Боккаччіо.

Вступленіе Декамерона.

„Со времени благотворнаго вочеловѣченія Сына Божія, — такъ начинается эта веселая книжка,—минуло 1348 лѣтъ, когда славную Флоренцію, прекраснѣйшій изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, постигла смертная чума, которая, подъ вліяніемъ ли небесныхъ свѣтилъ или по нашимъ грѣхамъ посланная праведнымъ гнѣвомъ Бо-

жіимъ на смертныхъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ открылась въ областяхъ востока и, лишивъ ихъ безчисленнаго количества жителей, безостановочно двигаясь съ мѣста на мѣсто, дошла, разрастаясь плачевнымъ образомъ, и до запада.

Приблизительно къ началу весны означеннаго года болѣзнь начала проявлять свое плачевное дѣйствіе страшнымъ и чуднымъ образомъ. Не такъ, какъ на востокѣ, гдѣ кровотеченіе изъ носа было явнымъ знаменіемъ неминуемой смерти: здѣсь въ началѣ болѣзни у мужчинъ и женщинъ являлись въ паху или подъ мышками какія-то опухоли, разраставшіяся до величины обыкновеннаго яблока или яйца, однѣ больше, другія менѣе; въ короткое время эта смертоносная опухоль распространялась отъ указанныхъ частей тѣла безразлично и на другія, а затѣмъ признакъ указаннаго недуга измѣнялся въ черныя и багровыя пятна, появлявшіяся у многихъ на рукахъ и бедрахъ и на всѣхъ частяхъ тѣла, у иныхъ большія и рѣдкія, у другихъ мелкія и частыя. И какъ опухоль являлась вначалѣ, да и позднѣе оставалась вѣрнѣйшимъ признакомъ близкой смерти, таковыми были и пятна, у кого они показывались; только немногіе выздоравливали, и почти всѣ умирали на третій день послѣ появленія указанныхъ признаковъ, одни скорѣе, другіе позже, и большинство безъ лихорадочныхъ или другихъ явленій.

Развитіе этой чумы было тѣмъ сильнѣе, что отъ больныхъ, чрезъ общеніе съ здоровыми, она переходила на послѣднихъ, совсѣмъ такъ, какъ огонь охватываетъ сухіе или жирные предметы, когда они близко къ нему подвинуты. И еще большее зло было въ томъ, что не только бесѣда или общеніе съ больными переносили на здоровыхъ недугъ и причину общей смерти, но, казалось, одно прикосновеніе къ одеждѣ или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болѣзнь дотрогивавшемуся: лохмотья бѣдняка, умершаго отъ такой болѣзни, были выброшены на улицу; двѣ свиньи, набредя на нихъ, по своему обычаю, долго теребили ихъ рыломъ, потомъ зубами, мотая ихъ изъ стороны въ сторону, и по прошествіи короткаго времени, закружившись немного, точно поѣвъ отравы, упали мертвыя на злополучныя тряпки.

Такія происшествія и многія другія, имъ подобныя и болѣе ужасныя, порождали разные страхи и фантазіи въ тѣхъ, которые, оставшись въ живыхъ, почти всѣ стремились къ одной жестокой цѣли: избѣгать больныхъ и удаляться отъ общенія съ ними и ихъ вещами; такъ поступая, думали сохранить себѣ здоровье.

Нѣкоторые полагали, что умѣренная жизнь и воздержаніе отъ всѣхъ излишествъ сильно помогаютъ противодѣйствовать злу; собравшись кружками, они жили, отдѣлившись отъ другихъ, укрываясь и запираясь въ домахъ, гдѣ не было больныхъ, а имъ самимъ было удобнѣе; употребляя съ большой умѣренностью изысканнѣйшую пищу и лучшія вина, избѣгая всякаго излишества, не дозволяя кому бы то ни было говорить съ собою и не желая знать вѣстей извнѣ — о смерти или о больныхъ, — они проводили время среди музыки и удовольствій, какія только могли себѣ доставить.

Другіе, увлеченные противоположнымъ мнѣніемъ, утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить съ пѣснями и шутками, удовлетворять по возможности всякому желанію, смѣяться и надѣваться надъ всѣмъ, что приключается, — вотъ вѣрнѣйшее лѣкарство противъ недуга. И какъ говорили, такъ, по мѣрѣ силъ, приводили и въ исполненіе, днемъ и ночью странствуя изъ одной таверны въ другую, выпивая безъ удержу и мѣры, чаще всего устраивая это въ чужихъ домахъ, лишь бы знали по слуху, что тамъ все будетъ по нихъ и въ ихъ удовольствіе. Дѣлать это имъ было легко, ибо всѣ предоставили себя и свое имущество на произволъ, точно имъ больше не жить; оттого большая часть домовъ стала общимъ достояніемъ, и посторонній человѣкъ, если вступалъ въ нихъ, пользовался имъ такъ же, какъ пользовался хозяинъ. И эти люди, при ихъ скотскихъ стремленіяхъ, всегда по возможности избѣгали больныхъ. При такомъ бѣдственномъ и удрученномъ состояніи нашего города почтенный авторитетъ какъ божескихъ, такъ и человѣческихъ законовъ почти упалъ и исчезъ, потому что ихъ служители и исполнители, какъ и другіе, либо умерли, либо хворали, либо у нихъ осталось такъ мало служилаго народа, что они не могли отправлять никакой обязанности, почему всякому было позволено дѣлать все, что заблагоразсудится.

Иные были болѣе суроваго, хотя, быть можетъ, болѣе вѣрнаго мнѣнія, говоря, что противъ заразъ нѣтъ лучшаго средства, какъ бѣгство передъ ними. Не станемъ говорить, что одинъ гражданинъ избѣгалъ другого, что сосѣдъ почти не заботился о другомъ, родственники посѣщали другъ друга рѣдко, или никогда, или видѣлись издали: бѣдствіе воспитало въ сердцахъ мужчинъ и женщинъ такой ужасъ, что братъ покидалъ брата, дядя племянника, сестра брата, и нерѣдко жена мужа; болѣе того и невѣроятнѣе: отцы и матери избѣгали навѣщать своихъ дѣтей и ходить за ними, какъ будто это были не ихъ дѣти.

Отъ всего этого и отъ недостаточности ухода за больными, и отъ силы заразы, число умиравшихъ въ городѣ днемъ и ночью было столь велико, что страшно было слышать о томъ, не только что видѣть. При этомъ не оказывали почета ни слезамъ, ни связямъ, ни сочувствіямъ; наоборотъ, дѣло дошло до того, что объ умершихъ людяхъ думали столько же, сколько теперь объ околѣвшей козѣ. Такъ какъ для большого количества тѣлъ, которыя каждый день и почти каждый часъ свозились къ каждой церкви, не хватало освященной для погребенія земли, особенно, если бы, по старому обычаю, каждому захотѣли отводить особое мѣсто, то не на кладбищахъ при церквахъ, ибо тамъ все было переполнено, вырывали громадныя ямы, туда сотнями клали приносимые трупы, нагромождали ихъ рядами, какъ товаръ на кораблѣ, и засыпали немного землей, пока не доходили до краевъ могилы.

Если для города година была тяжелая, она ни въ чемъ не пощадила и подгородней области. Въ разбросанныхъ помѣстьяхъ и на поляхъ жалкіе и бѣдные крестьяне и ихъ семьи умирали безъ помощи медика и ухода прислуги, по дорогамъ, на пашнѣ и въ домахъ, днемъ и ночью, безразлично, не какъ люди, а какъ животныя. Вслѣдствіе этого и у нихъ, какъ и у горожанъ, нравы разнуздались, и они перестали заботиться о своемъ достояніи и дѣлахъ; наоборотъ, будто каждый наступившій день они чаяли смерти, они старались не уготовлять себѣ будущіе плоды отъ скота и земель и своихъ собственныхъ трудовъ, а уничтожать всякимъ способомъ то, что уже было добыто. Оттого ослы, овцы и козы, свиньи и куры, даже преданнѣйшіе человѣку собаки, изгнанныя изъ жилья, плутали безъ запрета по полямъ, на которыхъ хлѣбъ былъ заброшенъ, не только что не убранъ, но и не сжатъ".

Реализмъ произведенія Боккаччіо.

Прошло почти 600 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это великое общественное несчастіе разразилось надъ Европой, — благодатный прогрессъ просвѣщенія вообще и положительныхъ наукъ въ особенности постепенно освобождаетъ человѣчество отъ этихъ „бичей Божіихъ", которые такъ часто терзали средневѣковой міръ и бросали какой-то мрачный свѣтъ на всю его оригинальную культуру...—прошло съ тѣхъ поръ почти 600 лѣтъ, а Черная смерть, со всѣми своими физическими и моральными феноменами, повергающими въ содроганіе нашу душу, какъ бы воочію казнитъ предъ нами бѣдное человѣчество въ описаніи Боккаччіо, и тяжело намъ читать эти страницы Декамерона!.. Вотъ великое достоинство реальнаго воспроизведенія жизни, и съ этой стороны описаніе Черной смерти

блистательно открываетъ собою ту сотню новеллъ, которая слѣдуетъ за нимъ и проникнута тѣмъ же реализмомъ и по содержанію и по манерѣ его художественнаго воплощенія.

О реализмѣ новеллъ, т. е. о полномъ соотвѣтствіи ихъ и изображенной въ нихъ дѣйствительности, о совершенномъ устраненіи изъ нихъ тѣхъ элементовъ, которые бы прикрашивали и искажали послѣднюю, одинъ нѣмецкій біографъ Боккаччіо выразился слѣдующимъ образомъ: „Эти новеллы представляютъ богатый и достовѣрный культурно-историческій матеріалъ: по нимъ можно изучать итальянскія и спеціально флорентійскія древности". И это вполнѣ справедливое замѣчаніе слѣдуетъ лишь расширить указаніемъ на то, что высокая художественность Декамерона даетъ возможность проникнуть глубже внѣшняго быта тогдашнихъ флорентійцевъ, — она раскрываетъ предъ нами ихъ внутреннюю жизнь, изображенную безъ всякихъ прикрасъ, въ ея повседневныхъ, будничныхъ очертаніяхъ.

Такъ въ Декамеронѣ, подъ перомъ Боккаччіо, вступила въ свои права та манера реалистическаго творчества, которая до сего момента скромно ютилась въ отверженныхъ памятникахъ средневѣковой литературы и которой суждено было вытѣснить съ теченіемъ времени обычную въ этой литературѣ манеру творчества романтическаго, или фантастическаго. Боккаччіо говоритъ въ Декамеронѣ о своихъ новеллахъ: „Онѣ написаны мною не только народнымъ флорентійскимъ языкомъ и прозой, но и, насколько возможно, скромнымъ и простымъ стилемъ",—краткая, но выразительная характеристика одного изъ крупнѣйшихъ достоинствъ великаго итальянскаго произведенія!

Попытаемся же уяснить себѣ, какъ при этомъ простомъ и свѣтломъ созерцаніи дѣйствительности знаменитый творецъ Декамерона смотрѣлъ на различныя стороны средневѣковой культуры, но предварительно — два-три слова о томъ, какъ связаны между собою Черная смерть, описанная во введеніи къ Декамерону, и самый Декамеронъ.

Рамка Декамерона. Новеллы.

Связь эта очень простая и естественная. Семь благородныхъ дѣвицъ и трое юношей встрѣчаются въ одной флорентійской церкви и уговариваются, въ цѣляхъ самосохраненія отъ заразы, удалиться на дачу. Здѣсь они коротаютъ досуги въ изящныхъ удовольствіяхъ: играютъ, поютъ, танцуютъ, а на время жары усаживаются въ какомъ-нибудь тѣнистомъ уголкѣ, и каждый разсказываетъ одну новеллу; когда очередь обойдетъ всѣхъ, общество

подымается и предается инымъ развлеченіямъ; въ теченіе десяти дней (δέκα ἡμέραι) этими десятью лицами и были разсказаны сто новеллъ Декамерона.

Обращаемся къ вопросу объ отношеніяхъ Боккаччіо къ различнымъ явленіямъ средневѣковой культуры.

Защита любви противъ аскетовъ.

Мы видѣли, что идеальные люди среднихъ вѣковъ задавались аскетическими стремленіями, т. е. стремленіями отрѣшиться отъ всего земного и всецѣло сосредоточиться на мысли о небесномъ,— и, по мѣрѣ силъ, осуществляли эти стремленія: по представленію времени, тотъ былъ наиболѣе достоинъ почтенія, кому удавалось окончательно умертвить свою плоть. Должно презирать міръ,—учили эти передовые люди среднихъ вѣковъ,—ибо любящіе земныя блага начинаютъ пренебрегать небесными; забываютъ легкомысленные, что все земное—суета суетъ, что всѣ эти блага пройдутъ, и останется отъ нихъ только прахъ да черви. Нѣтъ, кому дорого спасеніе, тотъ пусть оставитъ міръ и уединится въ монастырѣ! О, какъ блаженны тѣ, кого Богъ сподобилъ отрясти съ ногъ прахъ мірского тлѣнія: принимая монаховъ въ Свой ковчегъ, Онъ спасаетъ ихъ отъ міра, какъ пастырь спасаетъ нѣсколько ягнятъ изъ пасти хищнаго звѣря! Такъ думали въ средніе вѣка лучшіе люди: для нихъ идеальная жизнь—монашеская жизнь, и съ точки зрѣнія монашескаго идеала осуждаются ими всѣ радости міра, всякое удовлетвореніе присущихъ человѣческой природѣ потребностей — заботы о здоровьѣ, стремленіе къ независимости, желаніе матеріальной обезпеченности, любовь, бракъ, семейная жизнь... Особенно враждебно относились аскеты къ любви (самая неистребимая потребность нашей природы!) и женщинѣ: „Женщина, — пишетъ одинъ изъ нихъ,—причина зла, корень ошибки, вмѣстилище грѣха, она соблазнила человѣка въ раю, она соблазняетъ его еще и на землѣ, и она же увлечетъ его въ пропасть ада“. Посмотримъ, какихъ взглядовъ держится на этотъ предметъ Боккаччіо.

Во вступленіи къ четвертому дню Декамерона мы читаемъ слѣдующее: „Нашлись, разумныя мои дамы, люди, которые, читая эти новеллы, говорили, что вы мнѣ слишкомъ нравитесь, и не прилично мнѣ находить столько удовольствія въ томъ, чтобы угождать вамъ и утѣшать васъ (Боккаччіо посвятилъ свой Декамеронъ влюбленнымъ и скучающимъ женщинамъ); а другіе сказали еще худшее за то, что я такъ васъ восхваляю“... Защищаясь противъ подобныхъ обвиненій въ чрезмѣрной любви къ женщинамъ и въ излишнемъ стремленіи имъ нравиться, Боккаччіо продолжаетъ:

„Никто не можетъ имѣть основаніе сказать иное, какъ только то, что какъ другіе, такъ и я, любя васъ, поступаемъ согласно съ природой. А чтобы противиться ея законамъ, для этого нужны слишкомъ большія силы, и тѣ, которые пытаются дѣлать это, часто трудятся не только понапрасну, но даже съ страшнѣйшимъ вредомъ для себя. Я признаюсь, что такихъ силъ у меня нѣтъ, а если бы онѣ у меня были, то я скорѣе предоставилъ бы ихъ кому-нибудь другому, чѣмъ приложилъ бы къ самому себѣ. Поэтому пусть молчатъ мои хулители, и если они не могутъ согрѣться, то пусть живутъ съ своимъ холодомъ, съ своими наслажденіями или даже съ своими извращенными стремленіями, и пусть оставятъ мнѣ мои радости, предоставленныя намъ въ этой короткой жизни". Какъ видимъ, любовь, симпатія къ женщинѣ, по мнѣнію Боккаччіо, есть великая сила, потому что она вложена въ человѣка самою природой, и вооружаться противъ нея значитъ вооружаться противъ природы, осуждать ее значитъ осуждать природу... Этотъ смѣлый и рѣшительный протестъ противъ аскетизма и служитъ самымъ характернымъ признакомъ времени. За естественною наклонностью личности, которая считалась грѣхомъ въ средніе вѣка, теперь не только признано право на существованіе, но и борьба съ нею представляется дѣломъ, по меньшей мѣрѣ безполезнымъ и даже вреднымъ.

Да и противъ чего боретесь вы? — говоритъ Боккаччіо своимъ хулителямъ. — Вы проповѣдуете, что любовь есть причина зла, корень ошибки, вмѣстилище грѣха: нѣтъ, это не такъ!" Вотъ новелла, изъ которой можно понять, „сколь святы, могучи и какимъ благомъ исполнены силы любви, которую вы поносите и осуждаете крайне несправедливо, сами не зная, что говорите".

День V, новелла 1: У одного знатнаго и богатаго кипрянина былъ сынъ, превосходившій ростомъ и красотой тѣлесною всѣхъ другихъ юношей, но почти придурковатый—и безнадежно. Тщетны были всѣ попытки хотя сколько-нибудь облагородить его скотскую душу: онъ былъ поэтому сосланъ въ деревню, гдѣ и жилъ вмѣстѣ съ крестьянами-работниками. Какъ-то разъ въ майскій день забрелъ онъ въ одну тѣнистую рощицу и здѣсь увидѣлъ прекрасную дѣвушку, заснувшую на лужайкѣ вмѣстѣ съ своими служанками. „Съ величайшимъ восхищеніемъ принялся Чимоне (такъ звали молодого человѣка) смотрѣть на нее. И онъ почувствовалъ, что въ его грубой душѣ, куда не входило до тѣхъ поръ, несмотря на тысячи наставленій, никакое впечатлѣніе облагороженныхъ ощу-

щеній, просыпается мысль, подсказывающая его грубому и матеріальному уму, что то — прекраснѣйшее созданіе, которое когда-либо видѣлъ смертный. И вотъ онъ началъ созерцать ее, хваля ея волосы, которые почиталъ золотыми, ея лобъ, носъ и ротъ, шею и руки и внезапно сталъ изъ пахаря судьею красоты". Точно преображенный, разстался Чимоне съ этимъ чуднымъ видѣніемъ и явился къ отцу. „Во-первыхъ, онъ попросилъ отца дать ему такія платья и убранства, въ какихъ ходили и его братья, что тотъ сдѣлалъ съ удовольствіемъ. Затѣмъ, вращаясь среди достойныхъ юношей и услышавъ о нравахъ, которые подобаетъ имѣть благороднымъ и особливо влюбленнымъ, — къ величайшему изумленію всѣхъ, — онъ въ короткое время не только обучился грамотѣ, но и сталъ достойнѣйшимъ среди философствующихъ. Затѣмъ, и все по причинѣ любви, не только измѣнилъ свой грубый деревенскій голосъ въ изящный и приличный горожанину, но и сталъ знатокомъ пѣнія и музыки, опытнѣйшимъ и отважнымъ въ верховой ѣздѣ и въ военномъ дѣлѣ — какъ морскомъ, такъ и сухопутномъ. Чтобы не разсказывать подробно о всѣхъ его доблестяхъ, въ короткое время, когда не прошелъ еще четвертый годъ со дня его перваго увлеченія, онъ сдѣлался самымъ пріятнымъ юношей, обладавшимъ лучшими нравами и болѣе выдающимися достоинствами, чѣмъ кто-либо другой на Кипрѣ. Итакъ, великія доблести, ниспосланныя небомъ въ достойную душу, были связаны и заключены завистливою судьбой въ крохотной части его сердца крѣпчайшими узами, которыя любовь разбила и разорвала, какъ болѣе сильная, чѣмъ судьба, и, будучи возбудительницей дремотствующихъ умовъ, силою своей подняла эти доблести, объятыя безжалостнымъ мракомъ, къ ясному свѣту, открыто проявляя, изъ какого положенія она извлекаетъ духъ, ей подвластный, и къ какому его ведетъ, освѣщая его своими лучами".

Изъ этой цитаты видно, что мысль о нравственномъ перерожденіи человѣка вслѣдствіе искренней симпатіи его къ женщинѣ, — мысль, столь часто встрѣчающаяся въ новой литературѣ, — и въ лицѣ Боккачіо нашла себѣ краснорѣчиваго сторонника: любовь, говоритъ онъ, производитъ благотворныя потрясенія во всемъ нашемъ организмѣ, будитъ всѣ свойственныя человѣческой природѣ силы и выставляетъ ее въ такомъ привлекательномъ видѣ. Боккачіо слѣдовательно рѣзко противорѣчитъ аскетамъ въ ихъ взглядахъ на любовь: онъ благословляетъ любовь, а не проклинаетъ ее, это не злая, а святая стихія. Именно изъ такого антиаскетиче-

скаго настроенія поэта и развиваются его своеобразныя отношенія къ различнымъ явленіямъ средневѣковой культуры.

Духовенство. Какъ представители отживающаго аскетизма, духовные должны были прежде всего остановить на себѣ вниманіе автора Декамерона, и онъ, какъ сенсуалистъ, охотно изображаетъ нарушеніе монахами и монашенками обѣта воздержанія и постничества и не осуждаетъ ихъ за то (природа!). Въ началѣ 1-й новеллы III дня онъ пишетъ: „Прелестнѣйшія дамы, много есть неразумныхъ мужчинъ и женщинъ, вполнѣ увѣренныхъ, что лишь только на голову дѣвушки возложатъ бѣлую повязку, а на нее черную рясу, ничто мірское болѣе не увлекаетъ ее, точно, ставъ монахиней, она превращается въ камень, и когда онѣ случайно услышатъ нѣчто, противное этой ихъ увѣренности, они такъ смущаются, какъ будто совершилось что-нибудь неестественное. Насколько всѣ такъ думающіе заблуждаются, это я желаю разъяснить небольшою новеллой“ и проч.

Если въ однихъ мѣстахъ Декамерона Боккаччіо, какъ сенсуалистъ, легко относится къ распущенности современнаго ему духовенства, то въ другихъ новеллахъ, напротивъ, онъ, опять-таки какъ сенсуалистъ, гораздо язвительнѣе критикуетъ монаховъ, чѣмъ это сдѣлалъ бы свой же братъ монахъ, и неустанно изобличаетъ всѣ ихъ недостатки, особенно лицемѣріе.

Нравственная распущенность и лицемѣріе. Въ этомъ смыслѣ замѣчательною энергіей дышатъ нѣкоторыя строки въ III, 7, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „Были нѣкогда весьма святые и достойные монахи, но у тѣхъ, которые нынѣ называютъ себя монахами и желаютъ, чтобы ихъ принимали за таковыхъ, нѣтъ ничего монашескаго, кромѣ рясы, да и та не монашеская, потому что, въ то время какъ основатели монашества наказали дѣлать рясы узкія, простыя, изъ грубой матеріи, во свидѣтельство, что ихъ духъ презираетъ все мірское, коли они облекаютъ тѣло въ столь презрѣнную одежду,—нынѣшніе монахи дѣлаютъ себѣ рясы просторныя, двойныя, блестящія, изъ тонкой матеріи, придавъ имъ красивый архипастырскій видъ, и не стыдятся красоваться ими въ церквахъ и на площадяхъ, какъ міряне своими платьями... Тогда какъ древніе монахи желали спасенія людей, нынѣшніе ищутъ наслажденія и богатствъ... И когда ихъ порицаютъ за грязныя дѣла, они отвѣчаютъ: поступайте такъ, какъ мы говоримъ, а не такъ, какъ дѣлаемъ, полагая, что это достаточное облегченіе всякой грѣховной тяжести, какъ будто овцамъ легче быть непреклонными и твердыми, чѣмъ пастырямъ...

Нынѣшніе монахи желаютъ, чтобы вы дѣлали то, что они говорятъ, т. е. чтобы вы наполняли ихъ кошельки деньгами, повѣряли имъ свои тайны, сохраняли цѣломудріе, были бы терпѣливы, прощали обиды, остерегались злословія; все это очень хорошія вещи, честныя, святыя; но для чего они говорятъ вамъ о всемъ этомъ? Для того, чтобы они сами могли дѣлать, чего не могли бы, если бы то стали дѣлать міряно... Почему не остаются они дома у себя, если полагаютъ, что не могутъ быть ни святыми, ни воздоржными? А если они уже хотятъ посвятить себя на то, почему не слѣдуютъ святому слову Евангелія: Христосъ началъ творить и поучать? Пусть и они сперва дѣлаютъ, а уже затѣмъ поучаютъ другихъ"...

Это исполненное негодованія мѣсто, по временамъ напоминающее, какъ увидимъ, Чосера,—не единственное въ Декамеронѣ Боккаччіо, и его главныя мысли: щегольство монаховъ и погоня за чувственными наслажденіями, съ одной стороны, а съ другой—лицемѣріе, могутъ быть хорошо освѣщены цитатами изъ разбираемаго произведенія. Вотъ двѣ небольшія выдержки, самыя сильныя послѣ вышеприведенной цитаты: 1) изъ VII, 3: „О, позоръ нашего испорченнаго свѣта! Они не стыдятся являться тучными, съ цвѣтущимъ лицомъ, изнѣженные въ платьяхъ и во всемъ остальномъ; выступаютъ не какъ голуби, а гордо, какъ пѣтухи, поднявъ гребень и выпятивъ грудь; но станемъ говорить о томъ, что ихъ кельи полны баночекъ съ разными мазями и притираніями, коробокъ съ разными сластями, склянокъ и пузырьковъ съ пахучими водами и маслами, кувшиновъ, переполненныхъ мальвазіей, греческими и другими дорогими винами; такъ что, глядя, кажется, что это не монашескія кельи, а москательныя и парфюмерныя лавки... Не такъ жили св. Доминикъ и св. Францискъ: они не имѣли по четыре рясы на человѣка и одѣвались не въ цвѣтныя и тонкія сукна, а въ рясы изъ грубой шерсти и остественнаго цвѣта, чтобы укрываться отъ холода, а не красоваться". 2) изъ IV, 2: „Это даетъ мнѣ обильное содержаніе, чтобы доказать, каково и сколь велико ханжество монаховъ, которые въ пространныхъ одеждахъ, съ искусственно-блѣдными лицами, съ голосами смиренными и заискивающими при попрошайничествѣ, громкими и страшными при порицаніи въ другихъ своихъ собственныхъ пороковъ, заявляютъ себя не людьми, имѣющими, подобно намъ, заслужить рай, а точно его собственниками и владѣльцами, раздающими всякому умирающему, согласно съ завѣщаннымъ имъ количествомъ денегъ, болѣе или менѣе хорошее мѣсто"...

Потребность реформаціи.

Все сказанное до сихъ поръ, можно надѣяться, достаточно обрисовываетъ личность Боккаччіо, какъ предшественника реформаціи: въ основѣ своей отрицательное отношеніе Боккаччіо къ современному ему духовенству носитъ чисто итальянскій, гуманистическій, свѣтскій характеръ; это протестъ противъ аскетизма во имя жизнерадостнаго настроенія, во имя свободнаго удовлетворенія всѣхъ естественныхъ потребностей человѣческой природы, но этотъ чисто - гуманистическій протестъ Боккаччіо по временамъ осложняется инымъ элементомъ, протестомъ противъ нравственной распущенности средневѣкового духовенства во имя суровыхъ уставовъ св. Франциска и Доминика, съ которыми не имѣлъ ничего общаго авторъ Декамерона; такимъ путемъ поэтъ становится въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, требуя возстановленія того, что, какъ онъ доказывалъ выше, несогласно съ человѣческою природой...

Впрочемъ, до какой степени мало была развита въ Боккаччіо эта потребность реформаціи, какъ ее понимали англичане или нѣмцы, видно изъ того, что мы не находимъ въ его новеллахъ ни одного положительнаго типа изъ духовныхъ, болѣе или менѣе детально обрисованнаго; въ этихъ случаяхъ онъ всегда ограничивается двумя - тремя словами, напр.: „старикъ святой, примѣрной жизни, великій знатокъ св. Писанія, человѣкъ очень почтенный, къ которому всѣ горожане питали особое, великое уваженіе“ (I, 1)— и отправляется дальше. Между тѣмъ его сѣверный двойникъ, англичанинъ Чосеръ, проникнутъ тѣмъ же религіознымъ энтузіазмомъ, какимъ дышали и великіе реформаторы—Уиклиффъ и Лютеръ; и потому не удивительно, что, отнюдь не уступая Боккаччіо въ рѣзкости обличенія, онъ въ то же время начерталъ типъ сельскаго священника, едва ли не симпатичнѣйшую личность среди всѣхъ его героевъ.

Рыцарство.

Прослѣдимъ теперь взгляды Боккаччіо на другое своеобразное явленіе средневѣковой жизни, отходившее при немъ въ область исторіи,—на рыцарство.

Если въ отношеніяхъ итальянскаго поэта къ духовенству отрицательныя чувства преобладаютъ надъ положительными, то въ отношеніяхъ его къ рыцарству, наоборотъ, положительныя чувства преобладаютъ надъ отрицательными. Обстоятельство это понять не трудно. Что такое рыцарство въ сущности своей? Это—такая же цѣпь, какъ и католическій аскетизмъ,—цѣпь, стремившаяся сдержать гибельные порывы необузданныхъ страстей средневѣкового

человѣка и приспособить его къ общежитію. Это, слѣдовательно, тотъ же спиритуализмъ, который въ лицѣ католицизма вступилъ въ ожесточенную борьбу съ излишнею матеріальностью средневѣковыхъ варваровъ, и вся разница между ними въ томъ, что, тогда какъ аскетизмъ совершенно отвергалъ всю земную жизнь во имя будущаго спасенія, рыцарство только стремилось облагородить эту земную жизнь. Правда, въ сферѣ любви и рыцарство хватило черезъ край въ своихъ стремленіяхъ просвѣтлять и одухотворять все грубое и матеріальное и усиливалось представить идеаломъ этихъ отношеній провансальскій сантиментализмъ, не смѣвшій мечтать даже о холодномъ поцѣлуѣ. Но, погрѣшая въ одномъ направленіи, то же рыцарство располагаетъ насъ въ свою пользу другими тенденціями: оно внушаетъ человѣку обходительность, щедрость, гостепріимство,—словомъ, ту куртуазію, то душевное благородство, котораго такъ мало было среди людей изучаемой нами эпохи.

Осужденіе кастовыхъ предразсудковъ.

Съ точки зрѣнія своего здраваго міросозерцанія, Боккаччіо почти не интересуется провансальскою чувствительностью и не имѣетъ желанія рисовать любовныя томленія; онъ равнодушенъ также и къ военной славѣ рыцарства, но авторъ Декамерона преклоняется предъ нимъ, какъ предъ традиціонною формой облагороженной общественности, и если рыцарство забываетъ объ этомъ своемъ идеалѣ, о душевномъ благородствѣ человѣка, и превращается въ аристократическую касту, исполненную всякихъ предразсудковъ по отношенію къ низшимъ классамъ и ихъ презирающую,— онъ возстаетъ противъ знатности, столь превратно понимаемой, напоминая своимъ читателямъ, что рыцарство—душевное благородство, и что разъ человѣкъ благороденъ, онъ—рыцарь, независимо отъ своего происхожденія, и долженъ быть принятъ какъ свой въ кружкѣ родовой аристократіи.

Гисмонда въ 1-й новеллѣ IV дня отвѣчаетъ отцу, упрекавшему ее за любовь къ Гвискардо, человѣку низкаго происхожденія: „Взгляни немного на сущность вещей: ты увидишь, что у всѣхъ насъ плоть отъ одного и того же плотскаго вещества, и всѣ души созданы однимъ Творцомъ съ одинаковыми силами, одинаковыми свойствами, одинаковыми качествами. Лишь добродѣтель впервые различила насъ, рождавшихся и рождающихся одинаковыми, и тѣ, у которыхъ ея было больше, и они въ ней были дѣятельнѣй, были названы благородными, а остальные остались неблагородными. И хотя противоположный обычай прикрылъ впослѣд-

ствіи этотъ законъ, онъ еще не уничтоженъ и не искорененъ ни изъ природы, ни изъ добрыхъ нравовъ; потому, кто поступаетъ добродѣтельно, открыто заявляетъ себя благороднымъ, и если называютъ его иначе, то виновенъ въ этомъ не названный, а тотъ, кто называетъ. Оглянись среди всѣхъ твоихъ дворянъ, разбери ихъ качества, нравы и обращеніе, а съ другой стороны, обрати вниманіе на все это у Гвискардо: если ты захочешь обсудить безъ раздраженія, то ты его назовешь благороднѣйшимъ, а своихъ дворянъ—худородными...“ Этотъ намекъ на измельчаніе родовой аристократіи можно было бы пояснить еще нѣсколькими цитатами изъ Декамерона, но, удовлетворяясь приведеннымъ, перейдемъ къ тѣмъ новелламъ, въ которыхъ Боккаччіо является проповѣдникомъ рыцарскихъ идеаловъ—душевнаго благородства.

Куртуазія. Изъ всѣхъ новеллъ, рисующихъ рыцарскіе идеалы Боккаччіо, наиболѣе удалась ему новелла V, 9, гдѣ изображена дѣйствительно благородная личность и просвѣтленная ся любовь къ женщинѣ. Выписываемъ заглавіе этой изящной повѣсти Декамерона: „Федериго дельи Альберихи любитъ, но не любимъ, расточаетъ на ухаживанье все свое имущество, и у него остается всего одинъ соколъ, котораго, за неимѣніемъ ничего иного, онъ подаетъ на обѣдъ своей дамѣ, пришедшей его навѣстить; узнавъ объ этомъ, она измѣняетъ свои чувства къ нему, выходитъ за него замужъ и дѣлаетъ его богатымъ“. Центральный эпизодъ новеллы поэтъ разсказываетъ въ такихъ исполненныхъ жизни словахъ:

„Такъ какъ Федериго тратился для дамы свыше своихъ средствъ, ничего не выгадывая, то вышло, какъ тому легко случиться, что богатство изсякло, онъ очутился бѣднякомъ, и у него не осталось ничего, кромѣ маленькаго помѣстья, доходомъ съ котораго онъ едва жилъ, да еще сокола, но сокола изъ лучшихъ въ мірѣ. Вотъ почему, влюбленный болѣе, чѣмъ когда-либо, видя, что не можетъ существовать въ городѣ такъ, какъ бы хотѣлъ, онъ отправился въ Кампи, гдѣ находилась его усадьба, въ очень близкомъ сосѣдствѣ отъ дамы; здѣсь, когда представлялась возможность, онъ охотился на птицъ и, не прибѣгая къ помощи другихъ, терпѣливо переносилъ свою бѣдность...

Однажды утромъ донна Джьованна, въ сопровожденіи одной женщины, какъ бы гуляя, направилась къ маленькому домику Федериго и велѣла вызвать его. Такъ какъ время тогда не благопріятствовало охотѣ, да онъ не ходилъ на нее и въ прошлые дни, онъ былъ въ своемъ огородѣ, занимаясь кое-какой работой...

Несмотря на то, что бѣдность Федериго была крайняя, онъ никогда не сознавалъ, какъ бы то слѣдовало, что безъ всякой мѣры расточилъ свои богатства; но въ это время, не находя ничего, чѣмъ бы могъ учествовать навѣстившую его даму, изъ-за любви къ которой онъ прежде чествовалъ безконечное множество людей, онъ пришелъ къ сознанію; безмѣрно тревожась, проклиная судьбу, внѣ себя, онъ метался туда и сюда, не находя ни денегъ, ни вещей, которыя можно было бы заложить, но такъ какъ часъ былъ поздній, и велико желаніе чѣмъ-нибудь угостить благородную даму, а онъ не хотѣлъ обращаться не то что къ кому другому, но даже къ своему работнику, ему бросился въ глаза его дорогой соколъ, котораго онъ увидалъ въ своей комнатѣ, сидящимъ на насѣсти; вслѣдствіе чего, недолго думая, онъ взялъ его и, найдя его жирнымъ, счелъ его достойнымъ кушаньемъ для такой дамы. Итакъ, не раздумывая болѣе, онъ свернулъ ему шею и велѣлъ своей служанкѣ посадить его тотчасъ же, ощипаннаго и приготовленнаго, на вертелъ и старательно изжарить; накрывъ столъ самыми бѣлыми скатертями, которыхъ у него еще осталось нѣсколько, онъ съ веселымъ лицомъ вернулся къ дамѣ въ садъ и сказалъ, что обѣдъ, какой только онъ былъ въ состояніи устроить для нея, готовъ. Та, вставъ съ своею спутницей, пошла къ столу; не зная, что они ѣдятъ, онѣ вмѣстѣ съ Федериго, который радушно угощалъ ихъ, съѣли прекраснаго сокола".

Федериго зарѣзалъ для дамы единственнаго своего сокола, который былъ его кормильцемъ и утѣшителемъ въ бѣдности и подобнаго которому было нельзя найти въ цѣломъ мірѣ,—и сдѣлалъ это наединѣ; никто этого не видалъ и не слыхалъ, и никто бы о томъ не узналъ, если бы онъ самъ не разсказалъ своей дамѣ о соколѣ въ силу необходимости... Это поступокъ знаменательный. Его турниры и праздники, которые онъ давалъ въ честь дамы и на которые растратилъ свое имущество, вы могли бы счесть за обычное въ рыцарскомъ быту явленіе: такъ обыкновенно ухаживаютъ влюбленные рыцари! Но эпизодъ съ соколомъ блистательно доказываетъ, что это не пошлое и подчасъ малоискреннее ухаживанье, а самая теплая и сердечная куртуазія!

Обобщая взгляды Боккаччіо на рыцарство, мы можемъ сказать, что у автора Декамерона рыцарь—джентльменъ, благородный человѣкъ, не столько по происхожденію, сколько по душѣ, настроенный одинаково хорошо и на великолѣпномъ турнирѣ, и въ скромномъ огородѣ, и въ королевскомъ одѣяніи, и въ крестьян-

скомъ платьѣ, но выставляющій напоказъ своихъ похвальныхъ помысловъ, а безъ крика и громкихъ фразъ чувствующій глубоко и искренно.

Свободныя профессіи.

Мы ознакомились съ отношеніями Боккаччіо къ двумъ отживающимъ сословіямъ средневѣкового общества, — къ духовенству и рыцарству, къ представителямъ молитвы и битвы,—теперь уяснимъ себѣ взгляды его на два нарождающіяся сословія новаго времени,—на представителей труда умственнаго и физическаго, куда принадлежатъ свободныя профессіи, купечество, ремесленники, крестьянство.

Клеркъ Риньери.

Что касается свободныхъ профессій, то на первомъ планѣ стоитъ здѣсь студентъ, или клеркъ, дѣйствующій въ новеллѣ VIII, 7. Пространная повѣсть хорошо освѣщаетъ сочувственное отношеніе гуманиста-автора къ этому молодому представителю научныхъ стремленій того времени. „То былъ молодой человѣкъ, по имени Риньери,— говоритъ о немъ Боккаччіо,—изъ родовитыхъ людей нашего города, долго учившійся въ Парижѣ не для того, чтобы продавать потомъ свою науку по мелочамъ, какъ то дѣлаютъ многіе, но дабы знать основаніе и причины сущаго, что очень пристало благородному человѣку; онъ вернулся изъ Парижа во Флоренцію, гдѣ и устроился на житье, будучи очень уважаемъ какъ за свое богатство, такъ и за свои знанія". И дѣйствительно, клеркъ Боккаччіо—сила внушительныхъ размѣровъ, и съ нею нужно быть осторожнымъ: „Если бы у меня не было ни одного пути (чтобъ отмстить тебѣ),—поучаетъ онъ одну красавицу, сыгравшую съ нимъ недобрую шутку,—у меня все-таки оставалось бы перо, которымъ я написалъ бы о тебѣ такое и такъ, что если бы ты узнала о томъ,—а ты узнала бы навѣрное,—тысячу разъ въ день пожелала бы не родиться на свѣтъ. Могущество пера гораздо больше, чѣмъ полагаютъ тѣ, которые не познали его на опытѣ. Клянусь тебѣ, я написалъ бы о тебѣ такое, что, устыдившись не только другихъ, но и самой себя, ты, лишь бы не видѣть себя, вырвала бы себѣ глаза..." Ловкій при самозащитѣ клеркъ чувствуетъ въ себѣ достаточно способностей сдѣлать что-нибудь и для людей: „Изъ-за тебя,—гордо заявляетъ онъ той же особѣ,—едва не умеръ порядочный человѣкъ, какъ ты недавно прозвала меня, чья жизнь въ одинъ день можетъ принести свѣту больше пользы, чѣмъ жизнь ста тысячъ тебѣ подобныхъ, пока будетъ стоять свѣтъ!" Не удивительно поэтому, что, сравнивая себя съ красивыми кавалерами, умѣвшими блистать только на танцахъ да на турнирахъ, студентъ справедливо отдаетъ себѣ

преимущество: „Вы увлекаетесь молодыми людьми, ибо видите, что при организаціи болѣе живой и болѣе черныхъ бородахъ они выступаютъ самодовольно, пляшутъ и бьются на турнирахъ; все это продѣлывали и люди нѣсколько болѣе зрѣлые, знающіе и то, чему тѣмъ еще надо поучиться". Вообще отъ всей фигуры Риньери вѣетъ жизнью и самосознаніемъ: видно, что не въ его вкусахъ даваться въ обиду, и онъ надѣется со временемъ извлечь для людей извѣстную пользу изъ своего знанія „основаній и причинъ сущаго". Это практическое направленіе ума итальянскаго клерка, идущее, конечно, отъ самого Боккаччіо, коммерческаго флорентійца, выгодно отличаетъ его отъ Чосерова студента, которому мы готовы пожелать, чтобы онъ поменьше изнывалъ надъ книгами и побольше заботился о собственной личности.

Отрицательные типы ученыхъ.

Боккаччіо выводитъ еще нѣсколько почтенныхъ представителей умственнаго труда, но, по самому существу новеллы, имѣвшей главной цѣлью забавлять и смѣшить читателей, ему нужнѣе были иные, отрицательные типы. Здѣсь на первомъ мѣстѣ красуются тѣ ученыя головы, которыя на старости лѣтъ рѣшаютъ обзавестись семьей, вводятъ въ свой домъ молодыхъ женъ и не могутъ устроить семейнаго счастія: ихъ старыя кости просятся на покой, а молодой женѣ хочется погулять, повеселиться и потѣшиться (новеллы II, 10; IV, 10)...

Изъ другихъ отрицательныхъ типовъ особенно выдается Симоне да Вилла, докторъ медицины, ученый простецъ (новелла VIII, 9): „Какъ то мы видимъ ежедневно,—замѣчаетъ о немъ авторъ Декамерона,—наши граждане возвращаются къ намъ изъ Болоньи кто судьей, кто врачомъ, кто нотаріусомъ, въ длинныхъ и просторныхъ платьяхъ, въ пурпурѣ и бѣличьихъ мѣхахъ и въ другой великолѣпной видимости, а какъ отвѣчаетъ тому дѣло, и это мы наблюдаемъ каждый день. Изъ ихъ числа былъ нѣкій маэстро Симоне да Вилла, болѣе богатый отцовскимъ достояніемъ, чѣмъ наукой, одѣтый въ пурпуръ и съ большимъ капюшономъ, докторъ медицины, какъ онъ самъ о себѣ говорилъ, онъ недавно вернулся къ намъ..." и т. д. Надъ нимъ продѣлываютъ очень забавныя (по тому времени) штуки неунывающіе флорентійцы, живописцы Бруно и Буффальмакко; между прочимъ, они вваливаютъ его, „одѣтаго въ пурпуръ и съ большимъ капюшономъ", въ помойную яму, но объ этихъ забавныхъ штукахъ—ниже.

Каландрино и художники.

Группу представителей свободныхъ профессій мы закончимъ характеристикой вольнаго флорентійскаго художника, Каландрино.

Каландрино—излюбленный герой итальянской или, точнѣе, флорентійской новеллы; у Боккаччіо онъ выступаетъ 4 раза (новеллы VIII, 3 и 6; IX, 3 и 5), „такъ какъ все, что о немъ разсказывается,—замѣчено по этому поводу въ IX, 3,—не можетъ не увеличить веселья“, до котораго, прибавимъ мы отъ себя, были такъ жадны флорентійцы. Каландрино — типическое воплощеніе тѣхъ сторонъ человѣческаго духа, которыя были антиподомъ, прямою противоположностью флорентійскому генію и потому казались ему особенно забавными; на такой личности, какъ Каландрино, флорентіецъ всего лучше могъ проявить характерныя свойства своей жизнерадостной природы, и понятно, что всевозможные флорентійскіе остряки, шутники и потѣшники, особенно изъ вольныхъ художниковъ, которые у Боккаччіо и являются почти главными представителями свободныхъ профессій,—какъ мухи къ сахару, льнули къ Каландрино и увивались подлѣ него. Въ новеллѣ VIII, 3 поэтъ такъ описываетъ этого любопытнаго своего героя: „Въ нашемъ городѣ, гдѣ всегда были въ изобиліи и различные обычаи и странные люди, жилъ еще недавно живописецъ, по имени Каландрино, человѣкъ недалекій и необычныхъ нравовъ, водившійся большую часть времени съ двумя другими живописцами, изъ которыхъ одного звали Бруно, другого—Буффальмакко, большими потѣшниками, впрочемъ, людьми разсудительными и умными, обращавшимися съ Каландрино потому, что его обычаи и придурковатость часто доставляли имъ великую забаву“.

Для того, чтобы понять эту любовь флорентійцевъ къ „новому“ человѣку, въ родѣ Каландрино („новый“ человѣкъ по-итальянски значитъ—оригинальный странный человѣкъ, подобно тому, какъ „новелла“ значитъ необыкновенный, веселый случай),—для того, чтобы—говоримъ—понять эту любовь, которой не могли задавить аскетическіе средніе вѣка и которая оказывается однимъ изъ предвѣстій эпохи возрожденія, необходимо принять въ расчетъ нѣкоторыя особенныя условія, имѣвшія мѣста въ исторіи Италіи и въ частности въ исторіи Флоренціи: „Народъ предпріимчивый, торговый, флорентійцы раньше другихъ усилили свою городскую общину, выработали себѣ политическую самостоятельность, а демократическая свобода, уравнивая всѣ сословія, рано породила у нихъ и независимый духъ критики. Немудрено, что изъ ихъ среды выходили и придворные шуты и хитроумные дипломаты. Ставя тонкость ума выше всѣхъ другихъ способностей, флорентійцы научились рано ловкую интригу, проведенную во всѣхъ мельчай-

шихъ подробностяхъ, требующую глубокаго знанія людей и обстоятельствъ, цѣнить выше всѣхъ законовъ нравственности... Да и откуда имъ было выработать нравственный идеалъ? Церковь, съ папой во главѣ, какъ они видѣли, была вмѣстилищемъ великаго разврата. Политическаго объединенія тоже не существовало... Въ Италіи развилась, такимъ образомъ, сила личности и индивидуализмъ, въ то время какъ въ остальной Европѣ господствуетъ еще масса, корпорація, цѣлое общество".

Развитіе личности, индивидуализмъ—вотъ источникъ той сильной наклонности итальянскихъ горожанъ ко всякаго рода остроумнымъ штукамъ въ словѣ или дѣлѣ, подчасъ не совсѣмъ нравственнымъ, которою надѣлилъ Боккаччіо весьма многихъ изъ своихъ героевъ, и особенно двухъ, Бруно и Буффальмакко.—Чтобы дать хотя смутное представленіе о какой-нибудь изъ этихъ штукъ, приводимъ содержаніе новеллы VIII, 6. Бруно и Буффальмакко, укравъ у Каландрино свинью, побуждаютъ его сдѣлать опытъ найти ее при помощи сладкихъ пилюль: они де заговорятъ пилюли, и для того, кто укралъ свинью, сладкое окажется горчѣе полыни; когда наступаетъ минута испытанія, шутники подсовываютъ Каландрино пилюли, наполненныя горчайшимъ веществомъ. Выходитъ такъ, что похититель онъ самъ, и они заставляютъ его откупиться, если не желаетъ, чтобы они разсказали о томъ его женѣ. Прочитайте эту или подобную ей новеллу,—и вы согласитесь, что людямъ, разыгрывавшимъ такія шутки съ Каландрино или Симоне да Вилла, нескоро могла прійти въ голову мысль насладиться чтеніемъ какой-нибудь нравоучительной легенды.

Сущность отношеній Боккаччіо къ свободнымъ профессіямъ можно формулировать въ слѣдующихъ выраженіяхъ: какъ гуманистъ, авторъ Декамерона съ сочувствіемъ отзывается о научныхъ стремленіяхъ людей—„познать основанія и причины всего сущаго"—и ждетъ отъ этихъ стремленій великихъ благъ для человѣчества; но, при своемъ трезвомъ образѣ мыслей и чувствованій, онъ и здѣсь отмѣчаетъ темныя пятна и ядовито подсмѣивается надъ людьми, которые остаются пустыми, несмотря на свой „пурпуръ, бѣличьи мѣха и другую великолѣпную видимость", присущую парадному костюму тогдашняго ученаго; кромѣ того,—чего мы не встрѣтимъ у Чосера, — Боккаччіо, какъ итальянскій гуманистъ, выводитъ, на ряду съ мыслителями, и нѣсколько художниковъ (съ Каландрино во главѣ), отразившихъ въ своей личности антиаскетическое настроеніе среды, такихъ же, какъ и самъ онъ, весе-

лыхъ реалистовъ, изъ которыхъ одинъ, именно Бруно, удачно изобразилъ „баталію мышей и кошекъ" на жилищѣ доктора Симоне...

Буржуазія. Посмотримъ теперь, какую роль играетъ буржуазія,—торговцы и ремесленники, — въ стоактной комедіи Боккаччіо, именуемой Докамерономъ.

Въ общемъ очеркѣ средневѣкового поэтическаго творчества было указано на то, что здѣсь, рядомъ съ идеализмомъ монаховъ и рыцарей, даетъ себя чувствовать реально-комическое отношеніе буржуазныхъ и вообще народныхъ классовъ къ жизни; въ замѣткѣ о Каландрино было также указано и на то, почему это реально-комическое отношеніе къ жизни особенно привилось въ Италіи или, точнѣе, во Флоренціи; наконецъ, намъ извѣстно изъ предыдущаго, что Боккаччіо, сынъ флорентійскаго купца, человѣкъ весьма подвижного, живого и горячаго темперамента, естественно, долженъ былъ сочувственно отозваться на это реально-комическое изображеніе жизни. Отсюда и возникъ Декамеронъ. Такимъ образомъ, буржуазнымъ и вообще низшимъ слоямъ средневѣкового общества Боккаччіо обязанъ тѣмъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, которое иронически смотрѣло на аскетическіе и сантиментальные порывы духовенства и рыцарства и послужило точкой отправленія для зачинавшагося гуманизма и возрожденія. Этому настроенію Боккаччіо сочувствуетъ и затѣмъ остается совершенно безпристрастнымъ судьей буржуазныхъ классовъ, какимъ онъ былъ въ отношеніи другихъ явленій средневѣковой культуры, и съ одинаковою вѣрностью отражаетъ въ своемъ Декамеронѣ какъ положительныя, такъ и отрицательныя качества этихъ классовъ.

Простоватость Лоттеринги. Для образца послѣднихъ, т. е. отрицательныхъ, качествъ—вотъ характеристика Джьянни Лоттеринги изъ новеллы VII, 1: „Жилъ когда-то во Флоренціи, въ улицѣ св. Бранкаціо, одинъ прядильщикъ, по имени Джьянни Лоттеринги, человѣкъ болѣе искусный въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ разумный въ другихъ, ибо онъ былъ недалекій; часто выбирали его старшиной духовнаго братства Санта Марія Новелла, упражненіями котораго онъ долженъ былъ руководить, и много подобныхъ мѣстечекъ онъ нерѣдко занималъ, что заставляло его возмнить о себѣ; а доставлялись они ему потому, что, какъ человѣкъ состоятельный, онъ часто задавалъ монахамъ хорошія угощенія. А за то, что одинъ у него выманивалъ порою носки, этотъ капюшонъ, тотъ наплечникъ, они научали его хорошимъ молитвамъ, дарили ему „Отче нашъ" на итальянскимъ языкѣ, стихъ о св. Алексѣѣ, плачъ св. Бернарда, похвалу доннѣ

Матильдѣ и другія подобныя вещи, которыя онъ всѣ старательно хранилъ...“

Высокій духъ Чисти.

Если въ этомъ отрывкѣ за буржуа ухаживаетъ духовенство,— въ новеллѣ VI, 2 мы видимъ почтеннаго представителя буржуазіи въ столь же знаменательномъ столкновеніи со знатью. Новелла эта носитъ заглавіе: „Хлѣбникъ Чисти вразумляетъ однимъ словомъ мессера Джери Спина, обратившагося къ нему съ нескромною просьбой“. Она открывается очень любопытнымъ вступленіемъ: „Прекрасныя дамы,—начинаетъ разсказчица,—я сама по себѣ не умѣю рѣшить, кто болѣе погрѣшаетъ, природа ли, уготовляя благородной душѣ презрѣнное тѣло, или судьба, доставляя тѣлу, одаренному благородною душой, низменное ремесло, какъ то мы могли видѣть на Чисти, нашемъ согражданинѣ, и еще на многихъ другихъ. Этого Чисти, обладавшаго высокимъ духомъ, судьба сдѣлала хлѣбникомъ. И я, навѣрно, прокляла бы одинаково и природу и судьбу, если бы не знала, что природа мудра, а у фортуны тысяча глазъ, хотя глупцы и изображаютъ ее слѣпой. Я полагаю, что, будучи многомудрыми, онѣ поступаютъ, какъ часто дѣлаютъ смертные люди, которые, при неизвѣстности будущаго, хоронятъ для своихъ надобностей самыя дорогія свои вещи въ самыхъ невидныхъ мѣстахъ своего дома, какъ менѣе возбуждающихъ подозрѣнія, но извлекаютъ ихъ оттуда въ случаѣ большой нужды; ибо невидное мѣсто сохранитъ ихъ вѣрнѣе, чѣмъ сдѣлала бы то прекрасная комната. Такъ и обѣ прислужницы свѣта скрываютъ свои наиболѣе дорогіе предметы подъ сѣнью ремеслъ, почитаемыхъ самыми низкими, дабы тѣмъ ярче проявился ихъ блескъ, когда онѣ извлекутъ ихъ оттуда, когда нужно“.

Самъ по себѣ анекдотъ этой новеллы не представляетъ интереса, но интересна та бытовая рамка, въ которую онъ вставленъ и которую мы извлечемъ изъ новеллы: „У хлѣбника Чисти была своя пекарня и онъ самъ занимался своимъ ремесломъ. Хотя судьба удѣлила ему ремесло очень низменное, тѣмъ не менѣе такъ ему въ немъ благопріятствовала, что онъ сталъ богачомъ, но, ни за что не желая перемѣнить его на какое-нибудь другое, жилъ очень роскошно, держа, въ числѣ прочихъ хорошихъ вещей, лучшія бѣлыя и красныя вина, какія только находились во Флоренціи или въ окрестности. Видя, что мессеръ Джери и папскіе послы всякое утро проходятъ мимо его двери, а жаръ стоялъ большой, онъ подумалъ, что было бы очень радушно съ его стороны дать имъ напиться его бѣлаго вина; но, сравнивая свое положеніе съ

положеніемъ мессера Джери, полагалъ, что будетъ неприлично, если онъ отважится пригласить его, и онъ пріискалъ способъ, который бы побудилъ мессера Джери напроситься самому. Въ бѣлоснѣжной курткѣ, всегда въ чисто выстиранномъ передникѣ, дававшемъ ему видъ скорѣе мельника, чѣмъ пекаря, каждое утро, въ часъ, когда, по его соображеніямъ, долженъ былъ проходить мессеръ Джери съ посланниками, онъ приказывалъ ставить передъ дверью новенькое луженое ведро съ холодною водой, небольшой болонскій кувшинъ своего хорошаго бѣлаго вина и два стакана, казавшіеся серебряными: такъ они блестѣли; усѣвшись, когда они проходили, и сплюнувъ разъ или два, онъ принимался пить свое вино, да такъ вкусно, что у мертвыхъ возбудилъ бы къ нему охоту. Увидѣвъ это разъ и два утромъ, мессеръ Джери спросилъ на третье: „Ну, каково оно, Чисти, хорошо ли?“ Чисти, тотчасъ же вставъ, отвѣтилъ: „Да, мессере, но насколько, этого я не могу дать вамъ понять, если вы сами не отвѣдаете“. У мессера Джери, отъ погоды ли, или отъ того, что онъ усталъ болѣе обыкновеннаго, либо заманило его, какъ пилъ Чисти, явилась жажда; обратившись къ посланникамъ, онъ сказалъ, улыбаясь: „Господа, хорошо бы намъ отвѣдать вина у этого почтеннаго человѣка; можетъ быть, оно такое, что мы не раскаемся“. И онъ вмѣстѣ съ ними направился къ Чисти; тотъ велѣлъ вытащить изъ пекарни хорошую лавку и попросилъ ихъ сѣсть, а ихъ слугамъ, подошедшимъ выполоскать стаканы, сказалъ: „Ступайте себѣ, братцы, дайте сдѣлать это мнѣ, потому что наливать я умѣю не хуже, чѣмъ ставить хлѣбы; и не думайте, чтобы вамъ удалось отвѣдать хоть капельку“. Такъ сказавъ, онъ самъ выполоскалъ четыре хорошихъ новыхъ стакана, велѣлъ принести небольшой кувшинчикъ своего добраго вина и сталъ прилежно наливать мессеру Джери съ товарищами. Вино показалось имъ такимъ, что лучше его они давно не пивали, потому что очень расхвалили его, и пока оставались тамъ посланники, почти каждый день мессеръ Джери ходилъ съ ними пить.

Когда они покончили свои дѣла и готовились къ отъѣзду, мессеръ Джери устроилъ великолѣпный пиръ, на который, приглашая нѣсколькихъ изъ наиболѣе именитыхъ гражданъ, велѣлъ позвать и Чисти, который ни подъ какимъ условіемъ не захотѣлъ пойти,—но въ отвѣтъ на эту любезность—прислалъ въ домъ мессера Джери цѣлый боченокъ понравившагося ему вина.

Мессеръ Джери очень охотно принялъ подарокъ Чисти, воздалъ

ему благодарность, какая ему показалась приличной, и съ тѣхъ поръ всегда считалъ его человѣкомъ достойнымъ и своимъ пріятелемъ".

„Разсказецъ этотъ, — замѣчаетъ одинъ критикъ Декамерона,— какъ прекрасная жанровая картинка изъ быта средневѣковой общины, проливаетъ яркій свѣтъ на общественныя отношенія того времени: мы видимъ тутъ и богатство ея горожанъ, не боящихся труда, и ихъ отношеніе къ властямъ, къ высшему сословію,— хлѣбникъ не отваживается предложить вина благороднымъ людямъ, а знатный дворянинъ не можетъ не видѣть усиливающагося значенія буржуазіи и приглашаетъ ремесленниковъ на обѣдъ въ честь высокихъ посланниковъ. Въ этомъ анекдотѣ живо чувствуется сила того общества, которое поднимаетъ могущество своихъ ремесленныхъ и купеческихъ фамилій такъ высоко, что пройдетъ нѣсколько времени, и эти фамиліи сдѣлаются банкирами и будутъ, какъ Медичи, держать въ своихъ рукахъ судьбы европейской политики... Нельзя не сознаться, что разсказчикъ былъ и великій поэтъ, если въ его незатѣйливомъ анекдотѣ такъ живо возникаетъ физіономія города, такъ рельефно выдѣляется характеристическая фигура зажиточнаго ремесленника,—хлѣбникъ себѣ на умѣ, знаетъ, какъ поддѣть великихъ міра сего, знаетъ, какъ думать и объ ихъ прислугѣ, понимаетъ себѣ цѣну, но видитъ и свое мѣсто въ лѣстницѣ общественной іерархіи".

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что отношенія поэта къ буржуазіи столь же просты, какъ и отношенія его къ рыцарству: никакое низкое ремесло не скроетъ отъ него благородства души человѣческой, точно такъ же, какъ никакое знатное происхожденіе не замѣнитъ для него этого благородства, если его не будетъ у рыцаря.

Остается сказать о Декамеронѣ еще нѣсколько словъ, резюмирующихъ все сказанное о немъ.

Заключеніе о Боккаччіо.

Подчиняясь влеченіямъ собственной природы и окружавшей его среды, Боккаччіо примкнулъ къ тому теченію средневѣковой мысли, которое шло отъ буржуазныхъ и вообще низшихъ слоевъ тогдашняго общества и своимъ свѣтскимъ, реально-комическимъ характеромъ составляло противовѣсъ религіозному, идеально-энтузіастическому настроенію эпохи. Это настроеніе, полагавшее конечною цѣлью всякой дѣятельности распространеніе правой вѣры съ мечомъ въ рукѣ и воспитавшее сословія монаховъ и рыцарей съ ихъ мистицизмомъ, символикой и аллегоріей,—не трогало Боккаччіо, и онъ не чувствовалъ желанія приносить свою личность

въ жертву общимъ принципамъ. Это былъ червь земли, не сынъ небесъ, по самой природѣ своей,—и притомъ червь земли итальянской и въ частности флорентійской, умѣвшой цѣнить житейскія удобства; понятно, что, въ противоположность среднимъ вѣкамъ, презиравшимъ плоть, онъ представляетъ себѣ человѣка только какъ гармонію души и тѣла и требуотъ, чтобы душа была благородна, а тѣло здорово, т. е. чтобы душа не культивировалась на счетъ тѣла, а тѣло—на счетъ души. И выше этой гармоніи, этой общей всѣмъ намъ основы человѣческаго типа, Боккаччіо ничего не знаетъ; только къ ней онъ стремится самъ и только ее проповѣдуетъ другимъ; читая его Декамеронъ, мы можемъ сказать о немъ, что это человѣкъ, т. е. существо, одаренное извѣстными умственными и физическими потребностями и не чувствующее симпатіи развѣ лишь къ одностороннимъ представителямъ аскетизма, а въ остальномъ авторъ Декамерона стоитъ выше всякихъ сословныхъ интересовъ и симпатій и съ одинаковымъ безпристрастіемъ отмѣчаетъ какъ сильныя, такъ и слабыя стороны различныхъ классовъ средневѣковаго общества. Онъ смѣется надъ монахами, если они нравственно распускаются и стараются прикрыть свою распущенность маской лицемѣрія; онъ смѣется надъ рыцарствомъ, если оно обращается въ аристократическую касту, предпочитающую знатное происхожденіе душевному благородству; онъ смѣется надъ учеными медиками и юристами, если они поглотили ученость, не жевавши ея, и остались такими же простецами, какими были бы и безъ учености; онъ смѣется надъ разбогатѣвшими буржуа, если они, несмотря на счастливое обогащеніе свое, представляютъ изъ себя глупый кошель, въ который можетъ запустить руку первый наткнувшійся на него проходимецъ; но тотъ же Боккаччіо способенъ глубоко уважать истинныхъ пастырей церкви, поучающихъ паству дѣломъ, а не словами; способенъ тепло обрисовать рыцарскую куртуазію, какъ форму облагороженной общественности; способенъ оцѣнить достойныхъ представителей научныхъ стремленій и дать почувствовать ихъ нравственную силу; способенъ за низкимъ ремесломъ булочника открыть высокую душу... Словомъ, всюду вѣетъ въ Декамеронѣ здравый смыслъ человѣка, тотъ смыслъ, который людямъ XIV и XV столѣтій не позволилъ удовлетвориться порядками, существовавшими въ средніе вѣка, а заставилъ ихъ и самого Боккаччіо прежде всѣхъ искать иныхъ путей и—направилъ къ античному міру: веселыхъ реалистовъ превратилъ въ ученыхъ гуманистовъ.

III.

Кентерберійскіе разсказы Чосера.

Сравненіе Кентерберійскихъ разсказовъ съ Декамерономъ.

Переходимъ къ Чосеру. Несомнѣнно, что его Кентерберійскіе разсказы (около 1393 года) возникли подъ вліяніемъ Декамерона Боккаччіо. Сравнивая между собою эти два поэтическія произведенія, мы замѣчаемъ прежде всего, что въ общемъ великое англійское произведеніе сохранило ту же здравость и широту міросозерцанія, которую мы наблюдали у Боккаччіо и которая такъ свойственна литературѣ фабліо; однако въ частностяхъ, болѣе или менѣе крупныхъ, оказываются перемѣны, и главная изъ нихъ та, что гуманистическая оппозиція итальянскаго поэта противъ современнаго ему духовенства рѣшительно смѣняется оппозиціей протестантской: оппозиція во имя свободнаго удовлетворенія всѣхъ естественныхъ потребностей человѣка смѣняется оппозиціей во имя чистоты первоначальной христіанской общины. Сѣверная нація, и притомъ германская, не то, что нація южная, и притомъ романская; сѣверянинъ — не жизнерадостный художникъ, подобно южанину, а строгій моралистъ. Это относительно содержанія; что же касается формы, пріемовъ поэтическаго творчества, то реализмъ Чосера выше, свободнѣе и глубже реализма Боккаччіо: здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ тѣмъ широкимъ и вольнымъ изображеніемъ характеровъ, съ тѣмъ умѣньемъ создавать живыхъ людей, которое является также типическою особенностью поэзіи англичанъ и въ области котораго недосягаемое мастерство обнаружилъ безсмертный Шекспиръ. Послѣ этого общаго замѣчанія о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя долженъ былъ претерпѣть Декамеронъ, переходя на англійскую почву, приступимъ къ подробному анализу Кентерберійскихъ разсказовъ.

Общій прологъ разсказовъ.

Свои размышленія о Декамеронѣ Боккаччіо мы начали съ указанія на реальное изображеніе Черной смерти на первыхъ страницахъ его. Такимъ же реализмомъ, но только въ несравненно большей степени, вѣетъ и отъ первыхъ страницъ Кентерберійскихъ разсказовъ. Здѣсь мы находимъ такъ называемый Общій прологъ, въ которомъ поэтъ знакомитъ насъ съ дѣйствующими лицами своихъ разсказовъ: это—тридцать человѣкъ, собравшихся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ гостиницѣ подъ вывѣской Гарольдова плаща, или, по-англійски, Табарда, въ предмѣстьѣ Лондона, Соутверкѣ,— собравшихся съ тѣмъ, чтобы отправиться на богомолье въ Кентерберійскій соборъ, гдѣ покоились мощи св. муч. Ѳомы Бекета.

Положительно не знаешь, чему здѣсь болѣе удивляться, — глубокому ли Чосерову знанію людей или той ловкости, съ которою поэтъ передаетъ намъ эти знанія наглядно. Характеристики Общаго пролога разрѣшаютъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ искусства: онѣ индивидуальны и типичны въ то же время; съ одной стороны, каждая изъ нихъ производитъ на насъ впечатлѣніе конкретной, живой личности, а съ другой, представляетъ цѣлый классъ лицъ, и такъ какъ онѣ связываютъ изображеніе внѣшняго явленія съ такими особенностями человѣческаго духа, которыя остаются неизмѣнными во всѣ времена, хоть и подъ другими формами, то мы невольно переносимся въ ту среду, обрисовка которой составляетъ ближайшую задачу поэта. Мы сразу понимаемъ духъ этой среды и понимаемъ лучше, чѣмъ при посредствѣ длинныхъ историческихъ изслѣдованій. Мы чувствуемъ себя въ обществѣ рыцаря и настоятельницы, нищенствующаго монаха и продавца индульгенцій, какъ въ обществѣ своихъ старыхъ знакомыхъ, какъ будто мы видимъ ихъ ежедневно, какъ будто видѣли ихъ только вчера.

Но манерой реалистическаго творчества не исчерпывается вся цѣнность Общаго пролога; помимо того, въ прологѣ самъ поэтъ рисуется могучею личностью, вполнѣ развившеюся индивидуальностью, которая сумѣла подняться надъ окружавшей ее средой и обозрѣть всю картину, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета. Чосеръ говоритъ о среднихъ вѣкахъ такъ же объективно, какъ можетъ говорить о нихъ только человѣкъ, удаленный на цѣлыя столѣтія отъ этой эпохи. Онъ подмѣчаетъ всѣ важнѣйшія теченія средневѣковой жизни и спокойно анализируетъ ихъ, какъ анатомъ тотъ или другой организмъ: очевидно онъ господствуетъ надъ этими явленіями. Присмотримся къ нимъ и мы.

Феодальныя отношенія. Рыцарь.

Чосеръ начинаетъ съ рыцаря, главнаго представителя феодальныхъ отношеній.

> Въ числѣ богомольцевъ былъ рыцарь, достойный человѣкъ,
> Который съ того времени, какъ впервые началъ
> Выѣзжать на бой, полюбилъ рыцарство,
> Правду и честь, свободу и великодушіе (courtoisie);
> Доблестенъ онъ былъ въ войскѣ своего сюзерена,
> И никто не ѣзжалъ далѣе его
> Какъ въ христіанскихъ, такъ и въ языческихъ земляхъ,
> И всѣ его уважали за его достоинства.
> Онъ былъ подъ Александріей, когда ее брали,
> Весьма часто занималъ онъ на банкетахъ почетное мѣсто

Передъ рыцарями всѣхъ націй въ Пруссіи.
Онъ воевалъ въ Литвѣ и Россіи
Чаще, чѣмъ кто-либо изъ крещеныхъ людей его достоинства.
Онъ былъ также въ Гренадѣ, при осадѣ
Альджезира, и сражался въ Бельмаринѣ.
Онъ находился подъ Лойясомъ и Сатталіею,
При взятіи ихъ; и на Великомъ морѣ
Онъ бывалъ во многихъ знаменитыхъ опасностяхъ.
Онъ участвовалъ въ пятидесяти кровопролитныхъ сраженіяхъ
И бился за нашу вѣру при Трамединѣ
Трижды на поединкѣ и убилъ своего противника;
Этотъ дѣйствительно достойный рыцарь ходилъ также
Нѣкогда съ владѣтелемъ Палатіи
Противъ другого язычника въ Турцію;
И всегда онъ считался первымъ.
Сколько онъ былъ храбръ, столько же и благоразуменъ;
И въ своемъ обхожденіи былъ кротокъ, какъ дѣвица.
Онъ даже никогда во всю свою жизнь
Ни одному человѣку не сказалъ браннаго слова.
Онъ былъ совершенно благородный рыцарь.
Что же касается его экипировки,
То конь его былъ добрый, но не нарядный,
А бумазейный костюмъ былъ совсѣмъ истертъ латами,
Потому что рыцарь незадолго передъ тѣмъ возвратился изъ похода
И отправился на богомолье. (Стихи 42—78).

Не легко исчерпать все содержаніе этой характеристики, образцовой по полнотѣ своей и законченности: потребовался бы обширный культурно-историческій комментарій для того, чтобы раскрыть все богатое содержаніе этихъ стиховъ и пріобщиться къ той жизни, которою вѣетъ отъ нихъ. Отмѣтимъ лишь существенное. Характеристика распадается на три части, изъ коихъ первая рисуетъ браннолюбивый духъ рыцаря, вторая — его джентльменство, куртуазію, и третья—его скромную внѣшность. Трудно найти болѣе сжатый и болѣе полный разсказъ о рыцарскихъ доблестяхъ, чѣмъ написанный Чосеромъ въ первыхъ стихахъ приведенной цитаты: нельзя не чувствовать, что написать его можно было лишь въ ту эпоху, въ которую жили Черный Принцъ, сэръ Вальтеръ Манни и тысячи другихъ паладиновъ, отличившихся при Кресси и Пуатье,— въ ту эпоху, когда крестовые походы, можно сказать, не прерывались въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, гдѣ только христіане приходили въ соприкосновеніе съ магометанами. Въ слѣдующихъ стихахъ Чосеръ рисуетъ джентльменство своего героя: это—не грубый воитель, старающійся обогатиться на чужой счетъ, но благородный энтузіастъ, поднимающій мечъ во имя господствующаго принципа

эпохи и носящій въ груди своей глубокія и горячія чувства. Характеристика заключается изображеніемъ скромной внѣшности рыцаря, которая такъ правдиво гармонируетъ съ его внутреннимъ настроеніемъ: онъ ѣдетъ на своемъ боевомъ конѣ не въ роскошномъ, фантастическомъ одѣяніи, которое тогда носили въ мирное время, но въ простомъ военномъ платьѣ изъ грубой матеріи со слѣдами тренія и ржавчины отъ кирасы. Два послѣдніе стиха, какъ итогъ всей характеристики, положительно бесподобны: степенный, глубоко-набожный, какъ всѣ люди, которые, по образу своей жизни, постоянно подвергаются опасности, рыцарь посвящаетъ первыя минуты по возвращеніи въ Англію — благодарности Промыслу за спасеніе свое на войнѣ

Оруженосецъ. Боккаччіо показалъ намъ своего рыцаря, Федериго дельи Альберити, въ моментъ его служенія дамѣ; рыцарь Чосера уже пережилъ этотъ періодъ: онъ — супругъ и отецъ, ѣдетъ на богомолье въ сопровожденіи своего двадцатилѣтняго сына, и отъ всей фигуры его вѣетъ почти монашеской религіозностью. Служеніе дамѣ Чосеръ сдалъ другому представителю феодальной культуры,— молодому сыну нашего рыцаря и его же воспитаннику въ бранномъ дѣлѣ, — оруженосцу, какъ называли тогда юношу, домогавшагося рыцарскаго достоинства. Характеристика этого оруженосца оказывается понятной при самомъ легкомъ знакомствѣ съ средними вѣками, бросая яркіе лучи свѣта на ту сферу, отъ которой она сама получаетъ освѣщеніе, и мы приводимъ ее всю, подобно предыдущей: атлетическая сила и ловкость юноши того времени, его блестящій нарядъ, его поэтическое настроеніе и совершенство въ искусствахъ, особенно въ музыкѣ и пѣніи, все это живьемъ вырисовывается предъ нами въ стихахъ Чосера, и въ общемъ получается молодой, кипящій физическою мощью человѣкъ, котораго еще не коснулось серьезное умственное развитіе.

Съ рыцаремъ былъ его сынъ, молодой оруженосецъ,
Влюбленный и веселый юноша,
Съ вьющимися локонами, словно они вышли изъ-подъ пресса.
Ему было 20 лѣтъ, я полагаю.
Онъ былъ довольно высокаго росту,
Удивительно ловокъ и весьма силенъ.
Онъ уже нѣсколько разъ побывалъ въ походахъ
Во Фландріи, Артау и Пикардіи,
И отличился въ столь короткое время,
Въ надеждѣ заслужить благосклонность своей дамы.
Платье его было вышито, словно лугъ,
Полный свѣжихъ цвѣтовъ, бѣлыхъ и алыхъ.

Онъ цѣлый день пѣлъ и игралъ на флейтѣ,
И былъ свѣжъ, какъ мѣсяцъ май.
Платье на немъ было короткое, съ широкими и длинными рукавами.
Онъ сидѣлъ на лошади молодцомъ и ловко правилъ,
Умѣлъ складывать пѣсни и сказывать сказки,
Сражаться на турнирѣ, плясать и хорошо рисовать и писать.
Онъ такъ горячо любилъ, что въ ночное время
Спалъ не болѣе, чѣмъ спитъ соловей.
Онъ былъ вѣжливъ, почтителенъ и услужливъ,
И за столомъ разрѣзывалъ жаркое передъ своимъ отцомъ. (Ст. 79—100).

Йоменъ.

Не останавливаясь на разъясненіи мелкихъ штриховъ этого портрета, перейдемъ къ третьему представителю феодальныхъ отношеній у Чосера: это слѣдующій за рыцаремъ въ качествѣ слуги „Йоменъ, лично свободный хлѣбопашецъ или мелкопомѣстный владѣтель, который обрабатывалъ свою собственную маленькую пашню и обязанъ былъ по феодальному праву, на основаніи котораго онъ владѣлъ землей, отправлять въ хозяйствѣ своего сюзерена различныя должности второстепеннаго характера и сопровождать его на войну,—сословіе людей, принадлежавшее только Англіи и не имѣвшее ничего себѣ подобнаго ни во Франціи, ни въ Италіи, ни во Фландріи, ни въ Германіи. Изъ этого именно мужественнаго и сильнаго сословія свободныхъ йоменовъ выходили тѣ храбрые стрѣлки, которые, хотя подчинялись феодальному закону настолько, чтобы слѣдовать за знаменемъ своего сюзерена, однако, пользовались гораздо большею политическою свободою, нежели несчастная чернь, которую выгоняли копьями, чтобы, не прибавляя дѣйствительной силы, увеличить численность блестящаго французскаго войска; присутствіемъ этихъ храбрыхъ стрѣлковъ въ войскахъ Эдуарда III и Генриха V и слѣдуетъ объяснять почти баснословныя побѣды, въ которыхъ часто англійское войско, несравненно меньшее числомъ, разбивало въ прахъ цвѣтъ французскаго рыцарства“.

Рыцарь имѣлъ при себѣ йомена, и не было при немъ другого слуги
На ту пору, потому что ему такъ заблагоразсудилось выѣхать.
Йоменъ былъ одѣтъ въ зеленый кафтанъ съ капюшономъ,
Онъ бережно несъ за своимъ кушакомъ
Связку блестящихъ и острыхъ стрѣлъ съ павлиньими перьями.
Онъ чисто по-йоменски обходился съ своимъ оружіемъ:
На стрѣлахъ его перья никогда не обвисали;
Въ рукахъ же онъ несъ могучій лукъ.
Голова его была словно орѣхъ, а лицо загорѣлое.
Онъ хорошо зналъ всѣ обычаи лѣсной охоты.
На рукѣ онъ имѣлъ нарядный щитокъ,
При бедрѣ съ одной стороны—мечъ и щитъ,

А съ другой—нарядный кинжалъ,
Хорошо содержимый и острый, какъ конецъ копья;
Серебряный Христофоръ блестѣлъ на груди его.
Онъ имѣлъ рогъ на зеленой перевязи
И былъ, какъ я думаю, превосходный охотникъ. (Ст. 100—118.)

Въ Чосеровской критикѣ мы находимъ прекрасный комментарій къ главнѣйшему стиху этой цитаты. „Въ рукахъ же онъ несъ могучій лукъ“... Каждое слово этого стиха не только поражаетъ своею живописностью, но и съ исторической точки зрѣнія любопытно и знаменательно. „Лукъ, бывшій въ употребленіи у англичанъ и собственно называвшійся длиннымъ лукомъ, былъ совершенно иной и несравненно страшнѣе, чѣмъ лукъ генуэзцевъ и испанцевъ, самыхъ знаменитыхъ стрѣлковъ въ средніе вѣка на материкѣ Европы, хотя значительно уступавшихъ въ этомъ отношеніи англичанамъ: испанскій и итальянскій лукъ въ сравненіи съ знаменитымъ длиннымъ лукомъ англійскихъ йомоновъ походитъ на дѣтскую игрушку... Англійскій лукъ дѣлали соразмѣрно росту стрѣлка, для котораго онъ назначался, но всегда, по крайней мѣрѣ, на одинъ футъ выше; вслѣдствіе чего лукъ этотъ нельзя было носить иначе, какъ въ рукѣ. Онъ приготовлялся англійскими мастерами изъ ивы, самаго крѣпкаго и упругаго дерева, лучшій сортъ котораго привозили изъ Испаніи, и это составляло предметъ весьма значительной торговли. Употреблять съ пользою этотъ лукъ, имѣвшій крѣпость и упругость, пропорціональную длинѣ, могъ только человѣкъ, съ ранняго дѣтства развившій и укрѣпившій постоянными упражненіями свою природную силу. Этимъ объясняется происхожденіе безчисленныхъ законовъ и королевскихъ повелѣній, предписывавшихъ жителямъ городовъ и селъ постоянное употребленіе лука и стрѣльбу въ цѣль, каждое воскресенье и каждый праздникъ, послѣ богослуженія, во всѣхъ приходахъ Англіи. И столь поразительно было слѣдствіе постояннаго занятія стрѣльбою въ цѣль, что, по словамъ одного стариннаго лѣтописца, нельзя было не отличить стрѣлка отъ другого человѣка, на самомъ далекомъ разстояніи, по чрезмѣрному развитію мускуловъ правой руки и плеча. Величина стрѣлы необходимо была пропорціональна длинѣ лука и равнялась тремъ футамъ. Что дѣйствіе этого страшнаго оружія соотвѣтствовало его длинѣ и силѣ, разумѣется само собою. Фруассаръ, напр., разсказываетъ, что видѣлъ французскаго рыцаря въ полномъ вооруженіи изъ лучшей закаленной стали, совершенно прострѣленнаго англійскою стрѣлою, которая поэтому должна была

пробить двойныя латы,—вѣроятно, и кольчугу, — и, сверхъ того, сразить туловище человѣка“...

Живая группа, состоящая изъ рыцаря, его сына—оруженосца и ихъ слуги, йомена, и выведенная Чосеромъ въ первыхъ 120 стихахъ Общаго пролога, характеризуетъ военную, публичную, показную сторону средневѣковой аристократіи, но отъ всеобъемлющаго взгляда великаго художника не ускользнула и другая ея сторона,—мирная, домашняя, обыденная жизнь этой аристократіи,— и онъ находитъ среди богомольцевъ, собравшихся въ гостиницѣ Табарда,—франклина, богатаго поземельнаго собственника, имѣнія котораго были свободны отъ налоговъ и военной службы, лежавшихъ на земляхъ, владѣемыхъ по феодальному праву. **Франклинъ**

Въ этой компаніи былъ помѣщикъ.
Борода его была бѣлая, какъ маргаритка;
Онъ былъ сангвиническаго темперамента.
Онъ очень любилъ по утрамъ сухари въ винѣ.
Все его желаніе заключалось въ томъ, чтобы жить весело,
Ибо онъ былъ родной сынъ Эпикура,
Который утверждалъ, что наслажденія
Составляютъ дѣйствительно высочайшее благо.
Онъ былъ хлѣбосолъ и даже большой,
Можно сказать, св. Юліанъ своей страны;
У него хлѣбъ и эль были всегда на-готовѣ;
И нигдѣ не было человѣка съ лучшими запасами вина.
Его домъ никогда не оставался безъ пирога
Изъ мяса или рыбы, и все было въ такомъ обиліи,
Что въ его домѣ было разливное море питей и кушаній
И всѣхъ лакомствъ, какія только можно себѣ представить.
По временамъ года онъ измѣнялъ свой обѣдъ и ужинъ.
Его птичники были наполнены жирными куропатками,
А садки многими карпами и щуками.
Горе было его повару, если соусъ не былъ
Пикантонъ и вкусенъ и если что-нибудь не было готово.
Большой столъ въ его залѣ всегда
Былъ накрытъ въ теченіе цѣлаго дня.
Въ мѣстныхъ собраніяхъ онъ господствовалъ.
Весьма часто онъ былъ избираемъ депутатомъ въ Нижнюю палату отъ своего графства.
Охотничій ножъ и весь шелковый патронташъ,
Бѣлый, какъ парное молоко, висѣли у него на поясѣ.
Онъ былъ шерифомъ и казначеемъ.
Нигдѣ не было столь славнаго помѣщика. (Ст. 333—362.)

Какая прелестная бытовая картинка! Мы живо чувствуемъ здѣсь дѣятельнаго, подвижнаго, неугомоннаго англичанина: въ немъ кровь

кипитъ, и онъ не видитъ грѣха въ томъ, чтобы хорошо самому поѣсть и попить, да и другихъ угостить; зато онъ на славу поработаетъ въ палатѣ депутатовъ или въ залѣ суда. Нужно понять глубокую противоположность между этимъ эпикурейски-настроеннымъ гражданскимъ дѣятелемъ и набожнымъ воиномъ, рыцаремъ начальныхъ стиховъ пролога! И однако оба эти явленія оказались доступны художнической думѣ Чосера, — и онъ съ одинаковою любовью принялъ ихъ на страницы своей безсмертной поэмы. Кто прочиталъ геніальное произведеніе англійскаго поэта, тотъ уже достаточно гарантированъ противъ одностороннихъ взглядовъ на средніе вѣка.

Духовенство.

Это чисто-художническое отношеніе Чосера къ жизни, эта способность его наслаждаться простымъ и спокойнымъ созерцаніемъ дѣйствительности (способность, знаменующая собой важный прогрессъ въ эстетическомъ и умственномъ развитіи западно-европейскаго человѣка) еще болѣе проявляется въ тѣхъ мѣстахъ Общаго пролога, гдѣ у него заходитъ рѣчь о духовенствѣ; онъ не только рисуетъ здѣсь отрицательные типы, увлекаясь реформаціонной сатирой, не только создаетъ положительные типы, увлекаясь реформаціоннымъ идеаломъ, но и просто—какъ художникъ—подходитъ къ явленію и отражаетъ его, предоставляя ему быть такъ, какъ оно есть въ сѣренькой дѣйствительности. Вслѣдствіе этого и характеристика духовенства у Чосера оставляетъ по себѣ ту же полноту впечатлѣнія, которую мы испытали, знакомясь съ его рыцарствомъ и которой мы тщетно стали бы искать у новеллиста Боккаччіо, имѣющаго предвзятую точку зрѣнія на окружающее. Остановимся сначала на такомъ именно заурядномъ явленіи, изображеніе котораго не возбуждаетъ въ душѣ нашей никакихъ страстей, а лишь преисполняетъ ее высокаго эстетическаго наслажденія. Это—игуменья, настоятельница монастыря, мать Эглантина.

Настоятельница монастыря.

Съ нами была также монахиня, игуменья,
Улыбка которой была полна простоты и робости;
Величайшая ея божба была: „клянусь св. Элоа!"
Ее звали госпожей Эглантиной.
Отлично она пѣла божественную службу
Весьма пріятнымъ носовымъ тономъ;
По-французски она говорила весьма правильно и изысканно,
Какъ обучали въ Стратфордѣ при Лукѣ;
Парижское же нарѣчіе было ей неизвѣстно.
За обѣдомъ высказывалось ея хорошее воспитаніе:
Она не роняла кусковъ изо рта
И не слишкомъ пачкала пальцовъ своихъ въ соусѣ;

Ловко умѣла подносить ко рту куски и весьма остерегалась,
Чтобы ни одна капля не упала ей на грудь.
Она находила величайшее удовольствіе въ хорошихъ манерахъ:
Такъ часто вытирала свои губы,
Что на ея кубкѣ не оставалось и въ четверть пенни
Жира, когда она переставала пить;
Съ приличіемъ брала себѣ кушанье
И подлинно держала себя съ большимъ достоинствомъ;
Она была весьма пріятна и любезна въ обращеніи
И старалась подражать пріемамъ
Придворныхъ, сохранять важность въ движеніяхъ
И обращать на себя вниманіе.
Что же касается ея характера,
То она была такъ сердобольна и жалостлива,
Что заплакала бы, увидавъ мышь,
Попавшую въ ловушку, мертвою или раненою.
Она держала маленькихъ собачекъ, которыхъ кормила
Жаренымъ, молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ,
И горько плакала, когда одна изъ нихъ околѣвала,
Или когда кто-нибудь ударялъ ихъ палкою.
Во всемъ проглядывало совѣстливое и нѣжное сердце.
Очень мило было сплоено ея покрывало;
Носъ у ней былъ прямой, глаза сѣрые, какъ стекло;
Ротъ весьма маленькій и къ тому же съ мягкими и алыми губами;
А лобъ, подлинно прекрасный,
Былъ, я думаю, почти въ двѣ ладони;
Вообще она была красиво сложена.
Сколько я замѣтилъ, ея плащъ былъ очень изященъ.
На рукѣ у нея висѣли изъ мелкаго коралла
Четки, украшенныя зеленою эмалью;
Къ нимъ былъ придѣланъ золотой, блестящій фермуаръ,
На которомъ было вырѣзано: вверху А подъ короной,
А внизу: Amor vincit omnia. (Ст. 118—162.)

Поистинѣ замѣчательны творческія способности Чосера, его умѣнье изъ малаго создать столь многое. Какіе-нибудь 40—50 стиховъ,— и передъ нами живая личность, очерченная съ головы до ногъ, и съ внѣшней стороны, и съ внутренней; и все это такъ просто, такъ незамысловато и безхитростно. Кто не понимаетъ, прочитавши эти стихи Чосера, что мать Эглантина старается совмѣстить въ себѣ большую барыню и монахиню? Ея характеръ и наружность представляютъ смѣшеніе утонченнаго свѣтскаго и моднаго жеманства со степенною монастырскою простотой, мастерское соединеніе чопорныхъ, аристократическихъ претензій съ полутрогательною, полусмѣшною чувствительностью старой дѣвы и монахини. Таково цѣлое, и столько же самаго высокаго реализма въ деталяхъ его: эта мяг-

кость рѣчи и манеры игуменьи, преобладаніе носовыхъ нотъ въ ея пѣніи, ея испорченный французскій языкъ, ея чувствительность, которая, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ заботъ жизни, создаетъ себѣ мелочные предлоги, все это дышитъ неподражаемымъ реализмомъ. А ея внѣшность!.. Прямой носъ, сѣрые глаза, маленькій ротъ, мягкія и алыя губы, широкій лобъ... Нужно быть совершенно лишеннымъ воображенія, чтобы, читая подобное описаніе, не воскликнуть: да я ее вижу живою!

Въ обстоятельныхъ комментаріяхъ къ Чосеру мы встрѣтили любопытную замѣтку о стихахъ: „за обѣдомъ выказывалось ея хорошее воспитаніе“ и пр. Для правильнаго представленія о средневѣковой культурѣ эта замѣтка можетъ оказаться не лишнею, и мы закончимъ ею характеристику матери Эглантины. „Въ ту эпоху, когда изобрѣтенія вилокъ приходилось ждать еще нѣсколько вѣковъ, и пальцы были единственнымъ орудіемъ для препровожденія неуклюжихъ кусковъ въ ротъ пирующаго, когда кухонное искусство находилось въ примитивномъ состояніи, когда подавали огромныя миски съ жирнымъ супомъ и громадныя блюда жареной говядины или даже цѣлыхъ кабановъ обносили вокругъ стола на вертелѣ, съ котораго каждый самъ могъ отрѣзать себѣ ножомъ или кинжаломъ любую часть, въ такую эпоху, очевидно, ничѣмъ такъ не могъ отличиться образованный гость отъ невѣжды, какъ относительною чистоплотностью и утонченностью своихъ пріемовъ за столомъ“. Мы видѣли, каковы были эти пріемы у госпожи Эглантины.

Какъ ни снисходительно смотритъ Чосеръ на монахиню,— съ точки зрѣнія аскетическаго идеала, она стоитъ на ложномъ пути: въ ней такъ много мірского и даже двусмысленнаго (Amor vincit omnia!); но это—безобидная личность, и Чосеръ хорошо сдѣлалъ, что приберегъ свое негодованіе для фактовъ болѣе значительныхъ; и въ такихъ у него не было недостатка. Уже изъ Декамерона Боккаччіо намъ извѣстно, что къ концу среднихъ вѣковъ монахи постепенно забыли суровые завѣты своихъ учителей и, пренебрегая душою, стали расточать на земныя наслажденія тѣ богатства, которыя скопились у нихъ въ рукахъ за время ихъ долгаго воздержанія. Въ результатѣ получилась полная нравственная распущенность... Чосеръ оказалъ немаловажныя услуги дѣлу западноевропейской реформаціи, подобно Боккаччіо и другимъ, смѣло преслѣдуя своей сатирой различныя злоупотребленія служителей церкви и обостряя въ обществѣ потребность реформы, и безъ того

острую. Когда читаешь его Кентерберійскіе разсказы, становится понятнымъ появленіе Уиклиффа.

Бенедиктинецъ.

Объ отношеніяхъ Чосера къ знаменитому оксфордскому протестанту будетъ сказано ниже, а теперь займемся двумя наименѣе отрицательными представителями современнаго Чосеру духовенства:

Тутъ былъ монахъ, настоящій молодчина,
Ѣздокъ и любитель охоты,
Такой здоровый, что годился въ аббаты.
Много щегольскихъ лошадей стояло у него въ конюшнѣ.
И когда онъ выѣзжалъ, то раздавалось бренчанье его узды.
При дуновеніи вѣтра, такъ звонко
И такъ громко, какъ колоколъ часовни
Того монастыря, въ которомъ этотъ лордъ имѣлъ келью.
Такъ какъ уставъ св. Мавра и св. Бенедикта
Устарѣлъ и былъ слишкомъ строгъ,
То этотъ бравый монахъ оставлялъ въ покоѣ старину
И шелъ по слѣдамъ новѣйшаго свѣта.
Онъ не цѣнилъ болѣе ощипанной курицы тотъ текстъ,
Гдѣ сказано, что охотники — не святые люди
И что монахъ внѣ кельи
Уподобляется рыбѣ внѣ воды.
Этотъ текстъ, по его мнѣнію, не стоитъ устрицы.
И я говорю, что онъ былъ правъ.
Для чого сталъ бы онъ ломать себѣ голову,
Впиваясь постоянно въ своей кельи въ книгу,
Или работать руками и трудиться,
Какъ предписывалъ Августинъ? Кто заботился бы о мірскомъ?
Пусть Августинъ себѣ трудится...
Поэтому нашъ монахъ и былъ настоящимъ наѣздникомъ.
У него были борзые, быстрые, какъ птица налету:
Въ охотѣ и травлѣ зайца
Поставлялъ онъ все свое удовольствіе, для котораго не щадилъ издержокъ.
Я видѣлъ его рукава, по краямъ опушенные
Бѣлкой, и притомъ самой лучшой въ цѣломъ краѣ.
Чтобы застегивать капюшонъ у подбородка,
Онъ употреблялъ золотую, искусной работы, булавку.
Головка которой изображала обнявшуюся парочку.
Голова ого была выбрита и блестѣла, какъ стекло;
Также блестѣло лицо его, словно чѣмъ вымазанное.
Это былъ баринъ толстый и жирный.
Глаза его заплыли и быстро бѣгали въ его головѣ,
Дымящейся, будто печь для плавленія свинца.
Его сапоги были гибкіе, его лошадь въ хорошемъ тѣлѣ,
Подлинно былъ онъ великолѣпный прелатъ.
Онъ не былъ блѣденъ и истощенъ, какъ привидѣнье.
Изъ всѣхъ жаркихъ онъ предпочиталъ жирнаго лебедя.
Его лошадь была темнокария. (Ст. 165—207).

Это мѣсто Общаго пролога не можетъ быть лучше пояснено, какъ ссылкой на тѣ цитаты изъ Декамерона, которыя были приведены выше: на разныхъ полюсахъ земного шара гласъ лучшихъ людей XIV вѣка свидѣтельствовалъ о томъ, что монашескій идеалъ перестааъ осуществляться даже въ монастыряхъ, и что на мѣстѣ его водворилась мерзость запустѣнія. Бенедиктинецъ Чосера погрязъ въ тѣхъ же чувственныхъ наслажденіяхъ, на которыя указывалъ и Боккаччіо. Ни умственный, ни физическій трудъ не плѣняютъ его, и онъ не живетъ въ своей келіи, а только „имѣетъ" ее, по остроумному выраженію поэта: ему нечего тамъ дѣлать, его удовольствія вовсе не келейнаго характера: его удовольствія — грубы, какъ средніе вѣка (чревоугодіе), его развлеченія — жестоки, какъ средніе вѣка (охота). Наружность бенедиктинца должна быть нагляднымъ обличеніемъ его образа жизни, и Чосеръ дѣйствительно умѣетъ изобразить ее: если даровитый поэтъ удивляетъ насъ такъ часто глубиной своего психологическаго анализа, которому положительно нѣтъ мѣста въ XIV столѣтіи, то о достоинствѣ его изображеній внѣшности предметовъ говорить не приходится.

Нищенствующіе монахи.

Средневѣковая церковь, неистощимая въ изобрѣтеніи средствъ пропаганды своего вліянія, создала ордена нищенствующихъ монаховъ... Въ 1224 году небольшая кучка францисканцевъ высадилась на берегъ Англіи въ Дуврѣ и направилась къ столицѣ. Различаясь между собою по національности, эти итальянцы, французы, англичане во всемъ остальномъ были подобны другъ другу: никто изъ нихъ не имѣлъ иной собственности, кромѣ клобука, рясы изъ толстой сѣрой матеріи, которою они прикрывали свою наготу, да веревки, которая опоясывала чресла ихъ. Самое большее — они носили при себѣ еще молитвенникъ и письменныя принадлежности. Въ буквальномъ смыслѣ слова нищіе, приступили они къ тому дѣлу, которое было на нихъ возложено. О низшихъ классахъ городского населенія духовенство до сихъ поръ, можно сказать, совсѣмъ не заботилось. Монастыри ютились на сельской территоріи подлѣ замковъ и помѣстій, а городскія церкви стояли всего ближе къ зажиточной буржуазіи. На поддержку бѣдныхъ горожанъ и пролетаріевъ, количество которыхъ особенно быстро возрастало въ торговыхъ и приморскихъ городахъ, и выступила нищенствующая братія. Въ узкихъ, грязныхъ, нездоровыхъ улицахъ этихъ городовъ населеніе непрерывно страдало отъ голода, нечистотъ, повальныхъ болѣзней, всевозможныхъ пороковъ и преступленій. Со

всѣми этими врагами человѣческаго рода хотѣли смѣло вступить въ бой францисканцы, старались путемъ отреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ поставить себя на одинъ уровень съ бѣднымъ городскимъ людомъ, внушить ему довѣріе къ себѣ и дѣлить съ нимъ всѣ превратности его безрадостной жизни. Такъ было въ началѣ XIII вѣка; теперь посмотримъ, какъ было въ концѣ XIV вѣка.

Тамъ былъ другой монахъ, нищенствующій, весельчакъ и острякъ,
Впрочемъ (гдѣ нужно) вполнѣ степенный мужъ.
Во всѣхъ 4 орденахъ не оказывалось никого, кто бы могъ
Говорить такъ прекрасно и забавно;
Для всего ордена онъ былъ большою поддержкой.
Онъ былъ любимъ и дружески принятъ
У помѣщиковъ цѣлой страны
И достопочтенныхъ городскихъ женщинъ;
Ибо имѣлъ большее право исповѣдывать,
Какъ самъ говорилъ, чѣмъ приходскій священникъ,
Потому что въ своемъ орденѣ былъ лиценціатомъ.
Полный снисхожденія, онъ выслушивалъ исповѣдь
И съ пріятностью разрѣшалъ отъ грѣховъ.
Онъ легко слагалъ эпитимію
Тѣмъ, отъ кого ожидалъ хорошаго подаянія;
Милостыня бѣдному ордену
Означала уже, что человѣкъ хорошо раскаялся:
Многіе люди имѣютъ столь жестокое сердце,
Что не могутъ плакать, хотя бы и сильно были тронуты;
Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы плакать и молиться,
Они могутъ давать деньги бѣдной братіи.
Его капюшонъ всегда былъ наполненъ ножичками
И булавками, которые онъ дарилъ своимъ почитательницамъ.
Голосъ у него былъ подлинно пріятный,
Онъ отлично пѣлъ и игралъ на ротѣ.
Въ высокихъ нотахъ ему принадлежало безспорное первенство.
Шея его была бѣла, какъ лилія;
Притомъ онъ былъ сильный боецъ.
Ему лучше были извѣстны въ каждомъ городѣ таверны,
Каждый трактирщикъ и каждый веселый буфетчикъ,
Чѣмъ убогій въ лазаретѣ или нищій,
Ибо для такого достопочтеннаго человѣка, какъ онъ,
Неприлично было бы, по его положенію,
Водить знакомство съ больными бѣдняками.
Было бы нечестно, не могло бы быть выгодно
Имѣть дѣло съ такимъ подлымъ народомъ.
Онъ всегда предпочиталъ богатыхъ купцовъ;
И вездѣ, гдѣ только можно было получить прибыль,
Онъ былъ учтивъ и готовъ на услуги.
Нигдѣ не было столь добродѣтельнаго человѣка.

Онъ былъ лучшій въ цѣломъ монастырѣ сборщикъ милостыни,
И будь у вдовы хоть одинъ только башмакъ
(Такъ пріятно было его In principio),—
Онъ получалъ грошъ прежде, нежели уходилъ.
Его короткая ряса была изъ двойного гаруса,
Только что изъ-подъ пресса и круглая, какъ колоколъ.
Онъ нѣсколько шепелявилъ изъ притворства,
Дабы англійскій языкъ былъ нѣженъ въ его устахъ;
И когда онъ игралъ на арфѣ, между пѣніомъ,
Его глаза сверкали,
Какъ звѣзды въ морозную ночь.
Этотъ почтенный монахъ назывался Губортомъ. (Ст. 208—271).

Итакъ, вотъ что было въ концѣ XIV вѣка, по словамъ Чосера. Въ XIII вѣкѣ нищенствующій монахъ шелъ въ Stinking lane, въ вонючій кварталъ города, къ такимъ же нищимъ, какъ онъ самъ; въ XIV вѣкѣ нищенствующій монахъ старался уйти изъ города къ какому-нибудь гостепріимному помѣщику; а если и оставался въ городѣ, то водился все съ людьми хлѣбными, въ родѣ трактирщиковъ, буфетчиковъ, представителей купечества и пр. Въ XIII вѣкѣ нищенствующій монахъ ничего не имѣлъ и ничего не хотѣлъ имѣть; въ XIV—онъ готовъ на все, лишь бы что-нибудь пріобрѣсти; въ XIII вѣкѣ нищенствующій монахъ былъ аскетомъ—человѣкомъ простымъ, но строгимъ къ самому себѣ и другимъ; въ XIV вѣкѣ онъ превращается въ сластолюбиваго, пронырливаго и лицемѣрнаго краснобая, обладающаго въ высокой степени искусствомъ мягкаго и пріятнаго обращенія съ грѣшниками — богатыми, разумѣется. Въ XIII вѣкѣ... но метаморфоза и такъ получается полная, и стремленія лучшихъ людей къ церковной реформѣ едва ли могли быть названы преждевременными для XIV вѣка.

Сельскій священникъ

Между тѣмъ какъ Боккаччіо, благочестивый по традиціи и чуждый искренняго религіознаго энтузіазма, охотно изображаетъ упадокъ нравственности въ современномъ ему духовенствѣ и не идетъ далѣе этой неприглядной дѣйствительности, Чосеръ, продуктъ той же почвы, что и Уиклиффъ, превосходя Боккаччіо рѣзкостью своей сатиры на духовенство, въ то же время рисуетъ намъ идеальное духовное лицо,—сельскаго священника.

Тамъ былъ также добрый священникъ,
Который имѣлъ бѣдный приходъ въ селѣ,
Но былъ богатъ святыми мыслями и дѣлами;
Притомъ онъ былъ ученый человѣкъ, клеркъ,
И училъ вѣрно, по Святому Писанію.

Онъ наставлялъ благочестію своихъ прихожанъ,
Былъ добродушенъ и удивительно прилеженъ,
А въ несчастіи очень терпѣливъ.
И это онъ доказалъ много разъ.
Очень неохотно предавалъ онъ проклятію за неплатежъ досятины,
И, безъ сомнѣнія, скорѣе былъ готовъ самъ удѣлить
Своимъ сосѣдямъ, неимущимъ прихожанамъ,
Изъ получаемыхъ имъ приношеній и своего собственнаго добра.
Онъ умѣлъ довольствоваться малымъ.
Его приходъ былъ великъ, и жилища въ немъ находились далеко другъ от друга,
Но онъ не отказывался ни въ дождь, ни въ бурю
Посѣщать больныхъ и скорбящихъ
Въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ прихода, богатыхъ и бѣдныхъ,
Пѣшкомъ и съ посохомъ въ рукѣ.
Онъ подавалъ своей паствѣ христіанскій примѣръ,
Сначала дѣлая самъ то, чему впослѣдствіи наставлялъ другихъ.
Онъ заимствовалъ эти слова изъ Евангелія
И прибавлялъ къ нимъ слѣдующее уподобленіе:
Если золото ржавѣетъ, то чего же ожидать отъ желѣза?
Ибо если священникъ не чистъ, которому мы ввѣряемся,
То не удивительно, что простой человѣкъ ржавѣетъ.
И будетъ срамъ, какъ скоро замѣтятъ о священникѣ,
Что пастырь въ грязи, а овцы чисты.
Вѣдь священникъ долженъ подавать примѣръ
Своею чистотою, какъ слѣдуетъ жить овцамъ.
Онъ не отдавалъ внаймы своего прихода
И не оставлялъ своихъ овецъ погрязнуть въ болотѣ,
Чтобы самому убѣжать въ Лондонъ, въ соборъ св. Павла,
И искать себѣ капеллу для служенія вѣчныхъ панихидъ,
Или затвориться въ монастырскую обитель,—
Но жилъ дома и хорошо стерегъ свою паству,
Дабы волкъ не расхитилъ ея.
Онъ былъ добрый пастырь, а не наемникъ,
И хотя былъ благодѣтеленъ и непороченъ,
Не былъ жестокъ съ грѣшниками,
Но давалъ умное и благое наставленье,
Указывалъ людямъ дорогу на небо добрымъ совѣтомъ.
И примѣромъ было его дѣло.
Но когда человѣкъ встрѣчался очень упрямый,
То все равно, принадлежалъ ли онъ къ высшему или низшему званію,
Онъ дѣлалъ ему безпощадно строгое наставленіе.
Лучшаго священника, я думаю, нигдѣ не было.
Онъ не гнался ни за пышностью ни за почестями
И въ дѣлахъ совѣсти не допускалъ тонкостей,
Закону Христа и его двѣнадцати апостоловъ
Онъ училъ, но сначала слѣдовалъ ему самъ (Ст. 479- 530.)

Эти важные въ историческомъ отношеніи стихи изъ поэмы Чосера невольно заставляютъ вспомнить объ его старшемъ современникѣ, Уиклиффѣ: до такой степени идеалы ихъ въ данномъ случаѣ оказываются тождественными. Вотъ какъ изображаетъ реформаторъ личность достойнаго служителя церкви: „Если ты священникъ, то возвысься надъ другими людьми святостью своихъ желаній, своихъ молитвъ, своихъ помысловъ, равно какъ своихъ словъ, совѣтовъ и наставленій. Да будутъ твои дѣянія открытою книгой, по которой бы міряне учились служить Богу и хранить Его заповѣди. Святая жизнь, всѣмъ извѣстная и постоянно соблюдаемая, окажетъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ красноречивая проповѣдь. Не трать своего имущества на празднества съ богатыми людьми; не бери изъ приношеній, которыя ты получаешь и которыя суть наслѣдіе нищихъ, не бери болѣе нужнаго для того, чтобы питаться умѣренно, одѣваться скромно, и посвяти остатокъ своего дохода облегченію положенія неимущихъ, которыхъ болѣзнь или слабость дѣлаютъ неспособными къ работѣ. Тогда ты будешь истиннымъ пастыремъ предъ Богомъ и предъ людьми". Спрашивается, какой же выводъ мы можемъ сдѣлать изъ этой параллели между взглядами Чосера и Уиклиффа на обязанности истиннаго пастыря стада Христова? Выводъ можетъ быть лишь тотъ, что и Уиклиффъ и Чосеръ—дѣти одного общаго движенія умовъ, при чемъ первый отражаетъ это движеніе вполнѣ и, какъ религіозный мыслитель, углубляетъ его, а второй, какъ образованный человѣкъ своего времени, только схватываетъ верхи, только констатируетъ фактъ упадка нравственности въ современномъ ему духовенствѣ и искренно желаетъ ей подъема. Но предполагать какія-либо личныя отношенія и вліянія между Уиклиффомъ и Чосеромъ и, напр., превращать поэта въ ученика реформатора—мы не имѣемъ основаній. Ибо, съ одной стороны, у Чосера нѣтъ спеціально-уиклиффскаго элемента,—извѣстныхъ новшествъ Уиклиффа, касающихся догматической и политической основы западнаго католицизма; а съ другой стороны, у Боккаччіо, въ его цитатѣ изъ новеллы III, 7, на которую уже было обращено вниманіе читателя,—развѣ нѣтъ въ зародышѣ того же идеальнаго священника, портретъ котораго съ такимъ мастерствомъ набросалъ англійскій поэтъ? Вся разница между Боккаччіо и Чосеромъ сводится лишь къ тому, что предшественникъ гуманизма ограничивается двумя-тремя отвлеченными фразами тамъ, гдѣ предшественникъ пуританизма находитъ наслажденіе въ обстоятельномъ конкретномъ творчествѣ.

Обращаемся къ свободнымъ профессіямъ у Чосора. И здѣсь мы наблюдаемъ то же широкое и вольное изображеніе общей картины, сказавшееся въ разнообразіи составляющихъ ее личностей, и то же широкое и вольное изображеніе каждаго характера, взятаго въ отдѣльности, сказавшееся въ необыкновенной его жизненности. Мы возьмемъ лишь четыре типа: клерка, юриста, медика и алхимика: они покажутъ намъ, каковы были въ средніе вѣка люди съ образованіемъ филологическимъ, юридическимъ, медицинскимъ и естественнымъ. Объ одномъ изъ нихъ, клеркѣ, мы уже имѣли случай упомянуть, когда встрѣтились съ подобною же личностью въ Декамеронѣ Боккаччіо.

Свободныя профессіи.

Клеркъ.

Тамъ былъ также оксфордскій клеркъ,
Который давно занимался логикой.
Лошадь его была худа, какъ грабли,
И я васъ удостовѣряю, что онъ самъ былъ не только не жиренъ,
Но казался исхудалымъ и истощеннымъ.
Его платье было изношено,
Ибо онъ еще не получилъ прихода
И не былъ удостоенъ какой-либо должности.
Ему было пріятнѣе имѣть у изголовья своей постели—
Два десятка книгъ въ красномъ или черномъ переплетѣ,
Аристотеля и его философію,
Чѣмъ богатыя одежды или скрипку, или лютню.
Но хотя онъ и былъ философъ,
Однако, въ сундукѣ у него было мало золота,
И все, что онъ могъ выпросить у своихъ родственниковъ,
Тратилъ на книги и на ученье,
И ревностно молился за спасеніе душъ
Тѣхъ, которые давали ему средства на ученье:
Объ ученьѣ пекся онъ больше всего.
Онъ не произносилъ ни одного слова болѣе, чѣмъ надо;
И все, что онъ говорилъ, было высокой мудрости,
И кратко, и сжато, и полно нравственныхъ изреченій.
Рѣчь его отзывалась строгою добродѣтелью.
Охотно онъ учился, охотно училъ и другихъ. (Ст. 286—310.)

По справедливому замѣчанію критики, клеркъ Чосера представляетъ счастливое pendant къ его сельскому священнику. Послѣдній для вѣры то же, что тотъ—для науки. Оба они не гонятся за матеріальнымъ благосостояніемъ; подарки, которые они получаютъ, являются для одного источникомъ благодѣяній, для другого средствомъ пріобрѣтенія книгъ. Самоотверженіемъ дышитъ вся фигура клерка!.. Все это такъ, но—исхудалый, въ изношенномъ платьѣ, на тощей клячѣ, и объясняющійся всегда въ учи-

тельномъ тонѣ (какъ слѣдуетъ жить людямъ!), тотъ же клеркъ сильно напоминаетъ другого энтузіаста, другого человѣка, самоотверженно преданнаго идеѣ, другого рыцаря печальнаго образа, Донъ Кихота Ламанчскаго...

Юристъ. Если въ студентѣ Чосера слишкомъ мало житейской мудрости или, точнѣе, совсѣмъ нѣтъ, то въ юристѣ его этой мудрости слишкомъ много.

Тамъ былъ тоже богатый опытностью,
Осторожный и благоразумный адвокатъ;
Онъ былъ разсудителенъ и весьма важенъ,
Какимъ и казался; рѣчи его были такъ мудры.
Онъ былъ часто назначаемъ судьей во время судебныхъ объѣздовъ,
И особымъ указомъ и полною грамотой.
За свое знаніе и за свою большую славу
Онъ получилъ большое возмездіо и много платьевъ.
Нигдѣ не было такого неутомимаго пріобрѣтателя.
Дѣйствительно, все шло ему въ полную собственность,
И его пріобрѣтенія не могли возбудить подозрѣнія.
Нигдѣ не было столь занятого человѣка, какъ онъ,
И, однако, онъ казался болѣе занятымъ, чѣмъ былъ.
Ему подробно были извѣстны всѣ дѣла и всѣ рѣшенія,
Бывшія со времени короля Вильгельма.
Кромѣ того, онъ могъ составлять бумаги и акты
Такъ, что нельзя было придѣпиться къ чему-либо въ его работѣ.
Всѣ указы онъ зналъ наизусть.
Онъ ѣхалъ въ скромномъ сѣромъ кафтанѣ,
Опоясанномъ пестрымъ шелковымъ кушакомъ;
О его наружности я болѣе не буду говорить. (Ст. 311—332.)

Опытность, осторожность, благоразуміе, разсудительность, мудрость—какія все солидныя добродѣтели для человѣка, практикующаго въ той или другой области знанія! Зато велика и награда ему: его домъ обстановкой своею, вѣроятно, напоминалъ магазинъ всякихъ рѣдкостей, и при всемъ томъ какъ скромна его наружность: онъ отнюдь не расположенъ носить на себѣ безполезные признаки своего богатства и про себя довольствуется сознаніемъ своей собственной силы. Но вѣнцомъ всего этого точнаго и живого описанія мы должны назвать двустишіе:

Нигдѣ не было столь занятого человѣка, какъ онъ,
И, однако, онъ казался болѣе занятымъ, чѣмъ былъ.

Что дѣлать!.. Это общая слабость если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ важныхъ людей.

Докторъ. Въ приведенной сейчасъ характеристикѣ адвоката особенно

ярко выступаетъ необычайная проницательность творческаго генія Чосера, его умѣнье—въ каждомъ единичномъ явленіи уловить общечеловѣческія, непреходящія черты, и такимъ образомъ сдѣлать это единичное явленіе типомъ всѣхъ подобныхъ явленій, независимо отъ ихъ мѣста и времени; то же самое мы должны замѣтить и объ его докторѣ: знаменуя собою средневѣковое явленіе въ совокупности своихъ деталей, портретъ этотъ, за вычетомъ извѣстныхъ частностей, приложимъ, однако, и къ явленіямъ несредневѣковымъ.

Съ нами былъ также докторъ медицины.
Во всемъ свѣтѣ не было ему равнаго,
Когда рѣчь шла о медицинѣ и хирургіи;
Ибо онъ былъ силенъ въ астрономіи.
Онъ лѣчилъ удивительно хорошо своего паціента
По часамъ, назначеннымъ натуральною магіей;
Искусно могъ онъ предсказывать исходъ болѣзни
По фигурамъ гороскопа своего больного.
Онъ зналъ причину каждой болѣзни,
Происходила ли она отъ темперамента,
Холоднаго или горячаго, или сырого, или сухого:
Онъ былъ превосходный практикантъ.
Узнавъ причину и корень недуга,
Тотчасъ онъ давалъ больному его лѣкарство;
Его аптекарь всегда былъ готовъ
Снабжать его микстурами и сиропами,
Ибо они давали другъ другу возможность наживаться;
Ихъ дружба велась уже съ давняго времени.
Хорошо онъ зналъ старика Эскулапа
И Діоскорида, также Руфа,
Старика Гиппократа, Галли и Галіена,
Серапіона, Дамаскина и Константина
Бернарда, Гатиздова и Гильбертина.
Онъ ѣлъ умѣренно,
Ибо кушанье его не заключало въ собѣ ничего лишняго,
А было весьма питательно и удобоваримо.
Немного изучалъ онъ Библію.
Онъ былъ одѣтъ въ малиновое съ голубымъ платье,
Подбитое тафтою и тонкой шелковой матеріей.
Однако онъ неохотно тратился
И берегъ то, что пріобрѣлъ во время чумы.
Такъ какъ золото въ медицинѣ есть крѣпительное средство,
То онъ любилъ золото по-преимуществу. (Ст. 413—446.)

Какъ и любое мѣсто Общаго пролога, выписанные стихи затрогиваютъ цѣлый рядъ фактовъ, не только весьма характерныхъ для средневѣковой культуры, но и прямо стоящихъ въ центрѣ ея. Изъ этихъ фактовъ крупнѣйшими мы должны признать связь средне-

вѣковой медицины съ магіей и астрологіей,—связь, знаменующую собой ту темную эпоху, когда люди вѣрили во вліяніе небесныхъ свѣтилъ на здоровье или болѣзнь различныхъ частей человѣческаго тѣла и думали, что одни дни благопріятны для срѣзанія мозолей, открытія крови и пріема слабительнаго, а другіе—нѣтъ...Намъ нечего углубляться во всѣ подробности этого факта, утратившаго рѣшительно всякое значеніе и смыслъ для нашего болѣе просвѣщеннаго времени и уже услышавшаго свой справедливый приговоръ въ той тонкой ироніи, съ которою великій англійскій поэтъ начертилъ портретъ своего доктора. Къ тому же у Чосера есть еще одинъ, и еще болѣе популярный въ средніе вѣка, представитель научнаго суевѣрія: это алхимикъ.

Алхимикъ. Изъ всѣхъ химерическихъ мечтаній отживающаго средневѣковья, которымъ имя магія, астрологія, демонологія, снотолкованіе и проч., съ особенною энергіей нападалъ глубокомысленный авторъ Кентерберійскихъ разсказовъ на алхимію. Да и понятно: со второй половины XIII вѣка, благодаря алхимическимъ сочиненіямъ Роджера Бэкона, изобрѣтеніе философскаго камня, или искусство дѣлать золото, или мультипликація, оказалось высочайшею цѣлью всякаго стремленія и стало причиной не одного трагическаго происшествія. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ слуга каноника, занимавшагося алхиміей:

I. Съ этимъ каноникомъ пробылъ я семь лѣтъ,
Но искусства его такъ и не постигъ;
Все, что я имѣлъ, я потерялъ у него,
И—то Богу извѣстно—такъ случилось и со многими другими.
Раньше я обыкновенно носилъ новое и нарядное платье
И вообще соблюдалъ приличную внѣшность.
Теперь же мнѣ приходится носить чуть ли не чулокъ на головѣ;
И если прежде мои щеки были свѣжи и румяны,
То теперь онѣ исхудали и стали блѣдны, какъ свинецъ
(Тотъ, кто поступилъ такъ со мной, пусть будетъ каяться впослѣдствіи);
А глаза мои отъ этой работы еще и теперь застилаетъ туманомъ:
Вотъ какія выгоды достаются мультипликаціи.
Это шарлатанское искусство такъ меня обчистило,
Что у меня не осталось ничего, что я имѣлъ,
И, кромѣ того, благодаря ему же, я запутался въ такіе долги,
Что мнѣ въ жизнь свою не выплатить ихъ
Тѣмъ, которые меня ссудили деньгами;
Пусть же всякій, имѣя меня въ виду, остережется на будущее время.
Кто бы ни увлекся этимъ искусствомъ,
Его благосостояніе, увѣряю васъ, погибло,
Если онъ будетъ упорствовать въ своемъ увлеченіи.

Клянусь Богомъ, онъ но къ иному придетъ,
Какъ опорожнитъ свой кошелекъ и поглупѣетъ во много разъ;
И когда онъ, по безумію своему,
Потеряетъ собственное имущество въ этой азартной игрѣ,
Тогда онъ начнетъ подстрекать другихъ
Къ тому же, какъ это уже сдѣлалъ онъ самъ;
Ибо дурной человѣкъ чувствуетъ радость и веселіе,
Если повергаетъ своихъ ближнихъ въ горе и злосчастіе...
Такъ говорилъ мнѣ однажды нѣкій клеркъ.

II. Но довольно объ этомъ; я разскажу вамъ теперь о нашихъ работахъ.
Въ ту минуту, когда мы должны приступить
Къ нашему дьявольскому занятію, мы кажемся удивительными мудрецами;
Во всей нашей терминологіи столько глубокой учености...
Я раздуваю огонь, такъ что у меня чуть не лопается сердце.
Нужно ли мнѣ разсказывать о томъ, въ какихъ пропорціяхъ
Должны быть взяты тѣ вещества, которыя мы пускаемъ въ дѣло,—
Пять или шесть унцій хорошо будетъ взять
Серебра или какое-нибудь другое количество?
И долженъ ли я перечислять вамъ имена такихъ тѣлъ,
Какъ оперментъ, жженная кость, желѣзныя опилки,
Которыя должны быть стерты въ самый тонкій порошокъ?
А также и то, какъ все это кладется въ глиняный сосудъ,
Какъ туда насыпается соль и перецъ
Раньше того порошка, о которомъ я сейчасъ сказалъ,—
Какъ этотъ сосудъ тщательно покрывается стеклянньмъ колоколомъ,
И о многихъ другихъ вещахъ, которыя мы тамъ продѣлываемъ?...—
Ибо всѣ наши усилія не приводятъ ни къ чему.
Нашъ оперментъ и сублимированный меркурій,
Нашъ свинецъ, стертый въ порошокъ съ порфиріемъ,
Въ томъ или другомъ количествѣ мы беремъ эти тѣла,
Ничто намъ не помогаетъ—нашъ трудъ затрачивается попусту.
И какіе бы газы ни поднимались у насъ,
Какіе бы осадки ни оставались па днѣ,
Ничто не въ состояніи помочь намъ въ нашемъ дѣлѣ.
Такимъ-то дьявольскимъ маноромъ исчезаетъ нашъ трудъ
И всѣ тѣ издержки, которыя мы должны были сдѣлать.
Есть очень много и другихъ вещей,
Которыя относятся къ нашему искусству,
Хотя я и не могу вычислить ихъ по порядку,
Потому что я не ученый человѣкъ,—
А разскажу вамъ о нихъ такъ, какъ онѣ придутъ мнѣ въ голову,
Не сортируя ихъ по настоящему.
Это—мѣдянка, лазурь, бораксъ,
Различные сосуды изъ глины и стекла,
Урипалы и десценсоріи,
Фіалы, тигеля, сублиматоріи,
Фляги, перегоночные кубы
И другіе подобные снаряды, едва ли стоящіе гроша

И труда вычислять ихъ всѣ...
Да если разсказывать все, то не хватило бы библіи,
Какой угодно толстой; поэтому самое лучшее
Всѣ эти имена оставить въ сторонѣ:
Итакъ, думается мнѣ, объ этомъ сказалъ я столько,
Чтобы заставить взбѣситься самаго страшнаго чорта.
III. Но нѣтъ! Еще не все: философскій камень,
Называемый эликсиромъ, искали мы всѣ;
Если бы мы его нашли, мы были бы тогда спокойнѣе;
Но предъ лицомъ Царя Небеснаго я заявляю,
Что, несмотря на все наше искусство,
Несмотря на всѣ наши старанія, онъ не хотѣлъ явиться къ намъ.
Онъ заманилъ насъ на огромныя затраты;
Мы почти обезумѣли, сожалѣя о томъ,
И однако добрая надежда прокрадывалась въ наше сердце,
И мы предполагали, хотя и очень страдали,
Что будемъ имъ обрадованы впослѣдствіи;
Такія предположенія и надежды сильны и устойчивы;
И я предупреждаю васъ,—вы не перестанете искать камня...
Таковы всѣ мультипликаторы. Если бы у нихъ не было ничего, кромѣ рубашки,
Которою они могли бы прикрыться на ночь,
Или плохого плаща, чтобы надѣть его днемъ,
Они продали бы ихъ, а деньги затратили бы на свое искусство...
Они не могутъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока у нихъ ничего не останется...
Кромѣ того, куда бы они ни пошли,
Всякій ихъ узнаетъ по запаху сѣры,
Ибо отъ нихъ несетъ, какъ отъ козы,
И запахъ этотъ такой острый,
Что на разстояніи цѣлой мили отъ нихъ
Онъ заражаетъ человѣка, повѣрьте мнѣ.
Такъ вотъ по запаху и по платью, которое расползается по всѣмъ швамъ,
Всякій желающій можетъ узнать этихъ господъ.
А если бы кто-нибудь спросилъ ихъ наединѣ,
Почему они одѣваются такъ расточительно,
Они сейчасъ же начали бы шептать ему на ухо,
Что если бы ихъ подстерегли,
Ихъ убили бы за ихъ знанія:
Видите, какъ обманываютъ они простаковъ!
Но довольно объ этомъ, я возвращаюсь къ своему разсказу.
Прежде чѣмъ сосудъ ставится на огонь
Съ извѣстнымъ количествомъ металловъ,
Мой господинъ смѣшиваетъ ихъ, и смѣшиваетъ именно самъ, а не кто другой...
Потому что, говорятъ, онъ дѣлаетъ это особенно искусно;
Во всякомъ случаѣ я знаю, что онъ пользуется такою репутаціей,
И все-таки частенько напрашивается на упреки,

И знаете, какимъ образомъ? Очень часто случается,
Что сосудъ разлетается вдребезги и—прощай все, что въ немъ содержится.
Въ этихъ металлахъ оказывается такая сила,
Что наша лабораторія не можетъ имъ противиться.
Хотя бы она была каменная.
Металлы ударяютъ въ стѣну такъ, что пробиваютъ ее,
И часть ихъ смѣшивается съ землей
(Такимъ образомъ мы теряемъ иной разъ нѣсколько фунтовъ),
Другая разлетается по полу,
А третья остается, безъ сомнѣнія, въ потолкѣ.
Хотя врагъ рода человѣческаго не является намъ воочію,
Я увѣренъ, что онъ, злодѣй, вертится тогда между нами,
И въ адѣ, гдѣ онъ господинъ и повелитель,
Стоны, раздоры и гнѣвъ не бываютъ сильнѣе....
Когда сосудъ разлетался прахомъ, какъ я сказалъ,
Каждый начиналъ ругаться въ досадѣ на поторю:
Одинъ говорилъ, что это произошло отъ разведенія огня,
Другой, что нѣтъ, а зависѣло это отъ раздуванья
(Тутъ угрозы сыпались на меня со всѣхъ сторонъ, потому что разду-
ванье было моею обязанностью);
Дурачье, кричалъ третій, неучи мы безмозглые!
Смѣсь была составлена не такъ, какъ слѣдуетъ.
Нѣтъ!—покрывалъ всѣхъ четвертый,—подождите и послушайте меня:
Вѣдь мы жгли не буковое дерево,—
Это и есть причина, а не что-нибудь другое, ей-Богу!
Я не могу вамъ сказать, отчего именно это происходило,
Но я очень хорошо знаю, что великій былъ споръ между нами.
Э!.. говорилъ мой хозяинъ, что случилось, то случилось.
Однако теперь я буду имѣть въ виду эти опасности.
Я совершенно увѣренъ, что реторта была съ трещиной;
Но какъ бы то ни было, мы не должны терять мужества;
По обыкновенію, выметите полъ поскорѣе;
Ободритесь и будьте веселы.—
Мы сметали соръ въ кучу,
Разстилали на полу платокъ,
Весь этотъ соръ клали въ сито
И долгое время сѣяли и разбирали его.
А, право!—говорилъ кто-нибудь, вѣдь кое-что
Еще осталось, хоть и не все.
И если это дѣло не удалось намъ теперь,
Въ другой разъ оно можетъ пойти удачнѣе:
Мы должны рискнуть нашимъ имуществомъ;
Не всегда же купецъ остается
При своемъ благополучіи, увѣряю васъ;
Иной разъ его добро оказывается на днѣ моря,
А въ другой—оно безъ вреда достигаетъ берега.
Молчаніе!—внушалъ между тѣмъ мой господинъ—послѣ этого я поста-
раюсь

Вести работу по совершенно новому методу,
И если я не преуспѣю, то поругайте меня:
Тутъ была одна ошибка,—я знаю, какая...
Огонь былъ слишкомъ силенъ,—соображалъ другой.
Но силенъ ли онъ былъ или слабъ, я осмѣлюсь сказать лишь то,
Что мы всегда кончаемъ болѣе, чѣмъ дурно.
Мы никогда не достигаемъ своей цѣли.
И, какъ безумные, неистовствуемъ все сильнѣе.
(Ст. 16188—16427.)

Нѣтъ надобности гоняться за какими-либо реальными разъясненіями къ этому отрывку изъ поэмы Чосера, потому что въ такомъ случаѣ произошло бы съ нами то же, что и со слугой каноника: отъ этихъ разъясненій мы не поумнѣли бы ни на волосъ! Предоставимъ поэтому мультипликацію золота средневѣковымъ алхимикамъ и лучше обратимъ вниманіе на художественную сторону цитаты. Чосеръ даетъ подробную, опирающуюся на самое тщательное изученіе дѣла картину занятій алхиміей. Первую часть отрывка онъ посвящаетъ изображенію разорительности этихъ занятій, во второй перечисляетъ ихъ элементы (это перечисленіе мы сократили, по крайней мѣрѣ, разъ въ десять), а въ третьей рисуетъ картину ихъ процессовъ. Въ первой части мы видимъ исхудалаго, блѣднаго, съ воспаленными глазами, полуодѣтаго молодого человѣка: это — въ наглядной формѣ — всѣ благодѣянія мультипликаціи. Во второй—предъ нами развертывается то алхимическое pêle-mêle всевозможныхъ склянокъ съ субстанціями, ретортъ, лампъ и печей, въ которое превратилось кругленькое состояніе упомянутаго молодого человѣка и другихъ ему подобныхъ искателей легкой наживы. Наконецъ, въ третьей—эти субстанціи и реторты разлетаются мелкою пылью по воздуху, и толпа обезумѣвшихъ отъ взрыва адептовъ алхиміи снова приступаетъ къ своимъ безуспѣшнымъ опытамъ, въ утѣшеніе себѣ повторяя сквозь слезы припѣвъ всякаго азартнаго игрока: авось на этотъ разъ мы будемъ счастливѣе!

Ремесла. Рядомъ съ наукою среднихъ вѣковъ разсмотримъ ихъ ремесла. Для того, чтобы лучше разобраться въ томъ обширномъ матеріалѣ, который даетъ Чосеръ въ Общемъ прологѣ для характеристики этой стороны средневѣковой культуры, установимъ и съ легкими замѣчаніями процитируемъ слѣдующія три группы: 1) купецъ и шкиперъ, который развозитъ его товары по морямъ, 2) пять ремесленниковъ, принадлежащихъ къ значительному городскому цеху, и 3) мельникъ и хлѣбопашецъ, который доставляетъ ему зерно на размолъ: уже одна эта голая классификація краснорѣчиво говоритъ о

томъ, какой широкій районъ охватывала художническая наблюдательность англійскаго поэта!

Тамъ былъ купецъ съ раздвоенною бородою, **Купецъ.**
Въ темномъ сѣромъ платьѣ, на высокой лошади,
Въ фламандской бобровой шляпѣ,
Въ сапогахъ съ красивыми и опрятными застежками.
Онъ излагалъ свои доводы съ важностью,
Постоянно имѣя въ виду увеличеніе своей прибыли.
Онъ желалъ, чтобы море было охраняемо во что бы то ни стало
Между Миддельбургомъ и Орсуеллемъ.
Ему хорошо былъ извѣстенъ курсъ экю.
Этимъ съ полнымъ успѣхомъ занималъ свой умъ сей почтенный человѣкъ.
Никто не могъ сказать, чтобы у него были долги,
Такъ хорошо велъ онъ свои дѣла,
Покупая на наличныя деньги и выдавая векселя.
По истинѣ онъ все-таки былъ достойный человѣкъ,
Но, правду сказать, я не знаю, какъ его зовутъ. (Ст. 272—284.)

Какъ и всѣ богомольцы, купецъ не скрылъ отъ Чосера присущихъ торговому человѣку слабостей, и поэтъ съ легкою ироніей отмѣчаетъ его постоянныя заботы о прибыли, желаніе замаскировать свои долги и пр. Но, — прибавляетъ безпристрастный наблюдатель жизни,—несмотря на свои слабости, это былъ все-таки достойный человѣкъ, игравшій не послѣднюю роль въ торговомъ движеніи того времени. Подлѣ купца всего приличнѣе поставить шкипера.

Тамъ былъ шкиперъ, жившій въ западной сторонѣ (Англіи); **Шкиперъ.**
Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ изъ Дартмута.
Онъ ѣхалъ, какъ умѣлъ, на клячѣ,
Въ платьѣ, упадавшемъ въ складкахъ до колѣнъ.
Кинжалъ, привязанный къ шнурку,
Висѣлъ черезъ плечо его.
Лѣтній зной сдѣлалъ цвѣтъ лица его совершенно коричневымъ.
И, конечно, онъ былъ добрый малый.
Немало вина онъ выпилъ
На пути изъ Бордо, пока спалъ купецъ.
Его не затрудняла разборчивая совѣсть,
Лишь бы ему сражаться и одерживать верхъ,—
Онъ обманывалъ всѣми способами.
Что касается его искусства разсчитывать вѣрно приливы,
Его знанія морскихъ токовъ и отмелей,
Положенія солнца и луны и его лоцманства,
То подобнаго ему не было отъ Гулля до Картагены.
Онъ былъ отваженъ и благоразуменъ, смѣю въ томъ удостовѣрить;
Не одна буря трепала его бороду;
Ему хорошо было извѣстно положеніе всѣхъ гаваней
Отъ Гатланда до мыса Финистерро

И каждой бухты въ Бретани и Испаніи.
Его судно называлось Магдалиной. (Ст. 390—412.)

Шкиперъ, или капитанъ купеческаго судна, — лицо въ высшей степени характерное для англійской націи, и его описаніе мастерски исполнено Чосеромъ: всѣ подробности въ этомъ описаніи замѣчательно вѣрно отражаютъ дѣйствительность. Шкиперъ ѣдетъ верхомъ на клячѣ, и поэтъ, отъ взора котораго никогда не ускользнетъ никакая мелочь, словами „какъ умѣлъ“ желалъ выразить вошедшую въ пословицу неловкость моряковъ въ верховой ѣздѣ. Прекрасно схвачено его лицо, загорѣлое отъ постояннаго дѣйствія вѣтра и солнца, а также его буйный характеръ. Хотъ и славный малый, онъ не отличается ни миролюбіемъ, ни даже слишкомъ строгой честностью; ибо по ночамъ не разъ отправлялся вскрывать боченки съ бордоскимъ виномъ, составлявшимъ грузъ его корабля, съ цѣлью пображничать на счетъ спавшаго купца, ихъ собственника. Исчисленіе предметовъ его разнообразнаго знанія—отмелей, морскихъ токовъ, маяковъ и проч., его значительныя свѣдѣнія въ астрономіи, все это составляетъ полную картину науки мореплаванія того отдаленнаго времени,—науки, многія части которой сохранились безъ измѣненія и до сей поры. Особенно хорошъ во всемъ этомъ описаніи стихъ: „Не одна буря трепала его бороду“: онъ вызываетъ въ нашей фантазіи образъ смѣлаго моряка въ борьбѣ съ бурей и придаетъ грубымъ чертамъ его величіе опасности.

Цеховые. Придерживаясь установленной классификаціи, мы выведемъ теперь группу городскихъ ремесленниковъ.

Торговецъ мануфактурными издѣліями и плотникъ,
Ткачъ, красильщикъ и обойщикъ
Имѣли всѣ одну одежду
Великаго и богатаго цеха.
На нихъ было платье совершенно новое;
Ножи ихъ были отдѣланы не въ мѣдь,
Но изящно украшены серебромъ,
Такъ же, какъ пояса и кошельки.
Каждый изъ нихъ имѣлъ видъ почтеннаго гражданина,
Достойнаго сидѣть въ думѣ, подъ балдахиномъ,
Каждый, за свою мудрость,
Былъ способенъ стать альдерманомъ,
Потому что имѣлъ порядочное состояніе и доходы.
И это мнѣніе вполнѣ раздѣляли ихъ супруги.
Иначе онѣ, конечно, заслуживали бы порицанія.
Очень пріятно называться Madame,
Стоять за всенощной впереди другихъ
И видѣть свой шлейфъ, по-царски несомый. (Ст. 363—380.)

Здѣсь не мѣсто—распространяться объ экономическомъ, политическомъ и филантропическомъ значеніи средневѣковыхъ ремесленныхъ цеховъ, сформировавшихся среди возникающей буржуазіи во имя того же стремленія слабой личности сомкнуться въ болѣе или менѣе солидную коллективную единицу, котороо такъ понятно въ эпоху среднихъ вѣковъ и проявляется на каждомъ шагу въ организаціи ихъ общественной жизни. Лучше обратимъ вниманіе на то, что Чосеръ умѣлъ оцѣнить всю характерность ремесленнаго цеха для средневѣковой культуры, отмѣтилъ этотъ фактъ и, несмотря на сравнительную краткость изображенія представителей его, далъ намъ почувствовать ихъ специфическое настроеніе: почтенные, трудолюбивые, состоятельные буржуа, которыхъ жены не прочь потягаться съ аристократками...

Мельникъ.

Предъ нами — классическая фигура, даже среди классическихъ фигуръ Чосера, популярнѣйшій изъ его героевъ въ Англіи, непремѣнный представитель табардской компаніи во всѣхъ хрестоматіяхъ по англійской литературѣ, — мельникъ, личность живая и коренастая, которую только и могла породить англійская нація, физически столько же сильная, сколько и умственно.

Мельникъ былъ дюжій мужикъ,
Съ сильными мускулами и крѣпкими костями;
Это онъ доказывалъ тѣмъ, что побѣждалъ всѣхъ,
И за кулачный бой получалъ всегда барана.
Онъ имѣлъ широкія плечи, короткое, но плотное туловище.
Не было воротъ, которыя бы онъ не могъ сбить съ петлей
Или проломить, ударивъ въ нихъ съ разбѣга головой.
Борода его была рыжая, какъ шерсть свиньи или лисицы,
И притомъ широкая, какъ лопата.
На самомъ кончикѣ его носа выросла
Бородавка, изъ которой выходилъ пучокъ волосъ,
Рыжихъ, какъ щетина въ ушахъ свиньи;
Ноздри его были черныя и широкія.
(Онъ имѣлъ кортикъ и маленькій щитъ).
Ротъ его былъ величиною съ отверстіе печи;
Онъ былъ забіяка и балагуръ
И говорилъ большею частью грязныя шутки и пакости.
Отлично умѣлъ онъ воровать рожь и брать пробную долю,
И однако, ей-Богу, былъ у него золотой палецъ.
На немъ былъ бѣлый кафтанъ и синяя шапка.
Онъ умѣлъ искусно играть на волынкѣ,
И подъ звуки ея мы вышли изъ города. (Ст. 547—568.)

„Всегда и вездѣ мельникъ есть главное и живописное лицо сельскаго общества. Обыкновенно самый богатый изъ всего населенія,

онъ часто бываетъ героемъ разнаго рода приключеній и отличается скорѣе веселымъ распутствомъ и забіячествомъ, чѣмъ строгою честностью, уже потому, что самое ремесло его представляетъ и искушеніе, и вмѣстѣ возможность къ похищенію ржи, ввѣренной ему для размола. Въ старинные годы мельникъ, сверхъ опредѣленной платы деньгами за пользованіе его мельницей и трудомъ, имѣлъ право взимать извѣстную долю съ каждаго мѣшка ржи, привозимаго на мельницу. Такъ какъ за количествомъ этого побора было чрезвычайно трудно услѣдить, то мельника почти повсемѣстно обвиняли въ томъ, что онъ воровалъ не одну пригоршню муки. Хотя мельникъ Чосера довольно рѣзко названъ такимъ же воромъ, какъ и вся его братія, тѣмъ не менѣе о немъ сказано, что у него большой палецъ изъ золота. Это выраженіе заключаетъ въ себѣ намекъ на старинную англійскую пословицу, которая говоритъ, что „у честнаго мельника большой палецъ изъ золота", т. е. что честный мельникъ вовсе не существуетъ. Большой палецъ мельника, вслѣдствіе постоянной повѣрки посредствомъ него качества размола муки, составляетъ характеристическій признакъ людей этого ремесла, будучи болѣе, чѣмъ у другихъ, широкъ, плосокъ и гладокъ".

Хлѣбопашецъ. Рядомъ съ мельникомъ мы поставили хлѣбопашца, роднаго брата того сельскаго священника, симпатичная личность котораго намъ уже извѣстна.

> Съ нимъ былъ земледѣлецъ, родной его братъ,
> Который вывезъ въ поле не одну телѣгу навоза.
> Онъ былъ истинно хорошій хлѣбопашецъ,
> Живущій въ согласіи и совершенной христіанской любви.
> Выше всего любилъ онъ Бога, любилъ Его всею своею душою,
> Безразлично, была ли ему отъ того прибыль или потеря;
> А послѣ любилъ ближняго, какъ самого себя.
> Онъ былъ всегда готовъ молотить или пахать, или боронить
> Ради Христа, для каждаго бѣднаго сосѣда
> Безплатно, если только имѣлъ возможность.
> Десятину свою онъ отбывалъ честно и охотно
> Какъ своею работой, такъ и своимъ имуществомъ.
> Онъ былъ въ блузѣ и ѣхалъ на кобылѣ. (Ст. 531—543.)

Этотъ портретъ не менѣе важенъ для характеристики англійскихъ идеаловъ, чѣмъ и портретъ мельника: онъ знаменуетъ собою ту глубоко-религіозную настроенность націи, которая дѣлаетъ Библію любимымъ чтеніемъ англійскаго народа и постоянно готова принять формы аскетическаго пуританизма XVII вѣка.

Предъ нами прошли отнюдь не всѣ дѣйствующія лица Кентерберійскихъ разсказовъ Чосера: по разнымъ причинамъ оставлены въ сторонѣ еще нѣсколько фигуръ, изученіе которыхъ могло бы пролить не мало свѣта и на средневѣковую культуру, и на переходъ ея къ новому времени, и на широту кругозора Чосера, и на удивительное могущество его творческаго генія. Таковы продавецъ индульгенцій, приставъ церковнаго суда, экономъ юридическаго факультета, управляющій богатаго аристократа, горожанка изъ Бата, — однимъ словомъ, типы, изъ коихъ созданіе каждаго въ отдѣльности сдѣлало бы честь любому художнику первой величины. Только отмѣтивъ ихъ присутствіе въ геніальномъ произведеніи англійскаго поэта для того, чтобы указать на все неисчерпаемо-богатое содержаніе его, обратимся къ центральной фигурѣ, которая объединила вокругъ себя всю компанію, собравшуюся въ гостиницѣ Табарда,—къ самому содержителю гостиницы, Гарри Бэйли.

Гарри Бэйли.

Немного стиховъ посвятилъ ему Чосеръ въ Общемъ прологѣ: зато онъ будетъ непремѣннымъ героемъ каждаго частнаго пролога, о которыхъ рѣчь впереди.

> Нашъ трактирщикъ былъ видный мужчина,
> Достойный сдѣлаться дворецкимъ въ любомъ замкѣ.
> Это былъ толстый человѣкъ съ заплывшими глазами;
> Болѣе краснаго горожанина не было на Чипѣ;
> Съ смѣлою рѣчью, благородный и хорошо воспитанный,
> Онъ имѣлъ всѣ достоинства.
> И притомъ онъ былъ веселый малый,
> И послѣ ужина началъ смѣяться
> И держалъ веселыя рѣчи .. (Ст. 752—762.)

Фигура эта въ культурномъ отношеніи (въ художественномъ, само собою разумѣется, какъ все у Чосера) представляетъ явленіе весьма интересное. Гарри Бэйли — типъ того буржуа, олицетвореніе той настроенности, которая въ средніе вѣка выработала литературу французскихъ фабліо и итальянскихъ новеллъ. Ему присуще то же жизнерадостное міросозерцаніе, та же ненасытная потребность чего-нибудь смѣшного и забавнаго, которую мы отмѣтили въ названной литературѣ, и которая не погибла подъ давленіемъ средневѣкового аскетизма, а съ торжествомъ вышла изъ борьбы и взрастила итальянскій гуманизмъ. Нужно прослѣдить типъ трактирщика черезъ все произведеніе для того, чтобы понять, какъ любитъ онъ похохотать отъ души по поводу какого-нибудь веселаго похожденія, какъ препирается съ благородными, которые требуютъ все глубокаго и правоучительнаго. Такъ, въ

прологѣ къ разсказу продавца индульгенцій происходитъ слѣдующая сцена.

Выслушавъ разсказъ доктора о несчастной Виргиніи, трактирщикъ говоритъ ему:

Ты такъ опечалилъ мое сердце,
Что съ нимъ чуть не приключился „порокъ",
Но — вотъ тебѣ Христосъ! — у меня есть лѣкарство противъ печали:
Или хлебнуть малую толику пѣнистаго эля,
Или прослушать какой-нибудь веселенькій разсказецъ...
Эй, be! amy, господинъ продавецъ индульгенцій,
Угости-ка насъ скорѣе какою-нибудь шуточкой...
Но тутъ подняли крикъ всѣ благородные:
Нѣтъ, нѣтъ, не давайте ему говорить пакостей!..
Лучше разскажите намъ что-нибудь нравоучительное
И глубокое, и тогда мы съ удовольствіемъ послушаемъ. (Ст. 12245 12259.)

Если Гарри старается всегда самъ быть веселымъ, а на случай печали имѣетъ двухъ утѣшителей, хорошую пирушку или забавную повѣстушку, то, съ другой стороны, малѣйшая наклонность его собесѣдника къ задумчивости, сосредоточенности, серьозности уже непріятна ему, и онъ журитъ за это клерка, сельскаго священника, самого автора разсказовъ (онъ тоже былъ въ числѣ богомольцевъ, собравшихся въ Табардѣ). Главное, смотри весело на міръ Божій, — говоритъ онъ, — не теряй хорошаго расположенія духа, и тогда все будетъ прекрасно. Такова философія трактирщика, которую онъ высказываетъ въ прологѣ къ повѣсти монастырскаго священника...

Тутъ обратился нашъ трактирщикъ съ развязною рѣчью
Къ монастырскому священнику и сказалъ:
Сюда, отецъ, сюда, сэръ Джонъ,
Разскажи намъ что-нибудь такое, отъ чего бы взыграли наши сердца.
Будь веселъ, хоть ты и ѣдешь на клячѣ;
Что за бѣда, если она худа и жалка!
Вѣдь она тебя возитъ! А больше ничего и не нужно.
Кромѣ одного: никогда не унывай! (Ст. 14814 14821.)

Послѣ этого понятно, что взгляды трактирщика совершенно тождественны съ сатирическими выходками новеллъ и фабліо: тѣ же насмѣшки надъ монахами, иногда весьма рѣзкія и безцеремонныя, тѣ же замѣчанія насчетъ слабостей, свойственныхъ женскому полу, иногда весьма ядовитыя, и т. д. Для примѣра вотъ одинъ изъ этихъ новеллистическихъ мотивовъ, которыми такъ богато неистощимое балагурство Гарри Бэйли. Предлагая бенедиктинцу разсказать что-нибудь, трактирщикъ мимоходомъ замѣчаетъ:

Но, извините, я не знаю вашего имени:
Долженъ ли я называть васъ Донъ-Джонъ,
Иль Донъ-Тома, иль Донъ-Альбанъ?
Я не знаю также, изъ какого вы дома, какихъ вы родителей.
Во всякомъ случаѣ, твоя кожа не дурно выхолена;
На богатомъ пастбищѣ откормленъ ты
И вовсе не похожъ на постника иль духа. (Ст. 13935—13940).

Съ какимъ бы, думается, удовольствіемъ прочиталъ такой человѣкъ Декамеронъ Боккаччіо, съ какимъ бы оживленіемъ потрепалъ по плечу простака Каландрино и, конечно, подобно Бруно и Буффальмакко, сыгралъ бы съ нимъ какую-нибудь „новеллу", т. е. забавную штуку! Сочувствуя отъ души веселому настроенію фабліо и ихъ бойкой сатирѣ и осыпая похвалами тѣхъ путниковъ, разсказы которыхъ приближались къ этой литературѣ, трактирщикъ сочувствуетъ и реалистической манерѣ творчества фабліо и убѣдительно проситъ каждаго повѣствователя выражаться, елико возможно, проще и яснѣе; въ этомъ отношеніи особенно любопытно обращеніе Гарри Бэйли къ знакомому намъ студенту.

Сэръ клеркъ оксфордскій, сказалъ тутъ нашъ трактирщикъ,
Вы ѣдете такъ тихо и скромно, точно дѣвушка,
Которая сидитъ за свадебнымъ столомъ.
Отъ васъ сегодня я не слыхалъ еще ни слова:
Я полагаю, вы погружены въ какую-нибудь философію;
Но всему свое время, говоритъ Соломонъ.
Ради Бога, прояснитe свою физіономію,
— Теперь не время для размышленій—
Лучше раскажите намъ что-нибудь повеселѣе:
Назвался груздемъ, такъ, по пословицѣ,
Полѣзай въ кузовъ!
Да только, пожалуйста, не проповѣдуйте, какъ отцы монахи постомъ,
Чтобы заставить насъ плакать о нашихъ старыхъ грѣхахъ;
Смотрите, чтобы ваше повѣствованіе насъ не усыпило.
Итакъ,—что-нибудь въ забавномъ родѣ,
А ваши термины, образы и фигуры
Поберегите въ запасѣ—на тотъ случай, если вамъ придется говорить
Въ высокомъ стилѣ, какъ пишутъ бумаги королямъ.
Теперь же, я васъ прошу, выражайтесь совершенно ясно,
Чтобы мы могли понять, что вы будете разсказывать. (Ст. 7877—7896.)

Какъ видимъ, въ области литературной критики Гарри Бэйли подаетъ руку новому времени, и интересно наблюдать за тѣмъ, какія кислыя гримасы строитъ онъ, когда въ силу очереди приступаетъ къ разсказу какая-нибудь ученая персона: ужъ онъ предчувствуетъ всевозможныя реторическія фигуры, правоучитель-

ныя сентенціи и прочія прелести высокаго стиля, навѣвающаго на слушателя скуку великую,—и какъ пріободряется онъ, когда на смѣну учености и учительности выступаетъ совершенно непритязательное изображеніе того или другого эпизода изъ дѣйствительной жизни.

Прекрасно изобразилъ Чосеръ это столкновеніе двухъ противоположныхъ теченій средневѣковой литературы въ прологѣ къ разсказу шкипера. Трактирщикъ проситъ сельскаго священника разсказать что-нибудь,—по обычаю среднихъ вѣковъ, уснащая свою рѣчь самою нелѣпою божбой; священникъ оговариваетъ его... О, люди добрые, вопитъ Гарри, сейчасъ мы услышимъ суровую проповѣдь!

Клянусь душой отца, этому не бывать!—
Сказалъ тутъ шкиперъ.—Мы не дадимъ ему здѣсь проповѣдывать.
Читать библію или поученіе.
Мы всѣ вѣруемъ въ Великаго Бога;
Онъ только посѣялъ бы раздоръ между нами,
Посѣялъ бы плевелы въ нашу чистую пшеницу.
Итакъ, господинъ трактирщикъ, заявляю, что
Моя любезная особа разскажетъ теперь повѣсть.
И я прозвоню вамъ въ такіе веселые колокольчики,
Что разбужу всю честную компанію:
Но тутъ не будетъ философіи,
Медицины или тонкостей юриспруденціи:
Въ моемъ брюхѣ немного латыни!.. (Ст. 12903—12930.)

Итакъ, вотъ какого рода человѣкъ поставленъ геніальнымъ поэтомъ во главѣ общества,—да и кому же стать, какъ не ему? Всѣ его окружающіе односторонни, всѣ смотрятъ въ уголъ, и ни одинъ не видитъ дѣйствительности такъ, какъ она есть: одинъ самоотверженный энтузіастъ, котораго можно безпрекословно обобрать до нитки, другой превратился въ сухую палку, собирая жалкія копейки; иной стыдливъ, какъ красная дѣвица, и иной безстыденъ, какъ четвероногое животное; кто хандритъ, кто корчитъ изъ себя аристократа... Только онъ одинъ, Гарри Бэйли, питомецъ всегда оживленной гостиницы, куда сходятся всѣ дороги, смотритъ на міръ по-человѣчески и ловко подсмѣивается надъ страстями и страстишками собравшейся подлѣ него ватаги. Однимъ словомъ, мы приходимъ къ тому же, съ чего начали,—Гарри Бэйли—это здравомыслъ Чосеровой комедіи, излюбленное дитя его творческаго генія, быть можетъ, единственная личность, которой онъ сочувствовалъ вполнѣ, со всѣми ея достоинствами и недостатками, и безъ всякаго быть можетъ, а дѣйствительно единственная

личность, въ которой конкретно и художественно отразилось забытое въ средніе вѣка веселое настроеніе человѣка.

Рамка Кентерберійскихъ разсказовъ.

Этому-то весельчаку и шутнику и принадлежитъ мысль, за которую съ такою охотой ухватилось все табардское общество,— сократить скуку путешествія очередными разсказами. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ заняться анализомъ этихъ разсказовъ: приходится ограничиться общими фразами, которыя немного скажутъ людямъ, не читавшимъ Чосера.

Разсказы.

Какъ уже было замѣчено по поводу Общаго пролога, Чосоръ сумѣлъ подняться въ Кентерберійскихъ разсказахъ до той высоты міросозерцанія, что отнесся къ среднимъ вѣкамъ съ тѣмъ объективнымъ любопытствомъ, съ какимъ къ нимъ можетъ отнестись только человѣкъ новаго времени. Великій англійскій поэтъ сдѣлалъ въ своемъ безподобномъ произведеніи съ средними вѣками то же, что пытается сдѣлать съ ними предлагаемая читателю хрестоматія, которая удалена отъ этихъ вѣковъ почти на 500 лѣтъ! Отсюда — необычайная широта культурно - исторической картины, раскинувшейся предъ его очами, необычайная широта, соотвѣтствующая необычайному росту нравственной личности самого поэта.

Его Кентерберійскіе разсказы—энциклопедія важнѣйшихъ мотивовъ средневѣковой жизни: и религіозный энтузіазмъ, и рыцарская куртуазія, и животный инстинктъ, чтобы не говорить о другихъ мотивахъ, не столь крупныхъ или соприкасающихся съ тремя упомянутыми,—все это оставило по себѣ глубокіе слѣды въ *хрестоматіи* Чосера; такимъ образомъ мы имѣемъ возможность отчетливо представить себѣ всѣ эти явленія, и притомъ съ точки зрѣнія не только положительной, но и отрицательной. Такъ, напр., охарактеризовавъ присущее духовенству міросозерцаніе легендами, поэтъ приводитъ затѣмъ рядъ повѣстей, въ которыхъ изображается паденіе церковно-аскетическихъ идеаловъ.

Но мало указать на глубокомысленное общекультурное содержаніе Кентерберійскихъ разсказовъ: они являются въ то же время великою симфоніей поэтическаго творчества среднихъ вѣковъ. Всѣ литературные роды, излюбленные у средневѣковой публики: и религіозная легенда, и рыцарская поэма, и буржуазная новелла, и античная миѳологія, и восточная сказка, и животная сага, и моралистическій трактатъ, и народный романсъ, и церковная проповѣдь,— все это, со всѣми свойственными каждому роду особенностями содержанія и формы, находимъ мы на страницахъ Чосеровой хрестоматіи...

и находимъ не въ видѣ мертвыхъ, отвлеченныхъ трактатовъ, между которыми общаго лишь то, что они сшиты вмѣстѣ одною ниткой, а въ видѣ живой, конкретной картины, въ видѣ одной громадной комедіи, съ дѣйствующими лицами, художественно очерченными и приведенными въ истинно драматическія отношенія между собою. Въ прологѣ, предпосылаемомъ каждому разсказу, мы можемъ слѣдить за тѣмъ, какъ тотъ или другой путешественникъ наталкивается на мысль о томъ или о другомъ разсказѣ, какое впечатлѣніе производитъ его разсказъ на слушателей и какъ это впечатлѣніе вліяетъ на содержаніе слѣдующей за нимъ повѣсти...

Заключеніе о Чосерѣ.

По отношенію къ Кентерберійскимъ разсказамъ Чосера за нами остается одинъ долгъ — подвести итоги своему разсужденію объ этомъ великомъ произведеніи англійской литературы.

Подобно Боккаччіо, Чосеръ исходитъ изъ того же настроенія, которое не было господствующимъ, но которому суждено было сдѣлаться таковымъ. Въ этомъ между ними—сходство, а разница въ томъ, что точка зрѣнія Чосера гораздо шире, чѣмъ Боккаччіо. Между тѣмъ какъ Боккаччіо, проникшись этимъ настроеніемъ, изображаетъ тріумфъ жизнерадостнаго міросозерцанія надъ угрюмымъ воздержаніемъ и затрогиваетъ окружающую среду лишь постольку, поскольку ему нужна была сцена для постановки этого комическаго тріумфа, Чосеръ широко и вольно заноситъ на страницы своего произведенія всю средневѣковую жизнь и поднимается до способности наслаждаться спокойнымъ ея созерцаніемъ и изученіемъ: рядомъ съ рыцаремъ поэтъ выводитъ мельника, рядомъ съ монахомъ или священникомъ—человѣка коммерціи: у каждаго изъ нихъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій сформировался извѣстный складъ мышленія и чувствованій,—Чосеръ изучаетъ этотъ складъ и посвящаетъ насъ въ результаты своего изученія. Онъ, слѣдовательно, объективнѣе Боккаччіо: его объективизмъ проявляется не только въ обработкѣ сюжета, но, какъ у Шекспира, и въ выборѣ его, между тѣмъ какъ Боккаччіо въ выборѣ сюжета—субъективнѣйшій писатель, какіе только существуютъ въ литературѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ объективизмъ Чосера, все-таки чувствуется, что онъ только тогда бываетъ совершенно въ своей тарелкѣ, когда вращается въ области новеллистическаго настроенія своего возлюбленнаго Гарри Бэйли, и эти разсказы его изъ обыденной жизни, исполненные въ чисто-реальномъ стилѣ, представляютъ верхъ художественной изобразительности. Конечно, приложеніе реалистической манеры творчества къ такой неопрятной эпохѣ, какъ средніе вѣка,

нѣсколько рискованно, но что же дѣлать — не перекрашивать же мельника, не искажать же его милости!..

Обобщая свои размышленія надъ поэтической дѣятельностью Боккаччіо и Чосера, какъ предшественниковъ Возрожденія, мы приходимъ къ слѣдующему заключительному выводу.

Общій выводъ о Боккаччіо и Чосерѣ.

Въ лицѣ Боккаччіо и Чосера и наиболѣе развитыхъ изъ нихъ современниковъ съ глазъ мыслящаго человѣка ниспадаетъ пелена энтузіазма, морализаціи, аллегоріи и символики, онъ озираетъ міръ Божій такъ, какъ онъ есть, со всѣми его трагическими и комическими явленіями, со всѣми его душевными и тѣлесными запросами, и не проклинаетъ его, а, напротивъ, становится на его сторону и начинаетъ знакомиться съ нимъ; развивается свободное отъ всякихъ предразсудковъ критическое отношеніе къ окружающему, а съ тѣмъ вмѣстѣ оказывается возможнымъ и дѣйствительный прогрессъ въ частной и общественной жизни. *Итакъ, реализмъ, критицизмъ, сокращеніе сословности, движеніе впередъ.*

М. Смирновъ.

LXXIX.

Греки въ Италіи и возрожденіе платоновской философіи.

Въ первой половинѣ XV вѣка гуманистическому движенію въ Италіи данъ былъ сильный толчокъ. До тѣхъ поръ гуманистамъ удалось воскресить лишь латинскую, римскую литературу; теперь выступили на сцену греки, познакомившіе западъ съ тѣми произведеніями, которыя служили образцами для самихъ римлянъ.

Знакомство съ греческимъ языкомъ въ средніе вѣка.

Греческій языкъ былъ живымъ языкомъ долго спустя послѣ того, какъ латинскій сталъ мертвымъ. Греческая имперія въ теченіе среднихъ вѣковъ составляла политически часть Европы; со времени крестовыхъ походовъ сношенія съ Византіей были даже очень оживленными. Греческая литература продолжала жить въ Византіи: хотя самостоятельное литературное развитіе здѣсь давно уже прекратилось,—вѣрнѣе сказать,—пошло совсѣмъ въ иномъ направленіи, тѣмъ не менѣе греки продолжали еще читать и списывать классическихъ авторовъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ знакомство съ этими авторами не было особенно трудно для западной Европы. На дѣлѣ было не такъ. Латинскій языкъ знали

Пособія: *Schultze, F.* Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena, 1874. (Вышло, какъ первая часть „Geschichte d. Philosophie d. Renaissance"; больше не появлялось). *Vast, H.* Le cardinal Bessarion, étude sur la chrétienté et la Renaissance vers le milieu du XV-e siècle. Paris, 1878. *Садовъ.* „Виссаріонъ Никейскій" („Христіанское чтеніе" за 1882 г.). *Voigt, G.* Wiederbelebung d. classisch. Alterthums, 2-e Ausg. 1881. *Krumbacher*, Geschichte d. Byzantinischen Litteratur, München 1891. *Stein.* Sieben Bücher über die Geschichte des Platonismus, 3 Theil. Göttingen, 1875.

всѣ образованные люди; по-гречески не знали даже такіе ученые, какъ Абеляръ. Случалось, конечно, иногда, что какой-нибудь трудолюбивый, начитанный монахъ изъ любознательности занимался греческимъ языкомъ; но подобные случаи были чѣмъ-то необыкновеннымъ, и потому знаніе греческаго языка всегда тщательно отмѣчалось біографами такого ученаго. Если Гомеръ и Платонъ были только по наслышкѣ извѣстны среднимъ вѣкамъ, то, очевидно, въ этомъ виноваты были не внѣшнія обстоятельства.

Причина была другая. Со времени раздѣленія церквей,—и даже ранѣе, когда начались церковные споры между Востокомъ и Западомъ,—Византія стала чужою и враждебною страной для католическаго міра. Религія въ средніе вѣка стояла на первомъ планѣ; религіозная вражда была самая жгучая и непримиримая. Случилось какъ разъ обратное тому, что было во времена римской имперіи. Тогда, принявъ культуру отъ грековъ, римское общество усвоило себѣ и языкъ ихъ; говорить по-гречески стало признакомъ образованнаго человѣка. Въ средніе вѣка, рѣзко разойдясь съ греками по церковному вопросу, почувствовали отвращеніе и къ ихъ языку. Все, что писалось на этомъ языкѣ, въ глазахъ католиковъ было вреднымъ схизматическимъ вздоромъ,—стоило ли его изучать?! Иногда вспоминали, что раньше византійскихъ схизматиковъ по-гречески писали многіе отцы церкви; въ XIV в. Ричардъ де-Бери сѣтовалъ на то, что отеческая литература недоступна европейцамъ вслѣдствіе ихъ невѣжества въ греческомъ языкѣ: онъ старался помочь бѣдѣ и составилъ греческую грамматику. Но такіе люди были рѣдкимъ исключеніемъ. Большинство католическихъ богослововъ довольствовалось латинскими переводами, и когда имъ понадобился Аристотель, они предпочли лучше взять его у арабовъ, чѣмъ у византійскихъ грековъ. Только съ ослабленіемъ церковнаго духа на Западѣ, съ пробужденіемъ свѣтскихъ интересовъ, стало возможно иное отношеніе къ греческой образованности. Отецъ гуманизма, Петрарка, первый понялъ, что безъ греческаго языка невозможно серьезное изученіе античнаго міра. Эту мысль онъ высказывалъ часто и настойчиво, а такъ какъ его мнѣніе было почти закономъ для образованнаго общества, то не мудрено, что презрѣніе ко всему греческому быстро смѣнилось совершенно другимъ чувствомъ,—чувствомъ, которое можно назвать жаждой греческаго языка. По странному совпаденію здѣсь много помогли именно церковныя дѣла. Византійскіе императоры, тѣснимые турками, стали искать помощи на Западѣ и думали купить ее цѣной церковной

уніи [1]). Одинъ за другимъ являлись при папскомъ дворѣ ихъ послы, по большей части, духовныя лица, люди образованные и даже ученые. Съ ними пріѣзжали и другіе греки, уже не для переговоровъ, а въ надеждѣ воспользоваться благами церковнаго соединенія. Такъ начался притокъ образованныхъ грековъ въ Италію, продолжавшійся въ теченіе всего XIV вѣка и особенно усилившійся въ первой половинѣ XV, когда во время ферраро-флорентійскаго собора греческая культура явилась на Западѣ въ лицѣ лучшихъ ея представителей—Плетона, Виссаріона, Газы, Георгія Схоларія и др.

Это постепенное ознакомленіе Италіи съ греческою образованностью прошло три ступени. Сначала заѣзжіе греки являются изрѣдка и случайно. Ихъ очень цѣнятъ въ это время, хотя они приносятъ съ собою знанія не перваго сорта, — по немногому у нихъ выучиваются. Затѣмъ, сношенія становятся оживленнѣе, грековъ пріѣзжаетъ все больше и больше, съ своей стороны и итальянцы начинаютъ ѣздить въ Константинополь. Для греческаго языка это была золотая пора: онъ еще новъ, имъ всѣ увлекались, знатоками его дорожили чрезвычайно, и это были уже дѣйствительно ученые люди, нерѣдко талантливые и литературно-образованные— Мануилъ Хризолоръ, знаменитый византійскій риторъ (учитель), итальянцы Гварино и Филельфо. Позже, въ особенности послѣ паденія Константинополя, греки массами наводняютъ Италію, и уваженіе къ нимъ, вслѣдствіе этого, быстро падаетъ; греческій языкъ уже очень распространенъ и составляетъ необходимую часть гуманистическаго образованія; отъ изученія внѣшнихъ формъ переходятъ къ изученію содержанія греческой литературы, — и прежде всего открываютъ греческую философію, извѣстную среднимъ вѣкамъ лишь по наслышкѣ, изъ третьихъ рукъ. Этотъ третій періодъ—эпоха возрожденія платоновской философіи.

Первые піонеры эллинизма.

Всего труднѣе доставалось знакомство съ греческимъ языкомъ родоначальникамъ гуманистическаго движенія. Нѣтъ надобности говорить, что сколько-нибудь сносныхъ руководствъ въ то время еще не существовало,—даже греческія рукописи были рѣдкостью. Нужно было, стало быть, прежде всего достать учителя — грека. Петрарка пользовался уроками нѣкоего Варлаама, который въ 1339 г. былъ въ Авиньонѣ посломъ отъ императора Андроника къ папѣ Бенедикту XII. Варлаамъ былъ, собственно, не грекъ, а итальянецъ изъ Калабріи. Въ южной Италіи — въ Калабріи и на

[1]) См. статью: „Турки въ Европѣ и паденіе Византіи" (вып. III).

о. Сициліи — отъ временъ византійскаго владычества сохранилось еще нѣсколько греческихъ монастырей, такъ-называемыхъ „базиліанскихъ“, устава Св. Василія Великаго. Здѣсь удержался греческій языкъ, — съ другой стороны, былъ, конечно, знакомъ и господствующій, латинскій. Оттого базиліанскіе монахи и употреблялись греческими императорами для переговоровъ съ римскою куріей: въ самой Византіи знатоковъ латинскаго языка найти было трудно. Варлаамъ былъ человѣкъ очень извѣстный среди грековъ своими богословскими познаніями, по педагогическимъ талантомъ онъ, видимо, не отличался. По крайней мѣрѣ, даже такой способный ученикъ, какъ Петрарка, перенялъ отъ него очень немного и никогда не былъ въ состояніи свободно читать по-гречески. У Петрарки была рукопись Гомера, но она была для него закрытою книгой. Онъ могъ выразить свое почтеніе къ творцу Иліады — для Петрарки, конечно, Гомеръ былъ реальнымъ лицомъ — только тѣмъ, что благоговѣйно цѣловалъ его произведеніе, какъ онъ самъ пишетъ. Съ его содержаніемъ онъ познакомился только по латинскому переводу, сдѣланному другимъ греческимъ монахомъ, Леонтіемъ Пилато.

Этого человѣка разыскалъ второй изъ родоначальниковъ Возрожденія, — Боккаччіо. Пилато былъ не ученый богословъ, а простой монахъ, грубый и невѣжественный; единственное достоинство его заключалось въ томъ, что онъ говорилъ по-гречески. Жить вмѣстѣ съ нимъ — онъ прожилъ у Боккаччіо три года — было немалымъ мученіемъ для флорентійскаго гуманиста. Пилато былъ невыносимо грязенъ и нечистоплотенъ, характера очень сварливаго и, вдобавокъ, тупъ до такой степени, что изъ всей классической литературы ему доставляли удовольствіе лишь непристойныя шутки, встрѣчающіяся въ римскихъ комедіяхъ. Петрарка острилъ на его счетъ, что „этотъ левъ (Leontio) во всѣхъ отношеніяхъ большое животное“. Но другого учителя нельзя было найти, а Пилато обѣщался, сверхъ того, перевести на латинскій языкъ всего Гомера. Какова могла быть его работа, можно судить по тому, что переводчикъ очень плохо понималъ по-латыни, а въ греческомъ языкѣ имѣлъ столь основательныя познанія, что имя Ахиллеса производилъ отъ χιλός (трава, кормъ для скота). Это былъ плохой подстрочный переводъ, напоминавшій Ливія Андроника; но въ то время онъ былъ литературнымъ событіемъ первой важности. Получивъ его (въ 1360 г.), Петрарка выпустилъ письмо [1]) „къ Гомеру“, гдѣ,

[1]) У гуманистовъ было въ обычаѣ высказывать свои мнѣнія по какому-

между прочимъ, есть очень любопытныя свѣдѣнія о распространенности греческаго языка въ то время. Петрарка перечисляетъ „друзей Гомера“ въ Италіи, т. е. людей, знавшихъ по-гречески или, по крайней мѣрѣ, интересовавшихся этимъ языкомъ. Въ Римѣ онъ не могъ указать ни одного, а во всей Италіи всего 8 или 9 человѣкъ. Переводчикъ Гомера былъ щедро награжденъ: по настоянію Боккаччіо, во флорентійскомъ университетѣ была основана каѳедра греческаго языка (въ томъ же 1360 году) и отдана Пилато, какъ ни мало онъ годился для роли профессора. И прошло еще полстолѣтія, прежде чѣмъ на этой каѳедрѣ появились преподаватели, обладавшіе надлежащею подготовкой. Это были уже природные итальянцы, сначала Гварино (1410—1414), затѣмъ Филельфо (въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ XV в.).

У нихъ, въ самомъ дѣлѣ, многому можно было научиться. Но мы очень ошиблись бы, если бы стали представлять ихъ себѣ похожими на современныхъ ученыхъ, кабинетныхъ работниковъ. Странствующіе учителя эпохи Возрожденія — совсѣмъ особенный типъ, произведеніе своеобразныхъ бытовыхъ условій. Наиболѣе характернымъ представителемъ этого типа былъ Франческо Филельфо (род. 1398 г., † 1481 г.).

Филельфо. По своей первоначальной карьерѣ это былъ не ученый, а человѣкъ дѣловой, служащій,—и житейскія способности, пріобрѣтенныя на этомъ поприщѣ, играли важную роль въ его дальнѣйшей судьбѣ. Гдѣ и какое онъ получилъ первоначальное образованіе,—сказать довольно трудно; чему-нибудь, однако, онъ учился, потому что въ молодости давалъ уроки въ Венеціи,—если вѣрить ему, съ большимъ успѣхомъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ его секретаремъ при венеціанскомъ „bailo“—представителѣ республики въ Константинополѣ; позже онъ перешелъ на византійскую службу и нѣсколько лѣтъ былъ переводчикомъ при дворѣ императора Іоанна Палеолога. Здѣсь изучилъ онъ греческій языкъ, больше практически, чѣмъ теоретически. Онъ посѣщалъ школу ритора Хризококка, но, по его словамъ, онъ большему научился отъ своей жены, Теодоры,—дочери византійскаго ученаго Іоанна Хризолора, — чѣмъ отъ ритора. Не мало помогало, конечно, любознательному итальянцу и то, что въ Константинополѣ легко было доставать греческія рукописи, еще очень дорогія на западѣ.

нибудь поводу въ формѣ писемъ, которыя предназначались не для какого-либо дѣйствительнаго лица, а для публики, и ходили по рукамъ въ спискахъ.

Семь лѣтъ прожилъ Филельфо въ Константинополѣ, собралъ большой запасъ греческихъ классиковъ и съ этимъ товаромъ рѣшилъ попытать счастья на родинѣ. Его приняли здѣсь съ такимъ почетомъ, какого только онъ могъ пожелать. Онъ сейчасъ же получилъ приглашеніе читать лекціи греческаго языка,—сначала въ Венецію, затѣмъ въ Болонью, гдѣ папскій легатъ, намѣстникъ города, выказалъ къ нему особенную предупредительность и отъ себя назначилъ ему хорошее жалованье, въ прибавку къ университетскому. Но для Филельфо этого было мало. Ему хотѣлось занять первое мѣсто въ первомъ итальянскомъ городѣ,—во Флоренціи, столицѣ гуманизма. Всѣ литературныя знаменитости того времени — Никколи, Траверсари, Бруни, Марсуппини — собрались туда, привлеченные радушіемъ и, особенно, щедростью правителя республики, Козимо Медичи. Приглашеніе и оттуда не заставило себя ждать; но молодой эллинистъ боялся продать свои услуги слишкомъ дешево. Ему предлагали 300 дукатовъ въ годъ, онъ просилъ 400 и дѣлалъ при этомъ видъ, что онъ, вообще, не слишкомъ нуждается во Флоренціи; его будто бы уже приглашали и въ Падую и въ Римъ, да онъ не поѣхалъ,—ему хорошо и въ Болоньѣ. А чтобы подзадорить флорентійцевъ, онъ приложилъ къ своему отвѣту каталогъ рукописей, привезенныхъ изъ Византіи; да это еще не все, прибавлялъ онъ: онъ еще много книгъ ждетъ на венеціанскомъ кораблѣ, который скоро придетъ. Переговоры тянулись долго, Филельфо не одно письмо написалъ флорентійскимъ гуманистамъ,—и съ каждымъ письмомъ увеличивалъ свою ученую репутацію. То онъ вставлялъ греческія фразы, то цитировалъ на каждомъ шагу греческихъ классиковъ, то, наконецъ, совсѣмъ писалъ по-гречески, чтобы видѣли, что онъ не даромъ проситъ денегъ. Но во Флоренціи тоже были разсчетливые люди, а въ Болоньѣ, между тѣмъ, начались волненія и жить тамъ стало неудобно; Филельфо долженъ былъ согласиться на 300 дукатовъ, выговоривъ себѣ, однако, прибавку на случай, если имъ будутъ довольны. Во Флоренціи его встрѣтили не хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: первое время только и разговоровъ было въ городѣ, что о Филельфо. Козимо Медичи первый посѣтилъ его по пріѣздѣ и засвидѣтельствовалъ свое расположеніе богатыми подарками. По улицамъ народъ толпами сбѣгался смотрѣть на знатока греческой мудрости. Молодые люди изъ лучшихъ семействъ города были его учениками; онъ считалъ у себя до 400 слушателей. Впрочемъ, къ его расчетамъ нужно относиться осторожно: позже, разочаровав-

лись во Флоренціи, онъ говорилъ уже только о 200 студентахъ. Какъ бы то ни было, казалось, что Филельфо достигъ своей цѣли; по крайней мѣрѣ, самъ онъ былъ убѣжденъ, что никто изъ флорентійскихъ ученыхъ не можетъ съ нимъ соперничать. Онъ былъ такъ самоувѣренъ и такъ ловко умѣлъ себя хвалить; нельзя было не преклониться предъ его познаніями, особенно, когда судить ихъ было некому. Но нашъ эллинистъ былъ, кромѣ того, еще и писатель, и считалъ себя геніальнымъ поэтомъ; тутъ и ждали его непріятности. Однажды онъ въ большомъ обществѣ читалъ свои произведенія. Здѣсь былъ, между прочимъ, и знаменитый гуманистъ Никколо-да-Никколи, глава флорентійскаго литературнаго кружка. Самъ онъ ничего почти не писалъ, но зато считался очень тонкимъ критикомъ и не щадилъ чужихъ произведеній. Никколи позволилъ себѣ ядовито пошутить насчетъ стиховъ Филельфо; тотъ вспылилъ, и черезъ нѣсколько дней выпустилъ рѣзкую сатиру на Никколи и его друзей. Въ полемику скоро втянулись всѣ ученыя и литературныя силы Флоренціи, но никто не былъ на сторонѣ Филельфо. Обѣ стороны не ограничивались указаніями обоюдныхъ стилистическихъ погрѣшностей; противники уличали другъ друга въ ростовщичествѣ, безнравственномъ поведеніи, содержаніи игорныхъ домовъ и даже въ мелкомъ воровствѣ. Козимо Медичи вступился за своихъ старыхъ пріятелей,—Филельфо напалъ и на него, вмѣшался въ политическую борьбу, перешелъ на сторону аристократической партіи, боровшейся съ Медичи, и писалъ противъ послѣднихъ невѣроятные, по своему содержанію, пасквили. Кончилось дѣло тѣмъ, что онъ долженъ былъ бѣжать изъ Флоренціи, спасаясь отъ ножей нанятыхъ его врагами убійцъ,—и удалился въ Сіену. Позже онъ самъ нанялъ одного bravo [1]) и поручилъ ему извести флорентійскихъ литераторовъ, но это предпріятіе потерпѣло неудачу. Всего удивительнѣе, что послѣ такихъ рѣшительныхъ дѣйствій Филельфо нашелъ возможность примириться съ домомъ Медичи и вернулся во Флоренцію; здѣсь онъ и умеръ въ 1481 году—83 лѣтъ, переживъ всѣхъ своихъ литературныхъ соперниковъ.

Онъ надолго пережилъ и свое время,—первый періодъ Возрожденія, періодъ странствующихъ учителей и собирателей рукописей. Люди, большею частью очень дѣловые, они въ своимъ пріемамъ больше напоминаютъ торгашей, чѣмъ жрецовъ науки и

---

[1]) Наемный убійца.

изящныхъ искусствъ; жадность и мелкое литературное самолюбіе— главные мотивы ихъ безконечныхъ ожесточенныхъ споровъ. Конечно, не всѣ были одинаковы. Среди гуманистовъ немало было людей очень почтенныхъ, работавшихъ изъ любви къ дѣлу, а не ради вознагражденія. Таковъ, напримѣръ, Амброджіо Траверсари, генералъ ордена камалдуловъ, ученый монахъ, переводившій „Біографіи философовъ“ Діогена Лаэртскаго. Таковы Бруни и Марсуппини, одинъ за другимъ бывшіе канцлерами флорентійской республики. Но люди, подобные Филельфо, встрѣчались очень нерѣдко: гуманизмъ, ставъ предметомъ тщеславія для городовъ и отдѣльныхъ богатыхъ лицъ, въ родѣ Медичи, сдѣлался доходнымъ ремесломъ и возбуждалъ корыстные интересы. Но не нужно цѣнить этихъ людей слишкомъ низко: они сдѣлали свое дѣло и сдѣлали хорошо. Они овладѣли вполнѣ обоими классическими языками, умѣли проникнуться ихъ духомъ, сами увлекались ими и старались заинтересовать другихъ. Какъ ни безобразна была, съ нравственной точки зрѣнія, дѣятельность Филельфо,—какъ преподаватель, онъ и его современники достигли блестящихъ результатовъ,— особенно, если сравнить со временами Леонціо Пилато. Въ концѣ XV вѣка одинъ гуманистъ — Анджело Полиціано — могъ писать флорентійскимъ гражданамъ: „Въ вашемъ государствѣ, мужи флорентійскіе, греческая образованность, которая давно уже потухла въ самой Греціи, воскресла и расцвѣла до такой степени, что уже люди изъ вашей среды могутъ быть учителями греческой литературы; у васъ дѣти изъ знатныхъ семействъ,—чего тысячу лѣтъ не бывало въ Италіи,—такъ чисто и легко говорятъ на аттическомъ нарѣчіи, какъ будто Аѳины не разрушены и не заняты варварами, но добровольно оторвались отъ своей почвы и со всею своею образованностью перенеслись во Флоренцію“.

Роль грековъ въ исторіи Возрожденія.

Здѣсь не совсѣмъ справедливо только одно: не упомянуто о томъ, что же дали прежніе обладатели этой образованности, византійцы. Для итальянскихъ гуманистовъ перваго вѣка впереди всего стояла сама греческая рѣчь. Знать языкъ — вотъ былъ предметъ ихъ гордости. Мы видѣли, съ какимъ дѣтскимъ довѣріемъ относились къ знатокамъ этого языка первые гуманисты, какъ чисто школьнически хвастался своимъ знаніемъ Филельфо. Для византійцевъ это былъ родной языкъ; литературное преданіе у нихъ никогда не прерывалось. Производя мало оригинальнаго, они не переставали учиться у древнихъ, и иногда, по крайней мѣрѣ, поднимались до такой самостоятельности, что могли относиться къ нимъ

критически, что совсѣмъ было не подъ силу первымъ гуманистамъ. Это давало грекамъ возможность стать выше пререканій о стилѣ и грамматикѣ,—въ ихъ полемикѣ главную роль играли все же идеи. хотя и не собственныя, а заимствованныя у древнихъ. У итальянцевъ были покамѣсть только *знатоки*, Византія могла насчитать у себя нѣсколько настоящихъ *ученыхъ*. Такимъ былъ, между прочимъ, Георгій Гемистъ, по прозвищу Плетонъ [1]. Онъ родился въ Константинополѣ (въ 1355 г.), но прожилъ всю почти жизнь въ Пелопоннесѣ, гдѣ онъ былъ долгое время судьей, можетъ быть. чѣмъ-то въ родѣ председателя греческаго суда, потому что біографы называютъ его προστάτης τῶν νόμων. Его должность давала ему возможность хорошо ознакомиться съ положеніемъ этой византійской провинціи, единственнаго крупнаго владѣнія, какое еще оставалось у Восточной имперіи. Это было тяжелое время для Византіи: со всѣхъ сторонъ имперіи угрожали опасности, больше всего отъ турокъ. Постоянныя войны требовали денегъ; населеніе было страшно разорено налогами. Феодальныя привычки, послѣ латинскаго завоеванія проникшія въ Византію, были особенно сильны въ Пелопоннесѣ и собственной Греціи, гдѣ французы держались очень долго и имѣли сильное вліяніе. Мѣстные правители, топархи, держали себя, какъ независимые государи, не повиновались императору и его намѣстникамъ. Весь механизмъ администраціи былъ расшатанъ, и съ каждымъ годомъ портился все больше и больше. Людей наблюдательныхъ и вдумчивыхъ, какимъ былъ Плетонъ, все это наводило на мысль о необходимости быстрыхъ и всесторонних преобразованій. Сначала онъ надѣялся достигнуть этого государственными средствами. Онъ подавалъ записки императору и его брату, управлявшему Пелопоннесомъ; здѣсь Плетонъ совѣтовалъ уменьшить налоги, собирать ихъ болѣе цѣлесообразно, обуздать своеволіе топарховъ, измѣнить организацію войска. Все это были очень хорошіе совѣты, только исполнять ихъ было некогда: турки съ каждымъ годомъ подвигались все ближе и ближе. Но если бы даже и было время, нельзя было найти подходящихъ исполнителей для задуманныхъ реформъ. Это послѣднее обстоятельство скоро понялъ самъ Плетонъ. Населенію имперіи пришлось перенести не мало превратностей, что очень вредно отразилось на его нравственныхъ свойствахъ. У византійца развились пороки.

Гемистъ Плетонъ.

---

[1] Γεμιστός — наполненный, πλήθων — полный (синонимы): Георгій принялъ второе прозваніе, потому что оно напоминало имя Платона.

которые легко овладѣваютъ всѣми слабыми людьми: неискренность, вѣроломство, вообще отсутствіе нравственной устойчивости. Для возрожденія имперіи нуженъ былъ, прежде всего, нравственный подъемъ византійскаго общества, затѣмъ уже политическія и административныя реформы. Въ эту сторону и направились теперь старанія Плетона: онъ задумалъ всестороннее обновленіе Византіи и рѣшилъ начать съ религіи и нравственности. По своему воспитанію и наклонностямъ Плетонъ былъ, прежде всего, философъ, а какъ философъ, конечно,—ученикъ древнихъ; собственной, оригинальной философіи въ то время на Востокѣ такъ же не было, какъ и, на Западѣ. Вполнѣ естественно, что ему пришла мысль искать спасенія у древности, и именно въ древней философіи. Люди не знаютъ, какъ имъ должно жить, такъ слѣдуетъ ихъ научить этому, а лучшій учитель жизни изъ древнихъ—это Платонъ, который еще въ первые вѣка христіанства считался самымъ возвышеннымъ изъ философовъ,—такимъ, который ближе всего подошелъ къ истинамъ божественнаго откровенія. Еще Юстинъ-мученикъ, одинъ изъ самыхъ раннихъ христіанскихъ писателей, видѣлъ въ ученіи Сократа произведеніе Божественнаго разума, а Платона прямо называлъ христіаниномъ и пользовался его доказательствами при объясненіи истинъ христіанской вѣры. Блаженный Августинъ допускалъ даже, что новоплатоникамъ было извѣстно ученіе о Св. Троицѣ, хотя они и не получили откровенія. Въ этомъ случаѣ Византія лучше сохранила преданія отцовъ церкви, чѣмъ западные богословы. Платона знали и занимались имъ въ Византіи гораздо больше, чѣмъ на западѣ; Анна Комнена его читала, историкъ Никифоръ Григора подражалъ его стилю, богословъ Григорій Палама (XIV в.) развивалъ его ученіе о душѣ и ея свойствахъ. Самый значительный изъ византійскихъ философовъ, Михаилъ Пселлъ (XI в.), былъ ярый платоновецъ и противникъ Аристотеля: у него можно видѣть слѣды той борьбы между этими двумя авторитетами, которая раздѣляла нѣкогда древній міръ и впослѣдствіи должна была раздѣлить представителей возрожденной древности, гуманистовъ. Въ томъ же Пселлѣ ясно выразилась и другая, слабая сторона всѣхъ средневѣковыхъ платоновцевъ: онъ еще не отдѣляетъ основателя Академіи отъ его позднѣйшихъ продолжателей и комментаторовъ. Новоплатоники, Плотинъ и Ямвлихъ [1]), для него такіе же автори-

[1]) Плотинъ, родомъ изъ Ликополя въ Египтѣ, род. 205 по Р. Х., ум. около 270, преподавалъ въ Римѣ новоплатоновское ученіе, мистически-аллегорическую смѣсь изъ греческихъ системъ, въ соединеніи съ восточными, египет-

тсты, какъ и самъ Платонъ. Вслѣдствіе этого религіозный элементъ, присутствующій въ платоновской философіи, долженъ былъ разрастись до невѣроятныхъ размѣровъ: для новоплатониковъ познаніе здѣшняго земного міра стояло уже на второмъ мѣстѣ; первое принадлежало изученію міра сверхчувственнаго, божественнаго, царства *идей*. Открывалась необычайно широкая и туманная перспектива, неотразимо привлекательная для человѣка съ такою пылкою фантазіей, какъ Гемистъ Плетонъ. Для такихъ людей Платонъ становился обладателемъ особенной, таинственной мудрости, доступной лишь немногимъ избраннымъ, сливался съ полусказочными мудрецами, съ Пиѳагоромъ и даже Зороастромъ. Всѣ они были предтечами той новой религіи, основать которую задумалъ Плетонъ и которая должна была возродить развращенное византійское общество. Реформаторъ не обинуясь, признавалъ въ своей новой вѣрѣ много сходства съ язычествомъ. Ученіе о переселеніи душъ послѣ смерти въ другія тѣла было однимъ изъ главныхъ догматовъ, рѣзко отличавшихъ ученіе Плетона отъ христіанства. Греческая миѳологія, которою пользовались и новоплатоники для своихъ аллегорическихъ объясненій, давала новой религіи богатый матеріалъ. Плетонъ придумалъ цѣлую іерархію сверхъестественныхъ существъ,—боговъ и „идей" въ платоновскомъ смыслѣ одновременно,—во главѣ которой стоялъ Зевсъ, но гдѣ было мѣсто и для Гекаты, и для всякой мелкой челяди олимпійскаго двора. Система должна была охватить всѣ проявленія человѣческой жизни: на богословіе Плетона опиралось подробно развитое ученіе о нравственности, а это послѣднее, въ свою очередь, было основаніемъ ученія о государствѣ. У новой религіи былъ, конечно, и свой культъ, обряды, молитвы и таинства, своя церковь и священнослужители; здѣсь образцомъ было уже, впрочемъ, византійское православіе, а не религія Гомера.

Само собою разумѣется, что этотъ грандіозный планъ остался въ головѣ своего творца и въ его сочиненіяхъ. Новая религія не пошла дальше небольшого кружка учениковъ Плетона, да и здѣсь осталась теоріей, не перейдя въ жизнь. Но фантазіи Плетона не прошли безслѣдно для исторіи: на другой почвѣ и въ иной обста-

скими и еврейско-христіанскими воззрѣніями; цѣль жизни онъ видѣлъ въ сліяніи съ божествомъ, въ освобожденіи души отъ плоти.

Ямвлихъ современникъ Константина Великаго, ученикъ Порфирія, ученика Плотина. Смѣшивалъ ученія Пиѳагора и Платона и также находился подъ сильнымъ вліяніемъ восточной мистики.

новкѣ его ученіе дало плоды,—не совсѣмъ такіе, впрочемъ, какихъ ожидалъ его авторъ.

Уже восьмидесятилѣтнимъ старикомъ судьба привела Плетона въ Италію. Онъ пріѣхалъ на соборъ во Флоренцію, не какъ основатель новой религіи, а какъ самый блестящій представитель старой, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ восточнаго богословія. Подобно его духовнымъ предкамъ,— Пселлу и прочимъ средневѣковымъ византійцамъ,— преклоненіе предъ Платономъ не мѣшало ему подчиняться правовѣрному ученію въ другихъ вопросахъ, не касавшихся сущности его системы. Отвергая, по крайней мѣрѣ, въ душѣ, если не явно, многія основныя истины христіанства, Плетонъ не допускалъ никакихъ отклоненій отъ преданія въ вопросѣ объ исхожденіи Св. Духа. Уступить католикамъ въ этомъ случаѣ казалось ему унизительнымъ и позорнымъ,—и религіозный реформаторъ превращался на соборѣ въ горячаго апологета восточнаго православія. Но какъ человѣкъ очень живой и увлекающійся, онъ не могъ ограничиться этимъ, такъ сказать, служебнымъ, оффиціальнымъ дѣломъ. Онъ быстро сошелся съ флорентійскими гуманистами и, благодаря своимъ знаніямъ, скоро сталъ играть между ними выдающуюся роль.

Изученіе Аристотеля въ средніе вѣка.

Въ то время на Западѣ почти безраздѣльно господствовалъ Аристотель. Онъ вовсе не былъ авторитетомъ, искони признаннымъ католическою церковью: было время, когда его ученіе считалось противнымъ христіанству, а его сочиненія были подъ строгимъ запретомъ. Но когда католическимъ богословамъ пришлось приводить въ систему свое вѣроученіе, они поневолѣ должны были обратиться къ величайшему систематику древности.

Сначала воспользовались только формальною стороной его философіи—его логикой. Затѣмъ случилось то, что часто бываетъ: средство само по себѣ стало цѣлью. Стали изучать Аристотеля ради него самого, усвоили постепенно всю его систему, скоро она такъ срослась съ церковнымъ ученіемъ, что сама по себѣ стала чѣмъ-то въ родѣ догмата. Церковная кара грозила уже не тѣмъ, кто занимался Аристотелемъ, а тѣмъ, кто вздумалъ бы опровергать его мнѣнія. Въ 1215 г. была запрещена метафизика Аристотеля, а въ 1339 г. та же участь постигла сочиненія Оккама, который по нѣкоторымъ вопросамъ осмѣлился не соглашаться съ Аристотелемъ. Система Ѳомы Аквинскаго, объединившаго Аристотеля и ученіе церкви въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Summa philosophica de veritate catholica“,— эта система была оффиціаль-

ною философіей католицизма до новаго времени. Еще въ 1629 году парижскій парламентъ грозилъ уголовнымъ наказаніемъ ея противникамъ. Но уже гораздо раньше она не удовлетворяла очень многихъ. Для натуръ религіозныхъ въ ней было слишкомъ мало таинственнаго, мистическаго элемента; людямъ съ поэтическимъ, художественнымъ воображеніемъ не могъ нравиться методъ Аристотеля—холодный, строго разсудочный. Источникомъ гуманистическаго движенія въ значительной степени было непосредственное, художественное чувство, любовь къ природѣ и къ естественности. Уже первые гуманисты отвернулись отъ искусственныхъ построеній схоластики; Петрарка отъ всей души презиралъ „школьную мудрость“ и смѣялся надъ нею, но онъ не могъ противопоставить ей ничего своего. Сила Аристотеля заключалась въ томъ, что онъ былъ единственнымъ философскимъ авторитетомъ: выбора не было; отказаться отъ основанной на немъ схоластики значило отказаться отъ философіи. Петрарка смутно чувствовалъ, что онъ могъ бы опереться на Платона, но онъ зналъ о немъ очень немного,—то, что можно было узнать изъ Цицерона и другихъ латинскихъ писателей. Всѣ послѣдующіе гуманисты раздѣляли въ этомъ случаѣ настроеніе Петрарки: можно себѣ представить ихъ удовольствіе, когда передъ ними явился мудрецъ, знавшій Аристотеля изъ первыхъ рукъ, а не по латинскимъ передѣлкамъ арабскихъ переводовъ, и превозносившій Платона. Природа какъ будто нарочно дала Плетону наружность пророка: высокій, статный старикъ, съ бѣлою, какъ снѣгъ, бородой, съ живою и увлекательною рѣчью, онъ былъ самымъ подходящимъ проповѣдникомъ для своего поэтическаго, таинственнаго ученія. Конечно, на флорентійскихъ гуманистовъ сильно дѣйствовала и античная оболочка системы Плетона, но, главное, она совсѣмъ не походила на школьную премудрость. По настоянію своихъ новыхъ друзей Плетонъ изложилъ свои взгляды на философію письменно въ сочиненіи „О различіи между Платономъ и Аристотелемъ“ (Περὶ ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαφέρεται); это былъ первый шагъ въ той философской распрѣ, которая ознаменовала собою возрожденіе платонства въ XV вѣкѣ.

Аристотель и Платонъ у Плетона.

На первый разъ это была довольно умѣренная книга. Плетонъ вовсе не думалъ отрицать заслугъ Аристотеля,— напротивъ, онъ вполнѣ признавалъ истинность всей его „физики“, всей, такъ сказать, научной части его системы. Но онъ жестоко нападалъ на его метафизику, на его богословскія воззрѣнія въ особенности.

Это былъ протестъ глубоко религіозной натуры противъ разсудочнаго метода перипатетиковъ; по мнѣнію Плетона, Аристотель не вѣрилъ достаточно ни въ Бога, ни въ безсмертіе души. Въ противномъ случаѣ, онъ не училъ бы, что міръ—вѣченъ. Аристотель никогда не называетъ Бога, какъ Платонъ, творцомъ и строителемъ міра; для него Богъ только главный начальникъ, στρατηγὸς στρατεύματα τάττων, все равно, что полководецъ въ войскѣ. Аристотель представляетъ себѣ міръ въ видѣ движущихся сферъ; въ каждой сферѣ есть свое божество, и сфера, въ которой пребываетъ Богъ высшій, только одна изъ этихъ сферъ,—самая совершенная, правда, но все же ограниченная другими. Развѣ это достойное положеніе для всемогущаго существа? Нѣтъ, рѣшаетъ Плетонъ, ученіе Платона о единомъ всеблагомъ создателѣ несравненно выше философіи его ученика. Кто, какъ не Платонъ, доказалъ лучше всѣхъ безсмертіе души? Аристотель врядъ ли даже и признавалъ это безсмертіе; по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оно всего нужнѣе, въ этикѣ, въ ученіи о нравственности, онъ и не упоминаетъ о немъ, какъ будто можно быть нравственнымъ человѣкомъ и не вѣрить въ безсмертіе души. Вмѣсто того, чтобы основать добродѣтель на идеѣ высшаго блага, какъ у Платона, Аристотель видитъ ее въ простой умѣренности, въ серединѣ между двумя крайностями. А въ своемъ ученіи о цѣли человѣческой дѣятельности Аристотель говоритъ, что удовольствіе—непремѣнное условіе счастья; чѣмъ же это отличается отъ эпикурейства, столько разъ отвергнутаго и осужденнаго христіанствомъ? Даже и слогъ Аристотеля, сухой и блѣдный, по мнѣнію Плетона, показываетъ, насколько онъ уступаетъ Платону, съ его образнымъ, поэтическимъ языкомъ. И такую-то жалкую (φαῦλον) философію схоластики выдаютъ за вѣнецъ премудрости!

Эта критика била въ самое чувствительное мѣсто средневѣковой философіи. Гордость схоластики составляло полное согласіе ея ученія съ церковною догмой; Плетонъ доказывалъ, что эта гордость неосновательна, что summa philosophica и veritas catholica, соединенныя въ заглавіи сочиненія Ѳомы Аквинскаго, въ дѣйствительности не соединимы. Этимъ была дана почва для дальнѣйшей полемики противъ господствующей системы. Послѣдующіе платоновцы пошли еще дальше въ этомъ направленіи, пытаясь сдѣлать въ пользу Платона то, что было сдѣлано схоластиками въ пользу Аристотеля. Само собою разумѣется, что ихъ усилія не остались безъ отпора со стороны аристотелевцевъ. Прежде всего

Плетонъ нашелъ противника въ средѣ самихъ византійскихъ ученыхъ; это былъ Георгій Схоларій, впослѣдствіи глава православной партіи въ Константинополѣ и, подъ именемъ Геннадія, патріархъ цареградскій послѣ турецкаго завоеванія. Но эта междоусобная греческая полемика лежитъ уже за предѣлами итальянскаго Ренессанса. Во Флоренціи же ученіе Плетона было принято съ живѣйшимъ одобреніемъ. Найденъ былъ выходъ изъ положенія безвыходнаго для первыхъ гуманистовъ: можно было оставить всѣмъ надоѣвшую школьную мудрость и не только не попасть въ ряды невѣждъ или невѣрующихъ, но, напротивъ, стать подъ знамя мыслителя, еще болѣе возвышеннаго и благочестиваго, чѣмъ самъ Аристотель. И при этомъ, вмѣсто сухихъ силлогизмовъ, образная, поэтическая рѣчь, аллегорическое объясненіе миѳовъ,— словомъ, вся художественная и мистическая сторона платонизма, которая должна была такъ сильно привлекать людей, любившихъ все прекрасное и искавшихъ новаго и чудеснаго. Плетонъ послѣ окончанія собора уѣхалъ въ Пелопоннесъ и умеръ тамъ нѣсколько лѣтъ спустя (между 1450—55 гг.), оставивъ изложеніе своей философско-религіозной системы въ сочиненіи о законахъ (Νόμοι), которое до насъ дошло въ отрывкахъ. Но его обаяніе долго удержалось въ Италіи, какъ показываетъ слѣдующій случай. Въ 1465 г. венеціанцы вели въ Пелопоннесѣ войну съ турками. Когда ихъ генералъ, Сигизмундъ Пандольфо Малатеста, овладѣлъ Спартой,— гдѣ былъ погребенъ Плетонъ,—онъ поспѣшилъ отыскать могилу ученаго, вырылъ его кости и „какъ лучшую часть добычи" перевезъ въ Италію. Здѣсь, въ построенной Малатестой церкви св. Франциска, въ Римини, нашелъ свое послѣднее успокоеніе „первый изъ философовъ своего времени"—какъ называетъ его надгробная надпись. Въ числѣ людей, на которыхъ произвелъ сильное впечатлѣніе византійскій реформаторъ, былъ и Козимо Медичи. Страннымъ образомъ, этого сухого и холоднаго человѣка, прежде всего разсчетливаго хозяина, сильно заинтересовала платоновская философія. Быть можетъ, онъ думалъ найти въ ней разрѣшеніе всѣхъ загадокъ жизни;—наивное убѣжденіе, будто философія заключаетъ въ себѣ безусловную истину, совершенно въ духѣ того времени; или же имъ просто руководило особаго рода тщеславіе: у него были *свои* гуманисты, *свои* поэты и художники, и ему захотѣлось имѣть *своего* философа и свою „академію". Какъ бы то ни было, со времени знакомства съ Плетономъ Козимо не оставляла мысль объ основаніи платоновской академіи во Флоренціи. Онъ довольно

Вліяніе Плетона на гуманистовъ.

своеобразно приготовилъ своего перваго академика. У его домашняго врача, Фичино, былъ сынъ по имени Марсилій: изъ этого мальчика, очень способнаго и трудолюбиваго, рѣшено было сдѣлать философа. Онъ воспитывался по особой программѣ, при чемъ цѣлью было поставлено полное знакомство съ Платономъ. А покуда шло это образованіе, его покровитель собиралъ, откуда только могъ, рукописи Платона и новоплатониковъ. Когда Марсилій окончилъ свое воспитаніе, онъ нашелъ богатую библіотеку и могъ удовлетворительно справиться съ своею задачей; первымъ слушателемъ его лекцій былъ самъ Козимо.

Фичино

Марсилій Фичино (род. 1433, умеръ 1499) въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть названъ продолжателемъ Гемиста Плетона: и у него на первомъ планѣ религіозная точка зрѣнія. О немъ разсказывали, будто онъ совсѣмъ язычникъ и молится, вмѣсто Мадонны, передъ статуей Платона; но это, по всей вѣроятности, выдумка его враговъ; она любопытна лишь въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ смотрѣли въ первое время на занятія Платономъ. Въ дѣйствительности, Фичино далеко не отличается тою смѣлостью и самостоятельностью сужденій, какъ его византійскій образецъ. По своему отношенію къ предмету онъ больше походитъ на схоластиковъ, чѣмъ на Плетона. Совсѣмъ схоластическій видъ имѣютъ, напримѣръ, его пятнадцать доказательствъ безсмертія души. Здѣсь, какъ и вообще въ схоластикѣ, аргументами служатъ не факты и не идеи, а просто слова; изъ формальнаго словеснаго опредѣленія души выводятся ея свойства, а изъ нихъ — безсмертіе. По опредѣленію, напримѣръ, душа есть нѣчто существующее само по себѣ; но то, что существуетъ само по себѣ, независимо отъ всего другого, не можетъ быть устранено черезъ другое, слѣдовательно — безсмертно, значитъ, душа безсмертна и т. д. Основная мысль Фичино — полное сходство между ученіемъ Платона и ученіемъ церкви. Платонъ проповѣдывалъ то же, что и Моисей; Фичино даже старается отыскать у греческаго философа намеки на грѣхопаденіе прародителей и описаніе потопа. Само собой разумѣется, что при всѣхъ подобныхъ сближеніяхъ жестоко доставалось исторической истинѣ. Помимо стремленія найти у Платона упоминаніе чуть не о всѣхъ событіяхъ Ветхаго и Новаго завѣта, помимо натяжекъ, такъ сказать, тенденціозныхъ, у Фичино было еще много промаховъ невольныхъ, отъ невѣжества и неопытности въ дѣлѣ исторической критики. Въ составленной имъ біографіи Платона нашли мѣсто себѣ всѣ чудеса и басни, какія можно было

собрать о Платонѣ въ средневѣковой литературѣ. А насколько Фичино понималъ методъ Платона, видно изъ его мнѣнія, будто только то, что философъ говоритъ отъ своего лица, онъ считалъ за истину, а то, что говорится въ діалогахъ отъ лица Сократа и другихъ, самому Платону казалось только правдоподобнымъ. Тѣмъ не менѣе для распространенія платонизма Фичино сдѣлалъ чрезвычайно много. Характерною его чертой было пламенное одушевленіе, съ какимъ онъ относился къ философіи, видя въ ней выраженіе міровой мудрости. „Ты, философія“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „построила города, соединила разрозненныхъ людей сначала жилищемъ, потомъ бракомъ, потомъ общностью языка и знаній, ты изобрѣла законы, ты создала добрые обычаи и нравственность“. Онъ умѣлъ передать это оживленіе другимъ; его сочиненія (два главныхъ: „De religione christiana“ и „Theologia platonica“) читались всюду; еще больше помогала распространенію платоновскихъ идей его переписка, изданная впослѣдствіи въ XII книгахъ. Но главною заслугой Фичино былъ переводъ—на латинскій языкъ, разумѣется—произведеній Платона и Плотина, долгое время считавшійся образцовымъ. Раньше переводилъ Платона (какъ и Аристотеля) Бруни, но его работа далеко не имѣла такого успѣха. Переводы Фичино, напротивъ, неоднократно перепечатывались, и черезъ нихъ вся образованная Европа могла познакомиться съ Платономъ.

Наряду съ платоновскою философіей, флорентійская академія унаслѣдовала отъ Плетона и наклонность ко всему таинственному, чудесному. Итальянцы эпохи Возрожденія вообще были суевѣрны; изученіе новоплатоновской мистики дало этому чувству теоретическое обоснованіе. Фичино вѣрилъ въ сны и занимался предсказаніями—настолько серьезно, что даже опубликовалъ одно изъ своихъ пророчествъ. Гораздо болѣе замѣчательнымъ представителемъ этой стороны Возрожденія былъ графъ Джіованни Пико Мирандола (Pico della Mirandola) (1462—1494).

Пико Мирандола. Нѣтъ характера, который бы менѣе показывалъ связь Возрожденія со средними вѣками. Если бы нужно было въ двухъ словахъ обрисовать жизнь Пико, то можно было бы сказать, что это была постоянная борьба средневѣковаго темперамента съ влеченіями, созданными гуманизмомъ. У его современниковъ составилось о немъ двойственное представленіе. Съ одной стороны, это—знаменитый ученый, авторъ многихъ философскихъ трактатовъ, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ оріенталистовъ — знатоковъ восточныхъ языковъ; въ то же время, это — герой легендъ, въ біографіи ко-

тораго не меньше фантастическаго, чѣмъ въ житіи любого изъ средневѣковыхъ святыхъ. Правда, самъ онъ не совершалъ чудесъ: но зато по поводу его совершались чудеса даже до его рожденія. Однажды надъ домомъ, гдѣ жила его мать, появился будто бы яркій свѣтъ, который скоро погасъ; въ то время не поняли, что бы это могло значить; но впослѣдствіи догадались, что явленіе предвѣщало ея сыну необыкновенную, хотя и непродолжительную, славу. Три астролога и одна гадальщица предсказали его раннюю смерть (Пико умеръ 32 лѣтъ). Онъ самъ—въ горячечномъ бреду, конечно—видѣлъ Богоматерь, которая утѣшала его, обѣщая ему жизнь вѣчную. Чудеса продолжались и послѣ его смерти: Савонарола разсказывалъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, что умершій философъ являлся ему и горько оплакивалъ свои земныя заблужденія, изъ-за которыхъ онъ долженъ мучиться въ чистилищѣ. Но если оставить въ сторонѣ сказочный элементъ, въ самомъ характерѣ Пико все же было много средневѣковыхъ чертъ. Онъ считалъ своимъ долгомъ заботиться о нищихъ и много раздавалъ милостыни; несмотря на свое высокое происхожденіе и ученую славу, былъ очень скроменъ, чего никакъ нельзя сказать о большинствѣ его современниковъ; велъ уединенную жизнь и удалялся отъ всякихъ свѣтскихъ удовольствій, хотя природа надѣлила его очень красивою наружностью; наконецъ, постился и бичевалъ себя ради умерщвленія плоти,—словомъ, отличался всѣми добродѣтелями классическихъ образцовъ средневѣковаго подвижничества. Положимъ, что всѣ эти средневѣковыя добродѣтели развились лишь во вторую половину его недолгой жизни. Смолоду онъ очень любилъ удовольствія и увлекался свѣтскою поэзіей — большой грѣхъ съ аскетической точки зрѣнія, который онъ старался искупить впослѣдствіи, уничтожая поэтическія произведенія своей юности. Не чуждъ онъ былъ тогда и общей слабости гуманистовъ — тщеславія. Средствомъ удовлетворенія этого чувства были тогда, между прочимъ, ученые диспуты; Пико былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ диспутантовъ; разъ въ Римѣ онъ брался защищать 900 тезисовъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ, что, конечно, свидѣтельствуетъ о его учености, но никакъ уже не о скромности. Все это, однако, вполнѣ подходитъ къ его средневѣковой физіономіи. Сначала очень бурная молодость, потомъ покаяніе и умерщвленіе плоти, наконецъ монастырь—это обычный жизненный путь тогдашней сильной натуры. Пико прошелъ его до конца, вступивъ за нѣсколько дней до смерти въ орденъ доминиканцевъ. Но на этой

старой основѣ культурное движеніе XV в. вышило новые узоры, вовсе не подходившіе къ основному фону. Прежде люди каялись въ своихъ чувственныхъ увлеченіяхъ и страстяхъ; въ жизни Пико на первомъ планѣ стояли идеи. Эти идеи мучили его не меньше, чѣмъ чувственные грѣхи; онъ старался подчинить ихъ своимъ вѣрованіямъ или, скорѣе, тому, что онъ считалъ обязательными вѣрованіями христіанина, но не могъ, и страдалъ отъ этого. „Нельзя вѣровать всему, чему хочешь", съ горечью повторяетъ онъ не разъ въ своихъ сочиненіяхъ. Но сильно развитое религіозное чувство подсказывало ему, что нужно вѣровать, а создать свою вѣру, какъ это сдѣлалъ Плетонъ, онъ не осмѣливался: для такого религіознаго возстанія у него была слишкомъ кроткая и послушная натура. Какъ и у византійскаго философа, у Пико была своя излюбленная система. Это было уже не платонство и даже не пиоагорейство, а нѣчто еще болѣе туманное и таинственное—еврейская „каббала". Существовало преданіе, — излишне говорить, что оно ни на чемъ не основано,—будто Моисей получилъ на Синаѣ, кромѣ десяти заповѣдей, еще мистическое объясненіе къ нимъ, которое онъ сообщилъ только мудрѣйшимъ изъ народа Израилева. До Ездры оно передавалось устно изъ поколѣнія въ поколѣніе; при Ездрѣ оно было записано и составило 70 книгъ, отчасти переведенныхъ на латинскій языкъ по приказанію папы Сикста IV (1471—84). Пико изучалъ каббалу въ подлинникѣ и увлекся ея ученіемъ. Въ молодости онъ колебался между Аристотелемъ и Платономъ, явно, впрочемъ, предпочитая послѣдняго, но уже въ его римскихъ тезисахъ, которые онъ составилъ, когда ему было 24 года, видно вліяніе еврейской философіи. Въ тезисахъ заподозрѣли ересь, и они были если не прямо осуждены, то, во всякомъ случаѣ, не одобрены папой.

Это былъ первый ударъ для благочестиваго Джіованни Пико. Онъ выпустилъ вскорѣ „Апологію", гдѣ доказывалъ, что каббала во всемъ согласна съ христіанскимъ ученіемъ, но, повидимому, эти доказательства не успокоили его собственной совѣсти. Его слѣдующее сочиненіе, Heptamoron, еще болѣе благочестиво по настроенію и еще болѣе туманно. Это, собственно, мистическое толкованіе разсказа книги Бытія о сотвореніи міра,—толкованіе натянутое, произвольное, гдѣ благочестивая фантазія автора совершенно упразднила логику [1]). Здѣсь ясно только одно: сильное желаніе

[1]) Основная мысль сочиненія та, что каждое слово въ повѣствованіи книги

автора во что бы то ни стало согласить свои идеи съ ученіемъ католической церкви. Въ этой непосильной борьбѣ между разсудкомъ и вѣрой умъ Пико, отъ природы ясный и сильный, потускнѣлъ и ослабѣлъ. Только изрѣдка, когда ему приходилось говорить о вещахъ, не касавшихся его системы, къ нему возвращались его энергія и способность выражаться отчетливо. Таково его сочиненіе противъ астрологовъ и, особенно, небольшой трактатъ „о достоинствѣ человѣка" („De dignitate hominis")—лучшее, что произвела философія Возрожденія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что современниковъ Пико вовсе не отталкивали туманность и натянутость его сочиненій. Его слава, какъ философа, была огромна и далеко заходила за предѣлы Италіи и современнаго ему поколѣнія; его мнѣнія о каббалѣ имѣли большое вліяніе, напримѣръ, на Рейхлина. Наканунѣ смерти философа во Флоренцію вступила французская армія подъ предводительствомъ короля Карла VIII. Первый вопросъ короля былъ о Пико; узнавъ, что онъ тяжко боленъ, Карлъ отправилъ къ нему своихъ лейбъ-медиковъ и очень огорчился, когда ему сказали, что состояніе больного безнадежно. Его соотечественники, итальянцы, его друзья смотрѣли на него, какъ на совершеннѣйшаго изъ мудрецовъ. То, что не понравилось бы современному читателю, изобиліе мистицизма и неясныя идеи, то особенно привлекало людей того времени, въ дѣйствительности, несмотря на вольнодумство, вовсе не отрѣшившагося отъ средневѣковой религіозности; только эта религіозность не довольствовалась уже католическо-христіанскою формой и искала новыхъ выходовъ, находя ихъ въ древне-еврейскихъ ученіяхъ и даже въ язычествѣ. Послѣднее процвѣтало въ платоновскихъ академіяхъ. Флорентійская академія продолжала работать въ томъ же направленіи и по смерти ея основателя (Козимо Медичи умеръ въ 1464 году). Это не было ученое учрежденіе, въ родѣ нынѣшнихъ академій; скорѣе она походила на современное ученое общество. Члены ея не имѣли опредѣленныхъ обязанностей; ихъ соединяло преклоненіе передъ памятью ихъ общаго учителя, Платона. При внукѣ Козимо, Лоренцо Великолѣпномъ, 7 ноября, предполагаемый день рожденія и смерти философа, былъ торжественнымъ праздникомъ для всей Флоренціи. Во дворцѣ Лоренцо былъ въ этотъ день пиръ, во время котораго читались и

Платоновскія академіи.

Бытія—аллегорія и должно быть понимаемо, кромѣ прямого, еще въ 4 переносныхъ смыслахъ.

объяснялись отрывки изъ Платонова „Пира“. Подобныя полуязыческія празднества не были единичнымъ явленіемъ. Особенно они процвѣтали въ другой платоновской академіи, основавшейся въ Римѣ. Во главѣ ея стоялъ Петръ изъ Калабріи, перемѣнившій изъ любви къ древности свое христіанское имя на языческое Pomponius Laetus. Онъ хвастался тѣмъ, что онъ язычникъ, и говорилъ даже, что ему суждено ниспровергнуть христіанство. Всѣ другіе члены этой академіи также приняли языческія имена, клялись именемъ Платона и видѣли въ немъ основателя своей религіи. Папа Павелъ II (1464—71) принялъ строгія мѣры противъ этого „разсадника ереси и невѣрія“, какъ называлъ онъ академію. Но среди самой куріи были если не единомышленники Помпонія, то, во всякомъ случаѣ, люди, сочувствовавшіе новому движенію. Сохранилось одно письмо кардинала Виссаріона, показывающее, до какой степени даже вполнѣ правовѣрные люди прониклись античными воззрѣніями. Онъ писалъ по поводу смерти Плетона, своего учителя, слѣдующее: „Я слышалъ, что нашъ общій отецъ и руководитель, покинувъ все земное, переселился въ свѣтлую небесную страну, чтобы вмѣстѣ съ богами Олимпа участвовать въ мистеріяхъ [1]). Радуюсь, что я пользовался обществомъ человѣка, мудрѣе котораго не производила Грецiя со временъ Платона, за исключеніемъ Аристотеля. Если принять ученіе пиѳагорейцевъ и Платона о безконечномъ переселеніи душъ, то нельзя сомнѣваться, что душа Платона, пройдя черезъ рядъ опредѣленныхъ судьбой воплощеній, избрала, наконецъ, своимъ жилищемъ тѣло Гемиста (Плетона)“. Конечно, все это литературныя метафоры, а не дѣйствительныя мнѣнія кардинала; но уже одно то, что эти метафоры безъ стѣсненія употребляетъ одинъ изъ высшихъ представителей церкви, достаточно характеризуетъ настроеніе эпохи.

Въ лицѣ именно Виссаріона мы находимъ еще одного крупнаго представителя платонизма. Послѣ восторженнаго пророка Плетона и платонизирующаго схоластика Фичино, мы встрѣчаемъ человѣка, способнаго отнестись къ Платону болѣе хладнокровно и вслѣдствіе этого болѣе научно. Хронологически старшій современникъ флорентійской академіи (род. 1403, † 1472), въ исторіи развитія платонизма онъ является заключительнымъ звеномъ. Тамъ было увлеченіе или подчиненіе, здѣсь уже свободный выборъ между философскими авторитетами.

[1]) Буквально: „водить мистическіе хороводы“ (Schultze, 107—108).

Виссаріонъ. Воспитаніе характеръ

Виссаріонъ [1]) родился въ Трапезунтѣ,—слѣдовательно, не былъ подданнымъ византійскаго императора, такъ какъ Трапезунтъ составлялъ особое государство. Сынъ очень бѣдныхъ родителей,—можетъ быть, простыхъ ремесленниковъ, — онъ пробилъ себѣ дорогу единственно своими блестящими способностями. Еще въ дѣтствѣ онъ обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго епископа, который и позаботился о его воспитаніи. Онъ учился въ Константинополѣ у лучшаго византійскаго преподавателя того времени, Хризококка; образованіе, разумѣется, было литературно-реторическое, какъ вообще въ то время: будущій гуманистъ имѣлъ полную возможность прекрасно ознакомиться съ греческими классиками. Здѣсь Виссаріонъ встрѣтилъ но разъ упомянутаго у насъ Филельфо, въ то время тоже занимавшагося у Хризококка; личный характеръ этого итальянца, конечно, былъ мало привлекателенъ, но черезъ него Виссаріонъ могъ познакомиться съ новыми умственными интересами, возникавшими тогда на Западѣ. Эти интересы не могли быть для него совсѣмъ чужды и непонятны. Уже съ XIII вѣка, со времени борьбы съ франками, западное вліяніе, очень сильное при Комненахъ, уступило мѣсто реакціи въ сторону чисто-греческой культуры. Стремленіе къ аттицизму, къ очищенію классическаго языка отъ всякихъ варварскихъ примѣсей, проникшихъ въ него въ средніе вѣка, началось на Востокѣ раньше, чѣмъ на Западѣ. Это греческое возрожденіе прошло безслѣдно у себя на родинѣ, потому что Византія не имѣла будущаго. Но оно не осталось безъ вліянія на итальянскій гуманизмъ, — между прочимъ, потому, что подготовило къ участію въ Ренессансѣ нѣкоторыхъ грековъ, въ томъ числѣ и Виссаріона. Случилось такъ, что его дальнѣйшее образованіе продолжалось въ томъ же направленіи. Послѣ грамматики и реторики ему понадобилась философія. Самымъ выдающимся философомъ Византіи былъ уже извѣстный намъ Георгій Гемистъ, впослѣдствіи Плетонъ, и Виссаріонъ отправился къ нему въ Пелопоннесъ. И мѣсто обученія, и личность наставника одинаково не остались безъ вліянія на судьбу Виссаріона. Мы знаемъ, что Плетонъ буквально бредилъ древностью, — быть можетъ, больше, чѣмъ любой изъ итальянскихъ гуманистовъ. Виссаріонъ не сдѣлался сторонникомъ фантастической религіи своего учителя, — онъ для этого былъ слишкомъ разсудительный и спокойный человѣкъ; самое большее, что онъ усвоилъ себѣ нѣкоторые

[1]) Его монашеское имя; св. Виссаріонъ былъ покровителемъ Трапезунта.

литературные обороты Плетона, образчикъ чего мы видѣли выше. Но вліяніе такого своеобразнаго и для своего времени самостоятельнаго мыслителя позволило его ученику подняться гораздо выше рутинной, школьной философіи: у него выработался тотъ широкій, почти научный, взглядъ на отношенія Платона и Аристотеля, до котораго не могли возвыситься слѣпые поклонники того или другого. Онъ одновременно освободился и отъ философскихъ, и отъ національныхъ предразсудковъ своего времени. Та непроницаемая стѣна, которая отдѣляла Востокъ отъ Запада въ средніе вѣка, не существовала въ Пелопоннесѣ. Со времени латинской имперіи онъ былъ наводненъ французами и итальянцами, которые остались здѣсь надолго. При ежедневныхъ сношеніяхъ различіе между франками и греками неизбѣжно должно было до нѣкоторой степени сгладиться, стушеваться. Живя въ такой средѣ, нельзя было долго сохранить традиціонное узко-византійское недовѣріе къ западнымъ европейцамъ: если Виссаріонъ впослѣдствіи сталъ „graecorum latinissimus" (выраженіе Валлы), то начало этого олатиненія слѣдуетъ отнести еще къ его жизни въ Пелопоннесѣ.

Такимъ образомъ, молодой греческій монахъ (Виссаріонъ постригся въ 1423 г.) еще въ ранней молодости съ разныхъ сторонъ подвергался вліяніямъ, подготовлявшимъ его къ будущей гуманистической дѣятельности. Но сначала онъ выдвинулся на совсѣмъ другомъ поприщѣ,—какъ богословъ. Въ этомъ отношеніи онъ пріобрѣлъ настолько громкую извѣстность, что съ небольшимъ 30-ти лѣтъ, его, человѣка совсѣмъ незнатнаго, притомъ не византійскаго уроженца, императоръ назначилъ на одинъ изъ высшихъ постовъ византійской церковной іерархіи. Около 1436 года онъ сталъ архіепископомъ города Никеи, котораго, кстати сказать, онъ никогда не видалъ, ибо онъ уже давно былъ въ рукахъ турокъ. Причина такого быстраго возвышенія совершенно ясна: Іоаннъ VI готовился въ то время къ послѣдней, рѣшительной попыткѣ соединенія церквей и нуждался въ лучшихъ ученыхъ силахъ Греціи, чтобы достойно представить Византію на соборѣ, гдѣ были лучшіе католическіе богословы. Съ этой стороны Виссаріонъ вполнѣ оправдалъ выборъ императора. По своей учености и краснорѣчію онъ игралъ одну изъ первыхъ, если не самую первую роль среди грековъ,— и обратилъ на себя вниманіе высшаго католическаго духовенства, вообще гораздо болѣе богатаго богословскими свѣдѣніями, чѣмъ греческое. Но тутъ уже обнаружилось, что молодой архіепископъ несравненно больше годился для роли ученаго, чѣмъ дипломата.

Виссаріонъ на Флорентійскомъ соборѣ.

Это особенно ясно выразилось въ его вступительной рѣчи: онъ считалъ задачей собора совершенно безпристрастное изслѣдованіе спорныхъ вопросовъ. „Греки и латиняне, говорилъ онъ, сошлись съ одинаковыми намѣреніями, обѣ стороны, съ единственнымъ желаніемъ найти истину, предпочитая въ иномъ быть побѣжденными хорошо, чѣмъ побѣдить худо, ибо лучше потерпѣть пораженіе въ спорѣ, но зато узнать истину". Дальнѣйшее поведеніе Виссаріона показало, что это не были пустыя слова. Виссаріонъ поступалъ такъ, какъ говорилъ. Но на соборѣ дѣло шло не о научномъ изслѣдованіи: рѣшался практическій вопросъ, имѣвшій огромныя, прежде всего политическія послѣдствія; за богословскими разсужденіями стояли вѣковыя религіозныя вѣрованія, которыя имѣли на массу народа несравненно больше вліянія. Когда, благодаря усиліямъ, главнымъ образомъ, Виссаріона, унія наконецъ состоялась, греки стали относиться къ нему такъ недружелюбно, что онъ не нашелъ возможнымъ оставаться въ ихъ средѣ. Между тѣмъ папа (Евгеній IV) для закрѣпленія союза церквей принялъ въ ряды куріи главныхъ представителей восточной церкви: Виссаріонъ, вмѣстѣ съ бывшимъ русскимъ митрополитомъ Исидоромъ, были назначены кардиналами. Съ этихъ поръ Виссаріонъ окончательно поселился въ Италіи. Его роль, какъ защитника византійскихъ интересовъ, далеко не кончилась этимъ. Всю жизнь онъ не переставалъ хлопотать о крестовомъ походѣ на помощь Константинополю; но здѣсь ему ничего не удалось достигнуть. Гораздо плодотворнѣе была его дѣятельность, какъ одного изъ представителей Возрожденія, — и притомъ въ двоякомъ отношеніи: и какъ самостоятельнаго работника, и какъ покровителя другихъ работниковъ.

Жизнь Висс[ріо]на въ Ит[аліи]. Библіотека академія.

Виссаріонъ былъ единственнымъ византійскимъ грекомъ въ Италіи, которому удалось достигнуть если не богатства, то все-таки обезпеченнаго положенія. Среди кардиналовъ онъ, со своими 600 скуди пенсіи и малодоходною церковью Св. Апостоловъ, которую далъ ему папа, былъ, вѣроятно, самымъ бѣднымъ; но этого небольшого достатка хватало на то, чтобы прилично жить самому и кормить нѣсколько обнищавшихъ на чужбинѣ греческихъ ученыхъ. Прежнія счастливыя времена, когда даже знанія какого-нибудь Пилато имѣли цѣну, давно прошли. Теперь, по свидѣтельству Поліціано, всякій порядочно воспитанный флорентійскій юноша зналъ больше Пилато. Толпами скитались несчастные „graeculi esurientes"[1]) по Италіи и большею частью должны были довольствовать-

[1]) Нищіе греки.

ся скромною ролью переписчиковъ греческихъ рукописей. Рѣдко, рѣдко удавалось кому-нибудь изъ нихъ возвыситься до званія переводчика; но теперь уже никого нельзя было увѣрить, что Ахиллесъ значитъ „не ѣвшій сѣна". Не всѣ это понимали: одинъ грекъ, Георгій Трапезунтскій, вздумалъ было обманывать папу Николая V, сбывая ему никуда негодные переводы, но былъ сейчасъ же уличенъ и съ позоромъ изгнанъ изъ Рима. Если бы не Виссаріонъ, многимъ изъ его соотечественниковъ пришлось бы умирать съ голоду; у кардинала никейскаго всегда было имъ готово убѣжище и работа, приносившая хоть что-нибудь. Назначенный главноуправляющимъ базиліанскими монастырями Италіи, Виссаріонъ воспользовался этимъ для того, чтобы удовлетворить своей страсти къ книгамъ; греческія рукописи извлекались изъ монастырской пыли, тщательно списывались и поступали въ библіотеку кардинала. Манускриптовъ было много, и для знающихъ греческій языкъ было постоянное занятіе. Собраніе греческихъ рукописей Виссаріона считалось однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ западной Европѣ,—порвымъ послѣ собранія Медичи. Эту библіотеку—до 900 томовъ, цѣною на 15.000 дукатовъ — кардиналъ завѣщалъ городу Венеціи, которая, по его мнѣнію, больше всѣхъ итальянскихъ городовъ оказала услугъ грекамъ. Торговые люди не знали сначала, что имъ дѣлать съ этими рукописями, и ящики стояли нѣкоторое время нераскупоренными. Но скоро нашелся предпріимчивый человѣкъ, который сумѣлъ извлечь отсюда и коммерческую, и научную выгоду: собраніе Виссаріона легло въ основу перваго изданія классиковъ, сдѣланнаго въ Венеціи Альдомъ Мануціемъ. Благодаря гостепріимству кардинала, около него всегда было много ученыхъ грековъ, къ которымъ присоединялись иногда и итальянскіе гуманисты. Они образовали своего рода домашнюю академію, имѣвшую не меньше вліянія на возрожденіе платонства, чѣмъ флорентійская. Особенно велико было ея значеніе въ то время, когда папскій престолъ занималъ противникъ платонства, Павелъ II, преслѣдовавшій Помпонія Лета и его товарищей. Тогда домъ Виссаріона въ Тускулумѣ, гдѣ онъ былъ въ то время епископомъ,—знаменитое аббатство Гротаферрата, — сталъ прибѣжищемъ для всѣхъ любителей древности. Простые переводчики, рядовые гуманистической арміи, и извѣстные писатели, голодные византійцы—и кардиналы, поклонники античнаго,—сходились здѣсь на общей имъ всѣмъ почвѣ. Это былъ одинъ изъ первыхъ литературныхъ кружковъ Европы, гдѣ научныя и художественныя стремленія сглаживали различіе состоянія и про-

исхожденія. Въ противоположность академіи Медичи здѣсь не было такого разстоянія между хозяиномъ-покровителемъ и покровительствуемыми гуманистами: Виссаріонъ не былъ такъ богатъ, какъ флорентійскій банкиръ, и вдобавокъ самъ былъ ученый. Кружокъ состоялъ по большей части изъ платоновцевъ, и кардиналъ впереди другихъ защищалъ дѣло своего учителя. Съ обычнымъ ему хладнокровіемъ и научною добросовѣстностью, онъ не увлекался тою рѣзкою полемикой противъ Аристотеля, которую началъ Гемистъ Плетонъ. Въ первый разъ онъ вмѣшался въ философскую полемику даже въ пользу Аристотеля. Поводъ подала стычка двухъ членовъ его домашней академіи, Θеодора Газы и Іоанна Аргиропула, изъ которыхъ одинъ стоялъ за Аристотеля, другой за Платона. Виссаріонъ принялъ среднюю точку зрѣнія. Аристотель, говорилъ онъ, дѣйствуетъ, какъ самъ совѣтуетъ дѣйствовать физику: онъ объясняетъ видимое, доступное чувству. Платонъ всѣ вещи видитъ въ Богѣ, онъ беретъ ихъ идеальную, божественную сторону,— слѣдовательно, занимается тѣмъ, чего нельзя видѣть и слышать. Оба они могутъ говорить различно, но противорѣчія между ними быть не можетъ, потому что и цѣли ихъ совсѣмъ различныя. Еще сильнѣе пришлось высказать Виссаріону ту же точку зрѣнія по другому случаю.

Одинъ изъ самыхъ молодыхъ греческихъ ученыхъ, Михаилъ Апостолій, желая угодить кардиналу,—платоновскія симпатіи котораго были всѣмъ извѣстны, — написалъ рѣзкій памфлетъ противъ Аристотеля и аристотелевца Газы. Но Виссаріонъ принялъ это дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ ожидалъ Апостолій: вмѣсто похвалы онъ получилъ отъ кардинала суровое посланіе, гдѣ ему разъяснялось, что Аристотель заслуживаетъ всякаго почтенія, а вовсе не тѣхъ дерзкихъ выходокъ, которыя позволилъ себѣ Апостолій. „Да будетъ тебѣ извѣстно,—писалъ Виссаріонъ,—что я уважаю Платона, но уважаю и Аристотеля, почитая того и другого, какъ мудрѣйшихъ людей“ (письмо 19 мая 1462 г.).

Философскіе труды Виссаріона.

Памятникомъ этого уваженія къ Аристотелю остался переводъ его „Метафизики“, сдѣланный Виссаріономъ по порученію папы Николая V.

Впрочемъ, этимъ кардиналъ оказалъ немалую услугу и гуманизму: точные переводы съ подлинныхъ сочиненій Аристотеля не меньше полемики подрывали авторитетъ школьной философіи, опиравшейся, въ сущности, не на самого философа, а главнымъ образомъ на его арабскаго комментатора, Аверроэса (Ибнъ Рошдъ,

арабскій ученый) [1]). Чѣмъ больше узнавали настоящаго Аристотеля, тѣмъ больше падало довѣріе къ его комментатору и вмѣстѣ съ нимъ къ схоластикѣ.

Но скоро пришлось Виссаріону высказаться рѣшительно; когда Павелъ II началъ гоненіе противъ платоновцевъ, нашлись и между учеными охотники, въ угоду новому папѣ, изобличать платоновцевъ во всякихъ неправдахъ. Георгій Трапезунтскій поднялъ старыя обвиненія противъ Платона въ безнравственности и противорѣчіи христіанскому ученію. Виссаріонъ не побоялся отвѣчать, хотя и зналъ настроеніе папы. Этотъ отвѣтъ „Клеветнику Платона" (In calumniatorem Platonis Libri IV)—главное философское произведеніе Виссаріона. Оно начато около 1465 г., а напечатано въ 1469 г., какъ разъ послѣ закрытія римской академіи папой. Имя автора, его огромная эрудиція и сдержанный тонъ его книги—все это сразу выдвинуло ее изъ ряда другихъ полемическихъ сочиненій. Первымъ послѣдствіемъ было прекращеніе стараго спора, еще занимавшаго Фичино: кто изъ двухъ философовъ былъ христіаниномъ: Платонъ или Аристотель? Схоластики доходили до того, что увѣряли, будто ихъ учитель, Аристотель, получилъ особое отъ другихъ откровеніе насчетъ св. Троицы за три слишкомъ вѣка до христіанства; Фичино не шелъ такъ далеко, но все же не прочь былъ искать у Платона разсказа о грѣхопаденіи Адама. Виссаріонъ откровенно призналъ, что оба философа были язычники, и что искать у нихъ подтвержденія Библіи не слѣдуетъ; хорошо уже, если ихъ основныя идеи не противорѣчатъ христіанству. Кардиналъ честно согласился, что у Платона въ этомъ отношеніи есть недостатки; онъ, напримѣръ, вѣрилъ въ существованіе нѣсколькихъ боговъ; но разъ, что онъ язычникъ, это уже извинительно. Быть можетъ, самъ Виссаріонъ и не имѣлъ этого въ виду, но результатъ былъ тотъ, что вопросъ былъ сведенъ съ религіозной почвы: изъ богословско-философскаго онъ сталъ историко-философскимъ. Это было уже знаменіе новаго времени — и въ этомъ значеніе работы Виссаріона. До него вопросъ былъ поставленъ такъ: или Платонъ, или Аристотель. „И у того, и у другого есть слабыя и сильныя стороны, былъ отвѣтъ Виссаріона, ни тотъ, ни другой не могутъ заявлять притязаніе на особое покровительство церкви. Оба они мыслители очень почтенные, но люди совершенно чужіе для церкви;

---

[1]) „Аристотель истолковалъ вселенную, Аверроэсъ же истолковалъ Аристотеля", говорили въ средніе вѣка.

слѣдовательно, можно критически отнестись къ ихъ ученіямъ, не затрогивая нимало ученія христіанскаго".

Таково было общее впечатлѣніе, которое должна была произвести книга Виссаріона. Не нужно думать, чтобы ученому кардиналу удалось отнестись къ своему предмету вполнѣ критически: и для него еще Плотинъ и Ямвлихъ были авторитетомъ, наравнѣ съ Платономъ; и Виссаріонъ не прочь былъ отъ игры силлогизмами, — вся его третья книга состоитъ изъ подобныхъ упражненій. Въ этомъ случаѣ общій тонъ книги, общее настроеніе ея автора гораздо важнѣе самаго содержанія; по размѣрамъ философскаго таланта Виссаріонъ далеко не былъ крупной величиной, — да для его дѣла большого таланта и не требовалось. По натурѣ онъ былъ примирителемъ какъ на флорентійскомъ соборѣ, такъ и въ философской полемикѣ,—къ этому и свелась вся его роль. Только на соборѣ дѣло шло о жгучемъ практическомъ вопросѣ, и старанія Виссаріона въ концѣ концовъ ни къ чему не привели; здѣсь же была чистая теорія, и Виссаріону удалось если не объединить враждующія партіи, то, по крайней мѣрѣ, установить между ними нѣкоторое равновѣсіе.

Результаты философской полемики.

Послѣдствія были самыя наглядныя—вторая половина XV вѣка уже не была свидѣтельницей тѣхъ шумныхъ философскихъ споровъ, которые наполняютъ первую. Аристотелевцы въ Падуѣ, платоновцы во Флоренціи если не питали другъ къ другу особаго расположенія—то не пытались уже уничтожить другъ друга въ общемъ мнѣніи. Понемногу привыкли къ мысли, что есть два философскихъ авторитета, Аристотель и Платонъ, между которыми можно выбирать. Обѣ стороны еще не покинули старыхъ путей; еще прочно держалась старая привычка мѣрить все богословской мѣркой, оцѣнивать достоинство философскаго ученія его согласіемъ или несогласіемъ съ ученіемъ церкви. Должно было пройти еще полтора столѣтія, прежде чѣмъ явился мыслитель, осмѣлившійся объявить открыто, что философія должна быть основана на чистомъ мышленіи, независимомъ ни отъ какого догмата. Но прежде чѣмъ отрѣшиться такимъ образомъ отъ всякаго внѣшняго авторитета, нужно было пройти періодъ выбора между нѣсколькими авторитетами. Уже то одно, что Платона изучаютъ по свободному влеченію, а не по необходимости, указываетъ на сильный подъемъ умственныхъ интересовъ. Постоянная работа ума надъ самыми трудными задачами человѣческаго мышленія незамѣтно дѣлала свое. Начинали увлекаться знаніемъ ради него самого, независимо отъ богословскихъ

споровъ, начинали чувствовать достоинство мысли и человѣка, какъ мыслящаго существа. Это новое чувство нашло себѣ выраженіе въ словахъ Пико делла Мирандола, которыми заканчивается его трактатъ „О человѣческомъ достоинствѣ". „Богъ создалъ человѣка въ послѣдній день творенія для того, чтобы онъ познавалъ законы вселенной, любилъ ея красоту, удивлялся ея величію. Онъ не привязалъ его къ одному опредѣленному мѣсту, не назначилъ ему одного какого-нибудь дѣла, не связалъ его необходимостью, но далъ ему способность двигаться и свободную волю. Я поставилъ тебя въ срединѣ міра, сказалъ Творецъ Адаму, чтобы тебѣ легче было осмотрѣться и видѣть, что въ мірѣ находится. Я создалъ тебя существомъ ни небеснымъ, ни земнымъ, ни смертнымъ, но и не безсмертнымъ только, чтобы ты себя свободно образовалъ и укротилъ; ты можешь выродиться въ звѣря и подняться до богоподобнаго существа. Животныя отъ рожденія таковы, какими они должны быть; высшіе духи съ самаго начала таковы, какими они будутъ вѣчно. Ты одинъ имѣешь развитіе, ростъ по свободной волѣ; въ тебѣ лежатъ зародыши самой разнообразной жизни".

М. Покровскій.

LXXX.

Макіавелли.

Біографія Макіавелли.

Разложеніе средневѣковыхъ преданій, которому въ такой мѣрѣ способствовала эпоха возрожденія, нигдѣ не совершалось столь быстро, какъ въ классической странѣ возрожденія, въ Италіи. Древняя философія, древнее искусство, римское право и античное понятіе о государствѣ здѣсь прежде всего оказали свое обновляющее вліяніе и послужили толчкомъ къ новому развитію. Отрицательное отношеніе къ средневѣковымъ идеаламъ проявлялось въ Италіи тѣмъ сильнѣе, что носительница этихъ идеаловъ—церковь—рано утратила здѣсь свой нравственный авторитетъ. Близкіе свидѣтели темныхъ сторонъ папства, итальянцы начинали смотрѣть на него, какъ на источникъ всѣхъ бѣдствій своей страны. Къ этому присоединялось вліяніе практическихъ условій времени, которыя выдвигали на первый планъ новую потребность созданія крѣпкаго государственнаго строя. Чѣмъ яснѣе сознавалась эта потребность, чѣмъ болѣе она встрѣчала препятствій для своего удовлетворенія, тѣмъ живѣе выражались протесты противъ дѣйствительности и про-

---

Пособія: Nicolo Machiavelli, il principe e discorsi sopra la prima deca di Tito Livio. 2-do edizione. Firenze 1857. См. также въ переводахъ: нѣмецкомъ—*Grüzmacher*. Berlin 1870—въ *Heimanns* Historisch-politische Bibliothek, №№ 9 и 12; французскомъ—*Périès*, Machiavel, Oeuvres politiques. Paris, Charpentier, 1858; русскомъ—подъ редакціей Курочкина. Спб. 1864.—О Макіавелли см. особенно слѣдующія монографіи: *Villari*, M. e i suoi tempi. Firenze 1877—есть въ нѣмецкомъ переводѣ; *Tommasini*, La vita e gli scritti di N. M. nella loro relazione col Machiavellizmo. Torino 1883. На русскомъ языкѣ см. *Алексѣевъ*, Макіавелли какъ политическій писатель. М. 1881.

тивъ средневѣковыхъ порядковъ, результатомъ которыхъ она явилась.—Любопытнымъ памятникомъ этого настроенія являются произведенія Макіавелли, у котораго реакція противъ среднихъ вѣковъ принимаетъ крайнюю форму отрицанія всѣхъ началъ средневѣковой жизни.

Макіавелли родился во Флоренціи въ 1469 году. Онъ происходилъ изъ древней, но обѣднѣвшей тосканской фамиліи, члены которой не разъ занимали важныя должности въ Флорентійской республикѣ. Дѣтство и юность Макіавелли совпали со временемъ господства во Флоренціи Лаврентія Великолѣпнаго (1472 — 1492), подъ покровительствомъ котораго флорентійская образованность переживала блестящую пору своего развитія. О раннихъ годахъ жизни Макіавелли не сохранилось никакихъ извѣстій. По всей вѣроятности, онъ получилъ, согласно съ духомъ своего времени, гуманистическое образованіе, которое впослѣдствіи восполнилъ чтеніемъ древнихъ, по преимуществу латинскихъ, писателей. Занятія классиками не сдѣлали изъ Макіавелли ученаго гуманиста, но въ связи съ общимъ направленіемъ вѣка, воспитали въ немъ большого поклонника древности. На литературную дѣятельность Макіавелли это увлеченіе древностью оказало самое глубокое вліяніе. — Когда умеръ Лаврентій Медичи, Макіавелли было 23 года. Италія находилась въ то время наканунѣ важныхъ событій. Взаимная вражда итальянскихъ государствъ уже давно подготовляла почву для иноземнаго завоеванія. Въ борьбѣ съ соперниками мелкія итальянскія правительства не разъ угрожали призвать иноземцевъ. Наконецъ, угрозы перешли въ область дѣйствительности: въ 1494 г. французскій король Карлъ VIII, призываемый миланскимъ герцогомъ Людовикомъ Моро, вступилъ въ Италію и положилъ такимъ образомъ начало эпохѣ итальянскихъ войнъ, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохой величайшихъ бѣдствій для итальянскаго народа. Совершились важныя перемѣны и во Флоренціи. Преемникъ Лаврентія Петръ вскорѣ успѣлъ навлечь на себя нерасположеніе флорентійцевъ, и Медичи были изгнаны. На короткій срокъ Савонаролѣ удалось пріобрѣсти вліяніе во Флоренціи, но и его вліяніе удержалось недолго. Порядки, установленные имъ, вскорѣ стали казаться тягостными народу, и свободолюбивые флорентійцы вновь возвратились къ чисто республиканской формѣ правленія, которая, какъ утверждалъ впослѣдствіи Макіавелли, всего болѣе соотвѣтствовала ихъ нравамъ. Макіавелли въ это время было 29 лѣтъ. Онъ искалъ практической дѣятельности и вскорѣ получилъ освободив-

шееся мѣсто секретаря Совѣта десяти, которое удерживалъ за собою въ теченіе четырнадцати лѣтъ до новаго политическаго переворота, возвратившаго Медичи во Флоренцію. Совѣтъ десяти завѣдывалъ, подъ надзоромъ Синьоріи, высшаго учрежденія въ республикѣ, многими важными дѣлами внутренняго управленія и внѣшними сношеніями. Макіавелли приходилось вести очень сложную переписку этого учрежденія и составлять протоколы засѣданій. До сихъ поръ въ архивахъ Флоренціи хранятся тысячи писемъ и документовъ различнаго рода, писанныхъ его рукою. Эти занятія служили для Макіавелли прекраснымъ средствомъ для практическаго ознакомленія съ политическимъ искусствомъ. Но не въ канцеляріи только и не изъ общихъ бумагъ получилъ Макіавелли тотъ богатый запасъ политическаго опыта, которымъ впослѣдствіи онъ любилъ подкрѣплять свои теоретическія положенія. Въ этомъ отношеніи, конечно, для него было гораздо важнѣе непосредственное соприкосновеніе съ жизнью. Его часто посылали съ различными порученіями то внутри государства, то къ иностраннымъ дворамъ. То поручаютъ ему осмотръ наемныхъ войскъ, и мы находимъ его въ лагерѣ подъ Пизой, съ которой Флоренція продолжала свою нескончаемую войну; то его посылаютъ въ Пистойю, въ которой требовалось вмѣшательство флорентійскаго правительства для умиротворенія враждующихъ партій; то онъ разузнаетъ настроеніе иностранныхъ дворовъ или ведетъ съ ними дипломатическіе переговоры.

Дипломатическія порученія и донесенія.

Порученія послѣдняго рода были особенно трудны. И безъ того сложныя политическія отношенія итальянскихъ государствъ еще болѣе суживались отъ вмѣшательства въ дѣла Италіи сосѣднихъ державъ—Испаніи, Франціи и Германіи. Французскія вторженія, нѣсколько разъ повторявшіяся съ 1494 г., вносили въ политическую жизнь Италіи новый рядъ опасностей и затрудненій. При раздробленности Италіи противодѣйствіе подобнымъ вторженіямъ и вмѣшательствамъ было для нея невозможно. Такимъ мелкимъ политическимъ силамъ, какъ Флоренція, приходилось, въ цѣляхъ самосохраненія, ладить съ иноземцами, вступать съ ними въ союзы, иногда помогать имъ денежными и военными средствами; приходилось соображать массу разнородныхъ интересовъ, лавировать между самыми разнообразными опасностями. Внѣшняя политика пріобрѣтаетъ въ эту эпоху въ Италіи особенное значеніе; дипломатическое искусство становится чрезвычайно труднымъ. Болѣе чѣмъ когда-либо требовалось теперь отъ дипломатовъ зоркости,

чтобы услѣдить за крайне измѣнчивыми планами иностранныхъ дворовъ, и умѣнія поддержать со всѣми добрыя отношенія. Дипломатическія порученія Макіавелли исполнялъ очень часто. Ему давали самыя трудныя миссіи, посылали нѣсколько разъ во Францію, въ Римъ, въ Германію, поручали вывѣдывать тайные планы Цезаря Борджіа. Макіавелли большею частью съ успѣхомъ выходилъ изъ затрудненій. Памятниками его дипломатической дѣятельности служатъ посольскія донесенія, въ которыхъ онъ, по обычаю посланниковъ своего времени, сообщалъ своему правительству о ходѣ переговоровъ или о положеніи дѣлъ, съ присоединеніемъ собственныхъ наблюденій и выводовъ. Обыкновенно онъ не останавливается на изложеніи частныхъ вопросовъ, послужившихъ поводомъ къ той или другой его миссіи, а большею частью связываетъ подобное изложеніе съ общимъ очеркомъ политическаго положенія данной страны, рисуетъ нравы ея народа, характеръ князя. Характеристики князей и народовъ, которыя Макіавелли даетъ въ своихъ донесеніяхъ, отличаются необыкновенною ясностью и силой: въ немногихъ чертахъ онъ умѣетъ передать существенное и основное. Здѣсь уже мы видимъ будущаго проницательнаго мыслителя и тонкаго аналитика. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нами раскрывается тотъ подготовительный процессъ, которымъ воспитывалась политическая мысль Макіавелли. Исполняя различныя порученія своего правительства, онъ узнавалъ политическую практику своего времени, наблюдалъ вблизи выдающихся политиковъ; онъ могъ, наконецъ, изучить положеніе Италіи, причины ея слабости и упадка. Въ его обобщающей мысли весь этотъ матеріалъ отлагался въ видѣ заключеній и выводовъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ его политическіе трактаты.—Въ то самое время, какъ Макіавелли дѣлалъ свои выводы надъ итальянскою дѣйствительностью, онъ продолжалъ изучать древнюю исторію. Живя при дворѣ Цезаря Борджіа, онъ проситъ своихъ друзей прислать ему Плутарха; онъ читаетъ Тита Ливія и учится у него любви къ древнему Риму. Доблести древнихъ римлянъ, ихъ любовь къ отечеству, ихъ политическая мудрость, изображенная краснорѣчивымъ историкомъ-патріотомъ, заставляютъ Макіавелли преклониться передъ величіемъ Рима. Встрѣчаясь на практикѣ съ какимъ-нибудь затруднительнымъ случаемъ, онъ старается узнать, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ римляне, и ищетъ поученія въ римской исторіи. Такъ, напримѣръ, по поводу возстанія въ Ареццо, надѣлавшаго Флоренціи много хлопотъ, онъ излагаетъ способы, съ помощью которыхъ усмирялись возстанія римлянами. Изъ

подобныхъ сопоставленій и справокъ выросли впослѣдствіи „Разсужденія о первой декадѣ Тита Ливія". Но во время своей служебной дѣятельности Макіавелли лишь урывками обращался къ подобымъ работамъ: его занятія въ канцеляріи и постоянныя поѣздки оставляли ему слишкомъ мало свободнаго времени.

Роль во внутреннемъ управленіи.

Позже къ его прежнимъ обязанностямъ присоединились новыя, которымъ онъ предался съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Давно уже онъ пришелъ къ убѣжденію, что для каждаго государства необходимы собственныя войска. Онъ видѣлъ на практикѣ во время войны Флоренціи съ Пизой, какъ мало можно полагаться на наемныхъ солдатъ. Онъ считалъ бѣдствіемъ итальянскихъ государствъ отсутствіе въ нихъ хорошо организованныхъ войскъ, набранныхъ изъ среды гражданъ и одушевленныхъ любовью къ родинѣ. Устроить во Флоренціи собственную милицію было его мечтой. Въ 1505 году ему удалось, наконецъ, убѣдить свое правительство рѣшиться на этотъ шагъ; и лишь только сдѣланы были необходимыя распоряженія, какъ Макіавелли спѣшитъ привести ихъ въ исполненіе. Онъ вырабатываетъ планъ военной организаціи, разъѣзжаетъ по флорентійской области, набираетъ солдатъ, закупаетъ оружіе и выказываетъ рѣдкую энергію въ исполненіи плана, который казался ему столь полезнымъ для государства. Его преданность общему дѣлу выступаетъ здѣсь въ самыхъ яркихъ и симпатичныхъ чертахъ. Макіавелли находился въ самомъ дѣятельномъ періодѣ своей службы Флоренціи, когда новый переворотъ въ государствѣ ниспровергнулъ республиканское правительство съ гонфалоньеромъ Содерини во главѣ. Въ 1512 году Медичи возвратились къ власти и, не измѣняя старыхъ формъ, на дѣлѣ овладѣли всѣми нитями государственнаго управленія. Макіавелли, какъ дѣятельный членъ стараго правительства, казался опаснымъ новымъ правителямъ и былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ своихъ должностей. Но его ожидали еще большія несчастія. Вскорѣ послѣ возвращенія Медичи во Флоренцію, два флорентійскихъ юноши, Босколи и Каттони, задумали освободить свое отечество отъ ихъ владычества. Они составили списокъ лицъ, на сочувствіе которыхъ разсчитывали, и въ число другихъ включили и Макіавелли. Случайно этотъ списокъ попалъ въ руки правительства, которое заподозрѣло организованный заговоръ и арестовало предполагаемыхъ участниковъ его. Вмѣстѣ съ другими пострадалъ и Макіавелли; онъ былъ заключенъ въ тюрьму и подвергнутъ пыткѣ, но отъ него ничего не могли добиться и отпустили на свободу. Послѣ всѣхъ этихъ испытаній онъ удалился въ свое имѣніе, въ которомъ

прожилъ нѣсколько лѣтъ въ вынужденномъ уединеніи. Онъ старался заниматься хозяйствомъ, углубился въ изученіе классиковъ, но жажда привычной дѣятельности не покидала его. Онъ ищетъ возможности возвратиться во Флоренцію и снова поступить на службу. Планъ этотъ казался ему осуществимымъ: многіе изъ его прежнихъ товарищей, служившихъ прежде республикѣ, сохранили свои мѣста и при Медичи, которые въ общемъ управляли мягко, не прибѣгая къ крутымъ перемѣнамъ. Потребность служить государству побѣждала въ Макіавелли всякія иныя соображенія. Но всѣ его исканія долго оставались безуспѣшными. Только подъ конецъ своей жизни ему пришлось еще выполнить по просьбѣ Медичи нѣсколько порученій, впрочемъ, неважныхъ. Но этотъ невольный покой, которымъ такъ тяготился Макіавелли, далъ ему возможность предаться литературнымъ занятіямъ и написать тѣ произведенія, которыя обезсмертили его имя. Поселившись въ деревнѣ, онъ вскорѣ принялся за свои политическіе трактаты. Позже онъ написалъ „Исторію Флоренціи" и нѣсколько менѣе значительныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ.

Благо государства.

Слава Макіавелли, какъ писателя, по преимуществу основывается на его политическихъ сочиненіяхъ. Изъ-за нихъ онъ подвергался такимъ суровымъ осужденіямъ со стороны однихъ и преувеличеннымъ похваламъ со стороны другихъ; въ нихъ содержались начала того, что впослѣдствіи назвали макіавеллизмомъ. Изъ двухъ главнѣйшихъ политическихъ трактатовъ Макіавелли болѣе замѣчателенъ тотъ, который менѣе извѣстенъ. „Князь", несомнѣнно, болѣе блестящее съ внѣшней стороны произведеніе, болѣе опредѣленное по предмету и болѣе систематическое по изложенію; но только въ „Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи" можно найти полное выраженіе взглядовъ Макіавелли и вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ пониманію „Князя", исходныя положенія котораго находятся уже въ „Разсужденіяхъ", освѣщенныя притомъ связью съ другими воззрѣніями автора. Въ общемъ оба трактата не представляютъ собою чисто-теоретическихъ изслѣдованій. Макіавелли слишкомъ долго былъ практикомъ и слишкомъ много думалъ о текущей дѣйствительности, чтобы не внести въ свою литературную работу живыхъ запросовъ времени. Онъ изучаетъ римскую исторію для того, чтобы почерпнуть изъ нея назиданіе для современниковъ. Онъ разсматриваетъ различные политическіе вопросы, но болѣе всего останавливается на тѣхъ, которые имѣютъ значеніе для его страны. Его живою связью съ современностью объясняется и глав-

ная проблема, около которой вращаются всѣ его интересы. Въ то время, когда жилъ Макіавелли, насущною потребностью Италіи было образованіе крѣпкаго государственнаго порядка. Соперничество итальянскихъ государствъ между собою, вражда партій въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго города, неистовства мелкихъ тирановъ, вмѣшательство церкви въ свѣтскія дѣла и безпрестанныя вторженія сосѣднихъ державъ,—все это держало Италію въ состояніи постоянной борьбы. Въ то время не было вопроса болѣе жизненнаго, какъ тотъ, который поставилъ себѣ Макіавелли, когда онъ задался цѣлью изслѣдовать причины упадка и сохраненія государствъ. Средневѣковые политики сосредоточивали все свое вниманіе на вопросѣ объ отношеніи двухъ властей: духовной и свѣтской. Для Макіавелли это вопросъ настолько далекій, что онъ и не упоминаетъ о немъ. Первенство государственной власти для него несомнѣнно; онъ ненавидитъ папство и считаетъ его причиной гибели Италіи. Всѣ его помыслы устремлены на созданіе крѣпкаго государства. Макіавелли не лучшаго мнѣнія о человѣческой природѣ, чѣмъ средневѣковая церковь. Онъ не вѣритъ въ человѣка и въ прочность его нравственныхъ стремленій. Онъ думаетъ, что въ людяхъ преобладаютъ дурныя влеченія, что всѣ дѣйствія ихъ направляются порокомъ. Но онъ далекъ отъ вѣры среднихъ вѣковъ въ воспитательную миссію церкви. Онъ жилъ въ вѣкъ Александра VI-го, видѣлъ пороки итальянскаго общества, видѣлъ пороки самого папства. Но съ тѣмъ большею силой онъ готовъ былъ вѣрить, что государство можетъ воздерживать людей отъ зла и направлять ихъ къ лучшимъ стремленіямъ. Въ особенности для Италіи крѣпкая государственная власть являлась, въ его глазахъ, единственнымъ спасеніемъ. Но отрѣшеніе Макіавелли отъ средневѣковыхъ воззрѣній идетъ и далѣе того: для него государство вообще является предѣломъ человѣческихъ стремленій, а служеніе государственному благу—высшимъ счастьемъ для человѣка. Онъ боготворитъ государство, какъ древній римлянинъ или грекъ, и внѣ его ничего не знаетъ. Онъ хвалитъ тѣхъ, которые любятъ свое отечество болѣе, чѣмъ спасеніе души. Онъ готовъ жертвовать для блага государства всѣмъ—и благомъ отдѣльныхъ лицъ, и даже нравственными соображеніями.

Разсужденія о Титѣ Ливіи.

Это были чувства и мысли человѣка, долго и самоотверженно служившаго своему отечеству и притомъ воспитаннаго на древнихъ образцахъ. Понятно поэтому, какую важность имѣлъ въ его глазахъ вопросъ о сохраненіи государствъ. Этотъ коренной для Ма-

кіавелли вопросъ развивается въ двухъ его трактатахъ въ совершенно различныхъ направленіяхъ. Въ „Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи“, отправляясь отъ разсказа римскаго историка, Макіавелли изслѣдуетъ средства, съ помощью которыхъ поддерживаются республики. По замыслу Макіавелли—это трактатъ о политическомъ искусствѣ римлянъ, съ помощью котораго они достигли своего величія. Въ „Князѣ“ Макіавелли показываетъ, какъ охраняется государственный строй въ княжествахъ; здѣсь имѣются въ виду мѣры, посредствомъ которыхъ государственный порядокъ можетъ быть водворенъ въ Италіи. Въ „Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи“ предъ нами раскрывается политическій идеалъ Макіавелли. Къ итальянской дѣйствительности онъ относится съ глубокою скорбью патріота, видящаго свое отечество на краю гибели. Но тѣмъ болѣе преклонялся онъ предъ государственнымъ величіемъ Рима, въ которомъ онъ видѣлъ живое воплощеніе гражданскихъ доблестей и политической мудрости. Его идеалъ—Римъ, и притомъ Римъ республиканскій, покорившій весь міръ. Лучшаго образца невозможно и придумать. „А между тѣмъ“, говоритъ Макіавелли, „политики никогда не обращаются за поученіемъ къ исторіи древнихъ; обыкновенно считаютъ труднымъ и даже невозможнымъ подражать великимъ примѣрамъ прошлаго. Какъ будто бы люди не остались все тѣ же, подобно небу, солнцу и стихіямъ!“ Разъяснить на историческихъ примѣрахъ истинный духъ римлянъ, который создалъ ихъ славу и величіе, и внушить этотъ духъ своимъ современникамъ—такова была задача, которую поставилъ себѣ Макіавелли въ „Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи“. Объясненіе политическихъ успѣховъ римлянъ онъ прежде всего видитъ въ совершенствѣ ихъ учрежденій. Они сумѣли установить у себя республиканскія формы и допустить народъ къ участію въ управленіи; а въ этомъ заключается залогъ государственнаго единства и необходимое условіе для распространенія владычества на другія страны. Главное, что укрѣпляетъ мощь государства, это вниманіе къ общей пользѣ, вызывающее расположеніе гражданъ къ правительству; а это всего скорѣе можетъ быть достигнуто въ республикахъ. При завоеваніяхъ надо опираться на народныя массы, но для этого надо привлечь ихъ къ участію въ управленіи.—Въ отзывахъ Макіавелли о преимуществахъ римскаго строя слышится голосъ гражданина флорентійской республики, расположеннаго къ свободнымъ формамъ государственной жизни. Макіавелли—несомнѣнный сторонникъ народнаго правленія; но онъ не считаетъ его пригоднымъ для всѣхъ временъ. Какъ разъясняетъ

онъ въ „Разсужденіяхъ“, для установленія порядка въ новомъ государствѣ или для осуществленія важныхъ реформъ гораздо болѣе успѣшно монархическое управленіе. Притомъ же для прочности республиканскихъ учрежденій необходима доблесть гражданъ, а она встрѣчается не вездѣ. Римляне умѣли сохранить добрые нравы и этимъ надолго обезпечили у себя прочный государственный порядокъ и свободныя учрежденія. Умѣренность, благоразуміе и мужество гражданъ, энергія и преданность общему дѣлу должностныхъ лицъ, постоянный надзоръ за всѣмъ государственныхъ учрежденій, все это обусловливало здѣсь правильное теченіе народной жизни. Макіавелли разсматриваетъ подробно и внѣшнюю политику римлянъ, съ помощью которой они сумѣли распространить свое владычество на весь міръ. Тайну ихъ завоевательныхъ успѣховъ онъ видитъ въ ихъ умѣніи обращаться съ покоренными народами. Они умѣли привлечь къ себѣ побѣжденныхъ, въ качествѣ союзниковъ, оставляли имъ самоуправленіе, хотя и утверждали надъ ними свое главенство. Такимъ образомъ, пріобрѣтая новыя владѣнія, они пріобрѣтали и новыя силы. Спарта и Аѳины слѣдовали другому способу: они хотѣли господствовать надъ побѣжденными силой; но въ этомъ и заключалась причина ихъ гибели. Невозможно удержать въ повиновеніи народъ, особенно привыкшій къ свободѣ, при помощи одного оружія.—Макіавелли ставитъ въ примѣръ и военное искусство римлянъ, ихъ умѣніе организовать войска и вести войны. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они дали лучшіе примѣры, выше которыхъ исторія ничего не знаетъ. Вездѣ умѣли они избирать лучшіе пути и вездѣ имѣли успѣхъ, и притомъ благодаря своимъ доблестямъ, а не случайной удачѣ. — Излагая политическіе пріемы римлянъ, Макіавелли сопоставляетъ ихъ съ пріемами другихъ народовъ, разсуждаетъ, выводитъ общія правила. Такимъ образомъ, его разсужденія о римской исторіи превращаются въ теорію политическаго искусства. Онъ говоритъ, главнымъ образомъ, о республикахъ, но выясняетъ мимоходомъ и свой взглядъ на княжества, ихъ преимущества и недостатки. Надъ всѣмъ изложеніемъ господствуетъ идея сильнаго государства, умѣющаго сохранить внутренній порядокъ и распространить свое могущество. Эта идея, которой Макіавелли былъ фанатическимъ поклонникомъ, казалась ему воплотившеюся въ древнемъ республиканскомъ Римѣ; отсюда его преклоненіе предъ римской исторіей. Но времена римской славы кажутся ему столь же великими, сколько далекими. Оглядываясь вокругъ, онъ видѣлъ общество развращенное и лишенное гражданскихъ

доблестей; онъ видѣлъ Италію, разъединенную и слабую, страдающую подъ игомъ варваровъ. Не о поддержаніи упроченнаго порядка приходилось здѣсь думать, а объ установленіи его вновь. — Свое отношеніе къ дѣйствительности и къ задачамъ своего времени Макіавелли ясно намѣчаетъ уже въ „Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи". Всякій разъ, когда приходится ему сопоставлять древній Римъ и современную Италію, онъ со скорбью отмѣчаетъ глубокое различіе между прошлымъ и настоящимъ. Тамъ—величіе, гражданская доблесть, строгіе нравы; здѣсь — безсиліе, господство своекорыстныхъ стремленій, порокъ. Разъясняя причину этого различія, причину упадка Италіи, Макіавелли во всемъ винитъ католическую церковь. Вмѣсто того, чтобы сохранить въ чистотѣ завѣты христіанской религіи, она сама подавала примѣръ безнравственности. Ей обязаны итальянцы утратой религіознаго духа и нравственныхъ стремленій. Она старалась поддерживать разъединеніе въ странѣ и такимъ образомъ привела ее къ гибели. Государство не можетъ пользоваться единствомъ и счастьемъ, если оно не подчинено одному правительству; а римская церковь, сама не будучи въ силахъ стать во главѣ всей Италіи, была, однако, достаточно сильна для того, чтобы поддерживать въ ней раздѣленіе. Изъ опасенія потерять свою свѣтскую власть, всякій разъ когда являлась возможность объединенія Италіи подъ чьимъ-либо владычествомъ, она призывала иноземцевъ и разрушала планы тѣхъ, кто могъ пріобрѣсть власть надъ всею страной. Отсюда произошла политическая слабость Италіи, дѣлающая изъ нея легкую добычу не только для могущественныхъ государствъ, но для всякаго, кто рѣшится на нее напасть. — Такимъ образомъ, Макіавелли видитъ въ католической церкви врага государственнаго единства Италіи, и потому самъ становится ея рѣшительнымъ врагомъ. Но съ точки зрѣнія своего идеала — идеала могущественнаго свѣтскаго государства—онъ готовъ иногда нападать на самую христіанскую религію. Пріучивъ людей къ смиренію, къ пренебреженію земными благами, она сдѣлала то, что міръ сталъ добычей злыхъ, безпрепятственно господствующихъ надъ добрыми, которые, изъ стремленія спасти душу, болѣе склонны терпѣть зло, чѣмъ мстить за него. Она расшатала государственный порядокъ и ослабила въ людяхъ привязанности къ мірскимъ почестямъ и къ государственному служенію. Языческая религія, напротивъ, воспитывала въ гражданахъ мужественныя добродѣтели, пріучала ихъ любить отечество и выше всего ставить служеніе государству. Поэтому Макіавелли готовъ почти отдать ей предпочтеніе

предъ христіанскою. Здѣсь увлеченіе древностью и отрицаніе всего средневѣкового достигаетъ у Макіавелли высшихъ предѣловъ. Одностороннее стремленіе освободить государственное начало отъ всякихъ стѣснительныхъ вліяній приводитъ его къ самымъ крайнимъ послѣдствіямъ.

Итакъ, всѣ бѣдствія Италіи, анархія, господствующая въ ней, есть наслѣдіе среднихъ вѣковъ. Но какъ же помочь злу? Какъ выйти изъ этого бѣдственнаго положенія? Какъ собрать разсыпавшіяся части государственнаго строенія? Пути и средства для этого Макіавелли также намѣчаетъ въ „Разсужденіяхъ о Титѣ Ливіи". Размышляя о способахъ возстановленія государственнаго порядка среди испорченныхъ народовъ, онъ высказываетъ мысль, что такую задачу можетъ выполнить только князь. Трудно государству сохранить свободныя учрежденія, если въ гражданахъ нѣтъ добродѣтели, если лица знатныя стремятся властвовать надъ народомъ и угнетать его. Только власть монарха можетъ смирить дворянъ, обуздать народъ и установить въ государствѣ единство и миръ. Но для этого необходимы рѣшительныя мѣры. Когда дѣло идетъ о спасеніи государства, нечего думать о томъ, справедливъ или несправедливъ, кротокъ или жестокъ, похваленъ или позоренъ извѣстный образъ дѣйствій; но надо отбросить въ сторону всякія колебанія, схватиться за тѣ средства, которыя могутъ помочь въ данномъ случаѣ. Макіавелли считалъ это необходимымъ и для республики; онъ хвалилъ римлянъ за то, что они избѣгали полумѣръ. Но съ еще большею рѣзкостью подчеркиваетъ онъ необходимость не стѣсняться въ средствахъ въ примѣненіи къ княжествамъ. Мысли свои о княжествахъ Макіавелли изложилъ въ особомъ трактатѣ, за который онъ принялся еще прежде, чѣмъ окончилъ свои „Разсужденія о Титѣ Ливіи". Въ то время въ Италіи пріобрѣла большое значеніе фамилія Медичи, благодаря избранію одного изъ ея членовъ на папскій престолъ. Родственники папъ часто дѣлались владѣтельными князьями. Предполагалось и теперь для брата папы Юліана создать особое княжество изъ нѣкоторыхъ городовъ средней Италіи или дать ему королевство Неаполитанское. Быть можетъ, это послужило для Макіавелли внѣшнимъ поводомъ поспѣшить съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на природу княжеской власти. Онъ думалъ, что его долгій политическій опытъ можетъ быть полезенъ новому князю. Онъ жаждалъ стать его руководителемъ, внушить ему свои планы и мечты. Съ этою цѣлью онъ пишетъ своего „Князя", даетъ совѣты, указываетъ пути и заканчиваетъ трактатъ

Князь.

вдохновеннымъ призывомъ къ Медичи спасти Италію отъ ига варваровъ. — Макіавелли разбираетъ различные виды княжествъ; но всего болѣе онъ останавливается на тѣхъ княжествахъ, которыя пріобрѣтаются вновь. Въ наслѣдственныхъ княжествахъ легко сохранить власть: стоитъ только не нарушать установленнаго порядка. Напротивъ, новому князю предстоятъ всяческія затрудненія. Указать средства къ устраненію этихъ затрудненій служитъ главною задачей „Князя". При разрѣшеніи этой задачи Макіавелли беретъ иногда примѣры изъ древней исторіи; но главный матеріалъ доставляетъ ему современная итальянская дѣйствительность, которая была эпохой новыхъ княжествъ. При отсутствіи твердой государственной власти въ Италіи, при слабости мелкихъ политическихъ тѣлъ, истощаемыхъ притомъ внутреннею борьбой партій, политическіе захваты были явленіемъ времени. Съ помощью наемныхъ войскъ или посторонней поддержки нетрудно было основать новое княжество, и такія княжества возникали одно за другимъ. Макіавелли самъ видѣлъ такихъ князей и могъ изучить ихъ политику путемъ собственныхъ наблюденій. Всѣ эти наблюденія и воспоминанія онъ изложилъ въ своемъ „Князѣ" и такимъ образомъ далъ вѣрное изображеніе тирана, какимъ создала его эпоха возрожденія. Князь Макіавелли, подобно князю этой эпохи, неразборчивъ въ средствахъ. Онъ не удерживается передъ жестокостями, не стыдится обмана, господствуетъ при помощи силы и коварства. Князю, въ особенности новому,—такъ разсуждаетъ Макіавелли,—нельзя удержаться при помощи однихъ законныхъ средствъ, недостаточно и одной открытой силы; для того, чтобы не попасть въ западню, нужны хитрость и предусмотрительность. Князь долженъ быть сильнымъ, какъ левъ, и хитрымъ, какъ лисица. Онъ долженъ держать свое слово только тогда, когда это выгодно, и вообще вести себя сообразно съ обстоятельствами. Иногда онъ долженъ дѣйствовать противъ всякаго человѣколюбія, милосердія и даже религіи. Съ виду, однако, онъ всегда долженъ казаться добродѣтельнымъ. Большинство, которое судитъ по внѣшности, этому повѣритъ; а мнѣніе меньшинства не имѣетъ значенія. Въ объясненіе необходимости держаться такихъ правилъ Макіавелли постоянно повторяетъ, что нельзя оставаться на пути добродѣтели среди стольихъ людей, которые склонны поступать иначе. Если князь будетъ обращать вниманіе на то, что должно быть, а не на то, что есть въ дѣйствительности, онъ погибнетъ самъ и погубитъ свое государство. Мы видѣли не разъ, замѣчаетъ Макіавелли, какъ князья, прибѣ-

гавшіе къ хитрости, одерживали верхъ надъ тѣми, которые хотѣли руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ требованіями законности.

Цезарь Борджіа.

Всѣ свои наставленія Макіавелли излагаетъ съ циническою откровенностью, которая поражаетъ читателя. Было бы, однако, несправедливо утверждать, какъ дѣлали это иногда, что Макіавелли хотѣлъ рекомендовать свои правила людямъ въ ихъ частныхъ отношеніяхъ. Онъ обращается съ своими совѣтами исключительно къ государямъ и имѣетъ въ виду только область политики, о ней разсуждаетъ такъ, какъ будто бы предписанія морали были здѣсь совершенно непримѣнимы. Свои совѣты Макіавелли подкрѣпляетъ примѣрами изъ дѣйствительной жизни, входя иногда въ подробный разборъ политики отдѣльныхъ государей. Для насъ достаточно будетъ воспользоваться однимъ изъ этихъ примѣровъ, который можетъ послужить прекрасною иллюстраціей и политическихъ пріемовъ эпохи, и взглядовъ нашего писателя. Примѣръ этотъ особенно цѣнится и самимъ Макіавелли. Мы разумѣемъ здѣсь дѣятельность Цезаря Борджіа, характеристикѣ которой посвящена цѣлая глава трактата. Еще въ своихъ посольскихъ донесеніяхъ, въ которыхъ Макіавелли сообщалъ свои впечатлѣнія во время пребыванія у герцога, онъ отзывался съ большою похвалой о его политической мудрости. Тогда еще онъ удивлялся искусству Цезаря выполнять свои политическіе планы и его необыкновенной рѣшительности, съ помощью которой онъ побѣждаетъ всѣ препятствія. Съ тѣхъ поръ Макіавелли часто вспоминалъ въ своихъ письмахъ герцога, всякій разъ ставя его въ примѣръ новымъ князьямъ. Онъ, конечно, не забылъ разсказать о его дѣятельности и въ „Князѣ". Онъ подробно описалъ здѣсь средства, съ помощью которыхъ Цезарь Борджіа, не владѣя сначала ничѣмъ, сумѣлъ образовать себѣ цѣлое государство и установить въ немъ порядокъ и миръ. Стремясь къ этому, не пренебрегалъ ничѣмъ, что только долженъ дѣлать мудрый и ловкій человѣкъ для укрѣпленія своей власти. Достигнувъ своего положенія при поддержкѣ папы и при помощи союзныхъ войскъ, онъ постарался затѣмъ пріобрѣсти собственную силу, на которую можно было бы опираться въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Путемъ подарковъ и почестей онъ привлекъ къ себѣ много приверженцевъ; враговъ же своихъ онъ истребилъ, причемъ, когда нужно было, прибѣгалъ къ хитрости. Такъ, напримѣръ, наиболѣе опасныхъ своихъ соперниковъ онъ заманилъ къ себѣ, подъ предлогомъ переговоровъ, увѣривши предварительно въ своей дружбѣ, и всѣхъ ихъ убилъ. Совершая завоеванія, онъ изъ предосторож-

ности истреблялъ даже потомство тѣхъ, у которыхъ отнималъ владѣнія, чтобы обезопасить себя на будущее время. Народъ онъ умѣлъ расположить къ себѣ хорошимъ управленіемъ. Когда требовались жестокія мѣры, онъ не останавливался и передъ ними; но старался показать видъ, что онѣ исходятъ не отъ него, а отъ его подчиненныхъ, которымъ приходилось выполнять его планы. Иногда послѣ того, какъ главное уже было сдѣлано, онъ выдавалъ даже своихъ слугъ народу, чтобы успокоить раздраженныхъ.— Такъ рисуетъ Макіавелли дѣятельность Цезаря Борджіа. Свой разсказъ онъ заканчиваетъ слѣдующими характерными словами: „разсматривая все поведеніе герцога, я не могу его ни въ чемъ упрекнуть; напротивъ, мнѣ кажется, что его можно поставить въ примѣръ всѣмъ, которые достигнутъ власти при помощи счастья и чужого оружія. Имѣя высокую душу и великія цѣли, онъ и не могъ дѣйствовать иначе". Здѣсь съ яркостью выступаетъ основное воззрѣніе Макіавелли: онъ смотритъ на Цезаря, какъ на мудраго правителя, стремившагося къ установленію твердаго государственнаго порядка, и потому во всей его жестокой и безнравственной политикѣ видитъ лишь проявленія рѣшительности, проницательности и ловкости; гдѣ преслѣдуются политическія цѣли, тамъ всѣ средства кажутся ему дозволенными.

Макіавеллизмъ. Въ этомъ подчиненіи средствъ цѣлямъ, въ этомъ отдѣленіи политики отъ нравственности заключается самая характерная черта политическихъ пріемовъ, рекомендуемыхъ Макіавелли. Но было бы совершенно ошибочно считать Макіавелли изобрѣтателемъ этой системы. Изъ однѣхъ ссылокъ его на современную политическую практику можно видѣть, что онъ лишь формулировалъ то, что было въ дѣйствительности. Не разъ уже было замѣчено, что макіавеллизмъ существовалъ ранѣе Макіавелли. Политика, изображенная въ „Князѣ", являлась прямымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, при которыхъ возникали новыя княжества. Появленіе тиранній совершалось въ то время легко; но существованіе ихъ было подвержено неисчисленнымъ опасностямъ. Тирану приходилось считаться съ недовольными среди своихъ подданныхъ, быть готовымъ къ нападенію сосѣдей и опасаться даже среди членовъ своей семьи честолюбивыхъ замысловъ на свой престолъ. Онъ жилъ въ постоянной опасности заговоровъ, возмущеній и войнъ. Все это вырабатывало характеры подозрительные и жестокіе,—политиковъ, которые вездѣ видѣли враговъ и старались предупреждать чужія козни при помощи собственнаго коварства. Но и старыя республиканскія и монархическія государ-

ства Италіи вынуждаемы были итти по тому же пути. Вокругъ нихъ возникали новыя политическія тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и новыя опасности для ихъ существованія. Чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ сосѣдями, они должны были увеличивать свои силы, старались пріобрѣтать новыя владѣнія и по необходимости втягивались во всѣ опасности внѣшней политики съ ея сомнительными путями и средствами. Сами папы, оберегая свою свѣтскую власть, не отставали отъ другихъ въ политикѣ вѣроломства и насилія. Вездѣ усиленіе государственнаго могущества становилось главною заботою правителей. Но въ этой атмосферѣ постоянныхъ опасностей и крайне запутанныхъ политическихъ отношеній къ нему привыкли стремиться при помощи такихъ мѣръ, въ которыхъ отрицалась всякая нравственность. Если попытки удавались, онѣ вели иногда къ созданію государствъ новаго типа съ крѣпкою центральною властью, возстановлявшею порядокъ, поддерживавшею правосудіе. Но всего чаще подобныя мѣры служили своекорыстной политикѣ честолюбцевъ, жаждавшихъ власти. Укрѣпивъ свой престолъ при помощи обмановъ и жестокостей, они погибали обыкновенно въ сѣтяхъ, разставленныхъ ими самими, разоривъ и обезсиливъ своихъ подданныхъ. Но не для этихъ тирановъ въ худшемъ смыслѣ слова давалъ свои совѣты Макіавелли. Не къ разрушенію, а къ созиданію призывалъ онъ своего князя. Не мелкимъ льстецомъ властителей съ сомнительными цѣлями хотѣлъ онъ быть, а совѣтникомъ князей—устроителей своего государства. Онъ съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ тиранахъ, которые болѣе грабятъ своихъ подданныхъ, чѣмъ управляютъ ими. Онъ всегда ставитъ на первомъ планѣ мощь и силу самого государственнаго союза; его постоянною заботой является укрѣпленіе государственнаго порядка. Живя среди развращеннаго общества и видя общій политическій упадокъ Италіи, онъ ждалъ осуществленія этихъ задачъ только отъ энергическаго реформатора, который пойметъ нужды страны и сумѣетъ объединить вокругъ себя ея силы. Онъ горячо вѣритъ въ возможность этого дѣла и хочетъ убѣдить въ этомъ другихъ. Не возникали ли вокругъ него государства при помощи личной энергіи предпріимчивыхъ людей? Слѣдуетъ только не останавливаться предъ затрудненіями, но прямо и рѣшительно итти къ цѣли. И вотъ Макіавелли, проникнутый этой мыслью, зоветъ своего князя къ реформамъ, которыя передавались жизнью, зоветъ его прекратить грабежи и убійства въ Ломбардіи, установить порядокъ въ Неаполѣ и Тосканѣ, залѣчить застарѣлыя раны Италіи и спасти

ее, почти умирающую, отъ неистовства варваровъ. Его рѣчь проникается при этомъ рѣдкимъ одушевленіемъ, хитрый дипломатъ, возмущавшій наше нравственное чувство, уступаетъ здѣсь мѣсто пламенному патріоту, привлекающему наши симпатіи.

Макіавелли обращалъ свой призывъ къ Медичи. Когда умеръ Юліанъ, онъ посвятилъ свою книгу Лаврентію; но на нее не обратили вниманія, и его планъ объединенія Италіи для изгнанія иноземцевъ остался мечтой. Однако, сочиненія его, и особенно трактатъ о княжеской политикѣ, вскорѣ получили большую извѣстность. Ихъ читали, комментировали на всѣ лады, критиковали, переводили на иностранные языки. Макіавелли вскорѣ нашелъ и суровыхъ судей, и горячихъ поклонниковъ. Ближайшіе противники Макіавелли упрекали его обыкновенно въ равнодушіи къ требованіямъ нравственности, при чемъ, въ пылу полемики, взводили на него самыя тяжкія и незаслуженныя обвиненія, выставляя его какъ разрушителя всѣхъ нравственныхъ основъ, преслѣдовавшаго мелкія цѣли угодничества тиранамъ. Съ тѣхъ поръ сужденія о великомъ итальянскомъ писателѣ значительно смягчились. Клеймо низкаго льстеца тирановъ и изобрѣтателя системы политическаго коварства давно уже снято съ памяти Макіавелли. Его пламенный патріотизмъ, его преданность общему благу, его ясное представленіе о задачахъ итальянской политики и его искреннее желаніе подготовить лучшее будущее своему отечеству,— все, чѣмъ онъ такъ выгодно отличался отъ современниковъ, давно уже нашло себѣ справедливую оцѣнку. Но никакіе панегирики, никакія превознесенія заслугъ писателя, никакія указанія на продолжающуюся еще до сихъ поръ практику макіавеллизма не могли заставить забыть, что Макіавелли пытался учить политикѣ, которая являлась печальною необходимостью смутнаго времени, не сознававшаго еще значенія нравственныхъ началъ и не вѣрившаго въ силу добра.

П. Новгородцевъ.

LXXXI.

Первое возрожденіе итальянской скульптуры и живописи.

Основная черта новаго искусства

Конецъ XIII-го и первая половина XIV-го ст. являются знаменательной эпохою въ исторіи христіанскаго искусства Италіи, ибо оно обнаруживаетъ въ это время необыкновенно быстрый, почти внезапный подъемъ и впервые создаетъ свой собственный національный стиль, рѣзко отличающійся отъ господствовавшаго до тѣхъ поръ въ Италіи стиля романо-византійскаго. Коренная особенность этого новаго итальянскаго искусства заключается въ томъ, что оно начинаетъ стремиться къ освобожденію отъ условныхъ, типическихъ формъ и къ воплощенію своихъ идей со всею полнотой и разнообразіемъ реальной жизни.

Возрожденіе скульптуры. Никколо Пизано.

Такое направленіе искусства прежде всего проявляется въ скульптурѣ. Впрочемъ, приступая къ обзору ея памятниковъ въ разсматриваемую эпоху, мы сразу наталкиваемся на цѣлый рядъ такихъ произведеній, которыя, повидимому, слѣдовали при своемъ возникновеніи иному, нежели указанный нами, принципу. Мы имѣемъ въ виду произведенія пизанскаго художника Николо, которыя

Пособія: *Schnaase,* Geschichte der bildenden Künste, VII B. 1876. *Crowe u. Cavalcaselle,* Geschichte der italienischen Malerei. Deutsche Original-Ausgabe, I B. 1869. *Thode,* Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien. 1885. *Фонъ-Фрикенъ,* Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. 1891. *Вышеславцевъ,* Джіотто и джіоттисты. 1881. *Dobbert,* Ueber den Styl Niccolo Pisano's und dessen Ursprung. 1870. *Его же,* Die Pisani въ изданіи Dohme: Kunst und Künstler, I. 1878. *Marcel Reymond,* La sculpture florentine. 1897.

настолько превосходять все, что было создано въ Италіи до него, что и до сихъ поръ возбуждають недоумѣніе изслѣдователей. Самая ранняя и въ то же время самая характерная изъ дошедшихъ до насъ работъ этого художника — мраморная каѳедра въ пизанскомъ баптистеріи (т. е. крестильнѣ), возникшая въ 1260 г. При первомъ же взглядѣ на украшающія ее изваянія, особенно на рельефы ея пяти стѣнокъ или парапета, представляющіе благовѣщеніе, рождество Христово, поклоненіе волхвовъ (табл. I), принесеніе во храмъ, распятіе и страшный судъ, насъ поражаетъ не только то, что эти изваянія стоятъ несравненно выше предшествовавшихъ и современныхъ имъ работъ, но и, главнымъ образомъ, то, что они носятъ совершенно античный характеръ. Особенно классическимъ типомъ отличается Богородица: съ діадемой на гордо поднятой головѣ, съ благородною осанкой, задрапированная въ ниспадающую широкими складками одежду, она невольно воскрешаетъ въ памяти образъ языческой Геры. Вліяніе на нее античныхъ произведеній не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, въ пизанскомъ Campo Santo (кладбищѣ) до нашихъ дней сохраняется саркофагъ съ изображеніемъ Федры, которая послужила Николо очевиднымъ образцомъ для его Богородицы въ сценѣ поклоненія волхвовъ. Но не одна Богородица, — точно такъ же поклоняющіеся Спасителю волхвы, Симеонъ въ сценѣ принесенія Христа во храмъ, первосвященникъ въ той же сценѣ и пророчица Анна, одинъ изъ дьяволовъ въ сценѣ страшнаго суда, съ огромною маской на дѣтскомъ тѣлѣ, наконецъ, лошади трехъ царей—носятъ явные слѣды заимствованія съ античныхъ памятниковъ. Тѣмъ же античнымъ духомъ проникнуты и другія скульптуры этой каѳедры, напр., аллегорическія статуи добродѣтелей, которыя помѣщаются надъ поддерживающими каѳедру колоннами, особенно олицетвореніе силы въ видѣ юноши, играющаго со львомъ. Такимъ образомъ, основная черта разсматриваемаго нами произведенія заключается, повидимому, въ усвоеніи имъ формъ классическаго искусства, въ замѣнѣ прежнихъ романо-византійскихъ образцовъ античными, а вовсе не въ томъ реалистическомъ направленіи, на которое было указано, какъ на главную особенность новой скульптуры. Но, всматриваясь въ рельефы Николо, мы приходимъ къ иному выводу. Въ самомъ дѣлѣ, византійскіе художники тоже подражали античнымъ произведеніямъ, и у нихъ, даже въ позднѣйшихъ работахъ, несомнѣнно, слышатся отголоски лучшей поры греческаго искусства. И въ то же время—какое различіе между длинными, тощими, безплотными созданіями позднѣйшихъ

2. Святіе со креста. Рельефъ Николо Пизано на порталѣ Лукскаго собора.

1. Поклоненіе волхвовъ. Рельефъ Николо Пизано на каѳедрѣ пизанскаго баптистерія.

византійцевъ и приземистыми, сильно выпуклыми, задрапированными въ обильныя, широкія складки, характерными фигурами Николо! Если мы обратимъ вниманіе на это различіе и еще болѣе на то обстоятельство, что фигуры, для которыхъ Николо не могъ найти образцовъ въ античномъ искусствѣ, напримѣръ, Христосъ въ сценѣ распятія или дѣйствующія лица страшнаго суда, носятъ явные слѣды самостоятельнаго изученія натуры и стремленія придать имъ возможно большую выразительность, то невольно придемъ къ предположенію, что мысль — обратиться отъ прежнихъ образцовъ къ произведеніямъ античнаго искусства—была вызвана у Николо именно сохранившеюся въ этомъ искусствѣ до послѣднихъ минутъ его существованія жизненною оригинальностью его образовъ. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему подражаніе античнымъ памятникамъ особенно замѣтно въ пизанской каѳедрѣ Николо, этомъ, какъ было уже замѣчено, наиболѣе раннемъ изъ дошедшихъ до насъ его произведеній, въ позднѣйшихъ же работахъ его, каковы гробница св. Доминика въ Болоньѣ, каѳедра въ сіенскомъ соборѣ и фонтанъ въ Перуджіи, все болѣе уступаетъ мѣсто непосредственному творчеству. Къ этимъ позднѣйшимъ работамъ Николо долженъ быть отнесенъ, именно въ виду обнаруживающейся въ немъ большей самостоятельности художника, и рельефъ на сѣверномъ порталѣ луккскаго собора, изображающій снятіе со креста (табл. I, 2). Языческій отпечатокъ, бросающійся въ глаза въ скульптурахъ пизанской каѳедры, исчезаетъ здѣсь совершенно: античный элементъ какъ бы претворился и проникся христіанскимъ духомъ. Трогательная, благоговѣйная заботливость снимающихъ со креста тѣло Христово, искренняя печаль Богородицы и Іоанна, поддерживающихъ руки Спасителя, пробуждающаяся вѣра въ сотникѣ и глубокое участіе къ происходящему всѣхъ остальныхъ присутствующихъ,—все это при замѣчательно ясной, свободно заполняющей пространство группировкѣ фигуръ производитъ такое сильное впечатлѣніе, что становится вполнѣ понятенъ восторгъ тѣхъ изслѣдователей, которые ставятъ это произведеніе по его художественному достоинству въ непосредственное сосѣдство съ созданіями Микель-Анджело.

Джованни Пизано.

Но если справедливо, что уже Николо искалъ красоты не въ общихъ типическихъ формахъ, а въ ея жизненныхъ, индивидуальныхъ проявленіяхъ, то полное развитіе это направленіе искусства получаетъ въ работахъ его сына Джованни. И у него въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣтно еще вліяніе античныхъ образцовъ. Но по

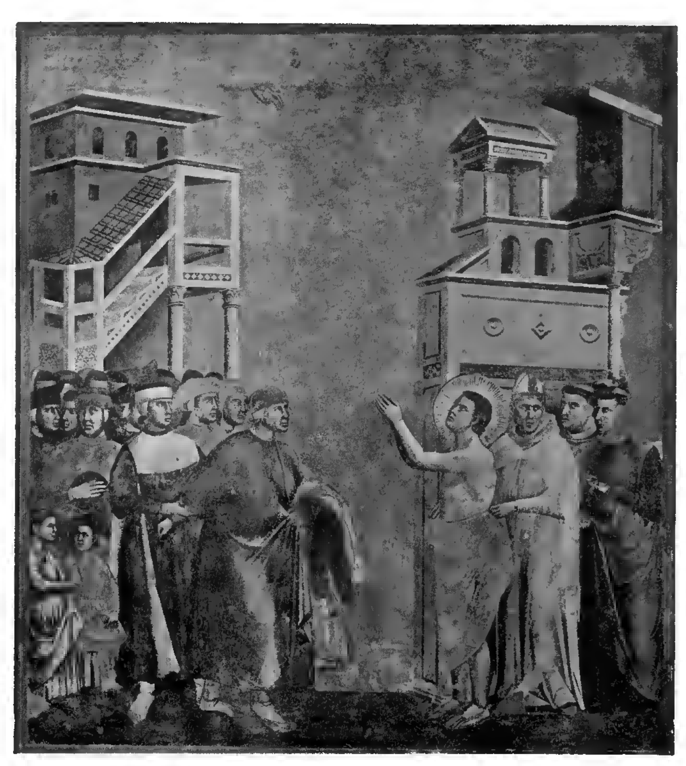
духу своему его произведенія не имѣютъ уже ничего общаго съ античнымъ искусствомъ и переносятъ насъ въ совершенно иной кругъ художественныхъ идей. Особенно убѣждаемся мы въ этомъ, разсматривая рельефы, которыми онъ украсилъ каѳедры церкви S.-Andrea въ Пистойѣ и пизанскаго собора. Съ одной стороны, стремленіе къ выразительности не разъ переступаетъ у него всякія границы, заставляя его совершенно пренебрегать красотой внѣшней формы и приводя къ запутанности дѣйствія, преувеличеннымъ, карикатурнымъ движеніямъ, неестественнымъ позамъ, искаженію лицъ. Въ то же время ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему скульпторовъ не умѣлъ съ такою силой передавать въ своихъ изваяніяхъ разнообразныя движенія души человѣческой. Изображаетъ ли онъ материнскую нѣжность любующейся своимъ сыномъ Богородицы или дикую энергію и отчаяніе женщинъ, которыя стараются защитить своихъ дѣтей отъ воиновъ Ирода (табл. II, 1), радостный порывъ поклоняющагося Христу и припавшаго устами къ Его ногѣ царя или горе лицъ, присутствующихъ на Голгоѳѣ, блаженство праведниковъ или страхъ и смятеніе грѣшниковъ — ему всегда удается найти себѣ откликъ въ сердцѣ зрителя. Въ числѣ скульптуръ, принадлежавшихъ нѣкогда къ пизанской каѳедрѣ Джованни, долгое время называли группу, находящуюся теперь въ пизанскомъ музеѣ. Она олицетворяетъ городъ Пизу въ видѣ женщины съ короной на головѣ, держащей у груди, какъ символъ плодородія, двухъ младенцевъ; она опоясана веревкой съ семью узлами, намекающими на господство Пизы надъ семью островами Средиземнаго моря, и помѣщается на пьедесталѣ, который поддерживаютъ аллегорическія фигуры мудрости, умѣренности, храбрости и справедливости,—добродѣтелей, руководящихъ управленіемъ государства; орлы между этими фигурами указываютъ на римское происхожденіе Пизы. Въ этой женщинѣ, безпокойный взоръ которой какъ будто ждетъ появленія какой-то невѣдомой опасности, нѣтъ и слѣда красоты, но она дышитъ такою энергіей, которая вполнѣ выкупаетъ ея безобразіе. Въ настоящее время указанная группа приписывается одному изъ послѣдователей Джованни. Во всякомъ случаѣ она можетъ быть приведена, какъ образецъ того направленія, которое приняла итальянская скульптура въ XIV столѣтіи.

Возрожденіе живописи. Джотто.

Но еще болѣе, нежели въ скульптурѣ, стремленіе къ самостоятельному, не стѣсняемому традиціей, жизненному воплощенію художественныхъ идей проявляется въ живописи, которая, благодаря этому стремленію, впервые начинаетъ развертывать все богатство

1. Избіеніе младенцевъ. Рельефъ Джованни Пизано на каѳедрѣ, находившейся въ пизанскомъ соборѣ, теперь въ пизанскомъ музеѣ.

2. Отреченіе св. Франциска отъ отца. Фреска Джотто

своихъ средствъ. Уже въ концѣ XIII столѣтія Чимабуэ во Флоренціи, а въ началѣ XIV-го Дуччіо въ Сіенѣ, сохраняя еще вполнѣ традиціонный стиль, пытаются смягчить его строгость, влить теплоту чувства въ его мертвенные образы, придать большую естественность позамъ и драпировкамъ. Но рѣшительный переворотъ въ этомъ направленіи совершаетъ знаменитый художникъ XIV-го столѣтія Джотто Бондоне. Онъ вноситъ въ искусство цѣлый новый міръ представленій и вырабатываетъ новый, всѣмъ понятный языкъ для ихъ передачи.

Фрески изъ жизни св. Франциска въ Ассизи.

Въ городѣ Ассизи надъ могилой св. Франциска выстроена двухъярусная церковь. Въ верхней ея части стѣны продольнаго корабля украшены фресками въ три ряда, изъ которыхъ нижній въ 28 изображеніяхъ разсказываетъ легенду о святомъ. Этотъ нижній рядъ фресокъ — самое раннее изъ дошедшихъ до насъ произведеній Джотто. По мѣрѣ того, какъ развивается дѣйствіе, возвышается и художественное достоинство фресокъ, и это дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ считать ихъ работой различныхъ мастеровъ. Но всѣ онѣ проникнуты однимъ духомъ и съ самаго начала отличаются такою цѣлесообразностью въ композиціи, такою наблюдательностью и силой фантазіи, что несомнѣнно обязаны своимъ возникновеніемъ творчеству одного и того же геніальнаго живописца, смѣло ступившаго на неизвѣданный дотолѣ въ искусствѣ путь. Чтобы составить представленіе объ этихъ фрескахъ, остановимся, напримѣръ, предъ тою, гдѣ изображено, какъ юный Францискъ въ присутствіи епископа, сбросивъ съ себя послѣднюю одежду, отрекается отъ своего отца, преслѣдовавшаго его за то, что онъ расточалъ деньги на разныя благотворительныя дѣла (табл. II, 2). Въ этой фрескѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе стремленіе художника передать драматизмъ положенія и замѣчательное художественное чутье, съ какимъ выбранъ для этого моментъ дѣйствія. Обнаженный юноша, котораго епископъ прикрываетъ своимъ плащомъ, поднявъ руки и устремивъ къ небу взоръ, весь сосредоточился въ пламенной молитвѣ; отецъ же его, схвативъ брошенную одежду, съ гнѣвомъ порывается къ сыну, удерживаемый стоящимъ сзади гражданиномъ. Фигура отца и двухъ мальчиковъ, изображенныхъ въ лѣвомъ углу картины съ каменьями въ рукахъ, которыми они, по легендѣ, преслѣдовали святого, составляютъ разительный контрастъ съ группой на правой сторонѣ, стоящей за Францискомъ, гдѣ епископъ, прикрывая юношу, со взоромъ, полнымъ участія къ его судьбѣ, обращается къ своимъ спутникамъ, какъ бы поручая

его ихъ попеченіямъ. Группа взволнованныхъ и удивленныхъ граждан за отцомъ Франциска дополняетъ сцену, которую вверху картины осѣняетъ десница Бога. Если въ позахъ дѣйствующихъ лицъ замѣтенъ недостатокъ свободы, извѣстная неувѣренность, какъ бы робость художника, если онъ не освоился еще съ изображеніемъ человѣческаго тѣла, то ясная, разумная композиція и яркая передача различныхъ настроеній сразу говорятъ о его замѣчательномъ дарованіи. Тѣми же достоинствами отличаются и другія фрески разсматриваемаго цикла. Особенно поразительно умѣнье художника находить, такъ сказать, кульминаціонный моментъ дѣйствія, заставляющій зрителя дополнять въ своемъ воображеніи то, что этому моменту предшествовало и что за нимъ послѣдуетъ, и вносить въ картину движеніе реальной жизни,—свойство, которымъ въ такой мѣрѣ обладалъ Рафаэль. Не меньшее впечатлѣніе производитъ на зрителя обнаруживаемая Джотто удивительная мѣткость характеристики. Посмотрите, напримѣръ, на проводника Франциска, который съ жадностью припалъ къ источнику, вызванному молитвой святого (табл. III, 1): „движеніе его,—говоритъ Вазари,—передано до того поразительно, что кажется, будто утоляетъ жажду живой человѣкъ“. На другой фрескѣ мы видимъ сбѣжавшихся въ тревогѣ домашнихъ нѣкоего дворянина въ Челано, пораженнаго внезапною смертью: съ какою любовью и тоской засматриваетъ одна изъ женщинъ ему въ глаза, положивъ его голову къ себѣ на колѣни, какое волненіе, испугъ, горе и участіе выражаются на лицахъ и въ позахъ другихъ присутствующихъ. А вотъ передъ нами слушающіе проповѣдь Франциска папа Гонорій III-й и его приближенные: врядъ ли можно было выразительнѣе изобразить всецѣло поглощенное вниманіе слушателей, при чемъ каждый изъ нихъ—и подпершійся рукою, пытливо устремившій взоръ на проповѣдника папа, и дѣлающій невольное движеніе, какъ бы удивленный, кардиналъ, и рядомъ съ нимъ сидящій, погрузившійся въ глубокую думу,—каждый внимаетъ словамъ проповѣдника по-своему, согласно своему личному характеру. Самое, быть можетъ, удачное изображеніе художника — встрѣча тѣла Франциска передъ церковью S.-Damiano: картина переполнена дѣйствующими лицами, которыя всѣ охвачены однимъ общимъ чувствомъ—горестью по усопшемъ; но горе это передано до такой степени разнообразно, настроеніе каждаго изъ участвующихъ, начиная отъ склонившейся надъ безжизненнымъ тѣломъ св. Клары и трогательно прощающихся съ нимъ монахинь и кончая толпою гражданъ и монаховъ со свѣчами

2. Плачъ надъ тѣломъ Христа. Фреска Джотто въ церкви S. Maria dell'Arena въ Падуѣ.

1. Св. Францискъ, вызывающій изъ скалы источникъ. Фреска Джотто въ верхней церкви въ Ассизи.

въ рукахъ, выражающихъ глубокую, но спокойную грусть, до такой степени индивидуально, что зритель невольно становится самъ участникомъ дѣйствія. Значеніе этихъ фресокъ не было бы нами достаточно оцѣнено, если бы, кромѣ сказаннаго, мы не обратили вниманія на изображеніе въ нихъ ландшафтовъ и зданій, которые занимаютъ задніе планы. Художникъ старался передать и очертанія горъ, и листву деревьевъ, и города съ домами, башнями и стѣнами, и внутренность помѣщеній. Правда, что эти изображенія не всегда удаются ему въ одинаковой мѣрѣ, но знаменательны уже самыя попытки представить реальную обстановку дѣйствія. Слѣдуетъ отмѣтить также вѣрное природѣ, любовное изображеніе животныхъ и, наконецъ, успѣхи въ колоритѣ. Краски несравненно теплѣе, нежели въ прежней живописи, а иногда являются даже какъ бы намеки на желаніе произвести свѣтовые эффекты. Однимъ словомъ, въ этихъ фрескахъ заключаются уже всѣ элементы того искусства, которому христіанскіе художники начинаютъ посвящать лучшія свои силы.

Общехристіанскіе сюжеты.

Изображеніе жизни св. Франциска должно было послужить для Джотто отличною школой, ибо ему приходилось черпать содержаніе своихъ картинъ изъ такой области, которая не была еще затронута прежнимъ искусствомъ, и для художественнаго воспроизведенія которой не сложилось еще традицій, ему приходилось пользоваться не старыми, уже готовыми типами, а создавать свои новые, представлялось обширное поле для самостоятельнаго творчества. И вотъ мы видимъ, что Джотто и при изображеніи общехристіанскихъ сюжетовъ перестаетъ довольствоваться повтореніемъ до него сложившихся концепцій, а стремится пересоздавать ихъ съ своей личной точки зрѣнія, и прежніе традиціонные образы, претворенные его фантазіей, охватываютъ зрителя совершенно новымъ, неожиданнымъ, согрѣвающимъ душу чувствомъ.

Фрески въ Падуѣ.

Самый полный циклъ такихъ сюжетовъ представляютъ фрески въ церкви S.-Maria dell'Arena въ Падуѣ. Картины размѣщены здѣсь въ слѣдующемъ порядкѣ: на аркѣ, ведущей въ апсиду, изображенъ Спаситель въ славѣ, окруженный ангелами, подъ нимъ — благовѣщеніе, на входной стѣнѣ — страшный судъ, а на продольныхъ — вверху въ три ряда главные моменты изъ жизни Христа и Богородицы, внизу на каждой стѣнѣ по семи аллегорическихъ фигуръ добродѣтелей и пороковъ, написанныхъ сѣрою краской по сѣрому фону и расположенныхъ такъ, что добродѣтели примыкаютъ къ той сторонѣ страшнаго суда, гдѣ помѣщены праведники, пороки—

къ той, гдѣ изображены грѣшники. Въ противоположность прежнему искусству, стремившемуся представить священныя лица въ недосягаемомъ для простого смертнаго величіи, Джотто заставляетъ ихъ спуститься съ неба на землю и жить чисто-человѣческими чувствами. Такое впечатлѣніе получается иногда благодаря незначительнымъ, повидимому, отступленіямъ отъ прежней композиціи, перемѣной въ позѣ, жестѣ, выраженіи лица. Такъ, въ древнѣйшихъ изображеніяхъ благовѣщенія Богородица представлялась обыкновенно сидящею или стоящею въ храминѣ; художники старались придать ей видъ торжественный, архангела же иногда заставляли преклонять передъ нею колѣна. Джотто первый и Богородицу изображаетъ колѣнопреклоненною. Впечатлѣніе, получаемое такимъ образомъ, совершенно иное: мы видимъ уже не царицу небесную, но охваченную глубокимъ, благоговѣйнымъ чувствомъ женщину. У позднѣйшихъ итальянскихъ художниковъ, пошедшихъ еще дальше въ томъ же направленіи, эта сцена иногда совершенно теряетъ религіозный характеръ; но у Джотто она проникнута такою искренностью и наивностью, что не даетъ ни малѣйшаго повода къ подобному упреку. Разсказывая далѣе о рождествѣ Христовомъ, Джотто болѣе строго держится традиціи. На уступѣ скалы помѣщается постель, на которой лежитъ Богородица; сзади нея ясли съ младенцемъ, у яслей—оселъ и быкъ; на первомъ планѣ погруженный въ думу Іосифъ, а выше, на горѣ, — ангелы, возвѣщающіе пастухамъ о рожденіи Спасителя. Все это видимъ мы и на древнѣйшихъ памятникахъ. Но въ то время, какъ тамъ Богородица лежитъ совершенно безучастная къ окружающему, у Джотто, который слѣдуетъ въ этомъ случаѣ примѣру пизанскихъ скульпторовъ, она, приподнявшись, оборачивается, чтобы помочь повитухѣ, укладывающей ребенка въ ясли.

Въ соотвѣтствіи съ этою перемѣной въ положеніи Богородицы небезынтересно обратить вниманіе на знаменательный поворотъ, совершившійся въ XIII вѣкѣ въ позахъ Христа и Богородицы въ тѣхъ иконахъ, гдѣ онъ изображенъ у нея на рукахъ. Прежніе художники обращали ихъ обоихъ лицами прямо къ зрителю, при чемъ Богородица служитъ лишь трономъ возсѣдающему у нея на колѣняхъ и благословляющему Христу. Съ XIII вѣка мы видимъ ихъ уже повернувшимися нѣсколько другъ къ другу: Богородица держитъ младенца на лѣвой рукѣ, а правою дѣлаетъ движеніе, какъ бы на него указывая. Чимабуэ заставляетъ Христа опираться правою ногой на руку Богородицы и держать ея лѣвую руку. Нако-

нецъ, Джотто изображаетъ Христа въ профиль, съ улыбкой поднявшимъ глаза на Богородицу. Это теплое чувство, связывающее Христа и Богородицу, составляетъ одинъ изъ любимыхъ мотивовъ Джотто и въ разбираемыхъ нами фрескахъ, какъ, напримѣръ, въ сценѣ срѣтенія, гдѣ младенецъ Христосъ, серьезно смотря на Симеона, тянется отъ него къ своей матери, которая съ тихою улыбкой протягиваетъ ему руки, или въ другой сценѣ, гдѣ Богородица, послѣ тщетныхъ поисковъ за Сыномъ, находитъ Его, наконецъ, въ храмѣ среди учителей и радостно къ Нему устремляется. Но особенно въ изображеніи страстей Господнихъ получаетъ значеніе то любвеобильное, исполненное глубокой сердечной нѣжности, женственное начало, которое воплощается для Джотто въ Богородицѣ. Такъ, въ сценѣ несенія креста, въ отличіе отъ прежняго искусства, ограничивавшагося изображеніемъ одного Спасителя среди толпы воиновъ или выводившаго Божью Матерь и Іоанна, какъ простыхъ зрителей, Джотто заставляетъ своихъ воиновъ грубо отталкивать плачущую Богородицу отъ обращающаго къ ней взоръ Христа; и примѣру Джотто слѣдуютъ всѣ позднѣйшіе художники, понимая, что страданія Спасителя, отраженныя въ горѣ его Матери, становятся еще ближе зрителю.

Послѣднія событія изъ земной жизни Христа составляютъ вообще предметъ наиболѣе характерныхъ изображеній Джотто, ибо въ нихъ онъ нашелъ матеріалъ для того драматизма, которымъ они отличаются у него отъ прежней болѣе или менѣе символической ихъ передачи. Это стремленіе къ драматизму, въ широкомъ смыслѣ слова, можно замѣтить почти въ каждой изъ разбираемыхъ нами фресокъ. Всюду Джотто прибѣгаетъ къ сопоставленіямъ и контрастамъ: изображая пламенную молитву св. Анны, рядомъ съ нею, въ другомъ отдѣленіи дома, помѣщаетъ равнодушно прядущую служанку; полному сдержанности и торжественности шествію Богородицы послѣ обрученія съ Іосифомъ—веселую толпу встрѣчающихъ это шествіе музыкантовъ; спокойно взирающимъ на воскрешеніе Лазаря ученикамъ Христа—удивленныхъ, волнующихся родственниковъ Лазаря и знакомыхъ. Желая оттѣнить возвышенный характеръ главнаго событія, онъ даже вноситъ иногда въ свои композиціи мотивы, не лишенные юмора. Таковы, напримѣръ, перешептывающіяся между собою и подсмѣивающіяся женщины, которыя присутствуютъ при трогательной встрѣчѣ Іоакима и Анны, или повитуха въ сценѣ рожденія Богородицы, старательно вытирающая лицо Младенца, или одинъ изъ гостей на брачномъ пиру въ Канѣ

Галилейской, своею мясистою фигурой напоминающій Фальстафа. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ подобныя черты въ произведеніяхъ Джотто. Но полный просторъ этому стремленію къ драматизму представляютъ ему страданія и смерть Христа, и лучшая фреска всего цикла—плачъ надъ тѣломъ Спасителя (табл. III, 2). Поддерживая голову Сына, съ безпредѣльной тоской склоняется къ Нему Богородица. У ногъ Его сидитъ Марія Магдалина и неподвижно глядитъ передъ собою, какъ бы окаменѣлая въ своемъ горѣ. Іоаннъ, съ закинутыми назадъ руками, въ страстномъ, порывистомъ движеніи наклоняется впередъ, впиваясь взоромъ въ лицо Спасителя. Двѣ женщины у тѣла Христа держатъ его безжизненныя руки. Другія женщины, Іосифъ и Никодимъ съ видомъ неизъяснимой скорби смотрятъ на совершающееся. Горе охватило не только землю, но и небо, гдѣ въ разныхъ направленіяхъ, всецѣло предаваясь отчаянію, летаютъ маленькіе ангелы. Даже неодушевленная природа принимаетъ участіе во всеобщей печали: вдали на каменистомъ холмѣ стоитъ дерево съ опавшими листьями, и лишь готовыя распуститься на немъ почки наводятъ мысль на предстоящее воскресеніе. Справедливо замѣчено, что передать впечатлѣніе отъ этой фрески могла бы только одна поэзія, а не прозаическое описаніе, и что рѣдко изображалось когда-либо такое необузданное горе въ такой привлекательной формѣ. Описанная фреска по общей идеѣ примыкаетъ къ фрескѣ плача надъ тѣломъ Франциска, которую мы видѣли въ верхней церкви Ассизи, но отличается отъ нея болѣе совершеннымъ выполненіемъ. Вообще фрески въ церкви S.-Maria dell'Arena показываютъ уже высшую ступень развитія художественнаго таланта Джотто. Онъ сталъ увѣреннѣе, свободнѣе обращаться съ своими образами. Вся техническая сторона сдѣлалась несравненно выработаннѣе. Но особенно поразительные успѣхи обнаруживаетъ его даръ характеризовать лица и положенія. Еще мало знакомый съ анатоміей и перспективой и тѣми средствами, которыя представляетъ художнику примѣненіе свѣто-тѣни и колорита, онъ, однако, умѣетъ нѣсколькими штрихами создавать до того выразительные образы, что по силѣ впечатлѣнія съ ними сравнятся немногія изъ произведеній, располагающихъ всѣми усовершенствованными пріемами живописи. Таковы, напримѣръ, лица Христа и Іуды въ сценѣ взятія Христа подъ стражу или фигура Маріи Магдалины при явленіи ей Спасителя послѣ воскресенія, которая, съ ея страстно протянутыми руками и молящимъ взоромъ, никогда не изгладится изъ памяти того, кто видѣлъ ее хоть разъ.

Обрученіе св. Франциска съ бѣдностью. Фреска Джотто въ нижней церкви г. Ассизи.

Чтобы дополнить представленіе о живописи, украшающей церковь S.-Maria dell'Arena, слѣдуетъ еще указать на аллегорическія изображенія добродѣтелей и пороковъ, которыя помѣщены подъ сценами изъ жизни Христа и Богородицы. Онѣ останавливаютъ наше вниманіе потому, что свидѣтельствуютъ о стремленіи художника не только обозначать каждое качество внѣшними аттрибутами, но и воплотить его въ конкретный образъ. Такъ, напримѣръ, гнѣвъ олицетворенъ въ видѣ женщины, которая съ искаженнымъ лицомъ и разметавшимися въ безпорядкѣ волосами разрываетъ на себѣ одежду.

Аллегорическія изображенія. Обрученіе Франциска съ Бѣдностью.

Но говоря объ аллегорическихъ изображеніяхъ Джотто, нельзя не остановиться на самомъ замѣчательномъ изъ нихъ, которое находится въ той же церкви въ Ассизи, гдѣ мы видѣли фрески изъ жизни св. Франциска, но только въ другомъ, нижнемъ ярусѣ, и возникло позднѣе указанныхъ фресокъ. На сводѣ этой нижней церкви Джотто поручено было написать апоѳеозъ святого и аллегоріи трехъ монашескихъ обѣтовъ: бѣдности, цѣломудрія и послушанія. Первая изъ этихъ аллегорій изображаетъ обрученіе Франциска съ олицетворенною бѣдностью (табл. IV). На каменистомъ возвышеніи среди терновника стоитъ въ разорванной, покрытой заплатами одеждѣ опоясанная веревкой женщина съ отпечаткомъ нужды и лишеній въ чертахъ немолодого уже лица. Съ выраженіемъ нѣкоторой застѣнчивости протягиваетъ она правую руку, которую Христосъ задумчиво передаетъ Франциску, а тотъ, обращая къ своей нѣвѣстѣ взоръ, полный любви, надѣваетъ ей на палецъ обручальное кольцо. Справа отъ этой группы, около Бѣдности, видны двѣ женскія фигуры, олицетворяющія любовь и надежду, которыя однѣ могутъ доставить ей утѣшеніе въ жизни; а за ними, точно такъ же, какъ и съ другой стороны, участливо взирающіе на Франциска и Бѣдность ангелы. Впереди къ подножію холма подскочила собака и отчаянно лаетъ на Бѣдность. Этотъ намекъ на презрѣніе и ненависть, возбуждаемыя бѣдностью въ мірѣ, еще болѣе подчеркнутъ изображеніемъ тутъ же двухъ мальчишекъ, изъ которыхъ одинъ собирается бросить въ нее камнемъ, а другой тычетъ палкой. Въ углахъ картины помѣщаются еще двѣ группы, предназначенныя для того, чтобы показать, какія требованія возлагаетъ на человѣка служеніе бѣдности и какія страсти отвлекаютъ его отъ этого служенія: слѣва ангелъ, указывая на Франциска, держитъ за руку юношу, отдающаго свое платье нищему; справа другой ангелъ тщетно пытается тронуть примѣромъ Фран-

циска презрительно улыбающагося знатнаго человѣка съ соколомъ въ рукахъ — олицетвореніе гордости, рядомъ съ которымъ, враждебно смотря на ангела и тревожно сжимая кошелекъ, стоитъ, очевидно, скупецъ, а за нимъ, схватившійся за грудь и, кажется, олицетворяющій зависть монахъ. Въ воздухѣ надъ среднею группой летятъ два ангела и несутъ: одинъ богатую одежду и сумку съ деньгами, другой модель зданія съ садомъ, т. е. предметы, въ которыхъ заключается земное благосостояніе; въ самомъ верху картины изъ облаковъ опускается, принимая эти дары, рука Божія. Представленіе о брачномъ союзѣ Франциска съ Бѣдностью еще до появленія фрески Джотто было весьма распространено среди францисканскихъ монаховъ. Тотъ же образъ встрѣчается и у Данте, который разсказываетъ, какъ Францискъ, еще юношей, спорилъ съ отцомъ за женщину, отъ которой люди, какъ отъ смерти, затворяютъ врата радости: „лишившись перваго возлюбленнаго, она слишкомъ тысячу сто лѣтъ оставалась презираемою и забытою до настоящаго ея жениха“. Но не въ общей идеѣ заключается цѣнность описанной нами фрески, а въ той задушевности, которую Джотто вложилъ въ изображеніе дѣйствующихъ лицъ и которая даже на человѣка, не посвященнаго въ смыслъ аллегоріи, не можетъ не произвести впечатлѣнія, въ той характерности образовъ и воспроизведеніи прямо изъ жизни выхваченныхъ чертъ, которыя придаютъ художественный интересъ сухой, по самому существу своему, аллегоріи.

Позднѣйшія произведенія Джотто.

Въ указанныхъ произведеніяхъ обнаруживаются всѣ наиболѣе характерныя для Джотто черты его стиля. Тѣми же особенностями, но еще сильнѣе выраженными, отличаются и позднѣйшія его работы. Такъ, въ одной изъ капеллъ церкви S. Croce во Флоренціи Джотто снова написалъ нѣсколько сценъ изъ жизни св. Франциска. Одна изъ нихъ — отреченіе Франциска отъ своего отца — представляетъ почти буквальное повтореніе фрески въ верхней церкви Ассизи. Но то, о чемъ въ юношеской работѣ художника мы должны до нѣкоторой степени догадываться, получило теперь полное развитіе; именно, онъ доводитъ до высшей степени гнѣвъ отца, который порывается къ сыну съ такою силой, что его должны держать уже два человѣка, а не одинъ, какъ прежде; мальчишекъ же, на прежней картинѣ смирно стоявшихъ съ камнями въ рукахъ, изображаетъ готовыми ихъ бросить, вслѣдствіе чего одного изъ нихъ удерживаетъ присутствующая тутъ женщина, а другого схватилъ за волосы служитель изъ свиты епископа. Такимъ образомъ,

вся сцена принимаетъ еще болѣе страстный характеръ, и контрастъ ея съ благородною, поглощенною молитвой фигурой Франциска становится еще разительнѣе. Церковь S. Croce, вообще, обладаетъ самыми совершенными изъ произведеній Джотто. Къ числу ихъ особенно относятся смерть св. Франциска въ указанной уже капеллѣ Барди и сцены изъ жизни Іоанна Евангелиста въ капеллѣ Перуцци. Простота и ясность композиціи, необыкновенно тонкая наблюдательность и психологическая вѣрность въ изображеніи характеровъ и, наконецъ, удивительная сила фантазіи, способная до безконечности разнообразить основные мотивы, даютъ этимъ фрескамъ право, несмотря на ихъ техническую незрѣлость, занимать мѣсто въ ряду величайшихъ произведеній живописи.

Перемѣна въ религіозномъ міросозерцаніи, какъ одна изъ главныхъ причинъ возрожденія въ искусствѣ.

Таковы были первые шаги возрождавшагося итальянскаго искусства. Сравнивая его произведенія съ работами романо-византійскаго стиля, мы, какъ уже и было указано, должны признать въ немъ главною отличительною чертой его реалистическія наклонности: нельзя не признать также, что эти реалистическія наклонности, это стремленіе сорвать съ изображаемыхъ сюжетовъ оболочку условности, такъ сказать, ввести зрителя въ самое дѣйствіе и послужили одною изъ основныхъ причинъ производимаго имъ впечатлѣнія. Но почему же именно съ XIII-го столѣтія эти наклонности получили въ Италіи такое всеобщее распространеніе? Существуетъ взглядъ, что указанное направленіе итальянское искусство приняло подъ вліяніемъ готическаго, гдѣ подобныя же черты проявляются нѣсколько ранѣе, и нельзя отрицать, что рѣшительный поворотъ на путь, которымъ повели итальянское искусство Джованни Пизано и Джотто, совершился отчасти благодаря сѣвернымъ мастерамъ, о пребываніи которыхъ въ это время въ Италіи сохранилось немало свидѣтельствъ. Но самое вліяніе готическаго искусства не могло бы имѣть мѣста въ Италіи, если бы не нашло тамъ подходящей для себя почвы, если бы и тамъ въ это время, какъ и во всей Европѣ, но еще интенсивнѣе, нежели въ другихъ странахъ, не началось уже вѣяніе того новаго духа, который впослѣдствіи видоизмѣнилъ весь строй средневѣковой жизни. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе перемѣнъ, происходившихъ съ конца XII-го вѣка въ политической и умственной жизни западно-европейскихъ народовъ, отмѣтимъ только ту, которая наиболѣе должна была отразиться на искусствѣ, именно перемѣну или, лучше сказать, новую точку зрѣнія въ религіозномъ міросозерцаніи, ибо для выраженія его идей главнымъ образомъ и существовало искусство

въ то время. Въ Италіи эта перемѣна особенно ясно обнаружилась въ проповѣди Франциска Ассизскаго. Существенное отличіе его ученія отъ общераспространенныхъ до него воззрѣній католической церкви заключалось въ томъ, что онъ цѣлью религіознаго совершенствованія ставилъ не столько соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ и догматической правовѣрности, сколько осуществленіе евангельскаго принципа личной любви къ міру и человѣку. Благодаря этому принципу, онъ сумѣлъ, по крайней мѣрѣ на время, возстановить порванную средневѣковымъ аскетизмомъ связь между царствомъ земнымъ и царствомъ небеснымъ, снялъ тяготѣвшее надъ матеріальною природой проклятіе и возстановилъ законныя права естественнымъ побужденіямъ души человѣческой. Не трудно видѣть, какъ подобная перемѣна въ религіозномъ сознаніи должна была отразиться на искусствѣ, какъ она должна была пробудить у художника интересъ къ окружающему его міру, который, переставъ быть исключительно вмѣстилищемъ грѣха и, напротивъ, становясь носителемъ божественнаго начала, раскрылъ его взорамъ неподозрѣваемую до тѣхъ поръ красоту, явился неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія.

В. Гіацинтовъ.

LXXXII.

Начало книгопечатанія.

Переписчики книгъ въ древности и въ средніе вѣка.

Съ незапамятныхъ временъ историческіе народы усвоили искусство письма, при помощи котораго опытъ и знанія, съ большимъ трудомъ пріобрѣтавшіяся людьми, сохранились для грядущихъ поколѣній. Когда впослѣдствіи человѣчество достигло болѣе высокой степени развитія, возникла литература и появились писатели, произведенія которыхъ распространялись между ихъ современниками и сохранялись для потомства при помощи переписчиковъ. У древнихъ грековъ и римлянъ произведенія любимыхъ писателей такимъ именно способомъ распространялись въ обществѣ, а отъ грековъ и римлянъ способъ распространять извѣстное сочиненіе въ значительномъ числѣ экземпляровъ при помощи переписыванія перешелъ къ средневѣковымъ народамъ.

Въ первую половину среднихъ вѣковъ переписываніемъ книгъ занимались почти исключительно монахи; по уставу нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ, напримѣръ, бенедиктинскаго, переписываніе книгъ было обязательно для монаха. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ были даже особыя школы переписчиковъ, гдѣ послушники обучались приготовлять пергаментъ, красиво писать, раскрашивать заглавныя буквы, украшать рукописи рисунками (миніатюрами) и не-

---

Пособія и источники: *Oberlin*, Essai d'annales de la vie de Guttenberg. *Falkenstein*, Geschichte der Buchdruckerkunst. *Bernard*, De l'origine et des debuts de l'imprimerie en Europe.—Gutenberg und seine Mitbewerber, von I. *D. F. Sotzmann* (статья изъ Historisches Taschenbuch, herausgegeben von Friedrich von Raumer, neue Folge, zweiter Jahrgang). *Dupont*, Histoire de l'imprimerie. *Владиміровъ*, Докторъ Францискъ Скорина. Спб. 1888.

роплетать книги. Монастыри соперничали одинъ съ другимъ въ искусствѣ каллиграфіи и раскрашиванія миніатюръ.

Дѣятельность монаховъ-переписчиковъ большею частью ограничивалась переписываніемъ книгъ духовнаго содержанія, — переписывали Священное Писаніе, богослужебныя книги, учебники. Даже вновь появлявшіяся литературныя произведенія носили исключительно церковный характеръ, такъ какъ въ первую половину среднихъ вѣковъ наука и искусство сосредоточивались въ рукахъ духовенства; произведенія монаховъ-писателей состояли главнымъ образомъ изъ поученій, канононъ святымъ и лѣтописей. Монахи переписывали книги не только для потребностей своего монастыря, но и для продажи, и во многихъ монастыряхъ изготовленіе рукописей для продажи составляло важный источникъ дохода, но такъ какъ на переписываніе книгъ уходило много времени и труда, то рукописи продавались монахами очень дорого и были доступны лишь весьма богатымъ людямъ.

Когда просвѣщеніе стало распространяться въ болѣе обширныхъ кругахъ, когда начали основываться университеты, переписываемыхъ монахами книгъ было уже недостаточно, при университетахъ образуются цѣлыя артели переписчиковъ книгъ научнаго содержанія. Хотя въ такія артели принимались только люди, хорошо знавшіе свое дѣло, однако ошибки при переписываніи были неизбѣжны, каждый переписчикъ вносилъ въ рукопись свои ошибки, часто искажавшія смыслъ. Несмотря на появленіе артелей переписчиковъ, книги все еще были очень дороги. Такъ, за рукопись Ливія можно было купить виллу около Флоренціи. Дороговизна рукописей возрастала и потому еще, что матеріалъ, на которомъ писались книги—пергаментъ, былъ довольно дорогъ, а бумага вошла въ употребленіе только въ началѣ XIV вѣка.

Кромѣ артелей переписчиковъ книгъ научнаго содержанія, уже въ XIV в. возникаютъ цехи переписчиковъ и въ то же время продавцовъ небольшихъ книжекъ, имѣвшихъ болѣе широкое распространеніе, а именно элементарныхъ учебниковъ, молитвенниковъ и отдѣльныхъ листковъ, заключавшихъ въ себѣ важнѣйшія молитвы, напримѣръ, Pater Noster и Ave Maria. Эти листки обыкновенно украшались грубо исполненными отъ руки рисунками и назывались breve (подразумѣвалось breve scriptum — кратко написанное, въ отличіе отъ цѣлыхъ книгъ, отсюда нѣмецкое слово Brief).

Обученіе закону Божію въ средніе вѣка для лицъ, не посвящавшихъ себя духовному званію, было неважное. Въ школѣ ра-

зучивали только символъ вѣры и молитвы, продолжалось же усвоеніе христіанскаго ученія внѣ школы у проповѣдниковъ, произносившихъ свои поученія часто даже и не въ церкви. Проповѣдниками были нищенствующіе монахи (fratres minores или pauperes Christi), люди, часто мало свѣдущіе, даже просто невѣжественные, не знавшіе латинскаго языка и не имѣвшіе поэтому возможности черпать матеріалъ для своихъ проповѣдей изъ первоисточника, т. е. изъ Священнаго Писанія, читать которое разрѣшалось только на латинскомъ языкѣ.

Для того, чтобы дать нищенствующимъ монахамъ—pauperibus (бѣднымъ),—какое-нибудь руководство, составлены были книжечки въ родѣ такъ называемой Biblia pauperum (Библія бѣдныхъ), которая представляетъ собою рядъ картинъ, около пятидесяти, изъ исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, съ объяснительнымъ текстомъ, приложеннымъ къ каждой картинкѣ. Такое же назначеніе—быть пособіемъ для нищенствующихъ монаховъ—имѣло сокращенное изданіе Bibliae pauperum, такъ называемое Speculum humanae salvationis (Зеркало человѣческаго спасенія); въ этомъ изданіи помѣщены были только тѣ картины, которыя наглядно изображали грѣхопаденіе человѣчества и избавленіе его Сыномъ Божіимъ. Это сокращенное изданіе предназначалось для болѣе бѣдныхъ проповѣдниковъ, которые не въ состояніи были пріобрѣсть даже „Библіи для бѣдныхъ". (О такомъ назначеніи этой книги говоритъ самъ ея составитель: prohemium libelli compilavi... propter pauperes praedicatores, qui si forte nequiverint totum librum comparare, possunt ex prohemio praedicare.)

Ксилографическое производство книгъ.

Еще болѣе, чѣмъ Biblia pauperum и Speculum humanae salvationis, распространялись отдѣльные листки—breve съ изображеніями святыхъ, такъ какъ эти рукописные листки были сравнительно дешевы, и рѣдко кто отказывалъ себѣ въ удовольствіи купить изображеніе своего патрона или патрона своего города. Вслѣдствіе широкаго распространенія этихъ breve приготовлявшіе ихъ мастера (Briefmahler) стали исполнять изображаемые на листкахъ рисунки механическимъ способомъ, т. е. вырѣзывали рисунки на тонкой металлической пластинкѣ, клали ее на чистый листъ бумаги, а затѣмъ смазывали краской; когда пластинку (шаблонъ) отнимали, на бумагѣ получался требуемый рисунокъ.

Приготовленіе рисунковъ по шаблону было первымъ несовершеннымъ упрощеніемъ производства; затѣмъ научились вырѣзывать изображеніе на деревянной доскѣ, съ которой оно и отпечатывалось

на бумагѣ. Къ отпечатанному изображенію святого и вообще къ рисунку прибавляли рукописный объяснительный текстъ. Нѣсколько времени спустя начали и объяснительный текстъ вырѣзывать на доскахъ и отпечатывать вмѣстѣ съ рисункомъ. Для того, чтобы отпечатать рисунокъ и текстъ, вырѣзанный на доскѣ, ее смазывали краской, покрывали влажнымъ листомъ бумаги, затѣмъ часто и сильно ударяли по этому листу кожанымъ валикомъ, набитымъ конскимъ волосомъ, такъ что выпуклыя очертанія рисунка и вырѣзанныхъ буквъ вдавливались въ бумагу, оставляли на ней наведенную на нихъ краску и такимъ образомъ отпечатывались. При такомъ способѣ печатанія та сторона листа, по которой ударяли кожанымъ валикомъ, загрязнялась, дѣлалась лоснящеюся, и оттискъ можно было получить только на одной сторонѣ листа.

Ксилографическіе, т. е. полученные съ рѣзаннаго на деревѣ изображенія, оттиски описанныхъ выше breve и specula, появляются въ началѣ XV в., и однимъ изъ наиболѣе древнихъ образцовъ такихъ изданій считается изображеніе св. Христофора, отпечатанное въ 1422 году. Мастера, изготовлявшіе ксилографическіе рисунки, назывались Briefdrucker. Ксилографическое производство наиболѣе развилось въ Голландіи, гдѣ изъ отпечатанныхъ ксилографическимъ способомъ листковъ составлялись цѣлыя небольшія книжки, именно: Biblia pauperum, молитвенники, календари, руководства для гаданія, буквари, сокращенныя латинскія грамматики. При составленіи такихъ книжекъ изъ отдѣльныхъ листковъ эти послѣдніе склеивались тѣми сторонами, на которыхъ не было оттисковъ; такимъ образомъ получались болѣе толстые листы, но отпечатанные съ обѣихъ сторонъ.

Ксилографическій способъ печатанія представляетъ собою громадный шагъ впередъ въ сравненіи съ переписываніемъ. Изобрѣтя ксилографію, европейцы самостоятельно додумались до того способа печатанія, который былъ извѣстенъ китайцамъ еще въ XI в.; къ счастію для европейцевъ, они не остановились на этомъ трудномъ, медленномъ, несовершенномъ способѣ книгопечатанія, которымъ и до сего времени пользуются китайцы, можетъ быть, по этой, между прочимъ, причинѣ такъ сильно отставшіе отъ другихъ культурныхъ народовъ. Дѣло въ томъ, что ксилографическій способъ печатанія представлялъ много весьма существенныхъ неудобствъ, дѣлавшихъ совершенно невыгоднымъ печатаніе этимъ способомъ большихъ книгъ. Такъ, несмотря на массу труда и времени, котораго требовало вырѣзываніе текста на доскахъ, каждая

изъ этихъ досокъ, по отпечатаніи вырѣзаннаго на ней текста, уже ни къ чему не годилась; далѣе, при ксилографическомъ способѣ печатанія оттиски получались только на одной сторонѣ листа. Для достиженія необходимаго сбереженія времени, труда и денегъ нужно было усовершенствовать печатаніе такъ, чтобы оттиски получались на обѣихъ сторонахъ листа, и, что главнѣе всего, нужно было найти такой способъ печатанія, при которомъ разъ вырѣзанныя литеры служили бы для печатанія не единственнаго текста, а могли бы разбираться и служить для набора любого новаго текста, однимъ словомъ, оставалось изобрѣсти типографскій прессъ и подвижныя литеры.

Замѣчательно, что самая мысль объ отдѣльныхъ литерахъ была извѣстна еще образованнымъ народамъ древняго міра. Древніе римляне, какъ разсказываетъ Квинтиліанъ, давали дѣтямъ въ руки вырѣзанныя изъ различныхъ матеріаловъ литеры, чтобы облегчить запоминаніе ихъ формъ. Цицеронъ, опровергая тѣхъ, которые утверждали, что міръ произошелъ случайно, безъ участія боговъ, говоритъ слѣдующее: если бросить на землю цѣлую кучу литеръ всей латинской азбуки, вырѣзанныхъ изъ золота или изъ какого-нибудь другого матеріала, то вѣдь никто изъ утверждающихъ, будто цѣлый міръ произошелъ случайно, не допуститъ, чтобы хотя нѣсколько десятковъ буквъ случайно упало такъ, чтобы изъ нихъ образовался стихъ изъ Анналовъ Эннія. Говоря это, Цицеронъ, самъ, конечно, того не подозрѣвая, какъ слѣпой, такъ сказать, ощупывалъ руками геніальнѣйшее изобрѣтеніе. Но каждое изобрѣтеніе является слѣдствіемъ стремленій и потребностей той только эпохи, которая его вызвала.

Причины, вызвавшія изобрѣтеніе книгопечатанія.

Въ древнемъ Римѣ случайно брошенныя Цицерономъ слова о подвижныхъ литерахъ, самое употребленіе этихъ литеръ при обученіи грамотѣ не могли никого натолкнуть на изобрѣтеніе книгопечатанія, такъ какъ не было тогда жгучей потребности въ быстромъ умноженіи числа экземпляровъ книгъ. Съ другой стороны, не было эпохи, когда человѣчеству было бы болѣе настоятельно необходимо изобрѣтеніе книгопечатанія, чѣмъ въ половинѣ XV в., когда это изобрѣтеніе явилось.

Уже въ XIV в., въ вѣкъ Данте, Боккаччіо, Петрарки и Уиклифа, когда стали изучать творенія великихъ писателей древности и увлекаться ими, сталъ понемногу спадать съ человѣчества покровъ, въ который облекли его средневѣковая схоластика и отсутствіе обмѣна мыслей; но Уиклиффъ только положилъ начало осво-

божденію религіозной мысли отъ связывавшихъ ее оковъ; его дѣло продолжалъ Гусъ, еще болѣе пошатнувшій средневѣковую схоластику. Пробуждавшіяся науки и искусства находятъ щедрыхъ меценатовъ въ лицѣ представителей нѣкоторыхъ княжескихъ фамилій; между этими меценатами особенно прославились бургундскіе герцоги и члены дома Медичи, оказывавшіе радушный пріемъ греческимъ ученымъ, приходившимъ изъ завоеванныхъ турками областей Византійской имперіи.

Съ какою быстротой стало распространяться къ концу среднихъ вѣковъ просвѣщеніе, видно, между прочимъ, изъ того, что въ ту эпоху въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ одной Германіи основано было семь университетовъ: въ Вѣнѣ (1365), Гейдельбергѣ (1386), Кёльнѣ (1388), Эрфуртѣ (1392), Вюрцбургѣ (1402), Лейпцигѣ (1409), Ростокѣ (1419). Сколько понадобилось книгъ для потребностей новыхъ университетовъ, сколько вышло изъ этихъ разсадниковъ просвѣщенія новыхъ образованныхъ людей, которые не могли обходиться безъ книги! Кромѣ того, явился громадный кругъ читателей, не причастныхъ къ ученому міру, читателей, не знавшихъ даже тогдашняго языка науки—латинскаго.

Появленіе новаго обширнаго круга читателей стало возможно со времени возникновенія національной литературы. Въ Италіи, передовой странѣ тогдашней Европы, этой литературѣ не на мертвомъ латинскомъ языкѣ, а на живомъ итальянскомъ положено было начало появленіемъ сочиненій Данте, Петрарки и Боккаччіо. До какой степени популярны, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, должны были сдѣлаться произведенія этихъ писателей, видно изъ словъ тогдашняго критика сочиненій Данте, который не одобрялъ его произведеній потому, что они придутся по вкусу „мѣдникамъ, хлѣбникамъ и подобному народу“. Не только быстро расширился кругъ читателей, но и литература вдругъ обогатилась весьма многими новыми сочиненіями, такъ какъ распространенное переселившимися изъ Византіи учеными увлеченіе древне-греческою литературой расширило кругозоръ образованныхъ людей и открыло новые пути для изслѣдованій.

Само собою разумѣется, что при быстромъ развитіи литературы и при еще болѣе быстромъ возрастаніи требованій на книги работа переписчиковъ не могла удовлетворять спроса, точно такъ же очень мало помогала дѣлу ксилографія, которая могла содѣйствовать распространенію лишь маленькихъ книжекъ, букварей, молитвенниковъ и т. п. Въ эту-то эпоху мысль о подвижныхъ буквахъ

уже болѣе тысячелѣтія существовавшая, но какъ бы спавшая въ зачаточномъ состояніи, пробудилась въ умахъ людей.

Лаврентій Костеръ и его изобрѣтеніе.

Мысль объ усовершенствованіи ксилографическаго книгопечатанія должна была прежде всего занимать самихъ мастеровъ-ксилографовъ, которые лучше другихъ видѣли неудобства ксилографіи. Дѣйствительно, одинъ изъ такихъ мастеровъ, Лаврентій Костеръ, жившій въ Гаарлемѣ, въ Голландіи, додумался около 1430 года до необходимости печатать подвижными буквами и сдѣлалъ первые несовершенные опыты такого печатанія. Костеру удалось новымъ, но весьма еще мало разработаннымъ способомъ напечатать нѣсколько небольшихъ книжекъ, а именно Specula humanae salvationis и сокращенную латинскую грамматику Доната, которая въ большомъ количествѣ экземпляровъ требовалась для школъ и продажа которой доставляла хорошій доходъ.

Костеръ былъ, повидимому, простой ремесленникъ; достигнувъ, благодаря своему изобрѣтенію, нѣкотораго усовершенствованія, онъ остановился на первомъ успѣхѣ и, не задаваясь широкими планами, продолжалъ печатать маленькія книжки и держалъ свое искусство въ тайнѣ. Если даже онъ оставилъ послѣ своей смерти, случившейся около 1439 г., нѣсколько учениковъ, посвященныхъ въ его тайну, то они еще менѣе способны были усовершенствовать изобрѣтенный ихъ учителемъ способъ печатанія, а такъ какъ этотъ способъ держался въ тайнѣ, то не только не проникъ въ сосѣднія съ Голландіей страны, а даже совсѣмъ былъ забытъ къ тому времени, когда, спустя два десятилѣтія по смерти Костера, въ Голландію проникло изобрѣтеніе Гутенберга, который почти одновременно съ Костеромъ совершенно самостоятельно пришелъ къ мысли о подвижныхъ буквахъ.

Въ геніальномъ умѣ Гутенберга мысль о подвижныхъ литерахъ получила полное развитіе. Обладая, благодаря своему знатному происхожденію, болѣе высокимъ образованіемъ, имѣя поэтому болѣе широкій умственный кругозоръ, Гутенбергъ сразу оцѣнилъ важность своего изобрѣтенія, въ теченіе многихъ лѣтъ работалъ надъ нимъ и довелъ его до такой степени совершенства, что многіе изъ современниковъ подозрѣвали въ его работѣ присутствіе помощи діавола. Изобрѣтеніе Костера не пріобрѣло извѣстности даже въ Голландіи, а изобрѣтеніе Гутенберга съ невѣроятною быстротой распространилось по всѣмъ странамъ Европы, поэтому о Костерѣ почти забыли, и Гутенбергъ по справедливости считается изобрѣтателемъ книгопечатанія. Такимъ образомъ, къ изобрѣтенію книгопеча-

танія какъ нельзя болѣе подходятъ слѣдующія слова Гёте: люди каждой эпохи являются представителями одинаковыхъ мыслей и стремленій; поэтому естественно, что одновременно разными лицами совершаются одни и тѣ же изобрѣтенія, подобно тому, какъ въ разныхъ садахъ въ одно и то же время года падаютъ съ деревьевъ одинаковые плоды. Кто же былъ этотъ Гутенбергъ, которому суждено было облагодѣтельствовать людей величайшимъ изобрѣтеніемъ, благодаря которому искра божественнаго огня, болѣе тысячелѣтія какъ бы тлѣвшая подъ пепломъ, превратилась въ яркій свѣточъ, освѣтившій изумленному человѣчеству дотолѣ едва извѣстный ому міръ Божій.

Происхожденіе Гутенберга и переселеніе его въ Страсбургъ.

Гансъ Генсфлейшъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Гутенберга, унаслѣдованнымъ отъ его матери Эльзы, послѣдней представительницы знатнаго рода Гутенберговъ, родился въ городѣ Майнцѣ. Годъ рожденія Гутенберга не извѣстенъ, но, принимая во вниманіе, что уже въ 1436 г. онъ пользовался нѣкоторою извѣстностью въ Страсбургѣ, можно согласиться съ тѣми историками, которые полагаютъ, что онъ родился въ 1397 г. Фамиліи Генсфлейшъ и Гутенбергъ принадлежали къ числу тѣхъ знатнѣйшихъ патриціанскихъ родовъ Майнца, которые заправляли городскими дѣлами и постоянно враждовали съ низшимъ сословіемъ, съ цехами.

О первыхъ годахъ жизни Гутенберга ничего неизвѣстно; знаемъ только, что онъ долженъ былъ со всею своею семьей покинуть Майнцъ въ 1420 г. Въ этомъ году вспыхнула въ Майнцѣ усобица между патриціями и цеховыми; народная партія побѣдила, и многіе изъ патриціевъ, въ томъ числѣ фамилія Генсфлейшъ, должны были выселиться изъ родного города. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ XV ст. Гутенбергъ жилъ въ Страсбургѣ. Само собою разумѣется, что изгнанные изъ Майнца патриціи лишились значительной части своего богатства. Впрочемъ, у представителей рода Генсфлейшъ удѣлѣли кое-какія средства: имъ принадлежало помѣстье близъ г. Эльфельда, а Гансу Гутенбергу городъ Майнцъ обязанъ былъ выплачивать ежегодно небольшую сумму, но выплачивалъ крайне неаккуратно, и даже совсѣмъ прекратилъ выдачу этого пособія послѣ того, какъ Гутенбергъ не воспользовался даннымъ въ 1430 г. разрѣшеніемъ вернуться въ Майнцъ. Такимъ образомъ и безъ того скудныя матеріальныя средства Гутенберга стали еще меньше; однако онъ не спѣшилъ возвратиться въ Майнцъ, потому, вѣроятно, что успѣлъ уже пріобрѣсть нѣкоторую извѣстность въ Страсбургѣ. Дѣло въ томъ, что Гутенбергъ, вынужденный покинуть родной городъ, гдѣ

по своему происхожденію онъ могъ играть видную роль, лишенный значительной части тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми обладали его предки, не палъ духомъ, а старался примѣнить къ дѣлу тѣ познанія, которыя дало ему воспитаніе и которыя онъ самъ пріобрѣлъ, живя на чужбинѣ.

Отчасти изъ любознательности, отчасти изъ желанія найти средства къ независимому существованію, Гутенбергъ познакомился съ разными техническими производствами. Любовь къ такого рода занятіямъ Гутенбергъ, какъ полагаютъ, могъ пріобрѣсти еще въ Майнцѣ, гдѣ представители рода Генсфлейшъ вмѣстѣ съ 11 другими патриціанскими фамиліями пользовались правомъ наблюдать за полновѣсностью монеты, за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ, эти же фамиліи завѣдывали покупкой золота и серебра для чеканки монеты и поэтому должны были имѣть дѣло съ разными техниками и особенно съ золотыхъ дѣлъ мастерами и рѣзчиками по металлу. Въ Страсбургѣ Гутенбергъ получилъ извѣстность, какъ искусный техникъ, изобрѣтатель, знающій секреты разныхъ производствъ и умѣющій передать другимъ свои знанія; поэтому желавшіе научиться тому или другому производству обращались къ Гутенбергу; такъ, напримѣръ, одинъ изъ страсбургскихъ гражданъ Андрей Дритценъ хорошо изучилъ подъ руководствомъ Гутенберга искусство шлифовать драгоцѣнные камни.

Занимаясь разными производствами, Гутенбергъ обратилъ вниманіе на печатаемыя въ Голландіи ксилографическимъ способомъ книжки и вскорѣ сдѣлалъ важное усовершенствованіе въ ксилографическомъ производствѣ, изобрѣтя прессъ, при помощи котораго вырѣзанный на доскѣ текстъ отпечатывался на бумагѣ гораздо скорѣе, чище и ровнѣе, чѣмъ при помощи нажиманія кожанымъ валикомъ; кромѣ того, при помощи пресса можно было получать оттиски на обѣихъ сторонахъ листа. На этихъ усовершенствованіяхъ Гутенбергъ не остановился и послѣ долгихъ опытовъ пришелъ къ мысли замѣнить вырѣзываніе на доскѣ цѣлыхъ страницъ текста составленіемъ строчекъ и цѣлыхъ страницъ изъ отдѣльныхъ буквъ.

Первые опыты Гутенберга съ подвижными литерами.

Полагаютъ, что сначала Гутенберга осѣнила счастливая мысль распилить доску съ вырѣзаннымъ на ней текстомъ на отдѣльныя литеры, чтобы имѣть возможность набирать изъ нихъ любыя слова, по отпечатаніи набора на бумагѣ, разбирать литеры и составлять изъ нихъ новыя страницы, вмѣсто того, чтобы опять вырѣзывать ихъ на доскахъ. Такъ сдѣланъ былъ первый шагъ. Затѣмъ Гутенбергъ сталъ вырѣзывать на маленькихъ деревянныхъ столбикахъ

выпуклыя литеры; сбоку столбики пробуравливались, чтобы можно было, продѣвъ въ нихъ нить или проволоку, удерживать въ порядкѣ наборъ.

Употребленіе деревянныхъ литеръ сразу представило множество весьма существенныхъ неудобствъ. Во-первыхъ, изъ дерева можно было вырѣзать литеры только очень большого шрифта, который не былъ пригоденъ для печатанія большихъ сочиненій; далѣе приходилось бы каждую отдѣльную литеру вырѣзывать отъ руки, а сколько времени и труда взяло бы это дѣло, можно себѣ представить, если вспомнить, что для набора одного только печатнаго листа требуется около 40,000 литеръ. Наконецъ, вырѣзываемыя отъ руки литеры почти невозможно сдѣлать совершенно ровными по величинѣ, да и совершенно ровныя быстро мѣняютъ свой видъ, трескаются отъ вліянія краски и воды, которою краска съ литеръ смывается, а всякая литера, хотя немного выступающая изъ набора, должна сломаться при нажиманіи прессомъ.

Неудобства деревянныхъ литеръ побудили изобрѣтателя вырѣзывать литеры изъ металла. Но вырѣзывать литеры изъ металла было еще труднѣе, точно такъ же невозможно было, приготовляя отъ руки металлическія литеры, достигнуть того, чтобы онѣ были одинаковой величины; къ тому же опыты требовали большихъ расходовъ, вырѣзываніе металлическихъ выпуклыхъ литеръ приходилось поручать золотыхъ дѣлъ мастеру. Изъ сохранившагося до настоящаго времени документа узнаемъ, что одинъ изъ страсбургскихъ ювелировъ изготовилъ для Гутенберга по его заказу много „предметовъ, относящихся до тисненія“. Полагаютъ на основаніи нѣкоторыхъ документальныхъ данныхъ, что эти предметы были не что иное, какъ металлическія буквы. За исполненіе этого заказа Гутенбергъ заплатилъ 100 гульденовъ—сумму, для того времени довольно значительную.

Договоръ Гутенберга съ Риффе.

Такъ какъ средства Гутенберга были болѣе, чѣмъ ограничены, а дальнѣйшее приготовленіе необходимыхъ для осуществленія его новой идеи приборовъ требовало все большихъ и большихъ расходовъ, то Гутенбергъ рѣшился для улучшенія средствъ воспользоваться своимъ болѣе раннимъ изобрѣтеніемъ и вступилъ въ сообщество съ Гансомъ Риффе, бургомистромъ сосѣдняго съ Страсбургомъ города Лихтенау. Риффе долженъ былъ дать средства для приготовленія по усовершенствованному Гутенбергомъ способу какихъ-то предметовъ, которые онъ надѣялся въ большомъ количествѣ и съ значительною выгодой сбыть въ Ахенѣ въ 1439 г., когда,

какъ можно было разсчитывать, въ тотъ городъ соберутся многочисленные богомольцы не только со всей Германіи, но и изъ сосѣднихъ странъ. Дѣло въ томъ, что въ ахенскихъ церквахъ хранились мощи многихъ святыхъ и разные священные предметы, напримѣръ, пеленки младенца Іисуса. Эти священные предметы выставлялись народу для поклоненія каждыя 7 лѣтъ.

Въ 1439 г. истекалъ семилѣтній срокъ со времени послѣдняго всенароднаго чествованія ахенскихъ святынь, предполагалось, что въ іюлѣ этого года онѣ будутъ вновь выставлены, и къ этому времени ожидались въ Ахенъ отовсюду богомольцы. Какъ велико было стеченіе богомольцевъ, можно судить по тому, что въ одинъ изъ дней подобнаго празднества въ 1496 г. насчитано было 150 тысячъ богомольцевъ, а продолжалось торжество 14 дней, при чемъ ежедневно одни уходили, а на ихъ мѣсто приходили другіе. Само собою разумѣется, что при такомъ стеченіи народа Гутенбергъ могъ разсчитывать на хорошій сбытъ предметовъ, къ фабрикаціи которыхъ онъ приступилъ.

Нельзя съ увѣренностью сказать, какіе предметы предполагалось изготовить для ахенской ярмарки. Самъ Гутенбергъ, въ сохранившемся до нашего времени показаніи, глухо говоритъ, что онъ составилъ сообщество съ цѣлью изготовить изобрѣтеннымъ имъ способомъ предметы для ахенской ярмарки. Другой участникъ компаніи выражается болѣе опредѣленно и говоритъ, что сообщество составлено было для изготовленія и продажи на ахенской ярмаркѣ зеркалъ (Spiegel); полагаютъ, что подъ словомъ Spiegel здѣсь слѣдуетъ понимать не зеркало въ тѣсномъ смыслѣ, а тѣ украшенныя картинками ксилографическія книжки, которыя назывались по-латыни specula, а по-нѣмецки Spiegeln; такое предположеніе весьма вѣроятно, такъ какъ несомнѣнно, что опытамъ Гутенберга съ подвижными буквами предшествовало не только близкое ознакомленіе его съ голландскимъ ксилографическимъ способомъ изготовленія такъ называемыхъ „зеркалъ“ и другихъ народныхъ книжекъ, но даже усовершенствованіе имъ этого способа, благодаря изобрѣтенію особаго пресса.

О заключенномъ между Риффе и Гутенбергомъ договорѣ узналъ одинъ изъ учениковъ и почитателей Гутенберга, Андрей Дритценъ, и сталъ упрашивать, чтобы его тоже приняли въ сообщество. Кромѣ того, другъ Гутенберга Антонъ Гейльманъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ граждан̂ъ Страсбурга, просилъ принять въ сообщество его брата Андрея. Но Гутенбергъ сначала не хотѣлъ дѣлать участ-

никами своего предпріятія большое число лицъ, боясь, чтобы не была открыта тайна его опытовъ съ подвижными буквами; опасался также Гутенбергъ, что при большомъ числѣ компаніоновъ слухи о производимыхъ имъ опытахъ распространятся по городу и навлекутъ на него обвиненіе въ колдовствѣ; это опасеніе такъ тревожило Гутенберга, что, приступая къ своимъ опытамъ и не желая поэтому быть у всѣхъ на виду, онъ поселился вдали отъ городского шума, въ одномъ изъ глухихъ предмѣстій Страсбурга. Однако просьбы Гейльмана и Дритцена, людей искренно расположенныхъ къ Гутенбергу, смягчили его; онъ согласился принять двухъ новыхъ компаніоновъ, при чемъ они дали обѣщаніе во всемъ слѣдовать предписаніямъ изобрѣтателя.

Въ началѣ 1438 г. заключенъ былъ между всѣми четырьмя компаніонами договоръ, въ которомъ было точно указано, сколько долженъ каждый изъ участниковъ внести денегъ на общее дѣло и какъ будетъ распредѣлена прибыль между компаніонами. По заключеніи договора, всѣ участники сообщества стали дѣятельно заниматься приготовленіемъ къ самому производству предметовъ, назначенныхъ для сбыта на ахенской ярмаркѣ. Самымъ усерднымъ компаніономъ оказался Андрей Дритценъ, который день и ночь былъ за работой. Почти каждый день товарищи Гутенберга посѣщали его уединенную квартиру, часто засиживались у него за работой и обѣдали у него.

Впрочемъ, вскорѣ участники предпріятія узнали, что ахенская ярмарка отложена до 1440 г. и что поэтому нѣтъ причины особенно спѣшить съ производствомъ предметовъ, которые предполагалось сбыть на этой ярмаркѣ. Тѣмъ не менѣе товарищи Гутенберга продолжали часто посѣщать его и замѣтили, что, кромѣ того дѣла, въ которомъ они принимали участіе, Гутенбергъ занимался еще какими-то опытами, которые онъ тщательно отъ нихъ скрывалъ. Компаніоны стали упрашивать Гутенберга, чтобы онъ открылъ имъ свой новый секретъ и принялъ ихъ участниками въ замышляемомъ имъ новомъ предпріятіи.

Учрежденіе въ Страсбургѣ компаніи.

Такъ какъ выручка отъ продажи „зеркалъ" вслѣдствіе отсрочки ярмарки могла быть получена только черезъ два года, то Гутенбергъ долженъ бы былъ пріостановить на цѣлыхъ два года дорого стоящіе опыты съ подвижными буквами. Поэтому предложеніе товарищей Гутенберга пришлось какъ нельзя больше кстати, и онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился довѣрить имъ свою тайну. Прежній договоръ былъ уничтоженъ и заключенъ новый, по кото-

рому Гутенбергъ обязывался открыть товарищамъ свое изобрѣтеніе и принять ихъ участниками въ его осуществленіи. При этомъ денежные взносы компаніоновъ были значительно возвышены, такъ что въ общей сложности они должны были дать Гутенбергу на устройство новаго дѣла 830 гульденовъ. Договоръ заключенъ былъ на пять лѣтъ.

Изъ того обстоятельства, что договоръ былъ заключенъ на пять лѣтъ, заключаютъ, что Гутенбергъ предпринялъ печатаніе большой книги, именно Библіи. Хотя Андрей Дритценъ и не былъ въ состояніи сразу внести причитавшуюся съ него сумму, однако Гутенбергъ не замедлилъ посвятить его, какъ и другихъ товарищей въ тайну своего изобрѣтенія. Замѣтивъ ловкость и усердіе Дритцена, Гутенбергъ помѣстилъ даже въ его квартирѣ прессъ и поручилъ ему учиться тисненію набранныхъ Гутенбергомъ „формъ" (формами еще въ настоящее время называютъ набранныя страницы текста). Дритценъ съ обычнымъ своимъ усердіемъ принялся за дѣло, но это усердіе оказалось для него роковымъ, онъ занемогъ и незадолго до праздника Рождества 1438 г. умеръ.

По смерти Дритцена многіе изъ его родныхъ и знакомыхъ, любопытство которыхъ давно уже было возбуждено находившимся у Дритцена диковиннымъ прессомъ, поспѣшили въ квартиру покойнаго, чтобы, наконецъ, узнать, какой это тамъ былъ прессъ и что въ немъ находится, но Гутенбергъ предупредилъ любопытныхъ. Узнавъ о смерти Андрея Дритцена, онъ немедленно послалъ въ его домъ слугу своего Лаврентія Бейльдека, который передалъ брату умершаго Андрея Дритцена Николаю, что онъ не долженъ никому показывать прессъ, находившійся въ квартирѣ его покойнаго брата. Кромѣ того, Бейльдекъ просилъ Николая Дритцена вынуть изъ-подъ пресса находящіяся тамъ четыре формы и разобрать ихъ такъ, чтобы никто не могъ понять, что эти формы означаютъ. Вѣроятно, Николай Дритценъ отвѣтилъ, что не умѣетъ обращаться съ прессомъ; поэтому одинъ изъ участниковъ предпріятія, Гейльманъ, отправился къ тому мастеру, который по указаніямъ Гутенберга сдѣлалъ прессъ, и просилъ разобрать находящіяся въ прессѣ формы.

Смерть Андрея Дритцена очень повредила предпріятію Гутенберга; во-первыхъ, изобрѣтатель лишился самаго усерднаго помощника, во-вторыхъ, братья Дритцена, которымъ Гутенбергъ не пожелалъ предоставить право участвовать въ предпріятіи вмѣсто ихъ покойнаго брата, затѣяли процессъ и требовали отъ Гутенберга

возвращенія всѣхъ денегъ, полученныхъ имъ отъ Андрея Дритцена. Цѣлый почти годъ пришлось Гутенбергу таскаться по судамъ. Хотя въ концѣ концовъ Дритцены проиграли процессъ, однако основанная Гутенбергомъ компанія все-таки не достигла той цѣли, къ которой стремился Гутенбергъ, не дала ему возможности довести до конца опыты съ подвижными буквами и приступить къ печатанію книгъ.

То обстоятельство, что смерть Андрея Дритцена надолго пріостановила занятія компаніи, должно было вредно отразиться на ея дальнѣйшей дѣятельности. Кромѣ того, самое изобрѣтеніе не было еще доведено до такого совершенства, чтобы при его практическомъ осуществленіи можно было обойтись тѣми средствами, какими обладала компанія. Вырѣзываемыя изъ олова буквы скоро портились, а вырѣзываніе новыхъ требовало все большихъ и большихъ средствъ. Привлечь же къ дѣлу новыхъ богатыхъ компаніоновъ врядъ ли удалось бы въ Страсбургѣ послѣ того шума, который вызванъ былъ процессомъ съ Дритценами. Между тѣмъ Гутенбергъ былъ увѣренъ въ томъ, что обладаетъ тайной изобрѣтенія, которому суждено облагодѣтельствовать человѣчество. Подобно современнику своему Колумбу, судьба котораго отчасти напоминаетъ судьбу нашего изобрѣтателя, Гутенбергъ, несмотря на неудачи, продолжалъ упорно стремиться къ своей цѣли.

Переселеніе Гутенберга въ Майнцъ.

Сознавая невозможность при недостаточности средствъ продолжать съ успѣхомъ свои опыты въ Страсбургѣ, Гутенбергъ рѣшилъ покинуть этотъ городъ и, лишь только истекъ пятилѣтній срокъ договора, заключеннаго съ Риффе и Гейльманомъ, переѣхалъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ своимъ слугой Бейльдекомъ въ свой родной городъ Майнцъ, гдѣ, быть можетъ, разсчитывалъ найти помощь у своихъ знатныхъ родственниковъ. Полагаютъ, что всѣ свои машины и орудія Гутенбергъ взялъ съ собою въ Майнцъ. Прибывъ въ этотъ городъ, Гутенбергъ съ прежнимъ усердіемъ принялся за свои опыты. Но дѣло не могло быстро подвигаться впередъ, пока приходилось каждую литеру вырѣзывать отъ руки изъ металла и пока для вырѣзыванія литеръ употреблялся такой мягкій металлъ, какъ олово.

Желаніе облегчить какъ-нибудь скучную, тяжелую и малопроизводительную работу вырѣзыванія литеръ отъ руки навело Гутенберга на мысль обливать вырѣзанныя изъ болѣе твердаго металла выпуклыя литеры расплавленнымъ свинцомъ, который по охлажденіи снимался съ выпуклой литеры, такъ что получалась углубленная металлическая форма (матрица) той или другой литеры алфавита, при

помощи которой можно было отливать изъ олова сколько угодно совершенно одинаковыхъ выпуклыхъ литеръ. Конечно, Гутенбергъ не сразу дошелъ до этого важнаго усовершенствованія. Много пришлось вынести неудачъ, разочарованій, прежде чѣмъ удалось сдѣлать такой важный шагъ впередъ; а главное—на производство опытовъ Гутенбергъ не только издержалъ всѣ свои наличныя средства, но даже вошелъ въ долги.

Опыты Гутенберга потому поглотили такъ много денегъ, что при каждомъ новомъ усовершенствованіи приходилось бросать всѣ заготовленныя ранѣе литеры. Итакъ, около 1449 г. Гутенбергъ, изобрѣтя упрощенный способъ приготовлять быстро литеры посредствомъ отливки, могъ приступить къ задуманному имъ дѣлу, къ печатанію Библіи,—Biblia latina vulgata; напечатаніе этой священнѣйшей изъ всѣхъ книгъ должно было быть первымъ плодомъ его изобрѣтенія. Лучше выбора нельзя было сдѣлать въ интересахъ человѣчества и самого изобрѣтателя. Но это предпріятіе требовало большихъ расходовъ, а Гутенбергъ былъ уже почти разоренъ своими многолѣтними опытами.

Гутенбергъ и Фустъ. Первая типографія.

Послѣ продолжавшихся долгое время неудачныхъ попытокъ осуществить задуманное предпріятіе на собственныя скудныя средства, Гутенбергъ рѣшился обратиться къ Іоганну Фусту, одному изъ богатѣйшихъ гражданъ Майнца, открылъ ему свои планы и предложилъ принять участіе въ предпріятіи, дать деньги на его осуществленіе. Фустъ легко понялъ всю выгодность предпріятія, принялъ предложеніе Гутенберга и 22 августа 1450 г. заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обязывался ссудить изобрѣтателя суммой въ 800 гульденовъ на устройство предпріятія (изъ 6%) и, кромѣ того, выдавать ему ежегодно по 300 гульденовъ на его веденіе. Въ случаѣ какого-либо несогласія между договаривающимися или неудачи всѣ заготовленныя машины должны были быть переданы Фусту въ обезпеченіе уплаты ему долга, въ случаѣ же удачи онъ долженъ былъ получить половину прибыли. Этимъ договоромъ Гутенбергъ отдавалъ себя и свое дѣло во власть Фуста. Но изобрѣтатель, уже отчаявшійся въ возможности осуществить свой проектъ на собственныя средства, не обращалъ вниманія на тягость предложенныхъ ему условій,—для него важно было только то, что ему давали средства.

Полный увѣренности въ успѣхѣ, Гутенбергъ съ жаромъ принялся устраивать на полученныя деньги типографію въ домѣ своего дяди. Почти два года посвящено было на устройство необхо-

димыхъ приборовъ: прессовъ, формъ для отливки литеръ. Когда большая часть приготовленій была окончена, оказалось, что 800 гульденовъ не хватаетъ на обзаведеніе, пришлось обратиться къ Фусту съ просьбой о новой ссудѣ; Фустъ далъ деньги, но на условіяхъ, еще болѣе стѣснительныхъ. Желая, наконецъ, достигнуть цѣли, увѣренный въ успѣхѣ, Гутенбергъ соглашался на опасныя для него условія, подобно тому, какъ Колумбъ ручался матросамъ своей жизнью въ томъ, что, если они не возвратятся назадъ, то черезъ три дня увидятъ землю.

Печатаніе Библіи. Легко понять причину ошибки первоначальныхъ смѣтъ Гутенберга, если представить себѣ всю грандіозность предпринятаго имъ дѣла—въ книгѣ, которую онъ впервые напечаталъ, 1282 стр. in folio. Начато было печатаніе около 1452 г., окончено, согласно договору, къ 1455. Напечатаны были экземпляры на пергаментѣ и на бумагѣ, на каждой страницѣ по двѣ колонны, при чемъ заглавныя буквы не напечатаны, для нихъ оставлены пробѣлы, такъ какъ предполагалось разрисовать ихъ отъ руки; дѣйствительно, въ сохранившихся экземплярахъ, напечатанныхъ на пергаментѣ, заглавныя буквы разрисованы золотомъ и разными красками, въ простыхъ экземплярахъ написаны красною и синею красками.

До настоящаго времени сохранилось 15 экземпляровъ Гутенберговой библіи: 9 на бумагѣ и 6 на пергаментѣ. На книгѣ не обозначено, гдѣ и кѣмъ она печатана, потому, какъ полагаютъ, что Фустъ хотѣлъ еще хранить въ тайнѣ новое искусство книгопечатанія, чтобы продавать вышедшія изъ типографіи книги по той же цѣнѣ, какъ и рукописныя. Но несомнѣнная принадлежность этой книги труду Гутенберга доказывается разными вполнѣ достовѣрными свидѣтельствами и, между прочимъ, надписью на одномъ изъ сохранившихся экземпляровъ, что онъ переплетенъ въ 1456 г., то-есть нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отпечатанія Гутенберговой библіи. Литеры, которыми отпечатана эта книга, хотя и были отлиты изъ металла, но были слишкомъ велики, толсты, угловаты и недостаточно тверды, такъ что часто встрѣчаются мѣста неясно, блѣдно напечатанныя.

Фустъ и Шеферъ. Гутенбергъ и Фустъ сознавали недостатки своей печати, старались ихъ устранить и, желая прежде всего придать литерамъ болѣе красивый видъ, искали человѣка, обладавшаго хорошимъ почеркомъ, который могъ бы не только улучшить шрифтъ, но также заняться рисованіемъ заглавныхъ буквъ. Случай привелъ къ нимъ нѣкоего Петра Шефера, который, благодаря своему прекрасному почерку,

пользовался извѣстностью, какъ хорошій иллюминаторъ, то-есть рисовальщикъ заглавныхъ буквъ. Шеферъ былъ человѣкъ довольно образованный; нѣкоторое время онъ жилъ даже въ Парижѣ, гдѣ, какъ полагаютъ, изучалъ въ университетѣ право.

Около 1452 года Шеферъ былъ принятъ въ домѣ Фуста и занялся составленіемъ рисунковъ для заглавныхъ буквъ; кромѣ того, ему поручили вырѣзывать изъ твердаго металла тѣ выпуклыя буквы, при помощи которыхъ отливались углубленныя формы для отливки шрифта. Но какъ ни красивы были вырѣзываемыя Шеферомъ выпуклыя буквы, изъ приготовляемыхъ съ этихъ буквъ углубленныхъ формъ отливались литеры некрасивыя, аляповатыя. Происходило это отъ того, что углубленныя формы для отливки литеръ приготовлялись тоже при помощи отливки изъ легкоплавкаго металла (свинецъ), который при наливаніи въ форму расплавленнаго олова размягчался отъ дѣйствія жара, формы портились, и отливаемыя въ нихъ литеры выходили некрасивыми. Шеферъ ввелъ въ это дѣло нѣсколько важныхъ усовершенствованій; во-первыхъ, онъ предложилъ Фусту дѣлать углубленныя формы изъ болѣе твердаго металла, изъ мѣди; при этомъ формы слѣдовало не отливать, а выбивать на мѣди стальною выпуклою буквой. Въ такихъ формахъ отливка шрифта шла гораздо быстрѣе, литеры выходили красивѣе и могли изготовляться очень мелкими; а чтобы этотъ шрифтъ отчетливо отпечатывался на бумагѣ, Шеферъ предложилъ отливать его не изъ олова, а изъ особаго придуманнаго имъ твердаго сплава, который получилъ названіе типографскаго металла.

Фустъ высоко цѣнилъ предложенныя Шеферомъ усовершенствованія и, желая съ нимъ сблизиться, выдалъ за него замужъ свою внучку Христину. Дѣлая Шефера членомъ своей семьи, Фустъ имѣлъ въ виду воспользоваться предложенными имъ усовершенствованіями на случай предусмотрѣннаго договоромъ разрыва съ Гутенбергомъ. Къ такому разрыву Фустъ давно уже стремился, такъ какъ былъ недоволенъ Гутенбергомъ, который заставилъ Фуста дать на предпріятіе гораздо болѣе денегъ, чѣмъ было условлено, и притомъ не отдавалъ никакого отчета въ расходуемыхъ суммахъ; въ Шеферѣ Фустъ надѣялся имѣть болѣе зависимаго и послушнаго, а въ техническомъ отношеніи не менѣе искуснаго руководителя типографіи, вполнѣ усвоившаго изобрѣтенное Гутенбергомъ искусство.

Имѣя въ виду отдѣлаться отъ изобрѣтателя, Фустъ тщательно скрывалъ отъ него предложенныя Шеферомъ усовершенствованія, надѣясь послѣ разрыва съ Гутенбергомъ открыть съ зятемъ такую

типографію, съ которою Гутенбергъ не могъ бы конкурировать. Заключонный съ Гутенбергомъ договоръ давалъ Фусту полную возможность порвать связи съ изобрѣтателемъ и завладѣть его типографіей, такъ какъ Гутенбергъ, потратившій на опыты все свое состояніе, не могъ уплатить Фусту всѣхъ занятыхъ у него денегъ, а между тѣмъ на основаніи договора Фустъ имѣлъ право потребовать по истеченіи пятилѣтняго срока уплаты и въ случаѣ неисполненія требованія завладѣть типографіей.

Пока еще шло печатаніе Библіи, Фустъ думалъ только о томъ, чтобы довести до конца это дѣло, на которое потрачено было имъ столько денегъ, и медлилъ съ процессомъ; но лишь только въ концѣ 1455 года окончено было печатаніе Библіи, Фустъ перестал церемониться и затѣялъ противъ Гутенберга искъ, требуя уплаты всѣхъ данныхъ ему взаймы денегъ (съ % 2.020 гульдоновъ). Гутенбергъ, конечно, не могъ уплатить такой громадной суммы, и Фустъ, на основаніи судебнаго рѣшенія, завладѣлъ не только всѣмъ инвентаремъ типографіи, но даже отпечатанными экземплярами Библіи, которые даже по договору должны были принадлежать не одному Фусту, такъ какъ прибыль отъ предпріятія должна была дѣлиться между нимъ и Гутенбергомъ. Простодушный и довѣрчивый изобрѣтатель былъ лишенъ вслѣдствіе безчестности и безсердечія своего компаніона, а также вслѣдствіе пристрастнаго судебнаго приговора всѣхъ плодовъ своего великаго изобрѣтенія и своихъ двадцатилѣтнихъ усилій. Цѣль Фуста была достигнута, онъ не только владѣлъ тайной чуднаго изобрѣтенія, но также вполнѣ устроенною чужими трудами типографіей, въ которой его зять, ловкій и искусный мастеръ, могъ успѣшно продолжать дѣло.

Новая типографія Гутенберга.

Проигравъ процессъ, Гутенбергъ потерялъ состояніе, но не энергію. Ему удалось вызвать сочувствіе къ своему изобрѣтенію въ докторѣ Конрадѣ Гюмери, одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ Майнца. Гюмери ссудилъ Гутенберга деньгами на устройство новой типографіи, которая и на этотъ разъ была заложена д-ру Гюмери въ обезпеченіе уплаты денегъ; однако, новый компаніонъ не дѣйствовалъ подобно ростовщику Фусту и далъ Гутенбергу возможность снова стать на ноги. Но устройство новой типографіи заняло много времени; между тѣмъ Фустъ немедленно пустилъ въ ходъ ту типографію, которую ему удалось оттягать у Гутенберга. Талантливый Шеферъ осуществилъ, наконецъ, предложенныя имъ усовершенствованія и быстро превзошелъ въ искусствѣ книгопечатанія самого изобрѣтателя.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ того, какъ отнята была типографія у Гутенберга, а Фустъ и Шеферъ успѣли уже выпустить въ свѣтъ великолѣпное изданіе псалтыри. Эта книга, напечатанная литерами, отлитыми уже по способу Шефера, по изяществу, красотѣ и отчетливости печати до сихъ поръ признается знатоками за образцовое произведеніе типографскаго искусства. Такъ быстро шагнуло впередъ, благодаря усовершенствованіямъ Шефера, недавно изобрѣтенное искусство. Въ послѣсловіи къ псалтыри, изданной Фустомъ, было уже сказано, что эта книга не писанная, а печатана при помощи пресса и литеръ. Псалтырь Фуста продавалась гораздо дешовле рукописной, быстро разошлась и уже въ 1459 году была издана вторично.

Изобрѣтеніе мелкаго шрифта.

Первыя два печатныя изданія, предназначавшіяся преимущественно для употребленія въ церкви, напечатаны были очень крупнымъ шрифтомъ и представляли собою огромные фоліанты. Для того, чтобы изобрѣтеніе было завершено, нужно было найти сплавъ такой твердости, такъ усовершенствовать приготовленіе формъ, чтобы можно было отливать литеры гораздо меньшаго размѣра, достаточной твердости для печатанія болѣе удобныхъ и болѣе дешевыхъ книгъ малаго формата. Шеферу удалось сдѣлать и это усовершенствованіе, и въ 1459 г. онъ напечаталъ малымъ шрифтомъ Rationale Durandi—книгу объ обрядахъ католической церкви.

Нѣтъ сомнѣнія, что мысль о необходимости замѣнить первоначальный крупный шрифтъ болѣе мелкимъ была подана Шеферу еще Гутенбергомъ; самъ изобрѣтатель, лишь только устроилъ свою новую типографію, занялся усовершенствованіемъ способовъ отливки шрифта и въ 1460 году напечаталъ усовершенствованнымъ мелкимъ шрифтомъ бывшее тогда въ ходу сочиненіе Іоанна де-Януа „Catholicon“, грамматику латинскаго языка со словаремъ. Это сочиненіе напечатано такими же мелкими литерами, какъ и напечатанное Шеферомъ Rationale, только литеры Шефера гораздо красивѣе.

Карлъ VII и книгопечатаніе.

Усовершенствованія Гутенберга сдѣланы имъ вполнѣ самостоятельно, такъ какъ нѣтъ основанія предполагать, что онъ получилъ свѣдѣнія объ усовершенствованіяхъ Шефера отъ кого-нибудь изъ рабочихъ типографіи Фуста, который обязалъ всѣхъ служившихъ у него клятвой не открывать сообщаемыхъ имъ секретовъ типографскаго искусства. Такая предосторожность была далеко нелишнею, такъ какъ новое искусство быстро привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе. Только въ августѣ 1457 г. стало извѣстно изъ напечатаннаго Фустомъ и Шеферомъ послѣсловія къ псалтыри объ

изобрѣтенія книгопечатанія, а уже въ октябрѣ 1458 г. король французскій Карлъ VII посылаетъ тайно въ Майнцъ спеціалиста въ рѣзьбѣ по металлу Николая Жансона, начальника монетнаго двора въ Турѣ, съ цѣлью развѣдать о томъ искусствѣ, которое изобрѣлъ „messire Gutemberg à Mayence, pays d'Allemagne".

Неизвѣстно, насколько успѣшна была экскурсія Жансона, но нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1462 г., произошло событіе, содѣйствовавшее быстрому распространенію книгопечатанія по Германіи и другимъ странамъ, событіе, сдѣлавшее тщетными всѣ попытки Гутенберга, Шефера и Фуста сохранить тайну новаго искусства. Это событіе—взятіе и разграбленіе Майнца во время войны между низложеннымъ архіепископомъ Майнцскимъ Дитеромъ и назначеннымъ на его мѣсто Адольфомъ Нассаускимъ. При взятіи города войсками Адольфа произошелъ пожаръ, во время котораго сгорѣлъ домъ Фуста, и типографія его была вновь открыта только въ 1464 г. Полагаютъ, что типографія Гутенберга также очень пострадала отъ грабежа при взятіи города. Такъ какъ городъ былъ взятъ послѣ упорнаго сопротивленія, при чемъ съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ, то курфюрстъ Адольфъ осудилъ на изгнаніе многихъ граждaнъ, въ томъ числѣ всѣхъ мастеровъ обѣихъ типографій. Фусту, человѣку богатому и вліятельному, бывшему къ тому сторонникомъ Адольфа, удалось, какъ кажется, вскорѣ возвратить въ городъ своихъ мастеровъ, но рабочіе Гутенберга должны были навсегда удалиться изъ владѣній курфюрста, искать себѣ убѣжища на чужбинѣ, гдѣ, конечно, не считали уже себя обязанными хранить ввѣренную имъ тайну искусства книгопечатанія, и основали въ разныхъ городахъ типографіи.

Дальнѣйшая судьба Гутенберга.

Несмотря на разореніе во время войны, Гутенбергъ не покинулъ совсѣмъ типографскаго дѣла; онъ уже пользовался въ Майнцѣ нѣкоторою извѣстностью, и въ 1465 г. курфюрстъ Адольфъ сдѣлалъ его своимъ камергеромъ; но недолго пришлось ему носить это придворное званіе: въ началѣ 1468 года Гутенбергъ скончался; всѣ оставшіяся послѣ него типографскія машины перешли къ доктору Гюмери, съ которымъ изобрѣтатель не могъ расплатиться; при этомъ уваженіе курфюрста къ памяти Гутенберга сказалось въ томъ, что онъ просилъ д-ра Гюмери не продавать оставшихся отъ Гутенберга машинъ въ какой-нибудь другой городъ, чтобы онѣ навсегда остались въ Майнцѣ. Гутенберга похоронили въ церкви св. Франциска въ Майнцѣ, гдѣ одинъ изъ его родственниковъ соорудилъ ему надгробный памятникъ, не сохранившійся до нашего вре-

мени, такъ какъ самая церковь св. Франциска была совершенно разрушена въ 1793 г. при осадѣ Майнца.

Великій человѣкъ, изобрѣтатель книгопечатанія, умеръ въ бѣдности, послѣ жизни, исполненной борьбы и лишеній, едва оцѣненный современниками. Фустъ ни въ одномъ изъ своихъ изданій не упомянулъ о томъ, что книгопечатаніе изобрѣтено Гутенбергомъ; Шеферъ, въ бесѣдахъ съ разными лицами называвшій Гутенберга изобрѣтателемъ, не былъ такъ откровененъ въ печати: въ книгѣ, изданной имъ въ 1468 г., онъ говоритъ глухо, что изобрѣтателями книгопечатанія были два Іоанна (то-есть Гутенбургъ и Фустъ). Только сынъ Петра Шефера въ послѣсловіи къ книгѣ, изданной въ 1505 г., печатно призналъ, что „искусство книгопечатанія изобрѣтено въ 1450 г. въ Майнцѣ геніальнымъ Іоанномъ Гутенбергомъ и потомъ усовершенствовано І. Фустомъ и Петромъ Шеферомъ". Но еще за шесть лѣтъ до изданія этой книги одинъ изъ германскихъ писателей напечаталъ стихотвореніе, въ которомъ восхваляетъ Гутенберга, прославившаго Германію своимъ великимъ изобрѣтеніемъ. Несмотря на то, что такое сознаніе великой заслуги Гутенберга высказано было уже 30 лѣтъ спустя послѣ его кончины, только въ XIX столѣтіи сооруженъ ему въ Майнцѣ памятникъ по проекту великаго Торвальдсона на деньги, собранныя по всей Европѣ.

Послѣ 1462 г. книгопечатаніе, которое французскій король Людовикъ XII назвалъ изобрѣтеніемъ скорѣе божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ, быстро распространилось по Европѣ; уже около 1470 г. явились типографіи во многихъ городахъ Германіи, Голландіи и Италіи. Вездѣ книгопечатниковъ принимали, какъ дорогихъ гостей, государи оказывали имъ особое покровительство. Въ 1491 г. была напечатана въ Краковѣ Святополкомъ Фѣолемъ первая книга кириллицой „Октоихъ". Первыя книги на русскомъ языкѣ (Псалтырь и Библія русска) были напечатаны въ 1517 г. въ Прагѣ Францискомъ Скориной, русскимъ по происхожденію, уроженцемъ города Полоцка, а въ Москвѣ первая книга была напечатана въ 1564 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, діакономъ Николо-Гостунской церкви, Иваномъ Ѳедоровымъ.

Едва ли какое-нибудь изобрѣтеніе имѣло столь важныя слѣдствія, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія. Благодаря основанію типографій начали появляться въ печати произведенія древнихъ писателей, изъ которыхъ многія не задолго до того были принесены учеными греками въ западную Европу изъ завоеванной турками Византійской имперіи; еще въ 1464 г. Фустъ напечаталъ сочиненія

Цицерона. Древніе писатели становятся предметомъ тщательнаго изученія; сдѣлавшіяся многимъ доступными совершеннѣйшія произведенія классической литературы переводятся и комментируются; сочиненія древнихъ философовъ, ораторовъ, историковъ, поэтовъ дѣлаются образцами для подражанія,—достигаетъ наибольшаго расцвѣта великая эпоха возрожденія, за которою послѣдовала имѣвшая такіе міровые результаты эпоха реформаціи, немыслимая безъ книгопечатанія. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей реформаціонной эпохи, Лютеръ, хорошо понималъ это и утверждалъ, что книгопечатаніе есть высшій даръ Бога людямъ для распространенія слова Божія и какъ бы второе избавленіе рода человѣческаго,—избавленіе отъ умственной тьмы. Дѣйствительно, до изобрѣтенія книгопечатанія даже появленіе даровитѣйшихъ и геніальныхъ людей не могло произвести замѣтной перемѣны въ умственной жизни народовъ, такъ какъ мысли этихъ людей дѣлались извѣстны только немногимъ, масса же народа продолжала коснѣть въ невѣжествѣ. Только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія ораторы получили возможность говорить не передъ ограниченнымъ числомъ слушателей, ихъ аудиторіей является все человѣчество.

Ни одно изобрѣтеніе не произвело такого глубокаго переворота въ жизни народовъ, какъ книгопечатаніе, даже величайшее изобрѣтеніе XVIII в.—паровая машина—имѣло гораздо менѣе значенія, такъ какъ измѣнило внѣшнюю матеріальную культуру, тогда какъ книгопечатаніе дало совершенно новое направленіе развитію культуры духовной: благодаря этому изобрѣтенію чувства людей получили новую силу; такъ благодаря книгопечатанію *всякій* умѣющій читать обладаетъ глазами, которыми видитъ всю вселенную, имѣетъ уши, которыми можетъ слышать не только всѣ умныя рѣчи современниковъ, но также мудрыя слова предковъ.

Приведу, наконецъ, отзывъ о книгопечатаніи одного изъ знаменитѣйшихъ нашихъ ученыхъ, Лобачевскаго: „Печатанію, какъ будто второму дару слова, новѣйшія времена обязаны самою большою частью своей образованности. Если науки такъ удачно и во многихъ отношеніяхъ сравнены со свѣтомъ, который открываетъ глазамъ дотолѣ невидимые предметы, то сходство сдѣлалось еще совершеннѣе, когда тисненіе книгъ позволило съ такою быстротой распространять наши познанія. Вечеромъ родившаяся мысль въ умѣ одного человѣка, утромъ повторяется тысячи разъ на бумагѣ и разглашается потомъ во всѣ концы обитаемой земли“.

Виталій Эйнгорнъ.

LXXXIII.

Открытія португальцевъ въ XV вѣкѣ.

Путешествія Поло.

Послѣднее столѣтіе средневѣковой жизни, XV вѣкъ, есть время паденія феодальнаго строя, возрожденія наукъ и искусствъ, разнообразныхъ изобрѣтеній и географическихъ открытій, которыя расширили мѣсто дѣйствія всемірно-исторической жизни. Къ географическимъ открытіямъ въ XV вѣкѣ привела европейцевъ необходимость искать морской путь въ Индію. Итальянскія республики, которыя снабжали всю Европу индійскими товарами, потеряли, вслѣдствіе завоеваній турокъ на берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей, возможность получать эти товары. Между тѣмъ привычка къ нимъ въ Европѣ уже была большая и вмѣсто утраченныхъ сношеній съ Индіей требовалось завести новыя. Подъ Индіей въ XV вѣкѣ разумѣлся не одинъ только полуостровъ Индостанъ, но также и страны, лежащія далѣе на востокъ: Индокитай, Китай и Японія. Объ этихъ странахъ въ Европѣ ходили необыкновенно заманчивые разсказы. Такъ, напримѣръ, дальше всѣхъ на востокъ проникли два брата, венеціанцы Поло, съ сыномъ одного изъ нихъ Марко. Они пробыли въ Китаѣ 26 лѣтъ на службѣ у монголовъ и оказали хану

Пособія: *Г. Веберъ*, Всеобщая исторія, т. IX. *О. Пешель*, Исторія эпохи открытій. *Фиске*, Открытіе Америки. *Duruy*, Histoire universelle. Paris, 1887. — *Hümmerich*, Vasco da Gama und Entdeckung des Seewegs nach Ostindien. München, 1898.—Journal du voyage de Vasco de Gama en 1497, trad. du portugais par Morelet. Paris, 1864.—Le second voyage de Vasco de Gama à Calicut, relation flamande, éditée vers 1504, reproduite avec traduction et introduction par Berjeau. Paris, 1881.—Jurien de la Gravière. Les marins du XV-e et du XVI-e siècle. Paris, 1898.

важныя услуги, такъ что тотъ не хотѣлъ отпускать искусныхъ чужестранцевъ отъ себя. Въ это время они успѣли объѣхать Китай, побывать въ Индіи. Наконецъ имъ удалось уѣхать на родину, но соотечественники отказывались признать Поло. Наслѣдники утверждали, что они уже умерли, а долгое пребываніе съ татарами сдѣлало ихъ по наружности и разговору похожими на татаръ, къ тому же они были бѣдно одѣты. Тогда Поло собрали своихъ родственниковъ и старинныхъ друзей и распороли при нихъ свои грубыя платья. Изъ каждаго шва посыпались брильянты, сапфиры, изумруды; ихъ признали. Позднѣе Марко составилъ описаніе странъ, откуда онъ привезъ столько драгоцѣнностей. Онъ называетъ ихъ Катаемъ (Китай), Джипангу (Японія) и много говоритъ о ихъ богатствахъ. Не менѣе привлекательно описывали Индію и арабы, которые называли между Зондскими островами одинъ Золотымъ, а другой—Серебрянымъ.

Чтобы найти морской путь въ эти страны, у европейцевъ счастливымъ образомъ къ XV вѣку были готовы средства. Географическія знанія, вслѣдствіе торговыхъ сношеній, значительно расширились: былъ усовершенствованъ компасъ, извѣстный еще съ XII вѣка, но мало употреблявшійся по своему дурному устройству (намагниченную иглу обыкновенно продѣвали сквозь соломинку или кусокъ пробки, бросали въ сосудъ съ водой и слѣдили за направленіемъ стрѣлки, но въ водѣ отъ колебаній ея было трудно опредѣлить, куда показывала стрѣлка). Въ XIV вѣкѣ Флавіо Джіойя помѣстилъ иглу въ закрытомъ сосудѣ, а вокругъ сдѣлалъ рисунокъ съ румбами [1]). Въ такомъ видѣ компасъ сталъ съ успѣхомъ употребляться въ плаваніяхъ, и съ лучшимъ компасомъ моряки стали храбрѣе плавать въ открытомъ морѣ, въ которое долго не рѣшались выйти изъ Средиземнаго. Кораблестроеніе также достигло большого совершенства.

Мореплаваніе въ средніе вѣка. Народы сѣверной Европы ранѣе вышли въ океанъ. Норманны уже давно плавали къ берегамъ Исландіи, Гренландіи и Сѣверной Америки и вдоль береговъ Европы, мимо Гибралтара къ западнымъ берегамъ Африки; венеціанцы же и генуэзцы отправляли съ сѣвера внутрь Африки свои караваны и имѣли о ней свѣдѣнія, но выйти въ океанъ и моремъ проплыть къ ея берегамъ не рѣшались. Ихъ удерживали разсказы объ ужасахъ, которые ожидали моряковъ за Гибралтарскимъ проливомъ. Эти разсказы перешли въ средніе

[1]) Горизонтъ дѣлится на 32 части, которыя называются румбами.

вѣка отъ древнихъ финикіянъ. Аравійскіе географы разсказывали, что входъ въ океанъ берегутъ каменныя изваянія, поставленныя не то двурогимъ Искандеромъ, не то Иракломъ исполиномъ, и запрещающія жестами и надписями ѣхать морякамъ далѣе на западъ; другіе же говорили, что изваянія эти держатъ въ рукахъ ключи, чтобы запирать входъ въ Атлантическій океанъ. Если же проплыть мимо нихъ, то дальше за проливомъ лежитъ „тихое море, словно безконечная, неподвижная громада, передъ глазами разстилается туманъ, и день замѣняется сумракомъ, не видать звѣздъ, исключая нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ“. (Уже когда генуэзцы открыли Канарскіе острова, арабы—еще вѣрили, что океанъ есть море тьмы). Въ этомъ сумрачномъ морѣ лежатъ острова: Вѣчные и Счастливые. Европейцы въ согласіи съ арабами Счастливые острова называли Антильей и прибавляли иныя сказанія. Вотъ какъ повѣствуется объ океанѣ въ одной средневѣковой сагѣ. Св. Брандамъ усомнился въ чудесахъ океана и за то былъ осужденъ 7 лѣтъ странствовать въ немъ отъ острова къ острову, пока волей Провидѣнія не раскрылись передъ нимъ чудныя тайны моря-океана. Онъ видѣлъ липкое (кисельное) море и побережье, которое по-нѣмецки названо „Доброй землей“. Эта земля подобна раю и такъ плодородна, что большаго нельзя и желать; добавляется, однако, что въ ней водились черти. Когда начались плаванія, люди долго старались отыскать островъ св. Брандама, хотя уже перестали вѣрить легендѣ.

Наконецъ, въ XIV вѣкѣ вышли въ океанъ венеціанцы и генуэзцы, и вслѣдъ за тѣмъ начались открытія. Первая генуэзская экспедиція, отправившаяся искать путь въ Индію, погибла, но слѣдующая за нею открыла Канарскіе острова и нашла, что они мало заслуживаютъ названія Счастливыхъ. Затѣмъ генуэзцы открыли Мадейру и Азорскіе острова. Но дальше этого успѣхи ихъ плаваній не пошли: внутреннія неурядицы помѣшали имъ попасть въ желанную Индію. Первыми пристали въ этой странѣ португальцы, которымъ вмѣстѣ съ испанцами принадлежитъ слава великихъ открытій XV вѣка. Португалія завела у себя флотъ еще въ XIII вѣкѣ, и король Диннзъ назначилъ адмираломъ его генуэзца, такъ какъ Генуя въ то время считалась первою морскою державой; слѣдующій король устроилъ рейдъ въ Лиссабонѣ, а въ XV вѣкѣ португальскіе моряки затмили венеціанскихъ и генуэзскихъ и заняли ихъ мѣсто на морѣ. Этимъ развитіемъ морскихъ силъ португальцы обязаны были своему инфанту Генриху, прозванному „Мореплавателемъ“.

Экспедиціи инфанта Генриха.

Инфантъ Генрихъ былъ третій сынъ короля Іоанна I и, располагая доходами ордена Христа, котораго былъ гроссмейстеромъ, рѣшилъ употребить эти послѣдніе на открытія и завоеванія по западному берегу Африки, чтобы обратить жителей новыхъ странъ въ христіанскую вѣру. Прежде всего онъ хотѣлъ тамъ найти царство Гвинеэ и Золотую рѣку, впадающую на 150 испанскихъ лигъ южнѣе мыса Боядоръ, о которомъ много разсказывали венеціанцы, генуэзцы и арабы. Преслѣдуя свою цѣль, инфантъ переселился на берегъ моря, гдѣ построилъ себѣ виллу у мыса Винцента, и отсюда сталъ ежегодно посылать по два или по три корабля въ океанъ. Въ началѣ своихъ плаваній португальцы не ходили далеко отъ берега и не плавали южнѣе мыса Нунъ („Недальше"). У нихъ даже была поговорка: „Кто поплыветъ за мысъ Нунъ, не знаетъ, вернется ли когда". Для обученія моряковъ теоріи мореплаванія и для составленія имъ новыхъ картъ Генрихъ пригласилъ опытнаго капитана съ острова Майорки, Хакиме. Самъ Генрихъ также занимался изученіемъ картъ и средневѣковыхъ путешествій. Благодаря заботамъ инфанта, португальцы начали плавать дальше отъ береговъ и обогнули мысъ Нунъ, но долго не рѣшались обойти слѣдующій мысъ, у котораго бурунъ выступалъ на 6 миль въ океанъ, а на такое разстояніе они еще боялись удаляться отъ берега. Одну изъ эскадръ, отправляемыхъ Генрихомъ ежегодно, занесло бурей на островъ Порто-Санто изъ группы Мадейрскихъ. На слѣдующій годъ португальцы открыли Мадейру (Лѣсной), который такъ назвали за огромные растущіе тамъ лѣса. Часть лѣсовъ они сожгли и на этихъ мѣстахъ развели сахарный тростникъ и виноградники. Черезъ 12 лѣтъ послѣ этого объѣхали мысъ, пугавшій ихъ буруномъ, и назвали его Боядоръ. Слѣдующія экспедиціи видѣли бодуиновъ и привезли невода туземцевъ. Это были признаки, поколебавшіе увѣренность средневѣковыхъ географовъ, что за поворотнымъ кругомъ нѣтъ растительности и жизни. Инфанту хотѣлось узнать объ этихъ странахъ отъ туземцевъ, но плаванія на время прекратились, потому что ему пришлось принять участіе въ походѣ противъ Танжера, предпринятомъ его братомъ. Когда начались снова плаванія, то моряки привезли нѣсколько бодуиновъ и открыли Бѣлый мысъ, названный такъ по цвѣту своихъ скалъ. На слѣдующій годъ плѣнниковъ отвезли назадъ, и теперь одно открытіе слѣдовало за другимъ. До сихъ поръ инфантъ находилъ поддержку своимъ планамъ только у немногихъ приближенныхъ, которые поселились съ нимъ у мыса Винцента; ни народъ, ни дворъ ему не сочувствовали. Теперь же открытія пор-

тугальцевъ обратили вниманіе на себя даже другихъ государствъ. Самыя плаванія стали давать выгоду, и вотъ начали снаряжаться частныя экспедиціи, плаванія подъ руководствомъ инфанта, которому всѣ отдавали пятую часть прибыли. Самимъ Генрихомъ при открытіяхъ руководили страсть къ знанію и желаніе распространить христіанскую вѣру, торговцами же — желаніе обогатиться, и они старались только объ этомъ... ловили невольниковъ собаками, пытали пойманныхъ, чтобы они указывали притоны своихъ собратій, и такихъ поступковъ не стыдились. Даже у одного современнаго писателя мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: „Наконецъ-то Господу Богу, Воздателю добрыхъ дѣлъ, угодно было за многія на службѣ его перенесенныя бѣдствія даровать имъ побѣдоносный день, славу за ихъ труды и вознагражденіе за убытки, такъ какъ захвачено всего мужчинъ, женщинъ и дѣтей 165 головъ".

Не всегда однако проходила для португальцевъ подобная ловля благополучно. Въ 1445 году пришла въ Португалію вѣсть, что погибъ экипажъ корабля, отправившагося къ Боядору. Въ слѣдующемъ году погибъ еще другой у Ріо-Гранде при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Португальскій корабль окружили туземныя лодки и обратились въ притворное бѣгство; когда же за ними погнался ботъ, то они осыпали его и корабль отравленными стрѣлами, переранили весь экипажъ и самого капитана, на кораблѣ осталось только 5 матросовъ. Но теперь, 27 лѣтъ спустя послѣ первыхъ плаваній, португальцы были такъ искусны, что простые матросы сумѣли найти путь на родину и вернулись отъ Ріо-Гранде, между тѣмъ какъ 12 лѣтъ тому назадъ они не рѣшались отойти отъ берега и на 6 миль.

Открытія вдоль западнаго и восточнаго береговъ.

Далѣе былъ открытъ Зеленый мысъ и берегъ, покрытый сочными травами и пальмовыми рощами, гдѣ жили негры. По этому поводу дошелъ до насъ очень забавный отзывъ одного португальскаго моряка, который, описывая растительность берега, замѣчаетъ иронически: „Все это я пишу съ позволенія его величества Птоломея (географа II вѣка), возвѣщавшаго очень хорошія вещи о раздѣленіи міра, но весьма ошибавшагося въ одномъ случаѣ. Онъ разлагаетъ извѣстный намъ міръ на три части, а именно: на обитаемый средній и необитаемые пояса—арктическій по причинѣ холода и тропическій вслѣдствіе зноя. Теперь же оказалось наоборотъ: подъ экваторомъ во множествѣ обитаютъ черныя племена, а деревья достигаютъ невѣроятнаго роста, оттого что именно на югѣ возвышается сила и обиліе растительности, хотя она и проявляется въ своеобразныхъ формахъ". Инфантъ достигъ земель, которыя желалъ

отыскать. Затѣмъ нашли еще Азорскіе острова. Въ это время развился испанскій флотъ; португальцы заботились, чтобы другія государства не посылали своихъ кораблей къ открытымъ ими побережьямъ Африки безъ разрѣшенія португальскаго короля, и просили объ этомъ папу. Папа издалъ двѣ буллы, которыми объявлялъ, что отдаетъ новооткрытыя земли въ собственность королю португальскому и запрещаетъ другимъ христіанскимъ государямъ посылать туда свои корабли безъ его разрѣшенія и продавать туземцамъ оружіе. Въ средніе вѣка папа считалъ своимъ правомъ распоряжаться землями невѣрныхъ, и потому папскія буллы имѣли большое значеніе для португальцевъ. Въ 1460 году умеръ инфантъ, и открытія остановились.

По смерти Генриха Мореплавателя король Альфонсъ отдалъ торговлю на Гвинейскомъ берегу на 5 лѣтъ въ монополію одному португальцу за 500 дукатовъ въ годъ съ тѣмъ, чтобы онъ, кромѣ того, каждый годъ открывалъ 100 миль дальше по берегу. Въ 5 лѣтъ португальцы перешли на экваторъ, открыли Гвинейскіе острова и на Золотомъ берегу основали факторію „La mina“, которая имѣла важное значеніе для будущихъ плаваній на югъ Африки, предпринятыхъ королемъ Іоанномъ II по вступленіи на престолъ. Іоаннъ II принялъ титулъ „владѣтеля Гвинеи“, основалъ крѣпость св. Георгія возлѣ поселенія „La mina“ и приказалъ ставить на мѣстѣ новыхъ открытій падрамы. Такъ назывались каменные столбы съ португальскимъ гербомъ, каменнымъ крестомъ наверху и съ именемъ какого-нибудь святого. Первою экспедиціей, остановившеюся въ новомъ фортѣ, была экспедиція Діего-Кано. Теперь моряки должны были стараться найти путь въ Индію вокругъ южной оконечности Африки. Іоаннъ учредилъ коммиссію математиковъ, которые занимались вычисленіемъ градусовъ южной широты, чтобы опредѣлить дѣйствительную форму Африки и разъяснить путь къ берегамъ Азіи. Діего-Кано дошелъ до 22-хъ градусовъ южной широты и отсюда вернулся. Начальство надъ слѣдующею экспедиціей получилъ Бартоломео Діазъ; съ двумя кораблями онъ отплылъ изъ Португаліи. Проплывъ за устье Конго, Діазъ часто выходилъ на берегъ съ неграми, выучившимися португальскому языку въ Лиссабонѣ, и такимъ образомъ собиралъ свѣдѣнія о странахъ, мимо которыхъ проѣзжалъ, и о дальнѣйшемъ пути. Эскадра доплыла до бухты св. Елены, которую Діазъ назвалъ бухтой Лавировки, потому что противный вѣтеръ долго не впускалъ корабли въ гавань. Отсюда корабли взяли въ сторону, прочь отъ материка, ихъ за-

стигла буря и несла нѣсколько дней. Моряки замѣтили, что вода стала холоднѣе и волны очень крупны. Они повернули на востокъ, думая, что Африка находится въ этомъ направленіи, но берегъ все не показывался; тогда начали подозрѣвать, что обогнули материкъ, поплыли на сѣверъ и скоро приплыли къ берегу, на которомъ паслись большія стада. Берегъ отсюда шелъ на востокъ, и португальцы убѣдились, что ихъ предположеніе было вѣрно. Нѣкоторое время Діазъ съ экипажемъ плыли вдоль берега, открыли островъ св. Креста, гдѣ поставили падрамъ; но и дальше все виднѣлся тотъ же берегъ, и экипажъ потребовалъ возвращенія. Діазъ уговорилъ матросовъ плыть еще три дня и затѣмъ повернулъ назадъ. На возвратномъ пути открыли большой мысъ, который назвали Бурнымъ, потому что здѣсь корабли застигнуты были страшными бурями. Король переименовалъ мысъ, назвавъ его мысомъ Доброй Надежды, разсчитывая теперь скоро найти путь въ Индію; для самого же Діаза мысъ оправдалъ свое названіе: черезъ нѣсколько лѣтъ онъ погибъ здѣсь въ бурю. По возвращеніи Діаза Іоаннъ II сталъ готовить новую экспедицію въ Индію, но начальство надъ нею не поручилъ Діазу, такъ какъ не считалъ удобнымъ одному человѣку дать возможность сдѣлать два важныя открытія, а назначилъ начальникомъ ея Васко-де-Гаму. Экспедиція эта вышла при слѣдующемъ королѣ Эммануэлѣ. А между тѣмъ Іоаннъ отправилъ двухъ пословъ на востокъ Африки съ тѣмъ, чтобы они отыскали царство архипресвитера Іоанна (Абиссинію). Одинъ изъ пословъ проѣхалъ въ Индію и по восточному берегу Африки до Софалы, а затѣмъ отправился въ Абиссинію, гдѣ его задержалъ абиссинскій царь и гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ. Отчетъ же о своемъ путешествіи ему удалось переслать королю въ Португалію, такъ что путь вдоль береговъ Африки съ запада и востока былъ извѣстенъ португальцамъ, когда отправился въ Индію Васко-де-Гама.

Экспедиція Васко-де-Гамы.

8 іюля 1497 года отплыли его корабли изъ Лиссабона. Путешествіе казалось настолько опаснымъ, что наканунѣ отъѣзда Васко-де-Гама причастился. Король далъ ему письма къ государямъ Индіи. 25 іюля корабли достигли острововъ Зеленаго мыса, пробыли на нихъ до 3 августа; отсюда они поплыли на западъ и прошли очень близко отъ береговъ Бразиліи, не видавъ ея. Затѣмъ повернули на востокъ, и 7 ноября достигли бухты св. Елены; 22 обошли мысъ, заѣхали на островъ св. Креста и въ день Рождества пристали къ берегу, который Васко-де-Гама назвалъ Costo-Natal (Рождественскій берегъ). Выйдя на восточный берегъ Африки,

корабли попали въ Мозамбикское теченіе, которымъ отнесло ихъ отъ твердой земли, такъ что португальцы не видали Софалы. На восточномъ берегу эскадра въ первый разъ остановилась у устьевъ Замбезе, которую назвали „рѣкою добрыхъ предзнаменованій", такъ какъ жители этой мѣстности понимали арабскій языкъ и разсказали португальцамъ, что еще далѣе на востокѣ живутъ бѣлые люди, которые приплываютъ къ нимъ на корабляхъ, похожихъ на португальскіе, и португальцы надѣялись, что уже близко до цивилизованныхъ странъ Индіи. Восточнымъ берегомъ Африки владѣли нѣсколько арабскихъ шейховъ; къ первому изъ нихъ португальцы попали въ Мозамбикѣ. Шейхъ ихъ принялъ любезно. Но вскорѣ арабы, движимые фанатизмомъ и встревоженные разспросами португальцевъ объ Индіи, стали выказывать враждебность и напали на шлюпку, которую прислали съ корабля за водой. Васко-де-Гама сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ, арабы испугались, шейхъ попросилъ мира и далъ лоцмана, который коварно едва не завелъ эскадру на мель. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ португальцы приплыли къ Момбазѣ, которая имъ напоминала города ихъ родины. Въ дорогѣ они потеряли половину моряковъ, вышедшихъ изъ Лиссабона. Отдохнувъ въ Момбазѣ, португальцы поплыли въ Мелинду, гдѣ ихъ встрѣтили дружелюбно и дали искуснаго лоцмана, который въ 23 дня привелъ корабли въ Каликутъ. Это было въ воскресенье 20 мая 1498 г.; толпа народа окружила прибывшихъ, и они услыхали привѣтствіе на арабскомъ языкѣ: „Поздравляемъ васъ съ пріѣздомъ, благодарите Бога, приведшаго васъ въ богатѣйшую на свѣтѣ землю".

Индія. Индія въ то время распадалась на множество отдѣльныхъ государствъ, такъ что крупные государи имѣли въ подчиненіи нѣсколько мелкихъ. На Малабарскомъ берегу, куда пристали португальцы, самый крупный раджа носилъ титулъ саморина (что значитъ „владѣтель холма и волны"). Каликутъ былъ главный городъ его царства. Недалеко отъ этого города въ пальмовой рощѣ стоялъ дворецъ саморина, вокругъ него жили въ хижинахъ наи, которые образовали родъ ордена, не имѣли права вступать въ бракъ и съ дѣтства уже считались членами ордена. Другой важный торговый городъ на берегу былъ Кочинъ. Кочинскій раджа неохотно подчинялся саморину каликутскому, потому что считалъ себя духовнымъ царемъ всего Малабарскаго берега.

Самоминъ назначилъ аудіенцію Васко-де-Гамѣ. Со свитой отправился этотъ на берегъ, во дворецъ. Наи, какъ почетная стража, провожали его паланкинъ. Вся одежда царя сіяла брильянтами.

Онъ милостиво принялъ португальцевъ, прочелъ арабскій переводъ письма ихъ короля и обѣщалъ, насколько возможно, исполнить просьбу о разрѣшеніи свободной торговли португальцамъ въ Индіи. Арабы, которые одни вели до сихъ поръ торговлю индійскими товарами, встревожились и рѣшили не допускать соперниковъ; они подкупили министра, который внушилъ саморину, что португальцы морскіе разбойники. Саморинъ отказалъ въ просьбѣ покупать товары, жители стали осыпать моряковъ бранью на улицахъ, и Васко-де-Гама поторопился отъѣздомъ; разставаясь, саморинъ далъ ему любезное письмо. Португальцы, закупивъ немного пряностей, отправились назадъ. Въ дорогѣ ихъ застала сильнѣйшая буря, какія часто бываютъ въ Индѣйскомъ океанѣ при смѣнѣ муссоновъ. Затѣмъ наступило затишье. Много людей умерло отъ цынги, другіе болѣли, только 8 матросовъ могли исполнять службу, а все не было попутнаго вѣтра. Наконецъ, онъ подулъ, эскадра быстро поплыла къ Мелиндѣ, и 29 августа 1499 года Васко-де-Гама вернулся въ Лиссабонъ. Король даровалъ ему титулъ адмирала и дворянское достоинство. Въ гавани, откуда отплыла эскадра, былъ заложенъ монастырь Виѳлеемъ, гдѣ стали погребаться португальскіе короли. Камоэнсъ воспѣлъ путешествіе въ Лузіадѣ.

Экспедиція Кабраля.

Морской путь въ Индію былъ найденъ, но сношеній съ нею не удалось еще завязать, и король на слѣдующій годъ отправилъ новую экспедицію. Въ виду негостепріимнаго пріема индійскаго государя на этотъ разъ съ матросами были отправлены и солдаты, всего 1500 человѣкъ на 13 корабляхъ. Эскадра, подъ начальствомъ Кабраля, отъ острововъ Зеленаго мыса, боясь затишья, взяла на западъ, и теченіемъ ее принесло къ берегамъ Бразиліи; бухту, къ которой пристали португальцы, Кабраль назвалъ Безопаснымъ портомъ, а землю — Землей св. Креста. Отслужили молебенъ, поставили крестъ и отправили одинъ корабль сообщить королю о новой землѣ, а сами поплыли къ Африкѣ. У мыса Доброй Надежды ихъ застигла страшная буря, которая потопила 4 корабля, и во время ея утонулъ Бартоломео Діазъ. Съ сильно попорченными кораблями Кабраль пріѣхалъ въ Мелинду, и только на шести отправился отсюда въ Индію. Саморинъ опять принялъ очень любезно пріѣхавшихъ, далъ Кабралю аудіенцію и, казалось, былъ готовъ дать мѣсто для торговли, но арабы снова стали всячески мѣшать португальцамъ. Дѣло дошло до драки, и Кабраль принужденъ былъ уѣхать въ Кочинъ, гдѣ нашелъ хорошій пріемъ у тамошняго раджи. Здѣсь португальцы основали свою факторію, а другую въ Кананорѣ, къ сѣверу отъ Кочина. Когда Кабраль

возвратился въ Португалію съ извѣстіемъ объ основаніи факторій въ Индіи, король началъ строить планы о томъ, чтобы совершенно отнять у арабовъ торговлю; и слѣдующая экспедиція оставила у мыса Гвардафуй корабли, которые должны были захватывать арабскія суда, шедшія изъ Индіи въ Красное море. Но прежде чѣмъ удалось это, португальцамъ пришлось выдержать нѣкоторую борьбу. Едва ушли португальскіе корабли изъ Индіи, какъ саморинъ потребовалъ отъ раджи выдачи португальцевъ, оставшихся въ факторіи. Раджа, надѣясь на помощь европейцевъ, отказалъ въ требованіи. Саморинъ напалъ на городъ, выгналъ изъ него раджу и разрушилъ факторію. Прибывшій изъ Европы флотъ принудилъ саморина уйти, и, чтобы на будущее время имѣть возможность защищаться, въ Кочинѣ заложили крѣпость съ гарнизономъ въ 80 человѣкъ подъ начальствомъ Дуарте Пачеко и оставили три корабля въ гавани. По отъѣздѣ португальцевъ саморинъ снова напалъ на Кочинъ. У него было 70.000 наевъ и 380 кораблей, у кочинскаго же раджи всего 5.000. Борьба была трудная, но, благодаря прекрасному положенію города и удали Пачеко, саморинъ былъ разбитъ. Передъ рѣшительнымъ сраженіемъ португальцы исповѣдались и поклялись лучше пасть, чѣмъ сойти съ своего поста. Приступъ былъ отбитъ. Въ сухопутномъ войскѣ началась чума, и, потерявъ третью часть солдатъ, саморинъ вернулся въ свой городъ. Эта побѣда окончательно утвердила португальцевъ въ Кочинѣ. Въ самомъ Каликутѣ взяла перевѣсъ партія, которая скорѣе предпочитала вести торговлю съ португальцами, чѣмъ съ арабами. Пачеко по возвращеніи въ Португалію былъ осыпанъ милостями короля, но потомъ по лживымъ доносамъ былъ брошенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ, а семья его жила въ нищетѣ.

Экспедиціи Альмейды и Альбукерке. Окончательно утвердили господство португальцевъ въ Индіи Франческо Альмейда и Альфонсъ Альбукерке. Альмейда съ титуломъ вице-короля отправился въ Индію на 22 корабляхъ съ 1500 солдатами. По прибытіи онъ заключилъ договоръ съ кочинскимъ раджей и другими бывшими вассалами саморина и сталъ съ Малабарскаго берега посылать корабли на Коромандельскій, основывая тамъ факторіи. Саморинъ не оставилъ враждебныхъ дѣйствій противъ португальцевъ и, надѣясь на поддержку египетскаго султана, въ 1506 году собралъ флотъ въ гавани Панане. Сынъ вице-короля, Лоренцо, сжегъ флотъ и взялъ городъ. Тогда саморинъ пригласилъ на помощь египетскій флотъ, который приплылъ къ Малабарскому берегу. Завязалось сраженіе, продолжавшееся цѣлый день. Къ вечеру на помощь египтянамъ подошелъ еще гуджератскій флотъ. Португальскіе капитаны совѣ-

товали Лорензо ночью пройти мимо непріятеля въ открытое море. Лорензо понималъ, что въ открытомъ морѣ португальцамъ выгоднѣе вести сраженіе, но считалъ постыднымъ такъ поступить и остался. На слѣдующій день португальскіе корабли двинулись мимо соединеннаго флота; послѣднимъ шелъ корабль Лорензо. Выстрѣлъ сдѣлалъ въ немъ пробоину; корабль остановился у свай, вбитыхъ для рыбной ловли, и гребцы не могли сдвинуть судно. Весь экипажъ былъ переранецъ, гранатой оторвало ногу у самого Лорензо. Солдаты хотѣли унести тяжко раненаго, но онъ велѣлъ посадить себя на стулъ у гротъ-мачты и продолжалъ руководить сраженіемъ, пока не былъ пораженъ на смерть. Три раза португальцы отбивали непріятеля, который вошелъ на корабль только тогда, когда люди были почти всѣ перебиты, а оставшіеся въ живыхъ девятнадцать не имѣли зарядовъ и были ранены. Когда Альмейда узналъ о смерти сына, онъ сказалъ: „Я не могъ бы желать ему болѣе славной кончины“; онъ отмстилъ за его смерть, уничтоживъ египетскій флотъ. Послѣ этого пораженія индійцы убѣдились, что не могутъ одолѣть португальцевъ. Вскорѣ Альмейда отплылъ въ Португалію, и на его мѣсто пріѣхалъ Альбукерке. На возвратномъ пути Альмейда и его отрядъ въ 150 человѣкъ были истреблены неграми въ Африкѣ.

Съ каждымъ шагомъ впередъ португальцы желали большаго. Нашли путь въ Индію, пожелали основать факторіи; достигли этого, и уже Альбукерке не довольствовался основаніемъ факторій, а рѣшилъ закладывать крѣпости съ гарнизономъ, чтобы постепенно овладѣть всею Индіей. Первыя дѣйствія Альбукерке были неудачны. Онъ напалъ на Каликутъ. Половина отряда захватила дворецъ саморина и разсыпалась по немъ. Наи по свисткамъ собрались и напали на португальцевъ, которые начали отступать паркомъ, гдѣ стоялъ дворецъ; наи окружили ихъ, и неизвѣстно, что бы постигло португальцевъ, если бы имъ не удалось убить предводителя наевъ. 70 португальцевъ легло на мѣстѣ, самого Альбукерке вынесли изъ сраженія безъ чувствъ, а остальные съ трудомъ добрались до кораблей. Оправившись отъ пораженія, Альбукерке задумалъ напасть на Ормузъ, но по дорогѣ рѣшилъ взять Гою, богатый городъ на Малабарскомъ берегу, владѣтель котораго былъ самымъ значительнымъ раджей послѣ каликутскаго саморина. Въ Гоѣ жило много арабовъ. Когда Альбукерке напалъ на городъ, самъ государь былъ въ походѣ, и благодаря этому португальцы легко овладѣли Гоей. Альбукерке рѣшилъ сдѣлать Гою столицей португальскихъ колоній и занялся устройствомъ португальскаго управленія. Въ это время вернулся изъ похода владѣтель Гои и вытѣснилъ Альбукерке изъ города.

Въ океанѣ свирѣпствовали бури, и флотъ три мѣсяца не могъ выйти изъ гавани; у португальцевъ истощились запасы воды и продовольствія. Наконецъ, бури прекратились, и корабли отплыли въ Кананоръ. Альбукерке присоединилъ стоявшіе здѣсь португальскіе корабли къ своему флоту и пошелъ снова къ Гоѣ. Несмотря на численное превосходство непріятеля, португальцы взяли городъ, часть непріятельскаго войска была перебита, часть утонула. Овладѣвъ городомъ, Альбукерке укрѣпилъ его, и, когда на слѣдующій годъ прежній владѣтель напалъ на Гою, португальцы отбили нападавшихъ. Побѣжденный просилъ мира у побѣдителя, а за нимъ и всѣ остальные раджи прислали подарки въ Гою, которая сдѣлалась столицей Малабарскаго берега; самъ саморинъ прислалъ пословъ предложить португальцамъ мѣсто въ Каликутѣ для основанія факторіи. Арабы выселились изъ Гои, и ихъ мѣсто заняли португальцы. Альбукерке достигъ господства на Малабарскомъ берегу и хотѣлъ теперь получить его во всѣхъ восточныхъ моряхъ. Прежде всего онъ вступилъ въ сношенія съ аденскимъ шейхомъ. Этотъ уступилъ ему мѣсто для постройки форта, такъ что входъ въ Аравійскій заливъ перешелъ къ португальцамъ. Затѣмъ Альбукерке обратилъ вниманіе на Ормузъ. Тамъ была основана факторія; владѣтель Ормуза обязался платить дань португальцамъ и обѣщалъ дать мѣсто для постройки укрѣпленія, но, видя, что Альбукерке часто приходится усмирять своихъ капитановъ, которые ему неохотно подчинялись, не исполнялъ своихъ условій. Тогда Альбукерке взялъ городъ и построилъ въ немъ фортъ; такимъ образомъ и другой путь товаровъ попалъ въ руки португальцевъ, и Лиссабонъ въ XVI вѣкѣ пріобрѣлъ то же значеніе, какое имѣла Александрія въ средніе вѣка. Сюда пріѣзжали европейскіе купцы закупать товары, которые затѣмъ развозились по всей Европѣ. Нѣсколько времени спустя Альбукерке взялъ Малакку, черезъ которую получались въ Индіи пряности съ Зондскихъ и Молукскихъ островов. Всѣ раджи островов и Индокитая признали свою зависимость отъ португальскихъ королей, которые стали называться владыками индійской и эѳіопской торговли, такъ какъ, кромѣ португальскихъ или имѣвшихъ пропускъ отъ португальцевъ кораблей, ни одно судно не имѣло права плавать въ восточныхъ моряхъ. Затѣмъ португальцы завязали сношенія съ Китаемъ и Японіей. Въ это время съ востока подвигались испанцы, которые встрѣтились съ португальцами на Молукскихъ островахъ, и открытія европейцевъ кольцомъ охватили земной шаръ.

В. Лебедева.

LXXXIV

Христофоръ Колумбъ.

1. Жизнь Колумба до 1492 года.

Какъ это всегда бываетъ съ людьми, имя которыхъ связано съ какими-либо великими историческими событіями, личность Колумба съ теченіемъ времени приняла образъ легендарнаго героя. Но какъ ни привлекательно задуманы всѣ тѣ легенды, съ которыми переплелись у потомства воспоминанія о его подвигѣ,—легенды, долго служившія, особенно въ книгахъ популярнаго содержанія, оживляющимъ элементомъ разсказа, останавливаться на нихъ не стоитъ. Дѣйствительность гораздо интереснѣе вымысла, и историческія личности становятся намъ ближе и понятнѣе, когда мы заставимъ ихъ сойти съ того искусственнаго пьедестала, на который онѣ возведены стараніями поклонниковъ. Только тогда эти лица явятся передъ нами, какъ живые люди, со всѣми своими достоинствами и недостатками, и тогда только мы будемъ въ состояніи оцѣнить ихъ помыслы и чувства и понять духъ времени, отразившійся въ ихъ дѣяніяхъ. Біографія [1]) знаменитаго генуэзца Христофора Колумба

Пособія: *Фиске*, Открытіе Америки; *Уинсоръ*, Христофоръ Колумбъ, *Веберъ*, Всеобщая исторія, т. IX; *Пешель*, Исторія эпохи открытій; *Гумбольдтъ*, Космосъ, т. II; *Беръ*, Исторія всемірной торговли; *Фалькенгорстъ*, Важнѣйшія открытія и завоеванія испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ; *Кидс*, статья о Колумбѣ въ Harper's new monthly magazine 1892 г.

[1]) Основными источниками для біографіи Колумба являются: 1) жизнеописаніе его, принадлежащее перу его сына Фердинанда Колумба, сохранившееся въ итальянскомъ переводѣ; 2) „Исторія Индіи" Ласъ-Казаса, знавшаго хорошо всѣхъ членовъ семейства Колумба и знакомаго съ прекрасною библіотекой

болѣе всего можетъ подтвердить справедливость этой мысли. Впрочемъ, что касается описанія періода его жизни до 1492 г., то едва ли найдется за это время хоть одинъ фактъ, который бы не былъ предметомъ ожесточенныхъ споровъ, тѣмъ болѣе, что автографовъ Колумба сохранилось очень мало [1]).

Личность Колумба.

Христофоръ Колумбъ, сынъ шерстобита-ткача, родился, по всей вѣроятности, въ 1446 г., въ Генуѣ. Объ его дѣтствѣ мы не знаемъ почти ничего. Ласъ-Казасъ разсказываетъ, что онъ учился въ университетѣ въ Павіи (вѣроятно, незадолго до 1460 г.) и хорошо изучилъ тамъ латинскій языкъ. Несмотря на то, что онъ сдѣлался морякомъ съ 14-тилѣтняго возраста, онъ нашелъ также время изучить географію, начатки астрономіи и математики и сдѣлаться хорошимъ чертежникомъ. Во время отдыховъ отъ морскихъ плаваній по Средиземному морю онъ, надо полагать, жилъ въ Генуѣ и заработывалъ кусокъ хлѣба составленіемъ картъ и чертежей, на которые былъ тамъ большой спросъ. Около 1470 г., сдѣлавшись извѣстнымъ по своему искусству въ этой работѣ, онъ послѣдовалъ за своимъ младшимъ братомъ Варѳоломеемъ въ Лиссабонъ, куда предпріятія принца Генриха привлекали опытныхъ мореплавателей и ученыхъ географовъ, такъ что этотъ городъ сдѣлался главнымъ европейскимъ центромъ науки мореплаванія. Слава португальцевъ, отважно ходившихъ по необъятнымъ волнамъ океана или плававшихъ вдоль западнаго берега Африки, нѣкоторое время составляла излюбленный предметъ толковъ среди моряковъ Средиземнаго моря. Въ Португаліи, какъ и раньше въ Италіи, братья Колумбы занимались попеременно то составленіемъ картъ, то морскими плаваніями.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Португалію Колумбъ (въ 1473 г.)

Фердинанда (до 20.000 томовъ), изъ которой до настоящаго времени сохранилось лишь 4.000 (Biblioteca Colombina); 3) очень цѣнные отчеты о нѣкоторыхъ годахъ жизни Колумба его друга Андреса Бернальдеца, священника Los Palacios близъ Севильи; 4) подробный отчетъ о его путешествіяхъ его близкаго друга Петра Мартира изъ Ангіоры, на Лаго-Маджіоре, и 5) письма и отчеты (ок. 60—70) Колумба, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ 23 писаны имъ самимъ.

[1]) „Дѣло въ томъ“, говоритъ по этому поводу извѣстный американскій изслѣдователь эпохи Колумба, Генри Гаррисъ, „что Колумбъ при жизни далеко не представлялся своимъ современникамъ такою важною личностью, какою является нынѣ въ нашихъ глазахъ; и письма его, не внушая къ себѣ ни уваженія, ни вниманія, вѣроятно, бросались въ корзину для ненужной бумаги тотчасъ по ихъ полученіи“.

женился на Фелипѣ Моньицъ де-Перестрелло, дочери умершаго губернатора о-ва Порто-Санто; Колумбъ встрѣтилъ въ первый разъ эту дѣвушку въ капеллѣ Лиссабонскаго монастыря Всѣхъ Святыхъ. Колумбъ былъ человѣкъ благороднаго и величаваго, если не суроваго, вида, высокъ и крѣпко сложенъ, съ продолговатымъ прекраснаго цвѣта лицомъ, орлинымъ носомъ и проницательными голубыми глазами, легко загоравшимися огнемъ молодости. Манеры его были вѣжливы и сердечны, а разговоръ прелестенъ; онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, а хорошо знавшимъ его внушалъ сильную любовь и уваженіе. Во всемъ его видѣ было что-то властное и серьезное, показывавшее, что его волнуютъ возвышенныя чувства и мысли. Изъ огненныхъ глазъ молодого человѣка смотрѣла великая поэтическая душа, въ которой горѣлъ божественный огонь энтузіазма, присущаго истиннымъ геніямъ.

Проектъ западнаго пути въ Индію.

У жены Колумба было на Порто-Санто небольшое помѣстье, и онъ отправился съ нею туда искать спокойствія и уединенія. Разсказываютъ, что именно на этомъ маленькомъ островѣ, заброшенномъ среди таинственнаго океана, въ 300 миляхъ отъ берега, въ умѣ Колумба впервые зародился великій планъ искать западнаго пути въ Индію. Тесть его, Перестрелло, выдающійся мореплаватель временъ принца Генриха Мореплавателя, оставилъ много картъ и корабельныхъ замѣтокъ, и Колумбъ старательно изучалъ ихъ. Но правильнѣе будетъ объяснять возникновеніе этой идеи общимъ умственнымъ движеніемъ того времени, такъ какъ, благодаря юному искусству книгопечатанія, умы въ это время съ большимъ интересомъ, чѣмъ прежде, стали относиться къ изслѣдованію космографическихъ вопросовъ.

Труды древнихъ географовъ, учившихъ о шарообразности земли, какъ разъ въ это время стали печататься одинъ за другимъ, главнымъ образомъ въ Италіи, а оттуда проникали и въ Испанію [1].

---

[1]) Теорія шарообразности земли, смѣнивъ представленія Гомера и Гезіода о землѣ, какъ плоскости, была извѣстна еще пиѳагорейцамъ въ VI ст. до Р. Х. Эта теорія, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, была санкціонирована Платономъ и Аристотелемъ въ IV в. Аристотель утверждалъ, что „форма земли круглая", при чемъ прибавлялъ, что *„люди, соединяющіе область въ сосѣдствѣ Геркулесовыхъ Столбовъ съ областью близъ Индіи и утверждающіе, такимъ образомъ, что море есть едино,* не говорятъ ничего невѣроятнаго". Подобные же взгляды высказывали Эратосѳенъ (III в. до Р. Хр.), Сенека, Страбонъ; въ шарообразность земли вѣрили Плиній, Цицеронъ, Вергилій и Овидій. Наконецъ, во II в. христіанской эры Птоломей формулировалъ для послѣдующихъ временъ общія основы этого воззрѣнія. Съ теченіемъ времени

На ряду съ этимъ теплое морское теченіе изъ Мексиканскаго залива доставляло къ западному берегу Европы предметы, показывавшіе, что на западѣ существуютъ большая земля. Одинъ португальскій кормчій поймалъ въ морѣ на широтѣ Азорскихъ острововъ брусокъ дерева, на которомъ были искусно вырѣзаны фигуры, но, очевидно, не желѣзнымъ рѣзцомъ; такой же кусокъ рѣзного дерева Колумбъ видѣлъ у родственника своей жены.

Островитяне разсказывали Колумбу, что море приноситъ къ нимъ съ запада сосновыя деревья такой породы, какой нѣтъ въ Европѣ и на ихъ островахъ. Было нѣсколько случаевъ, что западное теченіе приносило къ берегамъ Азорскихъ острововъ лодки съ умершими людьми расы, какой не было ни въ Европѣ, ни въ Африкѣ. Пока Колумбъ жилъ на Порто-Санто, къ острову время отъ времени приставали корабли, шедшіе въ Гвинею или обратно, и легко понять, какія разсужденія велись тамъ о великой коммерческой проблемѣ того вѣка, о томъ, насколько далеко къ югу распространяется Африканскій берегъ и есть ли возможность когда-нибудь найти конецъ его. Между тѣмъ Колумбъ, по временамъ пріѣзжавшій въ Лиссабонъ, избралъ этотъ городъ главнымъ мѣстомъ своего жительства.

Письмо и карта Тосканелли.

Въ это время во Флоренціи жилъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ астрономовъ и космографовъ того времени Тосканелли. Къ нему обратился Альфонсъ V Португальскій черезъ посредство своего придворнаго, Фернандо Мартинеца, стараго друга Тосканелли; онъ желалъ достовѣрно узнать, что могли значить слухи о теоріи Тосканелли относительно западнаго пути въ Индію, который тогда искали его моряки вдоль африканскаго берега. Флорентійскій астрономъ отвѣтилъ письмомъ отъ 25 іюня 1474 года и вмѣстѣ съ письмомъ отправилъ къ королю мореходную карту, на которой былъ изображенъ Атлантическій океанъ съ Европой на восточной сторонѣ и Китаемъ на западной.

эти взгляды были забыты, но съ возрожденіемъ умственной жизни въ концѣ среднихъ вѣковъ ученіе о шарообразности земли вновь воскресаетъ; оно встрѣчается уже у Данте въ его безсмертной поэмѣ. Аргументы древнихъ писателей были воспроизведены въ любопытной книжкѣ „Imago mundi", изданной епископомъ Петромъ д'Айльи въ 1410 г.; этотъ трактатъ, пользовавшійся въ XV ст. большою извѣстностью, былъ любимою книгой Колумба. Наконецъ, Колумбъ, вѣроятно, хорошо былъ знакомъ съ разсказами миссіонера Рубруквиса „о серебряныхъ стѣнахъ и золотыхъ башняхъ" Кинсея и особенно с разсказами о чудесахъ востока Марко Поло и Мандевилля.

Около того же времени самъ Колумбъ обращается къ Тосканелли съ письмомъ черезъ одного флорентійскаго купца, жившаго тогда въ Лиссабонѣ, и получилъ отъ Тосканелли слѣдующій отвѣтъ: „Павелъ медикъ Христофору Колумбу привѣтъ. Получилъ извѣстіе о вашемъ благородномъ желаніи отправиться туда, гдѣ растутъ пряности. Въ отвѣтъ на ваше письмо посылаю копію съ другого письма, написаннаго нѣсколько дней тому назадъ моему другу, придворному всемилостивѣйшаго короля португальскаго въ отвѣтъ на его письмо, писанное ко мнѣ по приказу его величества. Отправляю вамъ также мореходную карту, подобную посланной ему [1]); въ ней вы найдете отвѣтъ на ваши вопросы. При семъ копія упомянутаго моего письма". Въ этомъ письмѣ Тосканелли, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Я уже говорилъ тобѣ однажды о морскомъ пути въ страну пряностей, болѣе короткомъ, чѣмъ та дорога, по которой вы ѣздите черезъ Гвинею". „Хотя я хорошо знаю, что существованіе такой дороги можетъ быть доказано на основаніи сферической формы земли, тѣмъ не менѣе, чтобы сдѣлать вопросъ яснѣе и облегчить предпріятіе, я рѣшился изобразить дорогу на мореходной картѣ. Поэтому отправляю его величеству карту, сдѣланную мною собственноручно, на которой изображены ваши берега и острова, откуда вы должны проѣхать, чтобы достичь мѣстъ, гдѣ наиболѣе изобилуютъ всякаго рода пряности и драгоцѣнные камни. Не удивляйтесь, что я называю *западомъ* страны, гдѣ растутъ пряности, тогда какъ ихъ обыкновенно называютъ *востокомъ*; это потому, что люди, плывущіе постоянно къ западу, достигнутъ этихъ странъ морскимъ подземнымъ (subterraneas) путемъ; тогда какъ если вы отправитесь по этой (верхней) сторонѣ земного шара, то эти страны будутъ на востокѣ". Далѣе Тосканелли, опираясь на книгу Марко Поло, разсказываетъ о многолюдныхъ городахъ, находящихся подъ властью Великаго Хана; о богатѣйшемъ портѣ Зайтонѣ, въ которомъ ежегодно разгружаются 100 большихъ кораблей съ перцемъ, а также множество кораблей съ другими пряностями; о дворцахъ, мраморныхъ мостахъ и „небесномъ городѣ" Кинсеѣ [2]), въ провинціи Манги, имѣющемъ

[1]) По мнѣнію Фиске (Откр. Амер., т. I, стр. 241, прим. 1-е), эта карта была при Колумбѣ во время его перваго путешествія, и онъ руководился ею при своемъ плаваніи. Эта карта была источникомъ для абриса западнаго полушарія на глобусѣ Мартина Бегайма.

[2]) Кинсей у Марко Поло соотвѣтствуетъ китайскому „Kingsse" — столица, какъ теперь обыкновенно называютъ Пекинъ.

100 миль въ окружности; наконецъ, о славномъ о-вѣ Сипанго (Японія), изобилующемъ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, жители котораго покрываютъ золотомъ свои храмы и дворцы. Въ другомъ своемъ письмѣ къ Колумбу Тосканелли называетъ его проектъ плыть къ западу—проектомъ благороднымъ и великимъ и вновь указываетъ на выгоды и полезныя послѣдствія этого предпріятія.

Оригинальность Колумба.

Письмо къ Мартинецу показываетъ, что флорентійскій 77-лѣтній астрономъ уже давно думалъ о западной кратчайшей дорогѣ, и, вѣроятно, многіе слыхали о богатствахъ, которыя можно найти, плывя „прямо къ Китаю“. Заимствовалъ ли Колумбъ свою идею у Тосканелли или нѣтъ,—вопросъ не особенно важный, такъ какъ идея уже носилась въ воздухѣ. Оригинальность Колумба состояла въ томъ, что онъ представлялъ себѣ возможность достигнуть береговъ Китая, плывя на западъ, въ такой ясной и практичной формѣ, что былъ готовъ лично предпринять такое путешествіе. Увѣренности Колумба въ успѣхѣ своего предпріятія помогла ошибка, благодаря которой величину земного шара онъ считалъ меньшею, а материкъ Азіи большимъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Принимая, согласно Тосканелли, окружность земли на широтѣ Канарскихъ острововъ въ 18.000 миль, Колумбъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что * этой окружности должны быть заняты обитаемымъ міромъ, включая сюда и Сипанго, такъ что для того, чтобы достичь этого чудеснаго острова, ему нужно было проплыть только седьмую часть или немногимъ больше 2500 географическихъ миль отъ Канарскихъ острововъ. Авторитетомъ въ этомъ отношеніи для Колумба была 4-я книга Эздры, въ которой ясно утверждалось, что 6 частей земли обитаемы и только 7-я часть покрыта водами.

Многія подающія надежду предпріятія не удались, благодаря ошибкамъ въ расчетѣ, но на этотъ разъ невѣрный расчетъ несомнѣнно помогъ предпріятію Колумба, ибо шансы на успѣхъ были бы очень малы, если бы онъ предложилъ проплыть по „морю мрака“ почти 12.000 миль, то-есть дѣйствительное разстояніе отъ Канарскихъ острововъ до Японіи.

Путешествія норвежцевъ въ Америку въ X и XI в.

Прежде, однако, чѣмъ выступить со своимъ предложеніемъ передъ португальскимъ правительствомъ, Колумбъ провелъ нѣкоторое время въ Африкѣ на Золотомъ берегу, а передъ тѣмъ плавалъ къ сѣверу, повидимому, въ Исландію. Но надо отвергнуть, какъ совершенно нелѣпое, предположеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, что

свѣдѣнія о Винляндѣ [1]), которыя онъ могъ получить въ Исландіи, служили ему руководствомъ или поощреніемъ въ его собственномъ предпріятіи. Воспоминанія о Винляндѣ въ Исландіи исчезли раньше 1400 года, и довольно невѣроятно, чтобы Колумбъ читалъ или слышалъ что-либо объ этой странѣ. Кромѣ того, упоминаніе о лѣсѣ и мѣхахъ и не могло бы привлечь воображенія Колумба; онъ мечталъ о величественныхъ городахъ, большихъ гаваняхъ, гдѣ корабли нагружались шелками и драгоцѣнными камнями, о восточныхъ князьяхъ, покрытыхъ жемчугомъ и золотомъ, живущихъ въ дворцахъ изъ мрамора и яшмы, среди цвѣтущихъ садовъ, полныхъ пряныхъ благоуханій. Такимъ образомъ, сами собою падаютъ и обвиненія Колумба въ томъ, что онъ держалъ свѣдѣнія о Винляндѣ въ секретѣ изъ-за недостойнаго желанія, чтобы за нимъ было признано первенство въ открытіи [2]). Колумбъ никогда не думалъ требовать себѣ какихъ-либо правъ на открытіе Америки; онъ умеръ въ увѣренности, что достигъ восточныхъ береговъ Азіи дорогою болѣе короткою, чѣмъ португальцы. Для Колумба было бы большимъ счастіемъ, если бы онъ могъ указать своимъ противникамъ на Винляндъ. Онъ бы такимъ образомъ нашелъ неопровержимый и наглядный аргументъ въ пользу возможности достигнуть Азіи западнымъ путемъ, изъ-за недостатка котораго ему приходилось ждать и страдать. По совершенно вѣрному замѣчанію полковника Гиггинсона, въ дѣлѣ убѣжденія людей дать ему денегъ для его предпріятія „унцъ Винлянда стоилъ бы цѣлаго фунта космографіи“. Наконецъ, если бы Колумбъ зналъ что-либо о Винляндѣ, онъ бы искалъ его къ сѣверо-западу отъ 28-й параллели, по которой онъ ѣхалъ въ первое свое путешествіе, и не направился бы къ юго-западу, какъ это повторилось въ 3-мъ и 4-мъ путешествіяхъ.

Обращаніе къ португальскому правительству.

Трудно сказать, когда Колумбъ впервые обратился за содѣйствіемъ

[1]) Норвежцы Лейфъ, Торвальдъ и Торфинъ Карлсефни въ періодъ времени 1000—1010 г. пытались основать поселеніе въ С. Америкѣ (по всей вѣроятности, къ югу отъ Новой Шотландіи на широтѣ Галифакса или даже Бостона), въ области, которую они называли Винляндъ, такъ какъ здѣсь они нашли много виноградной лозы; вѣроятность этихъ извѣстій подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что крайняя сѣверная граница распространенія винограда въ Канадѣ 47° с. ш. Враждебныя дѣйствія краснокожихъ заставили норвежцевъ удалиться.

[2]) „Мы обвиняемъ Колумба въ томъ, что онъ не былъ достаточно честенъ и откровененъ и не сказалъ, гдѣ и какъ онъ получилъ свои предварительныя свѣдѣнія о странахъ, открытіе которыхъ онъ приписывалъ себѣ“, говоритъ, напримѣръ, Андерсонъ („America not discovered by Columbus“).

своему плану къ португальскому правительству; во всякомъ случаѣ, его просьба была отвергнута. Существуетъ разсказъ, что король Іоаннъ, получивъ планы Колумба, тайно отправилъ корабль за поисками Сипанго; но португальцы, не воодушевленные великою идеей, испугались окружавшаго ихъ со всѣхъ сторонъ огромнаго водного пространства и позорно вернулись въ Лиссабонъ. По словамъ Ласъ-Казаса, они объявили, что столь же легко найти землю на небесахъ, какъ и въ этой водной пустынѣ. Колумбъ, узнавъ о сыгранной съ нимъ продѣлкѣ, отправился дѣлать свои предложенія кастильскому правительству. Въ 1486 г. мы встрѣчаемъ Колумба въ Кордовѣ, гдѣ находился тогда дворъ. Ему доставлена была возможность изложить свой проектъ передъ Фердинандомъ и Изабеллой. Государи поручили это дѣло исповѣднику королевы, Фернандо де-Талавера, а этотъ послѣдній передалъ вопросъ собранію ученыхъ въ Саламанкѣ, на которомъ были и профессора знаменитаго университета. На собраніи, конечно, не было недостатка въ брани и насмѣшкахъ, и противъ Колумба былъ выставленъ цѣлый рядъ текстовъ изъ Священнаго Писанія и отцовъ церкви. Между тѣмъ братъ его Варѳоломей, вернувшійся изъ африканской экспедиціи Діаза, усиленно хлопоталъ при дворахъ англійскомъ (Генрихъ VII) и французскомъ (Карлъ VIII) объ осуществленіи плана Колумба, который послѣ открытія мыса Доброй Надежды долженъ былъ больше, чѣмъ когда-нибудь, почувствовать желаніе доказать превосходство своего собственнаго проекта. Въ 1489 г. Колумбъ снова въ Кордовѣ, но государи были слишкомъ заняты мавританскою войной, чтобы его выслушать.

Фердинандъ Арагонскій и Изабелла Кастильская.

Весной 1491 г. Колумбъ не могъ добиться аудіенціи у Фердинанда въ лагерѣ, гдѣ готовились къ осадѣ Гранады, и осенью, совершенно разбитый и утомленный, рѣшился отрясти съ ногъ своихъ прахъ Кастиліи и посмотрѣть, что можно сдѣлать во Франціи. Онъ отправился захватить сына Діего, жившаго у тетки въ Гуэльвѣ, близъ Палоса, въ Андалузіи.

Настойчивость Колумба.

Но тутъ, наконецъ, событія приняли благопріятный для него оборотъ. Судьба, наконецъ, утомилась бороться противъ такого непоколебимаго упорства. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ высокая фигура Колумба виднѣлась на улицахъ Севильи и Кордовы, и когда онъ проходилъ съ развѣвающимися по вѣтру бѣлокурыми волосами, съ воодушевленнымъ и энергичнымъ лицомъ или разстроенный отъ разочарованія при какой-нибудь новой неудачѣ, оборванные уличные мальчишки ударяли себя по лбу и съ удивленіемъ,

смѣшаннымъ съ насмѣшкой, смотрѣли на этого безумца. Семнадцать лѣтъ прошло со времени письма Тосканелли къ Мартинецу, и флорентійскій астрономъ давно уже лежалъ въ могилѣ. Старость приближалась уже и къ самому Колумбу. Мы можемъ представить себѣ, что когда Колумбъ выѣхалъ изъ Гуэльвы со своимъ маленькимъ сыномъ Діего, которому было тогда 11 или 12 лѣтъ, чтобы снова обратиться къ какому-нибудь иностранному правительству, его настроеніе было не особенно веселое. Дорогою, по преданію, чтобы попросить хлѣба и воды для своего мальчика, онъ остановился у монастыря la Rabida, близъ Палоса. Пріоръ Хуанъ Перецъ, бывшій исповѣдникъ Изабеллы, какъ человѣкъ воспріимчивый къ новымъ идеямъ, чрезвычайно заинтересовался Колумбомъ и внимательно выслушалъ его разсказы. Онъ послалъ за однимъ медикомъ въ Палосѣ, нѣсколько знакомымъ съ космографіей, и за Мартиномъ Алонзо Пинцономъ, зажиточнымъ корабельщикомъ и образованнымъ морякомъ, и въ этомъ спокойномъ монастырѣ началось совѣщаніе, во время котораго Колумбу удалось убѣдить своихъ новыхъ друзей. Пинцонъ объявилъ, что онъ лично готовъ отправиться въ путешествіе, а достопочтенный пріоръ отправилъ къ королевѣ письмо и очень скоро получилъ отъ нея требованіе пріѣхать къ ней въ лагерь Санта-Фе, подъ Гранадой. Черезъ нѣсколько дней Перецъ вернулся въ монастырь съ 20.000 maravedis (на нынѣшнія деньги около 118 долларовъ). На эти деньги Колумбъ купилъ себѣ новый костюмъ и мула и около 1-го сентября отправился въ Санта-Фе вмѣстѣ съ Хуаномъ Перецомъ. Немедленно послѣ прибытія Колумба въ лагерь его дѣло было разсмотрѣно въ собраніи ученыхъ мужей и было принято съ большею благосклонностью, чѣмъ прежде въ Саламанкѣ. Результатомъ конференціи было обѣщаніе королевы серьезно взяться за дѣло тотчасъ же послѣ взятія Гранады (2 янв. 1492 г.). Но въ эту рѣшительную минуту его жизни Колумбъ встрѣтилъ старое препятствіе. Съ гордостью и самоувѣренностью, нисколько не уменьшившимися въ эти долгіе годы испытанія, онъ требовалъ такихъ почестей и вознагражденій, которыя казались королевѣ чрезмѣрными. Ласъ-Казасъ горячо хвалитъ своего друга за это „великое постоянство и возвышенность души". Дѣло въ томъ, что Колумбъ имѣлъ другой великій планъ, и на свое морское предпріятіе онъ смотрѣлъ только какъ на средство для осуществленія этого плана.

Основная идея Колумба.

Онъ мечталъ сыграть роль второго Готфрида Бульонскаго и освободить Іерусалимъ отъ невѣрныхъ, послѣдователей Магомета.

Для подобнаго дѣла нужны были громадныя средства, Колумбъ и надѣялся получить ихъ изъ Сипанго, съ его покрытыми золотомъ храмами, и изъ безыменныхъ безчисленныхъ острововъ пряностей въ китайскихъ моряхъ. Непрерывная дума о дорогихъ проектахъ, въ которыхъ химеры смѣшивались съ предвидѣніемъ научныхъ истинъ, придала его характеру отпечатокъ религіознаго фанатизма. Онъ сталъ считать себя человѣкомъ, долженствующимъ совершить извѣстную миссію, орудіемъ воли Божіей для расширенія предѣловъ христіанства и для совершенія несказанно великихъ подвиговъ во славу Христа-Бога. При подобномъ настроеніи онъ былъ способенъ говорить съ королями съ видомъ равенства, совершенно несогласующимся съ его незнатнымъ происхожденіемъ и незначительными средствами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Талавера склоненъ былъ считать Колумба простымъ шарлатаномъ.

Переговоры были прерваны, и въ одинъ прекрасный зимній день (въ началѣ февраля 1492 года) неутомимый энтузіастъ выѣхалъ на своемъ мулѣ въ Кордову. Тогда казначей Арагоніи, Люи де Сантангелъ, защищавшій и раньше проектъ Колумба, вбѣжалъ въ покой королевы и сталъ говорить съ нею со страстной и даже рѣзкою энергіей человѣка, сознающаго, что утрачивается навсегда выгодный случай; его поддержали нѣкоторые изъ окружавшихъ королеву, которая такимъ образомъ была захвачена врасплохъ. За Колумбомъ былъ посланъ курьеръ, догнавшій его въ 6 миляхъ отъ Гранады. Тутъ на Колумба нашло минутное колебаніе; его охватили думы о жестокихъ проволочкахъ и неисполнявшихся обѣщаніяхъ въ прошломъ. Но вотъ онъ поворачиваетъ своего мула и ѣдетъ обратно въ городъ. Дѣло вновь пересмотрѣно, и скоро приходятъ къ соглашенію. Было условлено:

Договоръ.

(1-й пунктъ). „Что Колумбъ будетъ занимать пожизненно, а его наслѣдники на вѣчныя времена, должность адмирала всѣхъ тѣхъ земель, которыя онъ можетъ открыть въ океанѣ [1]).

(3-й пунктъ). Что онъ имѣетъ право сохранять за собою, за вычетомъ издержекъ, *десятую часть* всего жемчуга, драгоцѣнныхъ камней, золота, серебра, пряностей и всѣхъ другихъ товаровъ и продуктовъ, какимъ бы то ни было образомъ найденныхъ, купленныхъ, обмѣненныхъ или добытыхъ въ предѣлахъ его адмиралтейства".

Такъ какъ, кромѣ того, Колумбъ долженъ былъ вносить 8-ю

---

1) Черезъ нѣсколько дней Колумбъ былъ утвержденъ въ званіи адмирала и получилъ титулъ „донъ"; этотъ титулъ сдѣланъ наслѣдственнымъ въ его семействѣ, иначе говоря, ему было дано потомственное дворянство.

часть расходовъ по снаряженію кораблей, то друзья Колумба дали ему необходимую на первое время сумму. Значительная сумма была наложена на городъ Палосъ въ наказаніе за нѣкоторые проступки, совершенные его населеніемъ. Весьма вѣроятенъ разсказъ, что королева предполагала заложить свои брильянты, такъ какъ кастильская казна была истощена. Соглашеніе было подписано 17 апрѣля 1492 г., и Колумбъ *со слезами радости* далъ клятву отдать всѣ ожидаемыя имъ богатства *на освобожденіе Святого Гроба.*

2. Открытіе Америки.

а) Первое путешествіе Колумба.

Снаряженіе флота въ Палосѣ.

Когда Колумбъ пріѣхалъ съ королевскими приказаніями о сборѣ кораблей и людей въ маѣ мѣсяцѣ въ Палосъ, населеніе угрожало ему бунтомъ. Оно было раздражено этимъ проектомъ плаванія по „морю мрака", грозившаго имъ страшными бѣдствіями: стоны и проклятія встрѣтили извѣстіе о наложеніи принудительной контрибуціи. Это сопротивленіе населенія вызвало новый рѣшительный приказъ короля снарядить суда и экипажъ силой. Но тогда вмѣшались въ дѣло Мартинъ Пинцонъ и его братья, пользовавшіеся почетною извѣстностью, какъ мореплаватели; они повліяли на толпу, обѣщая лично участвовать въ путешествіи, и черезъ мѣсяцъ вооруженіе кораблей было закончено. Для того, чтобы вербовка шла успѣшнѣе, прощали долги и пріостанавливали гражданскіе и уголовные иски; изъ темницъ освобождали преступниковъ на томъ условіи, что они поступятъ на службу. На коронную службу было взято на неограниченное время три частныхъ каравеллы, при чемъ ренту и содержаніе двухъ изъ этихъ кораблей за 2 мѣсяца уплатилъ городъ. Самая большая каравелла, предназначенная для адмирала, называлась „Санта-Марія", или „Капитана", и представляла изъ себя однопалубное судно, около 90 футовъ длины и 20 ширины.

Вторая каравелла, болѣе быстрая на ходу, называлась „Пинта" и состояла подъ начальствомъ Мартина Пинцона, а 3-ья, и самая маленькая, была „Нина" („Малютка"). Ни на „Пинтѣ", ни на „Нинѣ" не было палубъ. На этихъ 3-хъ каравеллахъ было 90 человѣкъ, изъ которыхъ многіе были недовольны и готовы на всякое преступленіе.

Отъѣздъ Колумба.

Передъ отъѣздомъ, какъ Колумбъ, такъ и весь его экипажъ торжественно исповѣдались и причастились. Наконецъ, насталъ тотъ великій въ жизни Колумба моментъ, когда онъ могъ приступить къ осуществленію своихъ плановъ, къ которымъ онъ по-

истинѣ съ рѣдкою настойчивостью стремился въ продолженіе болѣе, чѣмъ восемнадцати лѣтъ. Въ пятницу, 3-го августа 1492 г., за часъ до восхода солнца, Колумбъ снялъ съ якоря свой маленькій флотъ, распустилъ паруса и вывелъ суда изъ неглубокаго рѣчного рейда Палоса. Онъ направился къ Канарскимъ островамъ, чтобы оттуда плыть къ сѣверной части Сипанго (Японіи); этотъ островъ находился на прямой дорогѣ къ Зайтону и другимъ китайскимъ городамъ, упоминаемымъ Марко Поло. Колумбъ плылъ по 28-й параллели. Уже въ первые дни этого путешествія начали проявляться признаки недовольства со стороны матросовъ. Руль „Пинты" былъ сломанъ и оторванъ отъ корабля, и Колумбъ подозрѣвалъ, что это было сдѣлано намѣренно двумя недовольными собственниками корабля, чтобы они и ихъ судно были оставлены; но на Канарскихъ островахъ, которые принадлежали Испаніи, произведены были починки. Въ эти дни моряки были страшно испуганы изверженіемъ Тенерифа, которое они приняли за дурное предзнаменованіе.

Открытое море.

Наконецъ, 6-го сентября двинулись дальше. Когда на слѣдующій день исчезъ на восточной части горизонта островъ Ферро, послѣдній изъ Канарскихъ острововъ, многіе изъ матросовъ начали громко жаловаться на свою несчастную судьбу; они кричали и рыдали, какъ дѣти. Колумбъ отлично понималъ, какъ трудно имѣть дѣло съ подобными людьми. Онъ старался уничтожить одинъ изъ главныхъ источниковъ недовольства, ведя 2 различныхъ корабельныхъ журнала: одинъ—вѣрный, для самого себя, и другой—съ уменьшенными цифрами, для офицеровъ и экипажа. Онъ былъ настолько ловокъ, что сумѣлъ не возбудить недовѣрія. Такъ, напримѣръ, проплывъ въ теченіе 24 часовъ 10 сентября 180 миль, онъ записалъ 144; на слѣдующій день проплыли 120 миль, а онъ записалъ 108 и т. д. Если бы не эта остроумная, хотя и недобросовѣстная, выдумка Колумба, то очень вѣроятно, что вскорѣ вспыхнулъ бы мятежъ и Колумбъ былъ бы выброшенъ за бортъ или принужденъ вернуться.

Волненіе экипажа.

Погода была превосходная, и путешествіе было бы однимъ изъ самыхъ пріятныхъ, если бы встревоженное воображеніе не мучило бѣдныхъ моряковъ предчувствіемъ различныхъ ужасовъ. Такъ, напримѣръ, ночью, 13 сентября, корабли прошли магнитный меридіанъ, и Колумбъ удивился, увидавъ, что игла компаса вмѣсто того, чтобы указывать нѣсколько вправо отъ полюса, начала сильно склоняться къ лѣвой сторонѣ. Было невозможно скрыть такой фактъ отъ проницательныхъ глазъ команды, и всѣ были охвачены ужасомъ при подозрѣніи, что этотъ дьявольскій инструментъ намѣренъ

сыграть съ ними какую-нибудь злую шутку въ наказаніе за ихъ смѣлость. Но у Колумба было готово остроумное астрономическое объясненіе, и вѣра команды въ его знанія была такъ велика, что побѣдила ея страхъ.

Второй разъ экипажъ испугался, когда корабли пришли къ огромнымъ воднымъ пространствамъ, покрытымъ водорослями и морскими травами, въ 800 миляхъ отъ Ферро; это — извѣстное море Саргассо, превышающее по величинѣ въ 6 разъ территорію Франціи [1]). Это море кажется моряку безконечнымъ зеленымъ лугомъ. Современные корабли безъ всякихъ затрудненій проходятъ по нему, и сначала столь же легко шли и каравеллы Колумба. Но черезъ 2 или 3 дня благодаря тому, что вѣтеръ былъ незначителенъ, ихъ ходъ нѣсколько замедлился. Не удивительно, что экипажъ испугался. Зрѣлище представлялось столь страннымъ и диковиннымъ, что оно невольно напоминало имъ старые фантастическіе разсказы о таинственныхъ непроходимыхъ моряхъ, среди которыхъ заблуждались и погибали корабли. Черезъ недѣлю въ корабельномъ журналѣ отмѣчено: „нѣтъ болѣе травы". Путешественники снова находились въ чистомъ морѣ, на разстояніи 1.400 географическихъ миль отъ Канарскихъ острововъ.

Опасное положеніе Колумба.

25-го сентября адмиралу пришлось подумать о томъ, какъ бы успокоить нетерпѣніе своего экипажа въ виду того, что до сихъ поръ еще не было видно берега. Въ этотъ день вечеромъ, можетъ быть вслѣдствіе миража, Колумбу и всѣмъ матросамъ показалось, что они видятъ передъ собою берегъ. По указанію своихъ командировъ, всѣ стали на колѣни и пропѣли „Gloria in excelsis" (Слава въ вышнихъ Богу); но на зарѣ слѣдующаго дня всѣ были жестоко разочарованы. Пролетъ странныхъ птицъ и другіе признаки, свидѣтельствовавшіе о близости земли, возбудили было опять блестящія надежды, но эти надежды были вскорѣ разрушены. Матросы послѣ припадка необычайной радости погрузились въ бездну отчаянія. Кто-то изъ матросовъ, можетъ быть, одинъ изъ освобожденныхъ преступниковъ, намекнулъ, что если ночью столкнуть потихоньку адмирала за бортъ, то впослѣдствіи можно будетъ совершенно безопасно сказать, что онъ смотрѣлъ на звѣзды, да и упалъ по неосторожности въ море. Положеніе Колумба становилось съ ка-

[1]) Положеніе этого моря Саргассо среди океана, кажется, обусловливается тѣмъ, что оно составляетъ нейтральную часть между двумя большими океаническими теченіями.

ждымъ днемъ все болѣе опаснымъ, и то обстоятельство, что онъ былъ итальянцемъ, начальствующимъ надъ испанцами, конечно, не служило ему въ пользу. Можетъ быть, онъ и спасся только благодаря смутной вѣрѣ его экипажа въ превосходство его свѣдѣній. Матросы чувствовали, что ихъ адмиралъ будетъ необходимъ имъ для обратнаго путешествія.

Перемѣна курса.

При восходѣ солнца 7 октября они находились на разстояніи болѣе, чѣмъ 2.700 географическихъ миль отъ Канарскихъ острововъ, т. е. дальше, чѣмъ адмиралъ считалъ разстояніе до Сипанго. Но на основаніи его ложныхъ отмѣтокъ они прошли только 2.200 миль. Онъ началъ бояться, не прошелъ ли къ сѣверу мимо Сипанго, и потому онъ измѣнилъ свой курсъ къ ЗЮЗ. Частые перелеты береговыхъ птицъ подтверждали его увѣренность, что неподалеку на юго-западѣ должна быть земля. Измѣненіе направленія курса было, вѣроятно, большимъ счастіемъ для Колумба. Если бы онъ продолжалъ держаться параллели, то, проплывъ болѣе 700 миль, онъ присталъ бы къ берегамъ Флориды или же Гольфстремъ незамѣтно унесъ бы маленькій флотъ къ Атлантическому берегу будущихъ Соединенныхъ Штатовъ, и флагъ Кастиліи водрузился бы въ Каролинѣ. Теперь ему нужно было проплыть только около 500 миль, но настроеніе матросовъ дѣлалось съ каждою милей все опаснѣе и опаснѣе [1]).

Знаменательная ночь съ 11 на 12 октября 1492 года.

11 октября, когда признаки близости земли сдѣлались несомнѣнными, среди экипажа господствовало сильнѣйшее возбужденіе. Тому, кто первый увидитъ берегъ, была обѣщана награда въ 10.000 maravedis, и въ роковую ночь съ 11 на 12 октября 90 паръ глазъ ни на минуту не смыкались. Можемъ себѣ представить, съ какимъ глубокимъ волненіемъ вглядывался великій энтузіастъ въ таинственную даль въ эти знаменательныя для него мгновенія; сердце его усиленно билось, и глаза его смотрѣли съ удвоенною зоркостью. Каравеллы въ сумракѣ почти плавно неслись съ горстью смѣльчаковъ все ближе и ближе къ невѣдомой землѣ, и въ этой ночной картинѣ чувствовалось что-то торжественное: наступала одна изъ величайшихъ минутъ въ исторіи человѣчества. Около 10 часовъ адмиралъ, стоявшій на высокой кормѣ своего корабля, увидалъ далекій движущійся свѣтъ, какъ будто кто-то бѣжалъ по берегу съ факеломъ. Въ этомъ показаніи сначала усомнились, но черезъ нѣ-

[1]) Разсказъ о согласіи Колумба вернуться, если не увидятъ берега черезъ 3 дня, опровергается журналомъ адмирала, доказывающимъ, что онъ до послѣдняго дня сохранялъ непобѣдимую рѣшимость.

сколько часовъ одинъ матросъ на „Пинтѣ“ ясно увидалъ землю и съ крикомъ: „Tierra! Tierra!“ бросился къ ближайшему орудію, чтобы дать условленный сигналъ; вскорѣ и всѣ увидали въ пяти миляхъ отъ кораблей длинный низкій берегъ. Это было въ 2 часа утра въ пятницу 12 октября (по новому стилю 21 октября), какъ разъ черезъ 10 недѣль послѣ отплытія изъ Палоса и черезъ 33 дня послѣ того, какъ они потеряли изъ виду берега острова Ферро. Паруса были убраны, и корабли стали на якорь въ ожиданіи восхода солнца.

Утромъ были спущены лодки, и Колумбъ въ парадной адмиральской одеждѣ съ большею частью своего экипажа отправился на берегъ, чтобы водрузить тамъ испанское знамя. Со всѣхъ сторонъ росли неизвѣстныя деревья, и ландшафтъ казался необычайно прекраснымъ. Матросы, будучи въ полной увѣренности, что они достигли искомой цѣли, опьянѣли отъ радости. Головы ихъ вскружились отъ мечтаній о тѣхъ богатствахъ, которыя находятся отъ нихъ теперь такъ близко. Офицеры обнимали Колумба, цѣловали его руки, а матросы бросались къ его ногамъ, умоляя о прощеніи и милости.

Встрѣча съ дикарями.

На всю эту сцену съ несказаннымъ удивленіемъ смотрѣла толпа совершенно голыхъ дикарей мѣднокраснаго цвѣта, намазанныхъ жиромъ и разрисованныхъ. Они полагали, что корабли суть морскія чудовища, а бѣлые люди—сошедшія съ неба, сверхъестественныя существа. Сначала, когда эти страшныя существа сошли на берегъ, дикари убѣжали въ ужасѣ, но когда увидѣли, что имъ не дѣлаютъ ничего дурного, любопытство начало побѣждать страхъ, и они медленно начали приближаться къ испанцамъ, останавливаясь на каждомъ шагу и падая на землю въ знакъ обожанія. Черезъ нѣкоторое время, такъ какъ испанцы поощряли ихъ поклонами и улыбками, они настолько расхрабрились, что подошли къ путешественникамъ и начали ихъ ощупывать.

На основаніи африканскаго опыта испанцы знали, что дикари съ готовностью отдаютъ все цѣнное за бездѣлушки, и начали мѣнять стеклянные бусы и бубенчики на бумажныя ткани, дротики съ наконечниками изъ рыбьихъ костей, ручныхъ попугаевъ и небольшія золотыя украшенія. Начался мимическій разговоръ, и естественно, что Колумбъ истолковывалъ все сообразно со своими теоріями. Когда туземцы на вопросы, откуда они взяли свое золото, указывали на югъ, Колумбу казалось, что тамъ долженъ находиться роскошный Сипанго. Островъ оказался невеликъ, и дикари

называли его Гуанахани. Колумбъ формально завладѣлъ имъ отъ имени Кастиліи и далъ ему христіанское названіе Санъ-Сальвадоръ (Спаситель); это, по всей вѣроятности, островъ, теперь извѣстный подъ именемъ Samana, или Atwood's Cay (въ группѣ Лукайскихъ, или Багамскихъ острововъ).

Колумбъ, правда, не нашелъ никакихъ пряностей или цѣнныхъ травъ, но воздухъ былъ полонъ благоуханіями, деревья и травы были весьма оригинальны по своему виду, такъ что онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ существованіи пряностей. 25 октября Колумбъ отплылъ на югъ, какъ ему казалось, къ Японіи (Сипанго); оттуда черезъ 10 дней онъ попадетъ въ Китай, гдѣ и передастъ великому хану дружеское письмо, врученное ему Фердинандомъ и Изабеллой. Но, увы! мечтамъ Колумба не суждено было исполниться.

Воображаемая Японія.

Придя въ Кубу, адмиралъ былъ очарованъ удивительною красотой ландшафта: повидимому, онъ былъ необыкновенно воспріимчивъ къ красотамъ природы. Онъ нашелъ на берегу жемчужныя раковины, и, несмотря на то, что онъ не видалъ еще блестящихъ городовъ, онъ не сомнѣвался, что нашелъ Сипанго. Но его попытки объясниться съ туземцами не привели ни къ какому результату. Онъ понялъ ихъ такъ, будто Куба составляетъ часть Азіатскаго материка и что недалеко живетъ царь, воюющій съ великимъ ханомъ.

Колумбъ отправилъ 2-хъ пословъ искать этого царя, между прочимъ крещенаго еврея, знакомаго съ арабскимъ языкомъ, который былъ распространенъ до восточныхъ предѣловъ Азіи. Эти послы нашли красивыя деревни съ большими домами [1]); на поляхъ—маисъ, картофель, табакъ. Они видѣли мужчинъ и женщинъ, курящихъ сигары, и имъ, конечно, и въ голову не пришло, что это сильно пахучее растеніе можетъ составить источникъ дохода, гораздо болѣе значительный, чѣмъ всѣ пряности востока. Они прошли поля, на которыхъ росъ хлопчатникъ, и видѣли въ домахъ тюки хлопка, изъ котораго ткали грубую ткань или скручивали и дѣлали сѣти. Но они не нашли ни городовъ, ни царей, ни золота, ни пряностей и послѣ безплодныхъ поисковъ вернулись къ берегу нѣсколько разочарованные.

Колумбъ теперь нѣсколько смутился и сталъ колебаться. Если это азіатскій материкъ, то, стало быть, этотъ материкъ ближе,

---

[1]) Постели индійцевъ имѣли видъ сѣтей, подвѣшенныхъ между сваями, и назывались „гамаки“.

чѣмъ онъ предполагалъ. Но гдѣ же тогда Сипанго? Колумбъ узналъ отъ туземцевъ, что къ юго-востоку находится большой островъ, изобилующій золотомъ, и онъ поплылъ въ этомъ направленіи. 20 ноября дезертировалъ Мартинъ Пинцонъ, корабль котораго былъ быстрѣе другихъ. Кажется, Пинцонъ намѣревался попасть домой раньше своихъ товарищей, что дало бы ему возможность требовать почестей за открытіе пути въ Индію. Между тѣмъ Колумбъ медленно подвигался къ югу вдоль Кубы; ему казалось, что онъ нашелъ въ рѣкахъ признаки золота. Когда онъ достигъ мыса, на юго-восточномъ концѣ острова, онъ назвалъ его Альфой и Омегой, такъ какъ считалъ его краемъ Азіи. 6 декабря онъ высадился на островъ Гаити, который назвалъ Испаньола. Здѣсь туземцы говорили ему о странѣ Сибао, въ которой адмиралу слышалось Сипанго. Наконецъ-то онъ нашелъ этотъ чудесный островъ, но тутъ внезапное и серьезное несчастіе совершенно измѣнило его планы. Утромъ на Рождествѣ, на самой зарѣ, благодаря неосторожности и несоблюденію приказаній адмирала, корабль сѣлъ на мель; всѣ попытки стащить его съ мели оказались напрасными, и волны скоро разбили его на куски.

Возвращеніе въ Европу.

Отъ маленькаго флота Колумба теперь осталась только крошечная „Нина“. Поневолѣ пришлось задаться вопросомъ: что, если они погибнутъ или будутъ выброшены на эти чужіе берега раньше, чѣмъ извѣстіе объ ихъ успѣхѣ достигнетъ Европы? Тогда имя Колумба сдѣлается притчей во языцѣхъ, и его роковая и таинственная судьба только отвратитъ другихъ мореплавателей отъ намѣренія итти по этому пути. Очевидно, необходимо было вернуться въ Испанію и разсказать, что имъ удалось сдѣлать. Тогда будетъ легко получить корабли и матросовъ для новаго путешествія.

Это рѣшеніе повело къ основанію небольшой колоніи на Испаньолѣ. Вся компанія не могла вернуться на небольшомъ кораблѣ, и очень многіе просили оставить ихъ, такъ какъ жизнь на островѣ показалась имъ довольно привольною, а туземцы казались расположенными къ нимъ. Въ фортѣ „Рождественскомъ“ (La Navidad), построенномъ частью изъ обломковъ разбитаго корабля, оставлены были 40 человѣкъ и провизія на цѣлый годъ, а остальные (4 января 1493 года) сѣли на „Нину“ и отплыли въ Испанію. „Пинта“ была вскорѣ настигнута, при чемъ Пинцонъ старался оправдать свое отсутствіе, „говоря, что ушелъ противъ воли“. По дорогѣ въ Европу они выдержали сильнѣйшую бурю, которая заставила Колумба описать открытіе на пергаменѣ, положить его въ боченокъ

и бросить въ море. Наконецъ, 15 марта 1493 г., въ полдень, Колумбъ прибылъ въ гавань Палоса и бросилъ якорь въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда семь мѣсяцевъ назадъ онъ снялся съ якоря на „Санта-Маріи". Народъ узналъ его маленькую каравеллу; разсказъ о его приключеніяхъ быстро распространился по городу, и въ этотъ день всѣ дѣла были заброшены. Къ вечеру, въ то время, какъ звонили во всѣ колокола и улицы были освѣщены факелами, въ гавань вошелъ другой корабль и бросилъ якорь. Это была „Пинта". Буря загнала ее въ Байону (на сѣв.-зап. Испаніи), откуда Мартинъ Пинцонъ тотчасъ же отправилъ письмо къ Фердинанду и Изабеллѣ, требуя награды, но ему воспрещено было показываться при дворѣ, послѣ чего Пинцонъ вскорѣ умеръ, говорятъ, отъ огорченія. Адмирала изъ Севильи, куда онъ уѣхалъ, потребовали ко двору въ Барселону, гдѣ онъ и былъ принятъ съ необыкновенными почестями. Ему было приказано сѣсть въ присутствіи государей — честь, которую обыкновенно оказывали только лицамъ королевской крови. Особенный интересъ возбудили чучела птицъ и небольшихъ млекопитающихъ, живые попугаи, коллекція цѣлебныхъ травъ, нѣсколько перловъ и золотыхъ бездѣлушекъ, и особенно 6 раскрашенныхъ дикарей съ Испаньолы; ихъ, конечно, считали обитателями Индіи, т. е. индійцами. Всѣ полагали, что теперь найдена прямая дорога, гораздо болѣе короткая, чѣмъ та, которую такъ долго искали португальцы, къ неизмѣримо богатымъ странамъ, описаннымъ Марко Поло. Адмиралу было легко теперь добыть денегъ и людей для второго путешествія. Когда онъ, 25 сентября 1493 года отплылъ изъ Кадикса, то у него было уже 17 кораблей и 1500 человѣкъ экипажа. Всѣ эти люди мечтали о мраморныхъ дворцахъ Кинсея, объ островахъ пряностей, о неизмѣримыхъ сокровищахъ Востока. Государи плакали отъ радости при мысли о томъ, что эти несказанныя богатства дарованы имъ по волѣ Бога въ награду за ихъ побѣду надъ гранадскими маврами и за изгнаніе изъ Испаніи евреевъ [1]). Колумбъ раздѣлялъ эти взгляды и полагалъ, что ему предопредѣлено быть орудіемъ для выполненія Божественной воли. Онъ повторилъ свой обѣтъ освободить Св. Гробъ и обѣщалъ въ теченіе семи слѣдующихъ лѣтъ снарядить армію крестоносцевъ изъ 50.000 человѣкъ пѣхоты и изъ 4.000 конницы, а въ слѣдующія за этимъ 5 лѣтъ онъ долженъ былъ послѣдовать самъ со второю такою же арміей.

Почести при дворѣ.

[1]) По указу отъ 30-го марта 1492 г.—200.000 евреевъ должны были оставить свои дома и свою родину.

Такимъ образомъ, Америка, собственно говоря, еще не была открыта въ 1492 году; открытіе ея было процессомъ постепеннымъ.

б) Остальныя три путешествія.

Разростающійся интересъ къ предпріятію Колумба.

Въ противоположность первому путешествію, когда всѣ, кромѣ немногихъ преданныхъ друзей, считали Колумба сумасшедшимъ, идущимъ на погибель, теперь, при началѣ второго путешествія, люди сбѣгались не со стонами, а съ веселыми пѣснями, и многіе въ Италіи, Франціи и Англіи съ интересомъ наблюдали за исторіей этого плаванія.

Въ это время давнишнимъ соперничествомъ Испаніи и Португаліи вызвана была знаменитая Демаркаціонная папская булла Александра VI, которая проводила линію по меридіану въ 100 лигахъ (лига — 3 мили) къ западу отъ Азорскихъ островов и постановляла, что всѣ земли, какія будутъ открыты на западъ отъ этой линіи, должны принадлежать Испаніи, а всѣ, находящіяся на востокъ отъ нея, предоставляются Португаліи.

Второе путешествіе.

Во второмъ путешествіи (1493 г.) участвовало много молодыхъ аристократовъ, горячихъ и надутыхъ гидальго, которыхъ взятіе Гранады оставило безъ дѣла; эти люди впослѣдствіи причинили не мало страданій адмиралу. На Канарскихъ островахъ Колумбъ забралъ козъ, овецъ, телятъ, свиней и домашнихъ птицъ, потому что онъ былъ пораженъ отсутствіемъ всѣхъ этихъ животныхъ на посѣщенныхъ имъ берегахъ. Въ это путешествіе испанцы впервые познакомились съ людоѣдами, которыхъ называли карибами, карибалами, или каннибалами, при чемъ впослѣдствіи это названіе сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія людоѣдовъ. Когда испанцы прибыли въ гавань Ла-Навидадъ, имъ представилось печальное зрѣлище. Крѣпость была сожжена, въ домахъ туземцевъ были найдены европейскія орудія и остатки платья, а близъ форта одиннадцать зарытыхъ испанскихъ труповъ. Колонія была истреблена вся безъ остатка, повидимому, вслѣдствіе безпощадныхъ насилій надъ туземцами грубыхъ моряковъ. Вновь утвердившись въ другомъ болѣе удобномъ мѣстѣ и построивши фортъ Изабеллу, Колумбъ отправился изслѣдовать страну Сибао (т. е. островъ Гаити), но условія жизни дикарей нисколько не напоминали описанія Сипанго, сдѣланнаго Марко Поло. Затѣмъ Колумбъ поплылъ вдоль южнаго берега Кубы; здѣсь онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ плыветъ вдоль восточнаго края Китая, тѣмъ болѣе,

что въ зобахъ зарѣзанныхъ голубей испанцы нашли пряности и часто слышали названіе Мангонъ, напоминавшее богатѣйшую страну Манги, въ которой находился городъ Зайтонъ.

Планъ кругосвѣтнаго путешествія.

Вскорѣ Колумбъ замѣтилъ, что берегъ направляется къ юго-западу, и ему стало ясно, что онъ теперь достигнетъ полуострова (Малакки), который Птоломей назвалъ „Золотымъ Херсонесомъ". Въ умѣ Колумба составился грандіозный планъ. Если онъ обойдетъ этотъ полуостровъ, то онъ найдетъ дорогу къ устью рѣки Ганга. Оттуда онъ переплыветъ Индійскій океанъ, пройдетъ мимо мыса Доброй Надежды и возвратится такимъ образомъ въ Испанію, совершивъ кругосвѣтное плаваніе. Къ несчастію, въ судахъ его открылась течь; морская вода перепортила всѣ припасы; неустанный трудъ расшаталъ здоровье матросовъ. Экипажъ началъ громко роптать, не желая ѣхать дальше, и адмиралъ понялъ, что совершить съ такими людьми задуманное имъ путешествіе было бы невозможно; онъ рѣшился вернуться въ Испаньолу. Мысъ, гдѣ адмиралъ впервые убѣдился въ значеніи направленія берега, названъ былъ имъ мысомъ Доброй Надежды, такъ какъ онъ полагалъ, что этотъ мысъ гораздо ближе къ искомой всѣми цѣли, чѣмъ другой мысъ того же имени, открытый 7 лѣтъ тому назадъ Діазомъ.

Между тѣмъ, во время пятимѣсячнаго отсутствія Колумба насилія испанцевъ надъ индійцами вызвали среди послѣднихъ рядъ возстаній, такъ что по возвращеніи въ Изабеллу Колумбъ долженъ былъ цѣлый годъ провести за труднымъ дѣломъ защиты колоніи отъ доведенныхъ до крайняго озлобленія краснокожихъ и усмиренія творившихъ насилія испанцевъ. Понятно, что не было недостатка въ жалобахъ недовольныхъ, и Колумбъ понялъ, что необходимо отправиться въ Испанію и лично объясниться съ государями. Къ счастію для него, какъ разъ передъ его отплытіемъ въ южной части острова открыты были богатые золотые рудники въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи основано было поселеніе Санъ-Доминго. Колумбъ былъ убѣжденъ, что открылъ Офиръ Соломона, откуда добывалось золото для великаго храма. На время своего отсутствія онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ (аделантадо) брата Варооломея.

Третье путешествіе.

Въ Испаніи Колумбъ былъ принятъ милостиво, и о жалобахъ на него ни слова не было сказано. Государи обѣщали ему доставить корабли для третьяго путешествія, но они были приготовлены

только позднею весной 1498 г. [1]). На этотъ разъ Колумбъ направился къ островамъ Зеленаго мыса, а оттуда къ юго-западу, надѣясь приблизиться къ Золотому Херсонесу (Малаккѣ), объѣхавъ который, онъ могъ бы войти въ Индійскій океанъ. Это южное плаваніе привело его въ поясъ штилей, т. е. въ нейтральный поясъ между сѣверными и южными пассатами, нѣсколько къ сѣверу отъ экватора. „Вѣтеръ внезапно стихъ, — говоритъ Ирвингъ, — и началось мертвенное спокойствіе, продолжавшееся въ теченіе 8 дней. Воздухъ былъ раскаленъ какъ въ печкѣ, смола таяла, всѣ щели корабля раскрылись, соленое мясо сгнило, а мука подпеклась, какъ на огнѣ; изъ боченковъ съ виномъ и водой выскочили пробки; нѣкоторыя изъ этихъ боченковъ треснули, другіе разорвало; жаръ подъ палубой былъ такой ужасный, что никто не могъ сойти внизъ и остановить начавшееся разрушеніе. Матросы теряли силы и падали отъ жары. Казалось, что осуществляется старая басня о „жаркомъ поясѣ“ и что они приближаются къ „огненной области, гдѣ люди не могутъ существовать“. Самому адмиралу требовалась вся сила его мужества, чтобы сохранять спокойный видъ посреди мучительныхъ приступовъ подагры, которые изнуряли его. Несмотря на это, сильное экваторіальное теченіе спокойно несло корабли, съ большею скоростью, чѣмъ подозрѣвалъ адмиралъ, къ сѣверо-западу, и въ то время, когда корабли ихъ дали ужасную течь и у нихъ уже почти не оставалось прѣсной воды, они увидали, наконецъ, землю, на которой возвышались три остроконечныхъ вершины. Это былъ островъ близъ дельты рѣки Ориноко, которому Колумбъ далъ названіе Тринидадъ (островъ св. Троицы).

Открытіе Южной Америки.

Убѣдившись, что вода потока, который чуть было не потопилъ корабли, совершенно прѣсная, и видя громадныя волны этой рѣки, Колумбъ естественно заключилъ, что такой большой потокъ прѣсной воды можетъ течь только по материку; и этотъ совершенно неизвѣстный материкъ простирался очень далеко къ югу, не будучи изображенъ на картѣ Тосканелли. 5 августа 1498 г. Колумбъ подошелъ къ берегу материка и, можетъ быть, именно въ этомъ мѣстѣ испанцы впервые ступили на берегъ южной Америки.

Колумбъ зналъ, что земля есть круглое тѣло, но не видѣлъ необходимости, чтобы она была строго сфероидальною. Теперь онъ

[1]) Въ промежутокъ между вторымъ и третьимъ путешествіемъ Колумба венеціанецъ, переселившійся въ Англію, Джонъ *Кабот*ъ, въ царствованіе Генриха VII, отправился изъ Бристоля на западъ и открылъ сѣверную Америку (1497 г.).

предположилъ, что она имѣетъ, вѣроятно, форму груши, очень толстой и почти сферической въ нижней ея части, но съ короткою и тупою вершиной, въ которой находятся экваторіальныя страны. Онъ вообразилъ, что онъ плылъ по небольшому склону и что вновь открытая имъ громадная рѣка ведетъ прямо къ вершинѣ міра, къ тому мѣсту, гдѣ, по всей вѣроятности, находится земной рай, садъ, насажденный Господомъ на востокѣ, въ Эдемѣ [1]). Колумбъ полагалъ, что открытый имъ материкъ отдѣленъ отъ Кохинхины (Кубы) и Малакки проливомъ, черезъ который онъ пройдетъ въ Индійскій океанъ, но дольше продолжать путешествіе онъ не былъ въ силахъ вслѣдствіе болѣзни глазъ и мучительныхъ припадковъ подагры. Когда онъ прибылъ на Испаньолу, ему пришлось провести два несчастныхъ года въ попыткахъ возстановить тамъ порядокъ, и въ это время недоброжелатели Колумба старались посолить въ государяхъ недовѣріе къ адмиралу; очень многіе изъ спутниковъ Колумба, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ обогатиться, жаловались Фердинанду на „иноземнаго авантюриста, основавшаго подъ названіемъ города Изабеллы кладбище для кастильскихъ дворянъ". Наконецъ, Фердинандъ и Изабелла рѣшились послать въ Испаньолу уполномоченнаго произвести слѣдствіе и прекратить раздоры. Слава, пріобрѣтенная Колумбомъ, въ первое время послѣ открытія „Индіи", нѣсколько поблекла. Предпріятіе не давало доходовъ и требовало большихъ издержекъ. А между тѣмъ около этого времени случилось великое событіе, еще ухудшившее положеніе дѣлъ Колумба. Лѣтомъ 1499 г. вернулся изъ своего путешествія вокругъ Африки Васко-де-Гама, бросившій якорь въ Калькуттѣ десятью днями раньше, чѣмъ Колумбъ отправился въ третье свое путешествіе. Въ торжествѣ Гамы не было ничего спорнаго. Онъ видѣлъ блестящіе города, разговаривалъ съ могущественными раджами и встрѣтилъ арабскій корабль, экипажъ котораго пришелъ въ безумную ярость, увидѣвъ въ этихъ водахъ христіанъ. Онъ привезъ съ собою въ Лиссабонъ мускатные орѣхи и корицу, перецъ и имбирь, рубины и изумруды, платье изъ дамасскаго шелка, бронзовыя кресла съ подушками, трубы изъ слоновой кости, блестящій малиновый шелкъ, мечъ въ серебряныхъ ножнахъ и множество тому подобныхъ предметовъ. Была найдена древняя цивилизація, открыта торговая дорога, и немедленно же основана факторія на этомъ ин-

Торжество Васко-де-Гамы.

[1]) Въ средніе вѣка обыкновенно полагали, что земной рай находится на вершинѣ горы. См. Данте: „Purgatorio", canto XXVIII.

дійскомъ берегу. Какой контрастъ съ мизерными дѣлами Колумба, отправившагося въ богатое Сипанго съ цвѣтомъ испанскаго рыцарства и приведшаго ихъ въ страну, гдѣ они должны были или голодать или работать, какъ простонародье, тогда какъ самъ онъ проводилъ время, крейсируя среди дикихъ острововъ. Португальскій король могъ теперь торжествовать надъ Фердинандомъ и Изабеллой, и нельзя удивляться, что у огорченныхъ государей могло появиться нѣкоторое сомнѣніе, не есть ли этотъ генуэзскій морякъ просто шарлатанъ или сумасшедшій.

Пріѣздъ въ Испаньолу Бобадиллы и арестъ Колумба.

Для изслѣдованія положенія дѣлъ въ Испаньолѣ былъ отправленъ туда Франциско-де-Бобадилла, коммодоръ ордена Колатравы. Онъ везъ съ собой нѣсколько документовъ; 1-й изъ нихъ повелѣвалъ ему произвести слѣдствіе и наказать преступниковъ; 2-й назначалъ его губернаторомъ, а 3-й повелѣвалъ Колумбу и его братьямъ передать ему всѣ крѣпости и всякую другую государственную собственность. Онъ имѣлъ право употребить въ дѣло два послѣднихъ документа только въ томъ случаѣ, если будутъ доказаны крупныя злоупотребленія со стороны Колумба. Когда Бобадилла (въ 1500 г.) прибылъ въ Санъ-Доминго, возстаніе было уже подавлено, и порядокъ на всемъ островѣ возстановленъ. Но Бобадилла немедленно же разрушилъ все сдѣланное Колумбомъ. Онъ велѣлъ прочитать одинъ за другимъ всѣ предписанія государей, и такимъ образомъ сразу очутился на вершинѣ своихъ полномочій. Онъ заковалъ Колумба и его братьевъ въ оковы и заключилъ ихъ въ тюрьму, причемъ имъ даже не сообщили, въ чемъ собственно ихъ обвиняютъ. Когда же мятежники доставили Бобадиллѣ нѣчто въ родѣ обвиненій противъ адмирала и его братьевъ, онъ посадилъ ихъ въ оковахъ на корабль и отправилъ въ Испанію.

Хозяинъ корабля, возмущенный видомъ кандаловъ на такомъ человѣкѣ, какъ адмиралъ, хотѣлъ снять ихъ, но Колумбъ не позволилъ ему сдѣлать этого. „Нѣтъ,—сказалъ онъ,—мои государи повелѣли мнѣ повиноваться, а Бобадилла надѣлъ на меня кандалы: я останусь въ этихъ цѣпяхъ, пока королевскимъ приказомъ не будетъ повелѣно снять ихъ, и я сохраню ихъ на память о своихъ заслугахъ“ [1]).

Видъ величественной и почтенной фигуры адмирала, когда онъ въ одинъ изъ декабрьскихъ дней 1500 г. проходилъ въ цѣпяхъ

[1]) Фердинандъ Колумбъ говоритъ, что онъ видѣлъ эти оковы въ комнатѣ своего отца и что Колумбъ хотѣлъ, чтобы ихъ положили съ нимъ въ могилу.

по улицамъ Кадикса, возбудилъ народную симпатію къ нему и негодованіе противъ его преслѣдователей. Еще на кораблѣ онъ написалъ или продиктовалъ прекрасное и трогательное письмо къ одной изъ приближенныхъ королевы. Тотчасъ же въ Кадиксъ былъ отправленъ курьеръ съ приказомъ освободить братьевъ и съ письмомъ къ адмиралу, приглашавшимъ его ко двору. Сцена въ Альгамбрѣ, послѣдовавшая за прибытіемъ Колумба, есть одна изъ самыхъ трогательныхъ сценъ въ исторіи его жизни. Королева приняла его со слезами на глазахъ, и этотъ много вынесшій старикъ, гордый и повелительный духъ котораго такъ долго боролся противъ всѣхъ несчастій и оскорбленій, теперь не выдержалъ: въ слезахъ и конвульсивно рыдая, онъ упалъ къ ногамъ своей государыни.

Государи офиціально не обратили никакого вниманія на обвиненія Бобадиллы противъ адмирала и увѣрили послѣдняго, что онъ получитъ вознагражденіе за свои потери и будетъ возстановленъ въ своемъ званіи вице-короля и другихъ достоинствахъ. Это послѣднее обѣщаніе не было однако исполнено, такъ какъ государи могли притти къ здравому заключенію, что въ настоящее время невозможно поручить управленіе недисциплинированнымъ сбродомъ на Испаньолѣ иностранцу, и туда былъ посланъ Овандо, который отправился на 30 корабляхъ съ 2.500 людей, такъ какъ опять пробудилась вѣра въ Индію: въ рудникахъ Испаньолы начали добывать много золота.

Четвертое и послѣднее путешествіе Колумба.

Тѣмъ не менѣе государи снарядили флотъ изъ 4-хъ небольшихъ каравеллъ съ экипажемъ въ 150 человѣкъ и отправили Колумба для новыхъ открытій: подвиги Гамы казались гораздо выше подвиговъ Колумба, и Испанія должна была во что бы то ни стало опередить Португалію.

Колумбъ рѣшилъ возвратиться къ берегамъ Кохинхины (Кубы) и плыть вдоль берега къ юго-западу до тѣхъ поръ, пока не найдетъ прохода между „Райскимъ материкомъ“ (Южною Америкой) и Золотымъ Херсонесомъ (Малаккой) въ Индійскій океанъ, ибо Марко Поло проплылъ изъ Китая въ Индійскій океанъ, не встрѣтивъ большого материка, который приходилось бы обогнуть. Такимъ образомъ по западному пути онъ можетъ достигнуть тѣхъ же самыхъ береговъ Индостана, которыхъ Гама достигъ, плывя на востокъ. Онъ былъ настолько увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія, что написалъ папѣ Александру VI письмо, возобновляя обѣтъ доставить войска для освобожденія Святого Гроба. Его несчастія дѣлали его все болѣе и болѣе мистикомъ. Онъ утѣшалъ

Мистицизмъ Колумба.

себя вѣрой, что онъ—избранное орудіе въ рукахъ Провидѣнія для расширенія предѣловъ христіанства. Во время этого 4-го путешествія (1502—1504 гг.) Колумбъ, плывя вдоль береговъ центральной Америки, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ безуспѣшно искалъ прохода въ Индійскій океанъ, и его все болѣе и болѣе охватывало безнадежное отчаяніе. Въ этотъ промежутокъ времени вслѣдствіе кораблекрушенія онъ провелъ болѣе года на о. Ямайкѣ [1]. По возвращеніи въ Испанію больной Колумбъ былъ пораженъ новымъ ударомъ: скончалась королева — единственная покровительница, которая могла бы его поддержать. Послѣдніе 18 мѣсяцевъ жизни адмирала прошли въ болѣзни и бѣдности.

Смерть Колумба.

Вынесенныя имъ страданія и разочарованія сломили его силы, и въ день Вознесенія, 20 мая 1506 г., онъ скончался въ Вальядолидѣ. Его смерть прошла совершенно незамѣченною. Останки его были зарыты въ францисканскомъ монастырѣ, оттуда въ 1513 г. перенесены въ Севилью, потомъ въ Испаньолу, въ соборъ Санъ-Доминго, а оттуда, наконецъ, въ Гавану. Такой частый перенось праха Колумба возбудилъ справедливое сомнѣніе, дѣйствительно ли покоющіяся теперь въ Гаванѣ кости принадлежатъ Колумбу.

Происхожденіе слова „Америка".

Колумбъ раздѣлилъ со многими другими геніальными людьми ту судьбу, что не воспользовался плодами своей дѣятельности. Не была даже названа его именемъ часть свѣта, которую онъ открылъ. Этой чести удостоилось имя флорентійца, бывшаго на португаль-

[1] Источники передаютъ слѣдующій разсказъ, относящійся ко времени его пребыванія на этомъ островѣ. Однажды благодаря безчинствамъ надъ дикарями части экипажа, съ которой Колумбу трудно было справиться, островитяне прекратили подвозъ провіанта и обмѣнъ его. Между тѣмъ астрономическія таблицы дали Колумбу возможность узнать, когда наступитъ затменіе луны (29 февраля 1504 г.); незадолго до затменія онъ поспѣшилъ созвать нѣсколько сосѣднихъ кациковъ (старшинъ-родоначальниковъ). Онъ сказалъ имъ, что Богъ испанцевъ разсердился на индійцевъ, такъ какъ они не хотятъ кормить его народъ; за это онъ накажетъ ихъ, отнявъ у нихъ луну и предавъ ихъ всѣмъ бѣдамъ, какія они вызвали своимъ поведеніемъ. Когда наступила ночь и тѣнь закрыла мѣсяцъ, поднялся отовсюду вопль ужаса, и перепуганные кацики обѣщали доставить Колумбу провизію. Они бросились къ ногамъ адмирала, умоляя о защитѣ. Колумбъ удалился какъ бы для переговоровъ съ всемогущимъ Духомъ, и въ ту самую минуту, когда затменіе должно было прекратиться, онъ появился, чтобы сказать индійцамъ, что своею покорностью они смягчили гнѣвъ Божества и увидятъ сейчасъ знакъ его благоволенія. Понемногу мѣсяцъ вышелъ изъ-за тѣни, и когда на ясномъ небѣ вновь появилось ночное свѣтило, удивленію индійцевъ не было предѣловъ. Послѣ этого Колумбу никогда не приходилось бояться голода.

ской службѣ, Америго Веспуччи, совершившаго нѣсколько путешествій въ Новый Свѣтъ и описавшаго ихъ въ своихъ письмахъ. Въ одномъ изъ нихъ (изъ Лиссабона отъ 1503 г.), адресованномъ имъ къ Лоренцо Медичи, мы впервые встрѣчаемъ выраженіе „Новый Свѣтъ“ (Mundus Novus), которое въ 1504 г. появляется уже въ заголовкѣ латинскаго перевода этого письма, сдѣланнаго знаменитымъ архитекторомъ того времени Жіокондо и выдержавшаго въ томъ же году до 11 латинскихъ изданій, а къ 1506 г., кромѣ того, еще до 8 нѣмецкихъ. Но это названіе „Новый Свѣтъ“ имѣло тогда совершенно другое значеніе, чѣмъ въ наше время. Тогда въ умахъ людей, впервые употреблявшихъ названіе „Новый Свѣтъ“, существенною частью понятія о немъ было то, что это—свѣтъ, лежащій *къ югу отъ экватора* и неизвѣстный писателямъ древняго времени; при чемъ, противопоставляя Новый Свѣтъ Старому, противопоставляли не западное полушаріе восточному, какъ теперь, а южное сѣверному. Названіе же Америки впервые появляется въ небольшомъ трактатѣ нѣмецкаго ученаго Вальдзеемюллера, къ которому былъ приложенъ латинскій переводъ краткаго отчета Веспуччи о его четырехъ плаваніяхъ. Въ своемъ трактатѣ (Cosmographiae Introductio), вышедшемъ въ 1507 г., Вальдзеемюллеръ предлагаетъ дать названіе Америки той quarta pars, которую открылъ Америго къ югу за экваторомъ, при чемъ, конечно, это открытіе не имѣло по тогдашнимъ понятіямъ никакой связи съ открытіемъ Колумба, ибо Испаньола и смежные съ нею острова, открытые Колумбомъ, были не что иное, какъ Старый Свѣтъ. Лишь мало-по-малу названіе Америки, будучи примѣняемо сначала къ Бразиліи, распространилось затѣмъ на весь южный материкъ. Наконецъ, Меркаторъ, извѣстный географъ и математикъ, изобразивъ на картѣ (въ 1541 г.) сѣверный материкъ отдѣльно отъ Азіи и соединивъ его съ южнымъ материкомъ, впервые написалъ названіе Америки крупными буквами такъ, что оно покрывало и сѣверный, и южный материкъ. Такимъ образомъ, прежній контрастъ между сѣвернымъ и южнымъ полушаріями постепенно смѣнялся новымъ контрастомъ между восточнымъ и западнымъ полушаріями, при чемъ и выяснилось, что истиннымъ открывателемъ Америки былъ Колумбъ.

Первоначальное значеніе слова „Новый Свѣтъ“.

Карта Меркатора.

А. Гартвигъ.

LXXXV.

Франческо Петрарка.

(1304—1374.)

I.

Эгоизмъ Петрарки. Его отношеніе къ роднымъ.

За исключеніемъ Лауры, Петрарка во всю свою долгую жизнь искренно любилъ только себя самого; онъ жилъ только для себя, только для себя учился и писалъ, одного себя изучалъ и одному себѣ удивлялся. Онъ не сдѣлался, но родился эгоистомъ. Ему было только 22 года, когда умерла его мать, оставивъ его и брата круглыми сиротами. Петрарка уже въ то время писалъ отличные стихи на латинскомъ языкѣ; и вотъ онъ рѣшилъ почтить память матери стихотвореніемъ ровно въ 38 гекзаметровъ, по количеству лѣтъ, которыя она прожила; не удивительно, что плодомъ этой выдумки явились 38 стиховъ блестящихъ и холодныхъ, какъ сталь. Въ своей обширной перепискѣ, гдѣ онъ такъ часто говоритъ о себѣ, Петрарка только два раза мимоходомъ упоминаетъ о матери, а если имя отца и встрѣчается чаще, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Петрарка не можетъ обойти его при разсказѣ о какомъ-нибудь случаѣ изъ своей собственной жизни. Своему единственному и, какъ онъ часто говоритъ, любимому брату онъ за 40 лѣтъ, которые обнимаетъ его переписка, написалъ только 8 писемъ и, не-

Пособія: *Petrarcha*. Opera omnia, Basil. 1544, 2 vol.; *Bartoli*, Storia della letteratura italiana, v. VII; *Körting*, Geschichte der Litteratur Italiens im Zeitalter der Renaissance, B. I; *Voigt*, Die Wiederbelebung des klass. Altertums; *Geiger*, Petrarca; *F. X. Kraus*, Essays; *Nolhac*, Pétrarque et l'Humanisme; *Корелинъ*, Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія.

смотря на свои постоянные переѣзды, посѣтилъ его въ монастырѣ только 2 раза, въ послѣдній разъ — за 21 годъ до своей смерти. У него былъ сынъ, котораго родила одна женщина изъ Авиньона и котораго онъ съ дѣтства держалъ при себѣ. При такомъ отцѣ сынъ не могъ получить хорошаго воспитанія; въ 1359 году 22-лѣтній Джованни вмѣстѣ съ слугами отца обокралъ его домъ въ Миланѣ и за это былъ прогнанъ отцомъ. Позже они примирились, но когда въ 1361 году Джованни умеръ отъ чумы, Петрарка не скрывалъ своей радости. „Благодареніе Богу“, писалъ онъ, „который, хотя и не безъ боли, избавилъ меня отъ продолжительнаго страданія“.

Характеръ его дружбы.

У Петрарки было много друзей, повидимому искренно преданныхъ ему и во всякомъ случаѣ глубоко преклонявшихся предъ его геніемъ. Онъ часто и охотно изслѣдуетъ природу и условія дружбы, еще чаще описываетъ свои чувства по отношенію къ друзьямъ; но всѣ эти разсужденія не идутъ далѣе реторическихъ фигуръ и обнаруживаютъ болѣе начитанность въ классикахъ, чѣмъ глубину и искренность чувства. Друзья нужны были Петраркѣ, прежде всего, какъ адресаты для писемъ. Одержимый неодолимою страстью излагать на бумагѣ свои мысли и чувства, онъ нашелъ въ античной формѣ эпистолографіи тотъ удобный родъ литературы, который не стѣснялъ его опредѣленностью сюжета, а, напротивъ, давалъ полный просторъ его перу и фантазіи. Но въ то время, какъ всякое другое произведеніе обращается непосредственно къ публикѣ, письмо требуетъ опредѣленнаго адресата. Петраркѣ необходимо было найти нѣсколько человѣкъ, достаточно наивныхъ и благоговѣющихъ передъ нимъ, чтобы получать, читать и отвѣчать на письма, обращенныя къ адресату стороной, а лицомъ къ публикѣ, письма, наполненныя преимущественно разсказами о немъ самомъ и, въ лучшемъ случаѣ, морально-философскими разсужденіями величиною нерѣдко въ цѣлый трактатъ. Такими наивными адресатами и были его друзья, и поэтому насъ не должно удивлять, что между ними, за исключеніемъ Боккаччіо, не было ни одного изъ выдающихся умовъ того времени. Къ этому присоединялось еще другое обстоятельство. По примѣру Цицерона, своего главнаго литературнаго учителя и образца, Петрарка считалъ дружбу необходимою принадлежностью всякаго философа - моралиста, какимъ и самъ хотѣлъ быть. По образцу Цицерона онъ создаетъ себѣ культъ дружбы, называетъ своихъ друзей Леліемъ и Сократомъ, изслѣдуетъ природу и основанія дружбы и въ изящныхъ выраженіяхъ описываетъ одушевляющія его чувства. Но эти чувства, какъ уже сказано, не

идутъ далѣе словъ. Онъ охотно принимаетъ подарки и услуги отъ друзей, но отплачиваютъ имъ обыкновенно только письмами и увѣреніями въ своей дружбѣ. Едва ли можно найти болѣе преданнаго и самоотверженнаго друга, чѣмъ какимъ былъ для Петрарки Боккаччіо. Онъ не разъ предпринималъ далекія путешествія, чтобы посѣтить Петрарку, подолгу жилъ у него, писалъ въ его защиту, добился во Флоренціи того, что Петраркѣ возвратили гражданскія права и имѣніе, отнятое у его отца, время отъ времени дѣлалъ ему дорогіе по тому времени подарки, въ родѣ сочиненій Цицерона, Варрона, Августина или собственноручно переписаннаго имъ для Петрарки экземпляра „Божественной Комедіи". А Петрарка послѣ каждой новой услуги съ новымъ жаромъ брался за перо и, наслаждаясь богатствомъ своихъ мыслей и изяществомъ слога, писалъ новую варіацію на неистощимую тему о дружбѣ. Чуждый зависти, скромный и искренній Боккаччіо благоговѣлъ передъ учителемъ, въ письмахъ и на дѣлѣ выражалъ ему свою любовь и удивленіе, а Петрарка нашелъ случай—не прочитать, а просмотрѣть „Декамеронъ" только въ 1373 году, т. е. по крайней мѣрѣ спустя 20 лѣтъ послѣ того, какъ послѣдній былъ изданъ.

Въ молодости Петрарка прожилъ въ домѣ Стефана Колонна, какъ родной сынъ, нѣсколько счастливыхъ лѣтъ. Когда въ 1348 году умеръ послѣдній изъ семи сыновей Стефана, нѣкогда ближайшій другъ Петрарки, приличіе требовало, чтобы Петрарка выразилъ участіе къ великому горю старика. И вотъ, спустя цѣлый годъ послѣ смерти младшаго Колонна, онъ пишетъ Стефану письмо, полное реторическихъ похвалъ и утѣшеній, примѣровъ изъ древней исторіи и цитатъ, но лишенное малѣйшихъ признаковъ чувства. Съ безсердечіемъ, доходящимъ до жестокости, онъ ради реторическаго эффекта противопоставляетъ горе, постигшее старца, его прежнему счастію, и безжалостно терзаетъ его сердце подробнымъ перечисленіемъ его отдѣльныхъ потерь. Чувство Петрарки точно до краевъ наполнено его собственнымъ „я", и въ немъ не остается мѣста ни для чего другого.

Любовь и интересъ къ собственному „я".

Точно такъ же и его мысль всецѣло поглощена его собственною личностью. Большая часть написаннаго имъ, притомъ его лучшія произведенія: его сонеты, большинство латинскихъ поэмъ, книга „О тайной борьбѣ своихъ заботъ", „Письмо къ потомкамъ"—наполнены этимъ содержаніемъ. Какъ влюбленный, который не имѣетъ причины скрывать свою любовь, онъ говоритъ о своей возлюбленной—о самомъ себѣ — по всякому поводу, разсказываетъ

самые мелкіе факты изъ своей жизни, забывая, что эти подробности могутъ нисколько не интересовать или, наконецъ, надоѣсть его слушателямъ. Въ своемъ увлеченіи онъ иногда пренебрегаетъ самыми элементарными требованіями приличія, прерывая серьезный разговоръ пустымъ замѣчаніемъ все о томъ же предметѣ своей любви, какъ, напримѣръ, въ томъ мѣстѣ своихъ „Книгъ о замѣчательныхъ предметахъ",' гдѣ онъ самодовольно сообщаетъ читателю, что пишетъ эту страницу отвратительнымъ перомъ, которое уже три раза принужденъ былъ „укрощать желѣзомъ". Онъ не разъ выражалъ намѣреніе устранять изъ своихъ писемъ всякіе личные и случайные элементы, посвящать ихъ исключительно разсмотрѣнію философскихъ вопросовъ,—и въ отношеніи своихъ корреспондентовъ онъ строго соблюдалъ это рѣшеніе: въ его обширной перепискѣ, обнимающей болѣе 500 писемъ, едва ли найдется сотня строкъ, непосредственно касающаяся какихъ-либо событій изъ жизни его друзей. Но о себѣ онъ и здѣсь говоритъ часто и съ любовью, даже, пожалуй, чаще и охотнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Можно было бы составить большой томъ изъ писемъ, въ которыхъ онъ описываетъ свое настроеніе, свой образъ жизни и свои впечатлѣнія по различнымъ поводамъ; онъ подробно и многократно разсказываетъ о своемъ пребываніи въ томъ или другомъ городѣ, неудобствахъ или опасностяхъ, которымъ подвергся во время путешествія, о своихъ чувствахъ къ тому или другому другу, о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, въ пяти письмахъ онъ описываетъ свое коронованіе, въ двухъ — ушибъ ноги, причиненный паденіемъ съ полки тома цицероновскихъ сочиненій, въ цѣломъ рядѣ другихъ— то какую-нибудь встрѣчу, то хлопоты съ прислугой, то ужинъ, то пріобрѣтеніе собаки, то мелкія непріятности въ родѣ того, что затерялось какое-нибудь изъ его писемъ или что, пріѣхавъ въ Парму, онъ не засталъ тамъ своего друга. Но и во всѣхъ остальныхъ письмахъ, трактующихъ о серьезныхъ философскихъ или литературныхъ вопросахъ, поминутно, при малѣйшей возможности, снова появляются на сцену его собственная персона, его личныя наблюденія, впечатлѣнія и привычки.

Самоанализъ. О Петраркѣ вѣрно сказали, что онъ былъ зеркаломъ самого себя. Его взоръ какъ бы постоянно обращенъ внутрь. Онъ безсознательно любуется игрой своихъ чувствъ и мыслей, и ни одинъ оттѣнокъ въ нихъ не ускользаетъ отъ его вниманія. Въ то время, какъ большинству людей ихъ внутренній міръ представляется лишь смутно, точно подернутый дымкой, Петрарка съ любознательностью

истиннаго психолога изучилъ самые отдаленные закоулки своей души. Здѣсь онъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ, здѣсь ему все знакомо и мило; онъ знаетъ каждую свою мысль и каждое чувство, какъ библіоманъ свои книги, и, какъ онъ же, знаетъ цѣну каждой изъ нихъ, имѣетъ между ними своихъ любимцовъ, но ни съ одною не можетъ разстаться и всѣ равно ставитъ на полку — однѣ выше, другія ниже. Онъ не знаетъ ни общихъ чувствъ, ни слитныхъ настроеній — они расчленяются предъ его внутреннимъ взоромъ, и мельчайшія движенія души, какъ солдаты въ полку, имѣютъ опредѣленныя мѣста въ его внутреннемъ мірѣ. Съ любовью изучая ежедневную жизнь своего духа, онъ радуется, какъ ребенокъ, подмѣтивъ въ немъ малѣйшее движеніе, и не можетъ устоять противъ искушенія сообщить о немъ другимъ. Поэтому онъ пишетъ всю жизнь, торопливо и съ увлеченіемъ занося на бумагу каждое мимолетное чувство, всякую случайную операцію своего ума; если бы отняли у него возможность писать, онъ умеръ бы: „жить и писать, — говоритъ онъ, — я перестану сразу". Именно эта потребность заставила его обратиться къ формѣ письма. Его письма обыкновенно очень велики и всегда многорѣчивы; въ нихъ находитъ мѣсто не только вся послѣдовательная цѣпь его идей, но и всякая побочная и случайная мысль, возникающая въ его мозгу; ихъ можно назвать моментальными фотографіями его ума. Такой же характеръ носятъ его сонеты, моментальные снимки его сердца, содержаніе которыхъ такъ мѣтко опредѣлилъ Мюссе въ четырехъ строкахъ:

> Lui seul eut le secret de saisir au passage
> Les battements du coeur qui durent un moment,
> Et, riche d'un sourire, il en gravait l'image
> Du bout d'un stylet d'or sur un pur diamant [1]).

II.

Характеръ Петрарки. Его подозрительность и трусость.

Петрарка еще въ сравнительно молодые годы достигъ необыкновенной славы, и по временамъ можетъ казаться, что онъ считалъ эту славу естественною данью своему генію, что онъ дѣй-

[1]) Онъ одинъ владѣлъ тайной схватывать на лету біенія сердца, длящіяся мгновеніе, и, получивъ въ даръ улыбку, онъ чертилъ ея образъ остріемъ золотого стилета на чистомъ алмазѣ. (A. de Musset, *Le fils du Titien*.)

ствительно былъ проникнутъ сознаніемъ своего величія. Въ его поэмѣ „Африка“ сначала старшій Сципіонъ, потомъ Энній предсказываютъ, что въ отдаленномъ поколѣніи явится юноша именемъ Франциск, который вернетъ музъ изъ изгнанія, воспоетъ подвиги младшаго Сципіона, возстановитъ славу великихъ мужей Рима и вѣнчается лавровымъ вѣнкомъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ ставитъ себя на одну доску съ Гораціемъ, Цицерономъ и Вергиліемъ; онъ обѣщаетъ предать безсмертію имя Карла IV и въ благодарность за благодѣянія, оказанныя ему Франческо Каррарскимъ, пишетъ послѣднему письмо. Казалось бы, какое гордое самосознаніе генія! Но это впечатлѣніе обманчиво. Стоитъ какому-нибудь критику указать метрическую погрѣшность въ одномъ изъ его латинскихъ стиховъ,—онъ разразится цѣлымъ стихотворнымъ посланіемъ, полнымъ ярости и грубой брани, гдѣ дерзкій критикъ приравнивается къ бѣшеной собакѣ, къ обезьянѣ, дразнящей тигровъ, къ пауку, соперничающему съ Минервой въ ткацкомъ искусствѣ. Когда нѣкто, кого онъ считалъ своимъ другомъ, осмѣлился усомниться въ его правахъ на лавровый вѣнокъ, онъ поражаетъ его двумя стихотворными посланіями, гдѣ обливаетъ грязью своего „врага“, ссылается на короля Роберта, который будто бы, забывая о снѣ и пищѣ, цѣлыя ночи проводилъ за чтеніемъ его стиховъ, и хвастаетъ своею извѣстностью: „мои стихи знаютъ и хвалятъ на Тибрѣ, въ Неаполѣ, на родинѣ Назона, Флакка и Цицерона, во Франціи и на Ронѣ“. Онъ не разъ увѣряетъ, что „лай собакъ не тревожитъ его“, что онъ „не боится словъ“, что презираетъ рукоплесканія толпы; онъ называетъ своихъ враговъ пьяницами, собаками, черными воронами, старающимися найти пятна на лебедяхъ, жужжащими насѣкомыми и болтливыми сороками; но достаточно комунибудь задѣть его единымъ словомъ,—и онъ выходитъ изъ себя, и нѣтъ предѣла его ненависти и гнѣву, брани и жалобамъ: достаточно булавочнаго укола, чтобы онъ потерялъ самообладаніе и въ припадкѣ ярости сталъ попирать ногами тѣ нравственные идеалы, которыхъ онъ такъ охотно выставляетъ себя носителемъ. Когда въ Венеціи четверо молодыхъ аверроистовъ осмѣлились признать его „хорошимъ, но невѣжественнымъ человѣкомъ“, онъ издаетъ противъ нихъ обширный трактатъ, гдѣ, прикрывшись лицемѣрнымъ смиреніемъ и доброжелательностью, тайкомъ жалитъ и осыпаетъ инсинуаціями своихъ „друзей“; хуже того, онъ спускается до роли доносчика, явно стараясь выставить ихъ безбожниками, врагами вѣры и Христа; онъ былъ бы, кажется, не прочь

навлечь на дерзкихъ страшную кару церковнаго суда. Какой-то кардиналъ, бывшій раньше его другомъ, рѣзко отозвался о немъ въ кругу прочихъ кардиналовъ; онъ упрекалъ Петрарку въ невѣжествѣ, утверждалъ, что все лучшее украдено имъ у древнихъ, обвинялъ его въ томъ, что онъ вѣчно домогается церковныхъ мѣстъ, и въ томъ, что живетъ при дворахъ тирановъ, которые питаются потомъ и кровью нищихъ и вдовъ. Когда объ этомъ отзывѣ сообщили Петраркѣ, онъ разразился, конечно, цѣлымъ потокомъ ругательствъ и жалобъ, и еще черезъ годъ, уже незадолго до смерти, издалъ противъ прежняго друга страстную инвективу, гдѣ выставлялъ его вмѣстилищемъ всѣхъ возможныхъ пороковъ, извергомъ, достигшимъ кардинальской шапки лишь благодаря знатности своей семьи и путемъ симоніи. Куда дѣвалось недоступное величіе vates, раздающаго безсмертіе? Петрарка дрожитъ за свою славу, точно знаетъ, что пріобрѣлъ ее нечистыми путями, и точно боится, что ее отнимутъ у него; въ каждомъ нападкѣ онъ видитъ злостное желаніе умалить свои заслуги, ему страшенъ каждый противникъ, хотя бы самый ничтожный. Alma sdegnosa Данте, его неуязвимая гордость, чужды Петраркѣ; его тщеславіе труслиго и подозрительно.

Отсутствіе самообладанія и выносливости.

Между тѣмъ онъ любитъ рядиться въ тогу стоика. Несчетное число разъ онъ увѣщеваетъ друзей гордо и спокойно переносить несчастія, противопоставлять ударамъ судьбы мужество и терпѣніе, не плакать и не жаловаться. Это одна изъ его любимыхъ темъ; онъ написалъ даже цѣлый трактатъ „О средствахъ противъ счастія и несчастія“, гдѣ доказываетъ, что человѣкъ не долженъ обольщаться счастіемъ и падать духомъ при невзгодахъ. Самъ онъ размышленіями и наукой закалилъ свой духъ. „Жизнь научила меня выносить житейскія битвы. Ударамъ судьбы я противопоставляю уже не жалобы и слезы, какъ нѣкогда, а силы духа, закаленнаго въ страданіяхъ, и твердо стою на ногахъ, неустрашенный, непобѣдимый“. Мудрый человѣкъ, говоритъ онъ, долженъ изгонять изъ своего сердца или, по крайней мѣрѣ, умѣрять свою скорбь, и во всякомъ случаѣ долженъ держать ее въ тайнѣ. „Если хочешь плакать, плачь, но одинъ, или лучше познай разъ навсегда, что человѣкъ долженъ мириться съ превратностями человѣческой судьбы“.— Въ дѣйствительности онъ ноетъ и жалуется безпрестанно; онъ самъ стыдитъ себя за это и оправдываетъ себя словами: „чувствую, что если не облегчу себя слезами и жалобами, то умру“. Въ немъ нѣтъ и слѣда той душевной твердости, того стоицизма, котораго онъ требуетъ отъ

философа; напротивъ, онъ до крайности слабохарактеренъ и нетерпѣливъ. Мы видѣли, что малѣйшій уколъ критики лишаетъ его самообладанія; точно также достаточно самаго ничтожнаго житейскаго огорченія или разочарованія, чтобы онъ впалъ въ отчаяніе и сталъ горько жаловаться на судьбу, на людей, на весь міръ. Епископъ Аччайуоли обѣщалъ навѣстить его въ опредѣленный часъ, но запоздалъ; внѣ себя Петрарка садится писать письмо своему другу Симониду: „Нѣтъ болѣе вѣрности на землѣ, сказалъ Вергилій, и чѣмъ болѣе я думаю объ этихъ словахъ, тѣмъ глубже понимаю ихъ, и съ теченіемъ лѣтъ нахожу ихъ все болѣе справедливыми. Кто могъ бы повѣрить, чтобы флорентійскій епископъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ на землѣ, хотѣлъ обмануть меня? Но такова моя доля—быть обманываемымъ всѣми". Затѣмъ, подробно изложивъ обстоятельства дѣла, онъ восклицаетъ: „Быть можетъ, онъ погнушался отобѣдать у поэта и счелъ унизительнымъ для себя почтить своимъ присутствіемъ тѣ мѣста, которыя посѣтилъ нѣкогда король Робертъ сицилійскій и вслѣдъ за нимъ столько кардиналовъ и князей", и т. д. Не успѣлъ онъ еще дописать письма, какъ прибылъ епископъ; мгновенно успокоившись, поэтъ съ неподражаемою наивностью продолжаетъ: „Я написалъ до этихъ поръ и хотѣлъ продолжать въ томъ же тонѣ, когда шумъ у воротъ возвѣстилъ мнѣ, что епископъ прибылъ. Такъ не проходитъ дня, чтобы я не узналъ на опытѣ, насколько пусты и суетны жалобы и заботы людей". Тѣмъ не менѣе онъ отправляетъ письмо, какъ онъ говоритъ, въ назиданіе другу. Это одинъ примѣръ изъ многихъ; самый зоркій глазъ не откроетъ въ Петраркѣ ни слѣда самообладанія, твердости или выносливости. Онъ боится молніи и землетрясеній, очень нетерпѣливъ въ болѣзняхъ, бѣжитъ отъ чумы. Перенеся однажды бурю на морѣ, онъ даетъ клятвенный зарокъ никогда, ни подъ какимъ видомъ, ни по приказанію папы, ни даже если бы всталъ изъ могилы его отецъ, не ввѣрять свою жизнь произволу вѣтровъ и волнъ. Ночь, проведенная имъ подъ дождемъ въ открытомъ полѣ, кажется ему „адскою ночью". Разсказавъ о томъ, какъ онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью, онъ прибавляетъ: et nunc horresco referens (полустишіе Вергилія); разумѣется, это происшествіе описано съ величайшею подробностью и въ самыхъ яркихъ краскахъ.

Жажда земныхъ благъ.

Съ какимъ жаромъ, съ какимъ краснорѣчіемъ умѣетъ онъ говорить о независимости „твердаго духа", о безсиліи матеріальныхъ условій жизни надъ душой философа! Сколько разъ онъ доказываетъ, что слѣдуетъ презирать богатство, что любостяжаніе есть

грѣхъ и глупость, что бѣденъ только тотъ, кто многаго желаетъ, а потребности растутъ съ богатствомъ! Это тоже одна изъ его любимыхъ темъ; но его жизнь мало соотвѣтствуетъ этимъ правиламъ. Съ 1335 года, когда онъ получилъ первую свою церковную синекуру—канониката въ Ломбезѣ, не проходитъ трехъ-четырехъ лѣтъ, чтобы онъ лично или черезъ друзей не ходатайствовалъ у папы о новыхъ приходахъ, притомъ весьма назойливо. Нерѣдкія неудачи вызываютъ въ немъ сильнѣйшее раздраженіе противъ авиньонской куріи, и тогда онъ принимается громить Авиньонъ, папу, курію и, прежде всего, враждебныхъ ему кардиналовъ. Но пройдетъ нѣкоторое время, и мы снова видимъ его въ развратномъ, ненавистномъ ему Авиньонѣ. „Ты спросишь, что привело меня сюда? Единственно лишь сила дружбы. Ибо, что касается до меня самого, то я не имѣю болѣе почти никакихъ желаній и стремлюсь уже не собирать дары фортуны, а покидать и раздавать ихъ“. Это его обычный припѣвъ: въ дѣйствительности дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ Авиньонъ потому, что два дружественныхъ кардинала посовѣтовали ему выступить кандидатомъ на свободную должность папскаго секретаря. Къ сожалѣнію, его хлопоты оказались безуспѣшными—онъ получилъ отказъ, который, впрочемъ, въ его изображеніи оказывается настоящей побѣдой. Ибо, разсказываетъ онъ, болѣе всего дорожа своей свободой, онъ долго и упорно отказывался отъ предлагаемой должности; но такъ какъ друзья продолжали настаивать на своемъ предложеніи, то онъ согласился подвергнуться требуемому испытанію—написать какую-нибудь офиціальную бумагу; и тутъ-то онъ будто бы съ умысломъ „развернулъ крылья своего духа и постарался взвиться такъ высоко, чтобы исчезнуть изъ глазъ своихъ преслѣдователей“, т. е. постарался доказать, что совершенно неспособенъ писать „варварскимъ, низкимъ и безсодержательнымъ“ слогомъ папской канцеляріи; только этой уловкѣ онъ и обязанъ своимъ спасеніемъ. Подобными письмами онъ усыплялъ подозрѣнія своихъ друзей. Уже въ старости, незадолго до смерти, онъ все еще продолжаетъ клянчить. Въ 1372 году онъ проситъ своего друга, апостольскаго секретаря Франческо Бруни, походатайствовать за него у папы. „Если бы святой отецъ пожелалъ оказать мнѣ нѣкоторую поддержку и тѣмъ обезпечить мнѣ покойную старость, то пусть не удерживаетъ его мысль о томъ, что я недостоинъ этой милости, ибо онъ намѣстникъ Того, Кто ежедневно благодѣтельствуетъ недостойнымъ. Если онъ искренно хочетъ этого, то онъ можетъ осуществить это единымъ словомъ,

ибо нѣтъ монарха на землѣ, который такъ легко могъ бы оказывать благодѣянія другимъ, какъ римскій первосвященникъ", и т. д. Онъ не знаетъ, чего собственно просить, потому что никогда не думалъ о такихъ вещахъ; притомъ, если онъ попроситъ чего-нибудь опредѣленнаго, то можетъ случиться, что прежде, чѣмъ его просьба дойдетъ до ушей папы, кто-нибудь другой уже успѣетъ выпросить эту же вещь. Онъ хочетъ указать еще только на одно обстоятельство: что бы ни далъ ему папа, онъ вскорѣ сможетъ передать это другому, ибо онъ, Петрарка, старъ и немощенъ.

Лесть.

Такъ этотъ мнимый стоикъ унижается и хитритъ ради презрѣнныхъ даровъ фортуны. Онъ такъ же слабъ передъ соблазнами жизни, какъ передъ ея испытаніями; онъ самъ однажды признается, что научился лишь уважать, но не переносить бѣдность. И еще болѣе, чѣмъ корысть, терзаетъ его душу жажда почестей; но почести и доходы не даются даромъ,—и онъ добивается ихъ и платитъ за нихъ сильнымъ міра самой беззастѣнчивой лестью. Когда въ 1338 году король неаполитанскій Робертъ прислалъ ему составленную имъ самимъ, королемъ, надгробную надпись для его внучки, прося дать отзывъ объ этой эпитафіи, вотъ что отвѣчалъ ему осчастливленный поэтъ: „Небывалый блескъ ослѣпилъ мои глаза! Счастливо перо, написавшее эти строки! Не знаю, чему удивляться болѣе: изумительной ли сжатости языка, возвышенности ли мыслей, или божественному изяществу слога! Никогда, о славный царь, я не повѣрилъ бы, что столь высокій сюжетъ можетъ быть выраженъ въ столь краткихъ, важныхъ и прекрасныхъ словахъ; такого совершенства я не могъ ждать отъ человѣческаго ума". Въ этомъ тонѣ написано все письмо; въ концѣ поэтъ выражаетъ увѣренность, что многіе люди согласились бы умереть преждевременною смертью, если бы могли этой цѣною купить себѣ подобную эпитафію. Такихъ образчиковъ не мало въ перепискѣ Петрарки.

Суетность и тщеславіе.

Въ 1353 году, уступая просьбамъ Джованни Висконти, Петрарка поселился въ его столицѣ Миланѣ; онъ остался здѣсь также послѣ смерти Джованни, когда власть перешла къ Бернабò и Галеаццо. Восемь лѣтъ прожилъ онъ при дворѣ самыхъ жестокихъ тирановъ, какихъ знаетъ европейская исторія, и только страхъ предъ чумой заставилъ его удалиться изъ ихъ разбойничьяго гнѣзда. Онъ такъ часто и съ такимъ паѳосомъ изображалъ безпокойство и безнравственность городской жизни, такъ восторженно говорилъ о прелестяхъ сельскаго уединенія,—что же побуждало его теперь жить въ шумномъ Миланѣ, одномъ изъ крупнѣйшихъ

торговыхъ центровъ тогдашней Италіи? Что заставило его пожертвовать своею личною свободой, которую онъ называлъ высшимъ изъ благъ, и промѣнять независимую жизнь философа-анахорета на некрасивую роль придворнаго оратора? И, прежде всего, какъ могъ онъ, глашатай свободы, стать слугой тирана, такъ тяжко угнетавшаго часть той самой Италіи, чьи страданія онъ воспѣлъ съ такою поразительной силой? Когда Боккаччіо узналъ о позорномъ поступкѣ друга, „онъ возопилъ къ небу". На его упреки и на вопросы остальныхъ друзей Петрарка отвѣчалъ цѣлымъ потокомъ безсодержательной реторики, ясно выдающей его смущеніе; самый сильный его аргументъ состоитъ въ томъ, что онъ не могъ устоять передъ просьбами „величайшаго изъ итальянцевъ": „Но что окончательно сломило во мнѣ всякое сопротивленіе, — говоритъ онъ,—объ этомъ я хочу разсказать тебѣ, хотя скромность велитъ мнѣ молчать: хорошо зная себя, зная, что неспособенъ быть слугой, я откровенно спросилъ, чего онъ требуетъ отъ меня, и онъ отвѣтилъ: „ничего, кромѣ твоего присутствія, котораго одного достаточно, чтобы почтить меня и мое государство". Эта гуманность обезоружила меня; я покраснѣлъ, замолчалъ и молчаніемъ изъявилъ или далъ поводъ думать, что изъявляю согласіе". Этою баснею онъ пытается замаскировать свои истинныя побужденія; онъ стыдится признать, что не устоялъ предъ соблазномъ. Дѣйствительно, онъ прожилъ въ Миланѣ счастливые годы; комфортъ, почести, блескъ двора и полная свобода отъ матеріальныхъ заботъ надолго прикрѣпили его къ Висконти. Но за эти блага надо было платить услугами и лестью. И вотъ мы видимъ его у купели сына Бернабо Висконти, въ поэтической эпистолѣ прославляющимъ новорожденнаго и его семью; передъ нами и другая его эпистола, гдѣ онъ превозноситъ Галеаццо, какъ величайшаго и благороднѣйшаго изъ князей Италіи, постигшаго тайну римскаго правительственнаго искусства: parcere subiectis et debellare superbos; мы видимъ его на площади въ Миланѣ, въ напыщенной рѣчи возвѣщающимъ народу о переходѣ власти къ Маттео, Бернабо и Галеаццо и восхваляющимъ покойнаго тирана, Джованни Висконти, чья смерть есть гораздо большая потеря, чѣмъ смерть Платона, „ибо можно ли сравнивать сотню или двѣ сотни учениковъ съ тѣмъ множествомъ могущественныхъ гражданъ, странъ и народовъ, которые всѣ жили въ мирѣ и правосудіи подъ властью нашего господина и которымъ, когда онъ умеръ, несомнѣнно показалось, что солнце упало съ неба?" Время отъ времени онъ исполняетъ и болѣе труд-

ныя порученія: его отправляютъ посломъ то въ Венецію, то въ Новару, то въ Прагу, то въ Парижъ, и онъ проводитъ въ пути иногда цѣлые мѣсяцы, вдали отъ своихъ книгъ и работъ, терпя всѣ неудобства путешествія.

Любовь къ уединенію.

Сколько ненужныхъ лишеній, трудовъ и заботъ! И какія непримиримыя противорѣчія въ этомъ характерѣ! Потребность въ уединеніи и покоѣ была, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ глубокихъ и прочныхъ чувствъ Петрарки. Онъ много разъ говорилъ, что выше всѣхъ земныхъ благъ цѣнитъ свободу, уединеніе и покой, что предпочитаетъ страдать отъ голода въ поляхъ, чѣмъ въ городѣ наслаждаться изобиліемъ и богатствомъ: „возьми у меня все, что я имѣю, — пишетъ онъ, — оставь меня нагимъ, какъ я рожденъ, но дай моей душѣ миръ и спокойствіе, и я буду считать себя богатѣйшимъ изъ смертныхъ". Онъ называетъ сельскую жизнь блаженствомъ, онъ завидуетъ тѣмъ, кто слышитъ лишь мычаніе воловъ, журчаніе водъ и пѣніе птицъ, кто можетъ бродить по холмамъ и лугамъ, по зеленѣющимъ берегамъ рѣкъ, въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ. Въ 1337 году онъ пріобрѣлъ въ долинѣ Воклюзъ у источниковъ Сорги небольшой участокъ земли съ скромнымъ домикомъ. Здѣсь онъ провелъ свои счастливѣйшіе годы, здѣсь написалъ или задумалъ свои лучшія произведенія. Онъ встаетъ съ постели задолго до наступленія дня и съ разсвѣтомъ выходитъ изъ дому, но и въ поляхъ, какъ дома, размышляетъ, читаетъ и пишетъ. Одинъ, въ сопровожденіи вѣрнаго пса, бродитъ онъ по горамъ и долинамъ; тѣнистый гротъ служитъ ему убѣжищемъ отъ полуденнаго солнца, обработка сада и уженье — отдыхомъ отъ занятій. Единственное женское лицо, которое онъ видитъ здѣсь, — лицо его экономки, сухое и выжженное солнцемъ, подобно ливійской пустынѣ; она, управитель да двое слугъ дѣлятъ съ нимъ уединеніе. „Здѣсь, — говоритъ онъ, — нѣтъ ни самовластныхъ князей, ни надменныхъ горожанъ, ни злоязычія клеветы, ни партійныхъ страстей, ни гражданскихъ раздоровъ, ни криковъ, ни шума, ни скупости, ни зависти, ни необходимости обивать пороги заносчивыхъ вельможъ; напротивъ, здѣсь есть миръ, радость, сельская простота и непринужденность, здѣсь воздухъ мягокъ, вѣтеръ нѣженъ, поля озарены солнцемъ, ручьи прозрачны, лѣсъ тѣнистъ". Въ парижской національной библіотекѣ хранится рукопись Плинія, принадлежавшая Петраркѣ; здѣсь на одной изъ страницъ находится рисунокъ перомъ, изображающій источникъ Сорги: сзади видна скала, изъ нѣдръ которой бьетъ

Сорга, и на вершинѣ скалы—теперь давно уже исчезнувшая часовня св. Виктора; впереди стоитъ цапля, пожирающая небольшую рыбу; подъ рисункомъ—дышащая нѣжностью подпись: Transalpina solitudo mea jocundissima.

Соблазны міра.

Въ этой идиллической обстановкѣ онъ на минуту чувствуетъ себя совершенно счастливымъ. Но его покой непроченъ. Онъ бѣжалъ въ уединеніе, потому что „ненавидитъ грѣхи людскіе и преимущественно свои, а также заботы и печальныя тревоги, которыя живутъ среди людей“; но онъ и въ уединеніе принесъ свои страсти и свою слабость предъ искушеніемъ, а житейскіе соблазны настигаютъ его и въ тихомъ Воклюзѣ. Позднѣе онъ съ грустью вспоминаетъ объ этихъ счастливыхъ годахъ. „Вспомни,—говоритъ онъ самъ себѣ устами бл. Августина,—какъ сладко жилось тебѣ нѣкогда въ далекой усадьбѣ! То, лежа на злачномъ лугу, ты внималъ журчанью скрытыхъ водъ, то всходилъ на открытый холмъ и свободнымъ взоромъ измѣрялъ развернутую подъ тобой равнину, то въ тѣни среди палимой солнцемъ долины, охваченный сладкой дремотою, наслаждался желанной тишиной, и твой умъ не бездѣйствовалъ, но всегда былъ занятъ чѣмъ-нибудь высокимъ. Когда затѣмъ съ заходомъ солнца ты возвращался въ свой тѣсный домъ и радовался своему достоянію,—скажи: не казался ли ты тогда себѣ самому наиболѣе богатымъ и счастливымъ изъ смертныхъ?“—Увы, отвѣчаетъ Петрарка, помню и, вспоминая тѣ дни, не могу удержать вздоха. — „Ты вздыхаешь? Но кто ввергъ тебя въ эту скорбь? Твои страсти толкали тебя, и ты снова ринулся въ водоворотъ городовъ“. Его толкала, прежде всего, жажда славы. Онъ поселился въ Воклюзѣ осенью 1337 года, а уже въ концѣ 1338-го упомянутое выше письмо короля Роберта нарушило его душевный миръ: оно раздразнило его ненасытное честолюбіе, и съ этой минуты онъ уже не найдетъ покоя, пока не добьется лавроваго вѣнка. Два года онъ неустанно хлопочетъ, раскидывая сѣть лжи и лести, и наконецъ успѣхъ вѣнчаетъ его усилія; тогда онъ надолго покидаетъ свой тихій Воклюзъ: моремъ изъ Марсели онъ переправляется въ Неаполь, гдѣ король и поэтъ разыгрываютъ комедію испытанія на степень лауреата, оттуда ѣдетъ въ Римъ, произноситъ рѣчь на Капитоліи и принимаетъ вѣнецъ, спустя нѣсколько дней оставляетъ Римъ, на пути попадаетъ въ руки разбойниковъ, ѣдетъ въ Пизу, оттуда—въ лагерь Корреджіо и вмѣстѣ съ ними вступаетъ въ только-что отнятую ими у Скалигеровъ Парму, гдѣ, „уступая ихъ любезной просьбѣ“, остается цѣлый

годъ. Затѣмъ мы опять находимъ его въ Воклюзѣ, но онъ часто наѣзжаетъ въ ненавистный ему Авиньонъ, разумѣется, съ цѣлью добыть новый приходъ, въ чемъ и успѣваетъ. Въ слѣдующемъ, 1343-мъ, году онъ отправляется посломъ отъ папы въ Римъ и Неаполь, оттуда переѣзжаетъ въ Парму и здѣсь покупаетъ себѣ домъ, но уже спустя годъ, въ февралѣ 1345 года, бѣжитъ изъ осажденной Пармы и отправляется въ Скандіано, оттуда въ Модену, Болонью и Верону, затѣмъ въ Авиньонъ и Воклюзъ. Сначала онъ искалъ славы, теперь слава преслѣдуетъ его: папа, императоръ, короли сицилійскій и французскій, Висконти, Корреджіо, Гонзага, Малатеста—всѣ наперерывъ зовутъ его къ себѣ, всѣ сулятъ ему почести и жизнь въ довольствѣ; какъ устоять противъ этихъ соблазновъ? И вотъ онъ предпринимаетъ далекія путешествія и цѣлые годы проводитъ въ шумныхъ городахъ,—и въ то же время вѣчно жалуется на то, что осужденъ воевать съ потомъ и пылью, и не перестаетъ тосковать по Воклюзу.

III.

Внутренняя борьба.

„Я несусь по обширному, грозно взволнованному морю, направляя среди вѣтровъ и бурь мой утлый, полный щелей челнъ, и твердо знаю, что онъ недолго выдержитъ, что мнѣ нѣтъ надежды на спасеніе, если милосердіе всемогущаго Бога не позволитъ, чтобы я, напрягши всѣ силы, до гибели достигъ берега и послѣ жизни, проведенной среди волнъ, умеръ въ тихой пристани". Такъ изображаетъ Петрарка свою душевную жизнь.

Въ годы полнаго расцвѣта силъ, тридцати восьми лѣтъ, онъ написалъ, по примѣру Августина, чистосердечную исповѣдь, которую назвалъ „Книгою о борьбѣ своихъ заботъ". Читая эту книгу, не знаешь, чему болѣе удивляться: геніальной ли проницательности, съ которою Петрарка прослѣдилъ малѣйшіе изгибы своей души, безпощадной ли откровенности, съ какою онъ обнажаетъ свои душевныя язвы, или величію и сложности изображаемой имъ борьбы. Историки обыкновенно сопоставляютъ ее съ исповѣдью блаженнаго Августина,—и вполнѣ справедливо; но между этими книгами есть одно коренное различіе: исповѣдь Августина изложена въ видѣ непрерывнаго разсказа, исповѣдь Петрарки—въ видѣ діалога; тамъ звучитъ одинъ голосъ—голосъ побѣдителя, потому что споръ уже

рѣшенъ; здѣсь звучатъ два спорящихъ голоса: борьба совершается передъ нашими глазами.

Два существа жили въ сердцѣ Петрарки, всю жизнь оспаривая другъ у друга власть, и въ исповѣди онъ противопоставилъ ихъ лицомъ къ лицу. Одно есть глубоко коренившаяся въ его эгоистической натурѣ любовь къ жизни, безумная жажда земныхъ утѣхъ, и, какъ неизбѣжный спутникъ этой жажды, — вѣчный страхъ потерь и страданій. Этотъ Петрарка дрожитъ при мысли о смерти и страстно жаждетъ безсмертія своего имени; все, чѣмъ искушаетъ насъ жизнь,—слава, почести, богатство, знатность, женская любовь,—неудержимо манитъ его, и онъ мечется всю жизнь, осаждаемый тысячью желаній, тысячью заботъ и тревогъ. Другой Петрарка сурово осуждаетъ перваго за грѣховность и суетность его жизни, призываетъ его подумать о спасеніи души, требуетъ, чтобы онъ возненавидѣлъ жизнь, возлюбилъ смерть и отказался отъ всѣхъ земныхъ желаній.

Идеалъ.

Только въ добродѣтели счастіе, говоритъ этотъ голосъ, только грѣхъ удаляетъ отъ счастія. Чтобы достигнуть истиннаго блаженства, надо всецѣло сосредоточиться на пламенномъ желаніи усовершенствованія, и для этого необходимо отказаться отъ всѣхъ другихъ желаній, умертвить свои страсти, подчинить свои чувства разуму. Это—первая и труднѣйшая ступень къ спасенію. Къ ней ведетъ одинъ испытанный путь—непрестанная мысль о смерти. Ты долженъ думать о смерти какъ можно чаще, ты долженъ стараться представлять себѣ ее во всѣхъ реальныхъ подробностяхъ, долженъ вызывать въ своей памяти яркую картину агоніи—судороги членовъ, гаснущій взоръ, смертельную блѣдность, заостренный носъ, хрипъ и стоны. Ты долженъ думать о смерти такъ часто и упорно, чтобы мысль о ней мгновенно повергала тебя въ трепетъ и вызывала холодный потъ на твоемъ челѣ, чтобы тебѣ казалось, что агонія уже владѣетъ тобою и что твой духъ долженъ тотчасъ покинуть тѣло и предстать передъ неподкупнымъ Судіей съ отчетомъ за всю предшествующую жизнь, при чемъ ему не помогутъ ни тѣлесная красота, ни мірская слава, ни краснорѣчіе, ни богатство, ни могущество; и чтобы мгновенно пронзала тебя мысль объ ужасахъ ада, о стонахъ и зубовномъ скрежетѣ, о потокахъ сѣры, о мракѣ, о карающихъ фуріяхъ, и — что превосходитъ всѣ эти муки — объ ихъ безпредѣльной длительности, о вѣчности Божьяго гнѣва. И если всѣ эти представленія будутъ возникать въ твоемъ умѣ, не вызванныя волею, а естественно, и

не какъ возможность, а какъ необходимость, которая неизбѣжно должна наступить и почти уже наступила, и если среди этихъ терзаній не овладѣетъ тобою отчаяніе, но сохранишь и жажду исцѣленія, и надежду на милосердіе Божіе, и останешься твердъ и спокоенъ,—только тогда откроются предъ тобою врата спасенія.

Натура. Но онъ слабъ; онъ не можетъ не страшиться смерти, потому что слишкомъ любитъ жизнь,—и вотъ суровый голосъ принимается обличать его грѣхи. Ты весь погруженъ въ суету міра. Ты кичишься своимъ разумомъ, своею начитанностью и краснорѣчіемъ, красотою своего тѣла; ты жадно копишь земныя богатства, хотя уже давно обезпеченъ противъ нужды; ты честолюбивъ, ты жаждешь знатности и могущества, и только изъ страха передъ тяготями службы не добиваешься высокихъ должностей; ты чувственъ и не въ силахъ смирить волненіе крови; ты столько лѣтъ, съ такою тратою душевныхъ силъ, любишь смертную женщину: ты видишь высшее счастіе въ земной славѣ, и всѣ твои труды—пріобрѣтеніе знаній и литературная дѣятельность — имѣютъ ее единственною цѣлью. И каждая изъ этихъ страстей рождаетъ въ тебѣ тысячу желаній и страховъ; твой слабый духъ, подавленный такимъ множествомъ разнообразныхъ, неустанно борющихся между собою заботъ, не въ состояніи рѣшить, какую изъ нихъ ему первую принять, какую питать, какую отвергнуть,—и на все это тебѣ не хватаетъ ни силъ, ни времени, отмѣреннаго скупой рукою. Ты подобенъ тѣмъ, кто на маломъ клочкѣ земли сѣетъ слишкомъ густо, такъ что жатва сама себѣ мѣшаетъ расти; въ твоемъ чрезмѣрно занятомъ духѣ ничто не можетъ пустить глубокихъ корней, и ты, какъ челнъ безъ руля на бурномъ морѣ, кидаешься отъ одного къ другому.

Борьба. И вотъ начинается упорная борьба—борьба между любовью къ жизни и страхомъ вѣчныхъ мукъ, между натурою человѣка и его идеаломъ. Эта борьба не можетъ быть рѣшена, потому что рѣшить ее можетъ только воля, а она парализуетъ волю. Петрарка знаетъ, что первое условіе спасенія—страстное желаніе и стараніе исправиться (desiderium vehemens studiumque surgendi), и, чувствуя безсиліе своей воли, употребляетъ всѣ средства, чтобы подстрекнуть, пришпорить ее. Онъ хочетъ увѣрить себя, что все, чѣмъ искушаетъ его жизнь, суетно и ничтожно. Какая польза отъ прочитанныхъ тобою книгъ, когда твои знанія ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чего ты не знаешь? Ты гордишься своимъ краснорѣчіемъ—но не безуміе ли тратить трудъ и время на изученіе словъ? и какъ ча-

что ты оказываешься не въ силахъ выразить точно даже простую и ясную мысль? Ты гордишься красотою и силою твоего тѣла—но развѣ ты не знаешь, что дуновенье вѣтра, уколъ насѣкомаго могутъ сокрушить его силу, что время разрушитъ его красоту? Ты копишь богатства—не для того ли, чтобы умереть на пурпурной подушкѣ, быть погребеннымъ въ мраморномъ гробу и оставить наслѣдникамъ тяжбу о наслѣдствѣ? не безуміе ли копить на старость, которой ты, быть можетъ, не достигнешь? Ты ищешь славы—но что слава? Летучее дыханіе, молва, живущая въ устахъ толпы, которую ты презираешь.—Такъ онъ разлагаетъ умомъ всѣ земныя блага и видитъ ихъ пустоту и ничтожность, —но все напрасно: онъ не въ силахъ вырвать изъ своего сердца неудержимое влеченіе къ нимъ. Онъ разсказываетъ намъ о часахъ смятенія и ужаса, когда мысль о грозящей гибели овладѣваетъ имъ съ неодолимою силой: онъ проливаетъ обильныя слезы, моля Господа помочь ему выйти на правый путь,—но слезы льются, а духъ остается инертнымъ: Mens immota manet, lacrymae volvuntur inanes. Чтобы научиться презирать жизнь, онъ обращается къ самому дѣйствительному средству, которое изобрѣла для этого практика аскетизма,—къ мысли о смерти. Въ ночную пору онъ ложится на одръ и, напрягая воображеніе, старается тщательно представить себѣ всѣ подробности агоніи и смерти; и такъ ярки эти образы, что ему кажется, будто уже наступилъ его послѣдній часъ: онъ ощущаетъ смертельныя судороги въ своихъ членахъ, ему уже мерещится адъ: тогда онъ въ ужасѣ вскакиваетъ съ постели и, какъ безумный, взываетъ къ Христу: „Спаси меня отъ этихъ мукъ, протяни мнѣ руку помощи, чтобы я хоть въ смерти нашелъ покой!“ и имъ овладѣваетъ отчаяніе, что онъ не можетъ думать о смерти съ радостью, что мысль о ней неизмѣнно повергаетъ его въ страхъ. Онъ молитъ Господа въ такихъ словахъ: „Пусть лучше будетъ мнѣ чистилищемъ ложе мое, пусть лучше мое тѣло томится на немъ среди слезъ и терзаній, чѣмъ чтобы смерть привела меня въ преисподнюю“. Онъ встаетъ каждую полночь, чтобы прочитать молитву, каждый день отправляетъ божественную службу, по пятницамъ питается водой и хлѣбомъ. Онъ хочетъ увѣрить самого себя, что больше любитъ Христа, чѣмъ Цицерона; онъ требуетъ, чтобы знаніе всегда подчинялось вѣрѣ, чтобы мнѣнія Платона, Аристотеля, Варрона, Цицерона были отвергаемы, если они противорѣчатъ истинной и святой вѣрѣ; чтобы быть истиннымъ философомъ, говоритъ онъ, достаточно любить Христа, чтобы быть ученымъ и счастли-

нымъ, достаточно изучать евангеліе. Его любовь къ человѣческому знанію, къ любимымъ авторамъ порою кажется ему преступленіемъ, и онъ рѣшается вырвать ее изъ своего сердца. „Признаюсь,— пишетъ онъ,—велика была моя любовь къ Цицерону и Вергилію, къ Платону и Гомеру. Но пора подумать о болѣе важномъ, пора позаботиться болѣе о своемъ спасеніи, чѣмъ о краснорѣчіи; донынѣ я искалъ въ чтеніи удовольствія, теперь ищу пользы. Теперь мои любимые ораторы—Амвросій, Августинъ, Іеронимъ, Григорій, мой любимый философъ—Павелъ, мой поэтъ — Давидъ". Но такъ сильна въ немъ грѣшная страсть, что она прорывается даже въ самую минуту спасительнаго рѣшенія; тутъ же, въ этомъ самомъ письмѣ, только что оттолкнувъ Цицерона и Вергилія, онъ уже снова тоскуетъ по нимъ и снова привлекаетъ ихъ къ себѣ: „я постараюсь соединить любовь къ этимъ писателямъ съ любовью къ тѣмъ; въ тѣхъ буду изучать стиль, въ этихъ содержаніе". Начавъ свою „Африку" обычнымъ обращеніемъ къ музамъ, онъ вдругъ вспоминаетъ о Христѣ и, точно желая искупить грѣховность своего свѣтскаго сюжета, обѣщаетъ Господу воспѣть по возвращеніи съ вершины Парнаса много благочестивыхъ пѣсенъ:

...tibi multa revertens
Vertice Parnassi referam pia carmina...

И во всемъ, всю жизнь—тѣ же колебанія, та же непрекращающаяся борьба. Двадцать одинъ годъ длилась его любовь къ Лаурѣ, но есть ли хоть одна минута, когда бы онъ считалъ свою любовь оправданною передъ небомъ? Какъ онъ бичуетъ себя за нее въ своей исповѣди! Она, твоя Лаура, отдалила тебя отъ Господа; нѣтъ бо́льшаго препятствія къ спасенію, какъ плотская любовь. Она отвлекла твою любовь отъ Творца на твореніе; когда смерть закроетъ ея глаза, когда ты увидишь ея лицо, искаженное послѣднею мукой, и блѣдные члены,— какъ будетъ стыдиться твой безсмертный духъ, что онъ былъ привязанъ къ бренному тѣлу!—И онъ пытается оправдаться: я люблю не тѣло ея, а душу, далекую отъ всего земного, горящую небеснымъ пламенемъ; она отвлекла мой духъ отъ всего низкаго и научила смотрѣть вверхъ, ей я обязанъ всѣмъ лучшимъ, что есть во мнѣ. — Это самообманъ, возражаетъ совѣсть. Ты любишь ея тѣло, ибо развѣ ты полюбилъ бы эту душу, если бы она была заключена въ уродливомъ тѣлѣ? То, что ты есть, дано тебѣ природой, но чѣмъ ты могъ бы быть, тѣмъ

ты не сталъ благодаря твоей любви; если она удержала тебя отъ многихъ дурныхъ поступковъ, то лишь затѣмъ, чтобы ввергнуть въ самый тяжкій грѣхъ; она исцѣлила тебя отъ мелкихъ ранъ, но вонзила ножъ въ твое сердце. Признайся, ты не былъ свободенъ отъ плотской страсти, ты порой желалъ дурного (Turpe aliquid interdum voluisti)?—Да, но тогда меня побуждали къ этому молодость и страсть; теперь это болѣе не повторится, теперь я знаю, чего долженъ желать.—Не обольщай себя, говоритъ совѣсть; ты остался такимъ же, какъ былъ: твое пламя, быть можетъ, стало слабѣе, но оно не угасло.—То же колебаніе проходитъ красною нитью въ сонетахъ. То онъ поетъ о тѣлесной красѣ Лауры и молитъ судьбу дать ему провести съ нею „только одну ночь, но ночь безъ разсвѣта“ (Sol una notte, e mai non fosse l'alba), вѣчную ночь, гдѣ бы ихъ не видѣлъ никто, кромѣ звѣздъ, и говоритъ о „слѣпомъ желаніи“, которое крушитъ его сердце, и о стѣнѣ, отдѣляющей жадную руку отъ колоса, и жалуется: „надежда шатка, а желаніе растетъ“ ((La speme incerta, el desir monta e cresce). То обольщаетъ себя мечтой, что любовь къ ней возноситъ его духъ къ высшему благу и заставляетъ его презирать то, къ чему стремится каждый влюбленный. То въ страхѣ вѣчныхъ мукъ молитъ Господа помочь ему вступить на иной, на лучшій путь, благодаритъ судьбу за то, что тотъ день, котораго онъ ждалъ столько лѣтъ, никогда не насталъ, горько упрекаетъ себя за то, что любитъ смертное существо съ такою вѣрой, съ какою подобаетъ любить одного Бога, благодаритъ Бога за смерть Лауры, освободившую его плѣненный духъ. Сегодня онъ благословляетъ всѣ звуки, въ которыхъ онъ воспѣлъ ея имя, всѣ свои слезы, вздохи, желанія и мысли, которыхъ она одна была госпожей, а завтра онъ былъ бы радъ отречься отъ этихъ „пустыхъ пѣсенокъ“, cantiunculae inanes, наполненныхъ falsis et obscoenis muliercularum laudibus. И онъ самъ ясно сознаетъ происходящую въ немъ борьбу: вотъ сонетъ, написанный имъ въ Римѣ, вѣроятно, въ 1337 году: „Священный видъ этихъ мѣстъ заставляетъ меня проливать слезы о моемъ дурномъ прошломъ, взывая ко мнѣ: встань, несчастный, что ты дѣлаешь? и указываетъ мнѣ путь, ведущій въ небо. Но съ этою мыслью борется другая и говоритъ мнѣ: зачѣмъ ты бѣжишь? или ты забылъ, что уже давно пора вернуться, чтобы увидѣть возлюбленную? И внявъ этой рѣчи, я леденѣю мгновенно, какъ человѣкъ, внезапно услыхавшій печальную вѣсть; но затѣмъ возвращается первая мысль, и вторая уходитъ. Которая изъ нихъ побѣ-

дить, я не знаю; но донынѣ онѣ уже не разъ вступали въ бой между собою".

Изъ нихъ не побѣдила ни одна. Борьба между землей и небомъ, между жаждой счастія и жаждой спасенія, между Мадонной и Лаурой, Цицерономъ и Христомъ продолжалась въ Петраркѣ до смерти. По мѣрѣ приближенія къ старости онъ становился все благочестивѣе, и произведенія его послѣднихъ лѣтъ—„О средствахъ противъ счастія и несчастія", „Объ уединенной жизни", „О досугѣ монаховъ"—въ сильной степени проникнуты аскетическимъ духомъ. Но жизнь его до конца текла въ старомъ руслѣ. Осудивъ въ исповѣди свою чувственность, сребролюбіо, жажду славы, любовь къ Лаурѣ, онъ и послѣ написанія своей исповѣди (1342 г.) остался тѣмъ же, чѣмъ былъ до нея: онъ еще много лѣтъ продолжалъ воспѣвать Лауру, до самой смерти продолжалъ добиваться новыхъ приходовъ, а жажда славы только возрастала въ немъ съ годами; второй его незаконный ребенокъ—дочь Франциска, родился спустя годъ послѣ написанія исповѣди; бо́льшая часть его путешествій и восьмилѣтнее пребываніе у Висконти въ Миланѣ приходятся на вторую половину его жизни.

Acedia. Но если онъ не сумѣлъ переломить своей природы и жизнь его не соотвѣтствовала его идеалу,—онъ дорого платилъ за эту слабость. Глубокій душевный расколъ отравилъ ему лучшіе годы, онъ былъ боленъ—такъ онъ самъ говоритъ въ своей исповѣди—„тѣмъ внутреннимъ раздвоеніемъ, тѣмъ томленіемъ негодующей противъ самой себя души, когда она съ отвращеніемъ видитъ свою грязь—и не смываетъ ея, сознаетъ свои заблужденія — и не покидаетъ ихъ, страшится грозящей опасности—и не ищетъ избѣгнуть ея". Онъ завидуетъ тѣмъ, которые никогда не задумывались надъ вопросомъ о спасеніи, о грѣховности земной жизни: они, по крайней мѣрѣ, вполнѣ наслаждаются радостями данной минуты, не отравляя ихъ себѣ страхомъ за будущее, тогда какъ онъ не знаетъ счастія въ настоящемъ, но не можетъ разсчитывать и на блаженство въ будущемъ. Долгая надежда и страхъ, говоритъ онъ, вѣчно оспариваютъ другъ у друга власть надъ его духомъ; онъ постоянно чувствуетъ въ своемъ сердцѣ какую-то неудовлетворенность (sentio inexpletum quoddam in praecordiis meis semper); его душа и тѣло находятся въ вѣчной борьбѣ между собою; онъ не хочетъ того, что́ можетъ, не можетъ того, чего хочетъ, и вѣчно ищетъ того, чего и хотѣлъ бы и могъ бы, но не находитъ; онъ ни живъ, ни здоровъ, ни мертвъ, ни боленъ, — жизнь и здоровье

онъ пріобрѣтетъ лишь тогда, когда достигнетъ выхода изъ лабиринта земной жизни. „Бываютъ минуты, разсказываетъ онъ, когда я чувствую себя подобно человѣку, который окруженъ безчисленными врагами и не видитъ выхода нигдѣ; тогда мнѣ все кажется противнымъ, жалкимъ и страшнымъ, — врата отчаянія открыты предо мною. Порой эта чума держитъ меня въ своихъ тискахъ цѣлые дни и ночи, и это время кажется мнѣ не свѣтомъ и жизнью, а адскою ночью и горчайшею смертью". Въ эти минуты онъ проклинаетъ судьбу, жизнь, весь міръ; эта короткая жизнь, говоритъ онъ, есть долгая смерть, мрачная тюрьма, жилище скорби, неисходный лабиринтъ заблужденій; ложе этой жизни для него жестко и покрыто терніями; судьба неустанно преслѣдуетъ его и наноситъ ему глубокія раны. Въ одномъ поэтическомъ письмѣ, обращенномъ имъ къ себѣ самому, онъ говоритъ: „Вспомни: съ тѣхъ поръ, какъ, нагой и безпомощный, ты покинулъ чрево матери, зналъ ли ты хоть одинъ отрадный день, когда бы горе, слезы, стоны и печальныя заботы не тѣснили твою грудь, когда бы умолкли твои безпрестанныя жалобы!" Онъ жаждетъ покоя и мира, но враждебный рокъ отказываетъ ему въ нихъ. „Если бы я нашелъ на землѣ какое-нибудь мѣсто, не говорю—хорошее, но не дурное, или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ дурное,—я никогда не покинулъ бы его"; но онъ не находитъ такого мѣста. Все раздражаетъ его больной духъ. Онъ не можетъ жить безъ слугъ и вѣчно жалуется на нихъ, называетъ ихъ подлыми тиранами, ненасытными собаками, ядомъ, чумой; тотъ ему слишкомъ молодъ, этотъ слишкомъ старъ, одинъ слишкомъ поспѣшенъ, другой слишкомъ вялъ. Онъ не находитъ словъ, чтобы выразить отвращеніе, которое возбуждаетъ въ немъ вонь улицъ, собаки, свиньи, бродящія стадами, отталкивающій видъ нищихъ, грохотъ экипажей и гулъ голосовъ, надменность счастливыхъ и скорбь несчастныхъ. „Я утверждаю, — говоритъ онъ, — что нѣтъ подъ звѣздами мѣста, гдѣ бы благородный духъ не утомляли тысячи неудобствъ, такъ что нѣтъ человѣка столь счастливаго и столь привязаннаго къ жизни, чтобы его не охватывали порой ненависть къ жизни и жажда смерти". И такъ какъ на землѣ нѣтъ такого мѣста, то онъ, „подобно человѣку, принужденному лежать на жесткомъ ложѣ, поворачивается то на одинъ бокъ, то на другой", то-есть кочуетъ съ мѣста на мѣсто. Онъ стремился въ Италію; пріѣхавъ туда, онъ начинаетъ тосковать по Воклюзу: „воспоминаніе объ этихъ мѣстахъ охватило мой духъ съ такою силой, что я не могъ устоять противъ

желанія вернуться".—и онъ возвращается; но не проходитъ года, и его уже томитъ скука, онъ ненавидитъ и проклинаетъ эти мѣста и ищетъ предлога покинуть ихъ: и Италія ему слишкомъ далека, и Авиньонъ съ развратною куріей слишкомъ близки, и прочее; прожить въ Воклюзѣ лишнюю недѣлю кажется ему невыносимымъ,—онъ пускается въ путь, но, застигнутый ливнемъ, возвращается и остается тамъ цѣлыхъ полгода.

Въ одной изъ своихъ канцонъ (I' vo pensando) Петрарка говоритъ, что порой, когда онъ размышляетъ о своихъ душевныхъ мукахъ, имъ овладѣваетъ такая глубокая жалость къ себѣ самому, что онъ готовъ плакать надъ собою. Мы знаемъ, что онъ любилъ свое „я" во всѣхъ его проявленіяхъ; а за мучительную борьбу, за раскаяніе и томленіе онъ любилъ себя еще съ удвоенной нѣжностью, какъ мать больное дитя. Быть можетъ, къ этому чувству присоединялось и другое—тщеславное сознаніе, что въ его сердцѣ вмѣстилась вся безпредѣльная скорбь міра, что такихъ мукъ, какъ онъ, не знаетъ ни одинъ человѣкъ. Отсюда та „сладость страданія", dolendi quaedam voluptas, о которой онъ говоритъ въ своей исповѣди, то болѣзненное сладострастіе, съ которымъ человѣкъ бередитъ свои раны: „я такъ упиваюсь своими страданіями и муками,—говоритъ онъ (sic laboribus et doloribus pascor), что извлекаю изъ нихъ нѣкое наслажденіе и разстаюсь съ ними лишь противъ воли".

IV.

Аскетизмъ.

Въ первой половинѣ XIV вѣка, когда складывались характеръ и міросозерцаніе Петрарки, формально еще въ полной силѣ царилъ аскетическій взглядъ на жизнь. Исходная точка его ясно формулирована въ словахъ Екатерины Сіенской: „Богъ противоположенъ міру и міръ противоположенъ Богу". Оба начала по существу исключаютъ другъ друга, и человѣкъ долженъ выбрать одно изъ нихъ—міръ или Бога: одновременное служеніе обоимъ невозможно. Христосъ своею смертью доставилъ людямъ право выбора: искупивъ первородный грѣхъ, онъ примирилъ ихъ съ Богомъ и снова далъ имъ возможность пріобрѣтать блаженство вѣчной жизни. Въ силу противоположности между міромъ и Богомъ достигнуть вѣчной жизни можно только путемъ полнаго отреченія отъ міра. Всѣ утѣхи и радости земной жизни суть сѣти, которыми

дьяволъ старается опутать человѣка; всѣ мысли и стремленія, обращенныя на мірское, грѣховны. Главный источникъ соблазновъ, отвлекающихъ духъ отъ служенія Богу, есть плоть; поэтому умерщвленіе плоти должно быть главною задачей человѣка въ его земной жизни. Тотъ, кто хочетъ посвятить себя Богу, долженъ обезличиться, отречься отъ своей воли, потому что она можетъ увлечь его на ложный путь: одинъ изъ главныхъ обѣтовъ монашества—обѣтъ повиновенія.

Таковы были главныя черты этой системы. Это былъ идеалъ, теоретическая формула, которую средневѣковый человѣкъ считалъ должнымъ выполнить въ своей жизни и которую онъ, ежеминутно нарушая, ни на минуту не переставалъ считать закономѣрною.

Мы видѣли, что она сохранила такое же значеніе и для Петрарки: отреченіе отъ міра, умерщвленіе своей плоти остается и для него непреложнымъ идеаломъ; тотъ второй, карающій голосъ, который звучитъ въ его исповѣди, есть голосъ аскетизма, и борьба, которая происходитъ въ немъ, есть борьба между стремленіями его чувственной природы и аскетическимъ идеаломъ. Въ этомъ смыслѣ Петрарка—вполнѣ средневѣковый человѣкъ. Но въ его отношеніи къ аскетическому принципу есть черта, совершенно чуждая предшествующей эпохѣ.

Та борьба, которую переживалъ Петрарка, не представляла ничего необычнаго для среднихъ вѣковъ. Какъ ни была сильна жажда вѣчнаго блаженства,—человѣку трудно было обуздать свою чувственность, подавить въ себѣ плотскія страсти. Жизнеописанія святыхъ полны разсказовъ объ искушеніяхъ, которыми дьяволъ старался повлечь ихъ въ грѣхъ, о видѣніяхъ, въ которыхъ святому представлялись то прекрасная женщина, то столъ, уставленный роскошными яствами, то самъ отецъ зла, суля богатства и могущество. Біографъ Екатерины Сіенской, Раймундъ Капуанскій, разсказываетъ, что однажды, когда она ослабѣла отъ тяжкихъ истязаній, въ ней заговорилъ голосъ плоти: „Зачѣмъ ты напрасно терзаешь себя? Такою жизнью ты неизбѣжно убьешь себя. Лучше оставь эту глупость, пока не поздно. Еще есть время насладиться жизнью. Ты молода, твое тѣло скоро окрѣпнетъ. Живи, какъ прочія женщины, выйди замужъ и рождай дѣтей, чтобы умножить родъ человѣческій. Развѣ и святыя жены не были замужемъ? Взгляни на Сару, Ревекку, Лію, Рахиль. Зачѣмъ ты хочешь вести необычный образъ жизни, который тебѣ все-таки не по силамъ?“ Даже Франциекъ Ассизскій не былъ свободенъ отъ такихъ наважденій; и онъ

однажды въ тишинѣ ночи сказилъ себѣ: „Францискъ, ты молодъ и еще успѣешь покаяться въ грѣхахъ, зачѣмъ же ты до срока изводишь себя бдѣніемъ и молитвами?“ До насъ дошло отъ среднихъ вѣковъ множество стихотворныхъ діалоговъ между душею и тѣломъ, гдѣ душа послѣ смерти горько упрекаетъ тѣло за то, что оно своею слабостью обрекло ее на вѣчныя муки.

Отношеніе Петрарки къ аскетическому идеалу.

Но Францискъ Ассизскій, услышавъ совѣтъ дьявола, сорвалъ съ себя одежды и въ холодную январскую ночь бросился вонъ и забился въ густой терновникъ, который изодралъ его тѣло въ кровь. Въ Петраркѣ эта борьба ограничивается областью мысли: аскетическій идеалъ сохранилъ еще власть надъ его умомъ, но не надъ волею. Мы видѣли, какія усилія онъ употребляетъ, чтобы заставить себя чувствовать такъ, какъ предписывалъ чувствовать аскетизмъ,—какъ онъ мучительнымъ напряженіемъ мысли возбуждаетъ свое воображеніе, доводитъ себя до галлюцинацій, до слезъ, и какъ все это оказывается напраснымъ: придя въ себя послѣ галлюцинацій, онъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что остался тѣмъ же человѣкомъ, какимъ былъ раньше, что страшныя картины агоніи и послѣдняго суда прошли въ его воображеніи, не оставивъ слѣда въ его душѣ, что его слезы безплодны: mens immota manet, lacrymae volvuntur inanes. Аскетизмъ въ немъ—уже не жизненный принципъ, не активное начало, а унаслѣдованный отъ предковъ и еще священный для него формальный законъ, который противорѣчитъ всѣмъ его склонностямъ и стремленіямъ. Отсюда его пессимизмъ, его душевная болѣзнь—acedia: идеалъ, которому онъ считаетъ нужнымъ служить, мертвъ для него, а замѣнить его другимъ онъ не въ силахъ. Старое міровоззрѣніе уже не можетъ служить противовѣсомъ противъ мірскихъ стремленій и потребностей, которыя дѣйствуютъ въ Петраркѣ, но оно мертвымъ балластомъ еще тяготѣетъ надъ нимъ; онъ сынъ переходной эпохи.

Отношеніе Петрарки къ древности.

Среди этого безвыходнаго томленія, среди „гражданской войны своихъ заботъ“ Петрарка инстинктивно нашелъ учителя и друга, который помогалъ ему уяснять себѣ смутныя стремленія, возникавшія въ немъ, и услаждалъ ему тяжелыя минуты жизни: это была классическая литература.

Поэтъ отъ природы, Петрарка былъ одаренъ незауряднымъ эстетическимъ чутьемъ и тонкимъ музыкальнымъ слухомъ; за красоту формы онъ первоначально и полюбилъ римскихъ классиковъ. Еще ребенкомъ, въ родительскомъ домѣ, онъ прочиталъ нѣсколько произведеній Цицерона, и они произвели на него неизгладимое впеча-

тлѣніе. „Еще не понимая ихъ содержанія,—разсказывалъ онъ позднѣе,—я не могъ оторваться отъ нихъ, пораженный сладостью и мелодичностью самыхъ словъ, и все другое, что мнѣ случалось читать или слышать, казалось мнѣ уже грубымъ и неблагозвучнымъ“. Съ этихъ поръ чтеніе римскихъ классиковъ сдѣлалось его страстью. Онъ не оставилъ ихъ и тогда, когда отецъ, самъ юристъ, желавшій и сына сдѣлать юристомъ, отправилъ его въ Монпелье изучать право (1319); Петрарка и здѣсь продолжалъ съ увлеченіемъ изучать римскую литературу, тщательно скрывая свои занятія отъ отца. Онъ разсказываетъ, какъ однажды отецъ, пріѣхавъ по дѣламъ въ Монпелье и найдя у него нѣсколько классическихъ сочиненій, разсердился и бросилъ ихъ въ огонь, чтобы они не отвлекали юношу отъ его университетскихъ занятій. „Увидя это,—разсказываетъ Петрарка,—я разразился горькимъ рыданіемъ, какъ если бы огонь жегъ мое собственное тѣло, и я хорошо помню, какъ отецъ, тронутый моими слезами, вынулъ изъ пламени двѣ уже полуобожженныя книги—одною рукой Вергилія, другою—реторику Цицерона,—и, протягивая ихъ мнѣ, съ улыбкой сказалъ: „Возьми ихъ! сохрани эту для развлеченія въ рѣдкія минуты, а эту—какъ пособіе для твоихъ занятій правомъ“. Четыре года спустя отецъ перевелъ молодого Петрарку для завершенія юридическаго образованія въ Болонью; отдаленность этого города отъ Авиньона, гдѣ жили родители, избавила его отъ стѣснительнаго надзора, и онъ могъ съ большей свободой предаваться изученію классиковъ, а спустя еще 3 года, въ 1326 г., старикъ Петракко умеръ [1]). „Сдѣлавшись господиномъ надъ самимъ собою,—говоритъ Петрарка,—я немедленно отправилъ въ изгнаніе всѣ юридическія книги и вернулся къ моимъ любимымъ занятіямъ; чѣмъ мучительнѣе была для меня разлука съ ними, тѣмъ съ большимъ жаромъ я снова принялся за нихъ“.

Эту страстную привязанность къ латинскимъ авторамъ (греческаго языка онъ не зналъ) Петрарка сохранилъ до конца жизни. Высшее его наслажденіе—чтеніе классиковъ; онъ неистощимъ въ похвалахъ ихъ мудрости и краснорѣчію. Цицеронъ для него—величайшій писатель всѣхъ временъ и народовъ, геніальный и неподражаемый прозаикъ, который можетъ не нравиться только тѣмъ, „кто либо не знаетъ, что̀ есть истинное и совершенное краснорѣ-

[1]) Поэтъ ради благозвучности измѣнилъ фамильное имя Петракко въ Петрарку.

чіе, либо ненавидитъ его". Его второй любимецъ—Вергилій. Еще въ молодости онъ списалъ себѣ Вергилія вмѣстѣ съ комментаріями Сервія, и эта книга всю жизнь была его неразлучнымъ спутникомъ, исключая нѣсколькихъ лѣтъ, когда она была украдена у него; онъ записалъ въ ней день кражи и день, когда она была возвращена ему, дни смерти сына, Лауры и друга Сократа. Цицеронъ и Вергилій для него—оба глаза латинской рѣчи. „О, великій творецъ римскаго краснорѣчія,—пишетъ онъ Цицерону,—не я одинъ, но мы всѣ, украшающіе себя цвѣтами латинской рѣчи, обязаны тебѣ благодарностью, потому что изъ твоихъ источниковъ мы орошаемъ наши поля. Мы должны откровенно сознаться, что, руководимые тобою, на тебя опираясь и озаряемые блескомъ твоего имени, мы подъ твоимъ же покровительствомъ дошли до нашего искусства въ писаніи. Но у насъ есть и другой вождь на поприщѣ поэзіи: судьба хотѣла, чтобы мы имѣли за кѣмъ слѣдовать и вольнымъ, и стѣсненнымъ шагомъ, чтобы у насъ было кому удивляться и въ плавной рѣчи, и въ пѣніи". За Цицерономъ и Вергиліемъ слѣдуютъ Ливій, Плиній, Сенека, Варронъ, Квинтиліанъ и другіе; это его лучшіе друзья, въ ихъ кругу онъ чувствуетъ себя счастливымъ. Онъ пишетъ имъ дружескія письма, то упрекая ихъ въ непостоянствѣ и слабости, то осыпая похвалами, то выражая сожалѣніе объ утратѣ ихъ произведеній. Самъ онъ всю жизнь, не щадя трудовъ и издержекъ, собиралъ уцѣлѣвшіе обломки античной литературы. Онъ неустанно поощряетъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ къ розыскамъ, сообщаетъ необходимыя свѣдѣнія о сочиненіяхъ, которыя хотѣлъ бы получить, и посылаетъ деньги на переписку ихъ. Во время своихъ частыхъ путешествій онъ не упускаетъ случая порыться въ монастырскихъ книгохранилищахъ, и когда его поиски увѣнчиваются успѣхомъ, радость его безгранична. Эту радость онъ испыталъ дважды—найдя въ Люттихѣ двѣ неизвѣстныя рѣчи Цицерона, и въ Веронѣ—полуистлѣвшую рукопись его писемъ. Зато онъ не могъ простить себѣ пропажи Варроновскихъ „Древностей", которыя когда-то были у него, и былъ безутѣшенъ, когда узналъ, что его старый учитель, Конвеневоле да Прато, внезапно скрылся, заложивъ или продавъ ссуженный ему Петраркою трактатъ Цицерона „О славѣ".

О томъ, какъ хорошо Петрарка зналъ своихъ классиковъ, свидѣтельствуетъ каждая страница его латинскихъ сочиненій и писемъ. Если вспомнить, что у него не было подъ рукою никакихъ пособій въ родѣ нашихъ указателей и реальныхъ энциклопедій, то объемъ

его классической эрудиціи покажется удивительнымъ. Нѣтъ, кажется такого случая или положенія, котораго онъ не могъ бы пояснить дюжиной примѣровъ изъ древней исторіи или цитатъ изъ римскихъ авторовъ. Онъ безъ запинки можетъ перечислить всѣ значенія, въ какихъ эпитетъ „золотой" встрѣчается у того или другого изъ древнихъ писателей. Желая показать, какъ ничтожна роль зубовъ въ жизни человѣка, онъ безъ труда находитъ въ древней исторіи нѣсколько убѣдительныхъ примѣровъ: дочь Митридата имѣла вверху и внизу двойной рядъ зубовъ, сынъ вивинскаго царя Прузія имѣлъ въ нижней челюсти вмѣсто зубовъ сплошную кость, а зубы царицы Зиновіи были подобны жемчужинамъ, — и тѣмъ не менѣе всѣ трое умерли. Поздравляя жену Карла IV съ рожденіемъ дочери, онъ припоминаетъ Изиду, Сафо, Сибиллу, Пентезилею, Клеопатру, Зиновію, Лукрецію, Клелію, Корнелію и Марцію; призывая Карла IV въ Италію, цитируетъ стихи Горація, Вергилія, Лукана, Стація и Ювенала.

Римскихъ классиковъ усердно читали и хорошо знали и въ средніе вѣка. Ошибочно думать, что они были открыты въ эпоху Возрожденія. Большинство рукописей, по которымъ изучали ихъ гуманисты, восходитъ къ среднимъ вѣкамъ, и количество классическихъ произведеній, дѣйствительно извлеченныхъ гуманистами изъ забвенія, сравнительно ничтожно. Но средніе вѣка видѣли въ произведеніяхъ латинскихъ авторовъ лишь собранія всевозможныхъ матеріаловъ—историческихъ, географическихъ, естественно-научныхъ и проч., и были далеки отъ мысли искать за частностями руководящихъ идей, стараться понять произведеніе въ цѣломъ. Результатомъ такого отношенія къ древней литературѣ было чисто-дѣтское представленіе о древнемъ мірѣ, полное отсутствіе исторической перспективы, полная неспособность понять своеобразность древняго быта и проникнуть въ психологію древняго человѣка.

Петрарка полюбилъ римскую литературу за красоту формы и музыкальность языка, но съ теченіемъ лѣтъ, по мѣрѣ того, какъ онъ самъ развивался и лучше узнавалъ ее, между нимъ и ею устанавливалась и другая, болѣе глубокая связь. Онъ нашелъ въ ней яркое выраженіе и поэтическій апоѳеозъ тѣхъ чувствъ и стремленій, которыя смутно бродили въ немъ самомъ. Его натура неудержимо влекла его вонъ изъ міра трансцендентальныхъ представленій въ міръ реальныхъ вещей, и онъ уже наполовину жилъ въ этомъ реальномъ мірѣ,—а въ древнихъ авторахъ онъ нашелъ именно изображеніе человѣческаго духа въ его взаимодѣйствіи съ реальнымъ

міромъ; поэтому онъ такъ страстно полюбилъ этихъ авторовъ, и поэтому же онъ первый сумѣлъ понять ихъ. Они научили его формулировать то, чего до него никто не выражалъ: все безконечное разнообразіе чувствъ и идей, возбуждаемыхъ въ человѣкѣ соприкосновеніемъ съ реальною обстановкой, онъ нашелъ у нихъ уже отчеканенными, вылитыми въ сжатую и изящную форму. Отсюда его манія цитировать классиковъ. Его письма и трактаты кишатъ цитатами; онъ цитируетъ по всякому поводу, часто безъ всякой нужды; желая выразить нетерпѣніе, съ которымъ онъ ждетъ присылки одного изъ сочиненій Августина, онъ цитируетъ Овидія:

Septima nox agitur, spatium mihi longius anno.

Но каждая изъ этихъ цитатъ есть частица новаго міра, который открываетъ Петрарка, каждая изъ нихъ заставляла сильнѣе биться его сердце. Его любовь къ античной литературѣ и способность понять ее лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, какая глубокая пропасть отдѣляетъ его отъ среднихъ вѣковъ.

Отношеніе Петрарки къ схоластикѣ.

Мы сказали выше, что онъ наполовину жилъ уже въ мірѣ реальныхъ вещей. Во всякомъ случаѣ, трансцендентальная точка зрѣнія на міръ, на жизнь, на науку ему уже въ значительной степени чужда; онъ инстинктивно ищетъ и любитъ во всемъ реальное. Этимъ опредѣляется его отношеніе къ современной ему наукѣ. Онъ неистощимъ въ насмѣшкахъ надъ схоластиками, этой „новою породой чудовищъ, вооруженныхъ двулезвейной энтимемою“; онъ не можетъ повѣрить, чтобы эта игра словами доставляла кому-нибудь удовольствіе, и убѣжденъ, что ею занимаются только ради денегъ; университеты онъ называетъ разсадниками высокомѣрнаго невѣжества. Точно такъ же онъ презираетъ и всѣ отрасли средневѣковой науки—астрологію, медицину, алхимію, грамматику. Онъ и себя называетъ философомъ, но философія, которой онъ слѣдуетъ, „живетъ не только въ книгахъ, но въ душахъ, и основана не на словахъ, а на вещахъ“.

Интересъ къ реальному міру и къ человѣку.

Достойнымъ изученія ему кажется только то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ человѣку. Богословіе для него—наука о самопознаніи; ученіе о божественномъ исключается изъ богословія. „На что слѣдуетъ надѣяться въ божественныхъ дѣлахъ,—говоритъ онъ,—этотъ вопросъ предоставимъ ангеламъ, изъ которыхъ даже наивысшіе пали подъ его тяжестью. Конечно, небожители должны обсуждать небесное, мы же—человѣческое, и, можетъ

быть, было бы разумнѣе совсѣмъ не вступать на этотъ путь, крутой и опасный, чѣмъ останавливаться на серединѣ его". Всѣ науки должны имѣть одну цѣль — содѣйствовать усовершенствованію человѣка, самопознанію; поэтому онъ жестоко нападаетъ на представителей схоластической философіи и науки: первые играютъ пустыми словами и проводятъ время въ безплодныхъ преніяхъ, вторые изслѣдуютъ тысячи ненужныхъ вещей, и всѣ одинаково забываютъ о человѣкѣ. О томъ, съ какимъ вниманіемъ самъ Петрарка изучалъ реальную жизнь, свидѣтельствуютъ многочисленныя и мѣткія наблюденія, разсѣянныя но всѣмъ его сочиненіямъ. Одно изъ нихъ—трактатъ „О средствахъ противъ счастія и несчастія"—есть какъ бы энциклопедія такихъ наблюденій; стараясь доказать суетность всякой радости и всякаго горя, онъ перебираетъ всевозможныя положенія, въ какія попадаетъ человѣкъ, и при этомъ обнаруживаетъ чрезвычайно близкое знакомство съ условіями жизни и дѣятельности человѣка, съ свойствами и потребностями его физической и духовной природы. Онъ путешествуетъ, чтобы видѣть новыя мѣста, и повсюду интересуется слѣдами прошлаго. Въ Неаполѣ онъ посѣщаетъ мѣста, описанныя Вергиліемъ, на Британскомъ морѣ ищетъ островъ Туле, о которомъ читалъ у Вергилія и Сенеки, въ Ахенѣ посѣщаетъ мнимую гробницу Карла Великаго; для одного изъ своихъ друзей, желавшаго предпринять путешествіе къ Св. Гробу, онъ составилъ толковый путеводитель, въ которомъ отмѣтилъ всѣ историческія достопримѣчательности и красоты природы на пути отъ Генуи до Палестины и обратно черезъ Египетъ въ Италію. „Недавно,—пишетъ онъ,—я объѣхалъ Францію не по дѣламъ, а изъ любознательности; я достигъ Германіи и береговъ Рейна, повсюду наблюдая нравы людей, наслаждаясь созерцаніемъ незнакомыхъ странъ и сравнивая все видѣнное съ тѣмъ, что у насъ".

Характеръ путешествій Петрарки.

Средневѣковый человѣкъ не зналъ путешествій въ современномъ смыслѣ: онъ ѣхалъ всегда по дѣлу—торговому или военному, религіозному (богомолье) или политическому (посольства). Петрарка, быть можетъ, первый туристъ новаго времени: онъ путешествуетъ ради самаго удовольствія путешествовать. Онъ любитъ природу и умѣетъ наблюдать и описывать ее. Мы видѣли, какъ восторженно онъ описываетъ красоты Воклюза; онъ первый въ литературѣ заговорилъ о красотѣ Ривьеры, и его описаніе Лигурійскаго залива можетъ сравниться съ лучшими изображеніями картинъ природы, какія представляетъ всемірная литература. Вообще, онъ подробно

описываетъ мѣста, по которымъ проѣхалъ. Все это было ново и странно для его современниковъ, и онъ многократно принимается объяснять своимъ друзьямъ, что побуждаетъ его путешествовать. Въ 1336 году онъ поднялся на гору Ванту съ единственною цѣлью полюбоваться открывающимся оттуда видомъ; разсказывая объ этомъ въ письмѣ къ одному изъ друзей, онъ оправдываетъ себя тѣмъ, что если Филиппъ Македонскій, уже въ старости посѣтившій одну гору въ Өессаліи, не навлекъ этимъ на себя порицанія, то, конечно, такой поступокъ простятъ и ему, юношѣ и частному человѣку.

Свобода мысли. Онъ уже въ значительной степени обладаетъ тою духовною независимостью, отсутствіе которой составляетъ одну изъ главныхъ отличительныхъ чертъ средневѣковаго человѣка. Онъ во многихъ случаяхъ дѣлаетъ свой умъ критеріемъ истины и считаетъ свободу мысли неоспоримымъ правомъ каждаго: „Пусть каждый слѣдуетъ своему убѣжденію,—говоритъ онъ,—ибо разнообразіе мнѣній безгранично и свобода сужденія безспорна“; „нѣтъ выше свободы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—чѣмъ свобода сужденія, и, признавая ее за другими, я требую ее и для себя“. Эта независимость мысли сдѣлала его отцомъ исторической критики. Онъ первый усомнился въ принадлежности нѣкоторымъ авторамъ (Овидію, Сенекѣ, Амвросію и другимъ) сочиненій, которыя всѣми приписывались имъ. Въ 1355 году императоръ Карлъ IV прислалъ ему два письма Юлія Цезаря и Нерона, прося высказать мнѣніе о нихъ; эти письма подтверждали привилегіи Австріи. Петрарка мастерски доказалъ ихъ подложность. Цезарь въ своемъ письмѣ постоянно говоритъ о себѣ „мы“, чего онъ въ дѣйствительности никогда не дѣлалъ; онъ называетъ себя Августомъ, тогда какъ всякій школьникъ знаетъ, что этотъ титулъ впервые былъ принятъ Октавіаномъ; онъ упоминаетъ о своемъ дядѣ, котораго не знаетъ ни одинъ изъ древнихъ писателей; самое имя Австріи было въ употребленіи у народовъ, жившихъ къ западу отъ нея, а не у римлянъ, для которыхъ она была сѣверной страной; въ письмѣ названы годъ и день, когда оно написано, и пропущенъ мѣсяцъ, не указаны консулы того года. Такія же нелѣпости Петрарка указываетъ и въ письмѣ Нерона. Несмотря на свое восторженное отношеніе къ Цицерону, Сенекѣ, Вергилію и другимъ классическимъ авторамъ, Петрарка и къ нимъ относится совершенно самостоятельно; первыхъ двухъ онъ не разъ упрекаетъ въ нравственной шаткости и податливости, въ Энеидѣ указываетъ хронологическія несообраз-

ности. Иногда его критика вторгается даже въ заповѣдную область вѣры. Одинъ изъ его противниковъ, доказывая преимущества Авиньона предъ Римомъ, привелъ, между прочимъ, отрывокъ изъ письма св. Бернарда къ папѣ Евгенію, содержащій чрезвычайно рѣзкій отзывъ о римлянахъ; Петрарка отвелъ этотъ доводъ такимъ разсужденіемъ: конечно, онъ не сомнѣвается въ томъ, что въ настоящее время Бернардъ—дѣйствительно святой, но въ то время, когда написано разбираемое письмо, онъ былъ еще обыкновенный человѣкъ и, слѣдовательно, былъ подверженъ всѣмъ человѣческимъ страстямъ; очень возможно, что римляне чѣмъ-нибудь разгнѣвали его, и онъ въ припадкѣ раздраженія отозвался о нихъ презрительно. Въ другой разъ Петрарка рѣшился назвать поступокъ Брута достойнымъ удивленія, не стѣсняясь противоположнымъ отзывомъ Орозія, который, по его мнѣнію, судилъ съ односторонней христіанской точки зрѣнія.

Стремленіе проявить свою индивидуальность въ литературномъ творчествѣ.

Въ противоположность средневѣковому писателю, которому понятіе писательской индивидуальности такъ же чуждо, какъ и понятіе литературной собственности, Петрарка сознательно стремится сохранить самостоятельность и въ творчествѣ, и даже въ языкѣ. Въ предисловіи къ трактату объ уединеніи онъ пишетъ: „Въ этомъ изслѣдованіи я опирался преимущественно на собственный опытъ и не искалъ другого вожатая, да и не принялъ бы его, если бы онъ нашелся, потому что мои шаги свободнѣе, когда я слѣдую внушеніямъ моего собственнаго духа, чѣмъ когда иду по чужимъ слѣдамъ“. Онъ требуетъ отъ писателей, чтобы они, заимствуя чужое, перерабатывали его самостоятельно, какъ пчела перерабатываетъ сокъ цвѣтовъ; но еще выше онъ ставитъ самостоятельное творчество шелковичныхъ червей. „Хочешь знать, какого мнѣнія я держусь?—пишетъ онъ Боккаччіо.—Я стараюсь идти по дорогѣ, проложенной нашими предками, но не хочу рабски ступать въ слѣды ихъ ногъ. Я хочу не такого вождя, который на цѣпи тащилъ бы меня за собою, а такого, который шелъ бы впереди меня, только указывая мнѣ путь; я никогда не соглашусь ради него отказаться отъ моихъ глазъ, свободы и сужденія; никогда никто не запретитъ мнѣ идти, куда мнѣ хочется, бѣжать того, что мнѣ не нравится, пробовать свои силы надъ тѣмъ, чего до сихъ поръ не касались, по произволу выбирать самую удобную или самую короткую тропинку, ускорять свои шаги или отдыхать, сворачивать съ дороги или возвращаться назадъ“. Онъ требуетъ, чтобы слогъ былъ хотя бы грубъ и необработанъ, но оригиналенъ; писатель—не актеръ, ко-

торому идетъ всякое платье; „каждый долженъ выработать себѣ свой собственный слогъ, потому что каждый имѣетъ отъ природы нѣчто своеобразное и ему одному свойственное какъ въ лицѣ и манерахъ, такъ и въ голосѣ, и рѣчи“. Онъ самъ дѣйствительно выработалъ себѣ совершенно индивидуальный слогъ, овладѣвъ латинскимъ языкомъ, какъ живою рѣчью. Онъ первый порвалъ съ условностью средневѣковой стилистики. Его слогъ легокъ, гибокъ и кипучъ; въ немъ нѣтъ и слѣда чопорности, шаблонности, безжизненности средневѣковой латыни. Но въ немъ нѣтъ и рабскаго цицероніанства позднѣйшихъ гуманистовъ; онъ облекаетъ свою мысль въ оригинальную форму, а не пригоняетъ ее къ готовымъ формуламъ классическаго языка.

Выступленіе изъ сословной организаціи.

Онъ умѣетъ уже не только мыслить и писать независимо, но, что болѣе всего замѣчательно, — онъ умѣетъ жить одинъ. Незамѣтно для самого себя, повинуясь внутреннему импульсу, онъ выступилъ изъ сословной организаціи средневѣковаго общества; формально онъ — клирикъ, въ дѣйствительности онъ — вполнѣ независимый человѣкъ, литераторъ. Средневѣковый человѣкъ не умѣлъ жить внѣ рамокъ цеха или сословія, Петрарка боится этихъ рамокъ. Онъ не принадлежитъ ни къ какому духовному ордену, ни къ какой политической партіи, онъ упорно отказывается занять какую-либо должность, которая могла бы ограничить его свободу. Его индивидуальная свобода для него дороже богатствъ и почестей, и чтобы оградить ее, онъ удаляется въ уединеніе. Средневѣковый человѣкъ тоже нерѣдко бѣжалъ отъ міра въ тишину монастырской кельи, но онъ дѣлалъ это — по крайней мѣрѣ, въ теоріи — съ цѣлью умертвить свое личное „я“; Петрарка бѣжитъ изъ шумнаго города потому, „что это зрѣлище отталкиваетъ умъ, пріученный къ возвышенному, лишаетъ покоя благородный духъ и дѣлаетъ невозможными серьезныя занятія“, т. е. потому, что эта обстановка стѣсняетъ его индивидуальность и тормозитъ ея свободное развитіе.

Жажда славы.

Но высшимъ проявленіемъ личнаго самосознанія была въ Петраркѣ его страстная, безпредѣльная, пожирающая жажда славы. Мысль о томъ, что дѣйствіе его личности ограничено пространствомъ и временемъ, что оно прекратится съ концомъ его земной жизни, невыносима для него; какъ въ жизни онъ обособляется отъ толпы, такъ его влечетъ и въ исторіи стать особнякомъ отъ нея и надъ нею. Онъ самъ разсказываетъ, что мысль о славѣ владѣла имъ уже въ дѣтствѣ; „она, — говоритъ онъ, — заставила меня, еще

неоперённаго, покинуть теплое гнѣздо и устремить свой полетъ къ далекому небу". Знакомство съ древнею литературой и исторіей должно было разжечь въ немъ жажду славы: здѣсь онъ нашелъ и теоретическую формулировку, и яркое воплощеніе этого чувства, здѣсь же видѣлъ блестящіе примѣры его осуществленія—примѣры дѣйствительно достигнутаго безсмертія. Мысль поставить свое имя въ рядъ этихъ безсмертныхъ именъ, быть самому спустя столѣтія предметомъ поклоненія для потомковъ, какимъ Цицеронъ, Вергилій, Сенека были для него,—эта мысль должна была опьянить его; и она дѣйствительно сдѣлалась его маніей.

Средневѣковому писателю была чужда мысль о славѣ: какую цѣну могла имѣть для него, презиравшаго все земное, земная слава, и какое право имѣлъ онъ присвоивать себѣ хвалу за то, что было внушено ему свыше? Онъ считалъ себя орудіемъ высшей воли, свой талантъ — даромъ Бога; поэтому онъ часто даже не выставлялъ своего имени на сочиненіи: не все ли равно, чьими устами вѣщаетъ людямъ божественная мудрость? Онъ кончалъ свой трудъ обыкновенно молитвой о томъ, чтобы Спаситель или его патронъ-святой сжалились надъ его грѣшною душой, и просьбой къ читателямъ—молиться о ней. Петрарка кончаетъ предисловіе къ своимъ „Жизнеописаніямъ знаменитыхъ мужей" такими словами: „Если мой трудъ удовлетворитъ твои ожиданія, то я не требую никакой другой награды, какъ только, чтобы ты любилъ меня, хотя бы я лично и не былъ тебѣ знакомъ, хотя бы я уже лежалъ въ могилѣ и обратился въ прахъ".

Онъ несчетное число разъ и во всѣ періоды своей жизни, даже въ глубокой старости, признаетъ жажду славы своею сильнѣйшею страстью. Онъ знаетъ, что это стремленіе грѣховно и суетно, что оно враждебно добродѣтели и что ему слѣдуетъ съ корнемъ вырвать его изъ своего сердца, но онъ признается, что не въ силахъ сдѣлать это; „жажда славы,—говоритъ онъ въ одной канцонѣ,— убаюкивала меня въ колыбели, вмѣстѣ со мною росла изо дня въ день, и я боюсь, что насъ обоихъ приметъ одна могила". Онъ многократно признается, что слава—единственная цѣль всѣхъ его ученыхъ занятій, всей его литературной дѣятельности: „цѣль моихъ трудовъ—почетъ безсмертной извѣстности и славы" (est mihi famae immortalis honos et gloria meta laborum). Въ своемъ лихорадочномъ нетерпѣніи онъ не довольствуется прямымъ путемъ, ведущимъ писателя къ славѣ; онъ хочетъ еще при жизни увидѣть свой памятникъ и самъ носитъ камни для него. Сколько безсон-

ныхъ ночей, хлопотъ и тревогъ стоилъ ему лавровый вѣнокъ, сколько лжи и лести! Иногда онъ самъ протягиваетъ руку и проситъ награды, какъ въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ „Жизнеописаній знаменитыхъ мужей". Онъ ревниво оберегаетъ свою славу отъ посягательствъ, онъ не терпитъ ни противорѣчія, ни соперничества, его хвастовство и тщеславіе, прикрытыя нерѣдко лицемѣрнымъ самоуничиженіемъ, не знаютъ границъ. Наконецъ, эта же ненасытная страсть подвигла его на поступокъ, неслыханный въ прежніе вѣка,—прямо, чрезъ головы завистливыхъ и враждебныхъ современниковъ, снестись съ потомствомъ, самому повѣдать ему свое имя и свои заслуги. Вотъ первыя строки его „Письма къ потомкамъ", автобіографіи, написанной имъ незадолго до смерти. „Быть можетъ, ты уже слышалъ что-нибудь обо мнѣ (хотя сомнительно, чтобы мое ничтожное и неизвѣстное имя дошло до тебя чрезъ долгій промежутокъ времени и далекое пространство) и желаешь поэтому точнѣе знать, какой я былъ человѣкъ и каковы мои произведенія, по крайней мѣрѣ тѣ, о которыхъ ты слышалъ, что они существуютъ. Такъ какъ обо мнѣ, навѣрное, будутъ распространены всевозможные слухи — ибо каждый говоритъ, повинуясь не истинѣ, а минутному влеченію, и никто не соблюдаетъ мѣры ни въ порицаніи, ни въ хвалѣ, — то я хочу самъ сказать, что я былъ смертный человѣкъ, какъ и вы сами"...

Извѣстность Петрарки.

И жизнь утолила его жажду до пресыщенія. Болѣе, чѣмъ Эразмъ въ XVI-мъ и Вольтеръ въ XVIII-мъ вѣкѣ, Петрарка былъ кумиромъ своихъ современниковъ. Императоръ, папы, князья, свѣтскіе и духовные вельможи наперерывъ искали его дружбы, ухаживали за нимъ, осыпали его почестями и подарками. Знатные и образованные люди пріѣзжали изъ Франціи и Италіи единственно съ цѣлью увидѣть его, насладиться его бесѣдою. Когда онъ въ 1350 году проѣздомъ остановился въ своемъ родномъ городѣ Ареццо, граждане приготовили ему торжественную встрѣчу и съ тріумфомъ провели его по улицамъ къ дому, гдѣ онъ родился; этотъ домъ еще раньше было постановлено сохранять неприкосновеннымъ,—онъ цѣлъ и донынѣ. Въ слѣдующемъ году Флоренція рѣшила основать для него каѳедру свободныхъ наукъ и пригласила его переселиться въ городъ, „уважающій его такъ, какъ если бы въ немъ снова облеклись въ плоть духъ Вергилія и крас-

норѣчіе Цицерона“; при этомъ республика предлагала вернуть ему земли, конфискованныя у его отца. Венеціанскій сенатъ въ декретѣ, адресованномъ Петраркѣ, говоритъ о немъ, что слава его во всей вселенной такъ велика, что на памяти людей между христіанами не было и нынѣ нѣтъ философа или поэта, который могъ бы сравниться съ нимъ. Друзья и чужіе говорятъ о немъ въ тонѣ почти религіознаго благоговѣнія. Пармскій юристъ Дзаморео воспѣваетъ его въ гексаметрахъ, какъ отца музъ, второго Гомера и Марона, чья слава, какъ солнце, затмеваетъ всѣ остальныя свѣтила. Боккаччіо называетъ его хранилищемъ истины, красою и радостью добродѣтели, образцомъ христіанской святости. Послѣ его смерти Доменико изъ Ареццо пишетъ, что хотѣлъ бы многое разсказать о немъ, но лишь только вспомнитъ о немъ, изъ его глазъ текутъ слезы, и дрожащая рука отказывается писать. Въ 1341 году одинъ старый и слѣпой учитель изъ Понтремоли, нѣкогда самъ писавшій стихи, узнавъ, что Петрарка находится въ Неаполѣ, рѣшилъ отправиться туда, чтобы услышать его рѣчь и поцѣловать его руку. Когда онъ, опираясь на плечо своего единственнаго сына, прибылъ въ Неаполь, поэта уже не было тамъ; тщетно искалъ его старикъ и въ Римѣ; только въ Пармѣ удалось ему застать Петрарку, и онъ три дня не разлучался съ нимъ. Въ Бергамо жилъ ювелиръ, по имени Энрико Капра, восторженный поклонникъ Петрарки; онъ долго искалъ случая познакомиться съ поэтомъ, и это ему наконецъ удалось; тогда у него явилось честолюбивое желаніе увидѣть Петрарку гостемъ въ своемъ домѣ, и онъ такъ настойчиво просилъ, что поэтъ, наконецъ, согласился исполнить его пламенное желаніе. Когда онъ прибылъ въ Бергамо, у воротъ города его торжественно встрѣтили власти и почетныя лица коммуны, приглашая остановиться либо въ ратушѣ, либо въ домѣ одного изъ знатнѣйшихъ гражданъ города; ювелиръ съ трепетомъ ждалъ рѣшенія, но Петрарка остался вѣренъ данному слову. Угощеніе было царское; счастіе ювелира было такъ велико, что родные опасались за его разсудокъ. Когда вышелъ трактатъ Петрарки объ уединеніи, одинъ старый камальдульскій пріоръ, не найдя въ числѣ поименованныхъ авторомъ святыхъ отшельниковъ Ромуальда, основателя своего ордена, послалъ Петраркѣ его житіе съ настойчивою просьбой исправить эту ошибку; когда сдѣлалось извѣстнымъ, что поэтъ исполнилъ желаніе пріора, другой знакомый Петрарки потребовалъ того же почета для Іоанна изъ Валломброзы. Одинъ врачъ изъ Сіены писалъ Петраркѣ, что многія мѣста этого трактата

исторгли у него слезы, а кавальонскій епископъ заставлялъ братію читать за трапезой отдѣльныя главы его.

Его историческое значеніе.

Петрарка не достигъ бы такой славы при жизни, если бы далеко опередилъ свой вѣкъ. Дѣйствительно, Боккаччіо, его современникъ, переживаетъ ту же душевную борьбу, что и онъ; увлеченіе древностью еще при Петраркѣ и въ значительной мѣрѣ независимо отъ его вліянія охватываетъ всю мыслящую Италію. Но въ немъ, какъ въ крупномъ художникѣ, кризисъ его времени совершался съ несравненно большею напряженностью и силой, чѣмъ въ остальныхъ го современникахъ; онъ первый, благодаря этой самой интенсивности своей духовной жизни и благодаря своему большому литературному дарованію, ярко и въ обаятельной формѣ выразилъ чувства и стремленія, волновавшія его поколѣніе; наконецъ, новыя потребности, будучи въ немъ ярче и интенсивнѣе, чѣмъ въ ого современникахъ, заставили его первымъ въ различныхъ областяхъ жизни и мысли выступить изъ рамокъ традиціи. Такъ, кажется, можно опредѣлить историческую роль Петрарки.

М. Гершензонъ.

LXXXVI.

Роджеръ Бэконъ.

Значеніе Р. Бэкона въ исторіи средневѣковой мысли.

Роджеръ Бэконъ замѣчателенъ въ исторіи средневѣковой мысли, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ еще въ XIII вѣкѣ поднялъ знамя того возстанія противъ опиравшагося на Аристотеля схоластическаго метода мышленія, которое достигло своего кульминаціоннаго пункта лишь гораздо позже; сначала въ лицѣ итальянскихъ физиковъ и философовъ XVI вѣка (Телезія, Патриція, Джіордано Бруно и др.), а затѣмъ въ дѣятельности Петра Рамуса и лорда Франциска Бэкона Веруламскаго. Предвосхищая основную мысль послѣдняго, Р. Бэконъ горячо отстаиваетъ права опытнаго метода, доказываетъ необходимость не ограничиваться схоластическимъ выведеніемъ умозаключеній изъ непровѣренныхъ общихъ положеній, а обратиться къ прямому, опытному изслѣдованію природы. Въ связи съ этимъ Р. Бэконъ заслуживаетъ вниманія, во-вторыхъ, какъ самый выдающійся естествоиспытатель среднихъ вѣковъ, какъ единственный самостоятельный мыслитель въ области естественныхъ наукъ, бывшихъ тогда почти въ полномъ пренебреженіи.

Источники: *Fratris R. Bacon Opus majus.* Ed. S. Jebb. Londini. 1773. *Fr. R. Bacon* opera quaedam hactenus inedita. Vol. I, containing *Opus tertium, Opus minus, Compendium philosophiae.* Ed. J. S. Brewer. London. 1859 (въ серіи Rerum Britannicarum medii aevi scriptores).—**Пособія:** *E. Charles.* Roger Bacon. Paris. 1864. *Д. С. Милль.* Система логики. Пер. подъ ред. В. Н. Ивановскаго. М. 1897—99 г. *Hauréau.* Histoire de la philosophie scolastique. Paris. 1878 г. и слѣд., 2 vol. *Fr. Ueberweg.* Grundriss der Geschichte der Philosophie, II. *Fr. Bacon's* Novum Organum. ed. T. Fowler. Oxford. 1889. *В. Уэвель.* Исторія индуктивныхъ наукъ. Пер. М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. Спб. 1867. *Renan.* Averroès et l'averroisme и др. сочиненія по исторіи философіи.

Скажемъ сначала объ общемъ состоянiи средневѣковой науки и ея методовъ.

Схоластическое мышленiе. Аристотель.

Средневѣковая наука и философiя воспитались (помимо св. Писанiя) на греко-римской древности, преимущественно на Аристотелѣ *). Аристотель былъ непререкаемымъ авторитетомъ для схоластиковъ; онъ назывался просто philosophus, былъ какъ бы единственнымъ философомъ, несравнимымъ со всѣми другими. Схоластики сами называли себя его учениками, „перипатетиками"; они усвоили себѣ не только его теорiи, но и его методъ — со всѣми ихъ достоинствами и недостатками.

Аристотель, завершившiй своею философiей блестящее развитiе греческой мысли классическаго перiода, создалъ мiровоззрѣнiе, которое, при всей своей стройности и выработанности, страдало въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ большими недостатками. А именно, прежде всего, мышленiе Аристотеля слишкомъ подчинялось *популярной рѣчи* или *обычному словоупотребленiю*: вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, что именно есть въ дѣйствительности, онъ часто обращается къ языку и ищетъ указанiй на *факты* въ *словахъ*. Изъ грековъ вообще почти никто не зналъ ни одного языка, кромѣ своего родного; поэтому имъ было чрезвычайно трудно различать такiя вещи, которыя смѣшивалъ ихъ языкъ, и соединять умственно тѣ, которыя онъ различалъ, — и научныя изслѣдованiя греческихъ философскихъ школъ и ихъ средневѣковыхъ послѣдователей (схоластиковъ) представляютъ собою немногимъ больше простого выдѣленiя и разложенiя понятiй, связанныхъ съ терминами популярной рѣчи: всѣ эти мыслители думали, что, опредѣляя значенiе словъ, они могутъ познакомиться и съ фактами. Другою важною причиной ошибокъ Аристотеля служило общее ему со многими мыслителями древности и среднихъ вѣковъ мнѣнiе, будто къ природѣ приложимы тѣ понятiя, которыя выработаны людьми для явленiй нравственнаго порядка: понятiя блага, совершенства, красоты и т. п.; дальше мы увидимъ примѣры ошибочнаго пользованiя такими понятiями со стороны Аристотеля. Далѣе, надо указать еще и на то, что Аристотель обращалъ недостаточно вниманiя на тотъ фактическiй матерiалъ, которымъ онъ пользовался для построенiя своихъ теорiй. Такъ, приводимые имъ факты не всегда точны и полны — потому ли, что самъ онъ впадалъ при наблюде-

*) Общую характеристику схоластики см. во II выпускѣ (ст. „Мистика и схоластика XI–XII вѣковъ").

ніяхъ въ ошибки или потому, что онъ слишкомъ полагался на чужія описанія. Опытовъ онъ тоже производилъ далеко недостаточно; такъ, напримѣръ, въ подтвержденіе того, что нѣкоторые органы животныхъ могутъ возстанавливаться, онъ ссылается на опытъ, который будто бы показываетъ, что у молодыхъ птицъ глаза выростаютъ вновь, если ихъ вырѣзать; само собою разумѣется, что опытъ (если бы его Аристотель дѣйствительно произвелъ) далъ бы противоположный результатъ. Часто, подъ видомъ показаній наблюденія и опыта, Аристотель приводитъ просто ходячія розсказни: такъ, онъ говоритъ, будто у льва шея состоитъ не изъ позвонковъ, а изъ одной цѣльной кости, будто у крокодила верхняя челюсть подвижна и т. п.

Эти недостатки ученій Аристотеля особенно замѣтны на его механическихъ и физическихъ теоріяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ ошибочныхъ разсужденій. „Пустоты нѣтъ и быть не можетъ"... Это положеніе Аристотель доказываетъ такимъ разсужденіемъ: пустота есть *лишеніе или отрицаніе вещества*, своего рода *ничто*; въ „ничто" нѣтъ и не можетъ быть никакихъ частей, никакихъ различій; поэтому и въ пустотѣ не можетъ быть никакихъ различій, а слѣдовательно, и различій между „верхомъ" и „низомъ"; а разъ въ ней нѣтъ ни верха, ни низа, конечно, и тѣла не могутъ двигаться въ ней ни „вверхъ", ни „внизъ"; между тѣмъ движеніе тѣлъ вверхъ и внизъ мы называемъ присущими ихъ природѣ, *естественными* для нихъ. Слѣдовательно, эти движенія должны всегда существовать; а такъ какъ ихъ нѣтъ и не можетъ быть въ пустотѣ, то пустота невозможна.

Или вотъ еще одно разсужденіе Аристотеля: міровая сфера вращается на своей оси; ее вращаетъ „Первый двигатель", являющійся причиною всякаго движенія въ мірѣ, но самъ неподвижный... Гдѣ находится этотъ Первый двигатель: въ центрѣ міра или на его внѣшней поверхности? На внѣшней поверхности, рѣшаетъ Аристотель: ибо внѣшняя поверхность міра движется быстрѣе его внутреннихъ частей; а болѣе быстрое движеніе можно объяснить только бо́льшею близостью къ источнику движенія.

Въ началѣ своего сочиненія „О небѣ" Аристотель доказываетъ *совершенство* міра такъ: „тѣла, изъ которыхъ состоитъ міръ, имѣютъ три измѣренія; а три есть *самое совершенное число*: это — *первое* изъ чиселъ, потому что единицу мы не можемъ считать „числомъ"; о „двухъ" мы говоримъ „оба"; три же есть первое число, о которомъ мы говоримъ *всѣ*; кромѣ того, оно имѣетъ начало, средину и конецъ" и т. д., и т. д.

Недостатки схоластики.

У схоластиковъ всѣ вышеуказанные недостатки были еще сильнѣе, чѣмъ у Аристотеля: ихъ грубое мышленіе не было въ состояніи разобраться и въ томъ, въ чемъ легко разбирались тонкіе и проницательные греческіе мыслители.

Кромѣ того, самое происхожденіе схоластики загораживало отъ нея прямое изслѣдованіе природы, направляя ея силы на изученіе книгъ, а не дѣйствительности, авторитетовъ, а не фактовъ. Схоластика возникла изъ необходимости развить, истолковать и обосновать ученіе о религіи по правиламъ аристотелевской логики; но уже вскорѣ она признала Аристотеля своимъ вторымъ (послѣ св. Писанія) авторитетомъ и стала соединять въ единое цѣлое міровоззрѣніе оба свои источника, стала приспособлять Аристотеля къ св. Писанію, обрабатывать его съ точки зрѣнія христіанскаго вѣроученія. При этомъ схоластикѣ приходилось, конечно, особенно часто прибѣгать къ истолкованіямъ, къ соглашеніямъ, къ подсчитыванію авторитетовъ и т. п., и изученіе самой дѣйствительности, стоявшее еще довольно высоко у Аристотеля (несмотря на всѣ его промахи), у схоластиковъ отошло совсѣмъ на задній планъ.

Заслуги схоластики.

Правда, на этомъ трудномъ и неблагодарномъ поприщѣ истолкованія чужихъ мыслей схоластики обнаружили такую силу, тонкость и точность логической мысли, такую умственную ловкость и изворотливость, что, хотя они добыли мало дѣйствительно цѣнныхъ пріобрѣтеній для общей сокровищницы человѣческаго знанія, зато они воспитали въ своихъ современникахъ благородное стремленіе къ умственной дѣятельности и крѣпкую логику, точность языка и послѣдовательность мышленія. Схоластика для своего времени была, несомнѣнно, большимъ шагомъ впередъ: она защищала права мысли и сама часто за нихъ страдала; она воспитывала въ своей трудной школѣ пастырей и учителей церкви, простыхъ священниковъ и папъ, проповѣдниковъ и ученыхъ, легистовъ и правителей, и черезъ нихъ вліяла на весь строй общественной и церковной жизни, на нравы и понятія, на идеалы и жизненный обиходъ среднихъ вѣковъ; она создала и выростила для своихъ потребностей университеты и черезъ нихъ установила тѣсное общеніе и благопріятную среду для быстраго распространенія новыхъ умственныхъ запросовъ и новыхъ идей; она объединила въ умственномъ отношеніи всю Западную Европу такъ же, какъ католицизмъ и власть римскаго папы объединяли ее въ отношеніи религіозно-церковномъ, какъ латынь—въ отношеніи языка.

Но, повторяемъ, несмотря на эти заслуги, схоластика носила

въ себѣ всѣ недостатки аристотелевскаго мышленія, притомъ еще въ усиленной степени, сравнительно съ Аристотелемъ. И вотъ, едва ли не первымъ, кто ясно увидѣлъ эти недостатки, кто разоблачилъ ихъ и указалъ средства для ихъ исправленія, былъ геніальный францисканскій монахъ Роджеръ Бэконъ.

Р. Бэконъ.

Р. Бэконъ, по происхожденію англичанинъ, родился около 1214 г. близъ Ильчестера (въ графствѣ Сомерсетъ). Онъ происходилъ изъ зажиточной рыцарской семьи, учился въ Оксфордскомъ университетѣ, гдѣ въ то время наиболѣе видными профессорами были выдающійся математикъ Адамъ Марчъ и Робертъ Гроссетэтъ *) (Grossum Caput, Greathead, Grossetête—Большеголовый), впослѣдствіи епископъ линкольнскій, замѣчательно разносторонній ученый и въ то же время видный политическій дѣятель въ эпоху Генриха III. Какъ Адамъ Марчъ, такъ и Робертъ принадлежали къ партіи бароновъ, во главѣ которой стоялъ Симонъ де-Монфоръ. Напротивъ, семья Бэконовъ стояла за короля; братья Роджера Бэкона потеряли даже въ этой борьбѣ свое состояніе.

Въ Оксфордскомъ университетѣ того времени, въ отличіе отъ Парижа, преподаваніе не сосредоточивалось на богословіи, а включало и цѣлый рядъ другихъ предметовъ: тамъ были люди, знавшіе греческій языкъ (Робертъ Гроссетэтъ изучилъ его, будучи 70 лѣтъ отъ роду), а, вѣроятно, также и еврейскій съ арабскимъ; тамъ много занимались математикой, физикой, астрономіей, алхиміей, производили много опытовъ; тамъ было довольно сильно вліяніе *арабской* философіи, которая болѣе, чѣмъ аристотелевская, опиралась на опытъ.

Философія и наука у арабовъ.

Арабы, особенно при халифахъ изъ дома аббасидовъ, быстро усвоили плоды греческаго просвѣщенія и даже сдѣлали кое-что для дальнѣйшаго развитія науки. Съ произведеніями Аристотеля и другихъ греческихъ мыслителей арабы ознакомились черезъ сирійскихъ несторіанъ (христіанскихъ еретиковъ, послѣдователей константинопольскаго епископа Несторія), бѣжавшихъ въ V вѣкѣ отъ безпощадныхъ преслѣдованій византійскихъ императоровъ въ Персію и Месопотамію и тамъ нашедшихъ себѣ пріютъ. Несторіане принесли съ собою въ Персію и многія изъ произведеній греческой философіи въ сирійскихъ переводахъ. Въ VIII и IX вѣкахъ по Р. Х. были переведены на арабскій языкъ (съ сирійскаго) всѣ главнѣйшія сочиненія греческихъ философовъ; въ это время (особенно при

*) О немъ см. выпускъ III, стр. 77 сл.

халифѣ Аль-Мамунѣ, въ началѣ IX вѣка) Багдадъ былъ центромъ оживленной научной дѣятельности. Въ его школахъ, а также въ школахъ другихъ крупнѣйшихъ городовъ: Самарканда, Басры, Каира, Александріи, Кордовы, читались и толковались Платонъ и Аристотель, новоплатоники, греческіе географы, врачи и астрономы, были устроены библіотеки и обсерваторіи. Представителями арабской науки и философіи были по большей части не духовныя лица (какъ это имѣло мѣсто въ Западной Европѣ), а врачи. Поэтому тамъ изученіе античной медицины и естествознанія шло рука объ руку съ изученіемъ философіи: Гиппократа и Галена читали и переводили не меньше, чѣмъ Платона и Аристотеля. Особенно значительныхъ (по тому времени) успѣховъ арабы достигли въ физіологіи, химіи, механикѣ, оптикѣ, минералогіи *). А. Гумбольдтъ думалъ, что въ „арабахъ надо видѣть истинныхъ основателей физическихъ наукъ въ томъ смыслѣ, какой мы тѣсно соединяемъ съ этимъ наименованіемъ". По мнѣнію Гумбольдта, арабы первые ввели настоящій научный „опытъ": Аристотель и другіе греческіе ученые производили только наблюденія. Если даже въ этомъ отзывѣ и есть преувеличеніе, то во всякомъ случаѣ заслуги арабовъ передъ естествознаніемъ довольно значительны, особенно въ сравненіи съ тѣмъ, что въ ту эпоху сдѣлали для этой отрасли знаній западно-европейскіе схоластики. Изъ арабскихъ ученыхъ въ багдадскомъ халифатѣ особенно знаменитъ былъ Авиценна (980—1038 г.), „князь врачей", въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ бывшій авторитетомъ для европейскихъ медиковъ; его Canon medicinae былъ настольною книгой средневѣковыхъ врачей. Кромѣ того, Авиценна имѣлъ большое вліяніе какъ авторъ философскихъ сочиненій, особенно по метафизикѣ и логикѣ, въ которыхъ онъ близко слѣдуетъ Аристотелю. Изъ испанско-арабскихъ мыслителей особенно большое значеніе въ средневѣковой Западной Европѣ имѣлъ Аверроэсъ (1126—1198 г.), написавшій рядъ комментаріевъ почти ко всѣмъ сочиненіямъ Аристотеля и называвшійся поэтому „комментаторомъ". „Аверроизмъ" въ средніе вѣка считался еретическою философіею,

*) О вліяніи арабовъ, ихъ науки и культуры, ихъ открытій и изобрѣтеній на Западную Европу можно судить по массѣ понятій и терминовъ, усвоенныхъ западно-европейскими языками изъ арабскаго. Слова: цифра, алгебра, адмиралъ, эскадра, флотъ, фрегатъ, барка, зенитъ, надиръ, алхимія, алкоголь, эликсиръ, гашишъ, и множество другихъ—арабскаго происхожденія. У арабовъ же заимствованы знаки нашихъ цифръ и нотъ, названіе многихъ звѣздъ (Вега, Альдобаранъ и др.) и т. п.

такъ какъ онъ выводилъ изъ Аристотеля противныя христіанству ученія: о вѣчности міра и матеріи, о томъ, что личнаго безсмертія нѣтъ, и др.

Евреи знакомятъ Зап. Европу съ Аристотелемъ и арабской философіей.

Въ Западную Европу эта арабская философская литература проникла въ самомъ концѣ XII и въ началѣ XIII вв. при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ это время въ арабской Испаніи начались смуты; кордовскій халифатъ сталъ быстро слабѣть и разлагаться... Проснулся и религіозный фанатизмъ арабовъ, раньше сдерживавшійся мирнымъ развитіемъ и культурнымъ процвѣтаніемъ Испаніи. Тяжелѣе всего приходилось отъ него евреямъ, которые стали массами переходить изъ Испаніи въ южную Францію, принося съ собою какъ свою, еврейскую литературу, такъ и сочиненія арабскихъ и греческихъ мыслителей (въ переводахъ). Уже и ранѣе, правда, переводили древнія сочиненія въ южной Италіи и въ Испаніи (въ Толедо одно время существовала цѣлая коллегія переводчиковъ). Но теперь, благодаря наплыву новыхъ арабскихъ и еврейскихъ рукописей и людей, знакомыхъ съ этими языками, эта переводная дѣятельность получила новый толчокъ, и вскорѣ арабская философская литература стала распространяться и по Западной Европѣ. Однимъ изъ мѣстъ, гдѣ эта литература была хорошо принята, и былъ Оксфордъ въ ту эпоху, когда въ немъ учился Бэконъ.

Надо замѣтить, что испанскіе евреи познакомили Европу не только съ арабскою философіей, но и съ Аристотелемъ — въ его полномъ составѣ. Дѣло въ томъ, что до конца XII вѣка въ Европѣ знали въ латинскихъ переводахъ лишь немногія (преимущественно логическія) сочиненія Аристотеля. Теперь же были переведены (съ арабскаго и еврейскаго) и остальныя его сочиненія: по метафизикѣ, физикѣ, психологіи, естественнымъ наукамъ. Появленіе этихъ переводовъ составило эпоху въ развитіи схоластической философіи. Если раньше средневѣковая философская мысль вращалась преимущественно около такихъ вопросовъ, какъ вопросъ о природѣ универсалій [1]), то теперь стала возможною разработка (на основахъ, данныхъ Аристотелемъ) всѣхъ отдѣловъ знанія. Поэтому обыкновенно исторію схоластической философіи и дѣлятъ на 2 періода: первый (приблизительно до 1200 года) есть періодъ неполнаго знакомства съ Аристотелемъ; второй есть время ознакомленія со всѣми его произведеніями, время полнаго усвоенія и переработки ученій этого философа.

---

[1]) См. статью „Мистика и схоластика XI—XII вѣковъ" (во II выпускѣ).

Торжество философіи Аристотеля.

Впрочемъ, Аристотель одержалъ побѣду надъ средневѣковою мыслью не сразу. Католическая церковь была въ самомъ началѣ XIII вѣка напугана новыми, пантеистическими ересями, а потому строго запретила не только чтеніе, но даже и храненіе у себя какихъ бы то ни было сочиненій Аристотеля, кромѣ логическихъ (логическія сочиненія его издавна изучались въ школахъ; къ тому же знакомство съ логическими правилами было необходимо при изученіи богословія). Такія запрещенія были изданы въ 1209 и 1215 годахъ. Но, несмотря на это, уже въ 1231 году папа Григорій IX приказалъ лучшимъ изъ богослововъ Парижскаго университета „разобрать недавно запрещенныя книги по естественной философіи и, тщательно устранивши и исключивши изъ нихъ всякія заблужденія, остальныя части ихъ допустить къ изученію немедленно и безъ опасеній“. Съ этого момента началось преобладаніе въ университетахъ Аристотелевской философіи. Особенно много сдѣлали въ этомъ направленіи нищенствующіе братья: францисканцы и доминиканцы, которымъ и принадлежитъ честь соглашенія Аристотеля съ ученіями католицизма, честь выработки „средневѣкового міровоззрѣнія“ [1]).

Бэконъ въ Парижѣ и Оксфордѣ.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе дѣлъ въ „республикѣ ученыхъ“ въ то время, когда Р. Бэконъ кончилъ свое уче-

---

[1]) Уже въ первой половинѣ XIII вѣка среди францисканцевъ явился знаменитый Александръ Гэльсъ († 1245 г), написавшій обширный сводъ католическаго богословія (Summa theologiae) и получившій за это почетное прозваніе *doctor irrefragabilis* („неопровержимый ученый“). Его „Сумма“ послужила образцомъ для многихъ другихъ. Вскорѣ и доминиканцы выдвинули Гэльсу достойнаго соперника въ лицѣ нѣмца Альберта (1193—1280 г.), прозваннаго за свою ученость „Великимъ“ и слывшаго въ народѣ чародѣемъ. Изъ учениковъ Альберта самый знаменитый—Ѳома Аквинскій (1227—1274), высшій представитель католическаго богословія, возведенный западною церковью въ 1323 г. во святые. Его ученія были приняты почти всею католическою церковью; одни францисканцы были всегда противниками „томизма“. Ѳома назывался *doctor angelicus*, *angelus scholarum* („ангельскій ученый“, „ангелъ школъ“) И даже въ наше время, когда папамъ приходится защищать и возстанавливать католицизмъ, они не могутъ найти для этой цѣли ничего лучше сочиненій св. Ѳомы. Въ 1879 г. всѣмъ вѣрнымъ католикамъ рекомендовано изученіе сочиненій Ѳомы; а папа Левъ XIII предпринялъ на свой счетъ великолѣпное ихъ изданіе. Кромѣ того, сейчасъ во всѣхъ католическихъ странахъ Зап. Европы выходятъ журналы и книги, ставящіе своею задачею изложеніе и соглашеніе съ современною наукою ученій Ѳомы.

Изъ среды францисканцевъ противникомъ Ѳомы Аквинскаго явился Дунсъ Скотъ (1274—1308 г.), прозванный за тонкость своей діалектики *doctor subtilis* („утонченный“).

ніе въ Оксфордѣ. По обычаю того времени, ему теперь слѣдовало отправиться за дальнѣйшою наукой въ центръ тогдашней умственной жизни — въ Парижскій университетъ. Бэконъ такъ и сдѣлалъ: онъ провелъ въ Парижѣ цѣлыхъ 13 лѣтъ (1237—1250 г.). Хотя это было цвѣтущее время Парижскаго университета, хотя въ немъ преподавали тогда наиболѣе знаменитые ученые изъ нищенствующихъ, однако, Бэконъ остался совершенно недоволенъ парижскою наукой: всѣ эти доминиканцы и францисканцы были, по его мнѣнію, невѣжды въ сравненіи съ Робертомъ Гросстетомъ и другими оксфордскими учителями Бэкона. Бэкона возмущало то, что парижскіе ученые работаютъ не надъ источниками знанія и мудрости, не надъ самимъ св. Писаніемъ, а надъ разными комментаторами и излагателями, особенно надъ Liber sententiarum Петра Ломбарда. Эта книга пользуется у нихъ большимъ вниманіемъ, чѣмъ самые источники вѣроученія. Всѣ эти ученые изучаютъ только чужія мнѣнія; никто изъ нихъ не знакомится съ самою природою, не подвергаетъ ее опытному изслѣдованію...

Въ 1250 г. Бэконъ вернулся въ Оксфордъ. Черезъ нѣкоторое время умерли его прежніе друзья и покровители: Робертъ Гросстетъ скончался въ 1253 г., а Адамъ Марчъ въ 1257 г., — и Бэконъ остался одинокимъ. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ именно въ это время сталъ монахомъ францисканскаго ордена; по другимъ, онъ поступилъ въ него значительно раньше. Независимость характера и рѣзкость языка навлекли на Бэкона неудовольствіе генерала ордена Іоанна Бонавентуры. Десять лѣтъ (1257—1267) провелъ Бэконъ въ опалѣ... Все это время онъ лишь съ большимъ трудомъ могъ продолжать свои научныя занятія, такъ какъ невѣжественные и подозрительно къ нему относившіеся монахи смотрѣли на него, какъ на чародѣя, и приходили въ суевѣрный ужасъ, когда онъ принимался за свои вычисленія и астрономическія таблицы или пробовалъ научить кого-нибудь наблюдать положеніе звѣздъ...

Сношенія Бэкона съ папой Климентомъ IV.

Наконецъ, судьба сжалилась надъ нимъ. Въ 1265 г. на папскій престолъ былъ избранъ, подъ именемъ Климента IV, кардиналъ Гвидо Фулькоди (или, по-французски, Гюи де-Фулькъ), слыхавшій кое-что о Бэконѣ. А именно, въ 1263 или 1264 году кардиналъ Гвидо Фулькоди, бывшій тогда епископомъ сабинскимъ, пріѣзжалъ, въ качествѣ папскаго легата, въ Англію съ цѣлью помирить возставшихъ бароновъ съ королемъ Генрихомъ III. Въ это свое пребываніе въ Англіи Гвидо Фулькоди заинтересовался ученымъ окс-

фордскимъ монахомъ; онъ много слышалъ о немъ, хотя лично, повидимому, не видалъ его. Когда же кардиналъ Фулькоди былъ избранъ на папскій престолъ, Бэконъ рѣшился напомнить ему о себѣ и тайкомъ, черезъ одного рыцаря, переслалъ ему письмо, въ которомъ извѣщалъ о своемъ печальномъ положеніи, жаловался на притѣсненія, которыя онъ терпитъ, указывалъ на упадокъ науки и на главныя препятствія ея преуспѣянію и рекомендовалъ нѣкоторыя средства улучшить положеніе дѣла. Вскорѣ отъ папы пришелъ отвѣтъ, въ которомъ папа приказывалъ Бэкону, не обращая вниманія на притѣсненія, тайно написать и прислать ему сочиненіе, подробно излагающее вопросы, затронутые Бэкономъ въ его письмѣ.

Положеніе Бэкона было очень трудное: папа не прислалъ денегъ; между тѣмъ письменные матеріалы были дороги, надо было платить переписчику; приходилось бояться и за свой трудъ, и за сохраненіе тайны. Но могучая энергія Бэкона превозмогла все: онъ отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ, занималъ, у кого могъ, деньги и, наконецъ, послалъ папѣ съ довѣреннымъ лицомъ первое и главное сочиненіе свое—Opus Majus, а вскорѣ затѣмъ еще Opus Minus и Opus Tertium. Посылая ихъ, Бэконъ извинялся, что не можетъ, какъ того хотѣлъ папа, дать сейчасъ же законченное изложеніе всей системы знанія; всѣ эти три произведенія — просто очерки, программы для будущихъ работъ; выработать законченное ученіе не подъ силу даже соединеннымъ трудамъ большого количества хорошо подготовленныхъ ученыхъ.

Вниманіе со стороны папы сдѣлало болѣе сноснымъ положеніе Бэкона, — однако, не надолго: Климентъ IV уже въ 1268 г. умеръ, и на папскій престолъ вступилъ Григорій X, относившійся враждебно къ Бэкону.

Нѣсколько лѣтъ, впрочемъ, его еще не трогали, и до 1278 года онъ жилъ большею частью въ Оксфордѣ. Впослѣдствіи здѣсь хранилось много разсказовъ о чудесахъ магіи, которыя онъ будто бы дѣлалъ, и съ нѣкоторымъ страхомъ показывали башню, служившую ему обсерваторіей, и передавали, какъ этотъ монахъ — одинъ смотрѣлъ по ночамъ на небо, окруженный какими-то приборами и инструментами, чертилъ круги и т. п. загадочные знаки, что-то вычислялъ и записывалъ. За эти-то никому тогда непонятныя наблюденія и вычисленія Бэконъ и получилъ прозваніе doctor mirabilis („ученый, возбуждающій удивленіе“).

Бэконъ въ заключеніи.

Въ 1277 г. парижскій епископъ Этьенъ Тампье объявилъ еретическими и торжественно осудилъ болѣе 200 философскихъ поло-

женій, бывшихъ въ ходу въ университетскомъ преподаваніи того времени и шедшихъ, главнымъ образомъ, изъ арабскихъ источниковъ. Въ числѣ ихъ были и нѣкоторыя—большею частью, астрологическія—ученія Бэкона, который вообще очень высоко ставилъ астрологію.

Астрологія являлась, въ сущности, зачаточною формой самой строгой и точной изъ современныхъ естественныхъ наукъ — астрономіи. Но астрологи того времени, и въ числѣ ихъ Бэконъ, шли гораздо далѣе того, что можно было доказать научными методами, и часто увлекались совершенными химерами. Такъ, Бэконъ говоритъ серьезно о гороскопахъ (т. е. о судьбѣ, выведенной на основаніи сочетаній созвѣздій) іудейской, христіанской и магометанской религій; высказываетъ мысль, что самыя религіи, ихъ возникновеніе и паденіе зависятъ отъ сочетаній небесныхъ тѣлъ. „Астрономы выводятъ шесть главныхъ сектъ: секту Сатурна — іудейскую, секту Марса — халдейскую, секту Солнца—египетскую, секту Венеры — сарацинскую и секту Меркурія... это и есть законъ христіанскій, исполненный мудрости и краснорѣчія, законъ пророка, рожденнаго Дѣвой. Секта луны есть секта мерзости и зла, секта антихриста“ [1]). Христіанская религія, по этому странному взгляду, возникла вслѣдствіе соединенія планетъ Юпитера и Меркурія; соединеніе же Луны съ Юпитеромъ послужитъ будто бы причиною полнаго уничтоженія всѣхъ религіозныхъ вѣрованій. За такія еретическія мнѣнія Бэконъ былъ въ 1278 г. посаженъ въ заключеніе, изъ котораго вышелъ только черезъ 14 лѣтъ — семидесяти-восьмилѣтнимъ старикомъ. Силы его были совершенно надорваны, и въ 1294 г. онъ умеръ.

Бэконъ какъ обличитель современниковъ.

Преслѣдованія, которыя терпѣлъ Бэконъ, объяснялись, впрочемъ, не одними его астрологическими заблужденіями; его преслѣдовали за тотъ духъ рѣзкаго протеста, критики и отрицанія средневѣковыхъ формъ жизни, который жилъ въ немъ. Бэконъ смѣло указывалъ на тѣ недостатки и пороки, въ которыхъ погрязало все тогдашнее духовенство, долженствовавшее служить примѣромъ для міряиъ. „Вездѣ царитъ полнѣйшая испорченность, начиная съ самаго верха, — говоритъ онъ. — Святой престолъ сталъ добычей обмана и лжи; справедливость гибнетъ, миръ нарушается, постоянно совершаются возмутительныя вещи (scandala). Нравы тамъ развращены; тамъ царствуетъ гордыня, процвѣтаетъ стяжатель-

[1]) Opus Tertium, pp. 271 2.

ность, зависть гложетъ людей, роскошь позоритъ весь папскій дворъ, тамъ всѣми овладѣла прожорливость... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ святой престолъ пустуетъ изъ-за интригъ, зависти и происковъ честолюбія... Если таково положеніе главы церкви, то каковы же члены?! Посмотрите на прелатовъ, жадно собирающихъ богатства; не заботясь о ввѣренныхъ имъ душахъ, они хлопочутъ за своихъ родственниковъ и мірскихъ друзей... или на коварныхъ законниковъ, смущающихъ весь міръ своими навѣтами. Между тѣмъ труженики, всю жизнь занимающіеся философіей и теологіей, у всѣхъ въ презрѣніи!.. Посмотрите, далѣе, на монаховъ всѣхъ орденовъ безъ исключенія; какъ сильно отклонились всѣ они отъ того, чѣмъ они должны были бы быть! какъ страшно упали, какъ много потеряли новые [1]) ордена изъ своего прежняго достоинства! Все духовенство предано гордости, роскоши, жадности. Клирики, гдѣ только они ни соберутся въ большомъ числѣ: въ Парижѣ или Оксфордѣ, смущаютъ всѣхъ мірянъ побоищами, безчинствами и прочими пороками... Князья, бароны и рыцари притѣсняютъ и грабятъ одни другихъ, разоряютъ своихъ подданныхъ безконечными войнами и поборами; имъ нравится присвоивать себѣ чужое добро—даже чужія герцогства и королевства, какъ мы это видимъ въ наши дни. Вѣдь извѣстно, что король Франціи совершенно беззаконно отнялъ у короля Англіи обширныя владѣнія [2]). Точно такъ же и Карлъ совершенно разгромилъ наслѣдниковъ Фридриха [3]). Никто не заботится о томъ, что будетъ и какъ будетъ; никто не дѣлаетъ различія между правомъ и нарушеніемъ права,— всякій стремится только къ исполненію своихъ желаній... Народъ, уже раздраженный князьями, ненавидитъ ихъ и потому, гдѣ только можетъ, выходитъ изъ подчиненія имъ... О купцахъ и ремесленникахъ нѣтъ даже и рѣчи: всѣ слова и поступки ихъ—безмѣрная ложь и обманъ" [4]). „Богъ, конечно, по своей безпредѣльной благости, долготерпѣнію и мудрости, не сразу наказываетъ родъ человѣческій: Онъ отсрочиваетъ наказаніе, пока не исполнится мѣра неправды, которой уже нельзя и не слѣдуетъ далѣе терпѣть. Такъ,

---

1) Т. е. нищенствующіе (францисканцы и доминиканцы).

2) Бэконъ имѣетъ здѣсь въ виду, очевидно, потерю англійскими королями (въ первой половинѣ XIII вѣка) всей западной Франціи—при Филиппѣ II Августѣ.

3) Карлъ Анжуйскій, отнявшій Неаполь и Сицилію у потомковъ Фридриха II Гогенштауфена.

4) *Compendium studii philosophiae*, pp. 399—400.

въ книгѣ Бытія мы читаемъ, что Богъ не хотѣлъ отдать патріархамъ обѣтованиую землю, потому что не исполнилась еще мѣра неправды аморреевъ; когда же она исполнилась, тогда Богъ черезъ сыновъ Израиля, вышедшихъ изъ Египта, изгналъ невѣрныхъ и недостойныхъ. Точно такъ же и согрѣшившихъ сыновъ Израиля Онъ не тотчасъ изгналъ, а многократно предупреждалъ ихъ о своемъ гнѣвѣ. Но, въ концѣ концовъ, Онъ изгналъ ихъ изъ дарованной имъ земли, и они ушли въ плѣнъ Вавилонскій. И достаточно покаравъ ихъ, Онъ привелъ ихъ обратно въ землю ихъ... и, наконецъ, окончательно погубилъ вѣроломныхъ іудеевъ черезъ Тита Веспасіана, такъ какъ въ это время уже исполнилась мѣра неправды іудеевъ... Такъ и въ наше время исполнилась мѣра злобы человѣческой, и нужно, чтобы справедливый папа со справедливымъ государемъ, мечъ матеріальный съ мечомъ духовнымъ, очистили церковь. Иначе она будетъ наказана явленіемъ Антихриста, страшнымъ возмущеніемъ, раздорами христіанскихъ государей, нашествіемъ татаръ, сарацинъ и другихъ царей Востока"... [1]).

Понятно, что такія смѣлыя обличенія не могли пройти даромъ безпокойному и непокорному францисканскому монаху... Насколько могъ, онъ защищался противъ возможныхъ (и, вѣроятно, дѣйствительно выставлявшихся противъ него) обвиненій, указывая на то, что даже святые люди часто бывали несправедливы къ новымъ идеямъ, что они не понимали ихъ и ихъ представителей. „Новыя идеи всегда встрѣчаютъ возраженія даже со стороны святыхъ и хорошихъ людей, мудрыхъ въ другихъ отношеніяхъ: Аaронъ и Маріамъ противились Моисею, какъ писано въ книгѣ Числъ, и однако Аaронъ — святой и Маріамъ также. Святые осудили переводъ Библіи бл. Іеронима и звали его исказителемъ и фальсификаторомъ Писанія. Бл. Августинъ осыпаетъ его порицаніями, и другіе святые осмѣиваютъ его. Но по смерти Іеронима переводъ его превозмогъ, и нынѣ имъ пользуется все латинское христіанство... Сорокъ лѣтъ тому назадъ богословы, парижскій епископъ и всѣ тогдашніе ученые осудили и предали отлученію Физику и Метафизику Аристотеля, нынѣ всѣми признаваемыя за здравое и полезное ученіе. Много, конечно, было святыхъ и добрыхъ между іудеями, когда распятъ былъ Господь, и однако всѣ оставили Его, кромѣ Матери, св. Іоанна и Маріи, да и то одна Мать Божія имѣла, какъ говорятъ, настоящую вѣру"...

[1]) Ibidem, pp. 403—4.

Бэконъ какъ критикъ схоластическаго мышленія и защитникъ опыта.

Главное значеніе Бэкона, главная историческая заслуга его, какъ мы уже говорили,—въ томъ, что онъ былъ едва ли не первымъ выдающимся критикомъ средневѣковой схоластики: онъ первый указалъ ея недостатки и предложилъ реформу научныхъ методовъ, съ которой необходимо должна была начаться общая реформа науки.

„Четыре, въ высшей степени заслуживающія порицанія, вещи составляютъ помѣхи дѣлу истины, говоритъ Бэконъ. Онѣ стоятъ на дорогѣ всякому мыслителю и едва позволяютъ кому бы то ни было достигнуть настоящей мудрости. Вотъ эти помѣхи: преклоненіе передъ неосновательными и недостойными авторитетами, долговременная привычка (къ извѣстнымъ мнѣніямъ), неосновательность сужденій толпы и, наконецъ, скрываніе (учеными) своего невѣжества, вмѣсто котораго они выставляютъ напоказъ свою призрачную мудрость... Отъ этихъ язвъ происходитъ все зло человѣческаго рода; благодаря имъ, люди не знакомятся съ наиболѣе полезными, великими и прекрасными памятниками мудрости и тайнами всѣхъ наукъ и искусствъ. Еще хуже то, что этотъ четвероякій призракъ мѣшаетъ людямъ понимать свое собственное невѣжество: они, напротивъ, всячески прикрываютъ и отстаиваютъ его и потому не находятъ отъ него лѣкарствъ. Самое же худшее—то, что, сидя во мракѣ заблужденій, они увѣрены въ томъ, что живутъ въ полномъ свѣтѣ истины. Поэтому самую чистую истину они считаютъ крайнею ошибкой, самое превосходное — не имѣющимъ никакой цѣны, самое великое—ничего не стоющимъ и, напротивъ, прославляютъ рѣшительно ложное, хвалятъ дурное, превозносятъ въ своемъ ослѣпленіи негодное... Гдѣ имѣютъ силы три первыя помѣхи знанію, тамъ не дѣйствуетъ ни разумъ, ни право, ни законъ, тамъ нѣтъ мѣста для правды, тамъ не имѣютъ силы предписанія природы, искажается порядокъ вещей, господствуетъ порокъ, добродѣтель исчезаетъ, тамъ царствуетъ ложь и гибнетъ истина" [1]).

Переходя далѣе къ первой изъ перечисленныхъ помѣхъ знанію — къ господству авторитета, Бэконъ оговаривается, что онъ имѣетъ въ виду „никоимъ образомъ не тотъ обоснованный и истинный авторитетъ, который данъ Богомъ церкви или самъ собою проявляется въ святыхъ философахъ и совершенныхъ пророкахъ вслѣдствіе ихъ заслугъ и достоинствъ, такъ какъ они, въ предѣлахъ человѣческой возможности, усвоили себѣ мудрость". Бэконъ говоритъ „о томъ авторитетѣ, который безъ соизволенія Божія насильственно присвоили

[1]) *Opus Majus*, въ началѣ.

себѣ многіе въ мірѣ семъ—но за мудрость свою, но по своей притязательности и страсти къ славѣ. Неопытный же народъ соглашается признать такой авторитетъ за многими—на свою собственную погибель... Ибо, по Писанію, за грѣхи народа часто царствуетъ лицемѣръ. Итакъ, это — софистическіе авторитеты необразованной толпы, такъ же похожіе на истинные авторитеты, какъ каменный или нарисованный глазъ похожъ на настоящій: то же названіе, но сущность другая" [1])...

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ этомъ обличеніи Бэконъ имѣлъ въ виду признанныхъ руководителей средневѣковой мысли, схоластиковъ.

Въ противоположность такимъ ложнымъ авторитетамъ, Бэконъ защищаетъ право самостоятельнаго и непосредственнаго изслѣдованія, право *опыта*. Главною причиной научнаго безплодія и безсилія схоластики является, по его мнѣнію, недостатокъ у нея свободы при изслѣдованіи такихъ предметовъ, относительно которыхъ верховнымъ судьей должно быть опытное изслѣдованіе.

„Есть три источника знанія, — говоритъ онъ: авторитетъ, разумъ (или отвлеченное разсужденіе, ratio) и опытъ. Однако, авторитетъ недостаточенъ, если у него нѣтъ разумнаго основанія, безъ котораго онъ производитъ не пониманіе, а лишь принятіе на вѣру; мы вѣримъ авторитету, но не черезъ авторитетъ понимаемъ. И разумъ (отвлеченное разсужденіе) одинъ не можетъ отличить софизма отъ настоящаго доказательства, если онъ не можетъ оправдать свои выводы опытомъ"... „Доказательство (argumentum) умозаключаетъ и насъ заставляетъ умозаключать относительно даннаго вопроса; но оно не удостовѣряетъ и не устраняетъ сомнѣній, не успокаиваетъ духа въ созерцаніи истины, если духъ не найдетъ ея при помощи опыта"... Опытъ одинъ даетъ настоящее и окончательное рѣшеніе вопроса, и хотя бы „человѣкъ, никогда не видавшій огня, имѣлъ достаточное доказательство (probavit per argumenta sufficientia), что огонь жжетъ, портитъ и разрушаетъ вещи, все же духъ его не успокоился бы на такомъ знаніи и онъ не сталъ бы избѣгать огня, пока не положилъ бы въ огонь руку или какой-либо горючій предметъ и не убѣдился бы черезъ опытъ въ томъ, что онъ узналъ изъ доказательствъ. Послѣ же опыта сожженія чего-либо духъ пріобрѣтетъ увѣренность и успокаивается въ сіяніи истины (in fulgore veritatis)".

---

[1]) Ibidem.

Пренебрегая опытомъ и не провѣряя имъ своихъ утвержденій, ученые пишутъ, а толпа считаетъ за доказанное, множество ложныхъ положеній. Такъ, говорятъ, „будто алмазъ нельзя расколоть иначе, какъ съ помощью козлиной крови. И теологи, и философы повторяютъ это; между тѣмъ, ни разу еще не было удостовѣрено, что дѣйствительно можно это сдѣлать при помощи козлиной крови, а безъ нея дѣлается очень легко. Я видѣлъ это своими глазами, — говоритъ Бэконъ. Да это и необходимо, такъ какъ драгоцѣнные камни нельзя шлифовать иначе, какъ алмазнымъ порошкомъ... Далѣе, распространено также мнѣніе, будто теплая вода быстрѣе замерзаетъ въ сосудѣ, чѣмъ холодная, и это доказываютъ тѣмъ, что противное возбуждается противнымъ, подобно встрѣчающимся врагамъ. А на опытѣ удостовѣрено, что холодная вода замерзаетъ скорѣе". Такимъ образомъ, истинный методъ науки, по ученію Бэкона, — опытный, проникающій въ глубь вещей и доходящій до познанія причинъ явленій.

Но какъ же быть, если этотъ опытъ будетъ противорѣчить стариннымъ, общепризнаннымъ авторитетамъ. По мнѣнію Бэкона, надо идти дальше древнихъ: надо уважать ихъ мнѣнія, — но, вѣдь, и они были люди и много разъ ошибались; притомъ современные ученые гораздо богаче ихъ знаніями и опытомъ, такъ какъ они унаслѣдовали и весь опытъ прежнихъ поколѣній. „Самъ Аристотель, что бы тамъ ни говорили, не зналъ всего на свѣтѣ: онъ сдѣлалъ то, что было возможно для его времени, но и онъ не достигъ предѣла мудрости"... Бэконъ былъ увѣренъ, что настанетъ время, когда и его эпоха будетъ считаться невѣжественною, вопреки гордой увѣренности схоластиковъ, говорящихъ, что наука закончена и дальше идти некуда.

Бэконъ сознавалъ всѣ трудности, мѣшавшія въ его время широкому и разностороннему изученію природы при помощи „философскаго" опыта... Что могъ сдѣлать онъ, одинокій труженикъ, бѣдный, всѣми гонимый и подозрѣваемый чуть не въ колдовствѣ монахъ?! „Счастливый Аристотель! — говоритъ онъ, — его царственный ученикъ отдалъ въ его распоряженіе свои богатства и множество помощниковъ, которые по всѣмъ странамъ міра искали ему животныхъ и растеній для его научныхъ трудовъ..." Задачу своей жизни, своего труда Бэконъ видѣлъ только въ томъ, чтобы указать другимъ правильные методы для работы и вообще средства, ведущія къ цѣли. Для быстраго и плодотворнаго развитія науки нужна, по его мнѣнію, поддержка со стороны папы или мо-

гущественнаго государя. Тогда найдутся и люди, преданные дѣлу; теперь же одни изъ нихъ, гнушаясь общимъ невѣжествомъ и упадкомъ истиннаго знанія, живутъ въ одиночествѣ, работая лишь для себя, другихъ же тѣснятъ и лишаютъ возможности быть полезными... Но всѣхъ ихъ можно было бы собрать въ одну сильную армію людей науки; они могли бы составлять учебники и руководства, отыскивать какъ въ Западной Европѣ, такъ и на Востокѣ рѣдкія книги, въ которыхъ заключена мудрость прежнихъ вѣковъ; они стали бы дѣлать всякаго рода инструменты и приборы, производить опыты, обучать дѣтей и юношей. „Тогда и на Западѣ процвѣтетъ знаніе, и можно будетъ сказать, что на латинскомъ языкѣ существуетъ законченная философія, какая была у евреевъ, грековъ, арабовъ. Какую славу могъ бы заслужить заботами о просвѣщеніи государь, который удѣлилъ бы имъ часть своего вниманія!"

Основы истиннаго знанія, по Бэкону.

Истинное знаніе, пренебрегаемое школьною наукой, должно, по Бэкону, основываться на грамматикѣ (въ широкомъ смыслѣ, т. е. на языкознаніи), математикѣ, перспективѣ (т. е. на ученіи о лучисто-дѣйствующихъ силахъ; этотъ терминъ Бэкона по своему содержанію всего ближе къ современной физикѣ) и на „экспериментальной наукѣ" (т. е. на практическомъ, дѣйствительномъ произведеніи опытовъ).

По мнѣнію Бэкона, изученіе древнихъ писателей окажетъ самое благодѣтельное вліяніе на форму современной ему науки: реторика древнихъ заставитъ вернуться къ античной красотѣ выраженія послѣ того, какъ грамматика откроетъ всѣмъ доступъ къ сокровищамъ древности. Бэконъ порицаетъ за неясность, несистематичность не только современныхъ ему схоластиковъ, но и ихъ главнаго учителя — Аристотеля; находящіеся же въ общемъ употребленіи латинскіе переводы Аристотеля такъ дурны, что, по его мнѣнію, гораздо полезнѣе было бы ихъ всѣ сжечь, чѣмъ изучать.

Грамматика (языкознаніе).

Трудность языковъ, на которыхъ написаны научныя и философскія сочиненія: греческаго, арабскаго, еврейскаго и халдейскаго (по перечню Бэкона), преувеличена; между тѣмъ, знаніе ихъ необходимо даже для пониманія св. Писанія, которое переведено съ греческаго и еврейскаго; оттуда же, а также отъ арабовъ, идетъ и философія. Сверхъ того, знаніе этихъ языковъ могло бы облегчить сношенія и торговлю между народами міра, способствовало бы проповѣди Евангелія по всѣмъ странамъ свѣта и укрѣпило бы успѣхи миссій. Сопоставленіе языковъ другъ съ дру-

гомъ уяснило бы происхожденіе языка вообще, указало бы, какой языкъ — первичный и какъ остальные произошли изъ него, и помогло бы рѣшить многіе вопросы въ теологіи и логикѣ. Такимъ образомъ, у Бэкона мы видимъ уже въ зачаткѣ идею сравнительнаго изученія языковъ,—и по этому вопросу въ его сочиненіяхъ есть цѣлый рядъ интересныхъ замѣчаній.

Но самое важное значеніе древнихъ авторовъ — въ ихъ благотворномъ вліяніи на нравственность, такъ какъ въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Бэкона, христіане далеко ниже древнихъ. „Пусть прочтутъ 10 книгъ аристотелевой Этики, многочисленные трактаты Сенеки, Туллія (Цицерона) и многихъ другихъ, — говоритъ Бэконъ,—и тогда увидятъ, что мы погрязаемъ въ безднѣ пороковъ и что одна милость Божія можетъ насъ спасти. Какъ преданы были эти философы добродѣтели, какъ любили ее! И всякій, конечно, отсталъ бы отъ своихъ недостатковъ, если бы прочелъ ихъ сочиненія: такъ краснорѣчивы ихъ похвалы справедливой и чистой жизни и обличеніе ими пороковъ! Философы были преданы истинѣ, добродѣтели, презирали богатство, удовольствія и почести, стремясь къ будущему блаженству, и являлись побѣдителями человѣческой природы". Къ этому восхваленію морали древнихъ Бэконъ возвращается часто и посвящаетъ ему много прочувствованныхъ страницъ.

Математика. Другой недостатокъ схоластики Бэконъ видѣлъ въ пренебреженіи математикой, великимъ вспомогательнымъ средствомъ для изученія опытныхъ наукъ. „Всѣ науки,—говоритъ Бэконъ,—связаны одна съ другою и взаимно другъ друга поддерживаютъ; успѣхъ одной помогаетъ всѣмъ другимъ, какъ глазъ, напримѣръ, руководитъ движеніями всего тѣла". Боятся, что масса знаній обременитъ человѣчество... Но вѣдь знаніе — сила; слѣдовательно, какъ крылья не только не стѣсняютъ птицъ, а, напротивъ, поддерживаютъ ихъ на воздухѣ; какъ четверка лошадей можетъ везти груза болѣе, чѣмъ одна лошадь, такъ и знаніе облегчаетъ людямъ ихъ повседневную жизнь и работу самосовершенствованія. „Математику ошибочно считаютъ наукой трудною, а иногда даже подозрительною—только потому, что она имѣла несчастіе быть неизвѣстной отцамъ церкви. Между тѣмъ, какъ она важна, какъ полезна!"

Вотъ какъ говоритъ Бэконъ о нѣкоторыхъ практическихъ примѣненіяхъ математики... Одна часть ея вообще касается благоустройства человѣческой жизни. Сюда относятся отдѣлы объ на-

мѣреніи площадей (землемѣріе); о возведеніи построекъ: городовъ, лагерей, крѣпостей, башенъ; объ устройствѣ каналовъ, водопроводовъ, искусныхъ мостовъ, кораблей, снарядовъ для плаванія и пребыванія подъ водой; о построеніи удивительно полезныхъ машинъ и инструментовъ. „Такъ, напримѣръ, можно построить приспособленія для плаванія безъ гребцовъ, такъ, чтобы самые большіе корабли, морскіе и рѣчные, приводились въ движеніе силою одного человѣка, двигаясь при томъ съ гораздо большею скоростью, чѣмъ если бы они были полны гребцами. Точно такъ же можно дѣлать повозки безъ всякой запряжки, могущія катиться съ невообразимою быстротой; летательныя машины, сидя въ которыхъ, человѣкъ можетъ приводить въ движеніе крылья, ударяющія по воздуху, подобно птичьимъ", и т. д. [1]). Сюда же относится устройство инструментовъ для подъема и опусканія даже самыхъ громадныхъ тяжестей безъ всякаго усилія и труда; машинъ для обороны городовъ и крѣпостей отъ непріятеля и для отраженія враговъ, мостовъ черезъ рѣки безъ „быковъ" или другихъ подпоръ и т. п. Другая часть прикладной математики имѣетъ предметомъ устройство приборовъ, необходимыхъ для другихъ наукъ; для астрономіи и астрологіи нужны, напримѣръ, сферы, квадранты, приборы для измѣренія движенія звѣздъ, для наблюденія кометъ, облаковъ... Далѣе, приборы для изслѣдованія въ области „перспективы": зеркала плоскія, сферическія, вогнутыя и выпуклыя, овальныя, коническія и т. д.; множество разнообразныхъ приборовъ для всякаго рода „опытныхъ изученій (scientia experimentalis), для медицины, хирургіи и алхиміи.

Подобнымъ же образомъ развѣтвляются практическія приложенія и другихъ наукъ, входящихъ въ составъ математики: ариѳметики, астрономіи съ астрологіей и „музыки" (т. е. акустики). Между тѣмъ, несмотря на столь большое значеніе и пользу этихъ наукъ, никто ими не занимается.

Другія науки, по мнѣнію Бэкона, также далеки отъ совершен- Другія науки.

---

1) De secretis operibus Artis et Naturae et de Nullitate Magiae (ed. Brewer, p. 533). Нѣкоторые видѣли въ этихъ словахъ Бэкона какъ бы предсказаніе новѣйшихъ изобрѣтеній: воздушныхъ шаровъ и кораблей, паровоза, парохода и т. п. На самомъ дѣлѣ, это, конечно, лишь блестящія возможности, смѣлыя предположенія ума, способнаго прослѣживать всякую идею въ массѣ ея приложеній. Здѣсь есть уже идеи изобрѣтеній, но еще далеко отъ практическаго ихъ осуществленія. Однако, важно уже и то, что онъ предвидѣлъ возможность такого широкаго употребленія силъ природы на пользу человѣка.

ства; во многихъ едва сдѣлано начало. Аристотель, напримѣръ, написалъ лишь одну часть физики — физику началъ и общихъ понятій. Остальные же, „частные" отдѣлы этой науки еще очень мало разработаны,— какъ, напримѣръ, перспектива (подъ которою у Бэкона разумѣется не только оптика, т. е. ученіе о распространеніи лучей свѣта, но и теорія всѣхъ вообще лучисто-распространяющихся явленій). То же самое надо сказать и относительно теоретической астрологіи, изучающей физическое явленіе свѣтилъ и ихъ движеній на землю, порядокъ временъ года, климаты и т. п. (приблизительно то, что теперь называется физическою географіей); о „теоретической алхиміи", т. е. объ изученіи какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ соединеній, „являющихся, по своему составу, результатомъ комбинацій тѣхъ же элементовъ и жидкостей, частный случай соединеній неорганическихъ веществъ". Поэтому въ теоретическую алхимію Бэкона входило изученіе растеній, а также почвъ (пахотныхъ земель, лѣсныхъ пространствъ, пастбищъ, луговъ, садовъ и т. п.), домашнихъ и дикихъ животныхъ; изученіе человѣка съ физической стороны, что Бэконъ называетъ „медициной" [1]), и т. д. И всѣ эти въ высшей степени важныя и полезныя отрасли знанія еще ждутъ себѣ изслѣдователей и работниковъ...

Бэконъ обладалъ хорошими знаніями въ математикѣ и физикѣ; у арабовъ онъ изучилъ только возникавшую тогда алгебру, но особенно любилъ и изучалъ астрономію. Онъ сдѣлалъ попытку примѣнить свои астрономическія свѣдѣнія въ географіи, хронологіи, а также въ дѣлѣ реформы календаря.

Бэконъ—сторонникъ реформы календаря и географъ.

Неточности современнаго Бэкону („юліанскаго") календаря, по его мнѣнію, ужасны. Во время послѣдней реформы его (при Юліи Цезарѣ) было принято, что астрономическій годъ состоитъ изъ $365^1/_4$ дней; такимъ образомъ, каждые четыре года надо было вставлять одинъ лишній день сверхъ 365, т. е. дѣлать годъ високоснымъ. На самомъ дѣлѣ, астрономическій годъ, по вычисленію Бэкона, почти одиннадцатью минутами меньше $365^1/_4$ дней, и изъ этихъ минутъ при юліанскомъ календарѣ приблизительно каждыя 130 лѣтъ накопляется одинъ лишній день, который надо выкидывать, т. е. одинъ разъ въ 130 лѣтъ не должно быть високоснаго года. Между тѣмъ этого не дѣлается, и происходитъ полная путаница. Реформа необходима, говоритъ Бэконъ; философы изъ невѣрныхъ—

---

[1]) Очевидно, что эта „теоретическая алхимія" очень близка по идеѣ къ современной химіи.

арабы и евреи, а также греки, ужасаются тѣмъ, какъ безтолково ведутъ свою хронологію и календарь христіане (т. е. западные европейцы). Пусть папа прикажетъ исправить эти недостатки, и это будетъ славнымъ дѣломъ, началомъ, быть можетъ, еще болѣе важныхъ попытокъ". (Надо принять во вниманіе, что требуемая Бэкономъ реформа календаря состоялась только при папѣ Григоріи XIII въ концѣ XVI-го вѣка, т. е. спустя триста лѣтъ послѣ Бэкона. Этотъ „грегоріанскій" календарь принятъ въ настоящее время всею Западною Европой.)

„Медленно растутъ, по словамъ Бэкона, у западныхъ христіанъ и географическія свѣдѣнія... Надо производить измѣренія, опредѣлять точно положеніе странъ и городовъ, а для этого необходимо принять какой-нибудь опредѣленный пунктъ за начало долготы; можно бы взять, напримѣръ, на западѣ — западную оконечность Испаніи, на востокѣ—восточную границу Индіи. Географія, помимо ея практическихъ приложеній, важна, по словамъ Бэкона, и для другихъ наукъ: нельзя знать людей, не зная климата и страны, въ которой они живутъ, такъ какъ климатъ вліяетъ на произведенія растительнаго и животнаго царствъ и еще болѣе на нравы, характеры и учрежденія".

Въ своемъ Opus Majus Бэконъ описываетъ всю тогда извѣстную часть земли, руководясь какъ древними писателями, такъ и новыми путешественниками.

Бэконъ — противникъ магіи.

Бэконъ былъ рѣшительнымъ противникомъ магіи. „Все, что совершается внѣ дѣйствій природы и искусства, или не есть уже человѣческое, или же — выдумка и обманъ. Многіе предлагаютъ людямъ разныя чудеса, не имѣющія за собою никакой дѣйствительности: они производятъ иллюзіи при помощи быстраго движенія членовъ, разнообразія голосовъ, тонкости инструментовъ, темноты,— наконецъ, при помощи внушенія... Чего не продѣлываютъ фокусники, благодаря быстротѣ рукъ, или чревовѣщатели—ртомъ, по своему желанію изображая человѣческіе голоса, какъ будто духи говорятъ съ человѣкомъ, — или подражая крикамъ дикихъ животныхъ?... Во всемъ этомъ нѣтъ ни философскихъ основаній, ни искусства и могущества природы... Что же касается заговоровъ, заклинаній и т. п., то все это ложно и сомнительно. Не мало есть вещей, представляющихся непостижимыми, объясненіе которыхъ найдено уже философами въ дѣйствіяхъ природы и искусства, но скрыто отъ недостойныхъ".

„Изобрѣтенія" Бэкона.

Въ новое время Бэкону приписывали много изобрѣтеній: порохъ,

очки, телескопъ, микроскопъ. Но надо замѣтить, что составъ пороха извѣстенъ былъ уже раньше арабамъ, и самъ Бэконъ пишетъ, что можно произвести громъ и блескъ, взрывая смѣсь изъ сѣры, селитры и угля. Правда, Бэконъ со свойственною ему проницательностью добавляетъ, что взрывы такой смѣси могутъ имѣть большое значеніе на войнѣ, при осадѣ и штурмѣ крѣпостей и уничтоженіи непріятельскихъ армій, такъ что очень можетъ быть, что ему первому пришла мысль — примѣнить порохъ къ военному дѣлу. То же самое и относительно оптическихъ изобрѣтеній, о которыхъ упоминаетъ Бэконъ: нельзя сказать, что онъ изобрѣлъ очки, микроскопъ, телескопъ и другіе оптическіе приборы; онъ указалъ лишь на множество возможныхъ практическихъ приложеній хорошо ему извѣстнаго факта преломленія лучей въ чечевицеобразныхъ стеклахъ. „Прозрачныя тѣла, — говоритъ онъ, — могутъ быть такъ обдѣланы, что отдаленные предметы покажутся близкими, и наоборотъ: на невѣроятномъ разстояніи можно будетъ читать малѣйшія буквы и различать мельчайшія вещи, разсматривать звѣзды, гдѣ пожелаемъ. Полагаютъ, что Цезарь съ помощью большихъ зеркалъ съ галльскаго берега могъ видѣть расположеніе лагерей и городовъ Британіи... Можно такъ оформить прозрачныя тѣла, что большое покажется малымъ, и наоборотъ, высокое — низкимъ, скрытое станетъ видимымъ. Такимъ способомъ Сократъ усмотрѣлъ между ущеліями горъ дракона, отравлявшаго городъ и войско своимъ тлетворнымъ дыханіемъ... Итакъ, вовсе не надо прибѣгать къ магическимъ иллюзіямъ, когда силъ науки досточно, чтобы произвести дѣйствіе“.

Здѣсь мы видимъ вполнѣ здравыя научныя идеи на ряду съ обычными для среднихъ вѣковъ слабостью и фантастичностью фактическихъ и историческихъ свѣдѣній.

Метафизика, по Бэкону.

Надъ физическою наукой у Бэкона стоитъ „метафизика“, высшее знаніе, наиболѣе общая теоретическая наука, къ которой восходятъ всѣ остальныя. Ихъ результаты становятся ея началами, и обратно: ея результаты служатъ исходными точками для остальныхъ наукъ. Назначеніе метафизики — намѣтить различія и взаимныя отношенія остальныхъ, „частныхъ“ наукъ, ихъ происхожденіе, характеръ, порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ ихъ изучать... Она должна давать имъ форму и видъ (formare et figurare), излагать методы наукъ и указывать причины ошибокъ... Въ ряду наукъ практическихъ такое же первое мѣсто, какъ метафизика среди теоретическихъ, занимаетъ мораль, наука о нравственности, „ца-

рица всѣхъ наукъ—свѣтская теологія". Вообще, теологія и мораль, по мнѣнію Бэкона, несмотря на различіе ихъ методовъ, занимаются однимъ и тѣмъ же предметомъ. Мораль есть какъ бы отдаленное эхо истинъ вѣры и могущественная союзница ея. Упадокъ нравственности среди своихъ современниковъ Бэконъ объясняетъ упадкомъ просвѣщенія, всеобщимъ невѣжествомъ относительно истиннаго знанія и много разъ повторяетъ идущій еще отъ древнихъ философовъ (Сократа) взглядъ, что добродѣтель есть не что иное, какъ знаніе добра и зла, такъ какъ нельзя, говоритъ онъ, не любить истины, если хорошо ее знаешь. „Разумъ—вотъ вождь правой воли; онъ направляетъ ее къ спасенію. Чтобы дѣлать добро, надо его знать; чтобы избѣгать зла, надо его различать. Пока длится невѣжество, человѣкъ не находитъ средствъ противъ зла... Нѣтъ опасности больше невѣжества. Знающій истину, если иногда и пренебрегаетъ долгомъ, имѣетъ прибѣжище въ совѣсти, побуждающей его скорбѣть о случившемся и остерегаться въ будущемъ. Нѣтъ ничего достойнѣе изученія мудрости, прогоняющей мракъ невѣжества,—отъ этого зависитъ благосостояніе всего міра. Каковъ человѣкъ въ изученіи мудрости, таковъ онъ и въ жизни"...

Отношенія между философіей и теологіей, по Бэкону.

Кромѣ естественнаго, человѣческаго, или „философскаго" опыта, по ученію Бэкона, есть другой опытъ, для котораго нужно уже нѣкоторое мистическое настроеніе, просвѣщеніе свыше. „Святые патріархи и пророки, которые впервые дали міру науки, имѣли внутреннее просвѣщеніе, говоритъ Бэконъ. Также и многіе вѣрные послѣ Христа. Благодать вѣры многое освѣщаетъ, и божественное вдохновеніе дѣйствуетъ не только въ духовныхъ, но и въ тѣлесныхъ вещахъ и въ философскихъ наукахъ, согласно тому, какъ Птоломей говоритъ, что есть два пути для достиженія познанія вещей: одинъ—черезъ опытъ, другой—черезъ божественное вдохновеніе, что много выше". И Бэконъ перечисляетъ семь степеней этого мистическаго познанія. „Вся человѣческая мудрость, всѣ науки какъ теоретическія, такъ и практическія — подчинены теологіи, служатъ вѣрѣ и имѣютъ цѣлью укрѣпленіе религіи". „Св. Писаніе есть закрытая рука, а философія—открытая"; но сущность ихъ одна и та же. Всякая истина божественна; а стало быть, и философская, такъ какъ и естественный свѣтъ разума имѣетъ божественное происхожденіе. Богъ просвѣщаетъ умъ къ познанію истины и открываетъ намъ ее. Философія дана Богомъ тѣмъ же людямъ, кому было дано и св. Писаніе, а именно—святымъ... Патріархи и

пророки были истинными философами; они знали все — не только Законъ Божій, но и всѣ части философіи. Изъ Писанія мы знаемъ, что Іосифъ училъ начальниковъ фараоновыхъ и старцевъ египетскихъ. Моисей былъ искусенъ во всей египетской мудрости"... Мысль, что мудрость древнихъ имѣетъ своимъ источникомъ св. Писаніе и преданіе, была вообще распространена въ средніе вѣка, и Бэконъ вполнѣ усвоилъ ее; онъ считаетъ боговдохновенными Моисея и Зороастра, Изиду, Минерву, Аполлона, Атласа, Гермеса, Платона, Аристотеля, Авиценну, Аверроэса...

Польза философіи и причины недовѣрія къ ней.

Философія разъясняетъ ученія религіи, помогаетъ обращенію невѣрныхъ и опровергаетъ нежелающихъ познать истины вѣры. „Невѣрные отвергаютъ авторитетъ Христа, евангелій и святыхъ. Потому ихъ нельзя обратить этими средствами. Дѣлать чудеса теперь, можно думать, никто не претендуетъ. Остается одинъ путь—могущество философіи, относительно которой и мы, и они согласны, ибо и они не могутъ отрицать началъ человѣческой мудрости и отвергать авторитета великихъ философовъ. Этимъ оружіемъ должны мы побѣждать ихъ и склонять къ истинамъ вѣры".

Раздѣленіе между религіей и философіей, по мнѣнію Бэкона, есть просто недоразумѣніе и случайность. До пришествія Спасителя всему міру, кромѣ еврейскаго народа, давала законы философія — въ предѣлахъ силъ разума... Мірскіе правители не хотѣли принять закона Христова, который былъ выше человѣческаго разума, и руководились указаніями философовъ. Поэтому философія и стала препятствіемъ успѣхамъ вѣры... Философы не хотѣли уступить апостоламъ въ знаніи и силѣ творить чудеса... и не безъ ихъ совѣтовъ правители издавали законы о преслѣдованіяхъ и казняхъ вѣрующихъ". Потому-то церковь съ самаго начала и стала во враждебныя отношенія къ философіи. Но эта вражда только временная: на самомъ дѣлѣ какъ религія, такъ и философія строятъ одно, здавіе, зданіе человѣческаго знанія. Такъ и храмъ іерусалимскій строился не одними рабочими Соломона, но и Хирамовыми... Бэконъ былъ вѣрующимъ человѣкомъ и вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Но только онъ такъ же стремился познать истины вѣры, какъ, съ другой стороны, вѣровалъ въ знаніе.

Р. Бэконъ и Фр. Бэконъ.

Таковъ былъ этотъ замѣчательный францисканецъ XIII в.; это былъ могучій умъ, далеко опередившій свою эпоху. Нѣкоторыми сторонами своей дѣятельности онъ является однимъ изъ первыхъ гуманистовъ; другими — указываетъ путь новому, научному міровоззрѣнію. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ далъ обстоятельную кри-

тику господствовавшихъ въ его время научныхъ методовъ и привелъ въ одну стройную систему почти всѣ натуралистическія знанія своей эпохи. Во всѣхъ жизненныхъ несчастіяхъ его поддерживала благородная вѣра въ силы человѣческаго ума, горячая любовь къ наукѣ, въ которой онъ видѣлъ живую практическую силу и главный источникъ, основной мотивъ нравственнаго совершенствованія.

Всѣ эти черты сближаютъ Роджера Бэкона съ другимъ великимъ англичаниномъ и его однофамильцемъ—канцлеромъ Францискомъ Бэкономъ (1561—1626), стоящимъ уже при самомъ началѣ того научнаго движенія, которое за три вѣка до того было предсказано геніальнымъ монахомъ.

Такимъ образомъ, Р. Бэконъ уже въ XIII вѣкѣ, когда умственная культура Европы далеко еще не обособилась по націямъ, блистательно представляетъ своею личностью трезвую мудрость и практическій геній англійскаго народа.

Вл. Ивановскій.

LXXXVII.

Хозяйственная жизнь Западной Европы въ концѣ среднихъ вѣковъ.

---

1. Разложеніе помѣстнаго хозяйства.

Средневѣковое имѣніе.

Въ первую половину среднихъ вѣковъ на всемъ пространствѣ Европы—на западѣ до XII столѣтія приблизительно, на востокѣ и гораздо дольше—мы встрѣчаемъ одну и ту же хозяйственную

Пособія. *М. Ковалевскій*, Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства, т. I. М. 1898; *У. Дж. Эшли*, Экономическая исторія Англіи, пер. Д. Петрушевскаго. М. 1897; *K. Bücher*, Die Entstehung der Volkswirtschaft, 2-te Aufl. Tübingen 1898 (есть рус. пер. съ 1-го изданія); *его же*, Историческое развитіе и классификація формъ промышленности (статья изъ *Handwörterbuch d. Staatswissenschaften*, рус. пер. въ сборникѣ „Исторія труда", изд. М. Водовозовой, Спб. 1897); *K. v. Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte in den letzten Jahrhunderten des Mittelalters, I, Leipzig 1899 (Deutsche Wirtschaftsgeschichte, III Band I Teil.); *d'Avenel*, Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'en l'an 1800. I—IV. Paris 1894-98; *Ochenkowski*, Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. Jena 1879; *Schanz*, Zur Geschichte d. deutschen Gesellen-Verbände. Leipzig 1877; *Hauser*, Ouvriers du temps passé (XV—XVI siècles), Paris 1899; *Schanz*, Englische Handelspolitik gegen Ende d. Mittelalters, I, Leipzig 1881; *Ehrenberg*, Zeitalter der Fugger. B-de I—II, Jena 1896; *Knapp, G. F.*, Die Landarbeiter in Knechtschaft u. Freiheit. *Heyd*, Histoire du commerce du Levant. Leipzig 1885. *Rogers*, Six centurie of work and wages. 1884. *Vinogradoff*, Villainage in England. Oxford 1892. *Д. Петрушевскій*, Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи, ч. 2. М. 1901. *Sée, H.*, Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen age. Paris 1901. *Schulte, A.*, Geschichte des mittelalterlichen Handels u. Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. 2 Bde. 1900.

организацію. Ее называютъ обыкновенно, въ западно-европейской ученой литературѣ, *мэноріальнымъ* хозяйствомъ (отъ англійскаго manor, *помѣстье*); по-русски всего удобнѣе будетъ передать это черезъ „помѣстное хозяйство". Особый терминъ понадобился потому, что такой хозяйственной формы не встрѣчается въ наше время уже нигдѣ. Мы знаемъ двѣ формы землевладѣнія: крупное, хозяйничающее на нѣсколькихъ сотняхъ, иногда тысячахъ десятинъ, при помощи сложнаго и дорогого инвентаря, руками наемныхъ рабочихъ, и мелкое, — обработку небольшой земельной площади при помощи простого инвентаря, руками самого хозяина и его семьи. Помѣстное хозяйство представляетъ собою соединеніе крупнаго землевладѣнія и мелкой культуры. Представьте себѣ сотню или тысячу мелкихъ крестьянскихъ надѣловъ, но принадлежащихъ не отдѣльнымъ крестьянамъ, а одному лицу — помѣщику, который владѣетъ, притомъ, и самими крестьянами съ ихъ скуднымъ инвентаремъ, — и вы получите довольно схожее изображеніе большого имѣнія первой половины средневѣковья.

Отсутствіе крупнаго хозяйства въ эту пору объясняется очень легко: для того, чтобы завести его, — купить дорогой инвентарь, воздвигнуть обширныя постройки и т. д.,—нужно затратить большой капиталъ; но капиталовъ не было въ то время, да если бы и были, они бы не пошли въ сельское хозяйство, потому что тамъ капиталу нечего было дѣлать. Капиталъ ищетъ прибыли. Но сельское хозяйство въ то время было наименѣе прибыльнымъ занятіемъ; сбыта для его произведеній почти не было: городская жизнь была еще не развита; во всякомъ имѣніи было все, что нужно,— некому было продать накопившіеся продукты. Оттого всякое имѣніе и работало только на себя, и всякій крупный землевладѣлецъ долженъ былъ самъ находить употребленіе тому, что вырабатывали его крѣпостные. Самымъ благоразумнымъ исходомъ было—собрать у себя въ домѣ побольше народу, — чтобы не пропадали даромъ скопляющіеся запасы. Одни изъ этихъ людей, привычные къ бою, защищали барина въ случаѣ нападенія сосѣда, — самое обычное явленіе въ средніе вѣка; другіе были просто прислугой — удовлетворяли его личнымъ потребностямъ и прихотямъ. Держать много прислуги было почти единственной роскошью въ эпоху натуральнаго хозяйства, а отчасти даже и не роскошью, а необходимостью. При невозможности доставать покупкой приходилось почти всѣ предметы домашняго обихода изготовлять дома, руками домашнихъ мастеровъ.

Въ такихъ условіяхъ, владѣлецъ большого имѣнія былъ тѣмъ

крупнѣе, какъ политическая величина, тѣмъ выше стоялъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ больше было у него вооруженной и невооруженной челяди въ домѣ. Если владѣльцемъ, какъ это часто бывало, оказывалось не отдѣльное лицо, а монастырь или соборный капитулъ, то мѣсто челяди занимали монахи, служки, разные мелкіе церковники — но экономическое положеніе дѣла отъ этого не измѣнялось: помѣстное хозяйство всегда предполагаетъ двѣ группы населенія. Одна группа служитъ, главнымъ образомъ, потребительнымъ цѣлямъ—живетъ около владѣльца и удовлетворяетъ его многосложныя потребности. Другая занята производительнымъ трудомъ: главное назначеніе ея — кормить и содержать первую группу. Употребляя русскіе термины, первыхъ можно назвать дворовыми людьми, вторые будутъ крестьяне—на Западѣ „вилланы".

Юридическое положеніе крестьянъ.

По своему положенію въ средневѣковомъ обществѣ вилланъ былъ немногимъ выше раба. Во французскихъ грамотахъ даже XIII—XIV вв. мы иногда встрѣчаемъ помѣщика, который уступаетъ сосѣду сына или дочь своего крѣпостного человѣка, удерживая у себя отца и мать; бываетъ, напротивъ, что продаютъ родителей, оставляя себѣ дѣтей. Въ 1220 г. суассонскій епископъ „подарилъ" одному „королевскому сержанту" своего крѣпостнаго человѣка въ обмѣнъ на молодую дѣвушку, дочь крѣпостной крестьянки этого сержанта. Какъ рабъ, вилланъ былъ крѣпокъ своему господину и не могъ уйти изъ имѣнія безъ его разрѣшенія: французскій землевладѣлецъ имѣлъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ droit de suite, — право отыскивать своего ушедшаго крѣпостного и силою возвращать его на свою землю,—точно такъ же, какъ русскій бояринъ-вотчинникъ временъ Ивана III могъ отыскивать на чужой землѣ ушедшаго отъ него „старожильца" и вывозить его обратно въ свою вотчину. И какъ въ древней Руси князь наслѣдовалъ имущество смерда, — крестьянина, сидѣвшаго на княжеской землѣ, — если тотъ не оставлялъ сына, который могъ бы вести хозяйство,— такъ западно-европейскій сеньёръ наслѣдовалъ имущество своего виллана, имѣлъ по отношенію къ послѣднему „право мертвой руки", droit de main morte.

Ихъ экономическое положеніе.

Таково было *юридическое* положеніе крестьянина въ русской, французской или нѣмецкой вотчинѣ безразлично. Отвѣчало ли его *фактическое* положеніе этимъ суровымъ юридическимъ нормамъ? Главная функція средневѣкового крестьянина заключалась въ томъ, что онъ кормилъ своего барина и его челядь. Отсюда на него ложились два ряда повинностей. Во-первыхъ, онъ обязанъ былъ от-

давать на барскій дворъ часть продуктовъ своего хозяйства. Натуральные платежи крестьянина въ пользу землевладѣльца составляютъ такое же повсемѣстное явленіе въ „помѣстномъ хозяйствѣ“, какъ main morte и droit de suite. Въ концѣ царствованія Карла В. одинъ французскій аббатъ составилъ подробную опись земель своего монастыря, опись эта до насъ дошла и напечатана. Въ ней живьемъ стоитъ передъ нами „помѣстное хозяйство“ съ его массой мелкихъ самостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ. „Гермонъ крѣпостной и его жена, крѣпостная же, съ ними 5 человѣкъ дѣтей; занимаютъ одинъ участокъ; земли пахотной засѣваютъ 10 мѣръ, подъ виноградникомъ (столько-то)... подъ лугомъ (столько-то)... платятъ ежегодно... 3 курицы, 15 яицъ... Гвентольдъ, крѣпостной... земли занимаетъ (столько-то)... платитъ боченокъ вина, двѣ мѣры горчицы, 3 курицы, 15 яицъ...“ и т. д. Въ концѣ XV в. московскій великій князь Иванъ Васильевичъ, конфисковавъ вотчины непослушныхъ новгородскихъ бояръ, тоже велѣлъ произвести опись—и если бы не имена, то, читая эту опись,—писцовую книгу письма Матвѣя Ивановича Волуева, напр.,—мы могли бы подумать, что передъ нами работа современника и соплеменника французскаго аббата. Беру на удачу: „въ деревнѣ въ Городнѣ: дворъ Савка Саороновъ, сынъ его Палка, пашни 8 коробей, сѣна двадцать копенъ... и т. д.“. Перечисливъ цѣлый рядъ дворовъ, опись заключаетъ: „а дохода съ нихъ... 11 барановъ, 16 куръ, 8 сыровъ, 12 пятковъ льну..., 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса...“ и т. д.

Кромѣ натуральныхъ платежей, на крестьянинѣ лежала и другая, натуральная же, повинность: работа на барской землѣ, „барщина“, какъ она называлась у насъ. Средневѣковой землевладѣлецъ обыкновенно,—хотя не всегда,—не довольствовался продуктами грубаго, мужицкаго хозяйства. Для потребностей его стола у него былъ свой скотный и птичій дворъ, гдѣ всякая живность лучше выхаживалась и откармливалась, нежели это могли сдѣлать крестьяне. Онъ оставлялъ себѣ и участокъ земли, каторая лучше обрабатывалась, чѣмъ крестьянская, и съ которой получался хлѣбъ высшаго сорта; для обработки этого участка онъ иногда заводилъ свой инвентарь, но не нанималъ особыхъ рабочихъ,—да и гдѣ бы онъ нашелъ тогда вольныхъ рабочихъ? Этотъ участокъ вспахивался иногда крестьянскими сохами, иногда господскимъ плугомъ, но рабочая сила всегда была даровая, крестьянская: крестьяне должны были извѣстное число дней въ рабочую пору отдавать барской запашкѣ,—въ этомъ и состояла, прежде всего, барщина (corvée).

По закону, и натуральные платежи, и число дней барщины опредѣлялись исключительно произволомъ барина, ни о какомъ договорѣ и рѣчи быть не могло: вилланъ былъ taillable et corvéable à plaisir et à volonté, долженъ былъ платить и работать столько, сколько угодно господину. Но не трудно догадаться, что сама организація помѣстнаго хозяйства клала эксплуатаціи крестьянина очень опредѣленныя границы. Если бы онъ вздумалъ ограбить дочиста своихъ крестьянъ, то онъ самъ и его челядь скоро умерли бы съ голоду. Русскій владѣлецъ оброчнаго имѣнія въ первой половинѣ нашего вѣка могъ бы все имущество своихъ крестьянъ обратить въ деньги, а потомъ на эти деньги все нужное ему купить въ городскихъ магазинахъ, — но средневѣковой помѣщикъ, которому негдѣ было купить, который жилъ тѣмъ, что давали ему крестьяне, такъ поступить не могъ. Отсюда уже очень рано устанавливается опредѣленная норма ежегодныхъ платежей и барщинной повинности, — образчики которой мы видѣли выше. Платежи эти могли быть тяжелы для крестьянъ, но, во всякомъ случаѣ, они не были разорительны, ибо тогда и хозяйство не могло бы итти. Не будучи огражденъ особымъ договоромъ, вилланъ былъ, такимъ образомъ, обезпеченъ отъ чрезмѣрныхъ вымогательствъ интересами своего барина.

Крестьянское самоуправленіе.

Тѣ же интересы обезпечили крестьянину и нѣкоторое самоуправленіе. Средневѣковой вотчинникъ, какъ мы могли уже видѣть, былъ всего меньше сельскимъ хозяиномъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова. Это былъ, прежде всего, человѣкъ военный: затѣмъ, благодаря слабости (у насъ въ Россіи) или упадку (на Западѣ) центральной государственной власти, къ нему перешли политическія права и обязанности, принадлежавшія этой власти — онъ у себя въ имѣніи наблюдалъ за полицейскимъ порядкомъ, творилъ судъ и расправу, собиралъ въ свою пользу государственныя подати. Все это гораздо больше его занимало, нежели хозяйство въ его имѣніяхъ,—хозяйство, которое, какъ мы видѣли, шло само собою по разъ заведенному порядку. За нимъ нужно было только присматривать, и эту скучную обязанность землевладѣлецъ предоставлялъ, обыкновенно, приказчику. „Приказчикъ долженъ встать рано поутру и слѣдить, чтобы волы были запряжены“ — говоритъ одно англійское сельскохозяйственное руководство того времени „а затѣмъ обойти и осмотрѣть вспаханныя поля, а также лѣса, луга и пастбища. Потомъ онъ долженъ сходить на пашню и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не выпрягали воловъ прежде, чѣмъ будетъ

исполнена ихъ дневная работа". Кромѣ того, онъ долженъ распоряжаться жатвой, косьбой, возкой и другими работами, смотрѣть, чтобы земля была, какъ слѣдуетъ, удобрена, вспахана, чтобы лошади не работали черезъ мѣру,—а также наблюдать за молотьбой на гумнѣ. Но нельзя же было положиться во всемъ на приказчика, который самъ былъ часто крѣпостной человѣкъ. За нимъ самимъ нужно было смотрѣть. Самому барину заняться этимъ было неудобно —это заставило бы его слишкомъ много времени тратить на хозяйство. И вотъ, рядомъ съ приказчикомъ у всякихъ работъ мы встрѣчаемъ другое лицо, — англійское руководство называетъ его „ривомъ"—reeve,—а русскій переводчикъ очень удачно передалъ это черезъ „старосту". Онъ отмѣчалъ на биркѣ ежедневныя работы, а потомъ подсчитывалъ ихъ вмѣстѣ съ приказчикомъ. Это новое лицо одинаково знакомо и англійскому мэнору и русской вотчинѣ XV — XVI вв., и тамъ, и тутъ оно выбирается самими крестьянами, за круговой порукой: староста отвѣчаетъ за всѣхъ и каждаго изъ крестьянъ, а крестьяне за старосту. Баринъ-вотчинникъ находилъ такой порядокъ для себя выгоднымъ: не тратя времени на контроль сверху, онъ получалъ такимъ способомъ контроль за приказчикомъ снизу. Но для крестьянъ это значило, что ихъ работы и повинности опредѣляются не одностороннимъ распоряженіемъ барскаго агента, а при участіи ихъ уполномоченнаго, ими поставленнаго и отъ нихъ зависимаго. И судебно-полицейскій порядокъ въ имѣніи далеко не зависѣлъ вполнѣ отъ произвола барина: мелкія тяжбы крестьянъ разбирались на сельскомъ сходѣ [1]).

Свободные крестьяне.

Крестьяне, какъ видимъ, пользовались въ дѣйствительности большей свободой и меньше страдали отъ произвола, чѣмъ этого можно ожидать, принявъ въ расчетъ только ихъ юридическое положеніе. Для простоты дѣла мы до сихъ поръ принимали, что это юридическое положеніе было у всѣхъ одинаковое, — что всѣ они были „сервы", несвободные. Но это не совсѣмъ такъ: среди крестьянъ, сидѣвшихъ на участкахъ большого имѣнія, всегда было достаточно и людей свободныхъ, некрѣпостныхъ. Но отличить ихъ отъ крѣпостныхъ было бы не такъ легко, — не только для насъ, но и для средневѣковыхъ юристовъ. Экономическое положеніе и свободныхъ, и крѣпостныхъ было одинаковое: и тѣ, и другіе одинаково были обязаны натуральными повинностями, — должны были кормить барина и его челядь. Про свободнаго, конечно, нельзя было сказать,

---

[1]) Подробности о сельскомъ сходѣ см. во II в. ст. „Феодъ и сеньёрія".

что онъ могъ быть „облагаемъ данями по произволу (taillable à merci)—но на практикѣ, вѣдь, и съ крѣпостными такъ не поступали,—это была только формула. Для тогдашняго суда сплошь и рядомъ трудно было рѣшить, въ случаѣ спора, — крѣпостной передъ нимъ или свободный крестьянинъ. Самымъ убѣдительнымъ признакомъ крестьянской свободы было бы, конечно, право крестьянина искать себѣ защиты въ общественномъ судѣ, — королевскомъ, напримѣръ,—что теоретически и было вполнѣ возможно въ Англіи и Германіи. Но осуществить это право на практикѣ удавалось очень рѣдко. Обыкновенно (въ Англіи, напримѣръ), рѣшающимъ признакомъ въ пользу свободы считали право крестьянина распоряжаться своимъ имуществомъ и членами своей семьи: если крестьянинъ можетъ выдать замужъ свою дочь или продать свою корову, не спрашиваясь господина, то его слѣдуетъ считать некрѣпостнымъ, — гласитъ обычная англійская формула. Крѣпостные не могли распоряжаться своимъ имуществомъ, потому что господинъ былъ ихъ наслѣдникомъ,—и своими дѣтьми, потому что они вмѣстѣ съ дѣтьми принадлежали господину. Выдавая дочь замужъ въ чужое имѣніе, крѣпостной долженъ былъ платить за убытки барину — formariage во Франціи (у насъ „выводная куница“). Но часто случалось, что энергичный и властный баринъ требовалъ того же и отъ свободныхъ арендаторовъ его земли, а слабый или добрый хозяинъ не требовалъ этого и отъ крѣпостныхъ.

Положеніе свободнаго крестьянина въ помѣстномъ хозяйствѣ всего лучше показываетъ, какъ мало значили тогда права отдѣльнаго лица, когда имъ приходилось сталкиваться съ экономическимъ строемъ. Въ концѣ концовъ, вопросъ о свободѣ или несвободѣ крестьянина и рѣшали экономическія условія: у насъ на Руси установилось правило, что крестьянинъ, проживши довольно долго въ чьемъ-нибудь имѣніи въ одномъ экономическомъ положеніи съ крѣпостными, могъ въ этомъ имѣніи „застарѣть“ и сдѣлаться крѣпостнымъ его хозяина безъ всякаго особаго юридическаго акта. Luft macht eigen— „воздухъ дѣлаетъ крѣпостнымъ“, говорили въ Германіи. Но этотъ „воздухъ“, эти экономическія условія постепенно мѣнялись, и, по крайней мѣрѣ на Западѣ, мѣнялись они въ пользу крестьянина.

Увеличеніе числа свободныхъ.

Мы сейчасъ видѣли, что признаніе за крестьяниномъ свободы зависѣло, въ послѣднемъ счетѣ, отъ доброй воли землевладѣльца. Слѣдовало бы ожидать, поэтому, что свободный человѣкъ въ имѣніи всегда останется исключеніемъ и притомъ недолговѣчнымъ

исключеніемъ; что при первой возможности его закрѣпостятъ. Если бы мы нашли теперь документы, идущіе отъ самого землевладѣльца и закрѣпляющіе, напротивъ, свободу крестьянъ, — притомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ въ большемъ количествѣ, то это было бы яснымъ признакомъ, что въ помѣстномъ хозяйствѣ происходитъ какая-то перемѣна, — что интересы землевладѣльца толкаютъ его не въ томъ уже направленіи, какъ прежде. Между тѣмъ, такіе документы имѣются у насъ въ достаточномъ количествѣ: это — тѣ писцовыя книги, болѣе ранніе образчики которыхъ (для времени Карла В.) уже приводились выше. Съ особенною тщательностью велись подобныя описи на земляхъ, принадлежавшихъ самому образованному классу средневѣкового общества, — духовенству. Тутъ иногда до насъ дошли послѣдовательныя описанія одного и того же имѣнія, сдѣланныя черезъ небольшія, относительно, промежутки времени. Возьмемъ, напримѣръ, помѣстье Бьючэмпъ въ Эссексѣ (въ Англіи), принадлежавшее капитулу св. Павла. Сохранились три его описи („книги Страшнаго Суда“, какъ назывались онѣ въ Англіи): 1086, 1181 и 1222 гг.,—всѣ составленныя монастырскими властями. Въ первой „книгѣ Страшнаго Суда“ записано 39 крестьянъ, среди которыхъ нѣтъ ни одного свободнаго. Въ описи 1181 г., — почти сто лѣтъ спустя, мы, рядомъ съ 35 несвободными, встрѣчаемъ уже *18 свободныхъ*; по нѣкоторымъ повинностямъ, лежавшимъ на этихъ послѣднихъ, одинъ новѣйшій изслѣдователь склоненъ видѣть въ нихъ потомковъ вилланов, записанныхъ въ книгѣ Страшнаго Суда 1086 г. Въ спискахъ 1222 г. число свободныхъ выросло съ 18 до 34; такъ какъ площадь, занимаемая ихъ надѣлами, увеличилась въ гораздо меньшихъ размѣрахъ (съ 667 акровъ всего до 744), то увеличеніе ихъ числа приходится относить скорѣе на счетъ семейныхъ раздѣловъ, чѣмъ на счетъ новыхъ освобожденій. Но два имени, приведенныя въ этомъ документѣ, принадлежатъ, повидимому, въ одномъ случаѣ, крестьянину, который самъ былъ въ положеніи несвободнаго въ 1181 г., а въ другихъ — сыну крестьянина, находившагося въ такомъ же положеніи; эти двое, нужно думать, стали свободными въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ. Итакъ, за 150 безъ малаго лѣтъ Бьючэмпское имѣніе изъ крѣпостного на добрую половину превратилось въ населенное свободными арендаторами.

Ту же, приблизительно, картину увидимъ мы, перейдя на эту сторону Ламанша, — притомъ даже въ болѣе раннее время. Возьмемъ для примѣра писцовую книгу одного изъ монастырей Шампани

(аббатства Chapelle aux Planches), составленную въ XII вѣкѣ. Аббатство владѣетъ нѣсколькими помѣстьями, составъ которыхъ указывается каждый разъ съ точнымъ обозначеніемъ числа занятыхъ и пустующихъ участковъ, какъ состоящихъ въ рукахъ монастырскаго управленія, такъ и снимаемыхъ людьми свободными и несвободными. Въ одномъ помѣстьѣ считается 33 участка, занятыхъ свободными, ни одного несвободнаго и 3 монастырскихъ, въ другомъ 33 свободныхъ, одинъ пустой и опять-таки ни одного несвободнаго, въ третьемъ 19 свободныхъ, въ четвертомъ 32, въ пятомъ и шестомъ также одни свободные. Только въ двухъ имѣніяхъ изъ 8 заходитъ рѣчь о меньшинствѣ крѣпостныхъ при большинствѣ свободныхъ.

Въ западной Германіи, по среднему и нижнему теченію Рейна, уже во времена Гогенштауфеновъ свободные арендаторы, часто наслѣдственные, т. е. почти собственники, составляютъ главную массу крестьянскаго населенія. Здѣсь, въ иныхъ мѣстахъ, хозяйственный процессъ очень характерно беретъ верхъ надъ враждебной ему правительственной политикой. Отдѣльные князья издаютъ по временамъ строгіе указы, закрѣпляющіе крестьянскую несвободу, — изъ опасенія, что съ освобожденіемъ крестьянъ они разбредутся и помѣщики останутся безъ рабочихъ рукъ, а помѣщики сами все-таки освобождаютъ крестьянъ, находя, очевидно, въ этомъ для себя выгоду. Такой случай мы имѣемъ, напримѣръ, въ Тиролѣ: въ 1352 г. маркграфъ Людвигъ подтвердилъ постановленіе,—часто нарушавшееся, по его словамъ, въ послѣднее время,— о томъ, что крестьянинъ не имѣетъ права располагать своею личностью по своему усмотрѣнію и не смѣетъ оставлять имѣнія безъ позволенія барина. Но немного лѣтъ спустя послѣ этого въ Берхтесгаденѣ капитулъ продалъ своимъ крестьянамъ занимаемые ими участки — на правахъ вѣчно наслѣдственнаго оброка (объ этой очень распространенной въ средніе вѣка формѣ крестьянскаго владѣнія будетъ еще рѣчь дальше). Эта сдѣлка съ крестьянами само по себѣ предполагаетъ, что капитулъ призналъ личную свободу послѣднихъ; чтобы не оставалось въ этомъ сомнѣнія, одновременно было отмѣнено право капитула наслѣдовать въ имѣніи крестьянъ— „право мертвой руки"; крестьянство держало себя съ пробстомъ, какъ земскіе чины съ государемъ—по выраженію новѣйшаго историка. Правительство должно было, наконецъ, признать силу совершившихся фактовъ, — и въ 1404 г. суровыя постановленія о крестьянской несвободѣ были значительно смягчены.

Упадокъ вилланскихъ повинностей.

„Право мертвой руки“ было настолько характерно для крѣпостного состоянія средневѣкового крестьянина, что mainmortable во Франціи значило „крѣпостной“. Отсюда постепенное вымираніе droit de main morte можно разсматривать какъ одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ раскрѣпощенія. Древнѣйшій случай этого рода — отмѣну „права мертвой руки“ для цѣлаго селенія — мы встрѣчаемъ во Франціи еще въ X вѣкѣ, но этотъ случай, вполнѣ изолированный, единичный. Слѣдующій приходится на 1124 г., когда аббатъ Сугерій освободилъ отъ mainmorte жителей С. Дени, — и затѣмъ черезъ все XII и XIII столѣтія идетъ уже цѣлый рядъ подобныхъ грамотъ, освобождающихъ то вилланові, переходящихъ на положеніе горожанъ, — грамота Людовика Толстаго жителямъ Лана, напримѣръ (1128 г.), то крестьянъ въ собственномъ смыслѣ этого слова (какъ въ завѣщаніи Альфонса де-Пуатье, брата Людовика Св., освободившаго всѣхъ крѣпостныхъ своихъ имѣній въ Лангедокѣ). Во Фландріи и западной Германіи право землевладѣльца наслѣдовать своему крестьянину смѣняется болѣе скромнымъ правомъ—брать себѣ лучшую вещь изъ имущества умершаго (лучшую штуку скота — „Beste hooft“ или Besthaupt, или лучшій предметъ изъ движимости — melius mobile).

Крѣпостные крестьяне не могли также заключать браковъ по своему усмотрѣнію, безъ разрѣшенія барина—предоставленіе имъ этого права также служило признакомъ освобожденія. Грамота 1182 г. дала право обитателямъ Бомона (во Фландріи) жениться и выходить замужъ гдѣ и за кого угодно, не спрашиваясь землевладѣльца. Грамота послужила образцомъ для цѣлаго ряда подобныхъ ей, какъ во Франціи (въ Бургундіи, Нормандіи, Ажено, Аквитаніи и графствѣ Тулузскомъ), такъ и во многихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ Германіи. Въ 1252 г. всѣ фландрскіе крѣпостные стали свободными.

Размѣры процесса.

Явленія, образчики которыхъ только что были приведены, повторяются во всѣхъ, наиболѣе прогрессивныхъ, странахъ средневѣкового запада съ такою правильностью, что не приходится считать ихъ случайнымъ исключеніемъ, — мы, очевидно, имѣемъ здѣсь дѣло съ историческимъ *процессомъ*; и не будетъ большой натяжкой назвать этотъ процессъ — *освобожденіемъ крестьянъ*. Нужно только постоянно имѣть въ виду, что освобожденіе далеко не всюду захватило всю массу средневѣкового крестьянства: какъ крѣпостное состояніе послѣдняго представляется намъ вездѣ, и на востокѣ, и на западѣ Европы, съ однообразными чертами, такъ освобождив-

шееся крестьянство даже на западѣ — оставляя востокъ совсѣмъ въ сторонѣ—даетъ очень пеструю картину. На ряду съ свободными въ большомъ англійскомъ имѣніи даже конца XIII в. мы встрѣчаемъ и прежнихъ вилланові, лишенныхъ передъ бариномъ всякихъ правъ—и не имѣющихъ „никакой собственности, кромѣ своего брюха“, по энергичному выраженію одного аббата, который отнялъ у своихъ крестьянъ весь скотъ и выгналъ ихъ съ женами и дѣтьми изъ ихъ избъ. Въ глухихъ углахъ Франціи послѣдніе „сервы“ дожили до 1789 г., и тогда ихъ считалось еще до полутора милліона. Эта неравномѣрность раскрѣпощенія тѣсно связана съ другою характерною его особенностью: оно совершилось очень медленно, постепенно и незамѣтно. Крестьянская свобода не была завоевана самими крѣпостными: возстаніе крестьянъ въ Англіи и Франціи въ XIV в. были вызваны феодальной реакціей, — попытками возстановить крѣпостныя отношенія, начавшія разлагаться уже задолго до этого; „крестьянская война“ въ Германіи въ XVI в. была неудачнымъ отпоромъ противъ вторичнаго закрѣпощенія. Крестьянская свобода не была создана и актомъ верховной власти, какъ это было въ Россіи въ 1861 г. или въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго вѣка. Въ этомъ смыслѣ иногда толковался одинъ указъ короля Людовика X (1315 г.). Указъ этотъ начинается очень торжественными заявленіями, что „всѣ люди, по естественному праву, должны быть свободными...“ и т. п.; эти фразы и сбивали съ толку ученыхъ. Но въ настоящее время доказано, что этотъ указъ примѣнялся только въ королевскихъ имѣніяхъ и заключалъ въ себѣ лишь разрѣшеніе крестьянамъ этихъ имѣній выкупаться на волю, буде они пожелаютъ — на выгодныхъ условіяхъ (à de bonnes conditions). На самомъ дѣлѣ, если королевская власть этого времени и опиралась, въ борьбѣ съ феодальной знатью, на освободившихся вилланові, то она далеко еще не была достаточно сильна, чтобы самой взяться за это освобожденіе [1]). Крестьянская свобода была результатомъ массы отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга и вполнѣ свободныхъ сдѣлокъ крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ господъ. Мотивы, которые руководили въ данномъ случаѣ крестьянами, вполнѣ понятны. Но что заставляло землевладѣль-

Его характеръ.

---

[1]) Наиболѣе прямо воздѣйствовала правительственная власть на освобожденіе крестьянъ въ Тосканѣ XIII в., но это была власть городская, представлявшая интересы флорентинской буржуазіи. Въ виду этой своеобразности итальянскихъ отношеній, они вовсе не приняты въ расчетъ въ настоящей статьѣ. Ср. *Pöhlmann*, die Wirtschaftspolitik der florentiner Renaissance, гл. I.

цевъ соглашаться на такія сдѣлки? Вотъ первый вопросъ, на который приходится отвѣтить, разсматривая освобожденіе крестьянъ въ средніе вѣка.

Хозяйственныя условія процесса: судьба натуральныхъ повинностей.

Присматриваясь къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ появленіе свободныхъ крестьянъ въ имѣніи, мы безъ труда замѣтимъ одно—которое идетъ въ разрѣзъ съ нарисованною въ началѣ этого очерка картиной помѣстнаго хозяйства. Мы видѣли тамъ, что всѣ повинности крестьянъ по отношенію къ владѣльцу были натуральныя: послѣдній бралъ себѣ отчасти трудъ крестьянина, отчасти непосредственныя продукты этого труда,—и этимъ жилъ. Рабское положеніе виллана тѣмъ и подчеркивалось особенно, что онъ обязанъ былъ работать на барской пашнѣ наравнѣ съ холопами землевладѣльца: мы видѣли, что это экономическое равенство съ рабомъ дѣлало постепенно похожимъ на раба и юридически — даже свободнаго поселенца. Юридическое раскрѣпощеніе, естественно, заставляетъ предполагать и экономическую перемѣну: и дѣйствительно, параллельно съ освобожденіемъ крестьянъ, натуральныя повинности въ большомъ имѣніи мало-по-малу приходятъ въ упадокъ. Въ Англіи уже при Генрихѣ I на церковныхъ земляхъ встрѣчались крестьяне, свободные отъ барщины и обязанные только два дня въ году помогать на пашнѣ и три дня—при жатвѣ. Въ помѣстьяхъ того шампанскаго монастыря, о которомъ говорилось выше, гдѣ почти всѣ крестьяне были лично свободны, требованія отъ несвободныхъ были почти такія же, какъ и отъ всѣхъ остальныхъ—они были заняты на барской запашкѣ отъ 2 до 5 дней въ году. Въ Германіи самой тяжелой барщиной считалась богемская—она занимала у крестьянъ, въ среднемъ, 6 дней въ годъ; въ другихъ мѣстахъ было еще легче. Притомъ, отнюдь нельзя сказать, чтобы крестьянскій трудъ доставался помѣщику совсѣмъ даромъ: собравшихся на помочь крестьянъ онъ долженъ былъ, во-первыхъ, кормить—и кормить хорошо, иначе они могли отказаться работать. Въ одной мѣстности южной Германіи, напримѣръ, каждый рабочій получалъ „краюху хлѣба, которая хватала бы ему отъ колѣнъ до подбородка“, въ другомъ мѣстѣ кусокъ мяса „на два пальца шире тарелки“, въ третьемъ хорошая пища должна была приправляться любезнымъ обращеніемъ хозяина или его приказчика. Затѣмъ, „помочи“ часто сопровождались для крестьянъ подарками—каждый получалъ пару башмаковъ, напримѣръ, или угощеніемъ; въ одномъ мѣстѣ договоръ обязывалъ барина нанимать музыку для развлеченія покончившихъ свой урокъ рабочихъ, въ другомъ они выговаривали себѣ такую выпивку,

чтобы каждый „возвращался къ себѣ домой не иначе, какъ пошатываясь“, и т. д. Если эти анекдотическія подробности больше характеризуютъ способъ выраженія памятниковъ обычнаго права, нежели дѣйствительныя хозяйственныя условія, — то изъ-за нихъ все же ясно виденъ несомнѣнный и очень крупный экономическій фактъ: барщина постепенно теряетъ свое прежнее хозяйственное значеніе, — значеніе одного изъ устоевъ помѣстнаго хозяйства. Размѣры и характеръ барщиннаго труда разъ навсегда опредѣлены обычаемъ: новому хозяйству нужна болѣе гибкая и подвижная рабочая сила. Оттого къ барщинѣ помѣщикъ обращается только въ исключительныхъ случаяхъ, когда ему неоткуда достать наемныя рабочія руки,—а крестьяне пользуются затруднительнымъ положеніемъ помѣщика въ этихъ случаяхъ. И почти то же, хотя съ бо̀льшими ограниченіями, приходится сказать о другомъ устоѣ прежней хозяйственной системы,—о натуральномъ оброкѣ. „Натуральный оброкъ не былъ обременителенъ“, говоритъ одинъ французскій изслѣдователь объ эпохѣ послѣ 1200 года. „Рѣдкость было видѣть крестьянъ, обязанныхъ дѣлиться продуктами своихъ земель поровну съ землевладѣльцемъ; „половничество“, которое мы находимъ такимъ естественнымъ, было тогда признакомъ полной несвободы. Этотъ оброкъ крестьяне старались сдѣлать для себя еще болѣе легкимъ, отдавая помѣщику продукты, по возможности, послѣдняго сорта. Подъ словами „оброчный хлѣбъ“ всегда разумѣлся хлѣбъ самаго плохого качества. Землевладѣлецъ обязанъ былъ принимать то, что ему даютъ; въ Эльзасѣ, напр., обычай устанавливалъ такое испытаніе годности оброчнаго хлѣба: баринъ, который сомнѣвался въ доброкачественности принесеннаго ему крестьяниномъ овса, долженъ былъ взять свинью, запереть ее въ хлѣвъ и три дня не кормить; потомъ свиньѣ давали овесъ: если она не отказывалась его ѣсть, оброкъ признавали доброкачественнымъ. Очевидно, что этого рода повинность больше была обрядомъ, нежели вызывалась экономической необходимостью. Центръ тяжести переносится на повинности совершенно незнакомыя прежнему помѣстному строю—на *денежные платежи.*

Денежный оброкъ.

Замѣна натуральныхъ повинностей денежными въ Англіи началась, повидимому, еще до норманскаго завоеванія: денежный оброкъ встрѣчается уже,—правда, изрѣдка,—въ Переписи Страшнаго Суда Вильгельма Завоевателя. Нѣсколько позже онъ является постояннымъ спутникомъ раскрѣпощенія: выходя на свободу, крестьянинъ обязывается платить барину ежегодно извѣстную денежную сумму,—

взамѣнъ тѣхъ продуктовъ своего хозяйства и того труда, которые онъ обязанъ былъ отдавать барину, пока былъ крѣпостнымъ. Совершенно аналогичный процессъ мы имѣемъ во Франціи: иногда освобождаемые сразу вносили извѣстную, обыкновенно очень крупную по тому времени сумму. Такъ, напримѣръ, въ 1249 г. на земляхъ аббатства С.-Жерменъ-де-Пре жители помѣстья Villa Nova, уже раньше получившіе извѣстныя льготы, пріобрѣли полную свободу за 1.400 парижскихъ ливровъ, а крестьяне другого помѣстья, Витріакъ, получили вольную за 2.200 такихъ же ливровъ (первая сумма равняется приблизительно 28.000 фр., а вторая 44.000 фр. по теперешней покупной цѣнѣ денегъ). Но большинство не въ состояніи было заплатить сразу такія деньги—и должно было соглашаться на ежегодный денежный оброкъ. Возьмемъ, напримѣръ, грамоту, которою Понталье въ Бургундіи возведенъ на степень свободной коммуны: его обыватели, дворы послѣднихъ и надѣлы объявлены свободными, но сами крестьяне обязуются въ то же время платить каждый ежегодно 10 солидовъ на праздникъ св. Ромигія. Только на этомъ условіи признаются они „свободными и чистыми отъ всякой дани и подати, отъ барщины, отъ всякихъ стѣсненій и отъ „мертвой руки“ и отъ всѣхъ „дурныхъ обычаевъ“ (males coustumes)“. Точно также жители другой деревни достигаютъ свободы отъ вотчинныхъ поборовъ только путемъ снятія ихъ на откупъ; они обязываются въ 1260 г. платить ежегодно по слѣдующему расчету: у кого будетъ 10 ливровъ въ годъ, уплатитъ 6, а у кого окажется только 100 су, отдастъ 4. Бѣднѣйшій вноситъ ежегодно 2 солида. Сверхъ этого, прибавляютъ сеньёръ, мы отъ нихъ не въ правѣ требовать ничего.

Но въ Англіи съ начала тринадцатаго столѣтія мы замѣчаемъ еще болѣе общее и широкое движеніе—переводъ на деньги натуральныхъ повинностей всѣхъ крестьянъ, все равно, свободныхъ или нѣтъ. „Сперва, вѣроятно“, говоритъ новѣйшій историкъ англійскаго хозяйства, „это было сдѣлано для того, чтобы опредѣлить размѣръ штрафа, который должны были платить вилланы, не выполнившіе обязательнаго урока. Но очень часто, вѣроятно, деньги предпочитались работѣ; такъ, въ книгѣ Fleta [1]) старостѣ вмѣнено въ обязанность тщательно слѣдить за недоимками въ работѣ и стараться взыскивать за нихъ деньги. Это, естественно, повело

[1]) Собственно у Вальтера Генлейскаго въ томъ отрывкѣ, который вошелъ въ книгу Fleta.

къ денежной оцѣнкѣ всѣхъ работъ и къ стремленію болѣе зажиточныхъ и честолюбивыхъ вилланов замѣнять послѣднія деньгами".

Условія его возникновенія.

Интересъ, руководившій въ данномъ случаѣ вилланами, самъ по себѣ такъ же понятенъ, какъ и стремленіе ихъ къ освобожденію изъ вилланства. Мотивы поведенія землевладѣльцевъ очень наглядно рисуетъ намъ одинъ англійскій памятникъ послѣдней четверти XII в. Въ Англіи замѣна натуральныхъ повинностей денежными раньше всего произошла въ королевскихъ имѣніяхъ,—и вотъ какъ, по словамъ автора, это произошло. „Въ первое время послѣ завоеванія короли обыкновенно получали доходы съ своихъ мэноровъ (помѣстій) не золотомъ и серебромъ, а припасами, которыми удовлетворялись обыденныя потребности королевскаго двора. Тѣ, которымъ было поручено наблюдать за доставкой припасовъ, знали сколько ихъ должны были, по установившемуся обычаю, доставить съ каждаго мэнора. Чеканная же монета, предназначавшаяся для уплаты жалованья солдатамъ и для удовлетворенія другихъ нуждъ, получалась въ видѣ судебныхъ доходовъ короля, а также съ тѣхъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, гдѣ не занимались земледѣліемъ. Такой порядокъ держался во все время правленія Вильгельма I и послѣ того, до вступленія на престолъ Генриха I; я лично встрѣчалъ людей, которые видѣли припасы, привозившіеся въ назначенное время изъ мэноровъ ко двору. Королевскіе чиновники знали точно, изъ какихъ именно графствъ должны доставить пшеницу, изъ какихъ — различные сорта мяса, фуража для лошадей и другіе предметы необходимости. Если все было доставлено въ достаточномъ (для потребностей двора) количествѣ, чиновники вмѣстѣ съ шерифомъ перелагали всѣ припасы на деньги по извѣстной таксѣ; такъ, за количество пшеницы, потребное для того, чтобы напечь хлѣба на сто человѣкъ, клали одинъ шиллингъ, за тушу откормленнаго быка—1 шиллингъ; за барана или овцу 4 пенса; за фуражъ на 20 лошадей также 4 пенса. Но, съ теченіемъ времени, Генриху пришлось ѣздить за море для подавленія отдаленныхъ возстаній, и для покрытія расходовъ на это ему понадобилась чеканная монета. Около того же времени толпы вилланов стали стекаться съ жалобами къ его двору или, что еще болѣе его огорчало, встрѣчаясь ему во время его поѣздокъ, приподнимали лемеши своихъ плуговъ, показывая этимъ, что земледѣліе падаетъ, такъ какъ они терпѣли много лишеній отъ того, что имъ приходилось возить припасы на далекое разстояніе. Въ виду этого король внялъ ихъ

жалобамъ и, посовѣтовавшись съ вельможами, назначилъ лучшихъ людей, какихъ онъ только могъ найти для этого дѣла, и разослалъ ихъ во всѣ стороны по своему королевству, чтобы они объѣхали всѣ маноры и оцѣнили на деньги стоимость натуральныхъ повинностей; при этомъ они возложили въ каждомъ графствѣ на шерифа отвѣтственность передъ казной за всю сумму, слѣдуемую со всѣхъ маноровъ этого графства".

Ближайшей причиной появленія денежныхъ повинностей въ имѣніяхъ англійскаго короля были, такимъ образомъ, „отдаленныя" военныя экспедиціи этого послѣдняго. Но съ конца XI вѣка не одни англійскіе короли, а всѣ феодальные землевладѣльцы Европы, въ нѣсколько пріемовъ, снимались съ мѣстъ для экспедицій, гораздо болѣе отдаленныхъ, чѣмъ походы Генриха I—для завоеванія Святой Земли. Крестовые походы давно уже,—и не безъ большого основанія,—принято ставить въ связь съ освобожденіемъ крестьянъ на западѣ въ средніе вѣка. Схема процесса дается при этомъ, обыкновенно, очень простая: рыцарь, владѣлецъ феодальнаго имѣнія, отправляясь въ походъ, нуждается въ деньгахъ на дорогу; его вилланы пользуются этимъ и предлагаютъ своему господину извѣстную сумму, съ условіемъ, что онъ ихъ отпуститъ на волю. Рыцарь, такимъ образомъ, получаетъ деньги, которыя ему нужны, а вилланы свободу.

Одинъ вопросъ здѣсь остается не совсѣмъ яснымъ: гдѣ же вилланы берутъ тѣ деньги, которыя они предлагаютъ своему барину? Откуда взялись самыя деньги, на это всего легче отвѣтить: средневѣковой Европѣ въ наслѣдство отъ Римской имперіи достался значительный запасъ драгоцѣнныхъ металловъ. Они не могли исчезнуть совсѣмъ, но въ эпоху смутъ, предшествовавшихъ окончательному образованію феодальнаго строя, они спрятались: потеряли денежную форму или просто были зарыты въ землю. Они снова стали выходить на свѣтъ Божій, когда мало-по-малу возстановился порядокъ. Какъ ни плохи были феодальныя учрежденія съ нашей точки зрѣнія, они все же давали людямъ XI—XII в. такую обезпеченность, о какой и мечтать не смѣли современники послѣднихъ Каролинговъ. Мѣстами, раньше всего въ Англіи, надъ феодальнымъ строемъ уже поднялась сильная центральная власть, стѣснявшая произволъ и ограждавшая, прежде всего, интересы мелкаго люда. И повсюду уже сложилось то обычное право,—такъ характерное для помѣстнаго хозяйства,—которое защищало крестьянина отъ помѣщика въ интересахъ самого помѣщика. Вотъ эта-то сра-

вительная устойчивость помѣстнаго строя и даетъ объясненіе странному на первый взглядъ факту, что у крестьянина могли оказаться деньги, которыхъ не было у сеньёра. Юридически лишенный собственности, крѣпостной въ дѣйствительности имѣлъ возможность дѣлать сбереженія, такъ какъ обычный порядокъ оставлялъ ему достаточно и земли и времени для ея обработки.

Крестьянское хозяйство было главной экономической силой — помѣщикъ вовсе не хозяйничалъ въ болѣе ранній періодъ, а лишь бралъ себѣ часть крестьянскаго дохода. Весь процессъ сельскохозяйственной культуры приходился въ то время на долю не крупнаго, а именно мелкаго землевладѣнія. И оно же первое воспользовалось начинавшимъ развиваться денежнымъ хозяйствомъ. Старый металлическій запасъ началъ пополняться благодаря возобновившейся разработкѣ рудниковъ (см. очеркъ 4-й „Средневѣковой капитализмъ"). Своими результатами крестовые походы должны были помогать увеличенію этого запаса. Востокъ былъ гораздо богаче тогдашней Европы; одно разграбленіе Константинополя въ 1204 г. дало крестоносному ополченію, навѣрно, не одинъ десятокъ милліоновъ на наши деньги. Конечно, весь денежный рынокъ средневѣковой Европы не составилъ бы и одной тысячной теперешняго денежнаго рынка; даже Европа XVI в., послѣ открытія американскихъ рудниковъ, была, вѣроятно, разъ въ 10 богаче Европы XIII в. драгоцѣнными металлами. Но все же и этого, незначительнаго съ нашей точки зрѣнія, запаса звонкой монеты было достаточно, чтобы сдѣлать участіе денегъ при всякой сколько-нибудь значительной сдѣлкѣ изъ исключенія—какимъ оно было раньше—общимъ правиломъ. Поскольку этотъ переворотъ коснулся крестьянъ, онъ и выразился въ замѣнѣ натуральныхъ повинностей денежными платежами.

Условія освобожденія—цензъ.

Такъ выясняется для насъ одна сторона разсматриваемаго процесса; но ею не исчерпывается все дѣло; объяснять освобожденіе крестьянъ одною непосредственною нуждой землевладѣльца въ деньгахъ было бы невозможно уже потому, что непосредственная денежная выгода, которую онъ получалъ отъ освобожденія своихъ крестьянъ, часто была очень незначительна. Мы видѣли, что, обыкновенно, онъ не получалъ отъ освобождаемыхъ сразу крупной суммы: за свою свободу крестьянинъ долженъ былъ платить ежегодный, очень небольшой оброкъ, такъ называемый „цензъ" (cens). Характерною чертой этого оброка была его неизмѣнность: онъ устанавливался разъ навсегда, на вѣчныя времена; послѣ смерти осво-

божденнаго платилъ его сынъ, потомъ внукъ и т. д., изъ поколѣнія въ поколѣніе. На первый взглядъ это можетъ показаться очень стѣснительною обязанностью: на самомъ дѣлѣ сдѣлка была очень выгодна для крестьянина. Съ развитіемъ денежнаго хозяйства цѣна денегъ должна была все больше и больше падать (у насъ въ Россіи, напр., 1 рубль половины XV в.=100 р. нынѣшнимъ), т. е. дѣйствительные платежи крестьянина должны были становиться все меньше и меньше. Но иногда владѣлецъ не выговаривалъ себѣ никакого денежнаго платежа — и уступалъ своимъ крестьянамъ свободу, напр., за $^1/_{12}$ доли валового дохода съ ихъ земель. Тутъ мотивы его поступковъ становятся уже совершенно необъяснимы съ точки зрѣнія непосредственнаго денежнаго интереса.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ по договору.

Если мы присмотримся ближе къ грамотамъ, отпускавшимъ вилланов на свободу, насъ поразитъ въ нихъ одна особенность: всякій разъ освобожденіе сопровождается однимъ условіемъ — крестьяне не должны покидать той земли, которую они занимаютъ въ моментъ освобожденія. „Если мы покинемъ имѣніе“, говорятъ, напр., крестьяне С.-Обена во Франшконтэ (1261 г.), „то всѣ наши земли остаются барину“. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ только что освобожденные крестьяне, уже по договору, снова прикрѣпляютъ къ имѣнію не только себя, но и свое потомство: даютъ обязательство не выдавать замужъ дочерей за предѣлы вотчины и не позволять сыновьямъ жениться и заводить хозяйство на сторонѣ.

Отпуская крестьянина на волю, сеньёръ, очевидно, не хотѣлъ отпускать ихъ изъ своего имѣнія. Забота странная, если мы припомнимъ главную обязанность виллана, отъ которой именно его и освобождала отпускная грамота: кормить своего барина. Разъ теперь вилланъ не кормитъ барина, разъ его натуральныя повинности перестали быть послѣднему необходимы, — на что ему вилланъ? Нѣкоторые экономическіе же факты, современные изучаемому процессу, объясняютъ намъ отчасти дѣло.

Мобилизація земельной собственности.

Если мы возьмемъ французское землевладѣніе XIII вѣка, наиболѣе обильнаго освобожденіями, первый фактъ, который намъ бросится въ глаза — очень частые, сравнительно, переходы земель изъ рукъ въ руки. Передача земли въ чужія руки въ средніе вѣка была дѣломъ очень сложнымъ и непривычнымъ: земля оставалась десятки и сотни лѣтъ въ рукахъ одной и той же семьи. Въ описываемую эпоху земля каждыя 15 — 20 лѣтъ, въ среднемъ, мѣняетъ владѣльца. Одно имѣніе около Авиньона въ промежутокъ съ 1274 по 1328 г. перепродавалось 6 разъ, т. е. оставалось въ

рукахъ каждаго владѣльца только 9 лѣтъ. Рядомъ съ этимъ увеличеніемъ спроса росла и цѣна на землю: десятина земли во Франціи въ концѣ XIII в. (послѣдняя четверть) стоила ровно вдвоо дороже того, что за нее платили въ первой четверти того же столѣтія (261 fr. противъ 135).

Увеличеніе цѣнности земли, параллельно съ освобожденіемъ сидѣвшихъ на этой землѣ крестьянъ, представляется само по себѣ очень любопытнымъ явленіемъ. При помѣстномъ хозяйствѣ земля считалась ни во что: цѣну имѣли сидѣвшіе на ней крестьяне. Только властью надъ этими крестьянами и дорожилъ землевладѣлецъ: сельскимъ хозяйствомъ онъ не занимался. Не было расчета заботиться объ увеличеніи производительности имѣнія, разъ оно удовлетворяло потребности его обитателей: помѣстье жило для себя и работало на себя. Сбывать продукты на сторону было почти некуда.

Появленіе рынка.

Къ XII вѣку окончательно складывается средневѣковой городъ, о которомъ много придется говорить ниже: образуется, такимъ образомъ, незнакомое раннему средневѣковью явленіе—*хлѣбный рынокъ*. Поставщикомъ хлѣба для этого рынка и является теперь помѣстье: вмѣсто того, чтобы кормить только своихъ обитателей и работать только для себя, оно начинаетъ работать для продажи.

Волей-неволей, феодальный баронъ, — прежде только государь въ своемъ имѣніи,—становится лицомъ, близко заинтересованнымъ въ сельскомъ хозяйствѣ, — которымъ онъ прежде вовсе не занимался. Или прямо, — если онъ начиналъ эксплуатировать съ новыми, промышленными цѣлями господскую землю, или косвенно, если земля раздавалась въ аренду крестьянамъ, — но его доходъ былъ тѣмъ выше, чѣмъ выше было качество и количество труда въ его имѣніи, потому что тѣмъ больше продуктовъ могло поступить на рынокъ. Подневольный трудъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи оказывался очень мало выгоднымъ. „Крѣпостные нерадивы къ работѣ“, говоритъ одна изъ французскихъ отпускныхъ грамотъ, „такъ какъ они исполняютъ ее на другихъ“. Свободный человѣкъ работаетъ гораздо усерднѣе: наблюденіе, сдѣланное русскими помѣщиками XIX вѣка, не чуждо было и французскимъ сеньёрамъ среднихъ вѣковъ. Благодаря этому, „меньшія права господина“, говоритъ уже цитованная грамота, „будутъ стоить больше, чѣмъ теперь права болѣе значительныя“.

Но не только *качество*, и *количество* рабочихъ рукъ увеличивалось въ свободномъ имѣніи. Распашка новыхъ земель шла, повидимому, быстрѣе, нежели ростъ сельскаго населенія, обрабаты-

вавшаго эти земли. Спросъ на рабочія руки всегда превышалъ предложеніе,—и крестьяне массами уходили изъ крѣпостныхъ имѣній въ тѣ, гдѣ имъ предлагали болѣе выгодныя условія. У сеньёра оставалось, положимъ, право вернуть своего ушедшаго виллана (droit de suite), — но его трудно было осуществить при слабости полицейскаго надзора въ тогдашней Европѣ. Отсутствіе сильной центральной власти, такъ выгодное феодальнымъ землевладѣльцамъ въ политическомъ отношеніи, оказывалось очень вредно для нихъ съ экономической стороны. Одна уставная грамота, данная французскимъ монастыремъ своимъ вилланамъ, прямо объясняетъ фактъ своего появленія желаніемъ монастыря, чтобы „земли не оставались необработанными". Другой документъ болѣе ранней эпохи поясняетъ, что „никто не хочетъ брать участковъ въ крѣпостныхъ имѣніяхъ, всѣ предпочитаютъ свободныя". Помѣщикъ, замедлившій освобожденіемъ своихъ вилланов, терялъ своихъ старыхъ крестьянъ и лишался возможности призвать на ихъ мѣсто новыхъ. „Принимая во вниманіе плодородную почву и умѣренный климатъ", говоритъ архіепископъ безансонскій, отпуская на волю своихъ крестьянъ, „можно съ увѣренностью сказать, что въ помѣстьяхъ населеніе сильно возрастетъ, какъ только освобожденіе отъ крѣпостного права будетъ распространено на всѣхъ". А одна помѣщица конца XIV вѣка, запоздавшая съ освобожденіемъ, горько жалуется въ отпускной грамотѣ, что „земля ея сильно обезлюдѣла и запустѣла, а оброки и прочія ренты сократились и почти совсѣмъ исчезли".

2. Городское хозяйство.

Исходною точкой всего длиннаго и сложнаго процесса крестьянскаго раскрѣпощенія, — основныя черты котораго намѣчены выше, — послужило образованіе городского рынка — короче говоря, образованіе города, потому что экономическое значеніе города въ первую половину средневѣковья къ тому и сводилось, что тамъ былъ рынокъ. Съ городомъ же связана и вся дальнѣйшая экономическая исторія западной Европы въ средніе вѣка: какъ разложеніе помѣстнаго хозяйства начинаетъ собой экономическую исторію поздняго средневѣковья, такъ разрушеніе городского хозяйства, переходъ къ хозяйству народному и международному хронологически совпадаетъ съ принятымъ началомъ новой исторіи (XV—XVII вѣка).

Разсматривая большое имѣніе, мы имѣли передъ собою организацію производства въ средніе вѣка: явленія распредѣленія занимали насъ лишь постольку, поскольку они не выходили за предѣлы одного помѣстнаго хозяйства. Распредѣленія продуктовъ между различными хозяйствами, обмѣна, мы не касались—потому что вся система вовсе и не была разсчитана на обмѣнъ — какъ разсчитаны на него теперешнія сельскохозяйственныя предпріятія. Но и въ настоящее время,—время полнаго расцвѣта отношеній, основанныхъ на обмѣнѣ, на столѣ у болѣе счастливыхъ обитателей самой капиталистической изъ странъ Европы появляется нерѣдко молоко отъ *своей* коровы, жаркое *своего* птичьяго двора, — точь-въ-точь, какъ въ доброе старое время въ помѣстномъ хозяйствѣ; въ свой чередъ, и это послѣднее никогда не могло вполнѣ выдержать свой *„натуральный“* характеръ: полная замкнутость являлась для него идеаломъ, какъ всѣ идеалы — недостижимымъ. Въ дѣйствительности, явленія обмѣна вовсе не были ему неизвѣстны, только, какъ въ наши дни явленія натуральнаго хозяйства, они были исключеніемъ, а не правиломъ — не они давали тонъ экономической жизни того времени. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ становилось больше, — пока, наконецъ, обмѣнъ не отлился въ опредѣленную, очень своеобразную организацію, носящую на себѣ явный отпечатокъ натуральнаго хозяйства—но представляющую, тѣмъ не менѣе, крупный шагъ впередъ, сравнительно съ помѣстнымъ строемъ: съ этою организаціей мы знакомимся, изучая хозяйство городское.

Городъ начала среднихъ вѣковъ.

Когда мы теперь произносимъ слово „городъ“ — въ нашемъ воображеніи возникаетъ картина съ довольно опредѣленными *экономическими* признаками: тѣсные ряды высокихъ каменныхъ домовъ, съ пестрыми вывѣсками магазиновъ, оживленныя, покрытыя толпой дѣлового люда, улицы и длинный строй дымныхъ фабричныхъ трубъ на горизонтѣ; полный контрастъ деревнѣ,—съ ея просторомъ и тишиной, низенькими домиками и широкими зелеными полями вокругъ. Городъ для насъ, прежде всего, центръ обрабатывающей промышленности и торговли, — а деревня такое мѣсто, гдѣ занимаются, преимущественно, земледѣліемъ. Но когда москвичу, напримѣръ, приходится „ѣхать въ городъ“, предъ нимъ во всей неприкосновенности встаютъ старые, уже стирающіеся въ нашемъ воображеніи, признаки городской жизни: съ башенъ Ильинскихъ или Владимірскихъ воротъ, съ зубцовъ „Китайской стѣны“ на него смотритъ еще средневѣковой *городъ*, имѣвшій въ себѣ совсѣмъ

мало „экономическаго“. Лѣтъ тысячу назадъ на западѣ и еще гораздо позже у насъ, подъ стѣнами „города“ мы бы увидали очень сельскую картину: не только въ какомъ-нибудь захолустномъ нѣмецкомъ бургѣ, а въ самомъ Римѣ VI—VII вѣковъ мы нашли бы и обширныя пастбища, и густые сады, и пашни, и луга — и другія принадлежности „сельской“, по-нашему, жизни. Только валъ съ частоколомъ, а позднѣе стѣна съ башнями отличали этотъ „городъ“ отъ деревни, — и его обитатель разнился отъ деревенскаго жителя не своими обычными занятіями, а тѣмъ, что у него былъ мечъ и панцырь на тотъ случай, если обычное теченіе жизни будетъ прервано появленіемъ непріятеля. Городъ былъ не средоточіемъ хозяйственной жизни, отличной отъ деревенской, а мѣстомъ, куда деревенскіе жители спасались во время войны. Городъ въ нашемъ смыслѣ этого слова развился лишь постепенно въ теченіе первой половины среднихъ вѣковъ — и развился скорѣе непосредственно изъ помѣстнаго хозяйства, нежели изъ этого „бурга“, хотя и нашелъ себѣ убѣжище за его стѣнами.

Зачатки обмѣна въ помѣстномъ хозяйствѣ.

Не всѣ большія имѣнія постоянно производили одно и то же и въ одномъ и томъ же количествѣ: полное равенство было такъ же мало осуществимо, какъ и полная замкнутость. Въ одномъ хозяйствѣ могло случайно уродиться мало хлѣба, — за то холста было выткано больше, чѣмъ сколько было нужно для домашнихъ потребностей; въ другомъ, сосѣднемъ, могло быть хлѣба въ избыткѣ, но не хватаетъ холста: что было проще, какъ достать у этихъ сосѣдей хлѣбъ въ обмѣнъ на холстъ? Иногда такое неравенство могло быть не случайнымъ, а постояннымъ: въ деревнѣ на берегу рѣки всегда было больше рыбы, чѣмъ нужно, и ея обитатели могли постоянно доставать всѣ остальныя необходимыя для нихъ вещи въ обмѣнъ на рыбу. Такъ, мало-по-малу, иныя помѣстныя хозяйства получали одностороннее развитіе, и, живя вообще для себя, какой-нибудь одинъ продуктъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ: глиняную посуду, шерсть, холстъ и т. д. — начинали заготовлять исключительно для обмѣна. Были предметы, которые ни въ какомъ случаѣ нельзя было производить въ каждомъ хозяйствѣ, — а они, въ то же время были нужны всѣмъ, къ такимъ принадлежали, наприм., желѣзо и соль. Торговля, на первыхъ порахъ, отличалась очень примитивнымъ характеромъ: обмѣнивались, обыкновенно, сосѣди, — производитель и потребитель всегда могли завязать непосредственныя отношенія; не было надобности въ особомъ общественномъ классѣ, который взялъ бы на себя обмѣнъ

какъ въ наше время: средневѣковой купецъ этой ранней эпохи— почти всегда торговецъ заморскими, иноземными товарами, съ мѣстными продуктами ему нечего было дѣлать. По той же причинѣ долгое время не было надобности и въ деньгахъ — обмѣнивались прямо продукты на продукты: деньги нужны были только въ заморской торговлѣ, которая начала развиваться въ связи съ крестовыми походами. Но уже очень рано понадобилось опредѣленное мѣсто, гдѣ могли бы совершаться мѣновыя сдѣлки: колесить съ обозомъ изъ одного имѣнія въ другое было бы, конечно, очень неудобно. Это мѣсто должно было удовлетворять двумъ требованіямъ: нужно было, чтобы оно находилось, приблизительно, въ одинаковомъ разстояніи отъ всѣхъ, заинтересованныхъ въ обмѣнѣ; нужно было также, чтобы оно представляло извѣстную гарантію безопасности, — чтобы можно было возти туда запасы съ нѣкоторою увѣренностью, что попадутъ они въ руки покупателей, а не какихъ-нибудь охочихъ „лихихъ людей", которыми такъ богато было средневѣковье. Обоимъ требованіямъ отвѣчалъ, обыкновенно, укрѣпленный бургъ, лежавшій почти всегда въ центрѣ области: вотъ отчего первые рынки и возникли большею частью подъ стѣнами укрѣпленныхъ городовъ или даже въ самыхъ стѣнахъ. Связь укрѣпленій съ образованіемъ города — рынка очень хорошо можно прослѣдить на примѣрѣ С.-Омера, въ западной Франціи: въ IX вѣкѣ это было простое аббатство, неукрѣпленное, и, благодаря этому, дважды опустошенное норманнами, въ 860 и 878 годахъ. Наученные опытомъ монахи окружили монастырь стѣнами, и когда норманны пришли въ третій разъ, въ 891 г., они не могли его уже взять. Въ X вѣкѣ этотъ монастырь былъ уже городомъ.

Рынокъ.

„Горожане" этого времени все еще продолжали мало отличаться отъ своихъ сельскихъ сосѣдей. Купецъ, время отъ времени наѣзжавшій сюда съ произведеніями далекихъ странъ, — мѣхами, пряностями, дорогими матеріями, былъ здѣсь *гостемъ*; такъ его и называли въ древней Руси. Но въ качествѣ постоянныхъ жителей около рынка скоро появились два разряда людей, незнакомыхъ помѣстному хозяйству: это были, во-первыхъ, мелочные торговцы; средневѣковой баринъ, обыкновенно, запасалъ все, что ему было нужно, оптомъ, какъ оптомъ же спускалъ онъ и продукты своего хозяйства; но случалась нужда въ рынкѣ и у его вилланов, и они не могли дѣлать оптовыхъ закупокъ; этимъ воспользовались болѣе смѣтливые изъ горожанъ; сдѣлавъ большой запасъ разныхъ

Городское населеніе.

нужныхъ для крестьянъ продуктовъ, они сбывали ихъ по мелочамъ, — съ большою, конечно, для себя выгодой. Эти „грошевыя вещи", Pfennwerthe, покупались большею частью на чистыя деньги, которыя въ маленькихъ суммахъ легче, конечно, было найти, нежели въ видѣ крупнаго капитала. Денежное хозяйство, широкою струей вливавшееся, благодаря заморской торговлѣ, просачивалось, такимъ образомъ, въ массу средневѣкового крестьянства по каплямъ, благодаря мелочному торгу.

Обработывающая промышленность въ помѣстномъ хозяйствѣ.

Другой, и гораздо болѣе важный для будущаго, разрядъ горожанъ представляли собою свободные или оброчные ремесленники. Мы видѣли, что помѣстное хозяйство стремилось удовлетворить своими силами всѣ свои потребности,—не исключая и потребности въ продуктахъ обработывающей промышленности, — и даже интересовъ высшаго порядка, насколько они были доступны тогдашнему человѣчеству. На земляхъ аббатства Бога Отца въ Шартрѣ въ XI столѣтіи мы находимъ, на ряду съ булочниками и поварами, особыхъ поставщиковъ жаренаго на вертелѣ мяса и пирожниковъ. Мясники и хлѣбопеки завершаютъ собою списокъ лицъ, промыслы которыхъ имѣютъ отношеніе къ пищѣ. Гораздо многочисленнѣе классъ лицъ, занятыхъ выдѣлкой различныхъ предметовъ одѣянія, начиная съ обуви и кончая шляпой и верхней одеждой. Въ ихъ рядахъ мы встрѣчаемъ дубильщиковъ и мѣховщиковъ, нерѣдко поставленныхъ подъ начальство особаго монастырскаго надзирателя и занимающихся также выдѣлкой перьевъ и пуху, башмачниковъ, сапожниковъ, портныхъ-закройщиковъ и портныхъ, кладущихъ заплаты на старое платье, шляпочниковъ, наконецъ, группу лицъ, завѣдующихъ выдѣлкой тканей, какъ льняныхъ, такъ и шерстяныхъ ткачей, валяльщиковъ (fullones) и красильщиковъ. Выдѣлка металловъ сосредоточивается въ рукахъ кузнецовъ, желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ, кожевщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Обработкой дерева, помимо дровосѣковъ, заняты плотники и бочары. Имѣются также каменщики и цементщики. Торговлей и обмѣномъ завѣдуютъ особые купцы и мѣнялы. Послѣднее указаніе очень цѣнно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, мы видимъ, что монастырское хозяйство работало не только для себя, но и на продажу, и не обходилось, въ свою очередь, безъ закупокъ на сторонѣ, — при чемъ та и другая операціи были настолько обширны, что потребовалось держать для нихъ особаго агента; а во-вторыхъ, — и эту новую потребность въ обмѣнѣ монастырь старался удовлетворить пріемами стараго, натуральнаго хозяйства,—заведя для себя

особаго домашняго купца и мѣнялу, какъ у него былъ домашній поваръ и домашній сапожникъ. Но и вся система не выходила изъ рамокъ помѣстнаго хозяйства: каждый изъ перечисленныхъ выше ремесленниковъ сидѣлъ на земельномъ надѣлѣ, подобно остальнымъ крестьянамъ, и подобно имъ былъ обязанъ натуральными повинностями, — которыя состояли только, разумѣется, не въ поставкѣ сельскохозяйственныхъ произведеній и не въ работѣ на барской запашкѣ, а въ правѣ землевладѣльца требовать отъ своего крѣпостного ремесленника даровой работы по его спеціальности. На такихъ условіяхъ даются надѣлы не только ремесленникамъ: въ писцовой книгѣ аббатства Корби, въ числѣ людей, сидящихъ на монастырской землѣ, мы находимъ и повивальную бабку, и врача, и даже — фокусника.

Барскіе заказы не могли, само собою разумѣется, взять все рабочее время такихъ мастеровыхъ людей: и баринъ ничего, конечно, не могъ имѣть противъ того, чтобы они, въ досужіе часы, что-нибудь зарабатывали и себѣ лично, продавая свои услуги,—прежде всего, своимъ односельчанамъ: послѣднее настолько само собою разумѣлось, что по большей части такой ремесленникъ былъ одновременно и барскимъ, и мірскимъ. Но очень часто могло быть, что одно какое-нибудь имѣніе располагало представителями такого мастерства, какихъ не было въ другихъ: тогда и въ этомъ случаѣ начинался обмѣнъ между различными хозяйствами,—обмѣнъ рабочими силами. Искуснаго слесаря или портного брали кругомъ нарасхватъ, и землевладѣльцу сплошь и рядомъ было выгоднѣе отпустить такого мастера по оброку, нежели держать его постоянно въ своемъ имѣніи. Ремесленникъ изъ барскаго окончательно превращался въ мірского, — притомъ не для одного „міра“, не для одной своей деревни, а для всей округи. Изъ такихъ отпущенныхъ по оброку мастеровыхъ и складывался мало-по-малу новый общественный классъ, классъ промышленныхъ работниковъ по преимуществу, уже почти или и вовсе не занимавшихся земледѣліемъ и не связанныхъ съ землей.

Перехожіе ремесленники и работа по заказу.

Мы очень ошиблись бы, если бы стали представлять себѣ такого средневѣкового ремесленника производителемъ товара для продажи, въ небольшихъ размѣрахъ, въ родѣ хозяина какой-нибудь теперешней маленькой мастерской. Тогдашній ремесленникъ торговалъ не продуктами своего труда, а самимъ трудомъ: его профессіональная ловкость, умѣнье обращаться съ орудіями ремесла—вотъ въ чемъ заключался его товаръ. Тотъ, кто имѣлъ сырье, желалъ

его переработать, но не умѣлъ самъ этого сдѣлать,— тотъ звалъ масторового къ себѣ на домъ. И теперь еще въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи крестьяне обрабатываютъ продукты своего льноводства такимъ способомъ. Крестьянинъ раститъ ленъ или коноплю; домашними средствами этотъ ленъ или коноплю сушатъ, мнутъ, чешутъ и прядутъ. Затѣмъ для тканья пряжа отдается ткачу за сдѣльную плату; въ такомъ видѣ суровое полотно возвращается къ собственнику для бѣленія, или же опять-таки за плату—передается красильщику для окраски; въ концѣ-концовъ въ домъ поденно приглашается швея или портной для изготовленія изъ ткани различныхъ предметовъ одежды. Во многихъ сохранившихся до сихъ поръ городскихъ приходо-расходныхъ книгахъ среднихъ вѣковъ встрѣчаются безчисленныя записи расходовъ на матеріалъ и вознагражденіе за работу. Тамъ встрѣчаются записи о выдачѣ кузнецу желѣза, свѣчнику—воска, кровельщику—соломы, столяру и экипажнику — дерева для пожарныхъ лѣстницъ и приборовъ, стекольщику—свинца и стекла, печнику—кафель, кирпичой, глины и волоса, лудильщику — олова, оружейнику — олова и мѣди для смѣси и желѣза для шомполовъ; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда мастеръ самъ ставилъ матеріалъ, стоимость его проставлялась отдѣльно отъ платы за работу. Если орудія ремесла были негромоздки, легко ихъ было переносить, мастера обыкновенно звали на домъ, чтобы онъ исполнялъ работу на глазахъ у хозяина. Это трудно было, конечно, устроить, когда дѣло шло о ткачѣ или булочникѣ, напримѣръ: тутъ, то прямо отдавали муку съ обязательствомъ доставить обратно извѣстное количество хлѣба, то мѣсили тѣсто и приготовляли хлѣба дома, такъ что пекарю оставалось лишь выпечь ихъ. Но во всѣхъ случаяхъ сырье доставлялось тѣмъ лицомъ, которому нуженъ былъ фабрикатъ.

Изъ послѣднихъ примѣровъ видно, что ремесленникъ далеко не всегда могъ быть перехожимъ, — очень часто сама профессія требовала отъ него прочной осѣдлости, обзаведенія своимъ хозяйствомъ, непохожимъ на деревенское. Если это былъ кузнецъ или булочникъ, онъ могъ бы еще, однако, географически все же оставаться въ деревнѣ, которая давала ему достаточное количество заказчиковъ. Но уже золотыхъ или серебряныхъ дѣлъ мастеръ или рѣзчикъ по дереву не нашелъ бы здѣсь достаточнаго приложенія для своего искусства. Ему приходилось устраивать себѣ осѣдлость въ болѣе бойкомъ мѣстѣ, куда стекались заказы съ разныхъ концовъ: такимъ мѣстомъ и былъ городъ съ его рынкомъ. Такъ, ре-

месленникъ силой вещей становился городскимъ жителомъ, „бюргеромъ“, „буржуа“ въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова.

Происхожденіе цеховъ.

Какъ онъ завоевалъ себѣ свободу отъ власти своего помѣщика, и какъ онъ устроился на новомъ мѣстѣ,—обо всемъ этомъ читатели этой книги уже узнали въ другомъ мѣстѣ (см. т. II статью „Французскіе города въ средніе вѣка“). Сейчасъ насъ интересуетъ только экономическое его положеніе; и здѣсь онъ еще не такъ скоро разорвалъ послѣднія нити, связывавшія его съ помѣстнымъ хозяйствомъ. Еще въ 1273 г. булочникамъ города Санса приходилось выкупать право на свою профессію у аббатства св. Петра, которому они платили оброкъ,—по одному хлѣбу каждую недѣлю. Изъ возникшаго по этому поводу процесса мы узнаемъ, что собственникомъ булочныхъ попрежнему считался монастырь, а городскіе пекари были лишь пользователи: на бумагѣ еще оставалась форма помѣстнаго хозяйства, хотя на дѣлѣ булочники давно уже служили не монастырю, а всему городу, и въ монастырѣ давно уже былъ свой особый хлѣбопекъ. Еще недавно ставили въ связь съ этой старой вотчинной организаціей и новую организацію городскихъ ремесленниковъ. Мастеровые каждой особой профессіи въ каждомъ городѣ образовали самостоятельную обособленную группу, скрѣпленную очень прочною внутренней связью и выступавшую какъ одно цѣлое и передъ правительствомъ, и передъ публикой: такая группа называлась въ Англіи „гильдіей“, во Франціи métier, въ Германіи *цехомъ* (Zunft). Древнѣйшая парижская корпорація такого рода (цехъ свѣчниковъ) появляется въ первый разъ въ 1061 г. Одна хартія 1134 г., касающаяся парижскихъ мясниковъ, упоминаетъ „старинныя лавки“ этихъ послѣднихъ, а другой документъ, 1162 г., говоритъ объ ихъ „старинныхъ“ обычаяхъ. Нѣмецкіе цехи нѣсколько моложе; древнѣйшіе цеховые уставы, дошедшіе до насъ, это—уставы рыбаковъ Вормса (1106 г.), башмачниковъ Вюрцбурга (1128 года), ткачей перивнаго тика въ Кельнѣ (1149 года), башмачниковъ Магдебурга (1158 года), портныхъ (1183 г.) и выдѣлывателей щитовъ (1197 г.) въ томъ же городѣ и холстовщиковъ Брауншвейга (1156—1180 г.). Эта групповая организація промышленности, гдѣ и размѣры производства и его пріемы устанавливались сообща всѣми товарищами по ремеслу, такъ не похожа на нашъ современный строй съ его крайнимъ индивидуализмомъ, что давно обратила на себя вниманіе и вызывала на объясненіе. Французское названіе цеха (métier) несомнѣнно происходитъ отъ латинскаго ministerium: а такъ назывались отряды

или артели *крѣпостныхъ* ремесленниковъ въ большихъ имѣніяхъ предшествующей эпохи. Отсюда выводили заключеніе, что свободные мастеровые просто подражали той системѣ, къ какой они привыкли, когда еще не были свободными. Противъ этого возражаютъ, во-первыхъ, что до сихъ поръ можно указать только *одинъ* случай перехода крѣпостной организаціи въ цеховую (цехъ котельниковъ въ Лейтербахѣ, въ Германіи). Съ другой стороны, цехъ удовлетворялъ слишкомъ многоразличнымъ потребностямъ, чтобы возникновеніе такого разносторонняго союза можно было относить на счетъ какого-нибудь одного—притомъ случайнаго—вліянія. Онъ сыгралъ въ свое время огромную политическую роль,—былъ могучимъ орудіемъ въ борьбѣ промышленнаго населенія города, какъ противъ феодальнаго землевладѣльца, такъ и противъ коренного городского населенія—„патриціевъ", старавшихся удержать за собой привилегированное положеніе (см. въ в. III ст. „Городъ Кельнъ въ средніе вѣка"). Онъ удовлетворялъ и потребности религіознаго общенія,—и былъ, въ то же время, обществомъ взаимнаго страхованія. „Гильдія вмѣшивалась почти во всѣ стороны повседневной жизни своихъ членовъ", говоритъ историкъ англійскаго хозяйства. „Члены гильдіи навѣщали своихъ больныхъ сочленовъ, посылали имъ вино и кушанье со своихъ праздниковъ, помогали своимъ обѣднѣвшимъ собратьямъ, давали приданое дочерямъ послѣднихъ при выходѣ ихъ замужъ или пособіе при поступленіи въ монастырь, а когда умиралъ членъ гильдіи, они присутствовали на похоронахъ и заботились о томъ, чтобы были исполнены всѣ надлежащіе обряды". Съ другой стороны, потребителямъ, т. е. всему населенію города и его округа, былъ прямой расчетъ поддерживать и поощрять такую солидарность промышленниковъ; при ограниченности района производства и сбыта послѣдніе являлись, въ сущности, монополистами,—и въ чемъ могла найти публика гарантію отъ ихъ злоупотребленій, какъ не въ круговой порукѣ мастеровъ, и такомъ строѣ всего дѣла, при которомъ оно было бы въ рукахъ одного учрежденія, цеха, всѣмъ виднаго и дѣйствовавшаго по опредѣленному уставу, подъ контролемъ городской власти? Нужно впрочемъ сказать, что на первыхъ порахъ этотъ уставъ и этотъ контроль не шли дальше огражденія потребителя отъ порчи матеріала и слишкомъ грубаго обмана: „козловые сапоги — такъ козловые, опойковые — такъ опойковые, выростковые—такъ выростковые", какъ говорится въ уставѣ одного нѣмецкаго сапожнаго цеха. Та стройная іерархія мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ, сложная система присяжныхъ экспертовъ, экза-

меновъ, chefs d'oeuvre,—мелочная регламентація всѣхъ подробностей производства—все то, что обыкновенно связывается съ представленіемъ о цехѣ—дѣло гораздо болѣе поздняго времени,—въ сущности, эпохи разложенія цехового строя, когда эта система служила уже не самостоятельнымъ экономическимъ цѣлямъ, а была лишь орудіемъ или правительства, въ его стремленіяхъ — извлечь изъ промышленности возможно больше дохода, или экономически господствующаго класса, хлопотавшаго о томъ, чтобы не давать ходу конкуррентамъ. Первоначально цехи были очень широкими и свободными союзами, гостепріимно раскрывавшими свои двери передъ всякимъ добросовѣстнымъ работникомъ, какого бы происхожденія и пола онъ ни былъ.

Городское хозяйство.

Въ итогѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ Европа къ XII — XIII вѣку разбилась на множество небольшихъ городскихъ округовъ, каждый изъ которыхъ старался собственными средствами удовлетворить всѣ свои хозяйственныя потребности. Этотъ городской строй былъ прямымъ потомкомъ помѣстнаго строя, отъ котораго онъ и произошелъ путемъ дѣленія,— какъ одинъ простѣйшій организмъ происходитъ отъ другого. Раньше, всѣ процессы и обработывающей промышленности, и добывающей были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ; теперь они распредѣлились на двѣ группы: обработывающая промышленность концентрируется въ городѣ, добыча сырья остается въ деревнѣ. Между городомъ и деревней образуется, благодаря этому, непрерывный живой обмѣнъ: городъ получаетъ изъ деревни жизненные припасы и сырье и отдаетъ ей въ уплату нехитрые средневѣковые фабрикаты. Площадь этого обмѣна очень невелика: въ средневѣковой Германіи (за исключеніемъ вновь колонизованныхъ областей на востокѣ) города были расположены въ 4—5 час. ходьбы другъ отъ друга на югѣ и западѣ, въ 7—8 час. на сѣверѣ и востокѣ; значитъ, на каждый городской округъ приходилось отъ 2—2$^1/_2$ (ю.-з.), до 5—8 (с.-в.) квадр. миль. Англійскій юристъ XIII в. Брактонъ свидѣтельствуетъ, что въ его время запрещалось устраивать рынки ближе 6$^2/_3$ мили (=10 вер.) одинъ отъ другого: десять верстъ были, стало быть, нормальнымъ разстояніемъ одного рыночнаго мѣстечка отъ другого. Въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ не трудно было регулировать весь процессъ обмѣна такъ, какъ это немыслимо на сколько-нибудь обширномъ рынкѣ. Было строго опредѣлено, гдѣ, когда и по какой цѣнѣ долженъ продаваться тотъ или иной товаръ. Изъ этихъ постановленій мы узнаемъ, между прочимъ, къ чему сводился тогдашній торговый оборотъ: на

Оксфордском рынкѣ начала XIV вѣка продавали, напр., сѣно и солому, хворость, строевой лѣсъ, свиней, пиво, уголь и овощи, кожи и перчатки, мѣха, холстъ и сукно, хлѣбъ и молочные продукты. Продажа должна была начинаться не раньше извѣстнаго часа, — возвѣщавшагося иногда звономъ особаго рыночнаго колокола; выставленные для продажи, но не проданные товары должны быть убраны тоже къ опредѣленному часу. Заботясь объ интересахъ потребителя, старались, чтобы продукты попадали къ нему изъ первыхъ рукъ,—всякаго рода барышничество или маклачество либо вовсе запрещалось, либо дозволялось лишь относительно тѣхъ товаровъ, которые не находили себѣ покупателей среди мѣстнаго населенія. Тою же заботой о потребителѣ объясняется и самая любопытная для насъ сторона этой регламентаціи: постановленія о „справедливой цѣнѣ“. При тѣсномъ объемѣ торговаго района не трудно было опредѣлить, что долженъ былъ стоить тотъ или другой продуктъ непосредственному производителю, — а мѣстный обычай не менѣе точно опредѣлялъ, что могъ онъ взять себѣ сверхъ этого за труды. Брать барышъ сверхъ этой обычной нормы было преступленіемъ: парламентскій статутъ 1349 г. предоставилъ магистратамъ всѣхъ англійскихъ городовъ право разслѣдовать виновность тѣхъ торговцевъ жизненными припасами, которые отказывались продавать свой товаръ по умѣреннымъ цѣнамъ. И каждый мэръ города, вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, давалъ присягу, что онъ будетъ „тщательно слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ по продажѣ хлѣба, пива, вина и всякаго рода другихъ съѣстныхъ припасовъ“. Не только за продажу выше таксы,—за попытку запрашивать выставляли къ позорному столбу. А за попытку—ради того же барыша — уменьшить обычный вѣсъ хлѣбной булки одного лондонскаго пекаря возили по Сити въ плетеной клѣткѣ.

Регламентація торговли.

Мы сейчасъ видѣли, какую роль въ надзорѣ за „справедливыми цѣнами“ игралъ мэръ: постоянное вмѣшательство власти—въ особенности городской власти—въ экономическія отношенія населенія составляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей *городской* системы хозяйства. Въ этомъ отношеніи городская власть была прямымъ наслѣдникомъ всемогущаго опекуна натуральнаго помѣстнаго хозяйства — землевладѣльца-вотчинника. Какъ средневѣковой феодалъ для своихъ вилланову, городской мэръ былъ живымъ провидѣніемъ для жителей города — только провидѣніемъ выборнымъ и потому состоявшимъ подъ ихъ контролемъ. На немъ лежало

„важное дѣло городского продовольствія... и вообще все, что касается благосостоянія всѣхъ граждан этого достоуважаемаго города и его окрестностей: „имъ все живетъ и движется, и существуетъ". Всѣмъ, поэтому, должно „усердно молить Бога сохранить нашего мэра, споспѣшествовать и помогать ему, чтобы онъ и впредь тщательно и непрестанно трудился надъ пріумноженіемъ почести, богатства и благосостоянія этого благороднаго города и всѣхъ его жителей".

Положеніе международной торговли.

Когда въ этотъ замкнутый городской округъ, гдѣ все и все заранѣе было извѣстно, являлся новый, непривычный для мѣстнаго взгляда, человѣкъ, съ рѣдкостными заморскими товарами, — онъ возбуждалъ въ жителяхъ двойное чувство. Съ одной стороны, глаза разгорались на эти товары — роскошь была не чужда и глухому средневѣковью, и никто изъ горожанъ не былъ въ душѣ спартанцемъ. Съ другой стороны, какъ и въ прежномъ натуральномъ хозяйствѣ, „врагъ" и „чужеземецъ" были понятіями очень близкими. Иностранный купецъ казался мошенникомъ уже по тому одному, что онъ былъ иностранецъ. И чѣмъ рѣже были такіе гости въ городѣ, тѣмъ бо́льшее недовѣріе возбуждали они вмѣстѣ съ жадностью. Оттого торговля заграничными товарами,—вообще говоря, исключеніе въ жизни средневѣкового города, — была обставлена всевозможными предосторожностями. Въ Англіи иностранному купцу еще въ XIV вѣкѣ не разрѣшалось оставаться въ странѣ долѣе 40 дней. Пріѣхавъ въ какой-нибудь городъ, онъ не имѣлъ права распоряжаться собой и своими товарами, какъ ему вздумается: онъ могъ продавать только оптомъ, но не въ розницу, только жителямъ этого города, но не „постороннимъ", — развѣ уже, когда всѣ туземцы были удовлетворены. Съ него брали пошлины, отъ которыхъ эти послѣдніе были свободны. Онъ не могъ выбрать даже квартиру по своему произволу: онъ обязанъ былъ жить въ домѣ гражданина, назначеннаго ему городскимъ магистратомъ въ качествѣ „хозяина". „Цѣль этого постановленія", говоритъ историкъ англійскаго хозяйства, „заключалась въ томъ, чтобы можно было провѣрять всякую сдѣлку, заключенную иностранцемъ и чтобы иностранцы не имѣли возможности, сговорившись между собой, обманывать невинныхъ англичанъ; по представленію людей того времени, двое иностранцевъ не могутъ сойтись вмѣстѣ безъ того, чтобы не умыслить какое-нибудь зло. Когда въ Англіи это правило перестало соблюдаться, то англійскіе купцы были очень недовольны тѣмъ, что за границей столь же стѣснительное постановле-

ніе примѣнялось со всею строгостью. „Отчего это мы въ ихъ странахъ должны идти къ хозяину, а имъ не приходится этого дѣлать у насъ въ Англіи, такъ что они пользуются большей свободой, чѣмъ мы?“ спрашиваетъ авторъ стихотворнаго памфлета, подъ заглавіемъ *Сатира на англійскую политику* (1435 г.)“. Даже въ эту позднюю пору, такимъ образомъ, континентальныя государства не рѣшались еще отступить отъ традицій городского хозяйства по примѣру Англіи. Раньше обмѣнъ между различными городскими округами, а тѣмъ болѣе съ заграницей, былъ возможенъ только при исключительныхъ условіяхъ, — разъ въ годъ на *ярмаркахъ*. Вотъ какъ описываетъ тотъ же историкъ Уинчестерскую ярмарку въ Англіи, — установленную еще Вильгельмомъ II и продолжавшуюся (со второй половины XII вѣка) ежегодно 16 дней (отъ 31 августа до 15 сентября). „Утромъ 31 августа „судьи епископскаго павильона“ съ вершины холма объявляли ярмарку открытою, затѣмъ проѣзжали верхомъ по городу, у воротъ принимали ключи отъ города, брали въ свое завѣдываніе вѣсы на городскомъ шерстяномъ рынкѣ, чтобы никто не могъ ими пользоваться, и затѣмъ, въ сопровожденіи мэра и бэйлифовъ, возвращались назадъ къ большой палаткѣ или павильону на холмѣ, гдѣ они *назначали особаго мэра, бэйлифа и коронера для управленія городомъ* отъ имени епископа на время ярмарки. Вершина холма сплошь покрывалась рядами деревянныхъ лавокъ—въ однѣхъ торговали фландрскіе купцы, въ другихъ купцы изъ Кана (Caen) и нѣкоторыхъ другихъ нормандскихъ городовъ, въ третьихъ — бристольскіе купцы. Здѣсь въ рядъ помѣстились золотыхъ дѣлъ мастера, тамъ торговцы сукнами; вся ярмарка была обнесена деревяннымъ палисадомъ; у выходовъ изъ него стояли сторожа—предосторожность, не всегда предохранявшая отъ попытокъ смѣльчаковъ ускользнуть отъ уплаты пошлинъ, прорывая себѣ дорогу подъ стѣною. Въ первый же день являлись къ епископскимъ судьямъ, на коняхъ и вооруженные, тѣ вассалы епископа, которые обязаны были являться на ярмарку по условіямъ держанія; изъ нихъ трое или четверо назначались смотрѣть за тѣмъ, чтобы приговоры суда и приказанія епископскаго маршала исполнялись надлежащимъ образомъ на ярмаркѣ, въ Уинчестерѣ и Саутгэмптонѣ. Въ Уинчестерѣ и на семь миль въ окружности *въ дни ярмарки заставляли мѣстныхъ жителей прекращать всякую торговлю* и на границахъ этой территоріи, у мостовъ и другихъ проходовъ, разставляли стражу смотрѣть за тѣмъ, чтобы торговая монополія епископа не нарушалась. Въ Саутгэмптонѣ, внѣ отве-

Ярмарки.

денной для ярмарки площади, во время ярмарки нельзя было ничего продать, кромѣ жизненныхъ припасовъ, и даже уинчестерскіе ремесленники должны были на время ярмарки переселяться на холмъ и здѣсь работать... *На каждой ярмаркѣ былъ особый судъ*, такъ называемый *court of pie powder* (буквально „судъ пыли", поднимавшейся отъ пыльныхъ ногъ), въ которомъ представитель лорда рѣшалъ на основаніи нормъ торговаго права, всѣ возникавшіе споры, *пріостанавливая* на нѣкоторое время *обыкновенную юрисдикцію городскихъ властей*". Это описаніе чрезвычайно выпукло рисуетъ передъ нами самую характерную особенность международнаго обмѣна въ средніе вѣка: онъ былъ исключеніемъ, а не правиломъ, временнымъ перерывомъ въ обычномъ теченіи городского хозяйства, можно сказать, упраздненіемъ этого хозяйства на нѣсколько дней въ году [1]).

3. Цеховая промышленность.

Прошло три вѣка, прежде чѣмъ исключеніе стало правиломъ и международная торговля окончательно подточила хозяйственную самостоятельность отдѣльныхъ городскихъ округовъ. Конецъ этого процесса даже въ передовыхъ странахъ западной Европы—Англіи и Франціи—приходится на время, выходящее изъ хронологическихъ рамокъ нашего изложенія — на XVI и XVII вѣка. Но не нужно думать, чтобы внутри города хозяйственная жизнь въ теченіе всего этого періода замерла неподвижно на однѣхъ и тѣхъ же формахъ: здѣсь тоже происходило развитіе, мало-по-малу приближавшее цеховую промышленность къ формамъ, болѣе намъ близкимъ и знакомымъ. Средневѣковой ремесленникъ мало-по-малу раздваивался, выдѣляя изъ себя въ одну сторону *цехового мастера* — будущаго „предпринимателя", а въ другую *подмастерья* и *ученика* — предшественниковъ современнаго рабочаго класса.

Ростъ городского населенія.

Мы видѣли вначалѣ, что образованіе средневѣкового города — рынка было исходной точкой цѣлаго переворота въ средневѣковой деревнѣ: населеніе этой деревни изъ крѣпостныхъ вилланов, если и не вездѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ экономически наиболѣе развитыхъ мѣстностяхъ—превратилось въ свободныхъ крестьянъ. Эта перемѣна въ деревнѣ въ свою очередь не осталась безъ вліянія на городъ. Изу-

---

[1]) Подробности относительно международной торговли въ средніе вѣка см. въ в. III ст. „Ганза".

чая поименные списки гражданъ, дошедшіе до насъ отъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ городовъ, изслѣдователи замѣтили одну любопытную особенность. Чѣмъ ближе мы къ новому времени, т. е. чѣмъ дальше идетъ процессъ раскрѣпощенія крестьянъ, тѣмъ чаще встрѣчаемъ мы въ этихъ спискахъ людей, не родившихся въ данномъ городѣ—пришлый элементъ беретъ верхъ надъ туземнымъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, напримѣръ, въ послѣдней четверти XIV вѣка мы находимъ около $^1/_3$ гражданъ, не родившихся въ городѣ, а переселившихся въ него—иногда довольно издалека; $^2/_3$ пришельцевъ родились далѣе 15 верстъ отъ города, и, преимущественно, родились въ деревнѣ. Черезъ 50 лѣтъ мы находимъ въ тѣхъ же спискахъ уже болѣе 40% пришлыхъ, и изъ нихъ уже $^3/_4$ издалека. Освобожденіе крестьянъ, такимъ образомъ, несмотря на всѣ старанія помѣщиковъ удержать рабочія руки въ имѣніи,—все же очень увеличило подвижность сельскаго населенія: разъ крестьяне получили право распоряжаться собою, не спрашивая барина, болѣе предпріимчивыхъ и энергичныхъ потянуло туда, гдѣ и условія жизни были лучше, и разбогатѣть можно было скорѣе—въ городъ (совершенно аналогичный фактъ представляетъ у насъ быстрый ростъ городского населенія послѣ 19 февраля). Но перемѣна въ крѣпостной деревнѣ измѣнила не только составъ населенія города, а и всю его физіономію. Городъ ранняго средневѣковья походилъ, вѣроятно, на теперешнее, не очень большое, торговое село,—отличаясь отъ него укрѣпленіями, но не размѣромъ. Если мы возьмемъ данныя о городскомъ населеніи второй половины среднихъ вѣковъ, особенно XIV—XV столѣтій, мы увидимъ совсѣмъ иную картину.

Въ Англіи уже въ эпоху норманскаго завоеванія считалось около 80 городовъ, населеніе которыхъ составляло около 10% всего населенія страны (150.000 на 1.500.000 человѣкъ по приблизительному расчету). Правда, ни одинъ изъ этихъ городовъ не насчитывалъ болѣе 7—8 тысячъ жителей. Въ началѣ XV вѣка Лондонъ имѣлъ уже около 40.000 населенія, Іоркъ и Бристоль до 12.000, Плимутъ и Ковентри до 9.000 каждый и 5 городовъ каждый—выше 5.000 человѣкъ. Между тѣмъ, Англія въ средніе вѣка вовсе не была самою промышленною и самой городской страной Европы, какъ теперь: напротивъ, она въ гораздо большей степени заслуживала названіе земледѣльческой страны, нежели ея континентальныя сосѣдки—Франція, Фландрія, прирейнская Германія. Въ Германіи въ теченіе XIII вѣка основано около 400 городовъ,

въ XIV вѣкѣ—до 300,—большею частью въ первой половинѣ,—въ XV прибавилось еще до сотни. Относительно ихъ населенности мы имѣемъ сколько-нибудь надежныя данныя только для двухъ послѣднихъ столѣтій. По податнымъ спискамъ Цюриха, въ 1357 г., въ немъ можно насчитать 12.375 жителей—и эта самая высокая цифра населенія, какую онъ имѣлъ въ средніе вѣка: въ XV вѣкѣ число жителей упало до 10.000 приблизительно. Ростокъ (въ сѣверной Германіи, на берегу Балтійскаго моря) по такимъ же спискамъ даетъ 10.785 чел. для 1387 года и 13.935 для 1410. Франкфуртъ на Майнѣ въ первый изъ названныхъ годовъ имѣлъ до 10.000 чел., въ 1440 г.—до 9.000. Наиболѣе населенными центрами Германіи XV вѣка были Нюрнбергъ (20.165 ч. въ 1449 г.), Страсбургъ (20.722 чел. въ 1470 г.), Ульмъ (считавшій въ то же время почти 20.000 жителей) и Аугсбургъ (18.300 ч. въ 1475 г.). Фландрія и Франція были, пожалуй, еще болѣе „городскими" странами, нежели Германія. Для Парижа начала столѣтней войны одинъ - правда, по всей вѣроятности, черезчуръ щедрый расчетъ—даетъ около 350.000 населенія; гораздо болѣе надежная податная перепись 1291 г. насчитывала въ городѣ 4.159 однихъ цеховыхъ мастеровъ, что давало бы, какъ увидимъ, ниже, 10—15 тыс. ремесленнаго населенія, или 20—30 тыс. населенія вообще. Но Парижъ былъ столицей королевства—въ немъ приходится считать не одно промышленное населеніе: приведенный расчетъ смѣло можно увеличить вдвое и принять въ Парижѣ конца XIII в. 50—60 тыс. человѣкъ.

Какъ ни скромна кажется большая часть приведенныхъ цифръ на нашъ взглядъ—привыкшій къ городамъ съ сотнями тысячъ жителей, все же эти скопленія значительныхъ массъ населенія, по большей части ремесленнаго, предполагаютъ не такую простую организацію промышленности, какъ описанная нами въ предшествующей главѣ. Скромные перехожіе сапожники и портные, работающіе на крестьянъ изъ крестьянскаго же матеріала, не могли создать городовъ съ двадцатитысячнымъ населеніемъ. Болѣе крупнымъ размѣрамъ рынка соотвѣтствуетъ и болѣе крупная промышленная единица: мѣсто отдѣльнаго рабочаго, продающаго свой трудъ, занимаетъ *мастерская*, продающая свои произведенія.

Начало производства на продажу.

Мысль—закупать самому сырье и готовить изъ него фабрикаты не для заказчика, а на продажу—сама по себѣ слишкомъ проста, чтобы не придти въ голову средневѣковому мастеру. Но его, на первыхъ порахъ, должны были останавливать, во-первыхъ, размѣры

рынка: покупателей было слишкомъ мало, чтобы стоило заводить новое дѣло; во-вторыхъ, у этихъ немногочисленныхъ покупателей не было привычки покупать готовое. Непривычный къ постояннымъ мѣновымъ отношеніямъ средневѣковой человѣкъ былъ очень недовѣрчивъ: продажный товаръ казался ему такъ же мало надежнымъ, какъ и самъ продавецъ. И, конечно, въ этомъ была доля правды: при отсутствіи широкой конкурренціи, — въ наше время быстро наказывающей сбытъ плохого товара прекращеніемъ этого сбыта,—свое, дома приготовленное сырье бывало, обыкновенно, лучше купленнаго на рынкѣ. И исполненіе работы „по заказу", подъ непосредственнымъ надзоромъ потребителя, лучше обезпечивало интересы послѣдняго, нежели „рыночная работа", до сихъ поръ служащая синонимомъ работы плохой. Прошло не мало времени, пока готовыя издѣлія нашли достаточный спросъ: и помогъ этому все тотъ же ростъ города. Выросло число людой, не располагавшихъ своимъ сырьемъ и волей-неволей пріобрѣтавшихъ покупное: къ обмѣну между городомъ и деревней присоединился обмѣнъ между горожанами. Само деревенское хозяйство перестало быть натуральнымъ и, приспособляясь къ обмѣну, теряло свою прежнюю цѣльность: въ обмѣнъ на продаваемое въ городѣ сырье крестьянинъ пріобрѣтаетъ теперь многое такое, что раньше производилось въ его собственномъ хозяйствѣ. Прежде это послѣднее отдавало на рынокъ то, что оставалось за покрытіемъ собственныхъ потребностей; но когда мы читаемъ, напр., что во Франкфуртѣ на Майнѣ въ концѣ XV в. въ одинъ мѣсяцъ продавалось по 600 свиней, то мы имѣемъ передъ собою, конечно, не избытки натуральныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, а продукты правильнаго торговаго скотоводства, ведущагося прямо въ расчетѣ на рынокъ. Въ Кельнѣ еще въ 1239 г. засвидѣтельствовано существованіе особаго „маслянаго рынка (forum butyri), указывавшее на такой же характеръ молочнаго хозяйства. Деньги, которыя крестьянинъ получалъ въ обмѣнъ за свои продукты, ему были нужны, прежде всего, чтобы расквитаться со своими денежными повинностями передъ землевладѣльцемъ и государствомъ; но у болѣе зажиточнаго эти повинности не поглощали всего денежнаго дохода. И вотъ, что оставалось, онъ спѣшилъ обмѣнить на такія вещи, которыя не могло или уже перестало давать его собственное хозяйство. Прежде онъ одѣвался во все свое, теперь онъ пріобрѣтаетъ на городскомъ рынкѣ матеріи болѣе тонкія и нарядныя, чѣмъ домотканное сукно или холстина; въ Германіи XV в. мѣстные чины и имперскіе сеймы

находили нужнымъ запрещать крестьянамъ покупать сукно дороже полуфлорина локоть, чтобы помѣшать непроизводительной роскоши. Крестьяне, тысячами стекавшіеся въ 1497 г. въ Никласгаузенскому проповѣднику (прозванному „Никласгаузенскимъ бубенщикомъ"), несли ему серебряныя и золотыя вещи, драгоцѣнные камни, шелковыя ткани и множество такихъ предметовъ, которые никакъ не приходится считать продуктами крестьянскаго хозяйства. И проповѣдникъ не былъ, вѣроятно, совсѣмъ не правъ, когда онъ находилъ умѣстнымъ передъ толпой, состоявшей исключительно изъ крестьянъ, громить роскошь и возставать, какъ противъ вещи нехристіанской, противъ драгоцѣнныхъ ожерелій, шелковыхъ платьевъ и модныхъ башмаковъ.

И въ городѣ, и внѣ города постоянный покупатель мало-по-малу смѣнилъ случайнаго заказчика, и мастеръ сталъ уже гнушаться послѣднимъ, все больше и больше примѣняясь къ первому. Онъ начинаетъ съ того, что перестаетъ ходить въ домъ заказчика: „Кто дѣлаетъ новые сапоги, тотъ долженъ сидѣть дома", говоритъ старый уставъ франкфуртскаго сапожнаго цеха (1355 г.). Только сапожникамъ, занимающимся починкой старой обуви, разрѣшается еще работать на дому у заказчиковъ. Въ Любекѣ цеховой уставъ 1374 г. предписываетъ, что золотыхъ дѣлъ мастеръ, „in den husen nicht werken schal", не долженъ работать въ домѣ у заказчика. Въ XVI в. аугсбургскіе ремесленники говорятъ уже, что „изстари ведется" не ходить по домамъ и не работать поденно. Въ нѣмецкомъ языкѣ экономическая перемѣна находитъ себѣ очень любопытное филологическое отраженіе: слово stör, обозначавшее первоначально работу на дому у заказчика, получаетъ бранное значеніе „плохой" или „незаконной" работы, и Störer'омъ начинаютъ называть сначала того, кто работаетъ, не имѣя на то дозволенія отъ цеха, а потомъ вообще смутьяна и бродягу. Французскіе уставы XV вѣка разрѣшаютъ ходить къ заказчику лишь въ видѣ исключенія такимъ ремесленникамъ, которымъ это нужно было по условіямъ ремесла—портнымъ, напримѣръ, или же обѣднѣвшимъ мастерамъ, которые не въ силахъ были завести свое собственное хозяйство. Вообще же все больше и больше утверждается правило, что работать цеховому ремесленнику можно только въ мастерской, гдѣ надзоръ со стороны заказчика могъ быть замѣненъ бдительнымъ окомъ городскихъ властей. Если достоинство ремесленника не позволяло ему теперь идти къ потребителю на домъ, то интересы потребителя, какъ они тогда понимались, не допускали

и мысли о томъ, чтобы предоставить ремесленника самому себѣ. Работа не въ мастерской стала преслѣдоваться точно такъ же, какъ и работа на дому у заказчика, и названіе „комнатника", chambrelan, мастерового, работавшаго въ своей коморкѣ, пріобрѣло такое же значеніе по-французски, какъ по-нѣмецки Störer.

Образованіе рабочаго класса.

Уже одна обязательность мастерской, сама по себѣ, должна была вести къ дифференцировкѣ рабочаго класса – къ раздѣленію этого класса на двѣ группы не по свойству занятія, а по экономическому положенію: на рабочихъ, имѣвшихъ свою собственную мастерскую, и такихъ, которые своей мастерской завести не могли, а стало быть, должны были работать въ чужой. Первые стали хозяевами, мастерами (maitres, Meister), вторые подмастерьями (compagnons, Gesellen), работниками въ нашемъ смыслѣ этого слова.

Уже въ раннюю эпоху мастеръ работалъ часто не одинъ, а съ помощникомъ, и нерѣдко бралъ себѣ мальчика или подростка,— который помогалъ ему въ разной черной работѣ и въ то же время пріучался къ ремеслу. Первый назывался обыкновенно его „слугой" (Knecht, valet, serviteur, servant), и юридически ихъ отношенія, въ самомъ дѣлѣ, строились по тому типу, образецъ котораго давало положеніе батрака въ крестьянскомъ дворѣ — типу чисто патріархальному: „слуга", почти всегда неженатый молодой парень, жилъ въ семьѣ мастера на однихъ правахъ съ ея членами,—и одинаково въ полномъ подчиненіи у ея главы. Онъ ѣлъ со всѣми за однимъ столомъ — наравнѣ съ сыновьями и дочерьми хозяина, и наравнѣ съ ними состоялъ подъ его опекой, не смѣлъ уходить со двора безъ спросу, долженъ отдавать ему отчетъ въ своемъ поведеніи и, въ случаѣ какихъ-либо грѣховъ съ своей стороны, подвергался отеческому внушенію, иногда, можетъ быть, не слишкомъ мягкому: цеху случалось разбирать дѣла о мастерахъ, сгоряча „собственноручно поколотившихъ" своего слугу, „проломивъ ему голову", или, по крайней мѣрѣ, оставивъ на этой головѣ „шишки и раны". Но экономически помощникъ мастера былъ поставленъ немного хуже его: ему платили за работу немногимъ меньше, а иногда и столько же, и только очень небережливый человѣкъ не сумѣлъ бы въ два—три года скопить себѣ на покупку нехитрыхъ средневѣковыхъ инструментовъ,—настолько нехитрыхъ, что очень часто рабочіе дѣлали ихъ себѣ сами. Стало быть, отъ него самого зависѣло сдѣлаться самостоятельнымъ работникомъ. Въ такихъ же патріархальныхъ условіяхъ жилъ и ученикъ, — конечно, еще больше подъ опекой мастера и еще чаще имъ битый. Но,

какъ и подмастерье, онъ не былъ прикрѣпощенъ къ своему званію: ученичество не было особымъ учрежденіемъ, каждый учился дольше или короче въ зависимости отъ своего прилежанія и способностей,—и при первой возможности переходилъ на положеніе подручнаго рабочаго, въ свою очередь легко становившагося рабочимъ самостоятельнымъ.

Юридическое положеніе рабочаго.

Были ли это грубыя, но свободныя отношенія перехожаго ремесла перенесены въ мастерскую? Что касается грубости, это, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію: дѣла объ изувѣченіи учениковъ, а при случаѣ и подмастерьевъ, цеховымъ судьямъ приходилось разбирать, пока вообще существовали цехи. Совсѣмъ въ иномъ положеніи представится дѣло, если мы спросимъ о свободѣ этихъ отношеній. Пока ремесленникъ работалъ на дому у заказчика, рабочую плату опредѣлялъ этотъ послѣдній; подручный получалъ свой заработокъ или прямо отъ него,—или былъ въ долѣ съ мастеромъ. Теперь заказчикъ смѣнился покупателемъ, котораго мастеровой могъ и въ глаза не видать: съ нимъ вѣдался хозяинъ мастерской, мастеръ; какой ему доставался барышъ—это было его дѣло, не касавшееся рабочаго; послѣдній работалъ теперь за опредѣленную плату,—изъ товарища мастера превращаясь такимъ путемъ въ наемника. Но юридическая сторона патріархальныхъ отношеній продолжала оставаться во всей силѣ: подмастерье былъ попрежнему несовершеннолѣтнимъ членомъ рабочей семьи, въ которой мастеръ попрежнему замѣнялъ для него отца. Опредѣленіе заработной платы не могло быть предоставлено свободному соглашенію: какіе же договоры у отца съ дѣтьми? За одну попытку торговаться съ мастеромъ подмастерье лишался своего единственнаго права—права работать, и ему предоставлялось жить, чѣмъ онъ знаетъ. „Если „слуга" (Knecht) придетъ къ мастеру", говоритъ уставъ ульмскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ (1364 г.): „и запроситъ плату выше обычной,—увѣряя, будто такую плату обѣщалъ ему другой мастеръ,—то такого „слугу" не долженъ брать въ мастерскую ни одинъ хозяинъ города Ульма".

Обычную плату опредѣляли старшины цеха, — всегда выбиравшіеся, разумѣется, изъ „совершеннолѣтнихъ", полноправныхъ рабочихъ,—изъ хозяевъ. (Лишь впослѣдствіи въ совѣтахъ цеховъ появляются выборные и отъ подмастерьевъ, но они постоянно были въ меньшинствѣ.) Сами мастера, такимъ образомъ, рѣшали, сколько они будутъ платить своимъ рабочимъ, и рѣшали, обыкновенно, на много лѣтъ впередъ, по средневѣковому обычаю разъ

навсегда опредѣлять всякіе платежи. Портные мастера двадцати городовъ верхне-рейнской Германіи установили, напр., въ 1457 г. вознагражденіе подмастерьевъ на 23 лѣтъ впередъ. Шпейерскіе ткачи пробовали сдѣлать это даже „навсегда". Мы видѣли, какъ такая прочность платежей была выгодна для крестьянъ, благодаря тому, что цѣна денегъ постепенно падала: по той же причинѣ постоянная заработная плата должна была быть чрезвычайно невыгодна для рабочихъ.

Другой, само собою разумѣвшійся выводъ изъ патріархальныхъ отношеній, былъ тотъ, что рабочій, разъ нанявшись, не могъ уже располагать своей личностью по собственному усмотрѣнію: до конца срока, на который онъ подрядился, онъ не смѣлъ уйти отъ хозяина. За самовольный уходъ ему грозили не штрафъ или неустойка, какъ за нарушеніе контракта между равноправными людьми, а уголовное наказаніе,—доходившее до лишенія права работать, какъ и при попыткѣ запрашивать. Консулы Любека, Гамбурга, Ростока, Висмара, Штральзунда и Грейфсвальда постановили, напр., относительно подмастерьевъ бондарнаго промысла,– особенно развитого въ этихъ приморскихъ городахъ (1326 г.): „Если какой рабочій уйдетъ съ работы противъ воли своего хозяина, ни одинъ бондарь названныхъ городовъ не долженъ принимать его къ себѣ въ услуженіе". Уставъ булочниковъ средне-рейнскихъ городовъ возвращалъ такому опальному рабочему правоспособность лишь подъ условіемъ возвращенія къ прежнему хозяину, у котораго онъ долженъ былъ дослужить срокъ. Чтобы понять всю силу подобныхъ постановленій, нужно припомнить, что рабочій, какими бы талантами и знаніями онъ ни обладалъ, не могъ заработать ни копейки безъ посредства мастера; попытка устроиться самостоятельно, внѣ мастерской, точно такъ же разсматривалась, какъ преступленіе: „ни одинъ не занятый въ мастерской (leddig) подмастерье не смѣетъ работать на своемъ собственномъ хлѣбѣ", опредѣляетъ одинъ Любекскій ремесленный уставъ 1356 г. Охрана интересовъ мастеровъ мѣстами (во Франціи, напр.) поручалась особому персоналу выборныхъ ревизоровъ или экспертовъ—„присяжныхъ" (jurés), „стражей" (gardes) и т. п. На ихъ обязанности лежало открывать всякую „нечестную", „фальшивую" работу,—термины, подъ которыми неправильно было бы разумѣть „плохую" работу: дѣло было не столько въ качествѣ фабриката, сколько въ соблюденіи „законныхъ" условій его изготовленія; а среди этихъ условій на первомъ мѣстѣ стояло, что мастерствомъ можно заниматься „только на хо-

зяина, и притомъ въ домѣ, гдѣ послѣдній живетъ" (тулузскіе цеховые уставы). Кто нарушалъ это правило, подлежалъ суду тѣхъ же „присяжныхъ", — располагавшихъ и нужными полицейскими полномочіями, чтобы ихъ приговоры не оставались на бумагѣ: правомъ производить аресты, обыски и т. д.

Экономическія условія работы.

Не исполнять цеховыхъ уставовъ было, такимъ образомъ, дѣломъ рискованнымъ: смѣльчаки, открывавшіе мастерскія „тайкомъ" (secretement), безъ всякаго права и разрѣшенія отъ цеха, встрѣчались постоянно, и ихъ не устаютъ разоблачать челобитныя мастеровъ мѣстнымъ властямъ; но они всегда остаются исключеніемъ, — какъ правило, рабочій идетъ въ мастерскую. Его юридическое положеніе тамъ намъ уже извѣстно; каковы были чисто экономическія условія его работы, - ея продолжительность, обстановка, заработная плата? Средневѣковые источники не даютъ намъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы настолько опредѣленныхъ, чтобы можно было съ какою-нибудь надеждой на успѣхъ сравнивать тогдашняго мастерового съ нашимъ современнымъ фабричнымъ рабочимъ. Рабочее время обыкновенно выражалось въ терминахъ очень общихъ: отъ восхода до захода солнца, напримѣръ, — что даетъ отъ $8^1/_2$ до 16 час. въ сутки, смотря по времени года. Очевидно, на практикѣ рабочій день если и колебался въ такихъ широкихъ предѣлахъ, то въ зависимости отъ спроса на тотъ или другой фабрикатъ, если дѣло шло о такъ называемомъ сезонномъ товарѣ, а никакъ не въ зависимости отъ временъ года. На практикѣ должна была примѣняться болѣе точная регламентація, которая намъ не всегда извѣстна. Парижскіе сукновалы XIV в. начинали работу лѣтомъ въ 5 час. утра и кончали въ 7 час. вечера; зимою они работали съ 6 час. до 5: это даетъ рабочій день отъ 11 до 14 часовъ. Рабочіе, занятые обстрижкой готовыхъ суконъ, съ октября по февраль садились за работу въ полночь и вставали изъ-за работы при восходѣ солнца: вычитая время, необходимое на обѣдъ и завтракъ, мы получимъ около $13^1/_2$ часовъ непрерывной работы. Но трудовой день могъ быть и еще длиннѣе: работники ліонскихъ типографій XVI вѣка бывали заняты по 16 часовъ въ день, при чемъ начинать имъ приходилось съ 2 час. утра. Запрещеніе начинать работу ранѣе 4 часовъ пополуночи настолько распространено, что, видимо, искушеніе удлинять рабочій день на половину ночи у хозяевъ мастерскихъ было очень сильно. Но городскія власти смотрѣли на ночную работу очень косо, — не по филантропическимъ соображеніямъ, а съ точки зрѣнія общественнаго интереса. Во-

первыхъ, въ маленькихъ, тѣсныхъ мастерскихъ, заваленныхъ матеріалами, работа при свѣчахъ была, какъ нельзя быть болѣе, опасна въ пожарномъ отношеніи. Во-вторыхъ, всякая ручная работа, — а тогда машинъ, конечно, не было, — идетъ хуже ночью, чѣмъ днемъ, и потребитель получаетъ товаръ низшаго качества; вдобавокъ, и услѣдить за рабочимъ ночью труднѣе, больше искушенія для „поддѣлокъ" и „фальшивой работы" (malfaçon et fraude): въ послѣднемъ случаѣ интересы цеха были заодно съ интересами покупателей. Но въ то время, какъ власть неуклонно запрещала ночную работу, мастера постоянно колебались между опасеніемъ „поддѣлокъ" и боязнью упустить выгодные заказы, сокращая рабочее время. „Зимою, когда на нашу работу всего больше спроса", жаловались Людовику XI парижскіе перчаточники, „мы не смѣемъ работать ночью... а это для насъ самое дорогое время, когда мы могли бы получить наибольшіе барыши..." „Притомъ", поясняли они, „благодаря этому, наши ученики и подмастерья предаются праздности... (припомнимъ, что дѣло идетъ о *ночной* работѣ), ...не имѣя занятій, они проводятъ время въ играхъ и распутствѣ, и совсѣмъ отвыкаютъ хорошо работать..." По ихъ челобитной король разрѣшилъ имъ работать зимою до 10 час. вечера, начиная съ 5 час. утра, — послѣ чего, разумѣется, „праздности" подмастерьевъ наступилъ конецъ. Вообще, правила о ночной работѣ допускали столько изъятій, что отъ строгихъ предписаній врядъ ли много оставалось на практикѣ: цѣлый рядъ заказовъ былъ поставленъ внѣ правилъ, начиная съ работы на принцевъ и принцессъ крови, для нуждъ королевскаго двора, по случаю свадебъ, передъ праздниками и т. д., и т. д. Правда, что и нерабочихъ дней въ тѣ католически-благочестивыя времена было несравненно больше, нежели въ современной западной Европѣ. Но мастеръ и тутъ едва ли много терялъ, — а рабочій выигрывалъ: наиболѣе распространеннымъ типомъ платы была поденная, несмотря на то, что контракты съ рабочими заключались по бо̀льшей части на годъ. А если хозяинъ мастерской долженъ былъ усилить производство, онъ всегда могъ перейти — и дѣйствительно переходилъ — къ поштучной платѣ, заставлявшей рабочаго въ его собственныхъ интересахъ трудиться до послѣдней возможности. Что касается размѣровъ вознагражденія за трудъ — въ той или другой формѣ, — то ихъ гораздо труднѣе выразить въ понятныхъ намъ цифрахъ, нежели размѣры рабочаго дня. Во-первыхъ, цѣна денегъ въ то время при болѣе рѣдкомъ обмѣнѣ измѣнялась, смотря по мѣстности,

значительно больше, нежели это бываетъ въ настоящее время, даже у насъ въ Россіи,—гдѣ, какъ извѣстно, рубль въ деревнѣ, въ провинціальномъ городѣ и въ Москвѣ имѣетъ различную покупную силу, особенно по отношенію къ сырью — съѣстнымъ припасамъ, напримѣръ. Если намъ говорятъ, что средній французскій рабочій XV вѣка получалъ въ день, въ переводѣ на теперешнія деньги отъ 3 до 4 франковъ, то это еще нисколько не опредѣляетъ его относительно благосостоянія — такъ какъ мы не знаемъ, какую сумму жизненныхъ благъ можно было въ данной мѣстности пріобрѣсти за эти деньги. Но гораздо чаще только часть заработка выплачивалась деньгами, остальное давалось рабочему въ натурѣ,— въ видѣ одежды, пищи, квартиры, освѣщенія и т. д., при чемъ размѣры всего этого опредѣлялись „обычаемъ", т. е. никогда точно не опредѣлялись. Тутъ уже никакое сравненіе невозможно, потребности теперешняго и средневѣкового рабочаго слишкомъ сильно отличаются другъ отъ друга, чтобы можно было, отправляясь отъ перваго, сказать, что нужно было второму. Одно только несомнѣнно,— что подмастерья постоянно жаловались на плохое содержаніе и низкую плату.

Размѣры предпріятій.

Но какъ ни плохо жилось средневѣковому работнику, онъ, казалось, могъ находить себѣ утѣшеніе въ томъ, что всѣ его стѣсненія—временныя: не надо забывать, что подмастерье былъ будущимъ мастеромъ, въ этомъ великое преимущество средневѣковой системы производства передъ современной,—говорятъ намъ обыкновенно. Теперь ни одинъ фабричный рабочій, если онъ въ здравомъ умѣ, не станетъ разсчитывать сдѣлаться при нормальныхъ условіяхъ фабрикантомъ-предпринимателемъ; тогда надежда стать самостоятельнымъ предпринимателемъ была у всякаго. Существованіе такой надежды очень вѣроятно; но насколько вѣроятно было ея осуществленіе? Чтобы попытаться отвѣтить на этотъ вопросъ, надо, прежде всего, уяснить себѣ отношеніе числа рабочихъ къ числу мастеровъ, или, что то же—мастерскихъ. Косвенную возможность этого даютъ намъ приведенныя въ началѣ этого очерка цифры городского населенія: возьмемъ, для примѣра, Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ во второй половинѣ XIV в. считалось около десяти тысячъ жителей; мы едва ли ошибемся, принявъ, что почти все населеніе состояло изъ ремесленниковъ,—купечество, сильное экономически, численно составляло ничтожное меньшинство. Такъ какъ въ цехахъ были не только работники, но и работницы (были даже сплошь женскіе цехи, бѣлошвеекъ, напримѣръ), и такъ какъ дѣти въ

большомъ числѣ встрѣчались въ мастерскихъ въ качествѣ учениковъ и ученицъ, то возможно, что около половины всего населенія было занято промышленнымъ трудомъ: это дастъ 5000 рабочихъ обоего пола и разнаго возраста,—а цеховыхъ мастеровъ во Франкфуртѣ считалось 1104 человѣка. На одного мастера приходилось, въ среднемъ, около 4 мастеровыхъ: такую промышленность нельзя, конечно, назвать крупной, но это уже и не мелкое сельское ремесло. Мы принимали въ расчетъ, при этомъ, только осѣдлое населеніе, но какъ разъ подмастерья всего меньше отличались осѣдлостью; организація, которую они себѣ выработали и о которой намъ придется еще говорить, дѣлала для нихъ постоянныя перекочевки изъ города въ городъ гораздо болѣе выгодными, нежели сидѣніе на одномъ мѣстѣ. Весьма возможно, что приведенный расчетъ скромнѣе дѣйствительности, и одинъ нѣмецкій изслѣдователь (писавшій, правда, раньше, нежели были установлены приведенныя выше цифры) находилъ, что мастерскія съ 6—7 рабочими при одномъ мастерѣ не составляли исключенія. Что, во всякомъ случаѣ, 4 работника (3 подмастерья и одинъ ученикъ) были нормальнымъ числомъ, свидѣтельствуютъ цеховые уставы, останавливающіеся на этой цифрѣ, какъ на обычной [1]).

Итакъ, прежде всего, на одного мастера приходилось, по крайней мѣрѣ, 3 подмастерья (не считая, пока, учениковъ): на одно мѣсто 3 кандидата. Но одно мѣсто могъ занять только одинъ мастеръ, а число мѣстъ вовсе не обладало наклонностью расти,—совсѣмъ напротивъ: какъ и все въ средніе вѣка, число мастерскихъ старались опредѣлить на вѣки вѣчные и къ концу этого періода дошли до того, что стали опредѣлять количество цеховыхъ мастеровъ законодательнымъ путемъ. Въ Нюрнбергѣ подобные случаи бывали уже въ XIV в., въ Гамбургѣ въ 1469 г. было положено имѣть не болѣе 12 золотыхъ дѣлъ мастеровъ,—а число „рыбаковъ“, т. е. хозяевъ рыбныхъ лавокъ, даже уменьшено съ 50 на 40, въ Травемюнде и Любекѣ ограничено число башмачниковъ и т. д. Тамъ, гдѣ дѣло не доходило до подобнаго запиранія воротъ цеха передъ

---

[1]) Для Франціи нѣкоторые уставы даютъ 2 compagnons на одного мастера, какъ *нормальное* число (парижскіе ножевщики, напримѣръ); но изъ нихъ же видно, что мастера, при возможности, всегда шли дальше этого минимума. Большинство французскихъ цеховъ не устанавливало никакой нормы. Въ Англіи портной не могъ,—безъ особаго разрѣшенія гильдіи—имѣть болѣе трехъ подмастерьевъ и одного ученика, что опять приводитъ насъ къ нормѣ, указанной въ текстѣ.

вновь входящими, существовалъ цѣлый рядъ другихъ формальныхъ препятствій. Во Франціи, вообще говоря, очень неблагосклонно относились къ рабочимъ, пришедшимъ изъ другого города: чтобы получить доступъ въ мастера, нужно было провести годы ученичества и быть подмастерьемъ именно этого цеха, а не какого-нибудь иногородняго. Въ Германіи цеховымъ мастеромъ могъ быть только гражданинъ даннаго города, — притомъ пріобрѣвшій право гражданства не менѣе, какъ за 5 лѣтъ. А иногороднимъ это право давалось лишь въ томъ случаѣ, если они приносили съ собою въ городъ порядочную, по тому времени, денежную сумму: бѣдняковъ, которые могли бы быть потомъ городу въ тягость, никто не хотѣлъ принимать. Наконецъ, чтобы завести мастерскую, тоже нужны были деньги, хотя бы и не очень большія. Уже одни эти условія должны были сузить кругъ конкуррентовъ на званіе мастера, - но ихъ, очевидно, оставалось еще слишкомъ много — и хозяева мастерскихъ не чувствовали себя безопасными до тѣхъ поръ, пока они не увидали себя огражденными почти непереходимымъ барьеромъ. Къ концу среднихъ вѣковъ мастеромъ можно было сдѣлаться только по своего рода конкурсному экзамену,—но экзамену, устроенному такъ, что одни кандидаты на немъ всегда проходили, тогда какъ другіе почти всегда проваливались.

Условія доступа въ мастера.

Во-первыхъ, кто хотѣлъ быть мастеромъ, долженъ былъ пробыть извѣстное число лѣтъ ученикомъ, — число лѣтъ, нисколько не зависѣвшее отъ его успѣховъ въ ученьѣ и, обыкновенно, очень продолжительное. Можно подумать, что, подвергая новичковъ продолжительному искусу, мастера руководились интересами потребителя и нежеланіемъ ронять репутацію цеха, принимая въ свою среду недоучекъ. Съ этимъ предположеніемъ мирятся 8—9 лѣтъ ученичества золотыхъ дѣлъ мастера, напримѣръ, но когда мы узнаемъ, что нужно было 12 лѣтъ учиться дѣлать четки или десять лѣтъ тянуть проволоку, - возможность объяснить это цѣлесообразностью почти исчезаетъ. Она пропадаетъ совершенно, разъ мы слышимъ, что срокъ ученичества можно значительно сократить, сдѣлавъ при поступленіи въ ученики болѣе или менѣе крупный подарокъ мастеру: вмѣсто 7—8 лѣтъ можно было ограничиться 3—4 годами ученья. Тогда намъ становится ясно, что не въ ученьѣ тутъ было дѣло и что длинный срокъ ученичества ограждалъ интересы не публики, а, во-первыхъ, мастеровъ вообще; это была первая преграда на пути будущаго конкуррента и, во-вторыхъ, даннаго мастера,—потому что ученику не нужно было платить, и чѣмъ дольше

рабочій состоялъ на положеніи ученика, тѣмъ больше извлекалъ изъ него хозяинъ труда безплатно.

Но отбывъ свой срокъ, ученикъ вовсе не становился такимъ же мастеромъ: онъ только получалъ право требовать плату за свою работу, становился подмастерьемъ, пока не болѣе; чтобы подняться выше, онъ долженъ былъ держать экзаменъ,— выполнить образцовую работу по своему ремеслу,—chef d'oeuvre, какъ называли ее во Франціи—имя, ставшее нарицательнымъ для всякой образцовой работы. Самая вещь была знакома не одной Франціи,—хотя были страны, на первомъ мѣстѣ Англія, гдѣ chef d'oeuvre вовсе не требовался. Какъ и долгіе годы ученичества, „образцовая работа" въ идеѣ должна была служить гарантіей интересовъ публики и достоинства цеха: этимъ оправдывалась трудность испытанія. Chef d'oeuvre отнималъ у подмастерья иногда мѣсяцъ, иногда нѣсколько мѣсяцевъ, иногда даже годъ упорнаго труда: это свидѣтельство не самихъ рабочихъ, которые могли быть пристрастны, а оффиціальнаго документа (ордонанса короля Генриха III, 1581 г.). Матеріалъ для него иногда былъ очень дорогъ: шелковая матерія, когда дѣло шло о платьѣ, золото или серебро, если нужно было изготовить ювелирную вещь: все это кандидатъ въ мастера долженъ былъ покупать на свой счетъ. Это былъ расходъ очень тяжелый для рабочаго, и притомъ безвозвратный: цехъ не помогалъ подмастерью готовить chef d'oeuvre, но продавался этотъ послѣдній въ пользу цеха, если судьи признавали его удачнымъ, въ противоположномъ случаѣ, а это не было рѣдкостью, его просто уничтожали. Судьями были тѣ же „присяжные", представители мастеровъ: постоянныя жалобы подмастерьевъ на несправедливость экзамена, уже однѣ въ состояніи были бы внушить намъ подозрѣніе, что судьи не забывали интересовъ тѣхъ, кто ихъ выбралъ. Но цеховые мастера сдѣлали такія подозрѣнія совершенно излишними: сынъ или зять мастера, говорятъ французскіе цеховые уставы, не обязанъ представлять шедёвръ, онъ подвергается только „легкому испытанію", которое „не должно длиться долѣе 24 часовъ". Другими словами, для чужихъ ставились почти невыполнимыя условія, для своихъ ограничивались простой формальностью: интересы публики и здѣсь были только ширмой, за которой работали интересы хозяевъ мастерскихъ.

Но, очевидно, ни ученичество, ни шедёвръ не останавливали наплыва конкуррентовъ въ такой мѣрѣ, какъ этого хотѣлось бы мастерамъ, и нѣкоторые цехи находили нужнымъ прибѣгнуть къ

послѣднему средству—отъ новаго мастера стали требовать „вступныхъ денегъ“, подарковъ „судьямъ“ и пирушки на его счетъ для всѣхъ членовъ цеха,—„infinis présents et banquets“, по выраженію того же оффиціальнаго документа. Въ 1456 г. каждый парижскій мастеръ, вновь принятый въ цехъ, долженъ былъ заплатить: королю 10 су, а братству всѣхъ цеховыхъ мастеровъ „добровольный даръ, по силѣ возможности, чтобы съ его помощью не прерывалась служба Божія и удовлетворялись другія нужды братства“. На самомъ дѣлѣ, „даръ“ былъ такъ мало „добровольнымъ“, что королевскій сборщикъ податей не выдавалъ новому мастеру квитанціи въ уплатѣ 10 су, пока тотъ не предъявлялъ росписки „присяжныхъ“ въ томъ, что они довольны этимъ „даромъ“. Въ цехѣ ремесленниковъ, изготовлявшихъ мячи для игры, нужно было платить (1467 г.) 20 су братству и 10 мастерамъ. Вновь принятые sayetiers [1]) платили 20 су братству, 14 казнѣ и 6 „присяжнымъ“. Сыновья мастеровъ или совсѣмъ были освобождены отъ этихъ взносовъ, или платили половину. Цифры не даютъ, конечно, никакого понятія о дѣйствительномъ размѣрѣ всѣхъ этихъ платежей; что стоили они на самомъ дѣлѣ рабочему, это даютъ понять отчасти документы, въ родѣ приведеннаго ордонанса Генриха III, который говоритъ о „чрезмѣрныхъ расходахъ“ (excessives depenses), отпугивающихъ рабочихъ отъ испытанія на степень мастера, отчасти тотъ фактъ, что и выдержавшіе этотъ экзаменъ нерѣдко попрежнему оставались подмастерьями у того же хозяина; послѣдній не безъ гордости видѣлъ въ своей мастерской работника, украшеннаго почетнымъ званіемъ мастера, и почасту напоминалъ ему, что этимъ званіемъ онъ обязанъ хозяину: потому что безъ одобренія отъ мастера подмастерье и экзамена держать не смѣлъ.

Итакъ, вопреки очень распространенному (особенно во французской литературѣ) представленію, будто промышленный классъ въ средніе вѣка не зналъ ничего о противоположности интересовъ хозяина и работника и будто цехъ былъ товариществомъ, гдѣ каждому трудящемуся обезпечивались равныя блага съ другими, вопреки этому, мы видимъ, что уже въ средніе вѣка складывался особый классъ наслѣдственныхъ собственниковъ орудій производства, классъ *мастеровъ*, и почти столько же наслѣдственный классъ рабочаго пролетаріата—*подмастерьевъ*: неизбѣжнымъ результатомъ была борьба двухъ этихъ классовъ. Борьба принимала, отчасти,

[1]) Ткачи полушолковой матеріи—saye—очень модной въ XV в.

формы, знакомыя нашему времени; но въ этомъ случаѣ юридическая форма средневѣковой промышленности давала рабочему большія преимущества—и положеніе подмастерьевъ постепенно улучшалось: параллельно цеховому строю, окончательно перешедшему въ руки мастеровъ, рабочіе вырабатываютъ свой строй, обезпечивающій ихъ интересы.

Отношенія мастеровъ и рабочихъ.

Около половины XIV столѣтія (въ 1350 и 1362 гг.) властямъ города Лондона приходилось улаживать пререканія между мастерами, сукностригами и ткачами, съ одной стороны, и ихъ подручными („слугами", „valets")—съ другой. Въ указахъ, относящихся къ этому случаю, поведеніе „слугъ" описывается такими чертами: „до сихъ поръ всякій разъ, какъ возникало какое - нибудь разногласіе между мастеромъ и его подручнымъ (vadlott), послѣдній обходилъ обыкновенно всѣхъ подручныхъ, занимающихся тѣмъ же ремесломъ въ нашемъ городѣ, и вотъ, по взаимному согласію и уговору, они рѣшали, чтобы каждый изъ нихъ отказался работать и служить своему мастеру, пока вышеозначенный мастеръ и его служащій (servant) или человѣкъ (man) не придутъ къ соглашенію, вслѣдствіе чего мастера сказаннаго промысла оказывались въ большомъ затрудненіи, а народъ лишался необходимыхъ для него услугъ..." Лондонскіе подмастерья устраивали, такимъ путемъ, форменную *стачку* противъ своихъ патроновъ. И это явленіе не было ни единичнымъ въ Англіи, ни свойственнымъ исключительно англійскимъ отношеніямъ: ордонансы французскихъ королей запрещаютъ всякаго рода „monopoles" не менѣе настойчиво, нежели лондонскіе указы только что описанный обычай тамошнихъ подмастерьевъ. Правда, что подъ именемъ monopole правительство разумѣло, безразлично, и стачки мастеровъ противъ публики, и стачки рабочихъ противъ мастеровъ; но конкретные случаи примѣненія этихъ указовъ даютъ намъ несомнѣнные случаи стачекъ послѣдняго рода, подавлявшихся гораздо суровѣе, чѣмъ первыя. Въ 1539 г., наприм., ліонскому сенешалу были даны почти неограниченныя полномочія по отношенію къ стачечникамъ; онъ могъ присуждать ихъ, собственною властью, не только къ тюрьмѣ и къ изгнанію, но даже къ пыткѣ и смертной казни. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ онъ долженъ, однако, судить при участіи „почтенныхъ лицъ (notables personnages), адвокатовъ или иныхъ, свѣдущихъ въ правѣ", въ числѣ шести,—для приговора къ пыткѣ и десяти—для смертнаго приговора. Произнесенные при такихъ условіяхъ приговоры не подлежали апелляціи.

Стачка была средствомъ обоюдоострымъ, столько же, если не больше, вредившимъ самимъ рабочимъ, какъ и мастерамъ; это была всегда временная вспышка,—средство, примѣнявшееся рабочими только въ крайности. Гораздо чаще столкновенія разрѣшались болѣе мирнымъ путемъ,—или вмѣшательствомъ правительственной власти, тамъ, гдѣ она была достаточно сильна, или при участіи постоянной организаціи, выработанной подмастерьями. Второй половинѣ средневѣковья были хорошо знакомы *рабочіе союзы*, столь характерные для современной западной Европы. Ихъ тогдашняя форма настолько своеобразна и типична для своего времени, что о ней стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Братства. Мы видѣли выше (см. очеркъ 2: „Городское хозяйство"), что цехъ не былъ только экономическимъ учрежденіемъ: у него была и политическая, и соціально-религіозная сторона. Первая насъ не касается въ данномъ случаѣ, важна вторая. Какъ общество взаимопомощи, цехъ сливался съ „братствомъ". Логически одно не вытекало изъ другого: основа братства (confrérie, Brüderschaft) была религіозная, не экономическая; центръ братства — это церковь или часовня какого-нибудь святого, подъ покровительство котораго отдаютъ себя „братья". „По общей и искренней нашей вѣрѣ (bonne et sociale dévotion) въ Господа Создателя и Пресвятую Его Матерь, въ достославнаго святого Михаила, св. Магдалину и св. Екатерину собрались мы, всѣ люди оловяннаго цеха, взывая къ Господу Богу и ко всѣмъ добрымъ святымъ..., да благоволятъ они быть посредниками и заступниками за насъ передъ Спасителемъ нашимъ и Искупителемъ Господомъ Іисусомъ Христомъ...", такъ начинается уставъ братства руанскихъ оловянщиковъ. Ихъ профессія здѣсь, очевидно, дѣло совершенно случайное: братство могли образовать и не-цеховые, и цеховые разныхъ цеховъ. Потребности, которымъ оно удовлетворяло, тоже не имѣли ничего общаго съ промышленностью: общіе взносы шли, во-первыхъ, на совершеніе богослуженій въ праздники святыхъ, патроновъ братства, на поддержаніе неугасимой свѣчи въ ихъ церкви или капеллѣ, затѣмъ на похороны умершихъ „братьевъ", наконецъ, на дѣла благотворительности — помощь престарѣлымъ или больнымъ членамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ, устройство больницъ и богадѣленъ. Но само собою было ясно, что удобнѣе и практичнѣе было воспользоваться одной готовой организаціей, нежели создавать новыя: вотъ отчего братства ремесленниковъ такъ часто сливались съ цехами. Старшины цеха сплошь и рядомъ бывали

тоже и старшинами братства: это одно уже отдавало дѣла благотворительности и благочестія въ полное распоряженіе мастеровъ; но обычай общей молитвы и взаимной помощи, безъ различія положеній, держался здѣсь очень долго: подмастерья наравнѣ съ мастерами были членами братства и пользовались его поддержкой въ случаѣ нужды. Скоро, однако же, противоположность хозяйственныхъ интересовъ начала сказываться и здѣсь: на похоронахъ каждаго братчика должны были присутствовать всѣ члены, а съ отсутствующихъ безъ законной причины брали даже штрафъ; но этотъ обычай строго соблюдался только, когда умиралъ мастеръ или кто изъ семьи мастера: если же подмастерья собирались хоронить своего товарища, пропущенное время вычиталось у нихъ изъ заработной платы, — мастера не хотѣли терять дорогого времени изъ-за смерти рабочаго. Отлучаться въ будніе дни для похоронъ товарища прямо запрещалось подмастерьямъ уставами нѣкоторыхъ цеховъ. Къ этимъ мелкимъ различіямъ присоединялось болѣе крупное неудобство—финансоваго свойства: деньги въ кассу братства собирались со всѣхъ; платили и подмастерья, — хотя меньше, нежели мастера, но, вѣдь, и достатки ихъ были меньше. Распоряжались же этими деньгами представители только мастеровъ: подмастерья если и встрѣчаются въ числѣ старшинъ братства, то, обыкновенно, не по выбору товарищей, а по назначенію хозяевъ, и то впослѣдствіи. На собраніяхъ всѣ братчики были равны, но легко ли было рабочему возвысить свой голосъ при хозяинѣ, когда онъ уже не смѣлъ иногда даже сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ? Стремленіе подмастерьевъ завести свою кассу и свое братство было болѣе чѣмъ естественно, при такихъ условіяхъ. Первые образчики такихъ братствъ подмастерьевъ, все на той же религіозной основѣ— ради поддержанія „общей свѣчи", встрѣчаются уже очень рано— въ XIV вѣкѣ. Первоначально они дѣйствуютъ съ разрѣшенія и подъ надзоромъ мастеровъ, — у послѣднихъ хранится касса братства, выдаваемая рабочимъ только въ дни собраній, а самыя собранія происходятъ подъ контролемъ выборныхъ отъ хозяевъ. Очень скоро должно было обнаружиться, что недовѣріе мастеровъ было вполнѣ основательно,—новыя братства сулили имъ много непріятностей.

Союзы подмастерьевъ.

Въ 1417 г. нѣсколько лондонскихъ портныхъ - подмастерьевъ явились къ мэру и просили позволенія для себя и „для другихъ своихъ товарищей, принадлежавшихъ къ братству подмастерьевъ (йоменовъ)..., собираться ежегодно въ день усѣкновенія главы св.

Іоанна Крестителя въ церкви св. Іоанна Іерусалимскаго, возлѣ Смисфильда..., служить здѣсь обѣдню по усопшимъ братьямъ и сестрамъ ихъ братствъ *и дѣлать другое, что они до сихъ поръ обыкновенно дѣлали*". Мэръ и олдермены, наведя справку въ прошлыхъ дѣлахъ, отвѣчали, что „разрѣшеніе подобнаго рода собраній, хотя этого добиваются и просятъ подъ предлогомъ благочестивыхъ дѣлъ, было бы явнымъ нарушеніемъ прежняго указа и сопровождалось бы далѣе нарушеніемъ общественнаго мира, къ чему вели и другія собранія, бывшія въ означенномъ промыслѣ" (они-то и вызвали указъ 1415 г., на который ссылались городскія власти). Въ виду всего этого они постановили, чтобы „ни служащіе (no servant), ни ученики не осмѣливались посѣщать какія бы то ни было собранія, въ этой церкви или въ иномъ мѣстѣ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ они бываютъ вмѣстѣ съ мастерами означеннаго мастерства и въ присутствіи послѣднихъ". Изъ болѣе раннихъ свѣдѣній мы узнаемъ, что подобное же движеніе происходило и въ цехѣ кожевниковъ, подмастерья которыхъ, не найдя удовлетворенія у мѣстныхъ властей, вошли въ сношенія съ какимъ-то монахомъ одного изъ проповѣднических орденовъ, и поручили ему отправиться въ Римъ—получить отъ папы утвержденіе ихъ братства. Если въ Англіи движеніе не разрослось, то это, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь оно нашло немного горючаго матеріала: англійскіе подмастерья были въ сравнительно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ континентальные. Къ тому же здѣсь рано сложилась сильная государственная власть, вообще стѣснявшая развитіе всякихъ частныхъ союзовъ, какъ рабочихъ, такъ и иныхъ: Англія не была никогда классическою страной цеховой промышленности. Французскіе цехи въ XV в. уже начинаютъ становиться тѣмъ чисто искусственнымъ учрежденіемъ, за какое они прослыли въ новое время: быстро растущая государственная власть, съ одной стороны, рано развившееся капиталистическое производство, съ другой—скоро превращаютъ ихъ въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Свободно развиваться цеховая жизнь продолжала только въ Германіи — и здѣсь мы находимъ полный расцвѣтъ союзовъ подмастерьевъ. Они покрываютъ здѣсь всю страну, дѣйствуютъ на основаніи формально утвержденныхъ уставовъ, иногда на основаніи привилегіи, данной императорскою властью, и объединяютъ въ одно цѣлое рабочихъ десятковъ городовъ. Съ ними, какъ съ равноправною стороной, вступаютъ въ переговоры городскія власти—какъ это было съ подмастерьями кольмарскихъ (въ Эльзасѣ)

булочниковъ въ концѣ XV в. ушедшихъ изъ города по причинѣ „обиды", нанесенной ихъ братству магистратомъ (имъ не дали обычнаго мѣста въ церковной процессіи). У нихъ есть свои судьи, приговоры которыхъ имѣютъ обязательную силу и для мастеровъ: въ Магдебургѣ союзъ подмастерьевъ-кузнецовъ такъ силенъ, что онъ привлекаетъ даже мастеровъ къ *своему* суду. Участіе рабочихъ черезъ представителей, ими выбранныхъ, въ управленіи цеха становится общимъ правиломъ.

Какъ отражалось это на положеніи рабочихъ, экономическомъ и юридическомъ? Во-первыхъ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ попытки разрушить цеховой строй или даже цеховую іерархію,—вернувшись къ первоначальному равенству всѣхъ работниковъ. Совершившійся хозяйственный переворотъ былъ молча признанъ подмастерьями: революціонныхъ или реформаторскихъ замысловъ они никогда не питали. Прекраснымъ образчикомъ ихъ манеры дѣйствовать служитъ исторія хронологически первой стычки рабочихъ съ мастерами въ Германіи, имѣвшей мѣсто въ Шпейерѣ около 1350 года. Подмастерья ткачей были недовольны, во-первыхъ, размѣрами платы (припомнимъ, что именно въ Шпейерѣ ее пытались опредѣлить на вѣчныя времена), во-вторыхъ, тѣмъ, что часть платы выдавалась натурой, въ-третьихъ тѣмъ, что споры между рабочими и хозяевами разбирались одними выборными отъ мастеровъ, — безъ представителей отъ рабочихъ. Когда цехъ отказалъ имъ въ удовлетвореніи, все братство ушло изъ города; мастера остались безъ работниковъ и должны были пойти на уступки. Этотъ первый успѣхъ ободрилъ ткачей, и черезъ 12 лѣтъ они сдѣлали новую попытку улучшить свое положеніе. Вѣжливый и дружественный тонъ отвѣта, который дали имъ мастера, показывалъ, что и для нихъ опытъ не прошелъ даромъ. „Мы, такъ начинаютъ они, мастера-ткачи и суконщики и всѣ цеховые люди здѣсь въ Шпейерѣ, старшинамъ подмастерьевъ ткачей и имъ всѣмъ—шлемъ дружескій привѣтъ и пожеланія всего лучшаго"... Перемѣны, которыхъ требовали и добились рабочіе, были очень существенныя: при поштучной платѣ за неотдѣланное сукно они желали имѣть вознагражденіе, равное тому, какое получалъ самъ мастеръ отъ торговца сукномъ, за отдѣланное $^2/_3$ платы мастеру.

Уступчивость мастеровъ, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что сукноткачество — одно изъ тѣхъ ремеслъ, которыя всего раньше капитализировались, — и мастера здѣсь наравнѣ съ рабочими уже въ эту пору стояли подъ одинаковымъ давленіемъ торговцевъ сук-

номъ, которые и были настоящими предпринимателями. Но способъ дѣйствія подмастерьевъ не перестаетъ отъ этого быть характернымъ: они добиваются не новыхъ условій работы, а улучшенія въ данныхъ условіяхъ. Въ сущности, они стремятся лишь закрѣпить результаты совершившагося переворота, и, путемъ освобожденія ставшаго наемнымъ труда, достигнуть замѣны произвольныхъ отношеній — договорными. Особенно это сказалось на борьбѣ за право разрывать контрактъ съ хозяиномъ,—борьбѣ, которую упорно вели нѣмецкіе подмастерьи и, наконецъ, одержали верхъ. Мы видѣли, что первоначально подмастерье, разъ нанявшись, терялъ право располагать собою: онъ не смѣлъ уйти безъ воли хозяина, если онъ осмѣливался это сдѣлать, онъ умиралъ, какъ рабочій — никто не смѣлъ его нанять. Подмастерья, добиваясь права нарушать контрактъ — платя неустойку, — стремились къ юридическому равенству съ мастеромъ. Уже въ 1387 г. для страсбургскихъ башмачниковъ лишеніе права работать было замѣнено штрафомъ въ 5 шиллинговъ. Торгаускіе каменотесы платили такой штрафъ уже не лично мастеру, а, очевидно, братству—потому что состоялъ онъ изъ фунта воску. Заплативши штрафъ, рабочій могъ уйти, даже не кончивъ начатой работы, — и его нельзя было вернуть. Такъ какъ это слишкомъ уже задѣвало интересы производства, пришлось регулировать подобные случаи, но мастера должны были обратиться за этимъ къ „братству" подмастерьевъ, и выбранные послѣдними судьи рѣшали,—могъ ушедшій прервать работу безъ вреда для дѣла или нѣтъ.

Экономическое значеніе союзовъ.

Но въ общемъ ходѣ развитія европейской промышленности главнымъ дѣломъ средневѣковыхъ союзовъ подмастерьевъ — и на этотъ разъ уже не только въ Германіи, а и въ Англіи и во Франціи — было не разложеніе патріархальнаго строя цеха, — надъ этимъ въ Англіи и во Франціи работали другія силы, а паденіе той мѣстной организаціи промышленности, которая такъ характерна для второго періода среднихъ вѣковъ. Не нужно забывать, что цехи были городской корпораціей и выросли на почвѣ городского хозяйства. Внѣ этого послѣдняго цехъ не имѣлъ смысла: онъ былъ привязанъ къ городу тысячами нитей. Эта связь сохранилась теперь только для владѣльцевъ мастерскихъ,—подмастерья, лишенные орудій производства, за то и не были связаны этими орудіями. Они очень скоро поняли, что чѣмъ шире рынокъ рабочихъ рукъ, тѣмъ больше надежды найти выгодныя условія—особенно въ тѣ времена, когда цѣны на все, въ томъ числѣ и на трудъ, гораздо сильнѣе раз-

нились отъ одной мѣстности къ другой, нежели теперь. Оттого странствованіе, кочеваніе изъ одного города въ другой, становится классической примѣтой средневѣкового подмастерья. Уставы братствъ особенно заботятся о такихъ странникахъ (Wanderer); всюду находили они кровъ и пріютъ на первые дни, и братство ставило долгомъ чести какъ можно скорѣе достать имъ работу. Такъ сложился, мало-по-малу, подъ неподвижнымъ цеховымъ строемъ вѣчно движущійся рабочій классъ, — и образовался рабочій рынокъ, не связанный ни съ какимъ отдѣльнымъ городскимъ хозяйствомъ. Но этимъ классомъ воспользовалось уже не цеховое мастерство, слишкомъ мелкое для новыхъ условій, а крупный капиталъ. Хронологическій пунктъ, на которомъ мы теперь стоимъ—XV вѣкъ—былъ вѣкомъ первыхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ западной Европѣ.

4. Средневѣковой капитализмъ.

Положеніе кредита въ средніе вѣка.

Въ средніе вѣка, повидимому, принимались всѣ мѣры, чтобы помѣшать образованію денежнаго капитала: мы уже видѣли, что нельзя придумать ничего менѣе благопріятнаго для крупной международной торговли, чѣмъ городское хозяйство. Другой способъ сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ большихъ денежныхъ суммъ—кредитныя операціи: имъ не меньшія преграды ставило общественное мнѣніе среднихъ вѣковъ, выразителемъ котораго была *церковь*. Мы уже имѣли случай говорить въ одной изъ предшествующихъ статей (см. въ в. III „Господство Медичи во Флоренціи") о томъ, какъ относились въ средніе вѣка къ ростовщичеству—именемъ котораго безразлично клеймили почти всѣ формы кредита. Корень такихъ экономическихъ взглядовъ нужно искать, конечно, въ экономической дѣйствительности эпохи: при натуральномъ хозяйствѣ заемъ можетъ служить только для цѣлей потребленія, а не производства; занимаютъ не для того, чтобы извлекать доходъ изъ занятаго капитала, а для того, чтобы покрыть изъ него текущіе расходы: занимаетъ крестьянинъ, котораго постигъ неурожай или пожаръ, помѣщикъ, котораго разорила война, и т. д. При такихъ условіяхъ процентная ссуда почти всегда является эксплуатаціей человѣческаго несчастія, потому что тотъ, у кого дѣла идутъ хорошо, не занимаетъ; понятно, отчего человѣкъ, промышлявшій отдачей денегъ взаймы за проценты, не возбуждалъ симпатій. Но люди любятъ логически обосновывать свои симпатіи и антипатіи:

теперь, въ области хозяйственныхъ отношеній, для этой цѣли часто служитъ политическая экономія; средневѣковой человѣкъ во всѣхъ областяхъ прибѣгалъ къ богословію. Ростъ, по его мнѣнію, былъ запрещенъ самимъ Господомъ Богомъ — доказательство чего не трудно найти въ Библіи: „Если дашь деньги взаймы бѣдному изъ народа Моего, не будь для него ростовщикомъ и не налагай на него роста“ (*Исходъ*, XXII, 25). Средневѣковое каноническое законодательство о ростѣ было только дальнѣйшимъ развитіемъ этой основной мысли. Кульминаціонною точкой этого законодательства было распоряженіе папы Климента V. „Въ виду того“, гласитъ оно, „что до насъ дошло горестное извѣстіе, будто нѣкоторыя коммуны, согрѣшая передъ Богомъ и своими ближними, вопреки законамъ божескимъ и человѣческимъ, позволяютъ своими статутами требовать и платить ростъ и принуждаютъ должниковъ къ уплатѣ его,— симъ постановляемъ, съ одобренія настоящаго (Вьенскаго) священнаго собора, что всѣ власти, — начальники (captains), ректоры, консулы, судьи, совѣтники и всякія другія, которыя дерзнутъ впредь издавать постановленія объ обязательной уплатѣ должниками роста, а также о томъ, что ростовщики не обязаны возвращать деньги, полученныя въ видѣ роста, подвергаются отлученію отъ церкви“. „Если же кто-либо впадетъ въ заблужденіе и осмѣлится упорствовать, утверждая, что заниматься ростовщичествомъ не грѣшно, симъ объявляемъ, что такой человѣкъ будетъ наказанъ, какъ еретикъ, и повелѣваемъ всѣмъ ординаріямъ и инквизиторамъ дѣйствовать со всею строгостью противъ всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ такой ереси“.

Первымъ послѣдствіемъ такой строгости былъ, конечно, неестественно-высокій процентъ роста: и такъ какъ самой церкви, съ ея сложною сѣтью хозяйственныхъ отношеній, труднѣе было избѣжать кредитныхъ операцій, нежели кому-либо другому,—то прежде всего это чувствовали на себѣ церковныя учрежденія. Одинъ англійскій аббатъ, занявъ для перестройки монастыря у одного еврея 27 фунтовъ, черезъ 4 года долженъ былъ отдать со сложными % — 880 фунтовъ. Но для исторіи кредита, можетъ быть, всего интереснѣе тѣ случаи, гдѣ церковь или ея агенты являлись не пассивною, а активною стороной сдѣлки: экономическая необходимость заставляла иной разъ выступать въ роли покровителей ростовщика тѣхъ самыхъ, кто осудилъ на смерть ростовщичество изъ-за богословскихъ соображеній. Римскій престолъ, раньше организовавшій систему налоговъ, чѣмъ какое-либо свѣтское государ-

ство, и собиравшій эти налоги со всѣхъ концовъ Европы,—долженъ былъ и раньше всѣхъ другихъ столкнуться съ денежнымъ хозяйствомъ. Сборъ налоговъ поручали, обыкновенно, финансистамъ по профессіи, итальянскимъ купцамъ,—которые никогда не отказывались пускать въ оборотъ скоплявшіяся въ ихъ распоряженіи свободныя суммы. Первыми организаторами европейскаго кредита были, такимъ образомъ, папскіе „коллекторы",—быстро вытѣснившіе въ этой области евреевъ, что давало послѣднимъ поводъ жаловаться, будто ихъ преслѣдуютъ не только за религіозныя убѣжденія, но и какъ конкуррентовъ. Римская курія знала объ операціяхъ своихъ сборщиковъ, но молчала, — потому что не могла безъ нихъ обойтись, и даже сама должна была обращаться къ ихъ услугамъ. Иннокентій III, въ разгарѣ крестоваго похода противъ альбигойской ереси, переводилъ деньги черезъ посредство кагорскихъ (въ ю. Франціи) купцовъ, — которые всей Европѣ были извѣстны за отъявленныхъ ростовщиковъ. Англійскій лѣтописецъ Матвѣй Парижскій разсказываетъ, немного позже, что „въ Англіи въ эти дни разразилась ужасная зараза Кагорцевъ (Caorsinorum) и не было почти человѣка во всей Англіи, *особенно изъ высшаго духовенства*, кто не запутался бы въ ихъ сѣтяхъ. Самъ король былъ у нихъ въ неоплатномъ долгу". Когда лондонскій епископъ попробовалъ ихъ изгнать изъ своей епархіи за ростовщичество, онъ былъ вызванъ къ суду римской куріи, гдѣ судьи „были друзьями Кагорцевъ". Со времени Ліонскаго Собора (1254 г.) доходы куріи въ Англіи и Франціи значительно возросли, — и соотвѣтственно этому возросли операціи собиравшихъ ихъ итальянскихъ купцовъ, которые стали называть себя уже прямо „купцами и мѣнялами папы" (mercatores vel escambiatores Papae); одинъ изъ папъ—Иннокентій IV—далъ имъ почетный титулъ „дѣтей Римской церкви" (Romanae ecclesiae filii speciales). Въ 1377 г. папскій коллекторъ въ Лондонѣ занималъ обширный дворецъ и держалъ цѣлую армію писцовъ и чиновниковъ, „какъ будто онъ собиралъ подати, для какого-нибудь герцога или князя", — съ раздраженіемъ говоритъ одна современная петиція.

Общественный кредитъ. Города.

Съ постепеннымъ ростомъ средневѣкового города онъ тоже долженъ былъ переходить къ денежному хозяйству въ большомъ масштабѣ — городское хозяйство даетъ намъ первые примѣры общественнаго кредита; самымъ типичнымъ случаемъ этого рода является Флоренція (см. названную выше статью). Но городскіе займы были хорошо знакомы и другимъ большимъ городамъ средневѣковья.

Большею частью они были внутренніе и принимали форму, очень характерную для своего времени и объяснимую отчасти уже хорошо знакомымъ намъ стремленіемъ упрочивать всѣ сдѣлки на вѣчныя времена, отчасти практическою необходимостью какъ-нибудь обойти церковный запретъ: форму *покупки ренты*. Долговая расписка, выдаваемая городомъ, заключала въ себѣ обязательство не возвращенія занятой суммы съ %—это была бы предосудительная ростовщическая сдѣлка,—а уплаты ежегодно кредитору извѣстнаго дохода изъ городскихъ средствъ—ренты—безсрочно, такъ что назадъ деньги онъ требовать не могъ: юридически это была сдѣлка купли-продажи, такимъ образомъ, а не договоръ займа; на практикѣ же рента ничѣмъ не отличалась отъ процентовъ. Классъ такихъ рентьеровъ былъ уже очень распространенъ въ средніе вѣка: отцу семейства для обезпеченія своей вдовы и сиротъ городская рента представляла очень удобное средство. Но на первыхъ порахъ это средство не выходило за предѣлы городского хозяйства: внѣшніе, иногородніе займы заключались очень туго и на очень тяжолыхъ условіяхъ. Большею частью городъ-заемщикъ долженъ былъ поручиться въ уплатѣ занятыхъ денегъ за круговою отвѣтственностью всѣхъ гражданъ, которые въ случаѣ банкротства платились прямо своею личностью и имуществомъ. Еще въ новое время — въ 1612 г. — генуэзская республика арестовала одного лондонскаго купца за долгъ англійскаго короля какому-то генуэзцу, — обезпеченный порукой города Лондона. Обязательство послѣдняго гласило, что мэръ и вся община города Лондона, какъ всѣ вмѣстѣ, такъ и каждый въ отдѣльности, отвѣчаютъ за уплату долга „своимъ лицомъ, своими землями и всякимъ инымъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, какъ теперь, такъ и на будущія времена“. Понятно, что города старались по мѣрѣ возможности избѣгать займовъ на такихъ условіяхъ.

Государства. Но не всѣ имѣли возможность выбирать наиболѣе выгодныя условія: въ такомъ менѣе счастливомъ положеніи было средневѣковое государство. Настоящимъ родоначальникомъ современнаго кредита и былъ не городской, а именно государственный. Намъ уже приходилось говорить (см. очеркъ 1-й: „Разложеніе помѣстнаго хозяйства“) объ экономическихъ послѣдствіяхъ новаго способа веденія войны, какой сталъ утверждаться въ западной Европѣ со временъ крестовыхъ походовъ. Когда, къ XIV вѣку, окончательно сложились большія національныя государства, имъ по необходимости пришлось развивать этотъ способъ еще дальше: появились наемныя арміи,

т. е. все содержаніе войска цѣликомъ перешло на средства государственнаго казначейства. Финансовая сторона войны выдвинулась на первый планъ. Потерявъ возможность пользоваться феодальнымъ ополченіемъ и не выработавъ еще воинской повинности въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, государство, чтобы достать солдатъ, должно было прибѣгать къ особаго рода посредникамъ: наборъ войска сдавали на подрядъ, какъ теперь иногда сдаютъ на подрядъ разныя общественныя сооруженія. Главный подрядчикъ, генералъ, бравшій на себя поставку цѣлой арміи,—condottiere, какъ называли его въ Италіи,—сдавалъ отъ себя подрядъ по частямъ болѣе мелкимъ подрядчикамъ, полковникамъ; тѣ — еще болѣе второстепеннымъ вербовщикамъ, субалтернъ-и унтеръ-офицерамъ, и эти уже набирали солдатъ, частью изъ городского пролетаріата или изъ обѣднѣвшихъ крестьянъ, частью изъ остатковъ прежнихъ феодальныхъ дружинъ, которыя еще не вымерли окончательно даже въ XV в., частью, наконецъ, изъ людей, выбравшихъ себѣ военное дѣло, какъ профессію: такими были швейцарцы, отчасти шотландцы и англійскіе стрѣлки изъ лука, главнымъ же образомъ нѣмецкіе копейщики и рейтары. Большое неудобство этихъ армій состояло въ томъ, что онѣ ничѣмъ не были связаны съ нанявшимъ ихъ государствомъ, кромѣ жалованья: и если послѣднее платилось имъ неаккуратно, то солдаты считали себя въ правѣ не только покинуть службу, но и перейти къ противнику. Вѣрности національному знамени здѣсь не было мѣста, въ слабой степени существовала лишь вѣрность нанявшему войско генералу, но и то она держалась только личною популярностью послѣдняго. Вся трагедія Валленштейновской „измѣны“ вертится около столкновенія этой вѣрности генералу, который нанялъ, съ вѣрностью императору, на имя котораго солдаты были наняты. Тридцатилѣтняя война не дала въ этомъ случаѣ ничего новаго: она была не началомъ, а концомъ наемныхъ армій. Вся система была уже на лицо въ XV вѣкѣ, когда сложился классическій типъ „ландскнехта“. Состояніе казеннаго сундука прямо и непосредственно опредѣляло число пѣхотинцевъ и всадниковъ, которые могли бы быть выдвинуты въ поле. „Нѣтъ денегъ, нѣтъ и швейцарцевъ“, гласила тогдашняя поговорка. Въ какихъ размѣрахъ нужны были деньги, это покажутъ два — три примѣра. Въ 1532 г. одинъ нѣмецкій финансистъ высчиталъ, что содержаніе арміи средняго, по тогдашнему, размѣра въ теченіе 6 мѣсяцевъ — средняя продолжительность похода — безъ провіанта, обоза и т. д., значитъ, считая, главнымъ образомъ, жа-

лованье, обошлось бы въ 560.000 дукатовъ. Во второй половинѣ XVI вѣка, когда, благодаря притоку американскаго серебра, цѣна денегъ еще упала, содержаніе небольшой испанской арміи въ Италіи въ теченіе такого же времени стоило уже $1^1/_4$ милліона дукатовъ. А содержаніе той испанской арміи, которая въ это самое время „усмиряла“ Нидерланды, обходилось ежегодно отъ 2 до 3 милліоновъ золотыхъ кронъ, т. е. гораздо болѣе, чѣмъ получалось въ годъ доходовъ съ тѣхъ же Нидерландовъ. Нужно прибавить, что потребность въ военныхъ расходахъ возникала по большей части внезапно, что для расплаты съ наемниками требовалась звонкая монета и что монетные запасы тогдашнихъ правительствъ не могли быть значительны уже по тому одному, что вообще денегъ въ обращеніи было мало. Весь металлическій фондъ Европы въ 1492 г. не превышалъ одного милліарда франковъ (теперь одна Германія располагаетъ звонкою монетой на $2^1/_2$ милліарда франковъ, Англія больше, чѣмъ на 3); вліяніе Америки начало замѣтно сказываться лишь съ половины слѣдующаго столѣтія. Положеніе Англіи въ началѣ царствованія Генриха VIII, во время его войны съ французами, даетъ очень любопытную иллюстрацію къ только что сказанному. Когда кардиналъ Вольсей потребовалъ экстренной подати на военные расходы въ размѣрѣ 4 шиллинговъ съ фунта состоянія каждаго, парламентъ заявилъ, что требованіе совершенно неисполнимо: оцѣнивая все имѣніе англичанъ въ 4 милліона фунтовъ, палата общинъ утверждала, что лишь четвертая доля его заключена въ монетѣ, другая четверть приходится на земельныя владѣнія, и около половины на движимое имущество. Истративъ на военныя издержки милліонъ фунтовъ, Англія спуститъ за границу весь свой металлическій запасъ, и ей придется вернуться къ кожанымъ деньгамъ, доказывалъ парламентъ. „Предвидя всѣ возможности, нужно принять въ расчетъ и ту, что король можетъ попасть въ плѣнъ; чѣмъ мы тогда будемъ его выкупать? Теперь французы не хотятъ намъ продавать вино иначе, какъ за чистое золото. Неужели они отдадутъ намъ короля за лоскутки кожи?“ Упорная оппозиція парламента заставила Вольсея ограничиться податью въ $^1/_{10}$ — вмѣсто $^1/_4$ имущества. Послѣдствія не замедлили показать, что парламентъ былъ правъ. Когда, немного спустя, королю для покрытія экстреннаго расхода пришлось прибѣгнуть къ т. наз. „добровольному“, а въ сущности принудительному внутреннему займу, разразился настоящій кризисъ. Сборщики податей доносили Вольсею, что богатые помѣщики должны были продавать

верно, скотъ и другіе товары съ огромнымъ убыткомъ, только бы достать денегъ; люди, которыхъ раньше цѣнили въ 100—200 фунтовъ, не могли собрать 40 шиллинговъ звонкою монетой. На рынкахъ въ Кентѣ скотъ оставался непроданнымъ, потому что нельзя было найти покупщиковъ иначе, какъ за половинную цѣну. Въ Норичѣ, центрѣ суконной промышленности, фабриканты предлагали серебряную посуду, заявляя, что денегъ у нихъ нѣтъ.

При такихъ условіяхъ достать сразу большую сумму денегъ можно было только путемъ займа. Но внѣшніе займы обходились тогдашнимъ правительствамъ неимовѣрно дорого: императору Карлу V случалось занимать, — обыкновенно подъ обезпеченіе части налоговъ, — изъ 30 слишкомъ % годовыхъ! Въ наши дни правительственныя обязательства считаются самыми надежными и потому дають самый низкій %. Въ тѣ дни короли имѣли гораздо меньше кредита, чѣмъ простые смертные: въ среднемъ % правительственнаго займа былъ вдвое выше того, какой брали съ обыкновеннаго купца. Причинъ на это было достаточно. Во-первыхъ, рѣдкое изъ европейскихъ правительствъ среднихъ вѣковъ имѣло порядочную финансовую организацію. Затѣмъ, правительственный кредитъ носилъ очень личный характеръ, болѣе, нежели купеческій: на купеческую фирму можно было положиться, что она себя оправдаетъ, кто бы ни стоялъ во главѣ ея; но никакъ нельзя было ручаться, что, въ случаѣ смерти короля, занявшаго деньги, его преемникъ захочетъ платить его долги. Тогда не умѣли отличать физическое лицо государя отъ юридическаго лица государства, — различіе, которое не было ходячимъ даже и при Людовикѣ XIV: сама собою разумѣющаяся для насъ юридическая непрерывность финансовой отвѣтственности государства была однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ. Наконецъ, въ случаѣ банкротства кредиторъ государства не имѣлъ почти никакихъ шансовъ получить вознагражденіе: къ французскому или англійскому королевству непримѣнимы были тѣ средства, какія, какъ мы видѣли выше, города примѣняли по отношенію другъ къ другу. „Благородные люди обѣщаютъ, а держатъ обѣщаніе только мужики“, учила старая нѣмецкая поговорка: и на обанкрутившихся короляхъ она оправдывалась со всею силой. Кредиторамъ платили, что хотѣли, — и, конечно, всякій благоразумный кредиторъ заранѣе старался себя застраховать огромнымъ ростомъ.

Спасаясь отъ послѣдняго, правительства, въ свою очередь, старались всѣми мѣрами избѣгать внѣшнихъ займовъ и добывать

деньги внутри страны. Въ болѣе раннюю эпоху это достигалось наиболѣе простымъ путемъ: періодическимъ ограбленіемъ еврейскихъ ростовщиковъ. Въ Германіи дѣло приняло характеръ правильной контрибуціи, которая считалась императорской регаліей и была предметомъ горячихъ споровъ императоровъ съ князьями и князей между собою. Но не такъ можно было, конечно добывать тѣ милліоны, какихъ требовало веденіе войны въ XV—XVI вѣкахъ. Да и производить подобную операцію надъ смѣнившими евреевъ папскими коллекторами — или, тѣмъ болѣе, надъ такими денежными королями, какъ Фуггеры и Медичи, не рѣшился бы ни одинъ государь въ Европѣ. Нужны были мѣропріятія болѣе сложныя, и исторію ихъ можно хорошо прослѣдить на англійской монетной и таможенной политикѣ XIV—XVI вв.

Меркантилизмъ. Исходною точкой этой политики была основная мысль *меркантилизма* въ его самой простой и грубой формѣ: „та страна богаче, у которой запасъ золота и серебра больше". До XVII вѣка, когда эта мысль развилась въ экономическую теорію, извѣстную подъ такимъ названіемъ, она уже не одно столѣтіе служила руководящею нитью финансовой практики всѣхъ европейскихъ государствъ. Первое слѣдствіе, которое выводилось изъ этой основной посылки, было отрицательное: отнюдь не надо выпускать драгоцѣнныхъ металловъ изъ страны. Едва началась столѣтняя война, она, несмотря на всѣ побѣды англичанъ, тотчасъ дала себя почувствовать въ Англіи самымъ непріятнымъ образомъ: почти половина звонкой монеты ушла изъ страны въ видѣ военныхъ издержекъ. Здѣсь былъ ближайшій поводъ къ появленію законовъ, изданныхъ при Ричардѣ II и дѣйствовавшихъ до XVI столѣтія: вывозъ денегъ и драгоцѣнныхъ металловъ изъ Англіи былъ запрещенъ, подъ страхомъ наказанія, какъ за государственную измѣну; векселя, выданные англійскими подданными на заграницу, должны были оплачиваться изъ денегъ, полученныхъ за вывезенные товары, на что давался трехмѣсячный срокъ; иностранный купецъ, привезшій товаръ на продажу въ Англію, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ на половину всей цѣны проданнаго имъ здѣсь товара, купить англійской шерсти, кожъ, свинцу, олова, масла, сыру, сукна или иныхъ мѣстныхъ продуктовъ и только половину могъ вывезти деньгами, и то съ особаго разрѣшенія. Законы эти неоднократно подтверждались послѣдующими государями, до Генриха VIII включительно; насколько строго примѣнялся законъ, видно изъ извѣстнаго анекдота объ Эразмѣ Роттердамскомъ, который долженъ былъ отдать въ Дуврской

таможнѣ 20 фунтовъ, заработанные имъ въ Англіи. На практикѣ отъ закона терпѣли частныя лица, т. е. какъ разъ тѣ, кто могъ вывезти денегъ всего менѣе: вернуть вексельныя операціи къ натуральному хозяйству никогда, понятно, не удавалось—и для заграничныхъ банкировъ, необходимыхъ самому правительству, приходилось или дѣлать исключеніе, или смотрѣть сквозь пальцы на нарушеніе закона; тщательно запирая калитку, оставляли открытыми широкія ворота. Сами англійскіе финансисты понимали, вѣроятно, всю тщету запретительныхъ мѣръ, — и параллельно съ ними мы встрѣчаемъ другія мѣры, направленныя къ тому, чтобы привлечь деньги въ страну. Еще до Ричарда II былъ изданъ законъ, въ силу котораго всякій покупатель англійской шерсти долженъ былъ часть уплачиваемой цѣны (5 су съ каждаго мѣшка) представить на монетный дворъ въ Кале въ видѣ слитковъ серебра или золота для перечеканки въ англійскую монету. Въ 1397 г. всѣмъ купцамъ, англійскимъ и иностраннымъ, было предписано за каждый вывезенный ими за границу тюкъ кожъ или мѣшокъ шерсти вернуть въ Англію въ полугодичный срокъ унцію золота иностраннаго чекана. Но та же самая причина, которая заставляла парламентъ издавать подобные законы, недостатокъ звонкой монеты, дѣлала для англійскихъ купцовъ гораздо болѣе выгодными— расчоты съ заграницей векселями, чѣмъ наличными деньгами. Попытки парламентовъ XV вѣка запретить всякія сдѣлки на шерсть, кромѣ какъ на наличныя, приводили только къ временнымъ заминкамъ въ торговлѣ шерстью, пока не находимо было средство обходить законъ. Въ концѣ-концовъ монетный дворъ въ Кале стоялъ безъ всякаго дѣла. И этотъ законъ подтверждался до Генриха VIII включительно, съ тѣми же практическими результатами.

Первыя биржи. Ліонъ.

Громадный шагъ впередъ въ развитіи меркантилизма представляетъ политика Людовика XI: французскій король первый понялъ, что привлечь деньги въ страну можно, не стѣсняя торговлю, а лишь поощряя ее. Созданная имъ ліонская ярмарка была эпохой въ экономической исторіи не одной Франціи: Ліонъ сталъ первой товарной и денежной *биржей*, на которой скрещивались операціи полъ-Европы.

Въ началѣ XV вѣка узловымъ пунктомъ, гдѣ сходились главнѣйшіе торговые пути изъ Франціи, южной Германіи и Италіи, была Женева, лежавшая за предѣлами французскаго королевства. Туда ѣздили, на ежегодную ярмарку, и французскіе купцы—и увозили деньги изъ Франціи, что, конечно, совсѣмъ не могло нравиться

французскому правительству. Оно не могло не замѣтить, что географически Ліонъ представлялъ почти тѣ же удобства и имѣлъ еще одно добавочное, собственно для Франціи—что онъ былъ свой, французскій городъ. Но попытки Карла VII развить ліонскую ярмарку на счетъ женевской ни къ чему не вели до тѣхъ поръ, пока навстрѣчу французскому меркантилизму не пошелъ сюзеренъ Женевы, — герцогъ Савойскій. Поссорившись съ городомъ, онъ, въ полномъ забвеніи своихъ собственныхъ финансовыхъ интересовъ, рѣшилъ сломить горожанъ блокадой—и закрылъ всѣ торговые пути, ведущіе къ Женевѣ. Этимъ тотчасъ же воспользовался наслѣдникъ Карла VII; онъ поспѣшилъ даровать ліонской ярмаркѣ всѣ привилегіи, какими пользовалась женевская, и купцы, привыкшіе съѣзжаться на верхней Ронѣ, вмѣсто отрѣзанной отъ всего міра Женевы, поѣхали теперь въ Ліонъ. Вмѣстѣ съ ярмаркой перешелъ во французскіе предѣлы и денежный рынокъ, сформировавшійся въ Женевѣ,—что было едва ли не важнѣе ярмарки. Флорентинскіе мѣнялы съ давнихъ поръ вели здѣсь обширную биржевую игру, главнымъ образомъ на счетъ Франціи — скупая для перечеканки полноцѣнную французскую монету; сюда же стекалось золото изъ Зальцбурга и серебро изъ Тироля, въ большихъ массахъ доставлявшееся верхне-нѣмецкими купцами. Людовикъ XI, оградивъ интересъ своего государства, не сталъ стѣснять этихъ операцій; рядомъ ордонансовъ его и его преемниковъ иностранцамъ, — особенно флорентинцамъ и лукканцамъ, была дана полная свобода торговли. Въ Ліонѣ былъ учрежденъ особый коммерческій судъ, первый во Франціи. Въ одномъ изъ ордонансовъ (половины XVI в.) было прямо признано, что король „извлекаетъ великую выгоду изъ денежныхъ сдѣлокъ, ежедневно совершающихся на ліонской ярмаркѣ“. И еще гораздо раньше косвенно подтвердила это Женева; доказывая своему савойскому государю, какую онъ ошибку сдѣлалъ, позволивъ развиться ліонской ярмаркѣ, женевцы приводили, что прежде, если ему нужно было 100 или 200 тысячъ гульденовъ, ему стоило обратиться во время ярмарки въ Женеву — и нужная сумма бывала собрана въ 3—4 дня; а теперь онъ долженъ заключать внѣшній заемъ въ Ліонѣ. Въ началѣ XVI вѣка въ Ліонѣ было уже 4 ярмарки ежегодно: „Богоявленская“ (Foire d'Apparition ou des Rois) въ январѣ, „Пасхальная“ въ апрѣлѣ, „Августовская“ и „Всѣхъ Святыхъ“ въ ноябрѣ. „На четырехъ ліонскихъ ярмаркахъ“, писалъ въ 1528 году венеціанскій посланникъ Андрей Наваджеро, „сходится безчисленное количество платежей со всѣхъ кон-

цовъ, такъ что онѣ составляютъ центръ денежнаго обращенія для всей Италіи, доброй части Испаніи и Нидерландовъ". Когда Карлъ V вмѣстѣ съ папою Адріаномъ VI дѣйствовали противъ Франціи, одно изъ главныхъ средствъ, на какія они разсчитывали въ борьбѣ съ своимъ сильнымъ противникомъ, было возстановленіе женевской ярмарки. Но изъ этого ничего не могло выйти—къ Ліону купечество слишкомъ привыкло. На смѣхъ своимъ врагамъ, французское правительство извлекало оттуда все большія и большія суммы: мало того, благодаря ліонской ярмаркѣ, Франція создала для себя новыя, болѣе выгодныя, формы кредита, — что было еще важнѣе. Война, которую началъ съ имперіей Францискъ I въ 1542 г., потребовала вооруженій въ неслыханныхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ. Французскій король двинулъ въ поле двѣ арміи, изъ которыхъ въ одной было отъ 80 до 100,000 человѣкъ; въ числѣ ихъ были не только швейцарцы и нѣмцы, но также датскіе и шведскіе наемные отряды, потому что Францискъ заключилъ союзъ съ королями этихъ странъ. Такъ какъ онъ былъ, кромѣ того, въ союзѣ и съ Турціей, то Габсбурги съ своей стороны должны были выставить въ поле нѣсколько сильныхъ армій. Генрихъ VIII англійскій тоже вооружался, спросъ на деньги во всѣхъ углахъ Европы былъ громадный. Банкиры, снабжавшіе обыкновенно королей деньгами, требовали невѣроятныхъ %. Тогда впервые ліонскому намѣстнику, кардиналу Турнонъ (Tournon), пришла въ голову мысль—вмѣсто отдѣльныхъ банкировъ, обратиться за деньгами къ биржѣ; кардиналъ разсчитывалъ, что если бы въ Ліонѣ былъ правительственный банкъ, принимающій деньги отъ всѣхъ желающихъ, то такой банкъ нашелъ бы сколько угодно капиталовъ за 8% годовыхъ—по тогдашнему вовсе не высокій процентъ—и всѣ эти капиталы были бы въ распоряженіи короля. Мы не знаемъ результатовъ этой первой попытки. Но тринадцать лѣтъ спустя—въ 1555 г. французское правительство устроило первый заемъ на новыхъ началахъ,—подъ именемъ „Grand parti", надѣлавшій страшнаго шума въ тогдашней Европѣ. Если не считать Флоренцію, опередившую остальную Европу на 100 лѣтъ, это былъ первый извѣстный намъ „заемъ по подпискѣ",—такъ хорошо знакомый финансовой Европѣ теперь. „Всѣ бѣжали, спѣша помѣстить свои деньги въ Grand parti", пишетъ одинъ современникъ, „даже слуги несли свои сбереженія. Женщины продавали свои украшенія, вдовы свои (городскія) ренты, чтобы только получить долю въ займѣ. Словомъ, всѣ бѣжали, какъ на пожаръ". „Не только богатые швейцарскіе патриціи и нѣмецкіе

Новыя формы кредита.

князья приняли здѣсь участіе“, говорить другой, „но даже турецкіе паши и купцы изъ Турціи записались, па имя своихъ повѣренныхъ, болѣе чѣмъ на 500.000 экю“. Нужно прибавить, что и въ смыслѣ финансовой техники Grand parti представляло новый шагъ впередъ: это былъ первый въ Европѣ заемъ съ правильно организованнымъ погашеніемъ.

Ліонскій заемъ 1555 года отмѣчаетъ собою фактъ громадной исторической важности: *образованіе европейскаго денежнаго рынка*. Ростовой капиталъ, вслѣдъ за торговымъ, взломалъ хрупкія стѣнки городского хозяйства и начиналъ уже переливаться черезъ гораздо болѣе прочныя и высокія національныя границы. Средневѣковая финансовая Европа съ ея „ростовщиками“ и „мѣнялами“ умирала, уступая мѣсто общественному кредиту, и опальный средневѣковой „вексель“ смѣнялся солидной, закономъ обезпеченной, процентной бумагой. Облигаціи Grand parti принадлежали уже, несомнѣнно, къ этому послѣднему типу. Для насъ, привыкшихъ къ повседневной продажѣ и покупкѣ цѣнныхъ бумагъ, наравнѣ со всякимъ другимъ товаромъ, очень странною кажется та формалистика, какою обставлялся переходъ изъ рукъ въ руки ихъ родоначальницъ XVI вѣка. Облигаціи французскихъ займовъ передавались не иначе, какъ черезъ натаріуса, въ присутствіи свидѣтелей. Тяжелой, неудобопонятной дѣловой прозой того времени писался длиннѣйшій протоколъ, куда включался, между прочимъ, весь текстъ облигаціи; передача, кромѣ того, еще отмѣчалась на ея оборотѣ. Только по соблюденіи всѣхъ этихъ формальностей покупатель могъ вступить въ обладаніе „королевскимъ письмомъ“.

Антверпенъ.

Одновременно съ реформой въ пространствѣ, — образованіемъ надъ отдѣльными городскими рынками объединяющаго ихъ рынка, общаго для всей страны или даже для нѣсколькихъ странъ,— параллельно съ этимъ происходило то, что можно назвать реформой во времени: сліяніе временныхъ рынковъ - ярмарокъ въ одинъ непрерывный рынокъ—биржу. Постоянный рынокъ и ярмарка взаимно исключаютъ другъ друга: гдѣ торгъ идетъ всегда, тамъ не нужно ярмарки; гдѣ бываютъ ярмарки, тамъ, очевидно, нѣтъ постояннаго торга. Упраздненіе ярмарочнаго характера торговли— такой же явный признакъ созрѣванія новаго экономическаго строя, какъ и облигаціи Grand parti. Типичнымъ показателемъ этой стороны переворота служитъ Антверпенская биржа. Она почти ровесница Ліонской: расцвѣтъ Антверпена и упадокъ Брюгге, прежде главнаго коммерческаго центра Нидерландовъ, относится къ тѣмъ же 60-мъ

годамъ XV вѣка. Но здѣсь гораздо больше дѣйствовали естественныя, географическія причины, нежели государственная власть. Антверпенъ былъ открытою дверью на Атлантическій океанъ, послѣ открытій испанцевъ и португальцевъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтавшій все больше значенія. Затѣмъ, ему много помогло то, что это былъ новый городъ. Въ торговыхъ привилегіяхъ нюрнбергскихъ купцовъ Антверпенъ упоминается въ первый разъ въ 1433 г.; испанцы, а также итальянцы—флорентинцы и генуэзцы, появляются здѣсь лишь въ самомъ концѣ столѣтія или въ началѣ слѣдующаго. А уже въ 1564 г. одна англійская записка говоритъ, что антверпенцы „съѣли торговлю" всѣхъ другихъ городовъ—и въ это время Антверпенъ былъ уже главнымъ портомъ европейскаго континента. Благодаря его молодости, въ немъ очень легко утвердилась полная свобода торговли — туго дававшаяся старымъ коммерческимъ центрамъ средневѣковья. Маклерство, посредничество между купцами всюду было монополіей въ рукахъ привилегированной корпораціи—въ Анверпенѣ оно было совершенно свободно. Банковое дѣло вездѣ было въ рукахъ присяжныхъ мѣнялъ—тоже монополистовъ; въ Антверпенѣ имъ могъ заниматься каждый гражданинъ. Ни о какихъ стѣсненіяхъ иностранныхъ купцовъ (см. очеркъ 2-й „Городское хозяйство") здѣсь не было и помину. Уже въ 1484 г. обитатели стараго, почтеннаго Брюгге съ ужасомъ говорили, что въ Антверпенѣ торгуютъ круглый годъ, не обращая вниманія на ярмарочные сроки, а еще черезъ 2 года узнали, что тамъ для такой необычной торговли и рынокъ новый построенъ, и съ англичанами договоръ заключенъ. Англійскія сукна, наравнѣ съ пряностями, привозившимися португальцами по вновь открытому морскому пути, составляли главную массу товаровъ: эти двѣ статьи — послѣдняя вполнѣ—были въ рукахъ антверпенцевъ, черезъ которыхъ получала ихъ остальная Европа. Развитіе торговли повело къ ея техническому упрощенію: на антверпенскомъ рынкѣ впервые утвердился обычай продажи и покупки по образцамъ, не осматривая товара въ натурѣ: способъ, свидѣтельствующій о такомъ развитіи коммерческаго довѣрія, какое показалось бы совершенно немыслимымъ заурядному средневѣковому торговцу. Само собою разумѣется, что денежное дѣло здѣсь расширялось параллельно товарному обороту,—какъ это было въ Женевѣ и въ Ліонѣ: постройка биржи, служившей, главнымъ образомъ, для операцій съ денежными фондами (1531 г.), была завершеніемъ всѣхъ антверпенскихъ новшествъ. Слово „биржа" (bursa, отъ византійскаго βύρσα, кошелекъ) встрѣчается и

раньше въ этомъ смыслѣ: въ Брюгге такъ называлось помѣщеніе, гдѣ собирались итальянскіе купцы, преимущественно банкиры. Но только въ Антверпенѣ городское управленіе рѣшилось построить особое зданіе спеціально для такого промысла, который былъ строго запрещенъ средневѣковой моралью. „Тамъ слышались звуки всѣхъ нарѣчій вселенной, и виднѣлись костюмы всѣхъ возможныхъ націй: словомъ, это былъ маленькій міръ, куда собрались представители всѣхъ частей большого міра" — такъ описалъ одинъ тогдашній поэтъ это учрежденіе, надъ дверями котораго была надпись: „На пользу купцамъ всѣхъ націй и языковъ". Названія ярмарокъ уцѣлѣли въ торговомъ жаргонѣ Антверпена только какъ переживаніе: къ ярмарочнымъ срокамъ подгоняли сроки уплаты векселей. Никакого болѣе реальнаго значенія они не имѣли. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ поэтически воспѣтомъ зданіи новой биржи шла биржевая игра вполнѣ въ новѣйшомъ духѣ—на пониженіе и повышеніе, на разницу и т. д. Но обитатели этого „новаго" города были настолько по-старому благочестивы, что не рѣшались допускать у себя подобныя операціи иначе, какъ посовѣтовавшись предварительно съ докторами каноническаго права парижскаго университета.

Банкиры. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о размѣрахъ этого средневѣковаго капитализма и способахъ его дѣйствія: и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы встрѣчаемся на каждомъ шагу съ ростомъ „новѣйшихъ чертъ" на счетъ средневѣковыхъ. Прежде всего, какая часть общаго богатства шла въ эти кредитныя операціи? Отвѣтъ укажетъ намъ, насколько широки были эти послѣднія— какую часть общаго коммерческаго потока они захватывали. Мы можемъ приблизительно опредѣлить, во что цѣнились главнѣйшіе банкирскіе дома тогдашней Европы, и, опредѣляя это, мы увидимъ въ то же время, какъ постепенно росъ европейскій миллiонеръ. Въ половинѣ XIV в., вѣроятно, самымъ крупнымъ торговымъ домомъ въ мірѣ была флорентинская фирма Перуцци; ея состояніе достигало 147.000 флорентинскихъ лиръ, что мы можемъ вычислить довольно точно, потому что торговыя книги Перуцци сохранились. По вѣсу металла такая сумма составила бы около 147 килограммовъ (приблизительно 360 ф.) чистаго золота, т. е. около 250.000 рублей. Покупную силу этихъ денегъ для XIV в. опредѣлить не легко: но для XV мы можемъ принять, повидимому, безъ большой ошибки, что тогда во Флоренціи золото было въ 6 разъ дороже, чѣмъ теперь; въ XIV оно не могло быть дешевле, скорѣе наобо-

ротъ. Такимъ образомъ, крупнѣйшее состояніе Европы XIV столѣтія составляло около полутора милліона на наши деньги, а, можетъ быть, и нѣсколько болѣе. Въ слѣдующемъ вѣкѣ богатѣйшимъ банкирскимъ домомъ Европы были уже Медичи; ихъ цѣнили въ 500.000 флориновъ, что по подобному же расчету дало бы около 15 милліоновъ рублей теперешней покупной силы. Въ первой половинѣ XVI в. во главѣ финансоваго міра стоялъ нѣмецкій домъ Фуггеровъ: въ 1546 г. у него считали 4.700.000 гульденовъ. Это равняется приблизительно 13.000 килограммовъ чистаго золота, т. е. около 75—80 милліоновъ нашихъ рублей.

Эти цифры даютъ намъ нѣкоторое представленіе о размѣрахъ индивидуальнаго накопленія, возможнаго въ концѣ среднихъ вѣковъ. Если мы припомнимъ размѣры всего денежнаго запаса тогдашней Европы, приведенные въ началѣ этого очерка, относительная величина тогдашнихъ милліонеровъ покажется намъ нисколько не меньше современныхъ, и мы не сочтемъ преувеличеніемъ характеристики богатаго купца, какую мы читаемъ у одного писателя XVI в.: „Папа привѣтствовалъ его, какъ своего возлюбленнаго сына, кардиналы передъ нимъ вставали, императоръ и короли, князья и бароны слали къ нему своихъ пословъ...“

Синдикаты.

Но XVI вѣкъ зналъ не только крупныя индивидуальныя состоянія: онъ былъ свидѣтелемъ попытокъ концентраціи большихъ капиталовъ, преслѣдовавшей тѣ же цѣли, что сосредоточеніе капиталовъ въ наши дни: монополизацію той или другой отрасли торговли. Явленіе, извѣстное подъ именемъ синдиката (въ Европѣ) или трёста (trust, въ Америкѣ), вовсе не такая новость, какой оно кажется нѣкоторымъ новѣйшимъ экономистамъ. Всѣ пряности, послѣ открытій португальцевъ, были на откупѣ у нѣсколькихъ антверпенскихъ синдикатовъ. Торговля перцемъ и другими пряностями, раньше сосредоточивавшаяся въ рукахъ купечества большихъ портовъ Средиземнаго моря, перешла теперь въ руки Португаліи и была признана королевской регаліей. За пряностями ежегодно отправлялся цѣлый флотъ, и весь его грузъ, пока еще онъ былъ въ морѣ, оптомъ скупали у короля спеціально для этой цѣли организованныя товарищества антверпенскихъ купцовъ. Какихъ размѣровъ была вся операція, видно изъ того, напримѣръ, что синдикатъ для торговли перцемъ въ 1548 г. долженъ былъ заплатить королю 3 милліона дукатовъ. Если прибавить къ этому громадный рискъ, связанный съ подобной операціей при тогдашнемъ состояніи морского дѣла, то станетъ понятно, почему такая торговля была

не подъ силу отдѣльнымъ капиталистамъ. Синдикаты устанавливали цѣну на пряности для всей Европы, какую хотѣли, получая отъ 10 до 22% прибыли на капиталъ, а такъ какъ цѣна колоніальныхъ товаровъ, въ особенности перца, по убѣжденію тогдашнихъ купцовъ, опредѣляла цѣну на большую часть товаровъ (кромѣ туземнаго сырья), то значеніе этихъ синдикатовъ въ экономической жизни Европы было громадно.

Кромѣ подобныхъ, довольно прочныхъ союзовъ капиталистовъ, встрѣчались, какъ и теперь, и болѣе случайные и съ еще болѣе „современной“ физіономіей; таковъ былъ, прямо спекулятивный по своей задачѣ, синдикатъ, образованный въ 1498 г. Фуггерами и нѣсколькими другими нѣмецкими домами съ цѣлью забрать въ свои руки всю тирольскую и венгерскую мѣдь и вздуть искусственно цѣны на этотъ быстро дешевѣвшій металлъ. Участники обязались не продавать мѣди въ Венеціи (главный рынокъ) ниже извѣстной цѣны, но, повидимому, размѣры захваченнаго ими запаса не были настолько велики, чтобы командовать рынкомъ. Цѣны продолжали понижаться, и синдикатъ распался.

Промышленный капитализмъ.

Промышленный капиталъ былъ сыномъ торговаго и ростового: всюду въ мірѣ капиталистическаго производства капиталисты-купцы были предшественниками капиталистовъ-предпринимателей, фабрикантовъ и заводчиковъ. Россія ближе стоитъ къ этой первой ступени крупнаго хозяйства, нежели западная Европа; у насъ до сихъ поръ классъ капиталистовъ носитъ названіе „купечества“, и мы причисляемъ, напримѣръ, московскихъ фабрикантовъ къ „купцамъ“,—хотя отлично сознаемъ, что главная ихъ функція заключается вовсе не въ обмѣнѣ.

Колоніальныя предпріятія.

Одной изъ раннихъ формъ приложенія крупнаго капитала къ промышленнымъ цѣлямъ были *колоніальныя предпріятія* XV—XVI вѣковъ. Открытіе Америки и морского пути въ Индію было однимъ изъ самыхъ сильныхъ толчковъ къ новому хозяйственному строю. У этихъ торжественныхъ „открытій“, помимо парадной стороны, всѣмъ хорошо извѣстной, была еще сторона будничная, на которую не такъ часто обращаютъ вниманіе: и то, и другое отмѣчено усиленнымъ ввозомъ рабовъ въ Европу. Подвигаясь вдоль берега Африки къ мысу Доброй Надежды, португальцы заглядывали и въ тѣ африканскія страны, мимо которыхъ приходилось имъ плыть,

и интересъ былъ здѣсь не только географическій: ихъ больше всего занималъ живой товаръ, который можно было захватить на этихъ берегахъ. Уже во второй половинѣ XV в. торговля неграми была правильно организована. Функцію добыванія взяли на себя сами португальцы: на одномъ изъ острововъ Зеленаго Мыса была устроена большая сортировочная станція новаго товара; отсюда уже забирали его генуэзцы, взявшіе на себя функцію распредѣленія. Чѣмъ ближе къ новому времени, тѣмъ больше появляется черныхъ, курчавыхъ рабовъ на южно-европейскихъ рынкахъ. Совершенно подобные же результаты дало и открытіе Америки: уже черезъ два года послѣ своей первой экспедиціи великій адмиралъ отправилъ въ Европу цѣлый караванъ рабовъ, на 12 корабляхъ; это были плѣнные индѣйскіе „бунтовщики", осмѣлившіеся защищать свою родину отъ испанцевъ. Колумбъ смотрѣлъ на дѣло съ совершенно трезвой промышленной точки зрѣнія и отнюдь не считалъ своей посылки случайностью. Въ донесеніи Фердинанду и Изабеллѣ онъ отмѣчаетъ выгодную сторону своего товара, — выхваляетъ, напр., мускульную силу караибовъ, которые были въ числѣ плѣнниковъ,— и предлагаетъ завести правильную торговлю имъ. Онъ указываетъ на тотъ недостатокъ, какой ему приходится во всемъ терпѣть на островѣ Гаити: нѣтъ ни жизненныхъ припасовъ, ни скота; а потому онъ проситъ высылать ему всѣ эти предметы и предлагаетъ платить за нихъ — рабами. Чѣмъ больше ихъ прибудетъ въ Испанію, тѣмъ больше душъ спасется — принявъ христіанство; кромѣ того, король и королева съ ихъ ввоза могли бы взимать значительную таможенную пошлину.

Проектъ Колумба не осуществился, ближайшимъ образомъ потому, что королева Изабелла усомнилась въ его согласіи съ правилами христіанской нравственности. Но эта преграда, вѣроятно, впослѣдствіи была бы какъ-нибудь обойдена, если бы проектъ былъ экономически осуществимъ. Рабы не могли найти широкаго сбыта въ Испаніи потому, что она въ то время, — какъ и теперь, была страной непромышленною: и сейчасъ Испанія въ области крупнаго производства уступаетъ мѣсто даже Россіи, не говоря о большихъ промышленныхъ государствахъ Запада. Ввозъ американскихъ и африканскихъ рабовъ въ другія страны затруднялся отчасти тѣмъ, что климатическія условія средней Европы совсѣмъ для нихъ неблагопріятны, отчасти въ этихъ странахъ былъ уже достаточно развитъ туземный пролетаріатъ, и во ввозѣ рабочихъ рукъ надобности не было. Но тамъ, гдѣ не было этихъ условій,

„рабскій“ капитализмъ нашелъ роскошную почву. Уже во второй половинѣ XV вѣка капиталы португальскихъ евреевъ стали искать себѣ выхода въ промышленности: когда одинъ португальскій король изгналъ изъ Лиссабона еврейскихъ банкировъ, многіе изъ нихъ переселились на островъ св. Ѳомы (почти подъ экваторомъ у западнаго берега Африки) и завели здѣсь *сахарныя плантаціи*, на которыхъ работали тысячи негровъ-невольниковъ. На отдѣльныхъ плантаціяхъ было отъ 150 до 3.000 работниковъ,—это были, такимъ образомъ, очень крупныя предпріятія. Въ первой четверти XVI вѣка разведеніе сахарнаго тростника началось и во вновь открытыхъ испанскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ. Для характеристики производства здѣсь очень любопытно *примѣненіе машинъ*: для выдавливанія сока изъ тростника употреблялись особые вальцы, приводившіеся въ движеніе лошадьми или водяною силой. Это одно уже предполагаетъ капиталистическія предпріятія, — а вмѣстѣ съ капитализмомъ вошло сюда и рабство. Сначала къ плантаціямъ были приписаны туземцы, иногда цѣлыми селеніями, совсѣмъ такъ, какъ на иныхъ нашихъ фабрикахъ петровскаго времени. Моральнымъ оправданіемъ такой мѣры у насъ былъ государственный интересъ—испанскіе колонизаторы оправдывали себя интересами христіанской религіи: хозяева должны были научить своихъ крѣпостныхъ рабочихъ христіанскому катехизису, дабы пріуготовить ихъ къ крещенію. Катехизисъ и молитвы изучались, конечно, на испанскомъ языкѣ, непонятномъ для индѣйцевъ, которые не шутя думали, что Ave Maria обозначаетъ палку или что-нибудь въ этомъ родѣ, — ассоціація идей врядъ ли вполнѣ случайная. Немудрено, если они обнаруживали подчасъ упорство и закоснѣлость, такъ что одному добросовѣстному испанскому губернатору въ 7 мѣсяцевъ пришлось повѣсить и сжечь 84 сельскихъ старосты, отвѣчавшихъ за односельчанъ: крещеныхъ повѣсили, а некрещеныхъ сожгли.

Такое промышленное миссіонерство привело къ тому, что индѣйцы стали вымирать массами. Тогда ихъ замѣнили болѣе стойкими неграми, и на ихъ плечахъ капитализмъ въ американскихъ колоніяхъ жилъ почти до нашихъ дней. И здѣсь, какъ на островѣ св. Ѳомы, въ основу новыхъ предпріятій легъ ростовой капиталъ: первыя сахарныя плантаціи въ Бразиліи были основаны лиссабонскими банкирскими домами. Право поставлять въ эти предпріятія рабочія руки стало одной изъ самыхъ выгодныхъ монополій, которую въ XVIII в. одна страна оспаривала у другой. Статья Утрехтскаго договора, предоставившая Англіи ввозить негровъ въ

испанскую Америку, разсматривалась современниками, какъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ тріумфовъ британской коммерціи, и, разсказывая о немъ, современники-англичане доходили почти до лирическаго восторга. Торговля неграми, говоритъ одинъ изъ нихъ, „возбуждаетъ до страсти духъ коммерческой предпріимчивости, создаетъ знаменитыхъ моряковъ и приноситъ огромныя деньги". Послѣднее было, вѣроятно, вполнѣ справедливо: въ годъ, когда написаны были эти строки, одинъ Ливерпуль считалъ у себя 132 корабля, перевозившихъ человѣческій товаръ.

Горное дѣло.

Первый примѣръ капиталистической организаціи свободнаго труда въ Европѣ даетъ такая отрасль промышленности, которая по самому своему назначенію всего ближе къ торговлѣ и къ деньгамъ: добыча металловъ, серебра и мѣди. Разработка руды во многихъ мѣстностяхъ началось еще въ древности; въ средніе вѣка она продолжалась, — сначала, вѣроятно, съ меньшей интенсивностью и притомъ самымъ первобытнымъ способомъ. Право на рудныя залежи принадлежало всей сельской общинѣ, и каждый крестьянинъ имѣлъ право разрабатывать ихъ на свой страхъ и рискъ, своими собственными средствами. Рудники IX — X вѣковъ представляли собою массу маленькихъ шахтъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка и очень неглубокихъ, такъ какъ въ каждой изъ нихъ работала только одна семья,—крестьянъ-„старателей", какъ назвали бы ихъ у насъ на Уралѣ или въ Сибири. Такъ шло дѣло, пока не началось своего рода великое переселеніе народовъ, только въ обратномъ направленіи, — крестовые походы. Мы видѣли, что они сразу создали спросъ на монетный металлъ. Въ первое время они же помогали его удовлетворить; но принесенные съ Востока драгоцѣнные металлы очень скоро ушли туда обратно,—какъ только, благодаря тѣмъ же походамъ, съ этимъ Востокомъ началась правильная торговля. Чѣмъ могла заплатить Европа XIII — XIV вв. за восточныя пряности и предметы роскоши? Объ издѣліяхъ европейскихъ фабрикъ, наводняющихъ Востокъ теперь, тогда не было и помину. Грубыхъ европейскихъ фабрикатовъ того времени едва хватало для внутренняго рынка, да и они не удовлетворили бы болѣе изысканныхъ требованій стараго культурнаго Востока. Съ индійскими и египетскими купцами приходилось расплачиваться драгоцѣнными металлами,—особенно серебромъ, и тогда, какъ теперь, болѣе всего цѣннымъ на Востокѣ. Насколько важно было для восточной торговли обладаніе драгоцѣннымъ металломъ, видно изъ того, что центрами этой торговли становились города, крайне не-

удобно расположенные географически, въ родѣ Гослара въ Гарцѣ, только потому, что около нихъ были серебряные рудники. Началась усиленная разработка руды; были затронуты такія рудоносныя жилы, которыя безъ того вовсе не увидали бы свѣта, потому что лежали слишкомъ глубоко, и обработка ихъ была не подъ силу „старателямъ"; эксплуатировались даже такія мѣсторожденія, которыя заброшены теперь, по совершенной ихъ невыгодности. Старый рудокопъ-кустарь уже не удовлетворялъ новымъ требованіямъ и долженъ былъ уступить мѣсто большимъ, сложно организованнымъ предпріятіямъ. Право общинной собственности на руду быстро было подмѣнено государственною собственностью, а государственная власть поспѣшила сдѣлать съ новымъ своимъ правомъ то, что она привыкла дѣлать со многими старыми: отдала его на откупъ. Кто явился въ роли откупщика, угадать не трудно; уже одни имена, стоящія во главѣ списка новыхъ владѣльцевъ рудокопныхъ предпріятій, говорятъ достаточно краснорѣчиво. Въ Германіи мы встрѣчаемъ здѣсь Фуггеровъ, во Франціи Жака Кёра, самаго знаменитаго изъ французскихъ купцовъ XV вѣка. Руднымъ дѣломъ завладѣлъ тотъ же торговый капиталъ, который сначала и вызвалъ спросъ на руду. А прежній его хозяинъ, крестьянинъ-общинникъ, превратился въ наемнаго рабочаго. Отъ общины остались только пережитки въ горномъ правѣ нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ Гермаманіи, напримѣръ, чистый доходъ отъ рудника дѣлился иногда на большое число (до 100 и болѣе) равныхъ „кусковъ" (Kuxen отъ чешскаго Kus), каждый изъ которыхъ имѣлъ особаго хозяина: по своему историческому происхожденію, это были идеальныя доли членовъ общины, но онѣ принадлежали теперь не мѣстнымъ крестьянамъ, а совершенно посторошнимъ людямъ, иногда жившимъ за сто верстъ отъ рудника и принадлежавшимъ большею частью къ городскому классу. „Куски" продавались, какъ и всякая иная собственность, и цѣна ихъ, въ зависимости отъ богатства рудника, доходила до 1.000 талеровъ. Въ сущности это были паи крупнаго капиталистическаго предпріятія; общинное землевладѣніе, самымъ неожиданнымъ для себя образомъ, послужило основой акціонернаго товарищества.

Саксонскій горный уставъ XVI вѣка насчитываетъ болѣе десятка должностей, административныхъ и техническихъ, связанныхъ съ руднымъ дѣломъ. Въ числѣ ихъ, рядомъ со служащими по бухгалтерской части, мы находимъ и настоящихъ инженеровъ, въ современномъ смыслѣ слова, людей, орудующихъ „циркулемъ и

квадрантомъ", способныхъ проектировать очень сложныя, въ глазахъ современниковъ почти чудесныя сооруженія для выкачиванія воды изъ шахтъ, вентиляціи послѣднихъ и т. д. Шахты были такъ обширны, что рудокопамъ приходилось прибѣгать къ компасу для оріентировки; спускъ и подъемъ рабочихъ и руды производился, повидимому, при помощи машинъ, движимыхъ водяною силою или лошадьми; при работахъ примѣнялся порохъ. Появился спросъ на технически подготовленныхъ людей; до насъ дошли любопытныя проповѣди лютеранскаго пастора одного изъ горныхъ округовъ Германіи, сказанныя имъ въ 60-хъ годахъ того же вѣка. Онъ настоятельно совѣтуетъ своимъ прихожанамъ заботиться, чтобы въ школахъ наравнѣ съ Закономъ Божіимъ, находила себѣ мѣсто и математика, и умѣніе „обращаться съ трехъ-и четырехъугольниками" и техническія знанія; такой трудъ теперь можетъ высоко оплачиваться—и не однѣми деньгами: въ назиданіе своимъ слушателямъ пасторъ разсказывалъ, какъ цѣнилъ „художниковъ" и какъ вѣжливо съ ними обходился самъ императоръ Максимиліанъ. Изъ подробностей разсказа видно, что подъ „художниками" (Künstler) разумѣлись именно инженеры въ нашемъ смыслѣ слова. Первые проекты технологическихъ институтовъ были, такимъ образомъ, современниками реформаціи.

Въ средневѣковомъ цеховомъ ремесленникѣ объединились, до нѣкоторой степени, два элемента, необходимые въ промышленности,—профессіональное умѣніе и рабочія руки. Въ нашей современной крупной индустріи то и другое раздѣлилось между двумя классами работниковъ: небольшой главный штабъ руководителей предпріятія, работающихъ головой, предполагаетъ цѣлую армію простыхъ рядовыхъ рабочихъ, исполняющихъ, не разсуждая, приказанія первыхъ. Промышленная армія связана дисциплиной не хуже настоящей, военной арміи: современная фабрика не уступитъ, въ этомъ отношеніи, полку или военному кораблю. Одинъ документъ, идущій на этотъ разъ изъ Франціи, и еще столѣтіемъ старше предыдущихъ, даетъ намъ первый образчикъ такой тщательной и непреклонной регламентаціи труда массы рабочихъ. Свинцовые, серебряные и мѣдные рудники упомянутаго выше Жака Кёра послѣ его опалы были конфискованы и перешли въ казенное управленіе (въ 1455 г.). Чиновники, завѣдыванію которыхъ они были поручены, нашли полезнымъ составить письменную инструкцію для рабочаго персонала предпріятія,— на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, такъ что мы имѣемъ въ ней порядки, заведенные еще

Жакомъ Кёромъ. Мы узнаемъ изъ нея, что всѣ рабочіе рудокопы были раздѣлены на смѣны (piarde), каждая изъ которыхъ работала опредѣленное число часовъ. Въ опредѣленный часъ всѣ рабочіе соотвѣтствующей смѣны должны собраться у входа въ шахту, взять у особаго сторожа свѣчи, съ которыми они работали подъ землей, — и всѣ вмѣстѣ, по данной командѣ, спуститься въ рудникъ. Кто опаздывалъ, хотя бы на минуту, не получалъ свѣчи, не допускался въ рудникъ и наказывался вычетомъ одного дня изъ заработной платы. Смѣна, находившаяся въ шахтѣ, не смѣла тронуться съ мѣста, пока не приходила новая. Кто осмѣливался оставить работу раньше конца смѣны, наказывался, въ первый разъ, вычетомъ жалованья за день, во второй разъ, за 2 дня, въ третій, кромѣ того, штрафомъ въ 10 су. Если кто не могъ продолжать работы вслѣдствіе болѣзни или полученнаго на работѣ увѣчья, долженъ былъ предупредить объ этомъ всю смѣну и сторожа при свѣчахъ. Инструменты давались рабочему администраціей рудника, и онъ отвѣчалъ за ихъ цѣлость.

Самъ собою напрашивается вопросъ: какъ относится положеніе рабочихъ въ капиталистической промышленности среднихъ вѣковъ къ ихъ положенію въ мелкихъ мастерскихъ, гдѣ, какъ мы видѣли (очеркъ 3), тоже образовался пролетаріатъ своего рода въ лицѣ подмастерьевъ? Сравненіе выпадаетъ безусловно въ пользу крупныхъ предпріятій. Длина смѣны въ рудникахъ равнялась 6, 7, иногда даже 5 часамъ: такъ какъ рудокопы были свободны по субботамъ, когда они закупали себѣ все нужное на цѣлую недѣлю, то работа занимала у нихъ 30 — 40 часовъ къ недѣлю. Правда, работа въ шахтахъ особенно тяжела: но врядъ ли пробыть 7 часовъ въ рудникѣ было тяжеле, чѣмъ проработать 17 часовъ въ мастерской парижскаго перчаточника. Ночная работа (отъ 8 час. вечера до 3 утра) допускалась только въ видѣ очень рѣдкаго исключенія; никого нельзя было заставить проработать подъ рядъ 2 смѣны. О размѣрахъ денежной заработной платы въ Германіи у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; но тотъ фактъ, что каждый вновь открытый рудникъ привлекалъ массу народа, обѣднѣвшихъ крестьянъ и даже купцовъ, надѣявшихся здѣсь поправить свои дѣла, говоритъ въ пользу ея относительной высоты. Въ рудникахъ Ж. Кёра господствовали еще патріархальные обычаи, и рабочіе были на хозяйскихъ харчахъ; покупать съѣстные припасы на сторонѣ имъ прямо запрещалось: если судить по цифрамъ, приводимымъ инструкціей, въ этомъ не было и надобности. Здѣсь фигурируетъ почти

чистый пшеничный хлѣбъ, говядина, баранина, свинина, сыръ, яица и вино въ такихъ количествахъ, что—если только инструкція не была мертвою буквой—рабочіе должны были быть сыты. Администрація рудниковъ держала даже на свой счетъ врача и заботилась о содержаніи шахты въ удовлетворительномъ санитарномъ состояніи.

Книгопечатаніе.

Капиталистическая организація обрабатывающей промышленности, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ концѣ среднихъ вѣковъ значительно еще отставала отъ горнаго дѣла. Здѣсь приходится отмѣтить, прежде всего, одно производство, которое уже въ силу чисто техническихъ условій не могло организоваться на старый цеховой ладъ, хотя и пыталось сохранить внѣшнія формы цеха: *книгопечатаніе*. Для того, чтобы завести типографію, купить печатные станки, шрифтъ, чернила, бумагу—нуженъ былъ капиталъ очень значительный, сравнительно съ заведеніемъ швейной мастерской, напримѣръ. Мало того: типографскія произведенія не могутъ сразу найти себѣ сбытъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы тотчасъ же вернуть сдѣланныя издержки. Барышей приходится ждать, а въ это время жить самому и платить работникамъ, иные изъ которыхъ—корректора, напримѣръ,—стоятъ очень дорого сравнительно съ простыми мастеровыми. При такихъ условіяхъ мастеръ-типографщикъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ замаскированнаго капиталиста-предпринимателя. Надѣвалъ онъ на себя такую личину, конечно, не изъ удовольствія ее носить, а потому, что надѣялся извлечь изъ нея для себя выгоду. Цеховые порядки позволяли ему не платить жалованья болѣе молодымъ работникамъ, которые были на положеніи учениковъ, и „отечески" держать въ рукахъ рабочихъ постарше,—на положеніи подмастерьевъ. Выгоды капиталистическаго предпріятія соединялись, такимъ образомъ, съ тою напряженною эксплуатаціей труда, какая достижима только въ маленькой мастерской. Но типографскіе рабочіе не помѣщались въ старыя цеховыя рамки: во Франціи весь XVI в. наполненъ столкновеніями мастеровыхъ-наборщиковъ съ содержателями типографій, и послѣдствіемъ было почти полное разореніе печатнаго дѣла въ Ліонѣ — вначалѣ такъ блестяще расцвѣтшаго. Политика французскихъ мастеровъ оказалась близорукою, и барыши перешли отъ нихъ къ нѣмецкимъ типографамъ, которые, вѣроятно, были настолько же уступчивѣе, насколько ихъ рабочіе были менѣе требовательны.

Суконткачество.

Въ другихъ отрасляхъ сосредоточеніе большихъ массъ рабочихъ

въ одномъ мѣстѣ, для планомѣрной работы подъ однимъ руководствомъ, сдѣлало еще очень небольшіе успѣхи. Средневѣковая техника не ушла еще настолько далеко впередъ, чтобы детальное раздѣленіе труда—главное достоинство мануфактуры—могло быть выгодно и могло окупить съ барышомъ постройку фабричныхъ зданій, закупку въ большихъ размѣрахъ орудій производства и т. п. предварительные расходы. Всего выше, въ смыслѣ совершенства выдѣлки, стояло сукноткацкое производство. Это было одно изъ самыхъ старинныхъ производствъ, притомъ такое, гдѣ раньше, нежели въ какомъ-либо другомъ, началась работа на продажу. „Пища и одежда суть предметы первой необходимости для человѣка, служащіе для поддержанія его жизни, и играютъ соотвѣтственно важную роль въ соціальной исторіи... Но хлѣбъ можно было производить въ сравнительно незначительномъ количествѣ; онъ не могъ имѣть сбыта на отдаленномъ по времени и пространству рынкѣ. Это относилось одинаково и ко всѣмъ вообще пищевымъ продуктамъ... Съ сукномъ дѣло обстояло совершенно иначе. Будучи также предметомъ необходимости, но притомъ такимъ, который можно „сохранить“, сукно создало впервые такую отрасль производства, въ которой появилась особая группа ремесленниковъ. Среди лицъ, занятыхъ въ этой же отрасли промышленности, впервые обнаружилась сильная тенденція къ дальнѣйшей спеціализаціи. Всюду, гдѣ условія были благопріятны, особенно относительно снабженія сырымъ матеріаломъ, мануфактура эта скоро стала работать не на одинъ только мѣстный спросъ; а это послѣднее обстоятельство не только поощряло то раздѣленіе труда, преимущества котораго рано были замѣчены, но вело также къ созданію класса торговцевъ, отдѣльнаго отъ собственно производителей“ (Эшли). Можно прибавить, что, благодаря своей „сохраняемости“, сукно первое изъ всѣхъ европейскихъ фабрикатовъ стало предметомъ международной торговли: одна новгородская грамота XII в. уже знаетъ „сукно ипьское“ (Ипрское, отъ города Ypres, нѣм. Ypern, во Фландріи). Суконнымъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ занимались еще монастыри, въ ту эпоху, когда было бы напрасно искать значительныхъ капиталовъ гдѣ-либо, кромѣ церкви. Въ позднее средневѣковье это производство было едва ли не первымъ въ Европѣ по своему значенію. Его роль во Флоренціи мы уже видѣли (см. ст. „Медичи“ въ III выпускѣ). „Сила и блескъ нѣмецкаго бюргерства въ средніе вѣка обусловливались, главнымъ образомъ, шерстяною промышленностью“, говоритъ историкъ нѣмец-

каго сукноткачества (Гильдебрандъ). „На ввозѣ необходимаго для нея сырья и вывозѣ ея фабрикатовъ выросла морская сила Ганзы и міровая торговля Германіи... Исторія развитія сукноткачества больше, нежели исторія одной отрасли промышленности: это исторія хозяйственной культуры нѣмецкаго народа“. Занятые ею работники считались тысячами. Въ Бреславлѣ суконный цехъ уже въ 1333 г. выставлялъ 900 вооруженныхъ людей. Въ Кельнѣ послѣ одного возстанія было изгнано сразу 1800 ткачей. Особенно многочисленны были они въ Нидерландахъ. Въ 1350 г. въ Лувенѣ считали 4000 ткацкихъ станковъ, столько же въ Ипрѣ, 3200 въ Мехельнѣ. Въ 1326 г. 3000 ткачей были изгнаны изъ Гента за бунтъ противъ графа фландрскаго. Во 2-й половинѣ XIV в. тамъ считалось до 18000 человѣкъ, занятыхъ сукноткачествомъ, а въ Брюгге съ его округомъ даже 50000. Англія стала работать на вывозъ позже, — главнымъ образомъ подъ вліяніемъ эмигрировавшихъ туда нидерландскихъ ремесленниковъ. Въ 1354 г. она вывозила не болѣе 5000 кусковъ сукна, при вступленіи на престолъ Генриха VIII уже до 80000 кусковъ, а къ концу его царствованія болѣе 120,000. Еще въ XVII в. шерстяныя матеріи составляли $^2/_3$ всего англійскаго вывоза.

Размѣрамъ производства соотвѣтствовала и его техническая выработанность, Прежде, чемъ превратиться въ сукно, шерсть подвергалась цѣлому ряду операцій, каждая изъ которыхъ была въ рукахъ особаго класса работниковъ: сначала ее мыли, затѣмъ чесали, потомъ пряли, затѣмъ пряжа поступала къ ткачу, потомъ ее валяли, наконецъ, подстригали и красили. Прялка была сначала ручная, только въ XVI в. появился ножной приводъ; но въ сукновальнѣ уже съ XII в. примѣнялась водяная сила, — откуда ея нѣмецкое названіе „валяльной мельницы“—Walkmühle. Раздѣленіе труда шло, такимъ образомъ, рука объ руку съ введеніемъ механической силы въ производство. Главнымъ препятствіемъ къ распространенію послѣдней служили сами цехи, вѣрно предчувствовавшіе, что машина убьетъ мелкую мастерскую: всѣмъ извѣстенъ случай, какъ въ Данцигѣ по приказу городского магистрата, представлявшаго интересы цеховыхъ мастеровъ, — былъ утопленъ изобрѣтатель самоткацкаго станка, а его изобрѣтеніе уничтожено. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ въ Англіи, суконная промышленность была болѣе или менѣе свободна отъ гнета цеховой организаціи, — именно здѣсь скорѣе всего могла явиться мысль придать производству фабричный характеръ. Забота о развитіи англійскаго

Попытки суконной мануфактуры.

суконодѣлія приписывается еще Симону де-Монфору, и съ тѣхъ поръ она входила, какъ существенный составной элементъ, въ меркантилистскую политику англійскихъ королей. Фландрскіе и брабантскіе эмигранты изъ ткацкихъ округовъ встрѣтили у нихъ самый любезный пріемъ: въ первой половинѣ XIV в. рядъ королевскихъ грамотъ предоставилъ имъ право свободно заниматься своей промышленностью, независимо отъ опеки англійскихъ „гильдій". Несмотря на всѣ хлопоты, послѣднимъ удалось добиться этой опеки только въ XV в. До этихъ поръ существованіе свободной промышленности въ Англіи не одинъ разъ давало себя чувствовать. Уже въ 1339 г. нѣкій „Томасъ Бланкетъ и другіе граждане Бристоля завели инструменты для выдѣлки сукна у себя на дому, для чего *нанимали* ткачей и другихъ ремесленниковъ". За эту попытку устроить въ городѣ мануфактуру съ вольнонаемнымъ трудомъ мэръ и бэйлифы Бристоля — вѣрные друзья мастеровъ — тяжело оштрафовали Томаса и другихъ. Но король снялъ этотъ штрафъ и предписалъ оказывать Томасу и другимъ предпріимчивымъ гражданамъ, а также ихъ рабочимъ, надлежащее покровительство. Дальнѣйшая судьба бристольскихъ мануфактуръ намъ неизвѣстна; вѣроятно, дѣло не дало тѣхъ барышей, какихъ ожидалъ Бланкетъ, и прекратилось. Дальнѣйшіе случаи этого рода мы имѣемъ уже отъ XVI столѣтія: внѣшній толчекъ дѣлу дала секуляризація цѣлаго ряда монастырей Генрихомъ VIII; опустѣвшія монастырскія зданія и привлекли вниманіе предпринимателей. Въ 1542 г., по словамъ современника, всѣ помѣщенія аббатства Мэмсберійскаго принадлежали нѣкоему Стёмпу, „неимовѣрно богатому суконщику", который купилъ ихъ у короля. „Въ настоящее время", продолжаетъ тотъ же современникъ, „по всѣмъ угламъ обширныхъ монастырскихъ зданій, принадлежавшихъ аббатству, разставлены станки для тканья сукна, и этотъ Стёмпъ намѣревался устроить одну или двѣ улицы съ домами для суконщиковъ позади, на пустопорожнихъ земляхъ аббатства". Точно также въ Сайсистерѣ (Cirencester) „была выстроена очень красивая суконовальня". Около 1546 г. Стёмпъ изъ Мэмсбери вошелъ въ переговоры относительно аренды Оснейскаго аббатства, находившагося вблизи Оксфорда, за ежегодную ренту въ 18 фунтовъ; наряду съ другими условіями предполагалось, что Стёмпъ „обяжется давать работу отъ времени до времени двумъ тысячамъ человѣкъ, если найдется столько такихъ, которые будутъ исправно исполнять свою работу, постоянно занимаясь издѣліемъ суконъ". Результаты и

этихъ предпріятій намъ неизвѣстны: можно думать, что и они оказались преждевременными. Но что Стёмпъ изъ Мэмсбери не былъ единичнымъ исключеніемъ, за это ручается намъ очень любопытная англійская народная баллада XVII вѣка, герой который жилъ, вѣроятно, въ первой половинѣ предшествующаго столѣтія. Онъ былъ богатый суконщикъ,—и вотъ какъ описывается, между прочимъ, его заведеніе: „въ горницѣ, просторной и длинной, стояло двѣсти станковъ, прочныхъ и крѣпкихъ: на этихъ станкахъ—истинная правда—работали двѣсти человѣкъ, всѣ въ одну шеренгу. Возлѣ каждаго изъ нихъ сидѣло по прелестному мальчику, которые съ большимъ восторгомъ приготовляли челноки. А тутъ же, въ другомъ помѣщеніи, сто женщинъ безъ устали чесали шерсть, съ радостнымъ видомъ, и звонко распѣвали пѣсни. Въ слѣдующей комнатѣ, находившейся возлѣ, работали сто дѣвушекъ въ красныхъ юбкахъ, съ бѣлыми, какъ молоко, платками на головахъ: эти прелестныя дѣвушки, не переставая, пряли въ этой горницѣ весь день, распѣвая сладкими, какъ у соловьевъ, голосами, нѣжно-пренѣжно. Послѣ этого они вошли въ другую комнату, гдѣ увидѣли бѣдно одѣтыхъ дѣтей: всѣ они сидѣли и щипали шерсть, отбирая самую тонкую отъ грубой; всѣхъ ихъ было полтораста, дѣтей бѣдныхъ слабыхъ родителей; въ награду за свои труды каждый изъ нихъ получалъ вечеромъ по одному пенни, кромѣ того, что они выпьютъ и съѣдятъ за день, что было для этихъ бѣдныхъ людей немаловажнымъ подспорьемъ. Въ слѣдующемъ помѣщеніи онъ видитъ еще пятьдесятъ молодцовъ: это были стригали, показывавшіе здѣсь свое искусство и умѣнье. Тутъ же, возлѣ нихъ, работали еще цѣлыхъ восемьдесятъ человѣкъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ еще красильню, при которой держалъ сорокъ человѣкъ, да еще на сукновальвѣ двадцать".

Англійская мануфактура, какъ и все на свѣтѣ, имѣла свой героическій періодъ. Если вѣрить балладѣ, въ этотъ періодъ ясно уже выступала характерная черта новѣйшей фабричной индустріи: широкая эксплуатація болѣе дешевыхъ видовъ труда—дѣтскаго и женскаго. Въ то же время нельзя не отмѣтить, что автору баллады, — какъ, вѣроятно, и англійскому простонародью, которое было его публикой, — рабочіе большой мануфактуры казались веселыми и довольными: чего, навѣрное, никто не сказалъ бы о цеховыхъ подмастерьяхъ. Но не эти черты даютъ физіономію англійской промышленности XV—XVI вѣковъ: мануфактура была дѣломъ далекаго будущаго, и отдѣльныя явленія, видѣнныя нами въ этотъ

періодъ, только предсказывали такое будущее. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы крупный капиталъ не овладѣлъ ткачествомъ уже въ эти дни. Не создавъ фабрики, конецъ среднихъ вѣковъ былъ свидѣтелемъ появленія другой формы крупной промышленности—формы, не вымершей еще окончательно до сихъ поръ на западѣ и стоящей въ полномъ цвѣтѣ у насъ въ Россіи. Это была *система домашняго производства.*

Система домашнего производства.

Около половины XVI вѣка въ Англіи начинаютъ слышаться жалобы, очень странныя для начала новаго времени: жалуются на упадокъ городской жизни и запустѣніе городовъ. Сотни маленькихъ торгово-промышленныхъ центровъ, имена которыхъ такъ часто повторялись въ средніе вѣка, теряютъ, повидимому, всякое значеніе: и одновременно съ ихъ упадкомъ разоряется населявшій ихъ ремесленный людъ. „Много хорошихъ суконщиковъ", говоритъ одинъ актъ Эдуарда VI (1554 г.), „жившихъ въ Устерѣ (Worcester) и другихъ сити и городахъ и занимавшихся выдѣлкой сукна въ продолженіе 5—6 лѣтъ, при чемъ нѣкоторые взяли себѣ и жен изъ среды суконщиковъ..., были принуждены оставить свое ремесло и прекратить производство сукна къ ихъ великому обѣднѣнію и къ крайнему разоренію множества бѣднаго люда и ремесленниковъ, обыкновенно добывавшихъ себѣ пропитаніе при помощи сказанныхъ суконщиковъ". Масса мелкихъ мастерскихъ закрылась, оставивъ безъ средствъ существованія какъ ихъ хозяевъ, мастеровъ, такъ и находившій себѣ работу въ мастерскихъ мелкій людъ — подмастерьевъ: въ высшей степени характерно для оффиціальнаго документа XVI вѣка это противоположеніе первыхъ и вторыхъ, какъ двухъ особыхъ *классовъ*, при чемъ подмастерья прямо причисляются къ бѣднякамъ, тогда какъ мастера раньше ими не были, а стали такими только вслѣдствіе экономической катастрофы. Самая катастрофа находитъ себѣ ближайшее объясненіе въ другихъ актахъ сосѣднихъ годовъ: такъ, актъ 1557—8 гг. указываетъ на то, что „за послѣдніе года лица, занимающіяся дѣломъ или мастерствомъ изготовленія сукна, перестали довольствоваться тою жизнью, какою живутъ ремесленники, и тѣмъ промысломъ, на которомъ они выросли, и поселяются *въ деревняхъ* и тѣхъ городахъ, которые не принадлежатъ къ числу сити, мѣстечекъ или корпоративныхъ городовъ (т. е. такихъ, въ которыхъ были цехи), и здѣсь, занимаясь дѣломъ и становясь въ положеніе сельскихъ хозяевъ, не только скупаютъ различныя фермы и пастбища..., но и увлекаютъ за собою изъ сити и проч. всякаго рода ремесленниковъ". Эти послѣд-

ніе выходили, главнымъ образомъ, изъ рядовъ городскихъ подмастерьевъ: „ткачи и рабочіе суконщиковъ, прозанимавшись ремесломъ суконодѣла и ткача три или четыре года, бросаютъ своихъ мастеровъ и, становясь суконщиками, ведутъ дѣло на свой страхъ, безъ капитала, искусства и знанія къ великому поношенію настоящихъ суконодѣловъ“. Что у „настоящаго суконодѣла“ само собою предполагался въ это время извѣстный „капиталъ“, хотя бы и небольшой, помимо „искусства и знанія“, это опять очень характерно для цеховой промышленности поздняго средневѣковья. Но еще важнѣе для насъ другое обстоятельство: катастрофа гораздо больнѣе ударила мастеровъ, нежели тотъ „бѣдный людъ“, о которомъ такъ сожалѣетъ актъ 1554 г.; подмастерья во многихъ случаяхъ даже выигрывали, ставъ счастливыми конкуррентами своихъ прежнихъ хозяевъ, о чемъ они раньше и мечтать не смѣли. И это — признаніе самихъ мастеровъ, ибо указъ, безъ сомнѣнія, вдохновлялся ихъ петиціями: если даже считать недостаточнымъ доказательствомъ главное его содержаніе, — онъ значительно стѣснялъ изготовленіе суконъ внѣ корпоративныхъ и рыночныхъ городовъ,—то одно изъ второстепенныхъ постановленій—обязательное 7-милѣтнее ученичество, — раскрываетъ источникъ уже съ полной очевидностью. Но мастера терпѣли отъ конкурренціи не однихъ только переселившихся въ деревни подмастерьевъ, а и отъ сельскихъ ткачей-кустарей, — что мы узнаемъ изъ „Акта о ткачахъ“, изданнаго въ 1555 г. „Ни одинъ сельскій ткачъ шерстяныхъ матерій не долженъ держать болѣе двухъ станковъ или извлекать какую бы то ни было выгоду болѣе, нежели изъ двухъ станковъ“. Сельскіе ткачи не должны имѣть болѣе двухъ учениковъ.

Если мы сведемъ содержаніе приведенныхъ выше постановленій къ ихъ наиболѣе существеннымъ итогамъ, такихъ мы получимъ два: во-первыхъ, кризисъ коснулся не всей промышленности, а только исключительно цеховой; внѣцеховая, повидимому, продолжала усиленно развиваться, — настолько, что защитники цеховаго режима сочли нужнымъ принять противъ нея мѣры; во - вторыхъ, непосредственной причиной кризиса было соперничество города съ деревней, на почвѣ обработывающей промышленности,—что не совсѣмъ обычно,—и что еще болѣе необычно, побѣдительницей оказывалась деревня.

Борьба города съ деревней представляетъ однакоже въ области именно сукноткачества вовсе не единичное явленіе, свойственное только Англіи, и только эпохѣ Эдуарда VI и Маріи „Кровавой“.

Мы встрѣчаемъ его и въ другихъ мѣстахъ,—притомъ всего раньше въ странѣ, намного опередившей Англію въ обработывающей промышленности,—во Фландріи. Уже въ 1342 г. цеховые ремесленники Брюгге добились отъ фландрскаго графа такого распоряженія: „Запрещается фабриковать, стричь, красить, продавать или отдавать въ долгъ сукно на всемъ протяженіи Franc de Bruges (округа, лежавшаго внѣ городской черты). Въ тѣхъ приходахъ Franc de Bruges, въ которыхъ раньше имѣлись инструменты, станки и проч., могутъ, однако, оставить себѣ *по одному станку* и работать на немъ сукно *изъ собственной шерсти*. Это сукно можетъ служить исключительно для личнаго пользованія тѣхъ, кто его произвелъ, а также ихъ женъ, дѣтей и домашнихъ; имъ *строго воспрещается продавать сукно*". Запрещеніе продажи вскрываетъ передъ нами экономическую подкладку всего дѣла: цеховые мастера города Брюгге хлопотали не о стѣсненіи крестьянскаго домашняго ткачества: крестьяне не были ихъ покупателями, и имъ было все равно, во что тѣ одѣвались. Но сельскіе ткачи стали теперь производить для рынка, и производить въ большихъ массахъ: возникало *новое крупное производство*, грозившее цехамъ конечной гибелью, — это-то и встревожило такъ хозяевъ средневѣковой промышленности. Они „запретили" новое производство,—и успокоились, вообразивъ себѣ, будто потокъ экономическаго развитія запрудить такъ же легко, какъ какую-нибудь деревенскую рѣчонку. Но угрожающіе признаки виднѣлись уже всюду, и сорокъ лѣтъ спустя послѣ фландрскихъ мастеровъ забили въ набатъ въ центрѣ англійскаго суконоткачества, въ Норичѣ, — все противъ того же сельскаго ткача. Въ 1388 г. здѣсь былъ изданъ городскимъ управленіемъ „указъ, чтобы никто изъ гражданъ не покупалъ въ предѣлахъ городскихъ вольностей устедскихъ суконъ у *сельскихъ ткачей* иначе, какъ въ помѣщеніи, извѣстномъ подъ именемъ устедскаго рынка, подъ страхомъ уплаты 40 шиллинговъ за нарушеніе этого постановленія въ первый разъ, 4 ф.—во второй и потери своей свободы (т. е. привилегій) въ третій разъ; чтобы смотрѣть за соблюденіемъ этого указа, были выбраны особые пристава". Десять лѣтъ спустя подобное же постановленіе прошло и въ лондонскомъ муниципалитетѣ: сельскіе суконщики могли останавливаться, показывать и продавать сукно только въ особомъ рынкѣ (такъ называемомъ Blackwell Hall); продажа должна была производиться еженедѣльно отъ полудня четверга до полудня субботы; притомъ купцы, среди которыхъ упомянуты, въ частности, „чужаки", т. е. иностранцы,

не могли покупать у нихъ иначе, какъ въ этомъ зданіи и въ назначенное время; наказаніемъ за нарушеніе этихъ правилъ служила во всѣхъ случаяхъ конфискація сукна. Для надзора за ихъ соблюденіемъ городской совѣтъ въ 1405 г. уполномочилъ компанію суконщиковъ выбирать ежегодно смотрителя зданія.

Цѣлью всѣхъ этихъ мѣръ было — оградить интересы городского ремесла, но достигали онѣ совсѣмъ противоположной цѣли. Въ мелкой борьбѣ противъ конкурренціи на мѣстныхъ городскихъ рынкахъ суконные цехи изъ - за деревьевъ не видали лѣса: кажется, до наступленія своего послѣдняго часа они и не подозрѣвали, что въ образѣ скромнаго сельскаго ткача съ ними борется тотъ самый могучій торговый капиталъ, на которомъ выросло и окрѣпло само суконное ткачество. Переходъ къ деревенскому ремесленнику былъ ближайшимъ послѣдствіемъ ряда побѣдъ этого капитала, которыя, для Англіи, отмѣчаются приведенными выше цифрами вывоза суконъ. Узкій городской рынокъ имѣлъ то преимущество, что на немъ размѣры производства легко было высчитать и установить заранѣе, безъ риска большой ошибки. Весьма трудно было ожидать, чтобы мѣстный потребитель сталъ себѣ шить вдругъ по три пары платья, вмѣсто одной — и совсѣмъ было невѣроятно, чтобы онъ сталъ ходить безъ платья. Но когда на сукно образовался такой же все-европейскій рынокъ, какъ и на деньги, дѣло приняло совсѣмъ другой видъ: не только тогдашній купецъ, но и современный статистикъ не усчиталъ бы возможнаго спроса въ разныхъ углахъ Европы, среди самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій. Рынокъ потерялъ свою опредѣленность; выбрасываемые на рынокъ товары шли съ рискомъ — не найти достаточнаго числа покупателей и остаться на складѣ; если капиталистическому строю вообще, то началу крупной индустріи неизбѣжно свойственны *перепроизводство и кризисы*. Яркую картину такого кризиса даетъ намъ одно современное описаніе англійскихъ волненій 1527 года. Разрывъ Англіи съ Карломъ V закрылъ для англійской торговли всѣ области, принадлежавшія Габсбургамъ, т. е. полъ - Европы. Оптовые склады были переполнены сукномъ, которое не находило сбыта. „Когда суконщики изъ Эссекса, Кента, Уилтшира, Сэффолька и другихъ графствъ, гдѣ занимаются выдѣлкой суконъ, привезли сукна въ Blackwell Hall въ Лондонъ для продажи, какъ это они обыкновенно дѣлали, то почти вовсе не нашлось купцовъ, желающихъ купить у нихъ сукна. Суконщики, послѣ того какъ имъ не удалось продать свои товары, стали отказывать въ работѣ

своимъ прядильщикамъ, чесальщикамъ, валяльщикамъ и другимъ, которые живутъ производствомъ сукна, что вызвало сильный ропотъ въ народѣ, особенно въ Сэффолькѣ". Правительство совершенно растерялось передъ этими непривычными явленіями; кардиналъ Вольсей пытался заставить лондонскихъ купцовъ покупать сукно, предлагалъ даже ссудить ихъ казенными деньгами; члены тайнаго совѣта ѣздили по ткацкимъ округамъ и уговаривали суконщиковъ продолжать производство. Само собою разумѣется, что все это не помогло ни на минуту: кризисъ продолжался своимъ порядкомъ, и мѣстами дѣло дошло до возстанія безработныхъ.

Большой рынокъ оказался очень неустойчивымъ и требовалъ отъ производства такой эластичности, какой цехи вовсе не обладали. Цеховой мастеръ, спеціализировавшійся на изготовленіи сукна, не могъ бросить дѣла, потому что сократился спросъ на его фабрикатъ, — ему нечѣмъ было бы жить. Его положеніе было хуже даже положенія современнаго фабричнаго пролетарія во время безработицы, потому что теперешній рабочій, по большей части, можетъ себѣ найти занятіе въ другомъ производствѣ, а цеховой, кромѣ сукна, ничего дѣлать не могъ. А купцу нужно было столько сукна, сколько требуетъ въ данный моментъ рынокъ, — не больше и не меньше. Ему нуженъ былъ поставщикъ, который могъ бы сокращать, а, въ случаѣ надобности, и расширять свое производство въ очень значительныхъ размѣрахъ. Такимъ и былъ сельскій ткачъ: онъ жилъ не однимъ промышленнымъ трудомъ; у него было свое маленькое деревенское хозяйство — огородъ, кусокъ пашни, коекакой скотъ. Въ случаѣ надобности, онъ могъ впроголодь перебиться во время кризиса; падала цѣна на сукно, — ему можно было сбавить плату, тогда какъ цеховые привыкли получать одно и то же при всякихъ условіяхъ, и мѣстами имъ удалось даже оформить эту привычку законодательнымъ путемъ. Плата, какую получалъ французскій ткачъ шелковыхъ матерій отъ скупщика за каждый кусокъ, была опредѣлена закономъ: случай, который показываетъ одновременно, какъ широко была распространена уже работа для оптоваго сбыта, а не для мѣстнаго рынка, — и какъ плохо въ то же время приспособлялась французская промышленность къ новымъ условіямъ. У сельскаго ткача не могло быть такихъ претензій. Если, доведенный до крайности, онъ и бунтовалъ иногда, то невѣжественныхъ крестьянъ въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу гораздо легче было усмирить, нежели лондонскихъ „истинныхъ суконодѣловъ", которые умѣли найти дорогу къ кар-

диналу Вольсею. Развивать сельское, внѣцеховое ткачество на счетъ цехового купцу-суконщику былъ прямой расчетъ, и онъ началъ дѣлать это уже давно, пользуясь средствомъ, которое у него было всегда въ рукахъ — кредитомъ. Онъ давалъ въ долгъ сельскому ткачу, и деньги и шерсть, и инструменты,—съ лихвой вознаграждая себя впослѣдствіи на цѣнѣ фабрикатовъ. Тамъ, гдѣ прежде былъ одинъ ткачъ, выростала цѣлая деревня ткачей; въ нѣсколько десятилѣтій изъ деревень выростали цѣлые округа, — и скоро большая часть вывозимого сукна получалась уже изъ села, а не изъ города. Мѣры, которыя принимали цехи на пользу своихъ интересовъ, на самомъ дѣлѣ шли на пользу купеческому капиталу. Сосредоточивая сбытъ сельской суконной промышленности на немногихъ крупныхъ рынкахъ, цехи еще усиливали ту монополію, какой, фактически, еще раньше пользовался оптовый торговецъ. Лондонская компанія суконщиковъ уже въ XIV в. пользовалась и юридически монополіей на розничную продажу сукна въ столицѣ и ея пригородахъ: а мы видѣли, что Лондонъ былъ сдѣланъ однимъ изъ главныхъ рынковъ для сельскихъ ткачей. Правда, монополія оговорила, что оптомъ сельскіе суконщики могутъ продавать сукно всѣмъ подданнымъ короля; но это было исключеніе въ пользу другихъ купцовъ, а никакъ не „всѣхъ подданныхъ“, потому что кто же сталъ бы покупать сукно оптомъ, кромѣ купца? Когда Англія начала вывозить шерстяныя матеріи въ большомъ количествѣ, командующее положеніе заняли купцы, взявшіе въ свои руки заграничную торговлю, уже къ концу того же столѣтія составившіе огромную компанію „странствующихъ торговцевъ“ (Merchant Adventurers). „Компанія эта, — говоритъ одинъ старинный ея историкъ, — состояла изъ большого количества богатыхъ и опытныхъ купцовъ, жившихъ въ разныхъ крупныхъ сити, приморскихъ городахъ и другихъ мѣстностяхъ королевства, а именно: въ Лондонѣ, Іоркѣ, Норичѣ, Экзетерѣ, Ипсвичѣ, Ньюкэстлѣ, Гуллѣ и др. Эти люди съ давнихъ поръ сплотились и соединились въ компанію для производства торговли и для мореплаванія, торгуя сукномъ, каразеей и всѣми другими, какъ англійскими, такъ и иностранными товарами, которые можно продать въ чужихъ краяхъ“. Противъ такой концентраціи капиталовъ не могли устоять мѣстныя ремесленныя организаціи, и когда городскіе мастера-ткачи спохватились, начавъ хлопотать о полномъ запрещеніи сельскаго ткачества, дѣло было уже сдѣлано. Они сами были уже разорены въ конецъ и накануне того, чтобы попасть въ кабалу къ тѣмъ же купцамъ.

„Актъ о ткачахъ“ тщетно вооружался противъ тѣхъ, кто „скупалъ станки и отдавалъ ихъ на подержаніе за столь высокую плату, что бѣдные ремесленники не въ состояніи содержать даже самихъ себя, но говоря уже о ихъ женахъ и дѣтяхъ“. Городской ремесленникъ, подобно сельскому, долженъ былъ кредитоваться у купца: торговый капиталъ додѣлывалъ послѣднюю часть своей задачи. Онъ сводилъ теперь цехового мастера къ тому положенію, въ какое давно былъ поставленъ сельскій ткачъ-кустарь, къ положенію рабочей силы въ рукахъ крупнаго предпринимателя.

Такъ сложился, на зарѣ новой исторіи, самый первобытный и, можетъ быть, именно поэтому, самый прочный видъ капиталистической промышленности, сложился постепенно и безшумно, далеко не вызвавъ къ себѣ такого вниманія, какъ современные его зарожденію церковные споры. А между тѣмъ это была та же „Реформація“, только въ области народнаго хозяйства. Оставляя работнику-кустарю иллюзію самостоятельности, не соединяя массы рабочихъ подъ одною кровлей, не тратясь на машины и зданія — капиталъ уже управлялъ сотнями тысячъ людей, все благосостояніе которыхъ зависѣло не отъ погоды, какъ у средневѣкового земледѣльца, не отъ собственнаго труда, какъ у ремесленника ранняго средневѣковья, не отъ привилегій, завоеванныхъ вѣковой борьбой, какъ у цехового мастера средневѣковья поздняго, а исключительно отъ положенія рынка. Невольно бросается въ глаза внѣшнее сходство системы домашняго производства съ знакомою намъ системой помѣстнаго хозяйства: и тамъ, и тутъ мы встрѣчаемъ соединеніе мелкаго хозяйства съ крупною собственностью, работу сотенъ и тысячъ отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ на одного человѣка, въ первомъ случаѣ капиталиста, во второмъ — феодальнаго сеньёра. И тамъ, и здѣсь полная „патріархальность“ отношеній, т. е. полный произволъ, ограничиваемый однако на практикѣ обычаемъ, и полное безучастіе собственника къ самому процессу производства: капиталистъ-скупщикъ можетъ иногда и въ глаза не видать тѣхъ, кто на него работаетъ. Домашнее производство — своего рода капиталистическій феодализмъ, но феодализмъ совсѣмъ другой ступени экономическаго развитія: большое средневѣковое имѣніе работало только на своего барина, не заботясь о внѣшнемъ мірѣ, деревня мелкихъ производителей-кустарей трудится только для этого внѣшняго міра. Сходство лишь въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ сами работники получаютъ меньше всѣхъ.

М. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
60	18 св.	*Christi anno* debet	debet
81	8—9 сн.	Этимъ отступничествомъ Сигизмунда судьба Гуса была рѣшена.	Хотя охранная грамота, данная императоромъ Гусу, обезпечивала только личную неприкосновенность послѣдняго на пути и по прибытіи въ Констанцъ и публичное его выслушаніе передъ лицомъ собора, но не могла гарантировать благопріятнаго исхода его процесса,—тѣмъ не менѣе отступничество Сигизмунда должно было ободрить враговъ Гуса и во всякомъ случаѣ не увеличивало шансовъ на спокойное безпристрастное веденіе его дѣла на соборѣ.
90	12—14 св.	и полагаясь на грамоту императора; при этомъ онъ обратилъ глаза на Сигизмунда, и краска стыда покрыла щеки послѣдняго при встрѣчѣ со взоромъ Гуса.	и полагаясь на грамоту императора (о значеніи, какое имѣла и могла имѣть эта грамота, сказано выше); при этомъ онъ обратилъ глаза на Сигизмунда, и, какъ гласитъ преданіе, краска стыда покрыла щеки послѣдняго при встрѣчѣ со взоромъ Гуса.

Указатель статей, помѣщенныхъ во всѣхъ четырехъ выпускахъ „Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ" *).

---

*) Римская цифра означаетъ выпускъ, арабская—соотвѣтствующія страницы.

М. Смирновъ, преподаватель Московской 5-й мужской гимназіи:
Боккаччіо и Чосеръ, какъ предшественники Возрожденія, IV, 153—219.

Ѳ. Смирновъ, окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ:
1) Левъ III Исавръ и начало иконоборства, I, 302—323.
2) Андроникъ Комнинъ, II, 543—599.

М. Соколовъ, профессоръ Московскаго университета:
1) Болгарская письменность, II, 941—959.
2) Стефанъ Душанъ, III, 515—530.

М. Сперанскій, профессоръ Нѣжинскаго истор.-фил. института:
Гуситы и чешскіе братья, IV, 117—127.

Н. Тарасовъ, преподаватель Московской V гимназіи:
Средневѣковое искусство, II, 879—940.

Кн. Е. Трубецкой, профессоръ Кіевскаго университета:
Религіозно-общественный идеалъ папы Григорія VII, II, 314—359.

Н. Шамонинъ, преподаватель Московской VI гимназіи:
1) Карлъ Великій, его личность и заботы о просвѣщеніи, I. 384—412.
2) Папа Николай I, II, 275—282.
3) Подготовка перваго крестоваго похода, II, 440—456.
4) Вожди перваго крестоваго похода, II, 457—479.

Евг. Щепкинъ, профессоръ Новороссійскаго университета:
1) Феодъ и сеньёрія, II, 42—84.
2) Іерусалимское королевство, II, 480—542.
3) Рыцарство, II, 761—845.

Виталій Эйнгорнъ, преподаватель Московской I мужской гимназіи:
1) Оттонъ Великій, II, 283—313.
2) Начало книгопечатанія, IV, 279—300.

Н. Янчукъ. преподаватель VII мужской гимназіи:
Судьбы австрійскихъ славянъ, III, 431—443.

1) Магометъ и начало Ислама. Составлено по *A. Müller*. Der Islam im Morgen- und Abendland. B. I. Berlin. 1885; I, 324—350.

2) Исламъ. Составлено по *A. Müller*. Der Islam im Morgen- und Abendland. B. I, S. 184 f. I, 351—363.

3) Папа Иннокентій III. Составлено по статьѣ *В. И. Герье*, „Вѣстникъ Европы“, 1892 г., № 1—2; II, 383—409.